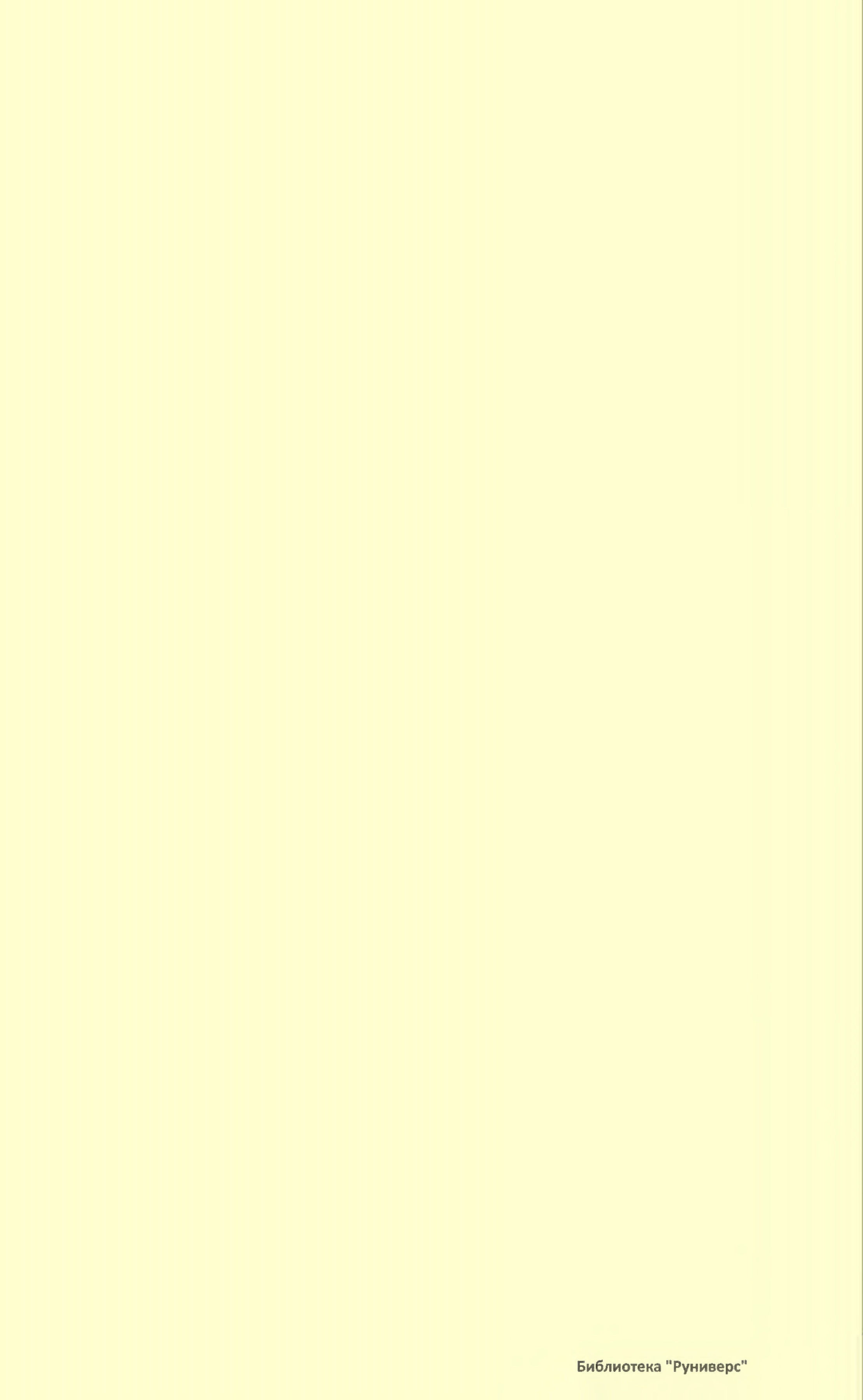


ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.



12-ое декабря

1777

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ПОЛИТИКА — ДИПЛОМАТІЯ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1877

12 декабря.



(346)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПОХА КОАЛИЦІЙ



I.

Александръ и Наполеонъ.

Какъ въ отдѣльныхъ народахъ сильныя движенія, перемѣны и борьбы служатъ мѣриломъ силъ народныхъ, крѣпости извѣстнаго государственнаго строя; какъ въ отдѣльныхъ народахъ исторія этими движеніями и борьбами провѣряетъ, постукиваетъ и выслушиваетъ, что въ народномъ организмѣ крѣпко и что слабо, гдѣ болѣзнь, отъ которой народъ можетъ или не можетъ излечиться, — такъ и въ цѣлой группѣ народовъ, которые живутъ общею жизнію, какъ народы европейскіе, подобныя движенія и борьба служатъ той же цѣли, указывая силу или слабость каждаго члена народной группы, выясняя характеръ, задачи, историческое значеніе каждаго изъ нихъ. Поэтому, изученіе такихъ великихъ движеній бываетъ въ высокой степени поучительно, и дѣятельность лицъ, стоявшихъ на первомъ планѣ во время этихъ событій, останавливаетъ особенно вниманіе историка.

Общія великія движенія въ Европѣ слѣдуютъ одно за другимъ, послѣ того, какъ политическій организмъ ея сложился; они происходятъ въ силу стремленія поддержать этотъ организмъ, равновѣсіе между органами, поддержать выработанное европейско-христіанскою жизнію начало — общую жизнь народовъ или государствъ при ихъ самостоятельности: такова была продолжительная и упорная борьба Франціи съ Габсбургскимъ домомъ, въ которой сильнѣйшія государства Европы сдерживали другъ друга. Тридцатилѣтняя война, начавшаяся подъ религіознымъ знаменемъ, кончилась также стремленіемъ сдержать усиленіе Габсбургскаго дома, что и удалось Франціи. Война за испанское наслѣдство произошла изъ того же стремленія — обезопасить Европу отъ французской гегемоніи, и увѣнчалась успѣхомъ; Семилѣтняя война имѣла цѣлію сдержать опасное усиленіе Пруссіи. Но всѣ эти

борьбы затмились въ сравненіи съ страшною борьбою, которую Европа должна была вести въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка съ завоевательными стремленіями Франціи.

Причинъ такой важности и продолжительности послѣдней борьбы, разумѣется, надобно искать на той и на другой изъ борющихся сторонъ. Со стороны Франціи сила завоевательныхъ стремленій условливалась тѣмъ, что войско и его главнокомандующій, способнѣйшій изъ генераловъ, явились на первомъ планѣ съ своими интересами. Послѣдніе дѣятели конвента покончили съ революціею, съ республикою, когда, въ борьбѣ съ реакціею, призвали на помощь войско, генерала. Но это обращеніе къ войску произошло не случайно, не было личнымъ дѣломъ, чьимъ-либо. Революція истребила всѣхъ своихъ крупныхъ дѣятелей, своихъ вождей; на ея сторонѣ не было больше способностей; но въ это самое время въ арміи увеличилось число военныхъ способностей, вслѣдствіе переворота, который далъ возможность даровитымъ людямъ быстро двигаться снизу вверхъ; война усилила эту возможность, ускорила развитіе военныхъ способностей. Такимъ образомъ, на сторонѣ войска не была одна матеріальная сила. Кромѣ того, революціонное движеніе оказалось несостоятельнымъ въ глазахъ большинства, идеалы, выставленные двигателями революціи, явились недостижимыми; нарушенія извѣстныхъ нравственныхъ интересовъ, кровавыя явленія и лишенія матеріальныя возбудили отвращеніе къ обманувшему надежды движенію, и какъ скоро революція истребила послѣднихъ своихъ сильныхъ дѣятелей, оказалась могущественною реакція. Народъ требовалъ превращенія революціоннаго движенія, требовалъ отдыха, возстановленія спокойствія, порядка, требовалъ силы, которая бы разобралась въ развалинахъ, примирила интересы, или хотя бы даже задавила борьбу между ними: эту силу можно было найти только въ войскѣ. Внутри обманъ, разочарованіе, лишенія всякаго рода, тоскливая жажда выхода изъ настоящаго положенія—безъ средствъ къ этому выходу, ибо, при недовольствѣ настоящимъ, разрывъ съ прошедшимъ былъ такъ силенъ, что возвращеніе къ прошедшему для многихъ и многихъ не было желательно и возможно; но извнѣ — необыкновенные военные успѣхи, слава побѣдъ и завоеваній; это была единственно свѣтлая сторона народной жизни; все сочувствіе славолюбиваго народа должно было обратиться къ войску и вождямъ его, и если одинъ изъ этихъ вождей станетъ выше всѣхъ способностями и успѣхами, то въ его рукахъ будетъ судьба страны. Такимъ былъ Наполеонъ Бонапартъ.

Италія давно уже высылала сыновъ своихъ, которые отдавали

свои способности и дѣятельность разнымъ государствамъ Европы. Недостатокъ государственнаго единства родной страны рано дѣлалъ ихъ космополитами, искателями приключеній, въ родѣ старинныхъ сказочныхъ богатырей, которые служили въ семи ордахъ семи королямъ, пріучая ихъ примѣняться къ различнымъ народностямъ и положеніямъ, служить многоразличнымъ интересамъ, оставаясь холодными ко всѣмъ этимъ интересамъ, кромѣ собственнаго, личнаго. Оторванность отъ родной почвы, безъ привязанности къ странѣ пріютившей, ставила ихъ въ какое-то междуличное, нейтральное, международное положеніе, вслѣдствіе чего они преимущественно посвящали себя дипломатической дѣятельности; находясь между небомъ и землею, они были очень способны создавать общіе, широкіе, смѣлые планы, въ которыхъ частнымъ соображеніямъ давалось мало мѣста: отсюда и въ ихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ съ перваго раза странна смѣсь хитрости, коварства, неразборчивости средствъ, и въ то же время—широты и величія, смѣшаннаго съ фантастичностью.

Эти черты даровитыхъ итальянцевъ, служившихъ чужимъ государствамъ, чужимъ народностямъ, черты Мазарини, Альберони, Піатоли, Люккезини и другихъ, находимъ и въ Бонапартѣ, корсиканцѣ, пріемышѣ Франціи. Космополитизмъ, присущій ему по его положенію среди чуждой народности, развился въ немъ еще сильнѣе отъ воспитанія, полученнаго во время революціи, проникнутой началомъ космополитизма, которое особенно усилилось вслѣдствіе потрясенія начала религіознаго: Бонапартъ былъ бы готовъ стать ренегатомъ и предводительствовать войсками султана. Вообще, революція если не породила, то развила многія основныя черты въ характерѣ знаменитаго корсиканца. Среди страшной ломки, крушенія стараго государственнаго зданія, онъ привыкъ безбоязненно и равнодушно вращаться среди опасностей, привыкъ къ игрѣ случая, къ возвышенію сегодня, къ паденію завтра, пріобрѣлъ магометанскую вѣру въ судьбу; привыкъ въ то же время къ развалинамъ и трупамъ, привыкъ равнодушно располагать и жизнью человѣческою, и жизнью династій и государствъ. Корсиканецъ не принесъ въ революціонную Францію никакихъ государственныхъ и общественныхъ идеаловъ и убѣжденій; онъ былъ совершенно чистъ отъ нихъ; чуждый происходившему вокругъ него, по интересамъ, боровшимся, сокрушавшимъ другъ друга, онъ привыкъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, бить, чтобъ не быть убиту, взбираться на верхъ по трупамъ, чтобъ не быть погребеннымъ подъ ними. Привычка дѣйствовать по инстинкту самосохраненія развила въ немъ хищническіе пріемы: притаиться, хитрить, плести пестрыя рѣчи для

того, чтобъ обмануть, усыпить жертву и вдругъ схватить, напасть на неприготовленныхъ; напасть врасплохъ, поразить ужасомъ—было любимымъ его пріемомъ; убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать ужасомъ (терроромъ) основано было на презрѣніи къ людямъ, какъ стаду, лишенному нравственной силы, и въ убѣжденіи этомъ онъ окрѣпъ, дѣйствуя въ послѣднія времена революціи, когда сильные люди были покошены гильотиною и поколѣніе измельчало нравственно, и Бонапартъ не находилъ нужнымъ съ нимъ церемониться; извнѣ, въ сношеніяхъ съ другими народами онъ также имѣлъ несчастіе встрѣчать постоянно людей мелкихъ нравственно, гибкихъ передъ силою, и пріучался ими къ насилію въ словѣ и дѣлѣ, и рѣдкія исключенія не могли сдерживать его, а только раздражали и заставляли еще сильнѣе высказываться печальныя стороны его характера, врожденныя и пріобрѣтенныя.

Будучи чуждъ Франціи, ея прошедшему, и очутившись при началѣ своего поприща въ революціонной Франціи, которая такъ рѣзко порвала съ своимъ прошедшимъ, постаралась вырыть такую пропасть между нимъ и своимъ настоящимъ, Бонапартъ не могъ быть Монкомъ и возстановить старую династію; окруженный развалинами и не уважая ни новыхъ людей, ни новыя учрежденія, не питая никакого сочувствія къ настоящему, какъ результату общаго труда, Бонапартъ не могъ быть и Вашингтономъ Франціи; вся обстановка вела къ тому, чтобы онъ взялъ верховную власть себѣ и явился деспотомъ. Но предстоялъ страшный вопросъ: долго ли можетъ просуществовать военный деспотизмъ во Франціи? Онъ былъ допущенъ усталымъ большинствомъ, которое требовало прежде всего и во что бы то ни стало внутренняго успокоенія, чтобъ отдохнуть, разобраться послѣ страшной бури; военный деспотизмъ былъ допущенъ по закону реакціи, но надолго ли? Французскій народъ отличался своею способностію скоро отдыхать, скоро оправляться; но, оправившись, отдохнувъ, приметъ ли онъ военный деспотизмъ, какъ необходимую, постоянную форму своего новаго правленія подъ новою династіею? Отвѣтъ естественно долженъ былъ представляться отрицательнымъ, особенно послѣ революціи, съ которою Бонапартъ долженъ былъ постоянно считаться, по крайней мѣрѣ, формально; но можно ли было ограничиться только формами? Римскіе цезари считали нужнымъ считаться съ республикою, уважать ея формы; но въ ихъ время республика съ ея формами была явленіемъ отживающимъ свой вѣкъ, чего нельзя было сказать о началахъ, провозглашенныхъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и надобно было дожидаться, что, устраненныя временно, они появятся съ новою силою и

предъявить свои права на осуществленіе. Не въ характерѣ Бонапарта была однако возможность уступки имъ; съ другой стороны, онъ не могъ не предвидѣть, что при необходимомъ столкновеніи съ ними борьба должна быть страшная и побѣда вовсе не вѣрная. Но оставался выходъ, возможность предупредить борьбу. Право Бонапарта на мѣсто, которое онъ занялъ во Франціи, основывалось на его побѣдахъ; но на чемъ основывалось оно, тѣмъ должно было и поддерживаться; какъ только пройдетъ нѣсколько продолжительное время послѣ побѣдъ, память о нихъ будетъ ослабѣвать и значеніе побѣдителя уменьшаться, какъ бы ни были полезны его внутреннія учрежденія и распоряженія; какъ скоро, благодаря либеральнымъ формамъ, которыхъ власть обойти не могла, выскажутся либеральныя начала, борьба съ ними заставитъ забыть всякую внутреннюю заслугу. Оставалось одно средство для новой, неосвященной власти сохранять вполнѣ свою силу—это постоянно отвлекать вниманіе народа отъ внутренняго къ внѣшнему, постоянно ослѣплять славолюбивый народъ военною славою, поддерживать нравственное преклоненіе предъ властію постоянными ея тріумфами; но и тутъ одной нравственной поддержки было недостаточно. Какъ для борьбы внѣшней, такъ и на случай борьбы внутренней необходимо было войско, войско вполнѣ преданное, боготворившее вождя; а эту преданность войска государь вчерашняго дня могъ поддержать только постоянными войнами и побѣдами, усиливая постоянно значеніе войска въ глазахъ народа, дѣлая войско представителемъ народа, сосредоточивая въ арміи духъ націи,—съ другой стороны, питая честолюбіе и корыстолюбіе вождей второстепенныхъ почестями и выгодами, которыя они получали послѣ каждой войны, т.-е. послѣ каждаго завоеванія. Такимъ образомъ, кромѣ основного характера своего, какъ предводителя войска, характера, отъ котораго Бонапартъ, разумѣется, не могъ никакъ отказаться, который долженствовалъ быть всегда на первомъ планѣ и требовать постояннаго удовлетворенія, по самому положенію своему, для поддержанія этого положенія онъ долженъ былъ вести постоянныя войны; слова: Наполеонъ, французская имперія, — стали для Европы синонимами постоянной войны, постоянныхъ завоеваній, постоянныхъ территоріальныхъ измѣненій, не говоря уже о томъ, что каждая война, оканчивавшаяся успѣхомъ, завоеваніемъ, порождала необходимо новую войну, усиливая обиду, увеличивая число обиженныхъ, раздраженныхъ.

Франція осуждена была на постоянныя войны, постоянныя побѣды и завоеванія, что необходимо вело ко всемірной монархіи; но основное начало европейской политической жизни со-

стояло въ недопущеніи такой монархіи. Наполеонъ долженъ былъ формально уступать этому началу; какъ республиканская Франція, вступивъ въ борьбу съ монархическою Европою, изъ завоеванныхъ ею странъ дѣлала республики, повидимому независимыя, не сливая ихъ съ собою, но только умножая число однородныхъ по формамъ государствъ, для противовѣса государствамъ съ другими формами, — такъ и Наполеонъ, перемѣнивъ правительственную форму во Франціи, ставши въ ней монархомъ, передѣлалъ эти республики въ государства съ монархическими формами, устраивая подобныя же государства и изъ дальнѣйшихъ завоеваній, государства повидимому независимыя, посажалъ на престолы ихъ своихъ родственниковъ, для своей безопасности и удобствъ, продолжая производить въ Европѣ перевороты, только династическіе. Здѣсь, повторяемъ, была уступка господствовавшему въ европейской исторіи началу; Франція и ея императоръ, повидимому, не хотѣли всемірной монархіи, отдѣльныя народности, повидимому, были обезпечены. Но это только — повидимому; уступка была только формальная; на самомъ же дѣлѣ народности, ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ, не были обезпечены отъ тяжкаго преобладанія французскаго народа; ихъ новые правители были вассалами французской имперіи, чувствовавшіе тяжелую руку своего сюзерена, при первой попыткѣ подумать объ интересахъ своихъ государствъ не въ связи съ интересами имперіи, какъ они представлялись императору французовъ. Такимъ образомъ, обманъ въ уступкѣ правамъ народностей оказывался съ самаго же начала, и опасность, грозившая повидимому только старымъ династіямъ, грозила одинаково и народностямъ, вслѣдствіе чего въ необходимой борьбѣ противъ всемірной монархіи дѣло старыхъ династій тѣсно связалось съ дѣломъ народностей.

Европа должна была бороться противъ императорской Франціи однимъ способомъ, который уже давно употреблялся въ подобныхъ случаяхъ: посредствомъ соединенія силъ остальныхъ державъ противъ державы, стремящейся къ преобладанію, посредствомъ, такъ называемой, коалиціи. Успѣхъ борьбы на сторонѣ коалиціи считался, по опыту и простотѣ разсчета, несомнѣннымъ, и если борьба была продолжительная и страшная, и долгое время Франція побѣдоносно боролась съ коалиціями, то необходимо предположить, кромѣ чрезвычайнаго напряженія силъ и особенно благопріятныхъ условій на ея сторонѣ, также упадокъ силъ и особенныя неблагопріятныя обстоятельства на сторонѣ противоположной. Мы употребили множественное число: коалиціи, и это уже самое показываетъ слабость общаго дѣйствія, перерывъ

его, недружность стремленія, что и давало возможность долгаго торжества Наполеону. Правила его политики, которая служила подспорьемъ его наступательнымъ военнымъ движеніямъ, были естественно одинаковыя съ военными правилами: быстрымъ, внезапнымъ движеніемъ не дать времени непріятельскимъ силамъ сосредоточиться, разрѣзывать враждебное войско, бить его по частямъ; въ то же время переговорами не давать государствамъ вступать въ союзы, разстроивать коалицію, разъединять интересы державъ и сокрушать ихъ силы поодиночкѣ. На сторонѣ противниковъ были условія, которыя долгое время давали ему возможность употреблять эти средства съ блестящимъ успѣхомъ.

Эти условія высказались еще въ концѣ прошлаго вѣка при борьбѣ съ революціонною Франціею. Окруженная слабыми, мелкими, разъединенными государствами, итальянскими, нѣмецкими, Швейцаріею, Франція могла быстро овладѣть ими, равно какъ и Голландіею, которой австрійскіе Нидерланды, по своей отдаленности отъ главной державы, служили плохою защитою. Препятствіе она могла встрѣтить въ восточныхъ, самыхъ сильныхъ германскихъ державахъ—старой Австріи и молодой Пруссіи, которыя должны были защищать Германію. И дѣйствительно, первая коалиція, образовавшаяся противъ революціонной Франціи, была коалиція австро-прусская. Но могла ли быть крѣпка коалиція между державами, у которыхъ вовсе еще не остыла ненависть другъ къ другу, вынесенная изъ Силезской и Семилѣтней войнъ? Каждая изъ державъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за всякимъ движеніемъ другой, не имѣетъ ли это движеніе цѣлью пріобрѣсть что-нибудь, усилиться; въ каждой изъ нихъ неудача другой возбуждала великую радость, а малѣйшій успѣхъ—тревогу и досаду. Обязанныя защищать Германію отъ французовъ, вступая поневолѣ въ коалицію, Австрія и Пруссія имѣли прежде всего въ виду не французскую войну, а наблюденіе, чтобъ одна какъ-нибудь, чего-нибудь не пріобрѣла больше, чѣмъ другая; онѣ загодя уже выговорили себѣ плату за войну, которая сама по себѣ не могла окупиться: Австрія брала себѣ Баварію взамѣнъ невыгодныхъ для нея Нидерландовъ, Пруссія — польскія области, по второму раздѣлу. Пруссія, скрѣпя сердце, соглашалась на эту сдѣлку, ибо долю Австріи считала значительнѣе своей. Коалиціи и при лучшихъ отношеніяхъ между союзниками удаются тогда, когда коалиція, ея цѣль для нихъ на первомъ планѣ, когда всѣ счеты по частнымъ интересамъ они откладываютъ до времени совершеннаго достиженія этой цѣли, когда идутъ прямо къ ней, не озираясь на стороны; понятно, что австро-прусская коалиція не удалась. Невольные союзники

перессорились изъ-за дѣлежа добычи: Австрія дѣйствовала враждебно противъ Пруссіи при второмъ раздѣлѣ Польши; Австріи не хотѣлось допустить Пруссію немедленно же пріобрѣсти польскія области, тогда какъ усиленіе Австріи чрезъ промѣнъ Бельгіи на Баварію было только еще впереди; потомъ Пруссія не хотѣла допустить Австрію къ участію въ третьемъ раздѣлѣ Польши. Коалиція представляла картину постоянной борьбы между союзниками, и, наконецъ, Пруссія заключила отдѣльный миръ съ Франціею въ Базелѣ (1795 г.), пожертвовавъ интересами Германіи, причемъ въ Берлинѣ министры высказывались такъ: «Какъ можно скорѣе и съ какими бы то ни было пожертвованіями мы должны заключить отдѣльный миръ съ Франціею. Хуже всего то, что мы точно также должны бояться побѣдъ нашихъ союзниковъ, какъ и торжества нашихъ враговъ. Каждый успѣхъ Австріи противъ французовъ есть шагъ къ нашей пагубѣ».

Австрія оставалась одна; но оставить ее одну значило отдать на жертву Франціи, упрочить торжество и преобладаніе послѣдней въ Европѣ. Обязанность воспрепятствовать этому, спасти Европу отъ французской игемоніи—падала на двѣ другія сильнѣйшія державы, Россію и Англію. Обѣ въ описываемое время очень хорошо сознавали эту обязанность, разумѣется, тѣсно соединенную съ самыми существенными ихъ интересами. Въ Англіи могли найтись люди, которые говорили: зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ дѣла континента, море спасаетъ насъ отъ опасности со стороны тамошнихъ завоевательныхъ стремленій; и въ Россіи могли найтись люди, которые говорили и теперь, и послѣ: Франція далеко отъ насъ, нападать на насъ не можетъ, изъ-за чего же мы будемъ воевать съ нею, вмѣшиваясь въ чужія дѣла? Но такой близорукій взглядъ не могъ быть раздѣляемъ государственными умами обѣихъ странъ, ибо отдаленность и не такая, какъ отдаленность Франціи отъ Россіи, не спасала народовъ отъ нашествія завоевателей, и мудрость политическая состоитъ въ предусмотрѣніи и предотвращеніи опасности въ самомъ ея зародышѣ. Въ Англіи могли радоваться смутамъ французской революціи въ ихъ началѣ; но когда волненіе, по самому положенію Франціи, по ея историческому значенію и характеру народа, быстро начало выходить изъ береговъ, грозя залить всю Европу, Англія вооружилась, и, съ ничтожнымъ перерывомъ, вела неутомимую борьбу до тѣхъ поръ, пока французскій разливъ не вошелъ въ берега. Въ Россіи, Екатерина II оканчивала свое знаменитое царствованіе съ неослабною дѣятельностію и нетускнѣющею ясностію политическаго взгляда. Екатерина поняла, что ей относительно Франціи предстоитъ тотъ же образъ дѣйствія, какой былъ

принять императрицею Елисаветою относительно Пруссіи, т.-е. установлять и поддерживать коалиціи державъ противъ напора завоевательнаго движенія. Англія, какъ держава не континентальная, по незначительности сухопутныхъ силъ, не могла принимать непосредственно важнаго участія въ борьбѣ на материкѣ Европы: она должна была стараться составлять коалиціи и поддерживать ихъ преимущественно денежною помощію; Россія, по своей отдаленности отъ Франціи, также не могла принять непосредственное участіе въ борьбѣ: она должна была составлять и поддерживать войскомъ коалицію ближайшихъ къ Франціи державъ, преимущественно Австріи и Пруссіи; при этомъ тѣсный союзъ Россіи съ Англіею подразумѣвался.

Екатерина, съ самаго начала слѣдя зорко за всѣми фазами революціи и ея разливомъ, выступленіемъ изъ границъ Франціи, считала необходимостію поддерживать австро-прусскую коалицію. Будучи занята вначалѣ ближайшими отношеніями къ Швеціи, Турціи и Польшѣ, она могла поддерживать борьбу противъ Франціи только деньгами, причемъ для превращенія внутренняго революціоннаго движенія во Франціи она считала единственнымъ средствомъ внутреннее же національное движеніе: по ея взгляду, французскіе принцы могли успѣть въ своихъ предпріятіяхъ только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствовали по примѣру Генриха IV. Отпаденіе Пруссіи отъ коалиціи, невозможность оставить одну Австрію безъ помощи, заставили Екатерину заключить союзъ съ Англіею и Австріею, причемъ Россія обязалась выставить корпусъ войскъ для поддержанія послѣдней. Но смерть Екатерины разстроила дѣло; Павелъ I не захотѣлъ продолжать его: слѣдствіемъ были разгромъ Австріи Бонапартомъ и Кампо-Формійскій миръ. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка образовалась другая коалиція: изъ Россіи, Австріи и Англіи; но отъ этой коалиціи только на долю Россіи выпала слава суворовскихъ подвиговъ. Коалиція была неполная, ибо въ ней не участвовала Пруссія; у союзниковъ не было яснаго, опредѣленнаго плана дѣйствія, не было утверждено, что всѣ частные счеты и распредѣленія должны происходить только по достиженіи общей цѣли. Россія вела войну по принципу, чему благопріятствовали ея отдаленность, ея независимость отъ преданій прошлаго и отъ непосредственныхъ отношеній къ Франціи, отъ которыхъ могли бы родиться частные интересы и счеты. Но Австрія жила преданіями, вела съ Франціею долгую борьбу, длинные счеты, и при каждомъ возобновленіи борьбы все принимало въ ея глазахъ практическій смыслъ. Въ продолженіи многихъ вѣковъ она боролась съ Франціею въ Италіи, которая, по отсутствію государ-

ственнаго единства и проистекавшей отсюда слабости, представляла свободную арену для борьбы сильныхъ сосѣдей, была «res nullius, quae cedit primo occupanti». Практическій вопросъ для Австріи постоянно состоялъ въ томъ, усилиться ли самой въ Италіи, или дать усилиться въ ней Франціи. Достиженіе цѣли, поставленной Россіею, возстановленіе престоловъ и алтарей, не вело къ рѣшенію практическаго вопроса, ибо возстановленіе мелкихъ итальянскихъ владѣній, не давая Италіи силы и самостоятельности, не прекращало на ея почвѣ борьбы между Австріею и Франціею. Практическій вопросъ рѣшался однажды навсегда объединеніемъ Италіи; но до этого еще было далеко; пока онъ рѣшался такимъ образомъ: получитъ успѣхъ въ борьбѣ Австрія—Италія или по крайней мѣрѣ преобладаніе въ ней должно принадлежать Австріи; восторжествуетъ Франція—она и должна господствовать въ Италіи. При такомъ различіи отношеній, взглядовъ и стремленій, различіи, не отстраненномъ на время сознаніемъ общей опасности и необходимости прежде всего довести до конца избавленіе отъ нея, коалиція не могла быть прочна и продолжительна, даже оставя въ сторонѣ вліяніе характера главныхъ дѣятелей. Коалиція кончилась разрывомъ, враждою, которая грозила совершенною перемѣною системы: Россія вступала въ союзъ съ Франціею и въ войну съ Англіею. Въ эту-то рѣшительную для Европы минуту въ Россіи произошла перемѣна: на престолъ вступаетъ молодой императоръ Александръ I.

Прошелъ ровно вѣкъ со вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, и ни одинъ еще государь не всходилъ на русскій престолъ при такомъ затруднительномъ положеніи европейскихъ дѣлъ, какъ Александръ I, которому предназначено было принять такое первенствующее участіе въ выводѣ Европы изъ этого положенія, такъ наглядно показать значеніе вступленія Россіи въ общую европейскую жизнь. Александръ взошелъ на престолъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Ему было 12 лѣтъ, когда началась революція во Франціи, и не исполнилось еще 19-ти лѣтъ, когда эта революція, обманувши столько надеждъ, оканчивалась, выставивъ новыя силы и отношенія и оставляя столько вопросовъ на рѣшеніе игрѣ этихъ новыхъ силъ и отношеній, и въ то же время умираетъ великая бабка, отнялась отъ Россіи сильная, искусная, опытная правительственная рука, и началось сильное колебаніе, качка, повергавшая экипажъ корабля все болѣе и болѣе въ печальное, болѣзненное состояніе. Въ это время молодой Александръ долженъ былъ принять обязанности кормчаго. Необыкновенно воспріимчивый, впечатлительный по природѣ, въ самый впечатлительный возрастъ, онъ подвергался впечатлѣнію цѣлаго

ряда явленій, небывалыхъ по своей силѣ, и когда оглушительное дѣйствіе ихъ стало прекращаться, началась эта внутренняя тряска, качка, которыя не давали покоя и возможности для сосредоточенія мыслей и чувствъ. Впечатлѣніе отъ этой качки могло бы еще ослабѣвать, если бы молодому человѣку можно было привыкнуть мысленно сосредоточиваться на важныхъ занятіяхъ, входить въ подробности дѣлъ и чрезъ это создавать подъ собою твердую почву, вращаться среди дѣйствительныхъ, близкихъ, осязаемыхъ отношеній. Но такихъ занятій онъ былъ лишенъ; онъ осужденъ былъ относиться ко всему или страдательно, или отрицательно. Событія, отдаленныя, по своей силѣ и значенію дѣйствовали могущественно, захватывали все вниманіе; явленія ближайшія шли поодаль, являлись чуждыми и мелкими. Съ конца XVIII вѣка начинается новый періодъ въ новой русской исторіи, вслѣдствіе новой постановки и осложненія европейскихъ отношеній. Съ начала XVIII вѣка и до послѣдняго его десятилѣтія отношенія Россіи къ западной Европѣ были просты и спокойны. При сравнительномъ взглядѣ на свое и чужое, въ народѣ живомъ и развивающемся являлась сильная потребность, стремленіе заимствовать какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе то, чтó являлось лучшимъ у опередившихъ насъ въ цивилизаціи народовъ, и это заимствованіе казалось легкимъ, ибо на все заимствуемое смотрѣли какъ на что-то внѣшнее, на всѣ нововведенія по чужому образцу смотрѣли какъ на переодѣваніе въ болѣе удобное и красивое платье. Это дѣлалось очень легко, безо всякой внутренней, нравственной тяжести, безо всякаго нравственнаго приниженія. Напротивъ того, русскій человѣкъ высоко поднималъ голову, чувствуя свою силу, свое превосходство. Передъ нимъ возвышался небывалый образъ историческаго дѣятеля — образъ Петра Великаго; народная гордость питалась значеніемъ европейской дѣятельности дочери Петра, удачею и блескомъ плановъ Екатерины II. Политическія отношенія къ европейскимъ народамъ, къ ихъ государственному устройству были также просты и, такъ-сказать, внѣшни; различныя политическія формы производили главное впечатлѣніе только по отношенію къ силѣ или слабости государства. Польша погибала вслѣдствіе своихъ республиканскихъ формъ; въ Швеціи боялись больше всего усиленія королевской власти, ибо это усиленіе дало бы странѣ могущество, сдѣлавъ ее опасною для сосѣдей. Но событія послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка произвели переворотъ во взглядахъ и отношеніяхъ: то, о чемъ прежде читалось только въ книгахъ и могло спокойно, на досугѣ, по выбору, съ передѣлками и ограниченіями, по волѣ власти, примѣняться къ извѣстному государственному

строю, то теперь изъ теоріи перешло въ практику въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, съ явнымъ стремленіемъ на дѣлѣ пересоздать общества на новыхъ началахъ. Вопросы внутренняго строя народовъ выдвинулись впередъ, овладѣли вниманіемъ мыслящихъ людей, стали опредѣлять симпатіи и антипатіи правительствъ и народовъ. Такое осложненіе отношеній не могло остаться безъ сильнаго вліянія на русскихъ людей, давленіе западно-европейскихъ явленій удвоилось, и для многихъ спокойное отношеніе къ нимъ исчезло и замѣнилось болѣе страстнымъ, т.-е. болѣе страдательнымъ; такимъ образомъ, отношенія русскихъ людей къ европейской цивилизаціи въ XIX вѣкѣ явились иныя, чѣмъ были въ XVIII, и поколѣніе, котораго императоръ Александръ I былъ представителемъ, стояло на границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ двухъ міровъ, и должно было выдержать первый напоръ отъ усиленнаго вліянія Запада, тамошнихъ порывистыхъ движеній впередъ и соотвѣтственно порывистыхъ отступленій назадъ или реакцій. Деспотизмъ Наполеона смѣнилъ революціонныя бури; наполеоновскій гнетъ надъ своими и чужими народами усилилъ симпатіи къ подавленнымъ этимъ гнетомъ формамъ, которыя и ожили вслѣдствіе паденія Наполеона и, въ свою очередь, начали грозить усиленнымъ развитіемъ и порождать реакціи. Не могши, по своему положенію, быть простымъ зрителемъ этихъ движеній, при сознаніи своихъ средствъ, дававшихъ возможность могущественнаго участія и рѣшенія, Александръ естественно призналъ своею задачею какъ внѣшнее, такъ и внутреннее успокоеніе народовъ, примиреніе борющихся началъ. Задача обольстительная; но была ли она легка?

Наконецъ, затруднительность положенія молодого императора увеличивалась отсутствіемъ помощниковъ въ первое, самое тяжелое время. Для народнаго утѣшенія Александръ объявилъ, что будетъ царствовать по мысли бабки своей Екатерины, и собралъ около себя оставшихся дѣятелей знаменитаго царствованія. Но это были дѣятели второстепенные, исполнители, привыкшіе ждать внушеній и по нимъ дѣйствовать; другіе же, болѣе самостоятельные люди не имѣли тѣхъ способностей, которыя даютъ силу совѣту, мнѣнію, или имѣли одностороннее направленіе, или были далеко и не хотѣли приближаться. Все это были уже старики, а государственная машина, естественно, нуждалась въ новыхъ, молодыхъ работникахъ, которые, разумѣется, вносили въ работу новыя понятія и стремленія. Явились одна подлѣ другой двѣ группы людей, имѣющихъ мало общаго другъ съ другомъ. Императоръ, по возрасту своему, естественно болѣе близкій къ молодымъ, долженъ былъ соединять старыхъ съ молодыми, и обык-

новенно соединялъ ихъ попарно въ извѣстныхъ кругахъ дѣятельности, подлѣ старика ставилъ молодого, прибиралъ ихъ по извѣстнымъ отношеніямъ другъ къ другу, чтобъ не было между ними борьбы.

Новый императоръ обѣщалъ царствовать по мысли знаменитой бабки; внѣшнія отношенія, которыя онъ получилъ въ наслѣдство, были опредѣлены вовсе не по мысли Екатерины II, и, несмотря на то, Александръ и лучшіе люди должны были сознавать, что было бы вовсе не по мысли Екатерины круто и порывисто измѣнить всѣ эти отношенія. Александръ наслѣдовалъ войну съ Англіею, вражду съ Австріею, сближеніе съ Франціею и Пруссіею и нѣкоторыя тяжелыя для Россіи обязательства относительно государствъ второстепенныхъ. Безцѣльную и, по обстоятельствамъ, больше чѣмъ безцѣльную войну съ Англіей надобно было прекратить, пока она еще не началась настоящимъ образомъ; но въ союзѣ съ Англіею и въ пожертвованіяхъ для этого союза другими отношеніями не предстояло еще нужды; по общему ходу дѣлъ, надобно было прекратить и вражду съ Австріею, но эту разгромленную Бонапартомъ Австрію нельзя было сейчасъ же сдѣлать авангардомъ новой коалиціи противъ Франціи; относительно же послѣдней нужно было естественно принять выжидательное положеніе: что будетъ съ этой республикой, которою управляетъ побѣдоносный генералъ подъ именемъ перваго консула? Чего должна ждать отъ этого генерала Европа: новыхъ ли завоевательныхъ движеній, которымъ должно противопоставить новыя коалиціи, или Бонапартъ обратится къ внутреннему устройству потрясенной революціей Франціи и этимъ дастъ возможность и другимъ державамъ разоружиться и заняться внутренними дѣлами; послѣднее казалось мало вѣроятнымъ, но во всякомъ случаѣ надобно было ждать.

Въ инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ высказаны были основанія политики императора Александра (4 іюля 1801 года). Императоръ отказывается отъ всякихъ завоевательныхъ замысловъ и увеличенія своего государства: «Если я подниму оружіе,—говоритъ онъ,—то это единственно для обороны отъ нападенія, для защиты моихъ народовъ или жертвъ честолюбія, опаснаго для спокойствія Европы. Я никогда не приму участія во внутреннихъ раздорахъ, которые будутъ волновать другія государства, и каковы бы ни были правительственныя формы, принятыя народами по общему желанію, онѣ не нарушатъ мира между этими народами и моею имперіею, если только они будутъ относиться къ ней съ одинаковымъ уваженіемъ. При восшествіи своемъ на престолъ я нашелъ себя связаннымъ поли-

тическими обязательствами, изъ которыхъ многія были въ явномъ противорѣчіи съ государственными интересами, а нѣкоторыя не соотвѣтствовали географическому положенію и взаимнымъ удобствамъ договаривающихся сторонъ. Желая однако дать слишкомъ рѣдкій примѣръ уваженія къ публичнымъ обѣщаніямъ, я наложилъ на себя тяжелую обязанность исполнить, по возможности, эти обязательства. Убѣжденный, что союзъ великихъ державъ можетъ одинъ возстановить миръ и общественный порядокъ, котораго нарушители торжествовали при пагубномъ разрывѣ этого союза, я немедленно позаботился о томъ, чтобъ обмануть ихъ надежды, заявивши вѣнскому двору искреннее желаніе забыть все прошлое. Общій планъ вознагражденій (государствамъ, пострадавшимъ отъ французскихъ завоеваній) будетъ главнымъ предметомъ моихъ переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ, и если онъ хочетъ искренно содѣйствовать моимъ благодѣтельнымъ видамъ, мы соединимъ наши усилія для того, чтобъ этотъ планъ былъ принятъ и Пруссіею. Большая часть германскихъ владѣній просятъ моей помощи. Независимость и безопасность Германіи такъ важны для будущаго мира, что я не могу пренебречь этимъ случаемъ для сохраненія за Россіею первенствующаго вліянія въ дѣлахъ имперіи. Рѣшившись продолжать переговоры, начатые съ Франціею, я руководствовался двойнымъ побужденіемъ: упрочить для моей имперіи миръ, необходимый для возстановленія порядка въ разныхъ частяхъ управленія, и въ то же время по возможности содѣйствовать ускоренію окончательнаго мира, который бы далъ Европѣ время возстановить поколебленное зданіе соціальной системы. Если первый консулъ сохраненіе и утвержденіе своей власти поставитъ въ зависимость отъ раздоровъ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что власть, основанная на неправдѣ, всегда непрочна, ибо питаетъ ненависть и даетъ законность возмущенію; если онъ позволитъ увлечь себя революціонному потоку, если наконецъ онъ ввѣритъ себя одному счастію — война можетъ продлиться, и при такомъ порядкѣ вещей уполномоченный, которому ввѣрены мои интересы во Франціи, долженъ ограничиться наблюденіемъ хода тамошняго правительства и тянуть время, пока обстоятельства болѣе благопріятныя позволятъ употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ. Но въ случаѣ, если первый консулъ окажется болѣе понимающимъ собственные интересы и болѣе чувствительнымъ къ истинной славѣ, если захочетъ излечить раны, нанесенныя революціей, и дать своей власти основаніе болѣе прочное уваженіемъ независимости правительствъ, то многія чрезвычайно вѣскія соображенія могутъ внушить ему желаніе искренняго согласія съ Россіею и заставить принять рядъ мѣръ къ воз-

становленію европейскаго равновѣсія: въ такомъ случаѣ переговоры, начатые въ Парижѣ, могутъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Въ этомъ предположеніи моему уполномоченному велѣно предложить тюльерійскому кабинету многія статьи, которыя могутъ служить основаніемъ ко всеобщему умиротворенію. Легкость, съ какою Бонапартъ принялъ бо́льшую часть изъ нихъ, не даетъ еще мнѣ достаточнаго ручательства въ томъ, что онъ раздѣляетъ мои виды. Возможно, что онъ будетъ охотнѣе содѣйствовать имъ, когда лучше узнаетъ ихъ добросовѣстность и безкорыстіе; вѣрно то, что въ царствованіе покойнаго императора консулъ имѣлъ особенно въ виду пріобрѣсть помощь моего августѣйшаго родителя противъ Великобританіи, а теперь, быть можетъ, онъ старается только выиграть время для вывѣданія моей системы, чтобы, по соображенію съ нею, распорядить и свои политическія операціи, не обращая вниманія на обязательства, заключенныя въ промежуточное время. Отъ его дальнѣйшаго поведенія будетъ зависѣть мое рѣшеніе, и необходимая осторожность не позволяетъ мнѣ ускорить этимъ рѣшеніемъ. Я поручилъ графу Моркову (русскій посолъ въ Парижѣ) дать первому консулу самыя положительныя удостовѣренія, что въ моихъ сближеніяхъ съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ не скрывается никакого враждебнаго намѣренія противъ Франціи, что ни тотъ, ни другой не предлагалъ мнѣ наступательнаго союза, и что я не буду принимать подобныхъ предложеній, если французское правительство будетъ уважать права и независимость моихъ союзниковъ.»

Это изложеніе политики новаго императора прежде всего останавливаетъ вниманіе заявленіемъ начала невмѣшательства во внутреннія движенія и установленія правительственныхъ формъ въ другихъ государствахъ; правительство Наполеона и всякое другое не могло быть помѣхою сближенію и общему дѣйствію Россіи съ Франціею, если только это французское правительство не будетъ продолжать завоевательнаго движенія; въ противномъ случаѣ Россія будетъ служить твердою стѣною, на которую обопрется всякая коалиція противъ нападчика. Коалиціи еще нѣтъ, сближеніе съ Англіею и Австріею не есть наступательный союзъ съ ними; но сближеніе превратится въ такой союзъ, если Франція начнетъ наступательное движеніе. Въ этой, повидимому, столь умѣренной и осторожной программѣ положено было начало борьбы съ наполеоновскою Франціею, могшей кончиться только паденіемъ знаменитаго корсиканца, ибо твердо и ясно было выставлено начало недопущенія преобладанія Франціи въ Европѣ.

Но эта мирная программа повела прежде всего къ ожесточенной борьбѣ между русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ

Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, и управлявшимъ иностранными дѣлами въ Петербургѣ, графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ,—къ борьбѣ, въ которой всего лучше отражаются отношенія императора Александра къ людямъ, наслѣдованнымъ имъ отъ предшествовавшихъ царствованій. Авторомъ или редакторомъ приведенной инструкціи былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, завѣдывавшій почти исключительно иностранными дѣлами, ибо другой *парный* министръ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, не принималъ участія собственно во внѣшнихъ сношеніяхъ. Панинъ былъ унаслѣдованъ Александромъ отъ павловскаго царствованія, былъ дѣятелемъ этого времени. Собственно представителемъ екатерининскаго царствованія, изъ дипломатовъ оставался графъ Морковъ, принимавшій важное участіе въ послѣднихъ его событіяхъ; но Морковъ былъ отправленъ въ Парижъ, вести переговоры съ первымъ консуломъ и наблюдать за нимъ. Были еще два старыхъ дипломата, братья Воронцовы, графъ Александръ и графъ Семенъ Романовичи; по времени своего служенія оба они всецѣло принадлежали екатерининскому царствованію; но въ дѣйствительности не были и не хотѣли быть его представителями по фамильнымъ отношеніямъ. Родные племянники елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Иларіоновича Воронцова, они всѣми своими лучшими воспоминаніями и самыми сильными привязанностями принадлежали царствованію знаменитой «дщери Петровой»; будучи родными братьями Елисаветы Романовны Воронцовой, они не раздѣляли симпатій и антипатій другой своей сестры, Екатерины Романовны (Дашковой), и враждебно встрѣтили переворотъ 28 іюня. Екатерина II, не умѣвшая удалять отъ службы способныхъ людей, не удалила отъ нея и Воронцовыхъ, но не могла питать къ нимъ и особеннаго расположенія; они никогда не могли надѣяться на приближеніе, чувствовали себя постоянно въ почетной опалѣ и потому постоянно находились въ оппозиціи главнымъ силамъ и ихъ дѣятельности. Никита Ивановичъ Панинъ, замѣнившій канцлера Воронцова (графа Михаила Иларіоновича) въ управленіи иностранными дѣлами, не терпѣлъ Воронцовыхъ и заставилъ графа Александра Романовича покинуть дипломатическое поприще, и этимъ создалъ себѣ и своей политической системѣ непримиримыхъ враговъ въ графѣ Александрѣ и братѣ его Семенѣ, которые по тѣсной дружбѣ составляли одного человѣка, такъ что графъ Семенъ, перемѣнившій впослѣдствіи военное поприще на дипломатическое, въ перепискѣ своей не щадилъ выходокъ противъ Панина и его управленія, видѣлъ однѣ ошибки въ его политической системѣ, въ прусскомъ союзѣ и его слѣдствіяхъ. Графъ Александръ,

перешедши къ дѣламъ внутренняго управленія, съ почетомъ занималъ важныя должности, былъ сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, но стоялъ въ отдаленіи собственно отъ двора, и кліенты Потемкина считали его вліятельнымъ членомъ кружка, враждебнаго ихъ патрону; послѣднее время царствованія Екатерины и все царствованіе Павла онъ провелъ вдали отъ дѣлъ. Выше его по способностямъ былъ графъ Семенъ, занимавшій съ 1785 года постъ русскаго министра при лондонскомъ дворѣ до самой кончины Екатерины. Осыпанный сначала милостями при Павлѣ, онъ вдругъ подвергся опалѣ, былъ отставленъ, имѣніе его конфисковано; Александръ, по восшествіи на престолъ, поспѣшилъ отнестись къ обоимъ Воронцовымъ съ особенною ласкою и уваженіемъ; графъ Семенъ возстановленъ былъ на прежнемъ любимомъ мѣстѣ, графъ Александръ сдѣланъ членомъ совѣта. Графъ Семенъ, оставаясь горячимъ патріотомъ, съ участіемъ слѣдя за всѣмъ, что̀ дѣлалось въ Россіи, не могъ однако не подвергнуться вліянію долгаго пребыванія внѣ Россіи и въ странѣ, которая ему, по разнымъ причинамъ, очень нравилась, приходилась вполнѣ по его природѣ, неспособной гнуться предъ людьми и обстоятельствами, по стремленію къ независимости. Министръ, которому не очень по душѣ та страна, въ которой онъ служитъ представителемъ своего государства, спокойнѣе, безпристрастнѣе смотритъ на отношенія къ ней своего отечества, легко мирится и съ мыслію о возможности охлажденія между ними, и съ мыслію о возможности покинуть свой постъ; но министръ, которому очень нравится въ странѣ, гдѣ онъ пребываетъ, боится столкновенія между нею и своимъ отечествомъ, какъ имѣющаго нарушить его привычныя отношенія и связи, столь дорогія ему, боится мысли быть принужденнымъ совершенно порвать ихъ и удалиться изъ любимой среды. Упрекъ, который дѣлали графу Семену въ его пристрастіи къ Англіи, нельзя назвать неосновательнымъ; доказательствомъ служило его неудовольствіе на постановленія вооруженнаго нейтралитета, который естественно и необходимо вытекалъ изъ національной русской политики, былъ на морѣ такимъ же дѣйствіемъ, какимъ на сушѣ участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ и борьба ея съ Наполеономъ. Но съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка положеніе графа Семена было чрезвычайно выгодно, потому что по необходимости борьбы съ Франціею тѣсное сближеніе Россіи съ Англіею стояло на очереди, должно было требоваться государственными людьми какъ необходимость.

Графъ Семенъ Воронцовъ сначала былъ хорошо расположенъ къ графу Н. П. Панину: это расположеніе Панинъ умѣлъ заискать уваженіемъ, довѣренностію, которыя выражались въ его

письмахъ къ Воронцову. Но графъ Александръ Воронцовъ написалъ брату очень дурной отзывъ о характерѣ представителя непріятной фамиліи, и этого было довольно, чтобъ перемѣнить отношенія графа Семена къ Панину: съ одной стороны, неограниченное довѣріе къ брату, — съ другой, невольное раздраженіе старика, принужденнаго находиться въ извѣстномъ подчиненіи у молодого человѣка, раздраженіе, которое обыкновенно ищетъ только предлога, оправданія, чтобъ выразиться. Панинъ, еще въ царствованіе императора Павла, имѣлъ неосторожность высказать, въ одномъ изъ писемъ къ графу Семену, основанія своей политической системы: эта система состояла въ союзѣ съ Англіею, Пруссіею и Портой Оттоманскою. «По моимъ принципамъ, — писалъ Панинъ,—надобно обуздывать честолюбіе Австріи политикою Екатерины II-й, и сдерживать Швецію союзомъ съ Турціей». Но эта политика очень напоминала политику дяди Панина, знаменитаго Никиты Ивановича, вслѣдствіе чего племянникъ, въ глазахъ Воронцовыхъ, явился такимъ же пруссакомъ, какъ и дядя, — а этого наслѣдственнаго грѣха простить ему было нельзя, особенно, когда приверженецъ прусскаго союза не употреблялъ всѣхъ своихъ усилій для удовлетворенія требованіямъ Англіи, необходимаго—по мнѣнію приверженца англійскаго союза. Такъ, графу Моркову поручено было, между прочимъ, предложить Бонапарту посредничество Россіи въ примиреніи Франціи съ Турціею. Въ Англіи сильно встревожились, потому что боялись вліянія Франціи въ Константинополѣ. Самъ король счелъ нужнымъ переговорить объ этомъ съ Воронцовымъ: «Императоръ Павелъ,—говорилъ Георгъ III,— во время самой сильной ненависти противъ насъ, сдѣлалъ это предложеніе Бонапарту, зная, что миръ между этимъ консуломъ и Портой будетъ чрезвычайно вреденъ и враждебенъ для Великобританіи; а нынѣшній императоръ, другъ Великобританіи, дѣлаетъ Франціи то же предложеніе, какое императоръ, его отецъ, сдѣлалъ по ненависти. Положимъ, что императоръ Александръ также питаетъ нерасположеніе къ Англіи, что́, впрочемъ, кажется невозможнымъ, но зачѣмъ же онъ хочетъ принести въ жертву и Турцію; ибо какую безопасность этимъ миромъ она пріобрѣтетъ противъ интригъ Франціи, для которой нѣтъ ничего священнаго? Франція снова поведетъ выгодную торговлю съ Левантомъ, которая дастъ ей средства продолжать войну съ нами. Она заведетъ консула, вице-консула и другихъ агентовъ по всѣмъ областямъ Турціи, гдѣ они сдѣлаютъ то же, что́ ихъ товарищи сдѣлали въ Швейцаріи: станутъ революціонировать грековъ, и меньше чѣмъ въ три года Европейская Турція представитъ сцены болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, которыя опозорили человѣчество во Франціи въ

первые годы ея проклятой революціи. Я предоставляю его величеству императору обсудить: справедливо ли и выгодно ли для его имперіи подвергать пожару сосѣдку Турцію. Революція, начавшись въ Эпирѣ, Македоніи, Босніи, Болгаріи, перейдетъ въ Молдавію и Валахію, и явится на границахъ русской имперіи. Но прежде всего Порта очутится въ неловкихъ отношеніяхъ къ Англіи, которыя необходимо поведутъ къ войнѣ. Эта война ускоритъ гибель Турціи, ибо Франція, подъ предлогомъ сохраненія для Порты странъ, подверженныхъ нападенію англійскихъ эскадръ, введетъ туда французскіе гарнизоны, которыхъ уже больше не выведетъ и которые сдѣлаются центромъ для революціонированія жителей. Такимъ образомъ, если его величество императоръ желаетъ охранить Турцію, которая вовсе для него не опасна, то онъ долженъ не совѣтовать ей заключенія отдѣльнаго мира съ Франціей, но внушать ей, чтобы она не отставала отъ Великобританіи, которая никогда не покидаетъ своихъ союзниковъ и не постановитъ мира съ Франціею, не включивъ въ него Порты».

Но въ Петербургѣ никакъ не трогались объясненіями его великобританскаго величества, что̀ сильно безпокоило и раздражало Воронцова, дѣлая неловкимъ его положеніе въ Англіи, гдѣ имѣли право думать, что онъ или не хочетъ настаивать при своемъ дворѣ на удовлетворенія англійскимъ требованіямъ, или не можетъ этого сдѣлать, не имѣетъ достаточно вліянія. Въ этомъ раздраженіи Воронцовъ обрушивается на Панина: онъ всему виною, чрезъ него одного императоръ ведетъ иностранныя дѣла, съ нимъ однимъ совѣтуется;—другое дѣло, еслибъ иностранныя дѣла проходили чрезъ совѣтъ: тамъ братъ Александръ и его единомышленники. Въ это время сильнаго раздраженія приходитъ циркулярная инструкція. Ее написалъ Панинъ, мальчикъ, которому было 13-ть лѣтъ, когда Воронцовъ оставилъ Россію, а теперь этотъ мальчикъ пишетъ наставленія, и какія наставленія! Инструкція представляла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темноту, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ противорѣчіе, представляла нѣкоторыя неудачныя выраженія. Воронцовъ рѣшился воспользоваться всѣмъ этимъ, разгромить инструкцію, и сдѣлать это въ письмѣ къ самому императору. Основныя положенія Воронцова были: иностранныя дѣла должны обсуждаться въ совѣтѣ предъ государемъ, а не поручаться одному лицу; этимъ довѣреннымъ лицомъ никакъ не можетъ быть Панинъ. Громя инструкцію, Воронцовъ давалъ видъ, что приписываетъ ее одному Панину, выдѣляя совершенно императора, что̀ для послѣдняго могло быть не менѣе оскорбительно. Но Воронцовъ сослался на письмо Александра, гдѣ тотъ писалъ ему: «Я долженъ васъ благодарить за то, что

вы сочли меня достойнымъ внимать истинѣ. Жду отъ вашей вѣрности и отъ вашего патріотизма, что вы будете продолжать говорить мнѣ съ тою же прямотою».

Александръ не отрекся отъ этихъ требованій своихъ; онъ благодарилъ Воронцова за откровенность, съ какою написано его письмо, повторялъ, что требуетъ отъ каждаго правды, и въ доказательство, съ какимъ удовольствіемъ будетъ онъ принимать все, чтó напишетъ ему человѣкъ такихъ лѣтъ, такой опытности и такихъ заслугъ, какъ Воронцовъ, императоръ вошелъ въ объясненія по поводу его письма. Онъ призналъ пользу обсужденія иностранныхъ дѣлъ въ совѣтѣ, и высказывалъ надежду, что впослѣдствіи будетъ возможность вносить въ совѣтъ дѣла наиболѣе важныя, но до сихъ поръ онъ не могъ этого сдѣлать, долженъ былъ ограничиться работою въ кабинетѣ съ каждымъ изъ министровъ отдѣльно, потому что уже нашелъ такой порядокъ установленнымъ и не хотѣлъ измѣнять его, не пріобрѣтя прежде извѣстной опытности и извѣстнаго спокойствія, которыя могли бы дать средства подумать о перемѣнѣ полезной. Александръ признавалъ всю справедливость замѣчаній Воронцова на счетъ пользы сближенія съ Англіею; но замѣчалъ въ свою очередь, что нельзя было вдругъ въ пользу Англіи отказаться отъ началъ вооруженнаго нейтралитета, пожертвовать выгодами сѣверныхъ державъ, Швеціи и Даніи, которыя Россіею же были привлечены къ союзу противъ Англіи, и нельзя было вдругъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Англіи: это значило бы обнаружить страхъ предъ ея флотомъ, который находился въ Балтійскомъ морѣ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Англіи императора Павла. «Но теперь,—писалъ Александръ,—когда опытность освоила меня съ этими предметами, и затрудненія, встрѣченныя мною при восшествіи на престолъ, начинаютъ ослабѣвать; конечно, я не смѣшаю интересовъ Россіи съ интересами сѣверныхъ державъ. Я особенно постараюсь слѣдовать національной системѣ, т.-е. системѣ, основанной на выгодахъ государства, а не на пристрастіяхъ къ той или другой державѣ, какъ это часто случалось. Я буду хорошъ съ Франціею, если сочту это полезнымъ для Россіи, точно такъ, какъ теперь эта самая польза заставляетъ меня поддерживать дружбу съ Великобританіею». Наконецъ, императоръ счелъ нужнымъ упомянуть и о мнѣніи англійскаго короля относительно примиренія Турціи съ Франціею, потому что Воронцовъ сильно настаивалъ на справедливости этого мнѣнія и требовалъ его принятія. Александръ объявилъ, что онъ не признаетъ его основательнымъ. Россія не могла отказать Портѣ въ посредничествѣ для примиренія ея съ Франціею, тѣмъ болѣе, что въ

случаѣ отказа Порта обошлась бы и безъ русскаго посредства, обратившись прямо къ французскому правительству; кромѣ того, отказъ возбудилъ бы въ туркахъ подозрѣніе относительно видовъ Россіи, тогда какъ слѣдуетъ сохранять ихъ довѣріе. Наконецъ, принятіе посредничества необходимо слѣдуетъ изъ искренняго желанія императора видѣть установленіе всеобщаго спокойствія; Россія точно также предложила свое посредничество и Англіи для примиренія ея съ Франціею.

Спокойный тонъ, который господствовалъ въ письмѣ государя, въ сравненіи съ раздражительностію и страстностію, отличавшими письмо подданнаго, придавалъ письму Александра особенное величіе, и объясненіямъ императора—особенную вѣскость. Воронцовъ не могъ не почувствовать всей силы урока, который данъ былъ ему, старику, очень молодымъ государемъ, несмотря на всѣ увѣренія послѣдняго въ своемъ уваженіи и довѣріи къ лѣтамъ и опытности заслуженнаго вельможи. Особенно урокъ былъ силенъ въ пунктѣ о національной политикѣ, которая исключаетъ пристрастіе къ той или другой державѣ. Воронцовъ долженъ былъ увидать, что, преслѣдуя Панина, встрѣтился съ борцомъ болѣе сильнымъ, и что сущность инструкціи принадлежала не Панину, а самому Александру, готовому защищать ее. Что же касается графа Панина, то императоръ въ этомъ же письмѣ объявлялъ Воронцову, что молодой министръ самъ удалился отъ дѣлъ, недовольный, какъ говорили, тѣмъ, что императоръ недостаточно наградилъ его въ день коронаціи, и тѣмъ, что по поводу жалобы, поданной на него княземъ Куракинымъ, императоръ взялъ сторону послѣдняго. Но торжество Воронцовыхъ зависѣло не отъ удаленія Панина, а оттого, что *національный интересъ* дѣлалъ невозможнымъ сближеніе съ Франціею и Пруссіею, а требовалъ сближенія съ Англіею и Австріею. Вполнѣ соотвѣтственно этому требованію въ челѣ управленія иностранными дѣлами явился графъ Александръ Воронцовъ, составлявшій по своимъ убѣжденіямъ одно существо съ братомъ. Помощникомъ старику Воронцову былъ приданъ другъ молодости императора, польскій князь Адамъ Чарторыйскій. Чарторыйскій нравился обоимъ Воронцовымъ: онъ, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ ихъ взгляды, не могъ быть приверженцемъ прусской системы Паниныхъ, которая повела къ раздѣлу Польши; какой же былъ собственный взглядъ Чарторыйскаго,—о томъ онъ Воронцовымъ не говорилъ.

II.

Первый разрывъ съ Наполеономъ.

Въ началѣ XIX-го вѣка Европа представляла удивительное на первый взглядъ явленіе, бывшее результатомъ всей ея исторіи. Два крайнія государства ея на континентѣ, Россія и Франція, неимѣвшія, повидимому, никакихъ точекъ соприкосновенія, стояли другъ передъ другомъ, готовыя къ борьбѣ. Что противъ Франціи на первомъ планѣ стояла Россія, это самое показывало уже, что дѣло идетъ не о частномъ какомъ-нибудь интересѣ. Отъ Франціи шло наступательное, завоевательное движеніе, въ ея челѣ стоялъ первый полководецъ времени, задачею котораго было ссорить, разъединять, бить поодиночкѣ, поражать страхомъ, внезапностію нападенія, силою притягивать къ себѣ чужіе народы. Отъ Россіи, наоборотъ, шло движеніе оборонительное, и государь ея, въ соотвѣтствіе этому характеру движенія, отличался не воинственными наклонностями, не искусствомъ браннаго вождя, но желаніемъ и умѣньемъ соединять, примирять, устраивать общее дѣйствіе, рѣшать европейскія дѣла на общихъ совѣтахъ, приводить въ исполненіе общія рѣшенія. Во время борьбы съ Наполеономъ Александръ является составителемъ и вождемъ коалицій для отпора завоевательному движенію Франціи. Съ окончательнымъ успѣхомъ послѣдней коалиціи, съ низверженіемъ виновника завоевательнаго французскаго движенія, цѣлію Александра является поддержаніе обще-европейскаго союза для сохраненія мира и общественнаго порядка, поддержаніе общаго дѣйствія, общаго управленія Европы посредствомъ собраній, совѣтовъ государей и уполномоченныхъ ихъ, посредствомъ конгрессовъ. Такимъ образомъ, дѣятельность Александра I-го, вслѣдствіе личнаго характера его и вслѣдствіе положенія Европы и Россіи, раздѣляется

1814 годомъ на двѣ половины: эпоху коалицій и эпоху конгрессовъ.

Если императоръ Александръ съ самаго начала своего царствованія предвидѣлъ, какая дѣятельность предстояла ему въ европейскихъ событіяхъ, дѣятельность начинателя и главы коалицій противъ завоевательныхъ стремленій Франціи, то Наполеонъ также ясно видѣлъ, что такая дѣятельность могла принадлежать только Россіи, ея государю; безъ Россіи никакая коалиція, если бы и была возможна, то не была бы ему опасна, и потому главная цѣль его политики въ отношеніи къ Россіи заключалась въ томъ, чтобы разными хитростями и приманками отталкивать Россію, по возможности, отъ связи съ другими державами, пока не принудитъ ихъ поодиночкѣ подчиниться своей волѣ; тогда Россія должна будетъ отказаться отъ дѣятельности, оставшись въ одиночествѣ, и если вздумаетъ противиться, то будетъ поражена все-европейскою коалиціею, направленною противъ нея подъ знаменами перваго полководца вѣка. Какъ въ прошломъ столѣтіи Фридрихъ II заключилъ союзъ съ Россіей и, обезпечивъ себя имъ, не хотѣлъ слышать съ русской стороны предложеній расширить этотъ союзъ введеніемъ въ него ряда другихъ, слабѣйшихъ державъ, ибо это связывало ему руки: такъ теперь Наполеонъ не хочетъ слышать русскихъ предложеній — вести дѣла сообща съ какою-нибудь другою державою. Для Россіи нужна прочность отношеній между державами, обезпечивающая продолжительный миръ, а эта прочность отношеній условливается союзомъ большинства значительнѣйшихъ державъ. Александръ не хотѣлъ исключать изъ этого союза могущественную Францію, хотѣлъ ея присутствіемъ въ союзѣ еще болѣе скрѣпить его; но человѣкъ, управлявшій Франціею подъ именемъ перваго консула, вовсе не хотѣлъ прочности отношеній между державами, ведшей къ продолжительному миру: онъ смотрѣлъ на миръ только какъ на перемиріе, дававшее передышку и время устроить нѣкоторыя выгодныя для будущей войны отношенія; потому Наполеонъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ общемъ дѣлѣ, общемъ соглашеніи, которое бы связывало ему руки. Русскій посланникъ Колычевъ, отправленный въ Парижъ еще императоромъ Павломъ, писалъ [1]), что первый консулъ отвергъ тотчасъ же статьи предложеннаго ему съ русской стороны договора, въ которыхъ заключалось обязательство при общемъ замиреніи не допускать для вознагражденій никакихъ другихъ основаній, кромѣ установленныхъ Россіею, Пруссіею и Франціею. Французскій министръ

[1]) 22-го марта (3-го апрѣля) 1801 года.

иностранныхъ дѣлъ Талейранъ выразилъ положительно желаніе своего правительства войти прямо и просто въ соглашеніе съ русскимъ императоромъ относительно предметовъ, гдѣ интересы обоихъ правительствъ сойдутся. Талейранъ при этомъ внушалъ Колычеву, что необходимо составить общій планъ, чтобъ воспрепятствовать дворамъ берлинскому и вѣнскому воспользоваться настоящими обстоятельствами и пріобрѣсти въ Германіи больше того, на что́ дѣйствительно имѣютъ право.

Эти настоящія обстоятельства заключались въ томъ, что по люневильскому миру, заключенному (9-го февраля 1801 года) германскою имперіею съ Франціею, вслѣдствіе послѣдняго погрома Австріи, лѣвый берегъ Рейна отходилъ къ Франціи. Германія лишалась 1150 квадратныхъ миль, но владѣльцы не хотѣли лишиться ничего, имъ выговорено было вознагражденіе, которое они должны были получить посредствомъ такъ-называемой секуляризаціи, т.-е. отдачи свѣтскимъ князьямъ въ потомственное владѣніе церковныхъ владѣній, епископствъ и аббатствъ; вольные города также должны были потерять свою вольность для вознагражденія владѣльцевъ, лишившихся своихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна. Казалось бы, что такое чисто-германское дѣло надобно было устроить внутри Германіи, по соглашенію однихъ ея владѣтелей. Но если бы это соглашеніе было возможно, то не было бы и люневильскаго мира и уступки Франціи лѣваго берега Рейна. Крупныя германскія государства, Австрія и Пруссія, потеряли свое значеніе, и мелкія, не имѣвшія обо что́ опереться у себя, бросились, какъ слабыя, ко внѣшней силѣ, начали преклоняться предъ французскимъ правительствомъ, и дѣло вознагражденія перешло въ руки Наполеона, который, желая пока имѣть на своей сторонѣ Россію, соглашался уступить извѣстную долю участія въ дѣлѣ русскому императору, но съ исключеніемъ всякой германской державы. Почуявъ, гдѣ сила, гдѣ рѣшеніе дѣла, уполномоченные германскихъ дворовъ бросились въ Парижъ и не щадили ничего, ни денегъ, ни ласкательствъ, ни униженія, чтобы только сослужить вѣрную службу своимъ высокимъ довѣрителямъ: это были патріоты и вѣрноподданные своего рода. Въ Парижѣ производилась торговля епископствами, аббатствами, вольными городами; нѣмецкіе посланники, съ деньгами въ рукахъ, вэапуски ползали передъ любовницею Талейрана, передъ его секретаремъ Матьё, передъ французскимъ посланникомъ въ Регенсбургѣ, Лафорестомъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ явленіемъ на перваго консула и создаваемое имъ французское сановничество, было ужасное, развращающее; оно внушало имъ полное презрѣніе къ слабымъ, надежду на одну

силу, которой все позволено. И легко понять, как для избалованнаго раболѣпствомъ главы французской республики невыносимъ былъ представитель какого-нибудь государства, который съ достоинствомъ поддерживалъ это представительство, который не гнулся передъ людьми, привыкшими кричать: «горе побѣжденнымъ!» не гнулся потому, что не признавалъ своего государства побѣжденнымъ. Колычевъ былъ непріятенъ первому консулу и его министрамъ именно потому, что велъ себя съ достоинствомъ, съ нимъ надобно было считаться, говорить иначе, чѣмъ съ другими послами, что́ особенно видно изъ слѣдующаго. Вѣсть о кончинѣ императора Павла была для Наполеона громовымъ ударомъ; по обычаю, онъ искалъ, на комъ бы сорвать сердце, и сорвалъ его въ «Монитерѣ» на англичанахъ; но, кромѣ выходки въ журналѣ, другого средства достать англичанъ не было; легче и пріятнѣе было сорвать сердце на сардинскомъ королѣ, за котораго заступался покойный императоръ Павелъ, требуя возвращенія ему Пьемонта. Теперь, когда заступника уже болѣе не было, Наполеонъ поспѣшилъ дать Пьемонту управленіе, одинаковое съ управленіемъ всѣхъ другихъ французскихъ департаментовъ, причемъ предписалъ: если Колычевъ станетъ на это жаловаться, то отвѣчать, что дѣло еще нерѣшенное, что сардинскій король вывелъ перваго консула изъ терпѣнія своимъ неуваженіемъ къ нему; а если бы сталъ жаловаться прусскій посланникъ, Люккезини, то ему отвѣчать, что французское правительство не обязано разсуждать съ прусскимъ королемъ объ италійскихъ дѣлахъ.

Колычевъ дѣйствительно протестовалъ, и протестовалъ сильно противъ французскихъ распоряженій въ Италіи, настаивая на исполненіи обѣщаній, данныхъ императору Павлу, и давая знать *гражданину* Талейрану, что если эти обѣщанія не будутъ исполнены, то возстановленіе дружбы между Россіею и Франціею не можетъ быть долговременно. Гражданинъ Талейранъ жаловался на рѣзкій тонъ Колычева, который скоро былъ отозванъ; но Наполеонъ и Талейранъ ничего не выиграли отъ этой перемѣны. Преемникомъ Колычеву былъ назначенъ графъ Морковъ, какъ болѣе искусный и способный на трудномъ постѣ посланника при французской республикѣ; притомъ же опальный сановникъ прошлаго царствованія возобновлялъ свою дѣятельность на блестящемъ постѣ внѣшнемъ, тогда какъ возобновленіе этой дѣятельности на какомъ-нибудь внутреннемъ не очень желалось. Морковъ отличался самыми изысканными придворными манерами XVIII вѣка, утонченною вѣжливостію, входилъ и раскланивался по правиламъ танцовальнаго искусства, ступалъ на цыпочкахъ,

говорилъ на ухо, и все остроты. Но этотъ утонченнѣйшій маркизъ превращался во льва, когда надобно было охранять интересы и честь Россіи; онъ принадлежалъ къ такимъ русскимъ дѣятелямъ, о которыхъ говорили, что они *катеринствуютъ*, къ людямъ, привыкшимъ при Екатеринѣ считать Россію первымъ государствомъ въ мірѣ, рѣшительницею судебъ другихъ народовъ.

11-го октября (н. ст.) 1801 года Морковъ заключилъ тайную конвенцію между Россіею и Франціею: обѣ державы обязались сообща, въ полномъ согласіи, покончить дѣло о вознагражденіи германскихъ владѣльцевъ вслѣдствіе люневильскаго мира, причемъ выражено было желаніе допускать какъ можно менѣе перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Германіи; сохранять справедливое равновѣсіе между домами австрійскимъ и бранденбургскимъ; соблюдать искреннее согласіе и сообщать другъ другу свои намѣренія относительно устройства Италіи и свѣтскихъ отношеній римскаго двора для дружескаго окончанія всѣхъ этихъ дѣлъ; первый консулъ обязывался, при русскомъ посредничествѣ, открыть въ скорости мирные переговоры съ оттоманскою Портой; сохранить неприкосновенность владѣній короля обѣихъ Сицилій, и, какъ скоро судьба Египта будетъ рѣшена, вывести французскія войска изъ неаполитанскаго королевства; обѣ державы обѣщали заняться дружески и доброжелательно интересами короля сардинскаго, сколько возможно по настоящему положенію вещей; независимость республики семи іоническихъ острововъ была признана, и постановлено, чтобы въ ней не оставалось болѣе иностранныхъ войскъ; русскій императоръ обѣщалъ стараться объ освобожденіи французовъ, находившихся въ турецкомъ плѣну. Обѣ державы обязались немедленно заняться средствами утвердить на вышесказанныхъ основаніяхъ всеобщій миръ, возстановить должное равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта, обезопасить свободу морей и дѣйствовать согласно, убѣжденіями и силою для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости правительствъ.

Сила, военная удача дали Франціи первенствующее положеніе въ западной Европѣ; но на востокѣ Европы было государство, съ которымъ Франція должна была считаться, подѣлиться своимъ значеніемъ, сообща распорядиться европейскими дѣлами, причемъ Россія прямо выставляетъ свое начало, свою цѣль: дѣйствовать для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости государствъ. Намъ теперь все это можетъ показаться наивными фразами въ конвенціи, заключаемой съ Наполеономъ; но мы видѣли, что императоръ Александръ именно хотѣлъ испытать новаго правителя Франціи. Не обращая вни-

манія ни на форму, ни на имя, ни на происхожденіе французскаго правительства, русскій государь задавалъ вопросъ: согласно ли будетъ это правительство содѣйствовать видамъ Россіи въ установленіи всеобщаго спокойствія и прочныхъ правильныхъ отношеній между государствами Европы: если будетъ согласно, то какъ бы ни назывался правитель Франціи, первымъ консуломъ или иначе, Россія будетъ съ нимъ въ тѣсномъ союзѣ; если же нѣтъ, то слѣдствіемъ будетъ постоянная вражда. Такимъ образомъ, конвенція естественно вытекала изъ основного взгляда императора Александра на внѣшнія отношенія Россіи. Сильно были недовольны конвенціею въ Англіи; сильно потому сердился на нее графъ Семенъ Воронцовъ и не щадилъ на счетъ ея рѣзкихъ выраженій, причемъ продолжалъ толковать о панинскихъ внушеніяхъ, выгораживая Моркова, какъ невольное орудіе. Отчего же конвенція заслужила такую немилость на другомъ берегу пролива? Здѣсь, какъ и во Франціи, вообще не были довольны поведеніемъ новаго русскаго государя, несмотря на то, что онъ миролюбиво, дружественно отнесся ко всѣмъ. Въ Англіи ждали, что въ петербургскомъ кабинетѣ произойдетъ полная реакція послѣднимъ направленіямъ политики предыдущаго царствованія, что новый императоръ сейчасъ же порветъ съ Франціею и тѣсно соединится съ Англіею; сколько въ Англіи надѣялись на такой переворотъ въ политикѣ Россіи, столько же во Франціи боялись его; успокоились, когда увидали, что его нѣтъ, но все же не были довольны миромъ Россіи съ Англіею, спокойнымъ, безпристрастнымъ тономъ политики новаго государя, ея самостоятельностію и независимостію, чтò все не давало надежды употребить Россію орудіемъ для своихъ цѣлей, заставляло считаться съ нею. Какъ бы то ни было, положеніе, которое принялъ Александръ, должно было повести хотя къ кратковременному успокоенію Европы: Англія и Франція обѣ были утомлены войною; но скорый миръ былъ бы невозможенъ, еслибъ Франція надѣялась на русскую помощь, какъ было при Павлѣ, или если бы по смерти Павла произошла та реакція, какой ожидали въ Англіи, которая оперлась бы на Россію для полученія болѣе выгодныхъ мирныхъ условій. Но спокойное и безпристрастное положеніе Россіи предоставляло Англіи и Франціи перевѣдываться однимъ другъ съ другомъ; онѣ устали, нуждались хотя въ кратковременной передышкѣ, континентальные успѣхи одной были уравновѣшены морскими успѣхами другой. Россія, которая могла положить свою тяжесть на ту или другую чашку вѣсовъ, отстранялась, и воюющія державы приступили къ мирнымъ переговорамъ; Питтъ, котораго имя было неразлучно съ представленіемъ о борьбѣ на

жизнь и на смерть между Англіею и Франціею, Питтъ вышелъ изъ министерства; преемникъ его, Аддингтонъ, поставилъ своею задачею заключеніе и поддержаніе мира.

1-го октября 1801 года были подписаны въ Лондонѣ прелиминарныя статьи мира между Франціею и Англіею: послѣдняя возвращала французской республикѣ и ея союзникамъ всѣ колоніи, захваченныя у нихъ англичанами во время войны, кромѣ испанскаго острова Тринидада въ Америкѣ и голландскаго Цейлона въ Азіи, которые оставались навсегда за Англіею; Египетъ возвращался Турціи, Мальта ордену св. Іоанна іерусалимскаго; французскія войска должны были очистить римскія и неаполитанскія владѣнія, англійскіе острова и гавани Средиземнаго и Адріатическаго морей; обезпечивалась цѣлость Португаліи.

Прелиминарныя лондонскія статьи и парижская франко-русская конвенція были заключены почти въ одно время, вели къ одной общей цѣли, никакого противорѣчія въ себѣ не заключали, а между тѣмъ въ Англіи сильно были взволнованы и раздражены франко-русскою конвенціею: въ ней опять затрогивалось чувствительное мѣсто. Мы видѣли, какимъ раздраженіемъ было встрѣчено въ Англіи русское предложеніе первому консулу посредничать при заключеніи мира между Франціею и Турціею. Теперь Англія взялась быть посредницей, выговаривая возвращеніе Египта Турціи, и вдругъ узнаетъ, что Россія не отказалась отъ своего посредничества и внесла его въ парижскую конвенцію. Въ Англіи не умѣли при этомъ скрыть своего раздраженія, не умѣли скрыть своего стремленія отстранить русское вліяніе въ Константинополѣ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гоуксбюри, объявилъ графу Воронцову, что король сильно огорченъ невниманіемъ императора Александра къ его прежнимъ просьбамъ отказаться отъ плана отдѣльнаго мира между Франціею и Турціею, потому что Англія не заключитъ мира съ Франціею безъ включенія въ него Турціи. Морковъ долженъ былъ знать о лондонскихъ прелиминарныхъ статьяхъ, и, несмотря на это, все же внесъ въ свою конвенцію условіе о посредничествѣ Россіи между Франціею и Турціею.

Англія хотѣла уничтожить вліяніе Россіи на Востокѣ, но до столкновенія этихъ двухъ державъ здѣсь было еще далеко; восточный вопросъ не становился еще на очередь; отношенія на Западѣ оттягивали все вниманіе, а здѣсь человѣкъ, управлявшій французскою республикою, хотѣлъ отнять у Англіи всякое вліяніе на дѣла континента. Когда, послѣ подписанія лондонскихъ прелиминарій, открылись между Англіею и Франціею переговоры въ Амьенѣ, французскій уполномоченный, братъ перваго консула,

Іосифъ Бонапартъ, получилъ внушеніе, что французское правительство не хочетъ слышать при переговорахъ ни о королѣ сардинскомъ, ни о внутреннихъ дѣлахъ Батавіи (Голландіи), Германіи, Швейцаріи и республикъ итальянскихъ; все это совершенно чуждо переговорамъ между Франціею и Англіею, и при составленіи прелиминарій было объ этомъ говорено очень мало — достаточное доказательство, что теперь вовсе не нужно поднимать объ этомъ вопроса. Кабинетъ Аддингтона хотѣлъ во что бы то ни стало заключить поскорѣе миръ: въ этомъ онъ поставлялъ свое значеніе, свою славу, возможность существованія, предполагая сильное желаніе народа видѣть конецъ войны. При сильномъ желаніи уладить что-нибудь, обыкновенно смотрятъ сквозь пальцы на нѣкоторыя затрудненія, спѣшатъ обойти ихъ молчаніемъ, предполагая, что съ теченіемъ времени все уладится, хотя очень часто, съ теченіемъ времени, эти затрудненія являются неодолимыми и разрушаютъ желанное дѣло. Миръ между Англіею и Франціею былъ заключенъ въ Амьенѣ, 25-го марта 1802 года, и народъ въ Англіи, дѣйствительно желавшій передышки, встрѣтилъ его съ восторгомъ. Но когда первое впечатлѣніе прошло, когда наступили минуты спокойнаго обсужденія дѣла, положенія, имъ созданнаго, то стало оказываться, что положеніе это вовсе невыгодно, что противъ стремленія Франціи къ усиленію нѣтъ никакихъ гарантій, континентъ отданъ ей на жертву. Это обсужденіе положенія, созданнаго амьенскимъ миромъ, началось двумя обычными, открытыми путями, путемъ парламентскихъ преній и путемъ печати. Въ парламентѣ поднялась оппозиція изъ приверженцевъ прежняго Питтова министерства; раздались слова: «Англія похожа на крѣпость, которая потеряла свои внѣшнія укрѣпленія.—Амьенскій договоръ представляетъ прелиминаріи смертнаго приговора Англіи» [1]). Министры могли отвѣчать одно: «Необходимость требовала заключить миръ: мы оставлены союзниками, новая коалиція на континентѣ въ эту минуту невозможна».

Печать, съ своей стороны, указывала на невыгоды амьенскаго мира, на ошибки, сдѣланныя при его заключеніи. Англійскіе министры привыкли спокойно относиться къ выходкамъ печати противъ своихъ дѣйствій; но не привыкъ къ этому правитель Франціи. Кромѣ условій, заключавшихся въ характерѣ Наполеона и не позволявшихъ ему равнодушно сносить и свободнаго отзыва объ его дѣйствіяхъ—не только оскорбленія, самое положеніе его заставляло его быть чрезвычайно чувствительнымъ

---

[1]) Рѣчи лорда Гренвиля и Виндгама.

въ публичнымъ, печатнымъ порицаніямъ. Добиваясь власти и ея утвержденія, онъ былъ осужденъ на постоянную борьбу съ препятствіями, съ людьми, которые не желали его власти, ея утвержденія; онъ не былъ законный государь, онъ былъ только вождь партіи, которую надобно было постоянно усиливать, дѣлать господствующею. Средствомъ для этого былъ успѣхъ очевидный, признанный, блескъ, слава, заставляющіе молчать противниковъ; похвала, восторгъ могущественно дѣйствуютъ на толпу, на большинство, заставляютъ его преклоняться предъ человѣкомъ, которому раздаются постоянныя похвалы, имя котораго произносится съ восторгомъ; но вотъ раздаются слова сомнѣнія, порицанія, и вождю партіи кажется, что уже толпа смущается, дѣлится, обаяніе исчезаетъ, кумиръ безъ ѳиміама уже не богъ, ему кажется, что число поклонниковъ его уже уменьшается, партія слабѣетъ: поэтому понятно, въ какое раздраженіе приводитъ его каждый враждебный голосъ; понятно, какъ онъ пользуется своею силою, чтобы заставить молчать своихъ противниковъ, враждебныя партіи. На увѣщанія установить свободу печати, Наполеонъ отвѣчалъ: «чего ожидать отъ этихъ людей, которые все еще сидятъ на своей метафизикѣ 1789 года! Свобода печати! Стóитъ мнѣ только ее возстановить, такъ сейчасъ же появится тридцать журналовъ роялистскихъ, столько же журналовъ якобинскихъ, и мнѣ придется управлять съ меньшинствомъ!»

Во Франціи слышится одна хвала человѣку силы, вождю господствующей партіи; онъ успокоивается, чувствуетъ подъ собою твердую почву, цѣль утвержденія власти кажется достигнутою; но смущаютъ его враждебныя рѣчи, раздающіяся изъ странъ чужихъ; хотя и не вдругъ, и не безъ труда, но проникнутъ онѣ во Францію и могутъ произвести то же дѣйствіе, какъ если бы онѣ раздавались прямо внутри страны; раздраженіе и опасеніе усиливаются тѣмъ, что эти враждебныя статьи и сочиненія выходятъ не только изъ-подъ пера иностранцевъ, мнѣнія которыхъ встрѣчаютъ противодѣйствіе въ патріотическомъ чувствѣ, но также изъ-подъ пера французовъ, роялистовъ, конституціонистовъ, якобинцевъ, у которыхъ есть соумышленники въ самой Франціи; раздраженіе усиливалось еще тѣмъ, что уничтожить эти враждебныя сочиненія, наказать ихъ авторовъ было не во власти правителя Франціи; враги кололи человѣка силы и смѣялись надъ его безсильною яростію; обаяніе силы уменьшалось. Но сила, развиваясь, отвыкаетъ предполагать для себя препятствія неодолимыя, и первый консулъ требуетъ у англійскаго правительства прекращенія выходовъ англійской печати, требуетъ изгнанія или наказанія французовъ, нашедшихъ убѣжище въ Анг-

ліи и пишущихъ противъ новаго порядка вещей въ своемъ отечествѣ. Ему отвѣчаютъ, что по англійской конституціи печать пользуется полною свободою; что въ Англіи не потерпятъ вредныхъ дѣйствій французскихъ эмигрантовъ, но принимать противъ нихъ мѣры предварительныя несогласно съ честью и закономъ гостепріимства. Наполеонъ возражалъ, что англійское правительство можетъ позволять печати порицанія дѣйствій своего внутренняго управленія; но есть высшія требованія, требованія международнаго права, предъ которыми должны молчать законы отдѣльныхъ государствъ; что̀ можно терпѣть у себя и противъ себя, того нельзя позволять въ отношеніи къ чужимъ правительствамъ. Эти новыя положенія международнаго права не могли быть признаны англійскимъ правительствомъ, и Наполеонъ сталъ вести войну противъ англійскихъ газетъ въ своей газетѣ, въ «Монитёрѣ», гдѣ постоянно появлялись самыя грубыя выходки противъ основъ англійской политической жизни. Любопытны счеты, какіе иногда въ «Монитёрѣ» сводились между двумя хищничествами, французскимъ и англійскимъ; сравнивая французовъ съ англичанами, «Монитёръ» однажды воскликнулъ: «какое различіе между народомъ, который дѣлаетъ завоеванія изъ любви къ славѣ, и народомъ торгашей, который становится завоевателемъ!»

Понятно, что такая газетная война не могла успокоить раздраженія; она напомнила обычай первобытныхъ народовъ—передъ началомъ битвы ругаться, особенно осыпать насмѣшками и бранью вождей. Обычай сохранился съ тѣмъ различіемъ, что у народовъ первобытныхъ бранятся устно передъ битвой, а у народовъ цивилизованныхъ бранятся печатно, въ газетахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ прозѣ, а иногда и въ стихахъ, слѣдствіе же одно и то же—взаимное раздраженіе. Но, кромѣ этого раздраженія, были и другія причины, недопускавшія продолженія мира. Наполеонъ не хотѣлъ признать за Англіею никакого права вмѣшиваться въ его распоряженія съ сосѣдними слабыми народами; на представленія относительно этихъ распоряженій онъ отвѣчалъ съ такою безцеремонностію, отъ какой новые европейско-христіанскіе народы давно уже отвыкли. Англія, съ своей стороны, не могла удержаться отъ искушенія удерживать за собой драгоцѣнную Мальту, оправдывая такое нарушеніе договора его непрочностью вслѣдствіе поступковъ перваго консула. Наполеонъ присоединилъ къ Франціи Пьемонтъ и островъ Эльбу и распоряжался хозяиномъ въ Швейцаріи; англійское правительство заговорило по этому поводу о политическомъ равновѣсіи, о люневильскомъ мирѣ. Наполеонъ велѣлъ отвѣчать на это угрозами: «безъ сомнѣнія, Англія станетъ искать союзниковъ въ Ев-

ропѣ. Если она ихъ найдетъ, то этимъ она только заставитъ насъ завоевать Европу. Первому консулу только 33 года, онъ сокрушалъ только до сихъ поръ государства второстепенныя! Кто знаетъ, сколько ему понадобится времени, чтобъ измѣнить лицо Европы и возстановить западную имперію?» Но въ Англіи думали, что если дать Наполеону свободу распоряжаться на континентѣ—такъ, какъ онъ до сихъ поръ распоряжался, то не будетъ безопасности и для владычицы морей. Въ парламентѣ раздавались слова: «ждать-ли, чтобъ онъ овладѣлъ всѣмъ континентомъ и тогда только начать противъ него дѣйствовать. Бонапартъ заключилъ договоръ съ французами: они согласны повиноваться ему подъ условіемъ, что онъ доставитъ имъ владычество надъ вселенной». Раздраженіе и безъ того уже было сильно, когда Наполеонъ, съ цѣлію пристращать Англію, коснулся главнаго ея интереса: въ началѣ 1803 года въ «Монитёрѣ» появилось донесеніе Себастіани, отправленнаго первымъ консуломъ на Востокъ; здѣсь говорилось о легкости вторичнаго завоеванія Египта Франціею: по утвержденію Себастіани, для этого достаточно было 6000 французскаго войска. Нельзя было придумать лучшаго средства задѣть англичанъ за живое; раздраженіе ихъ достигло высшей степени. Аддингтонъ долженъ былъ отказаться отъ своей системы поддерживать миръ во что бы то ни стало. Наполеонъ слалъ одну угрозу за другой: онъ объявилъ въ «Монитёрѣ», что 500,000 войска готово защищать республику и мстить за нее. Наполеонъ, какъ всѣ люди его характера и положенія, считалъ только своимъ правомъ грозить, пугать, и выходилъ изъ себя, если угрожаемый становился въ боевое положеніе. Такъ, когда король Георгъ III повѣстилъ палатѣ общинъ, что надобно принять мѣры предосторожности, Бонапартъ въ сильномъ волненіи подошелъ къ англійскому посланнику лорду Уитворту и сказалъ ему громко: «итакъ, вы рѣшились объявить намъ войну! Мы воевали десять лѣтъ, вы хотите воевать еще 15 лѣтъ, вы меня къ этому принуждаете». Подлѣ стояли два посла—русскій, Морковъ, и испанскій, Азара; Наполеонъ обратился къ нимъ: «англичане хотятъ войны; но если они первые обнажатъ шпагу, то я послѣдній вложу ее въ ножны; они не уважаютъ договоровъ, которые должно покрыть чернымъ крепомъ». Послѣ этой выходки, Наполеонъ обратился опять къ Уитворту: «зачѣмъ вооруженіе? Противъ кого мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля въ моихъ гаваняхъ! Вы хотите драться, и я буду драться! Вы можете убить Францію, но не испугать!»—«Мы бы не хотѣли ни того, ни другого, хотѣли бы жить въ добромъ согласіи съ Франціею»,—сказалъ посланникъ.—

«Такъ надобно уважать договоры,—закричалъ Наполеонъ:—горе неуважающимъ договоры!» Наполеонъ этими словами намекалъ на то, что Англія не очищала «Мальты»; но упрекъ другимъ въ неуваженіи договоровъ звучалъ очень дико въ устахъ Наполеона. Въ отвѣтъ на выходку перваго консула Англія потребовала, въ видѣ гарантіи, «Мальту» на десять лѣтъ, и въ то же время потребовала, чтобъ Франція вывела войска свои изъ батавской республики (Голландіи), изъ Швейцаріи и дала вознагражденіе королю сардинскому. Подобныя требованія могли быть сдѣланы только для того, чтобы выдти изъ тяжелаго нерѣшительнаго положенія; цѣль была достигнута: война между Англіею и Франціею началась снова; французы заняли Ганноверъ, принадлежавшій англійскому королю.

А между тѣмъ Наполеонъ не хотѣлъ войны съ Англіею: кромѣ убытковъ, вѣрныхъ морскихъ пораженій, потери флота, эта война не могла ему ничего обѣщать; руки были коротки, достать ненавистный островъ, несмотря на всю его близость, было нельзя; угроза высадки, несмотря на всѣ приготовленія, оставалась только угрозою; занятіе Ганновера, принадлежавшаго англійскому королю, нисколько не трогало англичанъ. Но и миръ съ Англіею былъ невозможенъ, потому что Англія не хотѣла смотрѣть равнодушно, какъ Наполеонъ распоряжался на континентѣ. Точно въ такомъ же положеніи находился Наполеонъ и къ Россіи: онъ не хотѣлъ войны съ нею, а война была неизбѣжна, потому что Россія не давала ему распоряжаться въ Европѣ, порабощать слабѣйшія государства; съ Россіею заключены были обязательства — съ тѣмъ, разумѣется, чтобъ ихъ не исполнять; но Россія отъ нихъ не отступалась; надобно было какъ-нибудь ее занять на время, заставить выпустить изъ виду общіе интересы для частнаго, соблазнить, указавъ на какой-нибудь лакомый кусокъ. Въ 1802 году, когда готовился разрывъ амьенскаго мира, Морковъ доносилъ своему двору, что Бонапартъ постоянно заводитъ разговоръ о близкомъ распаденіи оттоманской имперіи. Это произвело тревогу въ Петербургѣ. Все вниманіе сосредоточено было на Западѣ; Турція, не успѣвшая еще опомниться послѣ египетскаго похода Наполеонова, когда страшная опасность стала грозить ей со стороны, откуда она вовсе ея не ожидала, Турція не подавала никакого повода къ неудовольствію, и въ Петербургѣ брало верхъ мнѣніе, что слабая Турція есть самый удобный сосѣдъ и трогать ее не слѣдуетъ. Объ этомъ твердилъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, слѣдовательно, таково-жъ было убѣжденіе и брата его, графа Александра, теперь канцлера, причемъ Воронцовымъ было пріятно указывать,

что политика Екатерины II относительно Турціи была ошибочна; здѣсь они дѣйствовали въ духѣ партіи, ибо не могли не знать, что обѣ турецкія войны при Екатеринѣ II были начаты совершенно противъ воли русскаго правительства. Взглядъ Воронцовыхъ вполнѣ раздѣлялъ молодой, близкій къ императору Александру, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій посланникомъ въ Константинополѣ и потомъ короткое время помогавшій канцлеру Воронцову въ завѣдываніи иностранными дѣлами до Чарторыйскаго. Кочубею, какъ знакомому съ положеніемъ Турціи, принадлежалъ теперь первый голосъ, когда надобно было подумать о восточныхъ дѣлахъ вслѣдствіе донесенія Моркова. Кочубей объявилъ, что при поднятіи восточнаго вопроса Россія предстоитъ выборъ: «или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отвратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Кочубей совѣтовалъ снестись по этому дѣлу съ Англіею и предостеречь Турцію. Мнѣніе было принято, и 24 декабря 1802 года канцлеръ Воронцовъ отправилъ Моркову письмо, въ которомъ уполномочивалъ его каждый разъ отвѣчать Бонапарту ясно, что императоръ Александръ никакъ не намѣренъ принять участіе ни въ какомъ проектѣ, враждебномъ Турціи.

Удочка закидывалась понапрасну; Россія не пошла на эту приманку. Попробовали другое средство: въ доказательство своего уваженія къ императору Александру, Наполеонъ предложилъ ему быть не только посредникомъ, но верховнымъ рѣшителемъ спора между Англіей и Франціей. Александръ отклонилъ эту опасную честь: война уже началась; согласится ли Англія для ея окончанія подчиниться рѣшеніямъ русскаго государя; если не согласится, то это будетъ оскорбленіе, и Франція получитъ право требовать союза Россіи противъ державы оскорбившей. Но если бы даже Англія и согласилась, то развѣ легко было безпристрастнымъ рѣшеніемъ удовлетворить обѣ державы? Александръ принялъ болѣе скромную рѣчь посредника и предложилъ условія: Франціи—очистить Ганноверъ, Голландію, Швейцарію, верхнюю и нижнюю Италію; Пьемонтъ останется за нею, но сардинскій король получитъ за него вознагражденіе. Александръ предлагалъ занять русскими войсками островъ Мальту, съ тѣмъ, чтобы срокъ этого занятія былъ опредѣленъ впослѣдствіи. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ заключить миръ съ Англіей только на

амьенскихъ условіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ очиститъ, когда придетъ время, Голландію, Италію и Швейцарію; но это никакъ не можетъ войти въ условія мира съ Англіей. Наполеонъ требовалъ перемирія и конгресса для рѣшенія всѣхъ споровъ. Но условія, предложенныя Александромъ, были такъ же необходимы и для Россіи, какъ для Англіи. Прежде всего, по отношенію къ Балканскому полуострову, нельзя было допустить владычества французовъ въ Италіи. Графъ Семенъ Воронцовъ, руководясь интересомъ минуты, даже совѣтовалъ англійскому министерству удержать Мальту въ видахъ недопущенія французовъ въ турецкія владѣнія; совѣтъ былъ неблаговиденъ; графу Семену послали изъ Петербурга на этотъ счетъ внушеніе и придумали средство прекратить споръ и обезопасить свои интересы—занятіемъ Мальты русскими войсками; но отвѣтъ Наполеона, что онъ очиститъ Италію, Швейцарію, Голландію, когда придетъ время, показывалъ всю его неискренность. Россія, по своему положенію, непосредственно войны начать не могла; она могла стать только во главѣ коалиціи, поддерживать другія ближайшія къ Франціи державы; Англія могла поддерживать коалицію деньгами, но безъ Россіи не могла ничего сдѣлать на континентѣ, и потому, какъ скоро Россія и Англія видѣли, что Наполеонъ не можетъ остановиться на пути захвата, то необходимо сближались для образованія и поддержки коалиціи. Отсюда, передъ разрывомъ Англіи съ Франціей, когда старанія Россіи поддержать амьенскій миръ оставались тщетными, сближеніе Россіи съ Англіей становилось тѣснѣе, и русскій посолъ во Франціи, естественно, долженъ былъ сближаться съ посломъ англійскимъ; и послѣ разрыва мира въ 1803 году, по удаленіи лорда Уитворта изъ Парижа, графъ Морковъ долженъ былъ вести себя по-прежнему, ибо со стороны французскаго правительства не видно было ни малѣйшей склонности удовлетворить русскимъ требованіямъ. Поведеніе Моркова, самостоятельное и твердое, сильно раздражало Наполеона; не могъ онъ выносить присутствія человѣка, въ глазахъ котораго читалъ: «я за тобою слѣжу и очень хорошо тебя понимаю, ты меня не обманешь!» Хотя Наполеонъ не могъ не понимать, что охлажденіе между Россіей и Франціей, и даже разрывъ между ними—неизбѣженъ по самому ходу дѣлъ, но все же перемѣна посла представляла нѣкоторую возможность отдалить развязку: быть можетъ, пришлютъ кого-нибудь менѣе проницательнаго, искуснаго и твердаго, чѣмъ Морковъ?

Въ августѣ 1803 года, Талейранъ поручилъ французскому посланнику въ Петербургѣ, Гедувилю, потребовать отъ русскаго правительства, именемъ перваго консула, отозванія Моркова изъ

Францію! Причины приводились слѣдующія, причемъ не пощажено было ничего, чтобъ очернить русскаго посла въ глазахъ его государя: «Пока миръ продолжался (между Франціей и Англіей),—писалъ Талейранъ,—Моркова терпѣли въ Парижѣ, хотя онъ велъ себя, какъ истый англичанинъ, потому что это не было опасно; но теперь, когда началась война, которой нельзя предвидѣть конца, присутствіе человѣка, столь недоброжелательнаго къ Франціи, болѣе, чѣмъ непріятно для перваго консула. 18-ть мѣсяцевъ г. Морковъ заставлялъ извѣстнаго Фуилью распространять бюллетени, заключавшіе въ себѣ оскорбленія и клеветы. Первый консулъ не хотѣлъ придавать важности такому поведенію, потому что г. Морковъ недавно пріѣхалъ, могъ еще не испробовать почвы, гдѣ находился. Но и послѣ восьмнадцати-мѣсячнаго пребыванія поведеніе его не стало болѣе дружественнымъ и болѣе скромнымъ. Онъ болтаетъ во всѣхъ углахъ Парижа и болтаетъ такъ, что первый консулъ не можетъ болѣе выносить этой болтовни. Должно сказать, что онъ не щадитъ и поступковъ собственнаго правительства, не щадитъ даже особы Его Величества. Чего не наговорилъ онъ объ указѣ относительно народнаго просвѣщенія, о поощреніяхъ Его Величества крестьянскому освобожденію? Онъ безпрестанно повторяетъ фразу: «У императора своя воля, а у русскаго народа другая». При настоящихъ обстоятельствахъ, г. Морковъ ежедневно предсказываетъ, что пламя войны обхватитъ весь континентъ, и нельзя съ нимъ имѣть никакого разговора: онъ все перетолкуетъ въ дурную сторону. Самъ лордъ Уитвортъ былъ пораженъ яростью, съ какою Морковъ побуждалъ къ войнѣ; изумленіе его было такъ сильно, что онъ сказалъ гражданину Іосифу Бонапарту, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, что г. Морковъ играетъ ненавистную роль».

Бонапартъ не разстался съ Морковымъ мирно. Онъ возненавидѣлъ его еще болѣе, потому что оскорбилъ, и не могъ удержаться отъ нападенія на ненавистнаго человѣка; притомъ очень нравилось молодому генералу, власти новой, унижать представителей древнихъ властей; распекать по-военному пословъ иностранныхъ входило въ привычку. Въ сентябрѣ 1803 года, во время одной изъ публичныхъ аудіенцій, Бонапартъ подошелъ къ Моркову, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, дрожащими губами, и сталъ ему говорить задыхающимся, но громкимъ голосомъ: «Зачѣмъ императоръ покровительствуетъ Дантрегу, французскому уроженцу, который живетъ въ Дрезденѣ и пишетъ тамъ пасквили противъ французскаго правительства; еслибъ я позволялъ себѣ такое же поведеніе относительно русскаго подданнаго, поселившагося во Франціи, то, конечно, императоръ не былъ бы

доволенъ».—«Дантрегъ, — отвѣчалъ Морковъ, — давно уже числится въ русской службѣ, и могу увѣрить, что императоръ ничего не зналъ о пасквиляхъ его противъ французскаго правительства, а еслибъ узналъ, то немедленно заставилъ бы его прекратить такую дѣятельность; я также ничего не зналъ объ этомъ: въ первый разъ слышу». Отбитый словами, смыслъ которыхъ состоялъ въ томъ, что о такихъ ничтожныхъ дѣлахъ, какъ дѣло Дантрега, правительства, прежде упрековъ и жалобъ изъ устъ главы государства, даютъ знать другъ другу чрезъ министровъ, если только находятъ нужнымъ давать знать, Наполеонъ бросился въ другую сторону, но къ такому же собственно полицейскому дѣлу, срывая свое сердце въ ругательствахъ противъ Кристэна. Этотъ Кристэнъ былъ родомъ швейцарецъ, находился также въ русской службѣ и получалъ отъ русскаго двора пенсію. Теперь вдругъ французское правительство его схватило и посадило въ крѣпость. Морковъ протестовалъ и за этотъ-то протестъ Бонапартъ счелъ нужнымъ теперь дать на него окрикъ: «Я велѣлъ схватить и отвести въ крѣпость Кристэна, потому что онъ французъ и былъ секретаремъ принцевъ (Бурбонскихъ), да и всегда велъ себя гадко».—«Кристэнъ,—отвѣчалъ Морковъ, — вовсе не французъ, а швейцарецъ, и я имѣлъ достаточное право оказать ему покровительство въ случаѣ его невинности». Слыша и тутъ твердую отповѣдь, Наполеонъ оставилъ Моркова, но, уходя, сказалъ громко: «Мы не такія бабы, чтобъ терпѣливо сносить подобные поступки со стороны Россіи, и я буду арестовывать всѣхъ, которые станутъ дѣйствовать противъ интересовъ Франціи».

На другой день Морковъ поѣхалъ къ Талейрану и далъ ему записку, въ которой излагалась вчерашняя сцена. Талейранъ обратилъ все это въ шутку и сталъ упрашивать Моркова взять записку назадъ и не давать дѣлу хода. «Вы,—говорилъ онъ,— должны смотрѣть на эти вещи спокойнѣе, чѣмъ другіе, потому что вы больше другихъ получаете предпочтенія и уваженія, которые вамъ здѣсь расточаютъ при всякомъ случаѣ». Морковъ, смотря ему пристально въ лицо, отвѣчалъ: «Эти знаки уваженія секретъ для меня и для другихъ, тогда какъ оскорбленіе было мнѣ нанесено публично, и я васъ прошу представить мою записку первому консулу, чтобъ впередъ мнѣ было обезпеченіе отъ подобныхъ выходокъ». Талейранъ началъ толковать о томъ уваженіи, какое Бонапартъ всегда оказываетъ къ желаніямъ императора Александра. «Гдѣ это уваженіе?—отвѣчалъ Морковъ: — императоръ проситъ васъ уважать нейтралитетъ государствъ ему союзныхъ и такихъ, которыхъ торговые интересы связаны съ интересами его подданныхъ, а вы продолжаете наводнять ихъ

войсками. Императоръ, по человѣколюбію и съ вашего согласія, образовалъ маленькое государство на іоническихъ островахъ, а вашъ повѣренный въ Корфу сѣетъ тамъ раздоръ и анархію, и самъ первый консулъ позволилъ себѣ такой неслыханный поступокъ, назначивъ на своемъ жалованьѣ коммерческаго агента для этой маленькой республики. Я вамъ подаю рекламаціи, и не получаю никакого отвѣта». Талейранъ: «Охотно будемъ уважать нейтралитетъ на сушѣ, только заставьте Англію уважать его на морѣ; а на іоническихъ островахъ ваше вліяніе сильнѣе французскаго».

Въ тотъ же день Талейранъ прислалъ свою жену завтракать съ дочерью Моркова, ребенкомъ пяти съ половиною лѣтъ. Другая дама разсказала русскому послу, что первый консулъ жалѣетъ о своей живости и что объ этомъ слышала она отъ самой Жозефины Бонапартъ. Для уясненія себѣ, въ какомъ положеніи находятся дѣла, Морковъ обратился къ брату перваго консула—Луціану, зная, что онъ хорошъ съ Талейраномъ. Луціанъ отвѣчалъ, что они съ братомъ Іосифомъ часто говорили о немъ, Морковѣ, брату Наполеона, и тотъ жаловался на нѣкоторую гордость или рѣзкость характера Моркова, которая его оскорбляетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные послы преклонялись предъ нимъ. Луціанъ прибавилъ, что они съ братомъ Іосифомъ часто горевали, видя уступчивость императора Александра относительно перваго консула; если бы Наполеонъ встрѣтилъ препятствія со стороны русскаго государя, то, несмотря на бурность своего характера, духъ правоты, которымъ онъ въ то же время обладаетъ (?), остановилъ бы его относительно многихъ вещей; но теперь, увѣрившись, что нечего бояться со стороны далекой Россіи, и низложивши или обольстивши все окружающее, онъ считаетъ для себя все позволительнымъ и не перестаетъ затѣвать предпріятія, которыя рано или поздно могутъ привести его и родныхъ его къ погибели.

Скоро послѣ этого Морковъ былъ отозванъ. Александръ далъ знать первому консулу, что не усматриваетъ виновности Моркова, ибо все, что донесено на него, противно точной истинѣ (exacte vérité); но отзываетъ его вслѣдствіе собственной его повторенной просьбы, ибо нельзя оставлять его въ такомъ непріятномъ положеніи (17 октября 1803 года). Въ рескриптѣ Моркову говорилось, что государь съ сожалѣніемъ лишается его службы на этомъ постѣ, что обвиненія, на него взведенныя, суть клеветы. Преемникъ Моркову назначенъ не былъ; во Франціи остался русскій повѣренный въ дѣлахъ—Убри. Испытаніе, означенное въ политической программѣ Александра, кончилось: На-

полеонъ оказался неспособнымъ уважать независимость державъ и содѣйствовать установленію европейскаго равновѣсія; сношенія съ нимъ не повели къ удовлетворительному результату. Для его достиженія, надобно было обратиться къ другому средству, — къ составленію коалиціи; Англія была уже въ войнѣ съ Франціей; надобно было склонить къ общему дѣйствію Австрію и Пруссію.

Австрія, послѣ двухъ бонапартовскихъ погромовъ, имѣла нужду въ отдыхѣ и должна была желать, чтобъ отдыхъ этотъ былъ какъ можно продолжительнѣе; но все же борьба съ Франціею представлялась ей какъ необходимость, и всѣ усилія направлялись къ тому, чтобъ встрѣтить эту необходимость при возможно благопріятныхъ условіяхъ, съ лучшимъ приготовленіемъ. Она чувствовала себя въ осадномъ положеніи отъ Франціи, которая стояла у ея воротъ—и въ Германіи, и въ Италіи; преимущественно въ послѣдней странѣ, гдѣ въ дѣйствительности границы французскія сходились съ австрійскими, и окончательный шагъ къ слитію Италіи съ Франціею долженъ былъ принудить Австрію къ отчаянному усилію для воспрепятствованія этому шагу. Тяжелый опытъ, несчастное окончаніе двухъ кампаній убѣждали, что Австрія не можетъ вести борьбу съ Наполеономъ одинъ-на-одинъ, что на соединеніе съ Пруссіею надѣяться нечего, что помощи можно ожидать отъ одной Россіи, и гибель стала грозить Австріи, когда, при императорѣ Павлѣ, Россія отвернулась отъ нея, входя въ соглашенія съ Франціею и Пруссіею. Чѣмъ сильнѣе было въ Вѣнѣ чувство страшной опасности, тѣмъ отраднѣе была вѣсть о вступленіи на престолъ Александра, объявившаго, что будетъ идти по стопамъ Екатерины. Не дожидаясь извѣщенія о восшествіи на престолъ новаго русскаго государя, императоръ Францъ отправилъ Александру письмо, съ выраженіемъ сильнѣйшаго желанія возстановить между Россіею и Австріею старый союзъ, отчего зависитъ судьба Европы. Но послѣ этого общаго заявленія, въ Вѣнѣ спѣшили оговориться, точнѣе опредѣлить отношенія, чтобъ письмо императора Франца не показалось въ Петербургѣ предложеніемъ къ коалиціи, и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Коллоредо, сообщилъ князю Куракину такой мемуаръ (27 мая 1801 года): «Императоръ-король, спѣша открыть свои самыя сокровенныя мысли послѣдователю Екатерины II-й, начинаетъ признаніемъ полнаго различія въ мѣрахъ, требуемаго совершеннымъ различіемъ между политическими обстоятельствами, въ какихъ оставила Европу эта великая государыня, и тѣми, какія существуютъ теперь. Не къ составленію враждебной коалиціи противъ французской республики клонятся желанія Австріи. Она чувствуетъ необходимость мира:

это первая потребность Европы и особенно первая потребность австрійскихъ владѣній, ослабленныхъ, истощенныхъ относительно людей и финансовыхъ средствъ. Къ поддержанію мира, его возможности, его твердости устремлены всѣ заботы и желанія Австріи. Главное средство удержать французское правительство въ границахъ—это возстановленіе согласія между важнѣйшими государствами; но дѣло вознагражденія германскихъ дворовъ, выговореннаго въ люневильскомъ договорѣ, препятствуетъ этому согласію. Французы и друзья ихъ стараются воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ удалить другъ отъ друга императорскіе дворы, посѣя въ русскомъ правительствѣ подозрѣнія на счетъ намѣреній Австріи».

Въ Вѣнѣ дѣйствительно думали, что французы и друзья ихъ (т.-е. Пруссія) стараются удалить Россію отъ сближенія съ Австріею; но основанія политики молодого русскаго императора были такъ тверды, что никакія пересорриванія не могли достигать цѣли: рѣшено было испытать, способно ли французское правительство къ миру, и если неспособно, то дѣйствовать посредствомъ коалиціи; но сильная неувѣренность въ успѣхѣ испытанія и необходимость имѣть въ виду коалицію заставляли самымъ дружественнымъ образомъ относиться къ Австріи. Ея посланникъ, князь Шварценбергъ, былъ принятъ чрезвычайно радушно императоромъ и министрами. Князь Куракинъ говорилъ ему о сильнѣйшемъ желаніи императора Александра возстановить дружественныя отношенія между обоими государствами; Панинъ говорилъ, что до сихъ поръ шли по ложной дорогѣ, и эти слова имѣли для Шварценберга особенный вѣсъ именно въ устахъ Панина; другія вліятельнѣйшія лица также выражали склонность къ союзу съ Австріею. Вопросъ для русскаго кабинета заключался въ томъ, въ какой степени этотъ союзъ можетъ быть полезенъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился австрійскій дворъ. Въ знаменитой инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ объ австрійскихъ отношеніяхъ императоръ Александръ говорилъ: «Такъ какъ я убѣжденъ, что союзъ великихъ державъ одинъ въ состояніи возстановить миръ и общественный порядокъ, то однимъ изъ первыхъ моихъ дѣлъ было заявленіе вѣнскому двору искренняго желанія предать забвенію все прошлое. Такое же стремленіе, основанное на тѣхъ же самыхъ побужденіяхъ, заставило римскаго императора идти на встрѣчу моимъ желаніямъ. Не ожидая извѣщенія о моемъ восшествіи на престолъ, этотъ государь въ собственноручномъ письмѣ выразилъ мнѣ самое сильное желаніе возстановить дружескія отношенія. Австрія, поставленная между Франціею, въ которой пи-

таетъ боязнь и ненависть, между Пруссіею, которой не вѣритъ, и остальною Германіею, которую отчудила отъ себя своими корыстными замыслами, чувствуетъ необходимость сблизиться съ Россіею. Этотъ принципъ сближенія, превосходный въ теоріи, можетъ оказаться ничтожнымъ въ практикѣ, какъ скоро будетъ дурно приложенъ; а этого надобно опасаться, пока благонамѣренность государя и ревность подданныхъ, наиболѣе преданныхъ доброму дѣлу, будутъ встрѣчать препятствія въ придворныхъ и министерскихъ интригахъ, въ взаимной ненависти и страстяхъ вліятельныхъ лицъ. Эти лица суть: императрица, Тугутъ и эрцгерцогъ Карлъ. Около нихъ составлены партіи, раздирающія государство. Экс-министръ (Тугутъ, которому приписывались всѣ дѣйствія, поведшія къ разрыву австро-русской коалиціи при императорѣ Павлѣ), хотя находится въ отсутствіи, но приводитъ въ движеніе Коллоредо, а черезъ него имѣетъ вліяніе на всѣ разсужденія кабинета». Въ Петербургѣ получались донесенія изъ Вѣны, что императрица Марія-Тереза совершенно владѣетъ императоромъ, не показываетъ его въ публику, не отходитъ отъ него, и ненавидима народомъ, который жалѣетъ Франца, предполагая въ немъ большую доброту. Тугутъ живетъ въ Пресбургѣ, но съ нимъ безпрестанно пересылаются курьерами, совѣщаются; онъ сохранилъ свое вліяніе надъ императоромъ, или, лучше сказать, надъ императрицею. Народъ приписываетъ Тугуту всѣ бѣдствія имперіи. Императрица и Тугутъ дѣйствуютъ интригами; но у эрцгерцога Карла есть партія, которая его обожаетъ по мѣрѣ ненависти къ его личнымъ врагамъ — императрицѣ и Тугуту. Писать къ императору Александру понудилъ Франца графъ Траутмансдорфъ, человѣкъ благонамѣренный.

Сближеніе съ одною Австріею было недостаточно, особенно въ видахъ коалиціи; Александру I предстоялъ тотъ же страшный трудъ, который былъ употребленъ понапрасну его бабкою и отцомъ, трудъ склонить Пруссію къ общему дѣйствію, и тутъ прежде всего нужно было мирить непримиримые интересы Австріи и Пруссіи. По прежнему эти державы забывали общую опасность, общій интересъ, когда поднимался вопросъ о добычѣ, вознагражденіи; обѣ державы, позабывая все, имѣли въ виду только одно, чтобъ которая-нибудь изъ нихъ не получила больше. Въ концѣ XVIII вѣка онѣ перессорились, потеряли возможность общаго дѣйствія изъ-за польской добычи; теперь, въ началѣ XIX вѣка, онѣ косились изъ-за вознагражденія, которое германскіе владѣльцы должны были получить за лѣвый берегъ Рейна, отошедшій къ Франціи по люневильскому миру; Австрія втягивалась въ это дѣло потому, что должна была получить вознагражденіе для од-

ного изъ своихъ принцевъ, потерявшаго Тоскану, и, главное, хлопотала, чтобъ Пруссія не получила много. Въ Вѣнѣ съ ужасомъ видѣли, что Россія склонна удовлетворить прусскимъ требованіямъ, хотя въ Петербургѣ и подсмѣивались надъ аптекарскимъ счетомъ, составленнымъ въ Берлинѣ. Стало празднымъ мѣсто архіепископа кёльнскаго: Австрія хотѣла, чтобы выборы послѣдовали немедленно, имѣя въ виду избраніе одного изъ своихъ принцевъ; Пруссія требовала, чтобъ выборы были отложены до рѣшенія вопроса о вознагражденіяхъ; Россія раздѣляла мнѣніе Пруссіи, какъ соотвѣтствующее обстоятельствамъ. Австрія твердила, что готова согласиться на все въ пользу Баваріи, Вюртемберга и Бадена, лишь бы только Пруссія не получила ничего лишняго. «Неужели,—говорили въ Вѣнѣ,—въ Петербургѣ такъ ослѣплены, что не видятъ опасности, какая грозитъ Россіи отъ Пруссіи? Ни Порта, ни Швеція не могутъ быть для Россіи такими страшными врагами, какъ Пруссія?» Въ Петербургѣ австрійскій посланникъ графъ Зауpay сказалъ графу Кочубею: «Россія будетъ раскаяваться, что содѣйствовала увеличенію Пруссіи, не обращая никакого вниманія на Австрію».

Въ Россіи дѣйствительно не обращали вниманія, только не на Австрію, а на ея внушенія противъ Пруссіи; здѣсь были убѣждены, что опасность для Россіи и Европы грозитъ изъ Франціи, и для предотвращенія этой опасности державамъ надобно стоять въ тѣсномъ союзѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и что этотъ союзъ будетъ неполонъ, если въ него не будетъ входить Пруссія. Склонить ее къ этому было чрезвычайно трудно; это значило въ государствѣ самодержавномъ, что трудно было склонить короля Фридриха-Вильгельма III. Дѣйствительно, находили причины прусскаго бездѣйствія въ характерѣ короля, въ отсутствіи энергіи, военныхъ способностей, откуда проистекала робость предъ рѣшительнымъ шагомъ, предъ вступленіемъ въ борьбу съ такимъ врагомъ, какъ Наполеонъ. Нельзя отрицать въ натурѣ Фридриха-Вильгельма III значительной доли мягкости, которая дѣлала для него труднымъ рѣшительный шагъ; нужно было исторіи употребить сильныя средства, нужны были тяжелые удары судьбы, чтобъ заставить его рѣшиться на энергическія мѣры или, по крайней мѣрѣ, сочувственно смотрѣть на ихъ проведеніе. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что робость, нерѣшительность Фридриха-Вильгельма происходили также отъ сознанія положенія и средствъ своего государства. Пруссія жила славою, наслѣдованною отъ Фридриха II; но, при внимательномъ взглядѣ, можно было усмотрѣть, что средства внутреннія и условія внѣшнія далеко не соотвѣтствовали тому значенію, какое придавалось ей, и какое,

разумѣется, ей очень хотѣлось поддержать. Пруссія была обязана своимъ значеніемъ преимущественно личности Великаго-Фридриха; но, несмотря на всѣ усилія этого государя, Пруссія, по его смерти, не была великою державою, которая бы представляла вполнѣ независимую силу, особенно когда поднялась Франція при Наполеонѣ; Пруссія явилась слабою среди сильныхъ: по одну сторону Франція была сильнѣе ея, по другую Россія была сильнѣе ея, да и враждебная Австрія превосходила ее внутренними средствами, возможностью вести борьбу и скорѣе оправляться послѣ пораженія. Оказывалось ясно, что Европѣ предстоитъ долгая и тяжкая борьба вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій Франціи, главное противодѣйствіе которымъ будетъ оказываться со стороны Россіи; борьба, слѣдовательно, будетъ идти между этими главными, столповыми государствами Европы; государства слабѣйшія, находящіяся посрединѣ, должны, по своимъ интересамъ и обстоятельствамъ, примыкать къ той или другой. Наступательное движеніе идетъ явно со стороны Франціи, которая не останавливается въ своихъ захватахъ; политика Россіи охранительная, она представляетъ защиту, опору коалиціи противъ Франціи; казалось бы, поэтому, что самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ было примкнуть къ Россіи; но для прусскаго короля и его приближенныхъ людей существовали причины, производившія раздумье. Пруссія не была въ такихъ непосредственныхъ столкновеніяхъ съ Франціею, какъ Австрія по отношенію къ Италіи. Главною соперницею Пруссіи считалась Австрія; на союзъ съ нею въ Пруссіи смотрѣли какъ на противоестественный. Попытка къ нему оказалась неудачною въ концѣ прошлаго вѣка, Пруссія разорвала противный ей союзъ, заключила отдѣльный миръ съ Франціей, и миръ не прерывался, — это уже было преданіе. Россія предлагаетъ защиту, опору — все это прекрасно, и, въ случаѣ нужды, надобно имѣть въ виду эту защиту и опору; но не надобно спѣшить. Союзъ съ Россіею, какъ съ государствомъ сильнѣйшимъ, имѣлъ невыгоды: тутъ нѣтъ равенства, а во всякомъ случаѣ нѣкоторое подчиненіе; благоразумно ли содѣйствовать усиленію Россіи, и безъ того уже опасной сосѣдки? Даже и въ томъ случаѣ, если бы она не увлеклась своею силою, властолюбіемъ, Россія дѣйствуетъ по своимъ принципамъ, имѣетъ въ виду поддержаніе европейскаго равновѣсія, и т. п. Ей хорошо, ей нечего расширять своихъ владѣній, она и безъ того велика и сильна, а Пруссіи еще нужно рости, нужно еще много расширяться и округляться, чтобъ сравняться съ Россіею и Франціею; восторжествуетъ Россія съ помощію Пруссіи, начнетъ дѣлить своихъ союзниковъ по-своему, и ненавистной Австріи дастъ

столько же, сколько Пруссіи—для сохраненія равновѣсія! Такой русскій дѣлежъ Пруссія уже испытала при Екатеринѣ II, нѣтъ надобности дожидаться подобнаго и при внукѣ, который обѣщаетъ идти по слѣдамъ бабки. Но восторжествуетъ ли еще Россія въ борьбѣ? Ея войска составили себѣ славу побѣдами надъ поляками и турками; Суворовъ билъ и французовъ, да безъ Бонапарта; теперь у французовъ Бонапартъ; у русскихъ Суворова нѣтъ. Въ случаѣ торжества Франціи, Россія останется нетронутою, а поплатится Пруссія.

При такихъ соображеніяхъ, изъ которыхъ истекало печальное убѣжденіе, что слабое государство находится между двумя борющимися другъ съ другомъ сильными, находится между двухъ огней,—при такихъ соображеніяхъ, разумѣется, съ непреодолимою силою должны были ухватиться за возможность выхода безъ обжога, съ выгодою, по крайней мѣрѣ безъ потерь и съ сохраненіемъ чести: эту возможность представлялъ нейтралитетъ. Россія съ Франціею непосредственно бороться не можетъ, можетъ бороться только черезъ Австрію и Пруссію; интересъ послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы не допустить борьбы, служить посредницею между Россіею и Франціею, — положеніе почетное! Станутъ вести войну черезъ Австрію—разнимать, понуждать къ миру, въ случаѣ нужды и угрозою—пристать къ той или другой сторонѣ, болѣе податливой на миръ или болѣе правой. Важное, почетное значеніе сохранено, а между тѣмъ, пользуясь обстоятельствами, тѣмъ, что съ разныхъ сторонъ заискиваютъ, можно пріобрѣсть и выгоды, увеличить свою территорію, округлиться, и сдѣлать это безъ пожертвованій. Образъ дѣйствій Фридриха II по обстоятельствамъ былъ невозможенъ; надобно было возобновить политику его предшественниковъ, Фридриха I, Фридриха-Вильгельма I, ловко держаться между воюющими сторонами и, при первомъ удобномъ случаѣ, схватить что-нибудь; да и самъ Фридрихъ II развѣ не посредничествомъ между Россіею и Австріею пріобрѣлъ земли по первому раздѣлу Польши даромъ, безъ всякихъ пожертвованій? Уже давно Германія дѣлится на двѣ половины—сѣверную, протестантскую, и южную, католическую; въ послѣдней Австрія и Франція давно уже борются за вліяніе; если Франція осилитъ здѣсь Австрію — не бѣда, лишь бы сѣверная Германія осталась нетронутою подъ защитой Пруссіи, которая здѣсь должна искать себѣ средствъ къ усиленію. И вотъ Пруссія, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ началѣ XIX вѣка крѣпко держится системы нейтралитета; въ ней видитъ спасеніе самъ король; по собственному убѣжденію или по выгодѣ быть одного убѣжденія съ королемъ, или по тому или другому вмѣ-

стѣ, системы нейтралитета держатся люди, близкіе къ королю, генералъ-адъютанты, члены кабинета.

Но противъ системы нейтралитета слышались вѣскія возраженія. Сильные не любятъ нейтралитета слабыхъ; эта претензія на независимость и самостоятельность раздражаетъ ихъ иногда даже болѣе, чѣмъ явная вражда, ибо все явное менѣе безпокоитъ, чѣмъ неопредѣленное, тайное; притомъ желаніе сохранять нейтралитетъ обыкновенно предполагаетъ робость, слабость; сильные не уважаютъ слабыхъ и при нужномъ случаѣ не позадумаются нарушить нейтралитетъ. При нейтралитетѣ небольшая надежда на пріобрѣтеніе какой-нибудь выгоды: хорошо платятъ за союзъ, за дѣйствительную помощь; за нейтралитетъ ничего не даютъ или даютъ дешево, и посредничество державы, заподозрѣнной въ робости или слабости, не имѣетъ важнаго значенія, угрозы ея не производятъ большого дѣйствія. Пруссія слаба, разбросана, ей нужно окрѣпнуть, усилиться, чтобъ получить важное значеніе; для этого робкая политика нейтралитета не годится, надобно прямо вступать въ союзъ съ тою стороною, которая предлагаетъ бо́льшія выгоды. Но это мнѣніе не могло осилить противоположнаго взгляда у короля и большинства его совѣтниковъ, потому что предлагались мѣры рѣшительныя, энергическія, которыхъ боялись, въ успѣхъ которыхъ мало вѣрили, не видѣли обезпеченія на востокѣ со стороны Россіи, при союзѣ съ Франціею, и не видѣли обезпеченія на западѣ, со стороны Франціи, при союзѣ съ Россіею. Обезпеченіе могло заключаться въ сознаніи своей силы, а этого сознанія не было; на востокѣ видѣли количество, на западѣ количество и качество, у себя не видали ни того, ни другого. Очень хорошо знали, что провозглашеніе системы нейтралитета и готовность поддержать его при случаѣ вооруженною рукою, принятіе на себя посреднической роли для сохраненія спокойствія Европы — все это было только выставка, за которою притаились слабость и робость; видѣли, что должны сквозь пальцы смотрѣть на дѣйствія правителя Франціи, чтобъ не вызвать его на борьбу, и въ то же время нѣжничать съ Россіею, чтобъ на всякій случай имѣть въ ней прибѣжище; видѣли неловкость, недостоинство такихъ отношеній, и тѣмъ болѣе сердились на людей, которые возражали противъ нихъ, и этимъ прямо обвиняли въ робости; поведеніе подобныхъ людей раздражало и оскорбляло короля, потому что они, вооружаясь противъ его системы, не брали на себя отвѣтственности въ случаѣ затрудненій и бѣдъ, легко могшихъ произойти отъ системы противоположной; вся отвѣтственность падала на короля. Эти люди красовались передъ публикою своимъ патріотизмомъ, своимъ стрем-

леніемъ поддержать честь и пользу отечества; но они красовались на счетъ короля, пріобрѣтали популярность на счетъ его популярности. Тѣмъ благосклоннѣе король относился къ людямъ, которые входили въ его виды, признавали ихъ необходимость, не выставляли въ противоположность королевской системѣ своей системы, могшей привлекать бóльшее сочувствіе публики, но служили королю вѣрную службу, жертвуя ему своею популярностію, перенимая на себя негодованіе публики, приписывавшей непріятный для нея образъ дѣйствій не королю, а близкимъ къ нему людямъ.

Затрудненія начались съ возобновленіемъ войны между Франціею и Англіею. Англійскому королю на твердой землѣ принадлежалъ Ганноверъ, который и становился первою добычею Наполеона. Но Ганноверъ составлялъ часть германской имперіи; Пруссія не должна была равнодушно смотрѣть на его занятіе французами, и въ Берлинѣ рождался вопросъ, нельзя ли воспользоваться обстоятельствами и пріобрѣсти Ганноверъ, сперва занять его хотя временно, подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія его для Германіи отъ чуждаго завоеванія, а потомъ, безъ войны, посредствомъ переговоровъ и сдѣлокъ, закрѣпить и навсегда за собою. Дѣло трудное, но возможное; въ XVIII вѣкѣ Пруссія пріобрѣтала же владѣнія такимъ образомъ; отчего же нельзя этого сдѣлать въ XIX? Англійскій король, курфюрстъ ганноверскій, разумѣется, не скоро на это согласится; но англійскій народъ равнодушенъ къ германскимъ владѣніямъ своего короля; Россія, которая такъ старается привлечь Пруссію на свою сторону, и не имѣетъ причины не желать ея усиленія въ виду общаго дѣйствія съ нею, не должна отказаться употребить все свое вліяніе въ Лондонѣ, чтобъ заставить здѣсь войти въ виды Пруссіи; Наполеона также можно склонить обѣщаніемъ союза или нѣкоторыми уступками его видамъ. Такъ, при войнѣ съ Англіею, для Наполеона было важно, чтобъ Англія, пользуясь своимъ господствомъ на моряхъ, не уничтожила французской торговли недопущеніемъ къ ней нейтральныхъ кораблей; если бы Пруссіи удалось склонить Англію признать основанія вооруженнаго нейтралитета, то Наполеонъ за это могъ бы позволить Пруссіи занять Ганноверъ. Лондонскому кабинету было сдѣлано предложеніе относительно нейтралитета, съ обѣщаніемъ за это охранять и защищать Ганноверъ отъ французовъ. Но Англія, съ обычною своею безцеремонностію въ тонѣ, отвергла прусское предложеніе, ибо не могла отказаться для Ганновера отъ средства наносить врагу самый чувствительный ударъ, да и король Георгъ III предпочиталъ занятіе Ганновера французами занятію пруссаками, по-

тому что первое было временное, тогда какъ второе легко могло обратиться въ вѣчное. Въ Петербургѣ также поняли настоящія намѣренія Пруссіи, ихъ неблаговидность и вредъ отъ них для общаго дѣла: Австрія была бы раздражена, и Пруссія могла занять Ганноверъ только съ большими уступками Наполеону, что вовсе не могло входить въ планы Россіи. Когда король Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ императору Александру за совѣтомъ, тотъ прямо высказалъ ему свой взглядъ на дѣло: «заботясь о сохраненіи славы короля», Александръ не совѣтовалъ ему занимать Ганноверъ. Ганноверъ былъ занятъ французами.

Такимъ образомъ, возможность пріобрѣтенія соблазнительной добычи стала зависѣть преимущественно отъ Франціи, и поднимался вопросъ о союзѣ съ Наполеономъ; но какія бы ни представлялись выгоды этого союза, королю и его министрамъ, завѣдывавшимъ попеременно иностранными дѣлами, графу Гаугвицу и барону Гарденбергу, трудно было заглушить въ себѣ сознаніе непрочности французскаго союза; они ясно видѣли, что Наполеонъ не позволитъ Пруссіи употребить Францію орудіемъ для своихъ цѣлей, а, наоборотъ, союзъ съ нимъ будетъ для Пруссіи равносиленъ подчиненію; невозможно было освободиться отъ мысли, что рано или поздно столкновеніе съ нимъ необходимо; притомъ же союзъ съ Франціею велъ къ разрыву съ Россіею, чего никакъ не хотѣли—какъ вслѣдствіе прямыхъ невыгодъ и опасностей разрыва, такъ и вслѣдствіе сознанія надобности въ Россіи, единственно вѣрной опорѣ противъ наполеоновскихъ захватовъ; наконецъ, вслѣдствіе вліянія, пріобрѣтеннаго императоромъ Александромъ надъ королемъ во время свиданія ихъ въ Мемелѣ въ іюнѣ 1802 года. Такое колебаніе, выжиданіе, одинакій страхъ передъ разрывомъ и съ Франціею, и съ Россіею, не могли внушить ни той, ни другой большого уваженія къ Пруссіи. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, писалъ канцлеру Воронцову (4 (16) ноября 1803 года), о несчастномъ состояніи сѣверной Германіи «вслѣдствіе глубокой апатіи прусскаго короля; о слѣдствіяхъ для Россіи господства, къ которому стремится Франція посредствомъ своей коварной политики. Нѣмецкая имперія существуетъ только по имени. Австрія, ослабленная послѣдними войнами, вовсе не видитъ кормила своего правленія въ рукахъ, способныхъ извлечь выгоды изъ большихъ средствъ, которыя еще у нея остались, несмотря на всѣ потери. Пруссія почти не считается въ политическомъ равновѣсіи Европы. Это машина, въ движеніяхъ которой можно еще видѣть, что она вышла изъ рукъ Фридриха II-го, но часть колесъ этой машины уже сломана». Подъ вліяніемъ подобныхъ извѣстій въ Петербургѣ не

могли очень любезно относиться къ Пруссіи. Россія предлагала ей выслать вмѣстѣ войска къ Эльбѣ, потребовать отъ Франціи, чтобы она очистила Ганноверъ, и когда это очищеніе послѣдуетъ, занять его союзными русско-прусскими войсками; но король никакъ на это не согласился, предполагая, что Россія затягиваетъ его въ войну съ страшнымъ Наполеономъ. Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ: пока ни одинъ прусскій подданный не будетъ убитъ на прусской почвѣ, до тѣхъ поръ онъ не приметъ участія ни въ какой распрѣ. Но, боясь оскорбить императора Александра отказомъ, онъ написалъ ему въ началѣ 1804 года: «Ваше Величество не разъ увѣряли меня, что при нуждѣ я всегда найду васъ готовымъ на помощь. Теперь я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ, сильно желая, чтобъ мнѣ не пришлось когда-нибудь обратиться къ вамъ за чѣмъ-нибудь другимъ. Выгнать французовъ изъ Ганновера было бы предпріятіемъ, могущимъ повести еще къ бо́льшему несчастію. Но если Бонапартъ, обманутый въ надеждѣ приковать къ себѣ безусловно прусскую политику, попытается отмстить за это Пруссіи прямо или косвенно, то насколько послѣдняя въ такомъ случаѣ можетъ разсчитывать на помощь Россіи и ея союзниковъ? Я буду покоенъ на счетъ судебъ Пруссіи, если Россія соединитъ ихъ съ своими». Александръ отвѣчалъ (16 марта н. с.), что «бываютъ случаи, когда вѣрнѣйшій другъ не въ состояніи подать совѣтъ, когда каждый долженъ принять самъ свое рѣшеніе. Императоръ предлагалъ королю самый дружескій совѣтъ; но тотъ счелъ нужнымъ послѣдовать другимъ мнѣніямъ. Королю принадлежитъ выборъ: на одной сторонѣ честь, слава, истинный интересъ прусской монархіи; на другой—рѣшительная и неизбѣжная гибель послѣдней, при вѣчномъ упрекѣ въ содѣйствіи ко всемірной монархіи человѣка, столь мало ея достойнаго. Если король вооружится за независимость и благо цѣлой Европы, то немедленно найдетъ императора подлѣ себя; Пруссія не должна бояться, что Россія покинетъ ее одну въ такой благородной борьбѣ». Въ Россіи говорили о необходимости борьбы; въ Пруссіи отвѣчали, что борьбу начинать рано, надобно потихоньку приготовляться. А между тѣмъ Наполеонъ схватилъ на нѣмецкой независимой почвѣ одного изъ бурбонскихъ принцевъ и убилъ его.

Наполеонъ готовился сдѣлать послѣдній шагъ для утвержденія своей власти во Франціи; онъ уже былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ консуломъ; оставалось только велѣть провозгласить себя наслѣдственнымъ императоромъ, и въ такое-то рѣшительное время онъ былъ страшно раздраженъ заговорами приверженцевъ старой династіи. Въ этомъ раздраженіи Напо-

леону, по его природѣ, мало было казнить, разослать вѣрныхъ слугъ бурбонской династіи, орудіе заговора, — ему нужна была жертва болѣе значительная, кто-нибудь изъ самихъ Бурбоновъ. Этою жертвою сдѣлался молодой герцогъ Ангьенскій, внукъ Конде, который жилъ въ Эттенгеймѣ, въ баденскихъ владѣніяхъ. Неприкосновенность независимыхъ владѣній должна была служить ему вѣрнымъ ручательствомъ безопасности; но во времена Наполеона этого ручательства не было болѣе. Въ мартѣ 1804 года французскіе жандармы являются ночью въ Эттенгеймъ, схватываютъ герцога и отвозятъ во Францію. Судьба его была рѣшена: Наполеону нужно было показать свою силу, поразить враговъ ужасомъ, наругаться надъ ними, унизить передъ толпою древнюю династію казнію одного изъ видныхъ ея членовъ, поразить толпу впечатлѣніемъ, что для ея правителя казнить и принца ничего не значитъ. Герцогъ Ангьенскій былъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка.

Въ тотъ день, какъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти герцога Ангьенскаго, жена французскаго посланника, мадамъ Гедувиль, съ жившею у нея родственницею поѣхали вечеромъ къ князю Бѣлосельскому, гдѣ собралось больше шестидесяти человѣкъ. Послѣ ледяного пріема ее оставили на диванѣ одну съ кузиною; никто къ нимъ не подошелъ; долго француженки бесѣдовали другъ съ другомъ, наконецъ, отправились домой за часъ до ужина. «Я вижу, что на насъ смотрятъ здѣсь какъ на зараженныхъ», сказала мадамъ Гедувиль, уѣзжая. 5-го апрѣля былъ назначенъ совѣтъ по поводу венсенскаго событія. Большинство членовъ было за то, чтобъ наложить трауръ и отозвать повѣреннаго въ дѣлахъ Убри, — было вообще за энергическія мѣры. Графъ Завадовскій объявилъ, что Россія, по своимъ силамъ и по своему географическому положенію, безопасна, если бы даже французы перемутили всѣ сосѣднія государства. Графъ Николай Румянцовъ объявилъ, что не надобно разрывать съ Франціею безъ важныхъ причинъ и не надобно давать другимъ государствамъ увлекаться въ войну. Только одни государственныя причины могутъ повести къ какимъ-нибудь рѣшеніямъ, а чувства должны оставаться въ сторонѣ, и потому надобно только надѣть трауръ и замолчать. Князь Чарторыйскій присоединился къ Румянцову.

Но императоръ былъ не за молчаніе; онъ понималъ, что дѣло идетъ не о чувствахъ только, когда правитель одного государства хватаетъ вооруженною рукою въ другомъ независимомъ государствѣ непріятнаго ему человѣка и разстрѣливаетъ его. Алопеусъ давалъ знать Александру, что венсенское событіе произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ — но какія же слѣдствія?

Александръ написалъ Фридриху-Вильгельму: «Я уже знаю изъ письма Алопеуса, что В. В. были сильно оскорблены ужаснымъ поступкомъ, который позволилъ себѣ Бонапартъ похищеніемъ герцога Ангьенскаго. Но, государь, на нашемъ мѣстѣ часто бываетъ недостаточно только почувствовать справедливое негодованіе въ глубинѣ своего сердца,—надобно его выразить. До сихъ поръ Россія и Пруссія обходились съ Франціею очень кротко, и что̀ выиграли? Надобно перемѣнить обращеніе. Бонапартъ нагналъ на всѣ правительства паническій страхъ, который служитъ главнымъ основаніемъ его могущества. Встрѣтитъ онъ твердое сопротивленіе—и пылъ его утихнетъ.» Но правительства, находящіяся подъ вліяніемъ паническаго страха, могутъ ли оказать твердое сопротивленіе; могутъ ли и принять совѣтъ о его необходимости? Исторія герцога Ангьенскаго показала это всего лучше. Дѣло касалось прежде всего германской имперіи, неприкосновенность ея границъ была нарушена самымъ наглымъ образомъ; имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ былъ въ самомъ непріятномъ положеніи: и стыдно промолчать, и что̀ и ка̀къ сказать? Наполеонъ! Лучше, безопаснѣе промолчать, не обратить никакого вниманія; дѣло скоро забудется. Начали успокоиваться, какъ вдругъ, нежданная, непрошенная, приходитъ русская нота въ сильныхъ выраженіяхъ, съ требованіемъ протеста, съ указаніемъ на опасность, какая произойдетъ для Европы, если такія насилія будутъ производиться безпрепятственно, пропускаться безъ вниманія. Къ русскому протесту присоединился ганноверскій посланникъ, представитель члена имперіи; шведскій король, Густавъ IV, также прислалъ протестъ. У Германіи былъ глава—императоръ, онъ не могъ молчать, когда заговорилъ императоръ русскій. Въ Вѣнѣ нѐ-хотя промолвили, что можно попросить у французскаго правительства достаточнаго успокоительнаго уясненія дѣла. Промолвили—и испугались; велѣли въ Парижѣ извиниться: «желалось сохранить глубокое молчаніе и до сихъ поръ не произносили ни слова; но царь заставилъ говорить; французское правительство, которое и безъ того дало бы разъясненіе, конечно будетъ довольно, получивши объ этомъ такое умѣренное предложеніе отъ императора Франца». Хвалились, что вмѣсто жёсткаго русскаго требованія поставлено умѣренное приличное предложеніе. Но въ Парижѣ не тронулись этими извиненіями, потому что раздражались всякимъ требованіемъ отвѣта, когда отвѣта давать не хотѣли; въ Парижѣ на учтивости австрійскаго посла отвѣчали упреками въ соглашеніи Австріи съ Россіею; австрійскому послу приходилось при этомъ отрекаться болѣе трехъ разъ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Шампаньи, тре-

бовалъ, чтобы вѣнскій дворъ склонилъ курфюрста баденскаго сообщить въ Регенсбургъ сейму, что онъ, курфюрстъ, получилъ отъ Франціи самыя удовлетворительныя объясненія и что все произошло съ его согласія. Это было уже слишкомъ; требованіе отклонили. Тогда французское правительство обошлось и безъ помощи Австріи относительно курфюрста баденскаго: онъ прислалъ въ Регенсбургъ заявленіе: тутъ была и благодарность русскому императору за его чистое намѣреніе и благожелательное участіе, и увѣренность въ дружескихъ чувствахъ французскаго правительства и его высокаго главы, и, наконецъ, настоятельная просьба не давать дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій. У представителей германскихъ государей на сеймѣ отлегло отъ сердца. Пруссія прямо присоединилась къ баденскому заявленію; Австрія не возражала; только русскій посланникъ не хотѣлъ понять, какъ такимъ образомъ могутъ быть обезпечены достоинство и самостоятельность германской имперіи. Чтобъ не имѣть больше дѣла съ такою странною непонятливостью, сеймъ придумалъ отличное средство: онъ разъѣхался до срока.

Но во Франціи дѣло кончилось обратно: оттуда уѣхалъ русскій повѣренный въ дѣлахъ. Когда Убри передалъ Талейрану ноту съ протестомъ противъ поступка главы французскаго правительства съ герцогомъ Ангьенскимъ, и съ изложеніемъ всѣхъ недружественныхъ поступковъ французскаго правительства относительно русскаго, Талейранъ сказалъ тихонько, какъ будто про себя: «мнѣ кажется, что это дѣло сдѣлано немного легкомысленно». Убри всталъ съ разсерженнымъ видомъ. Талейранъ при этомъ движеніи сказалъ съ живостію: «Я нахожу вездѣ духъ и пріемы г. Моркова». — «Это мнѣніе императора», сказалъ Убри; но Талейранъ продолжалъ утверждать, что все это Морковъ. — «Не Морковъ,—говорилъ Убри, — но уклоненіе отъ обязательствъ, постановленныхъ въ секретномъ договорѣ относительно Неаполя, сардинскаго короля и проч., заставило императора высказать все свое неудовольствіе противъ Франціи». Послѣ доклада Бонапарту Талейранъ отвѣчалъ нотою, въ которой русское правительство обвинялось въ томъ, что держитъ въ Дрезденѣ и Римѣ заговорщиковъ противъ Франціи и стремится нарушить безопасность и независимость націй. Относительно герцога Ангьенскаго говорилось, что германскіе государи не протестуютъ: изъ чего же Россія хлопочетъ? «Если, — говорилось въ нотѣ, — настоящая цѣль Его Величества состоитъ въ томъ, чтобъ образовать въ Европѣ новую коалицію и возобновить войну, то къ чему служатъ пустые предлоги? и почему не дѣйствовать открыто? Первый консулъ не знаетъ на землѣ никого, кто бы могъ испугать Францію, никого,

кому бы онъ позволилъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны». Затѣмъ была пущена корсиканская стрѣла: на Англію взведено обвиненіе въ замыслахъ противъ императора Павла съ прибавкою, что если бы въ Россіи узнали, что злоумышленники находятся не далеко отъ границы, то, конечно, схватили бы ихъ. Убри потребовалъ паспортовъ; Талейранъ уговаривалъ его остаться. Тогда Убри для продолженія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею потребовалъ немедленнаго удовлетворенія по тремъ пунктамъ: очищенія Неаполя, вознагражденія сардинскаго короля, очищенія сѣверной Германіи. Удовлетворенія не было. Въ августѣ 1804 года, Убри снова потребовалъ паспортовъ, и на этотъ разъ получилъ ихъ.

III.

Первая коалиція.

У первобытныхъ народовъ существовалъ обычай, при закладкѣ какого-нибудь зданія, для его прочности, приносить человѣческую жертву. Въ основу зданія французской имперіи положенъ былъ трупъ герцога Ангьенскаго. Едва покончилась венсенская трагедія, какъ сенатъ явился къ первому консулу съ предложеніемъ императорской короны. Но дѣло объ имперіи еще не было кончено, когда послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею; императорскій титулъ Наполеона не былъ признанъ Россіею; Пруссія поспѣшила признать его; призналъ и германскій императоръ, выговоривъ себѣ признаніе наслѣдственнаго императорскаго титула, какъ государю австрійскихъ земель. Превращенію французской республики въ имперію даже очень радовались въ высшихъ кругахъ Вѣны, ибо думали, что дѣло покончено съ революціею; но радость была непродолжительна. То, чѣмъ могъ довольствоваться первый консулъ, тѣмъ не могъ довольствоваться императоръ: новый титулъ требовалъ новой, блистательнѣйшей обстановки, и средства для этой обстановки должна была доставить Европа. Странно было думать, что Наполеонъ, ставши императоромъ, сдѣлается умѣреннѣе, какъ будто онъ не долженъ былъ заплатить за новую верховную честь новою славою для народа, новыми пріобрѣтеніями для него; странно было думать, что Наполеонъ, который не хотѣлъ отказаться отъ Италіи, когда былъ первымъ консуломъ, откажется отъ нея, ставши императоромъ, а здѣсь-то, въ Италіи, и мѣсто столкновенія между Австріею и Франціею. Столкновеніе было необходимо, къ нему надобно было готовиться; въ Вѣнѣ не могли обманывать себя надеждою на нейтралитетъ, какъ обманывали себя въ Берлинѣ;

но точно такъ же, какъ и въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ дрожали при мысли начать борьбу съ Наполеономъ, а начать ее одинъ на одинъ считали невозможностью.

Были союзники. Какъ только возобновилась война между Англіею и Франціею, британское правительство начало искать союзниковъ на континентѣ, хлопотать о коалиціи, причемъ не могло не обратиться къ Австріи, старой союзницѣ своей въ борьбѣ съ Франціею. Но старыя времена прошли; Австрія не была болѣе первенствующею державою восточной Европы; въ Германіи ее постоянно давилъ кошмаръ Пруссіи, а на востокѣ была Россія, которая одна могла стать въ челѣ коалиціи. И потому на англійскія предложенія въ Вѣнѣ былъ одинъ отвѣтъ: безъ Россіи ничего сдѣлать нельзя. Этого мнѣнія крѣпко держался человѣкъ, управлявшій тогда внѣшними сношеніями Австріи, графъ Людвигъ Кобенцль, пріобрѣтшій, какъ дипломатъ, громкую извѣстность въ XVIII вѣкѣ, особенно какъ австрійскій министръ при русскомъ дворѣ, при дворѣ Екатерины. Кобенцль, подобно Моркову, былъ полный представитель того добраго стараго времени, когда шутя дѣлали важныя дѣла, когда въ Эрмитажѣ, за веселымъ разговоромъ, втыкая иголку въ канву, дѣлили царства. Кобенцль славился своимъ волокитствомъ, несмотря на тяжелую и крайне непріятную наружность, славился умѣньемъ играть на театрѣ; имѣя около 60 лѣтъ, не переставалъ брать уроки пѣнія. Курьеръ прискачетъ изъ Вѣны съ важными депешами, а посланникъ передъ зеркаломъ разучиваетъ роль. Дурныя извѣстія, которыя получалъ Кобенцль изъ Вѣны во время неудачной борьбы Австріи съ республиканскою Франціею, не мѣшали ему давать блестящіе балы; когда узнавали о побѣдахъ французовъ надъ австрійцами, то говорили: «прекрасно! въ субботу будетъ балъ у Кобенцля». Екатерина говорила: «Вы увидите, что онъ бережетъ лучшую пьесу ко дню входа французовъ въ Вѣну».

Кобенцль выѣхалъ изъ Россіи съ убѣжденіемъ, что Австрія можетъ быть безопасна только въ союзѣ съ этою державою; съ этимъ убѣжденіемъ онъ принялъ въ свое завѣдываніе внѣшнія дѣла. Въ Вѣнѣ не могли не знать, по крайней мѣрѣ не могли не подозрѣвать, что въ Петербургѣ не придають большого значенія союзу съ Австріею, вслѣдствіе военной слабости, обнаруженной ею въ послѣднее время. Такому взгляду въ Вѣнѣ приписывали и старанія Россіи привлечь на свою сторону Пруссію, и явную потачку видамъ послѣдней, какъ казалось, одолѣваемой ревностію Австріи. Съ цѣлью внушить русскому правительству бо́льшее уваженіе къ военнымъ силамъ Австріи, лѣтомъ 1803 года отправился въ Петербургъ братъ императора, венгерскій

палатинъ; но хотя онъ привезъ въ Вѣну успокоительное извѣстіе, что и въ Пруссіи въ Петербургѣ не питаютъ особеннаго уваженія, однако не замѣтилъ тамъ и желанія сблизиться съ Австріею. Въ Петербургѣ хотѣли дѣятельнаго союза, а не безполезнаго сближенія; на первый же была плохая надежда, судя по извѣстіямъ, приходившимъ изъ Вѣны. По этимъ извѣстіямъ, Тугута уже съ годъ ни о чемъ не спрашивали; вліяніе эрцгерцога Карла ограничивалось одними военными дѣлами; императрица не имѣетъ *важнаго* вліянія, она хохочетъ съ утра до вечера, устраиваетъ фантастическіе деревенскіе праздники, строитъ странные замки. Администрація слабая, хочетъ все дѣлать сама, выводитъ темныхъ людей, и хочетъ этимъ показать, что ищетъ силъ во всѣхъ классахъ общества. Французскій посланникъ пользуется въ Вѣнѣ огромнымъ значеніемъ; онъ знаетъ все, потому что посланникъ испанскій, министры итальянскій, прусскій сообщаютъ ему о всѣхъ своихъ поступкахъ, совѣтуются съ нимъ обо всемъ, передаютъ ему всѣ извѣстія. Францію терпѣть не могутъ, но страшно боятся. Армія въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было надѣяться, но полководцевъ нѣтъ.

Представителемъ австрійскаго двора въ Петербургѣ былъ графъ Филиппъ Стадіонъ, человѣкъ, пользовавшійся по своимъ личнымъ качествамъ всеобщимъ уваженіемъ и давно пріятный въ Россіи. Но Стадіону была задана трудная задача. «Старайтесь,—писалъ ему Кобенцль,—поставить насъ въ самыя лучшія отношенія къ Россіи, но чтобы при этомъ мы не обязаны были вести войны». Кобенцлю давали знать, что изъ сановниковъ, завѣдывавшихъ иностранными дѣлами Россіи, князь Чарторыйскій раздѣлялъ воинственный жаръ императора Александра, но графъ Воронцовъ смотрѣлъ на дѣло спокойнѣе и систематичнѣе, и Кобенцль предписывалъ Стадіону извлечь пользу изъ миролюбивыхъ наклонностей русскаго канцлера. Но Воронцовъ не былъ такъ миролюбивъ, какъ про него насказали Кобенцлю: Воронцовъ напоминалъ Стадіону то доброе старое время, время незабвенной Елисаветы, когда Россія и Австрія были въ тѣсномъ союзѣ, и слѣдствія этого союза хорошо зналъ Фридрихъ II; теперь слѣдствія такого союза долженъ узнать Наполеонъ, иначе зачѣмъ союзъ? Война есть бѣдствіе, но избѣжать ея трудно. Россія можетъ двинуть 90,000 войска, съ такимъ же корпусомъ удерживать Пруссію; будетъ стараться въ Баваріи, Виртембергѣ и Баденѣ, чтобъ эти владѣнія не примкнули къ Франціи. «Русскія войска,—говорилъ Воронцовъ,—могутъ выступить въ походъ въ 8 дней».

Русскія предложенія произвели сильное смущеніе въ Вѣнѣ.

Министерство было за условное принятіе ихъ; эрцгерцогъ Карлъ требовалъ безусловнаго отверженія; наконецъ отправили (1 апрѣля 1804 г. н. ст.) въ Петербургъ отвѣтъ съ чистосердечнымъ признаніемъ жалкаго финансоваго положенія Австріи, которая едва могла бы вести и оборонительную, и ужъ никакъ не можетъ рѣшиться на войну наступательную; при этомъ старались доказать, что тѣсная связь Россіи съ Австріею одна можетъ удержать Наполеона отъ дальнѣйшихъ захватовъ. Такая уклончивость и поведеніе вѣнскаго двора въ дѣлѣ герцога Ангьенскаго не могли не произвести раздраженія въ Петербургѣ. Императоръ Александръ не скрывалъ этого чувства въ разговорахъ съ австрійскимъ военнымъ агентомъ Штуттергеймомъ: «Вы идете по дорогѣ, которая приведетъ васъ къ погибели,—говорилъ государь:—вы отдаетесь подъ покровительство Франціи, которая съ вами играетъ, и кто знаетъ, куда васъ заведетъ робость». Раздраженіе усилилось, когда Австрія признала императорскій титулъ Наполеона. Въ Вѣнѣ одинаково боялись раздражить и Россію, и Францію. Старались представить въ Петербургѣ, что не должно вступать въ борьбу ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно; преждевременный разрывъ, безъ приготовленія по меньшей мѣрѣ равныхъ съ непріятелемъ силъ, только закрѣпитъ цѣпи, а не разобьетъ ихъ. Бѣдственное существованіе сардинскаго короля, опасности, грозящія Неаполю, требуютъ, конечно, величайшаго вниманія; но чтó все это значитъ въ сравненіи съ соединеніемъ Италіи съ Франціею, съ этимъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ ко всемірной монархіи? Для войны требовали отъ Россіи 150,000 войска, отъ Англіи большихъ денежныхъ субсидій. Страннымъ долженъ былъ казаться въ Петербургѣ страхъ предъ соединеніемъ Италіи съ Франціею на бумагѣ, когда уже все было къ тому приготовлено на дѣлѣ. Въ отвѣтъ на такую странность императоръ Александръ черезъ Штуттергейма не переставалъ увѣщевать Австрію, чтобы она вооружалась, иначе погибнетъ, и ея паденіе повлечетъ за собою паденіе цѣлой Европы: «Нѣтъ другого средства сдержать Наполеона, какъ усиливать свое войско; развѣ австрійскій кабинетъ не видитъ, что право сильнаго составляетъ всю настоящую политику?» Когда въ Петербургѣ узнали, что папа ѣдетъ въ Парижъ короновать Наполеона, то Александръ говорилъ Штуттергейму: «Вы потеряли дорогое время; папа возложитъ корону на этого человѣка, который надъ вами смѣется, закрѣпляя свое положеніе. Чтобъ привязать къ себѣ французовъ, надобно ихъ ослѣпить. Партіи противъ Наполеона, о которыхъ вы говорите, не образуются. Вы дали ему время утвердиться, вы даете ему

еще досугъ, и онъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается королемъ итальянскимъ».

Въ послѣднемъ трудно было сомнѣваться; очень вѣроятно было и то, что Австрія выйдетъ изъ своей неподвижности при этомъ рѣшительномъ шагѣ Наполеона ко всемірному владычеству. Въ Петербургѣ не хотѣли терять дорогого времени, хотѣли закрѣпить дѣло по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно было бросить якорь—въ Англіи.

Мы видѣли, что при завѣдываніи внѣшними сношеніями графа Александра Воронцова можно было ожидать только самыхъ пріязненныхъ отношеній Россіи къ Англіи, что̀ вполнѣ соотвѣтствовало обстоятельствамъ времени, требовавшимъ тѣснаго союза между обѣими странами. Мы видѣли также, что, относительно политическихъ взглядовъ, графа Александра Воронцова нельзя отдѣлить отъ брата его, посла въ Англіи, графа Семена Романовича, вліяніе котораго на брата очевидно. Въ 1802 году графъ Семенъ рѣшился покинуть любезную Англію и побывать въ Петербургѣ: конечно, желаніе уговориться съ братомъ относительно веденія дѣлъ, окончательно закрѣпить свои внушенія, не могло быть чуждо этой поѣздкѣ. На возвратномъ пути графъ Семенъ провелъ 13 дней въ Берлинѣ и Потсдамѣ и переслалъ брату любопытныя извѣстія о прусскомъ дворѣ и главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Мы видѣли, что у Воронцовыхъ не было недостатка въ побужденіяхъ относиться враждебно къ Пруссіи, а что̀ поразсказали теперь графу Семену пріятели въ Берлинѣ,—не могло уменьшить этой враждебности, и такъ какъ отзывы графа Семена не могли остаться неизвѣстными императору Александру и не могли остаться безъ вліянія на опредѣленіе его взгляда на нѣкоторыхъ прусскихъ дѣятелей, напримѣръ графа Гаугвица, то мы не можемъ не обратить вниманія на эти отзывы. Король, по словамъ Воронцова, уменъ отъ природы, но необразованъ, неохотникъ заниматься дѣлами, робокъ и чрезвычайно скупъ, не способенъ къ безчестному поступку и въ частной жизни безупречной нравственности. Кромѣ военнаго дѣла, король не вмѣшивается ни во что̀ и отдалъ все на волю министрамъ, которыхъ видитъ рѣдко и всегда подписываетъ ихъ доклады; любитъ уединенную жизнь съ женою, братьями и немногими адъютантами, изъ которыхъ на одного смотритъ какъ на друга, и который преданъ Франціи: это Кокерицъ. Пруссіею управляютъ три министра: графъ Шуленбургъ, Струензе и графъ Гаугвицъ. Два первыхъ завѣдываютъ финансами и внутреннею администраціею; это люди искусные, приведшіе свои департаменты въ такой порядокъ, какого нѣтъ нигдѣ, даже въ Англіи; люди неутомимые и честные,

разумѣется, относительно только собственнаго государя и отечества, ибо гдѣ можно стянуть нѣсколько тысячъ талеровъ или отхватить у сосѣда землицу, то нѣтъ коварства, какого бы они себѣ не позволили; тутъ, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на короля, они присоединяются къ Гаугвицу, котораго, впрочемъ, презираютъ по причинѣ его безнравственности. Въ этой странѣ все уступаетъ системѣ захвата. Гаугвицъ очень уменъ и образованъ, гибокъ, двоедушенъ и лживъ въ высшей степени; по обстоятельствамъ былъ то гернгутеромъ, то иллюминатомъ; когда иллюминаты обманывали покойнаго короля некромантіею, выводя передъ нимъ тѣни знаменитыхъ людей, жившихъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и когда королю захотѣлось увидѣть ангеловъ и, наконецъ, самого Христа, то представить Спасителя поручено было Гаугвицу, который такъ отлично исполнилъ порученіе, что король никакъ не могъ узнать своего министра. Есть подозрѣніе, что и Гаугвицъ такъ же преданъ Франціи, какъ и Кокерицъ; то же подозрѣніе падаетъ и на Ломбарда, выведеннаго Гаугвицомъ и помѣщеннаго имъ при королѣ въ должности тайнаго секретаря. Изъ всего сказаннаго Воронцовъ выводитъ, что Пруссія есть не иное что, какъ большая французская провинція; изъ Парижа приходятъ приказанія, какъ вести дипломатическія дѣла; что министры прусскіе при всѣхъ дворахъ Европы суть адъютанты министровъ французскихъ, которымъ они сообщаютъ все и служатъ видамъ Франціи или, лучше сказать, ея деспота, Бонапарта. Воронцовъ не могъ произнести имени правителя Франціи, чтобъ не сдѣлать выходки противъ него; такъ и тутъ онъ писалъ брату: «Несчастіе, что нашъ императоръ былъ вовлеченъ, не знаю какимъ образомъ, въ частную переписку не только съ прусскимъ королемъ, но и съ самимъ Бонапартомъ. Не говоря уже о происхожденіи корсиканца, его безнравственности, гнусныхъ преступленіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ достигъ тиранніи, никогда не слѣдовало бы имѣть съ нимъ частной переписки, да и ни съ какимъ государемъ въ мірѣ. Эта переписка всегда ведетъ къ большому злу и никогда не производитъ никакого добра. Одинъ изъ переписывающихся всегда обмануть другимъ. Императоръ такъ великъ и добродѣтеленъ, что не захочетъ обманывать; но другіе не имѣютъ его нравственности и возвышенности его духа; такимъ образомъ, самъ не зная того, со своею чистотою онъ ведетъ борьбу противъ Бонапарта, Талейрана и ихъ орудій, Гаугвица и Ломбарда, которые заставляютъ короля писать то, что сами ему продиктуютъ». Гдѣ же та счастливая страна, которая могла помочь народамъ освободиться отъ бонапартовскаго ига? Разумѣется, это—Англія: «эта страна заключаетъ

въ самой себѣ всѣ элементы для сохраненія своего благоденствія и независимости и для поданія помощи другимъ, если они откроютъ глаза на опасности, грозящія имъ отъ французскаго деспота, и если они захотятъ отложить до другого времени свои взаимныя ненависти, чтобъ соединиться противъ общаго врага, котораго честолюбіе и деспотизмъ не знаютъ границъ, который грозитъ всѣмъ тронамъ, всѣмъ правительствамъ, такъ что тираннія Рима надъ другими странами есть правленіе отеческое сравнительно съ властію Бонапарта въ Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи и Германіи».

Доклады графа Александра Воронцова императору, относительно средствъ предохранить Европу отъ французскихъ «*перековеркиваній*», какъ онъ выражался, были эхомъ мнѣній графа Семена. Въ 1802 году графъ Александръ писалъ въ докладѣ: «Съ самаго вступленія моего въ управленіе иностраннымъ департаментомъ изъяснился я предъ Вашимъ Величествомъ, что направленіе французской республики ко всемірному владычеству остановить могутъ только совокупныя усилія Россіи, Англіи и Австріи; на берлинскій дворъ я и тогда уже не разсчитывалъ... Къ чему послужатъ Россіи всѣ новыя учрежденія къ просвѣщенію, къ успѣхамъ промышленности и къ благосостоянію народному, когда гибель, всѣмъ прочимъ государствамъ угрожающая, поработивъ постепенно оныя, постигнуть можетъ и ее?» Въ 1804 году канцлеръ прямо совѣтовалъ обратиться къ Англіи, причемъ сильно преувеличивалъ значеніе послѣдней, котораго она, какъ держава неконтинентальная, никогда не могла имѣть; Воронцовъ приписывалъ ей именно то значеніе, какое имѣла одна Россія. «Признаться должно,—писалъ канцлеръ,—что мы, не выпуская изъ виду всѣхъ опасеній, кои Франція не наводить не можетъ могуществомъ своимъ, и чувствуя надобность въ принятіи мѣръ, тому противоборствующихъ, не вызывались однакоже къ той самой державѣ, которая, по могуществу морскихъ своихъ силъ, чрезмѣрнымъ ея денежнымъ оборотамъ, по кореннымъ своимъ интересамъ и, сверхъ того, будучи въ войнѣ съ Франціею, не оказала бы претительности къ составу общей лиги противъ державы, всю Европу устрашающей. Сію истину трудно не признать, что Англія, такъ сказать, дастъ душу и силу коалиціи (?), если она составиться еще можетъ. Морскія силы Англіи держатъ, такъ сказать, морскія силы Франціи въ блокадѣ, такъ что и въ Средиземномъ морѣ французскіе военные корабли, несмотря, что почти всѣ порты онаго моря въ зависимости ея—показаться тамъ не смѣютъ. Итакъ, не признать нельзя, что Англія есть та стѣна, которая охраняетъ безопасность и независимость Европы

и къ которой прислоняться могутъ всѣ тѣ, кои о независимости своей еще помышляютъ (?). Долго-ль она похочетъ сію обузу на себя брать, не видя ни отъ кого себѣ содѣйствія, мнѣ кажется, сей вопросъ заслуживаетъ вниманіе. Но невѣроятнымъ кажется, чтобъ на семъ основаніи лондонскій дворъ похотѣлъ долго войну сію продолжать, не видя, такъ сказать, себѣ и предмета, тѣмъ паче, что мѣрами, принятыми для его собственной обороны, кажется отвращена уже опасность, которая сначала не невозможной была: высадка французскихъ армій въ Англію, коею Бонапартъ такъ хвастался. Англія, получа себѣ въ добычу разныя селенія французскія внѣ Европы, можетъ легко особенный свой миръ съ Франціею заключить, и при возвращеніи части своихъ завоеваній выговорить себѣ нѣкоторыя выгоды, служащія къ личному ея успокоенію. А и Бонапартъ, удостовѣрясь о затрудненіи въ исполненіи плана его о высадкѣ армій французскихъ въ Англію и въ настоящемъ своемъ положеніи достигнувъ до главнаго предмета, императорской короны, и не захотя подвергнуть потрясенію то состояніе, до котораго онъ дошелъ, можетъ быть и не несклоненъ будетъ съ Англіею примириться, такъ какъ въ народѣ французскомъ оно и весьма желается. Ничего столь пагубнаго не было бы для независимости Европы, какъ таковое событіе. Извѣстно по прежнимъ примѣрамъ и, можно сказать, по самому роду правленія англійскаго, что, примирясь съ Франціею, не вскорѣ могутъ они рѣшиться опять на новыя вооруженія; слѣдовательно, Бонапартъ будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, совершенную свободу кроить и перековеркивать, какъ похочетъ, на твердой землѣ. Нельзя безъ примѣчанія оставить, что хотя пріуготовленіе его на десантъ въ Англію и не исполнилось на дѣлѣ; но собранныя по берегамъ Франціи около 200,000 войска могутъ легко обратиться на другой предметъ; ибо тогда, имѣя отъ Англіи свободныя руки, не найдетъ онъ препятствія оказать явнымъ образомъ своего негодованія и даже непріятельскими предпріятіями на тѣ державы, на кои онъ злость имѣетъ. Всѣ сіи событія, можетъ, и упредились бы, еслибъ главные кабинеты Европы на твердой землѣ болѣе заботы со своей стороны оказали къ высвобожденію себя отъ угрожаемаго ига французскаго, не теряя времени для соглашенія о семъ съ Англіею. А масса силъ европейскихъ еще такова, что при единодушіи и съ помощію и съ соглашеніемъ Англіи весьма достаточна учинить преграду властвованію Франціи и обезпечить твердую землю Европы на будущія времена».

Воронцовъ указываетъ на возможность мира между Англіею и Франціею, что̀ было бы бѣдствіемъ для Европы. Эта угроза

была сдѣлана въ Англіи графу Семену Воронцову. Когда Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ, въ Англіи Питтъ снова вступилъ въ министерство, что означало ожесточенную борьбу съ Франціею. Но для такой борьбы одного моря было недостаточно, надобно было возбудить континентальную войну, составить коалицію. Попытки къ составленію коалиціи были неудачны вслѣдствіе робости Пруссіи и Австріи, и послѣдняя на внушенія лондонскаго двора прямо указывала на Россію, безъ которой нельзя двинуться; чтобы побудить Россію дѣйствовать энергичнѣе при составленіи коалиціи Питтъ употребилъ угрозу: «Нѣтъ человѣка въ мірѣ, говорилъ онъ графу Семену Воронцову, нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы болѣе моего былъ противникомъ мира съ Франціею при томъ положеніи, въ какомъ она теперь; но если мы будемъ продолжать биться одни, то нашему народу это наскучитъ, а вы знаете хорошо нашу страну, знаете, что когда народъ рѣшительно чего захочетъ, то волею-неволею надобно подчиниться». Графъ Семенъ писалъ брату въ октябрѣ 1804 г.: «Если ничего не сдѣлаете въ теченіи 1805 г., то Бонапартъ такъ утвердится и усилится, что Австрія еще менѣе посмѣетъ двинуться. Пруссія еще болѣе офранцузится. Бонапартъ не теряетъ времени и пріобрѣтаетъ силы въ то время, какъ другіе разсуждаютъ только, и такъ какъ здѣсь увѣрены, что нечего больше бояться высадки французовъ, то вѣроятно, что англичане потребуютъ мира съ страшнымъ крикомъ, и миръ будетъ заключенъ въ 1806 году; итакъ, если я останусь здѣсь будущій годъ, и если къ концу этого года не будетъ ничего устроено относительно континентальной коалиціи, то я буду просить моего отозванія, ибо предметъ, для котораго и здѣсь, и въ Россіи уговариваютъ меня остаться, не будетъ существовать болѣе».

Въ то время, какъ старый Воронцовъ думалъ, что онъ необходимъ въ Англіи для устройства коалиціи, для этого самаго дѣла ѣхалъ въ Англію одинъ изъ молодыхъ приближенныхъ къ императору людей, товарищъ министра юстиціи, Николай Николаевичъ Новосильцевъ, долго жившій въ Англіи и англоманъ, подобно Воронцову. Послѣднему хотѣли оставить всю оффиціальную сторону дѣла, переговоры съ министерствомъ, заключеніе договора; но Воронцовъ казался старъ, упрямъ, узокъ въ своихъ взглядахъ и слишкомъ пылокъ въ ихъ проведеніи. Новосильцевъ везъ цѣлый обширный планъ дѣйствія, обнять его не по силамъ Воронцову, старикъ будетъ спорить то о той, то о другой части плана; лучше обойти старика. Новосильцевъ явится въ Англіи подъ предлогомъ знакомства съ юристами по поводу новаго уложенія, составляемаго въ Россіи; а между тѣмъ войдетъ въ сно-

шеніе съ министерствомъ и съ главами оппозиціи, и если успѣетъ въ томъ, что министерство приметъ планъ, то самъ Питтъ будетъ предлагать его отъ себя Воронцову, и тотъ, разумѣется, согласится изъ уваженія къ авторитету, а между тѣмъ Новосильцевъ, какъ будто отъ себя, будетъ убѣждать старика въ разумности содержанія плана, что̀ Новосильцеву сдѣлать будетъ не трудно по давнему доброму расположенію къ нему Воронцова.

Что-жъ это былъ за планъ?

Это былъ планъ не только уничтоженія французскаго преобладанія, но и новаго установленія отношеній въ Европѣ послѣ ея умиренія. Уже въ прошломъ вѣкѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Россіи приходилось обнаруживать сильное вліяніе на европейскія дѣла, можно было замѣтить различіе въ ея политическихъ взглядахъ и взглядахъ другихъ европейскихъ государствъ. Составляя особый міръ, чуждый религіозныхъ интересовъ западной Европы, чуждый и политическихъ интересовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, сводя свои счеты съ государствами, имѣвшими незначительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Европѣ, Швеціею, преимущественно же Польшею, и, главное, по обширности своей территоріи не чувствуя побужденій къ распространенію своихъ владѣній, особенно послѣ достиженія морскихъ береговъ, Россія необходимо въ своей европейской дѣятельности являлась болѣе свободною, чѣмъ другія государства, имѣвшія давніе счеты другъ съ другомъ, давніе, исторически выработавшіеся интересы и неудержимое стремленіе округлиться и распространить свои територіи и не дать сдѣлать этого другимъ. Такая свобода Россіи порождала въ ней необходимо стремленіе играть посредствующую роль, устраивать европейскія отношенія на общихъ началахъ, по общимъ интересамъ; Россіи всего легче было предлагать и проводить теорію устройства европейскихъ отношеній, тогда какъ другія государства руководились практикою и были неподатливы на удовлетвореніе общимъ интересамъ, отстаивая во что бы то ни стало свои частные. Такимъ образомъ, теоретическія стремленія Россіи сталкивались иногда враждебно съ практическими стремленіями другихъ государствъ; кромѣ того, эти государства, не зная прошедшаго Россіи и проистекшаго изъ него ея настоящаго существа, не понимали въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, не признавали ея стремленій теоретическихъ, видѣли тутъ неискренность, прикрытіе практическихъ стремленій. Но такъ какъ теорія имѣетъ свою необходимую сторону въ жизни, то и русскіе планы, хотя въ частяхъ, осуществлялись, несмотря на противоборство частныхъ интересовъ.

Выраженіемъ такихъ теоретическихъ стремленій Россіи былъ

планъ, привезенный Новосильцевымъ въ Англію въ 1804 году; планъ этотъ представлялъ увертюру, гдѣ встрѣчались мотивы, которые подробнѣе были выполнены послѣ, когда обстоятельства позволили разыграть всю оперу. Что Россія, по означеннымъ причинамъ, была податлива на политическія теоріи, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы планы необходимо составлялись одними русскими людьми; такъ, и въ планѣ, которымъ мы теперь занимаемся, оказывались внушенія двоихъ извѣстныхъ политическихъ теоретиковъ: Піатоли, учителя Чарторыйскаго, и Жозефа де-Мэстра, сардинскаго министра въ Петербургѣ. Въ инструкціи императора Александра Новосильцеву, «человѣку, пользующемуся неограниченною довѣренностію государя и знающему всѣ его мысли», говорилось: «самое могущественное оружіе, которымъ пользовались до сихъ поръ французы и которымъ они еще угрожаютъ всѣмъ странамъ, состоитъ въ общемъ мнѣніи, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и благосостоянія народовъ. Было бы постыдно для человѣчества, чтобы на такое прекрасное дѣло смотрѣли какъ на цѣль правительства, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающаго быть его защитникомъ. Благо человѣчества, истинный интересъ законныхъ правительствъ и успѣхъ предпріятія, которое задумываютъ двѣ державы (Россія и Англія), требуютъ отнятія у французовъ столь страшнаго оружія и пріобрѣтенія его себѣ, чтобъ обратить его противъ самихъ же французовъ. Между обоими правительствами, русскимъ и англійскимъ, должно состояться соглашеніе: въ странахъ, которыя должно будетъ освободить отъ ига Бонапарта, не возстанавливать прежнихъ злоупотребленій и такого положенія дѣлъ, къ которому народы, испытавшіе формы независимости, примѣниться не могутъ; напротивъ, надобно постараться упрочить имъ свободу, установленную на своихъ настоящихъ основаніяхъ». Для приложенія этого общаго начала требовалось, чтобы сардинскій король былъ возстановленъ, владѣнія его должны быть увеличены, но онъ долженъ дать своимъ подданнымъ свободную и мудрую конституцію. Голландіи и Швейцаріи должно также дать полную свободу устроиться какъ хотятъ. Франціи надобно объявить, что союзники сражаются не съ нею, а съ ея правительствомъ, которое также угнетаетъ и ее, какъ остальную Европу, что ей дастся свободный выборъ формы правленія. Выборъ короля для Франціи—дѣло второстепенное. По окончаніи войны и умиренія Европы, никто не помѣшаетъ заняться договоромъ, который станетъ основаніемъ взаимныхъ сношеній европейскихъ государствъ. Здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, но будетъ что-то похожее, если въ этомъ договорѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала на-

роднаго права. Для упроченія внѣшняго мира необходимо, чтобы внутренній строй государствъ былъ основанъ на благоразумной свободѣ, дающей крѣпость правительствамъ, сдерживая страсти правителей. Въ инструкціи говорилось уже, что для безопасности государствъ они должны имѣть удобныя границы, какими всего лучше могутъ быть горы и моря; говорилось, что каждое государство должно имѣть одноплеменное народонаселеніе. По указаніямъ опыта, признана необходимость усилить второстепенныя государства, чтобъ они были въ состояніи выдержать первый ударъ сильнѣйшаго и дождаться помощи союзниковъ. Средства для этого—присоединеніе мелкихъ владѣній къ крупнѣйшимъ и образованіе федерацій. Такъ для сдерживанія Франціи необходимо распорядиться въ Италіи и Германіи. Въ послѣдней второстепенныя владѣнія можно высвободить изъ-подъ вліянія Австріи и Пруссіи и образовать изъ нихъ тѣсный союзъ.

Въ инструкціи говорилось, что Россія и Англія были единственныя державы въ Европѣ, интересамъ которыхъ негдѣ было сталкиваться, и въ той же инструкціи указано было мѣсто столкновенія. Изъ послѣдующихъ объясненій Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ видно, что людей, близкихъ къ государю, которымъ приписывали главное вліяніе на дѣла, тяготилъ упрекъ, что русское правительство заботится только объ общемъ благѣ Европы и пренебрегаетъ прямыми русскими интересами. Особенно эти упреки были чувствительны Чарторыйскому, во-первыхъ, какъ завѣдывавшему иностранными дѣлами, во-вторыхъ, какъ человѣку не-русскому, поляку, знавшему за собою вину относительно Россіи—въ исключительности помысловъ о возстановленіи Польши. Поэтому совѣтникамъ императора, и особенно Чарторыйскому, естественно было поднимать вопросы о средствахъ удовлетворить этимъ прямымъ интересамъ Россіи, причемъ, разумѣется, восточный вопросъ, слабость и варварство турецкаго правительства, невозможность равнодушно смотрѣть на положеніе христіанъ въ Турціи, опасность отъ французскихъ интригъ въ этой странѣ,—все это было на первомъ планѣ. Присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи удовлетворяло такъ-называемымъ прямымъ интересамъ Россіи и вознаграждало за то, чтó могла потерять Россія по планамъ Чарторыйскаго относительно Польши. Отъ Молдавіи и Валахіи естественно разговоры доходили до освобожденія турецкихъ христіанъ, до возможности соединенія грековъ и турецкихъ славянъ съ Россіею или подъ однимъ скипетромъ съ нею, чтó нисколько не противорѣчило основнымъ планамъ Чарторыйскаго. По его свидѣтельству, императоръ Александръ отвергалъ подобныя предложенія; но, какъ видно, импе-

раторъ не нашелъ неудобнымъ узнать относительно Турціи мысли британскаго кабинета, и потому Новосильцевъ долженъ былъ предложить англійскому правительству согласиться на счетъ участи оттоманской Порты. Ея слабость, анархія, возростающее неудовольствіе христіанскихъ подданныхъ грозили постоянно спокойствію Европы. Надобно было принять противъ этого мѣры, и если бы Турція вошла въ союзъ съ Франціею или по другимъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ дальнѣйшее существованіе турецкой имперіи въ Европѣ стало невозможнымъ, то союзники должны были распорядиться устройствомъ различныхъ ея частей. Новосильцевъ долженъ былъ коснуться другого больного мѣста: предложить объ измѣненіи поведенія англичанъ на моряхъ, нестерпимаго для нейтральныхъ державъ, негодованіе которыхъ на Англію было очень выгодно для Франціи.

22 ноября 1804 года, Новосильцевъ писалъ государю: «графъ Воронцовъ сперва принялъ меня довольно холодно; но не прошло сутокъ, какъ прежнее расположеніе его ко мнѣ возвратилось; потомъ часъ отъ часу лучше и, наконецъ, онъ сдѣлался только такимъ орудіемъ, каковымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ его имѣть нужно. Все будетъ дѣлаться черезъ него и окончено имъ». Однако, изъ письма Новосильцева отъ 24 декабря видно, что дѣло было не такъ легко: «я не иначе могъ успѣть заставить здѣшнее министерство принять всѣ правила В. В-ства во всей ихъ полнотѣ, какъ чрезъ непосредственное мое съ министрами, а особливо съ г. Питтомъ сношеніе. Сколь трудно было до сего достигнуть, не оскорбивъ честолюбія гр. Воронцова и не вооруживъ его противъ себя! Сколь много было мнѣ безпокойствъ, чтобъ удалить его подозрѣнія и успокоить его воображеніе на счетъ всѣхъ моихъ сношеній, а особливо съ принцемъ Валлійскимъ и съ лордомъ Моира, а теперь съ Фоксомъ! Труднѣе, безпокойнѣе для духа и непріятнѣе я ничего еще не встрѣчалъ. Удалось поддержать хорошія сношенія вполнѣ. Система ваша получитъ нужную прочность и не встрѣтитъ никакого сопротивленія въ оппозиціи, потому что принцъ Валлійскій обѣщалъ мнѣ, при лордѣ Моира, когда все приходить будетъ къ окончанію, дать свое честное слово, или, какъ онъ говоритъ, la parole de cavalier, что онъ, съ своей стороны, будетъ всѣми мѣрами содѣйствовать во всемъ, что къ утвержденію оной служить можетъ, и что онъ, по вступленіи на великобританскій престолъ, будетъ свято и ненарушимо оную сохранять. Лордъ Моира, тотъ человѣкъ, который при перемѣнѣ царствованія, конечно, болѣе всѣхъ будетъ имѣть силы въ дѣлахъ, увѣрялъ меня, что онъ не знаетъ (ничего) соотвѣтственнѣе благу человѣческому вообще и пользамъ

обоихъ государствъ въ особенности, почему и беретъ на себя обѣтъ защищать всегда всѣми силами сію систему. Фоксъ также, какъ слышно, за русскую систему, слѣдовательно и оппозиція за нее, что̀ важно, ибо она будетъ наблюдать, чтобъ министерство неуклонно ее проводило».

Дѣйствительно, въ Англіи никто не могъ быть противъ русской системы вообще. Питтъ, разумѣется, былъ совершенно согласенъ, что надобно составить коалицію, низвергнуть Наполеона и установить во Франціи безопасное для Европы правительство; Питтъ здѣсь прямо указывалъ на Бурбоновъ, впрочемъ, не настойчиво—дѣло трудное, да и рано еще объ этомъ думать. Питтъ былъ совершенно согласенъ и съ тѣмъ, что, по сверженіи Наполеона, надобно будетъ распорядиться и судьбою странъ, которыя коалиція освободитъ изъ-подъ власти Франціи, распорядиться согласно съ ихъ безопасностію и безопасностію Европы. На все это легко было согласиться, потому что здѣсь не затрогивались интересы Англіи; но иначе пошло дѣло относительно тѣхъ вопросовъ, гдѣ эти интересы затрогивались. Вопросъ о морскомъ кодексѣ, о свободѣ морей былъ отложенъ на неопредѣленное время: здѣсь Англія была Наполеономъ. Другой вопросъ, не перестававшій подавать поводъ къ непріятнымъ объясненіемъ, былъ вопросъ восточный. До какой степени въ Англіи были чувствительны къ этому вопросу и до какой степени Воронцовъ былъ чувствителенъ ко всему, къ чему были чувствительны въ Англіи, лучше всего показываетъ письмо его къ кн. Чарторыйскому (отъ 10 октября н. с.): «не могу не признаться, что депеша ваша, гдѣ дѣло идетъ о союзѣ, который Порта хочетъ возобновить съ нами, и отъ котораго мы стараемся по возможности уклониться, чрезвычайно меня затрудняетъ. Принужденный прочесть ее Питту и Гарроуби, я увидалъ ихъ изумленіе, и признаюсь вамъ по дружески, что депеша можетъ быть истолкована, какъ будто наше правительство имѣетъ тайное желаніе увеличить свои владѣнія на счетъ оттоманской имперіи, которая разрушается и упадетъ, если не будетъ поддержана Россіею и Великобританіею. Они меня спросили, какъ я думаю, нѣтъ ли у насъ мысли взять что-нибудь у турокъ. Внутренно затрудненный вопросомъ, ибо смыслъ вашей депеши возбуждалъ во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе чего-то подобнаго, я, однако, отвѣчалъ, что не вижу въ депешѣ ничего такого, что̀ они видятъ. Они мнѣ сказали, что предметъ такъ важенъ и такъ сложенъ, что они не могутъ отвѣчать, тѣмъ болѣе, что содержаніе депеши не достаточно развито; что они пошлютъ въ Турцію войско только съ одною цѣлію—изгнанія французовъ или для ихъ предупрежденія, когда будетъ очевидно,

что французы намѣрены туда войти, но сдѣлають это всегда съ твердымъ намѣреніемъ возвратить Портѣ области, занятыя съ цѣлію ихъ защиты. Лордъ Гарроуби опять мнѣ говорилъ объ этомъ дѣлѣ; его сокрушаетъ мысль, нѣтъ ли у насъ намѣренія взять что-нибудь у турокъ. Признаюсь,—оканчивалъ Воронцовъ,—что я буду въ отчаяніи, если у насъ существують планы увеличенія территоріи. Мы уже и такъ страшно распространились, вслѣдствіе чего страна не можетъ быть хорошо управляема. У насъ съ турками естественная граница—море и Днѣстръ; сохранимъ ихъ, удержимъ сосѣдями этихъ бѣдныхъ турокъ: вѣдь они лучшіе сосѣди, чѣмъ шведы, пруссаки и австрійцы». Несмотря на это письмо Воронцова, Новосильцеву было предписано затронуть восточный вопросъ: въ разговорѣ съ Питтомъ онъ началъ дружескимъ выговоромъ, что въ Англіи слишкомъ подозрительны на счетъ русскихъ намѣреній относительно Порты. Питтъ, недовольный возобновленіемъ этого непріятнаго вопроса, замѣтилъ, что бывало много примѣровъ, какъ покровительство надъ страною оканчивалось ея покореніемъ, и когда Новосильцевъ имѣлъ наивность сказать, что если бы даже Россія и дѣйствительно имѣла виды на Турцію, то друзьямъ Россіи, англичанамъ, нечего безпокоиться, торговля ихъ еще лучше будетъ обезпечена,—Питтъ указалъ, какъ несвоевременно заниматься теперь планами на счетъ Турціи, когда надобно думать объ освобожденіи европейскихъ державъ отъ насилій Франціи. Питтъ сводилъ дѣло къ одному: Россія должна устроить коалицію противъ Наполеона, Англія будетъ платить союзникамъ деньги. По извѣстіямъ Новосильцева, и глава оппозиціи, Фоксъ, былъ согласенъ съ русскою системою. Можетъ быть онъ и былъ согласенъ съ русскою системою, но онъ расходился съ Питтомъ въ томъ, что министръ хотѣлъ начинать дѣло какъ можно скорѣе, а глава оппозиціи этого не хотѣлъ, что́ видно изъ позднѣйшаго письма его къ Чарторыйскому (отъ 17 марта 1806 н. с.): «я имѣлъ несчастіе не одобрить планъ прошлаго года и не скрылъ своего мнѣнія на этотъ счетъ. Если бы послѣднія слова мои Новосильцеву, сказанныя въ присутствіи принца Валлійскаго, произвели бо́льшее впечатлѣніе! Я сказалъ: «*идите по крайней мѣрѣ тихонько—piano, piano*».

Когда въ началѣ 1805 года открылся англійскій парламентъ, то въ тронной рѣчи говорилось объ искреннихъ союзахъ съ континентальными государствами, особенно съ Россіею, которой монархъ далъ сильнѣйшія доказательства своей мудрости, благородныхъ чувствъ и живого участія въ безопасности и независимости Европы. Въ бюджетѣ стояло 5 милліоновъ фунтовъ на пособіе

континентальнымъ державамъ. 30 марта (11 апрѣля) 1805 года былъ заключенъ между Россіею и Англіею договоръ: обѣ державы согласились принять самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія коалиціи, которая выставила бы 500,000 войска съ цѣлію побудить французское правительство къ миру и возстановленію политическаго равновѣсія въ Европѣ; для послѣдняго признано необходимымъ освобожденіе Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Ганновера и Сѣверной Германіи и установленіе въ Европѣ порядка, который бы обезпечивалъ на будущее время всѣ государства отъ насилій. Императоръ Александръ хотѣлъ-было включить въ договоръ, что Мальта будетъ занята русскимъ гарнизономъ; но графъ Семенъ Воронцовъ писалъ ему, что когда онъ сообщилъ объ этомъ Питту, тотъ былъ пораженъ этимъ, какъ громовымъ ударомъ; никогда Воронцовъ не видалъ еще его въ такомъ горѣ; наконецъ, онъ сказалъ, что парламентъ и нація этого не потерпятъ, ибо это значитъ отдать Средиземное море, Сицилію, Левантъ и Египетъ во власть французамъ; что Англія для содержанія Мальты и постоянной эскадры при ней беретъ на себя громадныя издержки; потому что Франція замышляетъ раздробленіе турецкой имперіи, завоеваніе Египта, которое дастъ французамъ возможность выгнать англичанъ изъ Индіи, а это изгнаніе разоритъ Великобританію въ конецъ. Русскій гарнизонъ на Мальтѣ не воспрепятствуетъ французамъ господствовать на окружныхъ водахъ; должно имѣть тамъ постоянно сильную эскадру. Надобно было оставить Мальту англичанамъ. Относительно субсидій затрудненій не было: Англія обязалась помогать коалиціи своими сухопутными и морскими силами и платить ежегодно по 1,200,000 фунтовъ на каждыя сто тысячъ войска. Какія же державы могли быть членами коалиціи?

На Австрію прежде всего можно было разсчитывать, потому что страшный для нея итальянскій вопросъ становился на очередь: что̀ сдѣлаетъ новый императоръ французовъ съ Италіею? Не можетъ же императоръ оставаться президентомъ итальянской республики! За вопросомъ итальянскимъ виднѣлся уже во всей своей грозѣ вопросъ восточный, къ которому Австрія менѣе, чѣмъ какая другая держава, могла быть равнодушна. Было очевидно, что война между Франціею и Англіею возобновилась преимущественно изъ-за восточнаго вопроса; яблокомъ раздора послужила Мальта, важная станція между Франціею и Египтомъ; англичане не хотѣли выпускать ее изъ своихъ рукъ, особенно напуганные донесеніемъ Себастіани; въ Россіи не могли долѣе оставаться при мысли, что турки — самые покойные сосѣди, когда увидали, что, вмѣсто турокъ, сосѣдями могутъ быть французы; вслѣдствіе этой

перемѣны взгляда туча прошла между естественными союзницами— Россiею и Англiею; Австрiя не могла быть покойна, ибо дѣло могло начаться въ ея сосѣдствѣ, затрогивая ея ближайшiе интересы. Эти два вопроса — итальянскiй и восточный, преимущественно первый, ибо гроза второго гремѣла еще далеко, эти два вопроса заставили Австрiю заключить съ Россiею конвенцiю (6 ноября н. с. 1804 года): въ случаѣ новыхъ покушенiй Францiи на независимость Италiи, либо на занятiе Египта, Австрiя обязалась выставить 250,000 войска, Россiя 115,000 и, сверхъ того, корпусъ войскъ на границахъ Австрiи и Пруссiи, на случай враждебности послѣдней; Англiя давала субсидiи Австрiи. Опираясь на эту конвенцiю, Австрiя рѣшилась въ концѣ 1804 года освѣдомиться о намѣренiяхъ императора французовъ на счетъ Италiи; дѣлу данъ былъ такой оборотъ, что соединенiе Италiи съ Францiей противорѣчило бы условiямъ люневильскаго мира и что Наполеонъ до сихъ поръ слѣдовалъ правилу, чтобы между Австрiею и Францiею находились независимыя государства. Какое право, былъ отвѣтъ, имѣетъ Австрiя вмѣшиваться во внутреннiя дѣла итальянской республики? Какъ независимое государство, послѣдняя можетъ избирать какую угодно правительственную форму. Дѣло идетъ не о правительственной формѣ, но о независимости,—было замѣчено съ австрiйской стороны. Когда Талейранъ доложилъ Наполеону объ австрiйскихъ внушенiяхъ, тотъ велѣлъ ему отвѣчать: «скажите графу Кобенцлю [1]), я еще и самъ не знаю, какiя перемѣны я произведу въ Италiи; но я не намѣренъ сдѣлать изъ нея французскую провинцiю. Всѣ слухи объ этомъ ложны». Чрезъ нѣсколько дней императоръ Францъ получаетъ отъ Наполеона письмо съ извѣщенiемъ о желанiи императора французовъ сдѣлать королемъ Италiи своего брата (Iосифа). Тяжело, но все не такъ, все еще какая-то независимость, даже больше прежней, да и родные братья не всегда дружно живутъ. Можно согласиться, особенно если что-нибудь дадутъ за согласiе. Но въ то время, какъ Австрiя собиралась поторговаться, подороже продать свое согласiе Наполеону, тотъ поступилъ по-своему. Узнавши, что въ Австрiи дѣлается передвиженiе войскъ, Наполеонъ на прiемѣ въ новый 1805 годъ обратился къ австрiйскому посланнику съ словами: «императоръ двигаетъ 40,000 войскъ, угрозами ничего отъ меня получить нельзя, я двину 80,000; если императоръ вооружается, и я буду вооружаться, чтó бы изъ этого ни вышло». Императоръ Францъ написалъ Наполеону, что войско двинуто къ итальянскимъ границамъ не противъ Францiи, а противъ моровой

язвы. Этимъ объясненіемъ, повидимому, остались довольны, но объ Италіи ни полслова, несмотря на всѣ старанія австрійскаго посланника завести рѣчь объ этомъ любопытномъ предметѣ; наконецъ, молчаніе было нарушено извѣщеніемъ, что императоръ французовъ принялъ титулъ короля Италіи.

Громъ разразился; изъ Петербурга — увѣщанія, что нельзя болѣе медлить. Но эрцгерцогъ Карлъ подаетъ мнѣніе, что надобно медлить, что средства Австріи, даже и при русской помощи, не въ уровень съ французскими. Штуттергеймъ передалъ мнѣніе эрцгерцога императору Александру и получилъ отвѣтъ: «Я начинаю думать, что все останется при однихъ проектахъ и ничего серьёзнаго не будетъ; это мнѣ наскучитъ. Пруссію никакъ нельзя вывести изъ ея апатіи; вы, остальные, ничего не дѣлаете, ничего не приготовляете, ничего яснаго не говорите. Все идетъ дурно, и я утомляюсь». Когда русскій посолъ въ Вѣнѣ,—графъ Разумовскій, потребовалъ, чтобъ Австрія приступила къ договору, заключенному между Россіею и Англіею, то ему отвѣчали, что присоединиться къ договору значитъ обязаться объявить войну Франціи, но только весною 1806 года Австрія можетъ начать войну съ надеждою на успѣхъ. Между тѣмъ Наполеонъ, встревоженный слухомъ о состоявшейся коалиціи, спѣшилъ предупредить ее и уяснить для себя дѣло — заставить враговъ высказаться: онъ написалъ англійскому королю письмо съ предложеніемъ мира. Въ Англіи поняли въ чемъ дѣло, и, чтобъ усилить тревогу императора французовъ, отвѣчали очень ловко, что англійскій кабинетъ ведетъ переговоры для соглашенія съ главными державами континента, и особенно съ русскимъ императоромъ, съ которымъ его связывали отношенія самыя конфиденціальныя. Чтобъ усилить впечатлѣніе этого отвѣта, Англія предложила императору Александру принять на себя веденіе переговоровъ съ Наполеономъ: предложить мирныя условія, могшія успокоить Европу съ угрозою коалиціей, въ случаѣ несогласія съ французской стороны; эта угроза имѣла гораздо бо́льшее значеніе въ устахъ Россіи, главнаго континентальнаго государства, чѣмъ Англіи. Въ это время графъ Александръ Воронцовъ, по нездоровью и неудовольствію ходомъ дѣлъ внутренняго управленія, уже не управлялъ больше внѣшними сношеніями и жилъ въ Москвѣ, сохраняя званіе государственнаго канцлера; но въ важныхъ вопросахъ Чарторыйскій, по приказанію государя, обращался къ нему за совѣтами; такъ случилось и по вопросу о предложеніи Англіи послать въ Парижъ русскаго уполномоченнаго. Графъ Александръ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, въ англійской депешѣ большая смута въ идеяхъ. Видно, что Англія сама не ждетъ никакого успѣха отъ

этой посылки; быть можетъ, она имѣетъ въ виду возбудить неудовольствіе внутри Франціи, если Наполеонъ отвергнетъ предложеніе, а съ другой стороны — оправдать и усилить министерскую партію въ Англіи. Но если англичане ожидаютъ какого-нибудь успѣха отъ этой посылки, тогда какъ надобно приводить весь континентъ въ движеніе обширными средствами, то онъ, Воронцовъ, не видитъ причины, почему лондонскій дворъ не употребилъ самаго простого средства, не поручилъ своему государственному секретарю вести переписку съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобъ навязывать намъ дѣло, которое можетъ только компрометтировать достоинство Россіи, подвергая ея уполномоченнаго вспышкамъ и выходкамъ Бонапарта. Совѣтъ старика (который скоро послѣ того умеръ) не былъ принятъ: молодости естественно было не желать уклоняться отъ дѣятельности на первомъ планѣ, упустить изъ рукъ веденіе дѣла, которое имѣло общеевропейскій характеръ, и тотъ же Новосильцевъ, который ѣздилъ въ Лондонъ, сталъ собираться въ Парижъ. Онъ долженъ былъ требовать отъ Наполеона независимости Швейцаріи, Голландіи, Италіи; для смягченія послѣдняго условія для новаго короля Италіи соглашались на устройство въ сѣверной Италіи владѣнія въ пользу кого-нибудь изъ родственниковъ Наполеона. Англія обѣщала возвратить Франціи нѣсколько маленькихъ островов и Пондишери.

Единственная возможность—заставить, если не принять эти условія, то начать переговоры на ихъ основаніи, заключалась въ угрозѣ коалиціею. Но чѣмъ грозить, когда коалиціи не было? Къ вѣнскому двору отправили требованіе, чтобъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ поддерживалъ Новосильцева; послѣдовалъ отказъ: Австрія еще не можетъ вести общаго дѣла съ Россіею и Англіею и говорить угрожающія рѣчи, потому что нападеніе французовъ на австрійскія владѣнія будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ этого. Другое дѣло, еслибъ была увѣренность въ приступленіи Пруссіи къ коалиціи; но такъ какъ этой увѣренности нѣтъ, то благоразуміе требуетъ дѣлать предложенія какъ можно умѣреннѣе, чтобъ не повели къ разрыву; какъ скоро переговоры начнутся, то можно увеличивать и уменьшать требованія, смотря по увеличенію и уменьшенію надежды на участіе Пруссіи. Представленіе Австріи раздражило одинаково и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ. «Эти господа въ Вѣнѣ,—говорилъ Питтъ,—всегда отстаютъ на годъ, на войско и на идею». Когда Штуттергеймъ началъ представлять императору Александру, что Австрія не признаетъ Наполеона королемъ Италіи, но пусть дадутъ ей лѣто для приготовленія къ войнѣ, то императоръ отвѣчалъ: «Ахъ, Господи!

Сколько времени вы толкуете о приготовленіяхъ, и все еще не готовы!... Какія пропадаютъ благопріятныя минуты!... Бонапартъ усиливается, міръ привыкаетъ къ его господству и находитъ все естественнымъ. У васъ нѣтъ никакой энергіи, это несчастіе для вашихъ союзниковъ». Въ іюнѣ 1805 года, императоръ Александръ потребовалъ отъ вѣнскаго двора прямого отвѣта: можетъ ли и хочетъ ли Австрія принять участіе въ войнѣ; пусть назначится срокъ, къ которому она надѣется быть готовою; отъ Австріи зависитъ рѣшеніе участи Европы, ибо Пруссія волею или неволею должна будетъ принять участіе въ войнѣ. Если союзники будутъ имѣть только 365,000 войска (250,000 австрійцевъ и 115,000 русскихъ), то можно отважиться на борьбу. Французская армія не на военной ногѣ, союзники Франціи дурно къ ней расположены; часть войска Наполеонъ долженъ оставить на случай высадки англичанъ, другую часть употребить на охрану Голландіи и Бельгіи, устьевъ Эльбы и Везера. Чѣмъ долѣе оставлять Наполеона укрѣпляться въ завоеванныхъ областяхъ, тѣмъ менѣе послѣ можно ожидать помощи отъ ихъ народонаселенія. Теперь самое благопріятное время для войны; Россія выставитъ 180,000 войска, и, такимъ образомъ, у обоихъ союзниковъ будетъ 430,000 подъ ружьемъ. Императоръ Александръ рѣшился принудить Пруссію къ участію въ войнѣ, а за нею послѣдуютъ и другіе.

Съ одной стороны, русскія заявленія отстраняли сомнѣніе, что война будетъ предпринята не съ равными силами; съ другой, пришло извѣстіе, что Наполеонъ присоединилъ лигурійскую республику (Геную) къ Франціи, вслѣдствіе чего Новосильцевъ не поѣхалъ въ Парижъ: «Съ нами поступаютъ, какъ съ ребятишками», писалъ ему Чарторыйскій. Въ Петербургѣ раздражились захватомъ Генуи, какъ насмѣшкою, поддразниваніемъ; въ Вѣнѣ смотрѣли на дѣло съ другой точки: нынче взялъ Геную, завтра дойдетъ очередь до Венеціи, Наполеонъ не оставитъ у Австріи ничего изъ итальянскихъ земель, оправдаетъ свой титулъ короля Италіи. Слуги Наполеона прямо говорятъ объ этомъ. Можно ли же при такой опасности отвергать союзъ съ Россіею, отталкивать ее къ Пруссіи? Но эрцгерцогъ Карлъ, лучшій полководецъ, съ успѣхомъ боровшійся противъ французовъ, опять говоритъ громко за миръ. Дѣйствительно, все говорилось только о количествѣ: «у насъ будетъ много войска, у Наполеона будетъ меньше, мы его побѣдимъ»; а не говорили, что противъ Наполеона, перваго полководца времени, мы выставимъ подобнаго ему; противъ его знаменитыхъ генераловъ, противъ его воспитаннаго на побѣдахъ войска мы выставимъ такихъ же генераловъ, такое же войско. Лучшіе полководцы, въ томъ числѣ (очень небольшомъ) и

эрцгерцогъ Карлъ, понимали всю неправильность этого *матеріалистическаго* взгляда, весь вредъ этого разсчета на одно количество, съ забвеніемъ качества, и отсюда проистекала ихъ осторожность, ихъ неохота мѣряться съ Наполеономъ, ихъ система отступленія, войны только оборонительной. Другое дѣло—полная коалиція, соединенное, дружное дѣйствіе всей Европы противъ одной Франціи: тутъ никакія усилія первокласснаго военнаго генія не помогутъ, и эрцгерцогъ Карлъ спрашиваетъ: «будетъ ли Пруссія участвовать въ коалиціи»;—«Пруссія, волею или неволею, будетъ участвовать», отвѣчали изъ Россіи; выраженіе «неволею» было загадочно, да и во всякомъ случаѣ это было только еще въ будущемъ.

«Но если ждать, то чего же ждать?» спрашивали съ другой стороны. «Какое ручательство противъ неудержимаго стремленія Наполеона къ захвату? Стоять вооруженными, на-готовѣ къ защитѣ?—но онъ и этого не позволитъ; при извѣстіи о сборѣ войска, объ его движеніи, онъ кричитъ, грозитъ нападеніемъ и непремѣнно исполнитъ угрозу. Если что̀ можетъ еще сдержать его, дать надежду на сохраненіе мира, такъ это—союзъ Австріи съ другими державами. Какъ скоро Наполеонъ увидитъ, что Австрія одинока, то непремѣнно объявитъ ей войну. Понятно, что и война представляетъ опасность; но изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее, и если эрцгерцогъ указываетъ на многія неудобства войны, то онъ не указываетъ средства, какъ сохранить миръ, когда союзники будутъ потеряны». Легко понять затруднительное положеніе императора Франца, когда ему предстояло рѣшить споръ двухъ сторонъ, вооруженныхъ такими сильными доказательствами въ свою пользу, когда братъ, лучшій полководецъ, лучшій знатокъ военнаго положенія Австріи, утверждаетъ, что не должно воевать, а министръ иностранныхъ дѣлъ Кобенцль спрашиваетъ: «если не воевать, то какія средства сохранить миръ?» Наконецъ, императоръ рѣшилъ споръ въ пользу министра, и въ началѣ іюля курьеръ поскакалъ въ Петербургъ къ Стадіону, съ приказаніемъ вступить въ переговоры относительно приступленія Австріи къ англо-русскому коаліціонному трактату.

Разумѣется, для уничтоженія главнаго возраженія противниковъ войны, Россія должна была прежде всего стараться о полнотѣ коалиціи. Страшно трудно было увлечь Пруссію; легко было это сдѣлать съ Швеціею, ибо ея король, Густавъ IV, также ненавидѣлъ наполеоновское правительство, какъ отецъ его, Густавъ III, ненавидѣлъ революціонныя движенія Франціи. Важность шведскаго союза для Россіи, какъ главы коалиціи, была очевидна уже изъ того, что Наполеонъ добивался дружбы Гу-

става IV, причемъ, по своему обычаю, не щадилъ приманокъ, предлагалъ Швеціи Норвегію взамѣнъ германскихъ ея владѣній — Помераніи: послѣдняя была очень нужна Наполеону — и какъ приманка для Пруссіи, и какъ сдержка для нея и важный пунктъ относительно Россіи. Но Густавъ IV не согласился и прежде другихъ сталъ членомъ коалиціи, хотя въ Петербургѣ и не могли полагать большой надежды на его помощь. Еще въ 1803 году, русскій министръ въ Стокгольмѣ, Алопеусъ 2-й, сообщилъ своему двору печальныя извѣстія объ умственномъ состояніи короля и его поведеніи. Густавъ IV постоянно посѣщалъ масонскія ложи, никогда не видали улыбки на вѣчно-серьёзномъ и суровомъ лицѣ его, никакое развлеченіе не допускается во дворцѣ; король мучитъ солдатъ безполезными формальностями, вѣритъ въ какую-то несчастную звѣзду, считаетъ себя Карломъ XII-мъ, носитъ драбантскій мундиръ его времени; народъ очень недоволенъ. Но какъ бы то ни было, союзомъ съ Швеціею заручиться было необходимо, хотя бы только по причинамъ близкаго сосѣдства, и этотъ союзъ, благодаря Помераніи, долженъ былъ имѣть вліяніе и на отношенія Россіи къ Пруссіи.

Пруссія продолжала упорно отказываться измѣнить свои отношенія къ Россіи и Франціи. Тщетно въ Петербургѣ думали, что эттенгеймское происшествіе заставитъ Пруссію тронуться. На извѣстное письмо императора Александра объ этомъ происшествіи король Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что заботы и чувства императора достойны его характера и требуютъ самой живой благодарности... *Но*—должна имѣться въ виду великая цѣль сохраненія спокойствія, а Наполеона нельзя принудить дать полное удовлетвореніе иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Александръ указывалъ другую великую цѣль; онъ писалъ королю: «Признаюсь, страшная скорбь будетъ для меня, если я не увижу ваше величество принимающимъ самое дѣятельное участіе въ славѣ возстановленія политическаго равновѣсія Европы». Фридрихъ-Вильгельмъ, въ своемъ упорномъ желаніи сохранить миръ, не быть принужденнымъ къ страшному, по его убѣжденію, риску, не хотѣлъ признать, что уступка Наполеону ведетъ точно такъ же, если еще не скорѣе, къ войнѣ, какъ и сопротивленіе. Германія уступила ему въ эттенгеймскомъ дѣлѣ—сейчасъ же пошли другія нарушенія международнаго права. Наполеонъ заставилъ баварскій и кассельскій дворы выслать находившихся при нихъ англійскихъ посланниковъ; наконецъ, французскій отрядъ ночью на нейтральной гамбургской почвѣ схватилъ Румбольда, англійскаго посланника при нижне-саксонскомъ округѣ. Въ этомъ поступкѣ находили еще бóльшее нарушеніе международнаго права,

чѣмъ въ поступкѣ съ герцогомъ Ангьенскимъ, потому что Румбольдъ былъ посланникъ, а герцогъ Ангьенскій считался частнымъ человѣкомъ. Оскорбленіе коснулось прямо Пруссіи, потому что, по тогдашнему германскому устройству, прусскій король обязанъ былъ блюсти за спокойствіемъ и безопасностію нижне-саксонскаго округа; наконецъ, гдѣ же была послѣ того неприкосновенность сѣверной Германіи, на чемъ такъ сильно настаивалъ Фридрихъ-Вильгельмъ? Посланники русскій и англійскій приступили съ требованіями, чтобы Румбольду было оказано покровительство, причемъ Алопеусъ напомнилъ о соглашеніи между Россіею и Пруссіею, гдѣ нарушеніе неприкосновенности сѣверной Германіи было опредѣлено какъ причина войны съ Франціею (casus foederis). Король велѣлъ требовать у французскаго правительства удовлетворенія за нарушеніе нейтралитета и освобожденія Румбольда. Но что далѣе? что, если Наполеонъ не исполнитъ этого требованія? Въ это время графъ Гаугвицъ, который считалъ для себя должнымъ и полезнымъ вполнѣ сообразоваться со взглядами короля, былъ въ безсрочномъ отпуску, и внѣшними дѣлами завѣдывалъ баронъ Гарденбергъ, который позволялъ себѣ высказывать мнѣніе, что поддержаніе, во что бы то ни стало, нейтралитета и мира и постоянная уступчивость Франціи будутъ имѣть печальныя слѣдствія для Пруссіи. Такое мнѣніе Гарденбергъ высказалъ и теперь, обративъ вниманіе короля и на то, что крайняя уступчивость его произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе на прусскую армію и народъ. Королю, разумѣется, были очень непріятны подобныя представленія; онъ возражалъ, что нельзя въ поступкѣ съ Румбольдомъ видѣть непремѣнно оскорбленіе Пруссіи, — оскорблена Англія, а не Пруссія. И къ чему тутъ народъ, армія? Имъ до политики дѣла нѣтъ. Вообще, у Гарденберга какія-то странныя мнѣнія, неудобный министръ! Надобно спросить мнѣнія Гаугвица, и король пишетъ ему. «Я потребовалъ удовлетворенія у Бонапарта за нарушеніе нейтралитета и освобожденія Румбольда. Но если Бонапартъ не согласится, что должна дѣлать Пруссія для поддержанія своего достоинства и выполненія своихъ обязательствъ какъ относительно Россіи, такъ и владѣній сѣверной Германіи? Многіе хотятъ войны, а я не хочу. Мнѣ кажется, что есть средства выдти изъ затрудненія, не прибѣгая къ такой крайности; мнѣ противно возжигать континентальную войну единственно изъ-за этого».—«А я не хочу!» Разумѣется, и Гаугвицъ тоже не захотѣлъ, а счастье на этотъ разъ помогло. Наполеонъ, зная, что Россія и Англія стараются составить коалицію противъ него, хлопоталъ, чтобъ эта коалиція не составилась, или, по крайней мѣрѣ, была бы непод-

ная; для этого ему нужно было удержать Пруссію при себѣ или, по крайней мѣрѣ, нейтральною. Вотъ почему онъ исполнилъ требованіе Фридриха-Вильгельма, освободивъ Румбольда, и объявилъ, что это сдѣлано для прусскаго короля. Такая уступка утвердила окончательно короля въ политикѣ мира и нейтралитета: стóитъ только что-нибудь потребовать съ твердостію, ни въ чемъ не откажутъ ни съ той, ни съ другой стороны, никто не тронетъ Пруссію, чтобъ не имѣть ее противъ себя и она будетъ наслаждаться миромъ, да и Европѣ дастъ миръ, потому что безъ насъ не будутъ воевать. Король былъ на седьмомъ небѣ: блистательная побѣда безъ кровопролитія!

Но восторгъ былъ непродолжителенъ. И въ Лондонъ, и въ Вѣну изъ Россіи давали знать, что Пруссія будетъ втиснута въ коалицію неволей, если не захочетъ войти въ нее добровольно. Мы видѣли, что Воронцовы питали сильное нерасположеніе къ Пруссіи; въ послѣднемъ мнѣніи своемъ канцлеръ, графъ Александръ, писалъ: «Считаю долгомъ замѣтить, что если надобно будетъ предложить Пруссіи приманку, обѣщать ей увеличеніе территоріи, чтобъ склонить ее во вступленію въ коалицію, то интересы Россіи не допускаютъ увеличенія прусскихъ владѣній на сѣверѣ Германіи у балтійскихъ береговъ, но пусть она распространяется во Фландріи, Нидерландахъ и нѣмецкихъ земляхъ, отошедшихъ къ Франціи по люневильскому миру. Увеличеніе прусскаго могущества здѣсь не только намъ не опасно, но даже выгодно, сталкивая непосредственно Пруссію съ Франціею». Дружба Воронцовыхъ съ Чарторыйскимъ закрѣплялась нерасположеніемъ къ Пруссіи. Но Воронцовы руководились русскими интересами, тогда какъ поляку Чарторыйскому до русскихъ интересовъ было мало дѣла. Жозефъ де-Мэстръ оставилъ о Чарторыйскомъ такую замѣтку: «Онъ высокомѣренъ, скрытенъ, отталкиваетъ отъ себя; я сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣющій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ». Чарторыйскій ненавидѣлъ Пруссію, какъ главную виновницу паденія Польши, и во враждебномъ столкновеніи Россіи съ Пруссіею видѣлъ средство возстановленія своего отечества во всей цѣлости. По его плану, жители польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, должны были возстать при первомъ появленіи русскихъ войскъ въ прусскихъ предѣлахъ; эти области присоединялись къ тѣмъ, которыя отошли къ Россіи по тремъ раздѣламъ, и возстановленная такимъ образомъ Польша признаétъ своимъ королемъ императора Александра. Австрія не будетъ этому противиться и даже отдастъ Галицію, потому что щедро будетъ вознаграждена Силезіею и Баваріею. Кромѣ другихъ очевидныхъ затрудненій къ осуществленію этого

плана, первое затрудненіе заключалось уже въ самомъ императорѣ Александрѣ. Онъ могъ согласиться на то, чтобъ употреблена была угроза, которая бы заставила короля принять мнѣніе людей, желавшихъ вступленія Пруссіи въ коалицію противъ Франціи; но захотѣлъ ли бы Александръ привести въ исполненіе угрозу—это было очень сомнительно, тѣмъ болѣе, что со времени мемельскаго свиданія была личная дружба между нимъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Чарторыйскій считалъ это мемельское свиданіе пагубнымъ событіемъ.

Первое непріятное объясненіе между петербургскимъ и берлинскимъ дворами произошло по поводу Швеціи. По договору съ Англіею, Густавъ IV обязался выставить въ своей части Помераніи 25,000 войска для войны съ Франціею. Въ Берлинѣ взволновались: театръ войны перенесется въ сѣверную Германію, гдѣ же послѣ того будетъ ея нейтралитетъ, о которомъ такъ хлопотала Пруссія? Изъ Берлина поэтому дали знать Густаву IV, что Пруссія, для охраненія нейтралитета сѣверной Германіи, займетъ своимъ войскомъ шведскую Померанію; но изъ Петербурга присылается въ Берлинъ внушеніе, что если хоть одинъ прусскій солдатъ войдетъ въ шведскую Померанію, то Россія будетъ принуждена выполнить свой союзный договоръ съ Швеціею и поспѣшить къ ней на помощь. Въ то же время изъ Петербурга требовали, чтобъ, въ случаѣ войны Россіи съ Франціею, данъ былъ свободный проходъ русскимъ войскамъ чрезъ прусскія владѣнія; но это, другими словами,—требованіе отказаться отъ драгоцѣннаго нейтралитета. Около Фридриха-Вильгельма борьба. Гаугвицъ искусно излагаетъ мнѣнія короля, излагая собственныя мнѣнія; Гаугвицъ за нейтралитетъ, въ которомъ видитъ собственную политику Пруссіи; послѣдняя не должна отказываться отъ этой политики и предать себя всѣмъ случайностямъ колеблющейся политикѣ Россіи и Австріи, которыя притомъ же не открываютъ своихъ плановъ Пруссіи. Впрочемъ, и съ этими державами не должно рѣзко разрывать. «Нейтралитетъ,—отвѣчаетъ Гарденбергъ,—есть могила самостоятельности и чести прусскаго государства, а войны все же не избѣжать, только надобно будетъ ее вести по волѣ побѣдителя и для его цѣлей». Гаугвицъ ставилъ на видъ, что Россія и Австрія, побуждая Пруссію вступить съ ними въ коалицію, скрываютъ однако отъ нея свои намѣренія. Нельзя было вступить съ ними въ соглашеніе, не узнавши прежде ихъ цѣлей. Для этого узнанія отправленъ былъ въ Петербургъ генералъ-адъютантъ Застровъ, и привезъ собственноручную ноту императора Александра. «Чтобъ отвѣчать съ полной откровенностью на желаніе короля знать всѣ мои политическія отношенія, на-

добно прежде знать мнѣ въ точности: его величество признаетъ ли необходимость прибѣгнуть къ оружію противъ Бонапарта, въ случаѣ если онъ не приметъ мирныхъ предложеній? Рѣшится ли король соединить свои войска съ войсками Россіи и Австріи, если эти державы прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ для достиженія мира? Впрочемъ, я не колеблюсь объявить теперь же, что мои мирныя предложенія будутъ заключать въ себѣ одно необходимое для будущей безопасности и независимости Европы, что Англія сдѣлаетъ всѣ пожертвованія, какія только можно разумно надѣяться отъ нея. Если переговоры не поведутъ ни къ чему и надобно будетъ прибѣгнуть къ силѣ, то я поведу войну съ союзниками, которые, подобно мнѣ, обяжутся не полагать оружія до всеобщаго мира; я буду охотно содѣйствовать къ доставленію имъ денежной помощи и къ опредѣленію вознагражденій за потери. Дѣло будетъ идти объ утвержденіи независимости Европы, а не для произведенія контръ-революціи и не для низверженія Франціи съ того мѣста, которое принадлежитъ ей въ общей системѣ. Если король хочетъ соединиться именно на этихъ основаніяхъ, я обѣщаю ему употребить гораздо болѣе 100,000 войска и принять мѣры къ тому, чтобъ не подвергать Пруссію опасности со стороны Франціи».

Упоминая о мирныхъ предложеніяхъ, императоръ Александръ имѣлъ въ виду тѣ, которыя Новосильцевъ долженъ былъ сдѣлать въ Парижѣ; но мы видѣли, что Новосильцева возвратили съ дороги, и Пруссія потеряла послѣднюю надежду на миръ. Пруссія одною изъ причинъ своего колебанія приступить къ коалиціи выставляла неувѣренность въ достаточной энергіи Австріи, а та съ своей стороны останавливалась колебаніемъ Пруссіи. Понятно, что надобно было употребить всѣ средства для уничтоженія, по крайней мѣрѣ на время, соперничества и подозрѣнія между этими державами. Австрія первая предложила забыть о Силезіи, забыть старое для новаго, выставила убѣжденіе, что ослабленіе Австріи теперь будетъ вредно для Пруссіи и наоборотъ; увѣряла, что вовсе не думаетъ о пріобрѣтеніи вліянія въ Германіи, а только заботится о сохраненіи равновѣсія въ Европѣ и германской имперіи; даже въ случаѣ счастливой войны не имѣетъ намѣренія измѣнить существующій порядокъ вещей въ Баваріи или гдѣ бы то ни было. Но въ Берлинѣ слушали все это однимъ ухомъ, и въ мартѣ 1805 года Гарденбергъ сказалъ австрійскому посланнику, по поводу русскихъ требованій: «Короля никогда не принудятъ къ мѣрамъ, вызывающимъ войну, и я увѣренъ, что наши два двора думаютъ въ этомъ отношеніи одинаково по сходству ихъ положенія; Россіи нечего бояться войны, а Пруссія и Ав-

стрія одинаково могутъ пострадать». Послѣ этого въ Вѣнѣ перестали полагаться на Гарденберга, начали считать его такимъ же французомъ, какъ и Гаугвица.

Сильнѣйшее искушеніе для берлинскаго двора пришло съ запада. Наполеону нужно было разбить коалицію, удержать Пруссію при себѣ, и онъ рѣшается не щадить ни убѣжденій, ни приманокъ, чтобъ заставить Фридриха-Вильгельма покинуть систему нейтралитета. «Какъ только Россія объявитъ войну Франціи, то войска послѣдней сейчасъ же занимаютъ главный городъ шведской Помераніи, ибо Швеція въ союзѣ съ Россіею: что же станется съ прусской системой нейтралитета для сѣверной Германіи? Напротивъ, союзъ съ Франціею представляетъ для Пруссіи выгоды несомнѣнныя, многочисленныя и непосредственныя, опасности же никакой. Пруссія должна вспомнить, что у нея нѣтъ такихъ средствъ къ усиленію себя, какими обладаютъ ея сосѣди, которые, будучи вмѣстѣ ея врагами, не дадутъ ей распространить своихъ владѣній. Императоръ французовъ предлагаетъ прусскому королю Ганноверъ въ вѣчное владѣніе и обязывается уступку его сдѣлать необходимымъ условіемъ мира съ Англіей, которая основываетъ всѣ свои надежды на континентальной войнѣ; но Россія и Австрія не начнутъ войны, если Пруссія выступитъ какъ союзница Франціи: такимъ образомъ королю достанется слава примирителя Франціи съ Англіею. Уступка Ганновера не представитъ непреоборимыхъ затрудненій: не король Георгъ будетъ заключать миръ, а народъ англійскій; отъ Пруссіи же Франція требуетъ одного ручательства въ сохраненіи существующаго порядка въ Италіи. Государство, которое не увеличивается, уменьшается».

Это внушеніе произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ, затрогивая самыя нѣжныя струны, совпадая съ самыми завѣтными помышленіями и цѣлями: уже стали мечтать, что пріобрѣтенія не должны ограничиться однимъ Ганноверомъ, можно пріобрѣсти и Богемію и вымѣнить Саксонію на польскія области. Не слѣдуетъ быть злодѣемъ вполовину! Не легко было, по мнѣнію Гарденберга, выставить основанія, говорившія въ пользу французскаго союза, съ бо́льшею вѣскостію и обольстительностію, и многія основанія были дѣйствительно вѣски: съ одной стороны — предложенія, хотя и не совсѣмъ безопасныя, но возможныя, съ выгодою сохранить миръ, и если бы это не удалось, съ видами на могущественную помощь сильнѣйшей державы; съ другой стороны—извѣстное намѣреніе принудить Пруссію ко вступленію въ коалицію, тонъ русскаго кабинета, становящійся все грознѣе и грознѣе, и еще болѣе угрожающее положеніе русскаго войска;

никакихъ выгодъ, развѣ отдаленныя, которыя еще нужно завоевать, пріобрѣтенія невѣрныя. Но въ то же время, кто не понималъ, что взять что-нибудь у Наполеона значило продать свою душу врагу и дать на нее кровавое рукописаніе,— рабство было необходимымъ слѣдствіемъ. Короля могла прельстить больше всего надежда на сохраненіе мира (да еще съ Ганноверомъ!); но этой надеждѣ вполнѣ предаваться было нельзя по грозному положенію Россіи: еще пока-то французское войско явится на помощь, русское будетъ уже въ прусскихъ владѣніяхъ, и Пруссія сдѣлается ареною борьбы, исходъ которой неизвѣстенъ. Для короля, и, конечно, не для одного его, оба союза, французскій и русскій, представляли только однѣ невыгоды, и потому, разумѣется, онъ могъ рѣшиться на тотъ или другой только въ случаѣ крайности, а до тѣхъ поръ долженъ былъ упорствовать въ нейтралитетѣ. Гаугвицъ также совѣтуетъ крѣпко держаться нейтралитета, и для его сохраненія вооружаться; яркими красками выставилъ Гаугвицъ невѣрность французскихъ обѣщаній и, съ другой стороны, опасность разрыва съ Россіею: точь-въ-точь, какъ думалъ самъ король! Итакъ, вооруженный нейтралитетъ! имъ всего скорѣе можно достигнуть желанной цѣли, сохраненія мира: и Наполеонъ, да и Россія съ Англіею и Австріею будутъ податливы и помирятся при прусскомъ посредничествѣ. Наполеону отвѣчали, что никакая приманка увеличеніемъ территоріи не можетъ побудить короля къ мѣрамъ наступательнымъ; нельзя изъ-за совершенно разореннаго Ганновера подвергать бѣдствіямъ войны старыя цвѣтущія прусскія области. Есть надежда сохранить миръ, если императоръ Наполеонъ, по соглашенію съ Пруссіею, обезпечитъ цѣлость и независимость остальной Италіи, республики батавской и гельветической и германской имперіи, если онъ дастъ королю возможность какъ можно скорѣе передать слова мира въ Петербургъ и Вѣну.—Императору Александру король писалъ (5-го сентября 1805 г.), что твердо рѣшился поддерживать нейтралитетъ свой и своихъ сосѣдей и вооружается для защиты послѣднихъ; притомъ Франція еще ничего не сдѣлала такого, чтò бы заставляло Пруссію объявить ей войну. Король надѣется, что императоръ Александръ также не сдѣлаетъ ничего, чтò бы нарушило покой сѣверной Германіи.

Въ то время, какъ въ Пруссіи только еще рѣшали, что надобно вооружаться, чтобъ дать больше вѣсу своимъ мирнымъ предложеніямъ, въ Австріи давно уже вооружались, и все еще надѣялись, что войны можно избѣжать, по крайней мѣрѣ, что она не начнется въ текущемъ 1805 году. Когда императоръ Александръ въ іюнѣ узналъ о присоединеніи Генуи къ Франціи, то

сказалъ Штуттергейму: «Этотъ человѣкъ (Наполеонъ) ненасытимъ, его честолюбіе не знаетъ границъ, это бичъ вселенной! Въ Вѣнѣ должны остановиться на этомъ событіи. Я его предвидѣлъ; но никакъ не ожидалъ, чтобы Генуя была обращена во французскую провинцію въ то самое время, когда хотѣли начать мирные переговоры съ этимъ господиномъ; онъ надъ нами смѣется, онъ хочетъ войны: ну, хорошо, онъ будетъ ее имѣть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видите: мы медлимъ, а онъ этимъ пользуется». Когда Штуттергеймъ замѣтилъ, что надобно подождать до весны, то Александръ сказалъ: «Я не буду изъ всѣхъ силъ спѣшить, но война неизбѣжна». Но «этотъ человѣкъ» былъ не такой человѣкъ, чтобъ сталъ сидѣть спокойно, видя, какъ другіе вооружаются. Онъ велѣлъ Талейрану объявить австрійскому посланнику, что лагери въ Тиролѣ и Штейермаркѣ должны быть сняты, отказъ въ этомъ Наполеонъ приметъ за объявленіе войны. Въ концѣ августа Австрія отвѣчала, что она вооружается для поддержки выговоренныхъ трактатами условій; что она готова вступить съ французскимъ дворомъ въ переговоры о сохраненіи континентальнаго мира и удостовѣряетъ, что монархи австрійскій и русскій обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, не нарушать существующаго порядка германской имперіи и цѣлости Порты оттоманской. Въ Вѣнѣ произошла въ это время перемѣна: воинственный дипломатъ Кобенцль восторжествовалъ надъ знаменитымъ, но требующимъ мира полководцемъ, эрцгерцогомъ Карломъ. Отчего же произошла такая удивительная перемѣна? Явился генералъ-квартирмейстеръ Макъ, который обѣщалъ поставить армію на военную ногу, вмѣсто шести мѣсяцевъ, въ два мѣсяца, и исполнилъ обѣщаніе; но не довольствовались приготовленіемъ арміи: тому же Маку поручено было перевести ее за баварскую границу, чтобъ предупредить Наполеона. Суворовъ, Наполеонъ побѣждали стремительностію, умѣньемъ предупреждать непріятеля, нападать на него врасплохъ; стоило только принять такой же образъ дѣйствія, предупредить непріятеля, и Макъ становился Суворовымъ, Наполеономъ! Но дѣйствительно ли Макъ предупреждалъ Наполеона? Въ Вѣнѣ по крайней мѣрѣ думали, что «театральный монархъ», какъ тамъ величали Наполеона, ничего не знаетъ, ни къ чему не готовъ, или бездѣйствуетъ, потерявъ голову отъ стыда и затруднительности положенія.

Императоръ Александръ былъ изумленъ такою энергіею и поспѣшностію Австріи! Столько времени на его увѣщанія къ войнѣ былъ одинъ отвѣтъ: не готовы и раньше весны 1806 года готовы быть не можемъ; русскій государь былъ въ полной увѣренности, что раньше этого срока войны не будетъ, обѣщалъ

Штуттергейму не торопиться, а теперь принужденъ былъ спѣшить, спѣшить двумя дѣлами, и отправленіемъ войска на помощь Австріи, и склоненіемъ Пруссіи ко вступленію въ коалицію.

Въ августѣ императоръ послалъ королю письмо, въ которомъ предлагалъ личное свиданіе на границахъ, снова говорилъ о необходимости приступить къ коалиціи и требовалъ согласія на проходъ своихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія. Король отвѣчалъ, что согласенъ на первое, но никакъ не можетъ согласиться на послѣднее, ибо это «непремѣнно погубило бы Европу». Фридрихъ-Вильгельмъ спрашивалъ, какимъ образомъ императоръ Александръ, принявшій на себя прекрасную роль защитника международнаго права и особенно права нейтральныхъ государствъ, можетъ безъ малѣйшаго предлога нарушить право сосѣда и союзника, представляющаго оплотъ для безопасности сѣвера и говорившаго всегда языкомъ мира. Сильнѣйшее впечатлѣніе произведено было донесеніемъ Алопеуса 7 (19) сентября о разговорѣ своемъ съ Гарденбергомъ. Послѣдній передалъ русскому посланнику слова короля: «Если императоръ, — говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ, — намѣренъ принудить меня дѣйствовать противъ моихъ правилъ и нарушить законъ, который я самъ себѣ предписалъ, законъ — не подвергать моихъ народовъ бѣдствіямъ войны, то я скорѣе погибну, чѣмъ соглашусь на это. Но неужели возможно, чтобъ императоръ, котораго я считалъ своимъ первымъ другомъ, къ которому, Богъ свидѣтель, я питалъ довѣріе безпредѣльное, возможно ли, чтобъ онъ употребилъ во зло это довѣріе? Еслибъ онъ нашелся въ опасности, еслибъ теперь, начавши великую борьбу, онъ испыталъ какое-нибудь бѣдствіе, то я полетѣлъ бы къ нему на помощь. Хотѣть заставить меня смотрѣть на вещи точно такъ, какъ онъ смотритъ, это значитъ посягать на мою независимость. Но если я потеряю независимость, то какъ я осмѣлюсь взглянуть на изображенія моихъ предковъ, какъ мнѣ хотя минуту остановиться на мысли, что между нами былъ Фридрихъ II, Великій курфюрстъ [1]). Нѣтъ, если мнѣ суждено погибнуть, то погибну со славою; я паду жертвою моего довѣрія къ государю, который умѣлъ завоевать мое сердце». Алопеусъ донесъ также о словахъ короля, сказанныхъ генералу Кёверицу: «Много государей погибло отъ страсти къ войнѣ; а я погибну отъ того, что люблю миръ». Императоръ Александръ находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, такіе протесты Фридриха-Вильгельма; съ другой—въ Вѣнѣ и Лондонѣ заявлено, что рус-

1) Такъ называли обыкновенно знаменитаго курфюрста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма.

скій государь *заставитъ* Пруссію приступить къ коалиціи; съ третьей стороны, разумѣется, Чарторыйскій настаивалъ на вступленіи въ Пруссію и поднятіи поляковъ. Александръ былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія самымъ главнымъ союзникомъ. Штуттергеймъ сталъ дѣлать сильныя представленія противъ войны съ Пруссіею. «Но это значитъ меня компрометтировать,— возражалъ Александръ,—нѣтъ, я не могу отступить; если я могу возвратить вамъ Силезію, то вы можете на меня положиться». Пришли депеши изъ Вѣны съ такими же отсовѣтованіями нападать на Пруссію; Штуттергеймъ усилилъ свои представленія; наконецъ, Чарторыйскій подался. Этого только, разумѣется, и нужно было: русскія войска были задержаны на границѣ впредь до личнаго свиданія государей; да скоро трудно стало думать о войнѣ съ Пруссіею, когда узнали о быстрыхъ движеніяхъ Наполеона.

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ думали, что «театральный императоръ» находится въ бездѣйствіи, Наполеонъ съ необыкновенною скрытностію и быстротою двигалъ свои войска на востокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ очень радъ этой континентальной войнѣ, ибо сосредоточеніе силъ на берегахъ Атлантическаго океана, для преднамѣренной будто бы высадки въ Англію, не достигало цѣли; Англію нельзя было этою угрозою принудить къ миру, а высадку Наполеонъ не могъ не признавать предпріятіемъ отчаяннымъ. Теперь континентальная война давала ему отличный предлогъ покончить съ приготовленіями къ высадкѣ, которыя скоро грозили стать смѣшными, и нанести Англіи ударъ пораженіемъ коалиціи, о которой она такъ хлопотала. Это пораженіе было вѣрное въ глазахъ Наполеона: коалиція была неполная, Пруссія къ ней не приступала, Австрія же сдѣлала страшную ошибку, выдвинувъ часть своихъ войскъ за границу и не дождавшись русской помощи. Въ концѣ сентября н. с. французскія войска стояли уже въ Швабіи и Франконіи подъ начальствомъ самого Наполеона; курфюрсты баденскій, вюртембергскій и ландграфъ дармштадтскій были за Францію; за нее же была и Баварія, несмотря на австрійскія угрозы. Пруссіи Наполеонъ опять предложилъ союзъ. «Заключать союзъ съ воюющею державою значитъ принять участіе въ войнѣ»—былъ отвѣтъ. Съ французской стороны соглашались договориться на основаніи нейтралитета Пруссіи, соглашались дать ей Ганноверъ подъ залогъ, соглашались на ея посредничество—все для того, чтобъ выиграть время. 1-го октября (н. с.) въ Шарлоттенбургѣ, въ присутствіи стараго вождя прусскихъ войскъ, герцога брауншвейгскаго, была конференція, гдѣ Гарденбергъ предлагалъ не постановлять ничего съ Франціею до свиданія короля съ русскимъ императоромъ, ибо послѣдній оскор-

бится такимъ постановленіемъ; занятіе Ганновера должно произойти съ согласія всѣхъ сторонъ. Король, противъ своего обыкновенія, обнаруживалъ въ конференціи нетерпѣніе и неудовольствіе: толковали о личномъ свиданіи его съ русскимъ императоромъ, а онъ именно не хотѣлъ этого свиданія, боясь нравственнаго вліянія обаятельнаго друга болѣе, чѣмъ насильственнаго перехода русскихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія; онъ предполагалъ въ послѣднюю минуту подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказаться отъ свиданія и послать, вмѣсто себя, герцога брауншвейгскаго. Предлогъ былъ уже придуманъ—болѣзнь ноги. Но Наполеонъ перемѣнилъ ходъ дѣла: по его приказанію, французскія войска, для удобства движенія противъ Австріи, нарушили нейтралитетъ Пруссіи, пройдя черезъ ея владѣнія (въ Анспахѣ). Извѣстіе объ этомъ произвело страшное впечатлѣніе въ Берлинѣ. Король былъ въ отчаяніи: драгоцѣнный нейтралитетъ исчезъ; теперь нельзя было сказать русскому императору, что со стороны Франціи не сдѣлано ничего, могущаго дать Пруссіи право объявить ей войну. Въ Пруссіи давно уже существовала такъ-называемая патріотическая партія, которая видѣла униженіе отечества въ равнодушіи къ захватамъ Наполеона; сама королева, двоюродный братъ короля, принцъ Людвигъ думали такимъ образомъ. Партія сдерживалась противнымъ образомъ мыслей короля; но теперь она возвысила голосъ и увеличилась въ числѣ. Неудовольствіе не могло уменьшиться, когда Наполеонъ, извиняясь, въ письмѣ къ королю, въ анспахскомъ происшествіи, старался дать дѣлу такой видъ, какъ будто это была бездѣлица, когда Талейранъ написалъ, что виноватъ берлинскій кабинетъ, который все толковалъ о нейтралитетѣ сѣверной Германіи, тогда какъ прусскія владѣнія — Анспахъ и Байрейтъ—находятся на югѣ, слѣдовательно внѣ демаркаціонной линіи.

Императоръ Александръ рѣшился пользоваться обстоятельствами; прусскаго короля долго было дожидаться на границахъ, императоръ самъ поѣхалъ къ Фридриху-Вильгельму и 25-го октября (н. с.) прибылъ въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ жителями съ необыкновеннымъ восторгомъ. Надобно было спѣшить привлеченіемъ Пруссіи въ коалицію и этимъ помочь Австріи, дѣла которой шли дурно. Французы перешли Дунай, поразили австрійцевъ въ трехъ сраженіяхъ, заняли Аугсбургъ и Мюнхенъ, а Макъ, придвинувшись къ Ульму изъ желанія предупредить Наполеона, затворился въ этомъ городѣ и спокойно смотрѣлъ, какъ непріятель окружалъ его со всѣхъ сторонъ. Послѣ побѣды, одержанной французами подъ начальствомъ маршала Нея при Эльхингенѣ, Макъ былъ совершенно запертъ, 'завелъ переговоры и

сдался: 23,000 австрійскаго войска положило оружіе, французамъ досталось 59 пушекъ. 20-го октября сдался Макъ; 21-го — англійскій адмиралъ Нельсонъ истребилъ французско-испанскій флотъ при Трафальгарѣ и заплатилъ жизнію за побѣду; 25-го — пріѣхалъ Александръ въ Берлинъ и начались конференціи о томъ, какъ поправить континентальныя дѣла. Сначала шли они между Чарторыйскимъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ императоромъ, Гаугвицемъ и Гарденбергомъ; 28-го числа присутствовали императоръ, король и герцогъ брауншвейгскій; 3-го ноября дѣло было кончено; государи ратификовали договоръ, извѣстный подъ именемъ Потсдамскаго: прусскій король принималъ на себя посредничество между воюющими державами, но посредничество вооруженное, результатомъ котораго должно быть или непосредственное возстановленіе континентальнаго мира, или, въ случаѣ непринятія Франціею мирныхъ условій, дѣйствительное участіе Пруссіи въ войнѣ. Мирныя условія заключались въ томъ, что за Франціею оставалось все полученное ею по люневильскому и послѣдующимъ договорамъ; уничтожались только тѣ распоряженія Наполеона, которыя возбудили противъ него коалицію: возстановлялось независимое сардинское королевство, выговаривалась независимость Голландіи, Швейцаріи, Неаполя и германской имперіи; королевство итальянское, которое названо было ломбардскимъ для избѣжанія слишкомъ широкаго смысла, заключавшагося въ словѣ «итальянское», долженствовало быть независимо отъ французской короны; наконецъ, выговаривалась неприкосновенность Турціи.

Обстоятельства представляли нѣчто новое противъ прежняго: Пруссія принимала рѣшительное положеніе, и, не согласившись на ея предложенія, Наполеону надобно было вести войну противъ небывалой еще коалиціи, что̀ могло заставить его задуматься; но, съ другой стороны, нельзя было надѣяться, чтобъ Наполеонъ принялъ предложенія: это значило бы признаться, что испугался коалиціи, уничтожить обаяніе, которое онъ производилъ надъ французами, обаяніе силы, незнающей препятствій, и это послѣ того, какъ народъ, находившійся подъ такимъ обаяніемъ, провозгласилъ его императоромъ. И побѣжденный — Наполеонъ не могъ принять потсдамскихъ условій, а теперь онъ блистательно началъ кампанію: на сторонѣ французовъ бодрость, возбужденная успѣхомъ, на сторонѣ противниковъ упадокъ духа — слѣдствіе ульмскаго позора. Коалиція опасна; но она еще не вполнѣ образовалась: Пруссія еще не объявляла войны, и нѣтъ сомнѣнія, что Фридрихъ-Вильгельмъ войны не хочетъ по прежнему, онъ подвергся нравственному насилію; Пруссія не всту-

пила прямо въ коалицію, согласилась только на вооруженное посредничество, и здѣсь уже видна ясно уступка Александра своему другу; здѣсь слабое мѣсто, которымъ легко воспользоваться; австрійцы старые знакомые, ихъ бояться нечего; русскіе—враги новые, но кто ими предводительствуетъ? И притомъ—въ соединеніи два чуждыхъ другъ другу войска, два императора,—сколько интересовъ и страстей въ столкновеніи!

Очень важно было то, кто будетъ присланъ къ Наполеону съ мирными предложеніями изъ Берлина; если это будетъ человѣкъ изъ патріотической партіи, желающей вступленія Пруссіи въ коалицію, то онъ повернетъ дѣло быстро и непріятнымъ для Наполеона образомъ, предложивъ вопросъ: миръ на извѣстныхъ условіяхъ или война? и не входя въ дальнѣйшія объясненія. Но Фридрихъ-Вильгельмъ, именно не хотѣвшій крутого поворота дѣла, не хотѣвшій, боявшійся по-прежнему войны, выбралъ человѣка, въ которомъ былъ увѣренъ, что не доведетъ дѣла до крайности, съумѣетъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы выгородить Пруссію съ ея интересами; кого же онъ могъ выбрать лучше, какъ не несравненнаго графа Гаугвица, полнаго своего представителя, свой портретъ относительно политическихъ воззрѣній. Странно, что императоръ Александръ не настоялъ на выборѣ другого лица для посылки къ Наполеону, тѣмъ болѣе, что онъ, пріѣхавши въ Берлинъ, явно обнаружилъ свое нерасположеніе къ Гаугвицу и благосклонность къ Гарденбергу. Въ Петербургѣ были невѣрно извѣщены о положеніи партій въ Берлинѣ и считали Гаугвица съ Ломбардомъ главами французской партіи; но мы видѣли, что Гаугвицъ если принадлежалъ къ какой-нибудь партіи, то къ королевской, стоялъ за нейтралитетъ, за миръ во что бы то ни стало, совѣтовалъ ни подъ какимъ видомъ не разрывать съ Россіею, тогда какъ Гарденбергъ, ратуя противъ нейтралитета, вовсе не настаивалъ на необходимости держаться Россіи. Теперь Гаугвицъ ѣхалъ къ Наполеону для исполненія королевскихъ желаній, но, разумѣется, не безъ горечи противъ коалиціи, потому что былъ сильно оскорбленъ холодностію главы ея.

Коалиція была неполная; присоединеніе Пруссіи предполагалось еще въ будущемъ; дѣйствія союзниковъ начаты были не дружно; Австрія, не дожидаясь русскихъ войскъ, выдвинула свои въ Баварію и потерпѣла уже страшное пораженіе. Недостатокъ полководца, котораго можно было бы противопоставить Наполеону, привелъ императора Александра къ мысли о вызовѣ знаменитаго французскаго генерала Моро, изгнаннаго Наполеономъ въ Америку за участіе въ роялистскомъ заговорѣ; но Моро не

поспѣлъ бы во всякомъ случаѣ; надобно было употребить въ дѣло остатки екатерининскихъ, суворовскихъ временъ. Имя перваго русскаго генерала, которое услыхалъ Наполеонъ, было имя Кутузова. Человѣкъ, которому послѣ суждено было проводить завоевателя изъ Россіи, долженъ былъ теперь встрѣтить его въ Баваріи. При несчастной непредвидѣнной поспѣшности, съ какою Австрія начала войну, русское войско должно было не идти, а бѣжать ей на помощь. Русскіе прибѣжали на Иннъ въ ненастье, по грязнымъ дорогамъ, въ очень некрасивомъ видѣ, въ изношенномъ платьѣ, босые,—и отовсюду дурные слухи, союзники дали себя разбить, теперь вся тяжесть ударовъ побѣдителя падетъ на русскія плечи. Естественно, русскіе не могли отнестись благопріятно къ австрійцамъ, тѣмъ болѣе, что память о послѣднемъ походѣ Суворова, объ его отношеніяхъ къ австрійцамъ, была жива. Русскіе презрительно относились къ людямъ, «привыкшимъ битыми быть», по выраженію Суворова; австрійцы, въ отместку, называли ихъ словомъ, которое первое попадается на языкъ западнаго европейца, когда онъ недоволенъ русскими, называли ихъ варварами, смѣялись надъ недостаткомъ у нихъ военной выправки. Русскіе должны были отступать, сдерживая и отбиваясь отъ превосходнаго числомъ непріятеля; маршалу Мортье сильно досталось отъ Кутузова при Дюрренштейнѣ: услыхали о давно неслыханномъ дѣлѣ, о разбитіи французовъ; самъ Наполеонъ назвалъ битву рѣзнею. Такая же рѣзня произошла при Шёнграбенѣ, гдѣ умѣлъ отбиться знаменитый суворовецъ, князь Багратіонъ, оставленный, по словамъ Кутузова, на неминуемую гибель для спасенія арміи. Багратіонъ не погибъ и армія была спасена отступленіемъ въ Моравію, гдѣ съ нею соединились другія русскія войска, только-что прибывшія изъ Россіи, и небольшой австрійскій корпусъ, отступившій отъ Вѣны, которая была уже занята французами. Союзники стояли у Ольмюца, куда пріѣхали и оба императора—Александръ и Францъ; Наполеонъ занялъ Брюннъ. Союзники рѣшили идти къ нему на встрѣчу, и 20-го ноября встрѣтились у Аустерлица. Наполеонъ побѣдилъ; изъ рядовъ русскаго войска выбыло слишкомъ 20,000 человѣкъ.

Въ нашу задачу не входитъ подробное описаніе и обсужденіе военныхъ дѣйствій; но всякое явленіе должно быть уяснено въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, должно быть уяснено въ той степени, въ какой обнаруживаетъ характеры дѣйствующихъ лицъ, ихъ отношенія и взгляды, въ какой имѣетъ вліяніе на послѣдующія отношенія ихъ и взгляды. Позоръ пораженія послѣ екатерининскихъ войнъ, послѣ суворовскаго похода въ Италію, не могъ быть перенесенъ равнодушно современниками;

какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они должны были съ чрезвычайною страстностію искать виноватаго, накидываясь на перваго встрѣчнаго, не будучи въ состояніи выслушивать оправданій, изслѣдовать дѣло безпристрастно и спокойно. Разумѣется, прежде всего стали виноваты союзники—австрійцы. Мы не станемъ останавливаться на обвиненіяхъ, что австрійцы, изъ вражды къ русскимъ, открыли Наполеону планъ сраженія и т. п.; но не подлежитъ сомнѣнію, что австрійцы испортили кампанію въ самомъ началѣ, выдвинувши свои войска въ Баварію, не дожидаясь прихода русскихъ, и если это дѣйствіе объясняется желаніемъ предупредить Наполеона, то трудно не предположить здѣсь и другого желанія—заручиться успѣхомъ до прихода русскихъ войскъ, чтобы смыть позоръ прежнихъ неудачъ и не дать утвердиться мнѣнію, что успѣхъ для Австріи возможенъ только при чужой помощи. Мы видимъ любопытное явленіе, которое не останется одинокимъ: противъ войны былъ извѣстный своими способностями полководецъ, завѣдывавшій военною частію въ имперіи, эрцгерцогъ Карлъ, тогда какъ за войну былъ преимущественно министръ иностранныхъ дѣлъ Кобенцль, потому что для послѣдняго было невыносимо тяжело невыгодное положеніе Австріи въ политической системѣ Европы;—это, при своей должности, онъ долженъ былъ чувствовать ежедневно, и война представлялась единственнымъ выходомъ; Кобенцль поддерживалъ и превозносилъ похвалами Мака въ его поспѣшныхъ распоряженіяхъ. Но въ Россіи обвиняли не Кобенцля, а русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго: зачѣмъ онъ не доносилъ своему правительству объ ошибкахъ австрійскаго, зачѣмъ не протестовалъ противъ перехода австрійскихъ войскъ черезъ Иннъ, какъ будто невоенный человѣкъ могъ рѣшиться протестовать противъ военныхъ распоряженій, протестовать противъ того, къ чему Россія постоянно побуждала Австрію. Сильно нарекали на завѣдывавшаго иностранными дѣлами въ Россіи, кн. Чарторыйскаго; но его заподозрѣвали вообще, какъ поляка, въ непріязни къ Россіи; въ печальномъ же окончаніи коалиціи онъ виноватъ не былъ. Чарторыйскій, оскорбленный обвиненіями, написалъ императору Александру длинное письмо, гдѣ, оправдывая себя, главнымъ виновникомъ бѣды выставилъ самого императора. По его мнѣнію, Александръ былъ виноватъ, во-первыхъ, въ томъ, что не послушался его совѣта и не вторгнулся съ войскомъ въ Пруссію для возстановленія Польши, а во-вторыхъ, въ томъ, что поѣхалъ самъ къ дѣйствующей арміи, гдѣ его пребываніе, вмѣсто пользы, приносило только вредъ. На первомъ обвиненіи намъ останавливаться не нужно: оно показываетъ пунктъ помѣшатель-

ства, очень непріятный въ русскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Но второе обвиненіе имѣетъ за себя кажущуюся правду. Если бы, по мнѣнію Чарторыйскаго, главнокомандующій Кутузовъ былъ предоставленъ самому себѣ, не стѣснялся присутствіемъ государя, то, отличаясь прозорливостію, онъ сталъ бы избѣгать сраженія до вступленія Пруссіи въ коалицію. Таково было именно мнѣніе Кутузова. Въ интересахъ Бонапарта было не терять времени, въ нашихъ интересахъ — длить время; онъ имѣлъ всѣ причины желать рѣшительнаго сраженія, союзники—всѣ причины избѣгать его. Надобно было утомлять непріятеля частными битвами, не вводя въ бой главныя силы, идти въ Венгрію и войти въ сношеніе съ нетронутыми австрійскими корпусами. Итакъ, Чарторыйскій указываетъ намъ человѣка, по мнѣнію котораго не должно было давать сраженія подъ Аустерлицемъ: этотъ человѣкъ былъ *главнокомандующій* Кутузовъ, и мнѣніе главнокомандующаго не было принято! Зачѣмъ же онъ послѣ того оставался главнокомандующимъ? Самъ императоръ Александръ оставилъ намъ свидѣтельство, почему мнѣніе главнокомандующаго не было принято: «Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе». Вина, слѣдовательно, заключалась въ Кутузовѣ, который не настойчиво проводилъ свое мнѣніе и тѣмъ обнаружилъ недостатокъ гражданскаго мужества. Разсказывали, что наканунѣ сраженія Кутузовъ пришелъ къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому и сказалъ: «Уговорите государя не давать сраженія, мы его проиграемъ». — Мое дѣло знать соусы да жаркія,—отвѣчалъ Толстой,—война—ваше дѣло». Этой неискренности подъ Аустерлицемъ приписывали послѣдующее нерасположеніе императора къ Кутузову. Но имѣемъ ли мы право предположить у Кутузова въ такой степени недостатокъ гражданскаго мужества? Дѣйствительно ли онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи изъ нежеланія, изъ страха противорѣчить государю, желавшему сраженія? Подобно эрцгерцогу Карлу, Кутузовъ не разсчитывалъ на успѣхъ при встрѣчѣ съ Наполеономъ; но какъ не встрѣтиться? Трудность рѣшенія этого вопроса понималъ лучше другихъ Кутузовъ, знавшій, что въ интересахъ Наполеона было именно дать сраженіе, и знавшій, какъ трудно заставить Наполеона отказаться отъ своего желанія въ пользу враговъ. Уклониться отъ рѣшительной битвы, когда такой полководецъ, какъ Наполеонъ, ея хочетъ, трудно, невозможно; надобно отступить; но для этого надобно имѣть планъ отступленія, надобно знать, куда отступать, съ какими средствами, и какія средства можно найти въ странѣ,

куда будетъ направлено отступленіе. Отступать въ Венгрію: но что такое Венгрія? Не надобно забывать, что русскій главнокомандующій былъ въ чужой странѣ, ходилъ ощупью, въ потьмахъ, начальникомъ штаба былъ у него австрійскій полковникъ Вейнротеръ, потому что хорошо зналъ мѣстность; австрійцы своими искусными распоряженіями уже заморили голодомъ русское войско въ Моравіи: лучше ли будетъ въ Венгріи? И главное: хотѣли ли австрійцы отступленія, продленія войны? Они этого не хотѣли; они были утомлены войною во всѣхъ отношеніяхъ, и такъ или иначе желали ея окончанія; выдерживать Австрія не умѣла, не привыкла, народной войны боялась: въ 1797 году въ подобномъ же положеніи австрійскій министръ Коллоредо произнесъ знаменитыя слова: «Побѣдоносному врагу зажму я ротъ одною провинціею, но народъ вооружить — значитъ тронъ низвергнуть». Австрійцы желали рѣшительнаго сраженія и надѣялись на его успѣхъ: дѣйствія русскихъ войскъ при Дюрренштейнѣ и Шёнграбенѣ служили основаніемъ этой надеждѣ. Но теперь легко представить положеніе императора Александра, русскаго главнокомандующаго и всѣхъ русскихъ: австрійцы желаютъ сраженія; русскіе, пришедшіе къ нимъ на помощь, русскіе, знаменитые своею храбростію, вдругъ станутъ уклоняться отъ битвы, требовать отступленія, обнаружатъ трусость предъ Наполеономъ! Всякій долженъ чувствовать, что въ такомъ положеніи ничего подобнаго нельзя было требовать отъ Александра и окружавшихъ его, нельзя было требовать отъ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, колебанія, и здѣсь, въ этомъ положеніи предъ австрійцами, желающими сраженія, основаніе того воинственнаго задора, за который такъ щедро теперь упрекаютъ императора Александра и его приближенныхъ; всякій долженъ чувствовать, что Кутузовъ также не могъ настаивать на уклоненіи отъ сраженія, на отступленіи, ибо видѣлъ, что на устахъ каждаго русскаго готовый отвѣтъ: «да, вѣдь, это позоръ для насъ; и войско упадетъ духомъ, если заставить его отступать». Наконецъ, надобно прибавить и сильную физическую причину, заставлявшую спѣшить сраженіемъ: голодъ. Есть извѣстіе, что солдаты по два дня не ѣли; что на обѣдѣ у императора одинъ жареный гусь подавался на 20 человѣкъ.

Но писателямъ исторій непремѣнно надобно было найти одного какого-нибудь человѣка и сложить на него вину Аустерлица. Подъ руку попался имъ генералъ-адъютантъ императора Александра, князь Петръ Петровичъ Долгорукій, который передъ сраженіемъ былъ отправленъ къ Наполеону для переговоровъ. Князь Долгорукій обвиненъ въ томъ, что держалъ себя гордо

передъ Наполеономъ, раздражалъ его, отнялъ всякую возможность къ дальнѣйшимъ переговорамъ. Но для Наполеона были горды, раздражали его и Колычевъ и Морковъ, его могли не раздражать только люди, пресмыкавшіеся предъ нимъ, уступавшіе всѣмъ его требованіямъ, доступные обаянію его звонкихъ, пестрыхъ рѣчей. Князь Долгорукій не позволилъ себѣ ничего болѣе, кромѣ предложенія условій, измѣнять которыя не имѣлъ никакого права. Разговоръ его съ Наполеономъ для насъ важенъ потому, что въ немъ обнаружилось все различіе во взглядѣ между соперниками. Наполеонъ не могъ, или не хотѣлъ понять, чтобъ русскій государь могъ вести войну за независимость державъ, за возстановленіе политическаго равновѣсія въ Европѣ, нарушеннаго захватами Франціи; не хотѣлъ допустить, чтобъ русскій государь владѣлъ тою широтою взгляда, по которой онъ долженъ былъ предупреждать опасность, какою восточной Европѣ, Россіи, грозило образованіе имперіи Карла-Великаго на Западѣ Европы. Наполеонъ привыкъ имѣть дѣло съ державами, для которыхъ первый и послѣдній вопросъ былъ: «Что̀ мнѣ тутъ взять? что̀ мнѣ за это дадутъ?» Онъ предполагалъ то же самое и въ побужденіяхъ Александра. — «Зачѣмъ мы ведемъ войну; какія существуютъ могущественныя причины, заставляющія Францію и Россію драться другъ съ другомъ? Я этого не понимаю». Вотъ слова, которыми Наполеонъ встрѣтилъ Долгорукаго. — «Цѣлый свѣтъ знаетъ эти причины, ихъ повторять не нужно» — отвѣчалъ Долгорукій.

Наполеонъ. Нѣтъ ничего легче, какъ возстановить согласіе между мною и императоромъ Александромъ: хочетъ онъ Валахія? — сто̀итъ ему только объ этомъ вымолвить слово, и дѣло будетъ улажено.

Долгорукій. У императора Александра достаточно земель, и онъ намѣренъ охранять цѣлость Порты; у него другія цѣли: возстановленіе равновѣсія въ Европѣ, независимость Голландіи и Швейцаріи.

Наполеонъ. Развѣ эти страны не независимы? У меня нѣтъ ни одного солдата въ Швейцаріи; впрочемъ, все это можно уладить.

Долгорукій. Возстановленіе короля сардинскаго...

Наполеонъ. Король сардинскій — мой личный врагъ; я не могу терпѣть его въ Италіи; впрочемъ, можно согласиться вознаградить его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Долгорукій. Однако ваше величество обѣщали это въ заключенномъ съ Россіею договорѣ?

Наполеонъ. Но подъ какимъ условіемъ это было обѣщано? Чтобъ императоръ Александръ помогъ мнѣ ограничить морское владычество англичанъ; Россія не сдержала своего слова, и я свободенъ отъ своего... Итакъ, мы будемъ драться.

Наполеонъ долго хвалился аустерлицкимъ солнцемъ; оно сіяло ему — до самаго московскаго зарева. Для Александра съ Аустерлица начинается рядъ тяжкихъ испытаній въ продолженіи почти семи лѣтъ.

IV

Вторая коалиція.

Неизвѣстно, что намѣревались дѣлать въ австрійскомъ лагерѣ въ случаѣ удачи сраженія; но очевидно, что, въ случаѣ неудачи, было рѣшено покончить войну на какихъ бы то ни было условіяхъ. На другой день послѣ аустерлицкой битвы, императоръ Францъ послалъ уже съ мирными предложеніями къ Наполеону; императора Александра онъ просилъ позволить ему заключить миръ. «Дѣлайте, какъ хотите,—отвѣчалъ Александръ:—только не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ». На слѣдующій день, 22 ноября, произошло личное свиданіе между Францомъ и Наполеономъ, которому прежде всего нужно было не только разорвать коалицію въ настоящемъ, но и предупредить возможность ея въ будущемъ: онъ потребовалъ, чтобъ русское войско вышло немедленно изъ австрійскихъ владѣній, причемъ внушалъ Францу, что странно было бы для Австріи соединяться съ Россіею, которая одна можетъ вести войну по прихотямъ своей фантазіи; послѣ пораженія русское войско спокойно возвратится въ свои степи, а союзникъ поплатится областями. Русское войско ушло, Австрія поплатилась. Отъ нея потребовали, чтобъ она отдала Франціи Венецію и венеціанскія области на твердой землѣ, признала Наполеона королемъ Италіи; Тироль, который справедливо сравниваютъ съ громадною естественною крѣпостью, имѣющею великое значеніе для того, кто ею владѣетъ, Тироль съ Форарльбергомъ Австрія должна была уступить Баваріи, другія владѣнія свои въ областяхъ верхняго Дуная и Рейна должна была уступить Виртембергу и Бадену, должна была, такимъ образомъ, заплатить всѣмъ этимъ германскимъ владѣніямъ за союзъ ихъ съ Наполеономъ противъ нея, лишилась всего 1,114 квадратныхъ

миль и 2.785,000 жителей. У Австріи, впрочемъ, былъ доброжелатель подлѣ Наполеона, составитель широкихъ политическихъ плановъ, знаменитый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ. Послѣ Аустерлица онъ написалъ Наполеону: «Въ волѣ вашего величества теперь или разбить австрійскую монархію, или возстановить ее. Существованіе этой монархіи въ ея массѣ (dans sa masse) необходимо для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ; умоляю ваше величество перечитать проектъ, который я имѣлъ честь отправить вамъ изъ Страсбурга». По этому проекту Австрія должна была лишиться и Венеціи, и Тироля, и швабскихъ земель; но должна была получить вознагражденіе. Впервые, по плану Талейрана, Австрія возводилась въ дунайское государство, чинъ, которымъ ее жалуютъ и теперь, желая, чтобы она поскорѣе убралась изъ Германіи и въ то же время считая ее необходимою для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ. Талейранъ отдавалъ Австріи Сербію, Молдавію, Бессарабію и сѣверную часть Болгаріи. А почему Талейранъ считалъ Австрію, какъ дунайское государство, необходимою для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ, это вытекало изъ того, что самая опасная соперница Франціи, а слѣдовательно самый опасный врагъ цивилизаціи, была Россія, которая рано или поздно должна была завоевать Турцію; поэтому надобно вдвинуть между Россіею и Турціею Австрію, которая, такимъ образомъ, станетъ соперницею Россіи, союзницею Франціи и обезпечитъ Портѣ безопасность и долгое будущее. Англія не найдетъ болѣе союзниковъ на континентѣ, а если и найдетъ, то безполезныхъ; русскіе, запертые въ своихъ степяхъ, бросятся на южную Азію, тамъ столкнутся съ англичанами и, вмѣсто настоящаго союза, произойдетъ между ними вражда.

Талейранъ прежде всего желалъ обезпеченія для Франціи существующаго порядка, столь и для него самого выгоднаго; поэтому, естественно онъ желалъ, чтобы новая Франція пріобрѣла для себя въ Европѣ друзей, а не враговъ только, и самою возможною союзницею, по соображеніямъ настоящаго и прошедшаго, казалась ему Австрія, особенно когда отнималось яблоко раздора—Италія. Талейранъ хотѣлъ сказать: довольно, будетъ съ насъ, пора перестать пріобрѣтать, надобно заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго; но говорить это Наполеону—значило бы говорить глухому. Наполеонъ былъ человѣкъ борьбы и безъ борьбы существовать не могъ; богатырь только-что расходился, ему нужны были враги для борьбы, а не друзья, не союзники постоянные. Онъ старался заключать союзы то съ тѣмъ, то съ другимъ государствомъ, но для того, чтобъ въ извѣстное время, передъ борьбою, ослабить,

разорвавъ союзъ, противъ него направленный, все это было на время только, для удобства борьбы; мысль о чемъ-нибудь постоянномъ, прочномъ, объ окончаніи, успокоеніи была ему противна; въ талейрановскихъ планахъ и внушеніяхъ слышалось ему *memento mori*. Здѣсь начало разлада между нимъ и Талейраномъ, который своими широкими планами становился въ его глазахъ причастнымъ грѣху непростительному: грѣхъ этотъ Наполеонъ называлъ *идеологіею;* другое дѣло обѣщать, показать красивую приманку въ будущемъ, чтобъ заставить согласиться на требованія въ настоящемъ, и Наполеонъ позволяетъ Талейрану, при переговорахъ съ австрійскими уполномоченными, обѣщать имъ земли по нижнему Дунаю, даже земли отъ Пруссіи, которая должна получить Ганноверъ, если только они заключатъ какъ можно скорѣе миръ на требуемыхъ условіяхъ. Но удочка была закинута понапрасну: у австрійскаго правительства уже составилось убѣжденіе, что «турецкая имперія во всей своей цѣлости необходима для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ»; что надобно всѣми силами защищать драгоцѣнное владычество османовъ на Балканскомъ полуостровѣ отъ посягновеній Россіи; а теперь заставляютъ саму Австрію посягнуть на цѣлость владѣній Порты и навлечь на себя вражду Россіи. Напуганные австрійцы отвѣчали, что никакъ не могутъ на это согласиться, ибо слѣдствіемъ будетъ разрывъ Австріи съ Россіею. Тщетно Талейранъ увѣрялъ, что опасности никакой нѣтъ, что Франція гарантируетъ будущія нижнедунайскія владѣнія Австріи; тщетно заявлялъ, какъ онъ, Талейранъ, стоитъ за союзъ Франціи съ Австріею, какъ онъ говорилъ Наполеону: мы будемъ воевать съ Австріею, а кончимъ союзомъ съ нею. «Спѣшите заключеніемъ мира,—говорилъ Талейранъ,—у Наполеона приходитъ аппетитъ въ то время, какъ онъ ѣстъ». Австрійскіе уполномоченные не соглашались; они тянули время въ надеждѣ на Пруссію, которая своимъ грознымъ положеніемъ могла бы сдержать требовательность Наполеона; но когда эта надежда исчезла, австрійцы принуждены были согласиться на всѣ требованія съ французской стороны и заключить миръ въ Пресбургѣ 14 (26) декабря 1805 года.

Посылка Гаугвица съ мирными условіями и съ объявленіемъ войны въ случаѣ ихъ непринятія императоромъ французовъ уже показывала, что въ дѣйствіяхъ Пруссіи не будетъ ничего рѣшительнаго; Гаугвицъ, вѣрный представитель короля, поѣхалъ не за тѣмъ, чтобъ вовлечь немедленно Пруссію въ войну съ побѣдителемъ, какимъ былъ Наполеонъ и до Аустерлица: Гаугвицу прежде всего хотѣлось выждать, какъ пой-

деть дѣло, и по этому ходу распологать свои дѣйствія. Фридрихъ-Вильгельмъ боялся войны—и въ случаѣ побѣды Наполеона, и въ случаѣ побѣды союзниковъ, которые, приписывая однимъ себѣ весь успѣхъ дѣла, возьмутъ себѣ львиную часть; Гаугвицъ боялся войны въ томъ и другомъ случаѣ, да еще боялся Фридриха-Вильгельма. Отъ этого страха образъ его дѣйствій совершенно совпадалъ съ образомъ дѣйствій Наполеона, которому нужно было протянуть время, не доходить съ прусскимъ уполномоченнымъ до рѣшительныхъ объясненій, не допустить такимъ образомъ коалиціи до полноты, и, пользуясь этою неполнотою, разбить союзниковъ, принудить Австрію къ миру и тогда уже легко раздѣлаться съ одною Пруссіею такъ или иначе. Гаугвицъ не очень торопился сборомъ въ дорогу; не очень торопился и въ дорогѣ. Въ Прагѣ получилъ онъ извѣстіе о дюрренштейнской рѣзнѣ и поспѣшилъ въ письмѣ къ королю ослабить впечатлѣніе, какое это дѣло могло произвести: «хотя руское войско и отличилось, но все же оно принуждено отступать»; Гаугвицъ поддерживалъ въ королѣ страхъ передъ Наполеономъ или, лучше сказать, подлаживался подъ этотъ страхъ; онъ писалъ: «напрасно обвиняютъ великаго полководца, зачѣмъ онъ отъ Рейна прорвался къ границѣ Венгріи, гдѣ предстоитъ ему опасность быть отрѣзаннымъ и уничтоженнымъ; онъ не пойдетъ въ Венгрію, ибо знаетъ трудности похода въ этой странѣ; онъ идетъ за врагами въ Моравію, и если непріятельское войско отступитъ, то онъ вторгнется въ Силезію и по теченію Одера откроетъ себѣ дорогу черезъ прусскія владѣнія, гдѣ не встрѣтитъ сопротивленія, ибо прусское войско разсѣяно на обширномъ пространствѣ отъ Майна до Лузаціи». Этимъ внушеніемъ Гаугвицъ заранѣе оправдывалъ свое намѣреніе не торопиться рѣшительнымъ объясненіемъ съ Наполеономъ, чтобъ не подвергнуть Пруссію опасности въ случаѣ побѣды французовъ или отступленія русскихъ въ Венгрію. Король, разумѣется, заранѣе былъ согласенъ со своимъ любимымъ министромъ. Тщетно императоръ Александръ писалъ ему съ жалобами на медленность Гаугвица, тщетно льстилъ по поводу стойкости русскаго войска: «Мы не недостойны имѣть союзникомъ государя, у котораго такое знаменитое войско, какъ ваше»—все напрасно; король отвѣчалъ, что занимается собираніемъ войска въ ожиданіи исхода переговоровъ графа Гаугвица, который прибылъ, наконецъ, въ Брюннъ къ Наполеону, употребивши 14 дней на проѣздъ изъ Берлина въ этотъ городъ. Разумѣется, онъ предложилъ посредничество Пруссіи, но не заявилъ ничего рѣшительнаго; Наполеонъ отправилъ его въ Вѣну къ Талейрану; тотъ разсыпался передъ нимъ въ учтивостяхъ, и

Гаугвицъ очень пріятно провелъ время въ ожиданіи, чѣмъ кончится дѣло въ Моравіи. Дѣло кончилось Аустерлицомъ, и когда Наполеонъ возвратился оттуда въ Вѣну, Гаугвицъ явился поздравить его съ побѣдою. Наполеонъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ успѣхъ не смягчаетъ. У него сильно кипѣло на сердцѣ, страшно хотѣлось распечь Гаугвица, т.-е. правительство прусское: какъ оно осмѣлилось оскорбиться нарушеніемъ нейтралитета съ его стороны, какъ оно осмѣлилось стать въ отношеніи къ нему въ грозное положеніе, предлагать ему мирныя условія, какъ осмѣлилось дать увлечь себя такъ-называемымъ патріотамъ и, подъ вліяніемъ царя, подписать потсдамскій договоръ. Но, съ другой стороны, миръ съ Австріею еще не былъ заключенъ, разрывъ съ Пруссіею могъ повести къ возстановленію тройной коалиціи, тогда какъ теперь представлялся удобный случай уничтожить возможность подобной коалиціи на будущее время: Пруссія, испуганная Аустерлицомъ, не полагаясь болѣе ни на Россію, ни на Австрію, одинокая, согласится на союзъ съ Франціею, закабалитъ себя за Ганноверъ и останется навсегда въ рабствѣ, ибо за Ганноверъ перессорится со всѣми; если же и теперь окажетъ колебаніе, станетъ опять толковать о нейтралитетѣ, то надобно раздавить ее какъ можно скорѣе, ибо никто за нее не заступится; Австрія, заключивши миръ, не начнетъ вдругъ новой войны, у Россіи въ свѣжей памяти Аустерлицъ.

Въ Шёнбруннскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ, въ кабинетѣ знаменитой императрицы-королевы Маріи-Терезіи, Наполеонъ принялъ Гаугвица, принялъ ласково: Гаугвицъ человѣкъ хорошій, мягкій, уступчивый, все говорить, что онъ преданъ Франціи; онъ еще недавно пострадалъ за это, получивъ оскорбительно-холодный пріемъ отъ императора Александра: какое теперь торжество для него получить совершенно другой пріемъ отъ аустерлицкаго побѣдителя! Но видно было, что Наполеонъ, лаская Гаугвица, насилу сдерживался, и вдругъ переходъ къ королю: «Почетнѣе было бы для вашего государя прямо объявить мнѣ войну; онъ бы этимъ услужилъ своимъ новымъ союзникамъ; я бы дважды подумалъ прежде, чѣмъ дать сраженіе. Но вы хотите быть союзниками цѣлаго свѣта: такъ нельзя; надобно выбирать между ними и мною. Будьте со мною искренни, или я съ вами разстанусь. Я предпочитаю открытыхъ враговъ ложнымъ друзьямъ. Я бы могъ отмстить вамъ, занять Силезію, поднять Польшу и нанести Пруссіи такіе удары, отъ которыхъ она никогда бы не оправилась. Но я хочу забыть прошлое и явиться великодушнымъ; я прощаю за минутное увлеченіе, но съ однимъ условіемъ, чтобъ Пруссія соединилась съ Франціею самымъ тѣс-

нымъ и неразрывнымъ союзомъ и взяла Ганноверъ». Гаугвицъ былъ смущенъ этимъ предложеніемъ, зная, что оно не понравится королю; сталъ отговариваться неимѣніемъ инструкцій; но Наполеонъ стоялъ на своемъ: или союзъ и Ганноверъ, или война, и тутъ же новыя ласки относительно Гаугвица. Ласки не помогли бы, если бы, съ другой стороны, не велѣно было внушать Гаугвицу, какъ-будто подъ величайшимъ секретомъ, что уже все готово для прусской кампаніи, что французскія войска двинутся на Силезію. Но мы видѣли, что Гаугвицъ именно этого и боялся. Онъ рѣшился подписать союзный договоръ (15 декабря н. с.): Франція передавала всѣ свои права на Ганноверъ Пруссіи, которая за то уступала Аншпахъ въ пользу Баваріи, а княжество невшательское прямо Франціи. Король могъ не утвердить договора, а между тѣмъ время было выиграно, Пруссія была избавлена отъ внезапнаго нашествія. Но дѣло въ томъ, что заключеніемъ этого союза между Пруссіею и Франціею отнята была всякая надежда у Австріи на возможность продолжать войну или получить лучшія условія мира, и если аустерлицкое сраженіе имѣло такія рѣшительныя слѣдствія, заставило Австрію заключить такой тяжелый для нея миръ и поставило очень скоро Пруссію въ еще болѣе тяжелое положеніе, такъ виною всему этому, разумѣется, была прусская политика, представителемъ которой былъ Гаугвицъ, вѣрныйноситель королевскихъ мыслей и взглядовъ, политика, благодаря которой коалиція оказалась неполною, что̀ именно и нужно было для успѣховъ Наполеона. Съ прусской стороны явились упреки русскому и австрійскому императорамъ, зачѣмъ они рѣшились на битву, не дождавшись срока, назначеннаго королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ (именно 15 декабря н. с.) для движенія прусской арміи противъ французовъ, *если бы* Наполеонъ не принялъ мирныхъ условій, отправленныхъ къ нему съ Гаугвицомъ. Но могли ли императоры Александръ и Францъ разсчитывать на какіе-нибудь сроки, видя со стороны Гаугвица медленность и бездѣйствіе? И о событіяхъ послѣ сраженія не слѣдовало съ прусской стороны высказывать такихъ заключеній: «Положеніе дѣлъ вовсе не было отчаяннымъ. Перемиріе могло быть нужнымъ, можно было начать переговоры, причемъ графъ Гаугвицъ явился бы посредникомъ; императоръ Александръ долженъ былъ внушить мужество императору Францу, удержать короля Фридриха-Вильгельма при трактатѣ 3 ноября, ускорить военныя движенія Пруссіи». Но Австрія именно и длила переговоры затѣмъ, чтобы Гаугвицъ, наконецъ, явился посредникомъ, но онъ не явился, а заключилъ союзъ съ Франціею, что̀ и заставило Австрію отказаться отъ мысли о войнѣ. Надобно было

вести мирные переговоры: но если первымъ условіемъ для этого было постановлено удаленіе русскихъ войскъ изъ австрійскихъ владѣній, то любопытно было бы знать, какъ императоръ Александръ могъ внушать мужество императору Францу? Что касается короля Фридриха-Вильгельма, то императоръ Александръ послѣ Аустерлица передалъ въ его распоряженіе русскія войска, находившіяся въ Силезіи и сѣверной Германіи, и далъ обѣщаніе помогать ему всѣми своими средствами, если король въ нихъ нуждается. Отъ императора Франца явился въ Берлинъ генералъ Штуттергеймъ и прямо объявилъ, что присланъ посмотрѣть, что̀ сдѣлаетъ Пруссія, что его государь протянетъ мирные переговоры для узнанія королевскихъ рѣшеній: если король пожелаетъ помочь ему, то онъ не подчинится слишкомъ тяжелымъ условіямъ, но если будутъ медлить помощію, то это поставитъ въ необходимость заключить миръ. Помощь была замедлена, Гаугвицъ заключилъ союзъ съ Франціею; Австрія должна была заключить миръ, коалиція рушилась.

На письмо императора Александра, предлагавшаго всѣ свои средства въ помощь Пруссіи, король отвѣчалъ, что принимаетъ предложеніе съ благодарностью, потому что имѣетъ великую нужду въ помощи при такихъ трудныхъ и критическихъ обстоятельствахъ. Гарденбергъ на конференціи съ Алопеусомъ объявилъ, что король очень разсчитываетъ на помощь русскаго войска, но войска этого, находящагося въ Силезіи и сѣверной Германіи, мало, такъ что оно не можетъ уравновѣсить прусскія силы съ французскими; полагаться же на австрійцевъ было бы непростительною мечтою послѣ неоднократныхъ опытовъ; союзникъ слабый всегда служитъ не помощью, а бременемъ,—Австрія же представила доказательства своей слабости, чтобъ не сказать хуже, сообщивши Бонапарту потсдамскій договоръ, и генералъ Штуттергеймъ говорилъ о союзѣ между Австріею и Франціею, какъ о дѣлѣ возможномъ. Когда Алопеусъ спросилъ: «въ случаѣ возобновленія войны,—признаетъ ли прусскій король случай союза (casus foederis), вытекающій изъ потсдамскаго договора?»—то Гарденбергъ отвѣчалъ, что король не откажется отъ своихъ обязательствъ, основанныхъ на союзѣ и совершенномъ согласіи съ петербургскимъ дворомъ; но, вслѣдствіе всего случившагося, обязательства потсдамскаго договора нуждаются въ большихъ измѣненіяхъ, о которыхъ съ прусской стороны всегда готовы войти въ соглашенія съ величайшимъ довѣріемъ.

Еще только новыя соглашенія! Но прежде, чѣмъ эти новыя соглашенія могли начаться, пріѣхалъ графъ Гаугвицъ съ подписаннымъ имъ договоромъ оборонительнаго и наступательнаго союза

между Пруссіею и Франціею. Нѣсколько дней совѣщались о судьбѣ этого удивительнымъ образомъ рожденнаго ребенка; наконецъ, рѣшили усыновить его; король ратификовалъ договоръ, только съ нѣкоторыми объясненіями и ограниченіями: король соглашался на одинъ оборонительный союзъ, а не наступательный; потомъ въ объяснительной запискѣ говорилось, что обязательства Пруссіи по этому договору начнутся только съ той минуты, когда миръ съ Австріею утвердитъ уступки этого двора, а миръ съ Англіею утвердитъ пріобрѣтеніе Ганновера Пруссіею; но, въ ожиданіи этихъ мировъ и утвержденій, прусскій король вступаетъ во владѣніе Ганноверомъ и отвѣчаетъ Франціи за спокойствіе сѣверной Германіи, и только когда Ганноверъ сдѣлается собственностью короля, вслѣдствіе мира между Франціею и Англіею, Пруссія немедленно сдѣлаетъ съ своей стороны уступки, обозначенныя въ договорѣ. Неизмѣненнымъ осталось условіе договора, по которому Франція и Пруссія гарантировали независимость и цѣлость Оттоманской имперіи, — условіе, служившее Наполеону вѣрнымъ средствомъ поссорить Пруссію съ Россіею, у которой уже начинались враждебныя отношенія къ Турціи. Гарденбергъ упрекалъ своего соперника Гаугвица, зачѣмъ онъ заключилъ такой невыгодный для Пруссіи союзный договоръ съ Франціею: уже если хотѣли вступить въ союзъ съ Франціею, то, по его мнѣнію, надобно было сдѣлать это посильнѣе и совершенно предаться этой системѣ. Но Гаугвицъ, котораго посылали опять къ Наполеону съ утвержденнымъ договоромъ и объяснительною запискою, Гаугвицъ обѣщалъ королю, что онъ доставитъ ему еще важныя выгоды, кромѣ Ганновера: слѣдствіемъ пресбургскаго мира должно быть переустройство германской имперіи; — южная Германія, съ ослабленіемъ Австріи, отойдетъ подъ завѣдываніе Франціи; можно на это согласиться съ тѣмъ, чтобъ сѣверная Германія отошла къ Пруссіи, чтобъ прусскій король былъ провозглашенъ императоромъ сѣверной Германіи.

Итакъ, съ Франціею у Пруссіи союзъ; какія же будутъ у послѣдней отношенія къ Россіи, которая продолжаетъ быть въ войнѣ съ Франціей?

Говорили, что императоръ Александръ возвратился послѣ Аустерлица болѣе побѣжденный, чѣмъ его армія; онъ считалъ себя безполезнымъ для своего народа, потому что не имѣлъ способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно печалило. Это извѣстіе, котораго мы не имѣемъ права отвергать, по неимѣнію другихъ, болѣе вѣрныхъ, которыя бы ему противорѣчили, это извѣстіе показываетъ намъ значеніе Аустерлица: важно было для императора Александра освободиться отъ мнѣнія о сво-

ихъ военныхъ способностяхъ, важно было для него и для всѣхъ русскихъ освободиться отъ мнѣнія о возможности легко управиться съ Наполеономъ, мнѣнія, основаннаго на томъ, что онъ не имѣлъ дѣла съ русскими, которые съ Суворовымъ били французовъ; для государя и народа важно было освободиться отъ неправильнаго мнѣнія о своихъ средствахъ и средствахъ противника, ибо это освобожденіе дастъ возможность заняться исканіемъ другихъ средствъ къ борьбѣ. Долго горевать о прошломъ было нельзя, ибо надобно было поскорѣе думать о будущемъ, и, къ счастью, оказалось, что Александръ не былъ способенъ долго горевать. Аустерлицъ имѣлъ еще то значеніе, что теперь трудно уже было толковать, что Россія, по своему положенію, можетъ быть безопасна отъ наполеоновскаго властолюбія. Австрія, показавъ свое бессиліе, принуждена заключить миръ на всей волѣ побѣдителя и, разумѣется, не выйдетъ изъ этой воли, по крайней мѣрѣ, долго; Пруссія ведетъ тайкомъ какіе-то подозрительные переговоры съ Франціею. Французское войско стояло недалеко отъ Польши, и Наполеонъ уже проговорилъ роковое слово объ ея поднятіи. Съ другой стороны, Наполеонъ стремится овладѣть восточными берегами Адріатическаго моря, стать сосѣдомъ Турціи. Теперь дѣло идетъ уже не о поддержаніи политическаго равновѣсія Европы только, идетъ дѣло о непосредственныхъ интересахъ Россіи, встаютъ вопросы польскій и восточный. Въ совѣтѣ, собранномъ съ цѣлью опредѣлить положеніе и будущую дѣятельность Россіи, прямо высказываютъ убѣжденіе, что Наполеонъ занимается возстановленіемъ Польши, что ему легко уговорить Пруссію уступить свою долю польскихъ областей за Ганноверъ и шведскую Померанію, и ничего не стóитъ возмутить Галицію, недовольную австрійскимъ правительствомъ; кромѣ того, съ уничтоженіемъ могущества Австріи, Бонапартъ долженъ получить сильное вліяніе на Порту. Въ Петербургѣ угадывали планъ Талейрана или знали о немъ. По мнѣнію князя А. Б. Куракина, «представлялось предположеніе, что можетъ Бонапартъ для удовлетворенія Австріи за области, которыя, вѣроятно, ему пожертвованы будутъ, захотѣть принудить Порту уступить ей нѣкоторую часть ея европейскихъ владѣній; и какъ сіе не инако бы совершилося, какъ съ положительнымъ обѣщаніемъ Австріи ему подвластною пребыть, то сіе событіе столь же бы мало сообразовалося съ пользами Россіи, какъ вѣроятная уступка Австріи владѣемой ею части бывшей венеціанской республики къ новому королевству италійскому; ибо Бонапартъ, бывъ обладателемъ онаго, получитъ чрезъ то способъ надъ Адріатическимъ моремъ господствовать и Порту въ непресѣкающемся опасеніи и страхѣ содер-

жать». По мнѣнію Куракина, неисчислимы были способы, которыми Франція могла вредить Россіи и весь внутренній составъ ея изнурять, и потому онъ совѣтовалъ предложить Наполеону союзъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ не позволялъ себѣ дальнѣйшаго расширенія своихъ владѣній, т.-е. совѣтовалъ повторить то, что́ уже оказалось совершенно безполезнымъ. Другіе члены совѣта также указывали на опасности отъ Франціи со стороны Польши, третьи обращали особенное вниманіе на Турцію; одни совѣтовали войти въ сношеніе съ Наполеономъ, другіе считали это недостойнымъ или ненужнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательны слова графа Н. П. Румянцева: «Будучи твердъ въ правилахъ, я обязываюсь и при нынѣшнемъ случаѣ сказать, что если утверждалъ, что не было пользы скоропостижно выставлять военныя ополченія, то и нынѣ въ скоропостижныхъ исканіяхъ мира пользы я не предвижу. Если мы и при Петрѣ Великомъ, и при Екатеринѣ II-й умѣли сносить раны минутныхъ неудачъ военныхъ, уничиженія никогда и нигдѣ сносить мы не умѣли». Чарторыйскій изъ всѣхъ этихъ мнѣній составилъ такое заключеніе или программу дѣйствій: 1) Россія не должна опасаться возмущенія Польши, особенно по уходѣ французовъ изъ австрійскихъ владѣній; 2) Франція, чрезъ пріобрѣтеніе Далмаціи, получила средства измѣнить отношенія между Россіею и Турціею и привести въ исполненіе свои виды на Порту; 3) для противодѣйствія этому надобно держаться союза съ Англіей, сохранять довѣренность Турціи и завязать сношенія съ турецкими славянами и греками; 4) воспрепятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей и, въ случаѣ надобности, предложить помощь Пруссіи; 5) принять мѣры къ разузнанію намѣреній Наполеона относительно Россіи; 6) держать на-готовѣ сухопутныя и морскія силы, чтобъ можно было употребить ихъ немедленно, особенно въ Молдавіи и Валахіи, въ случаѣ движенія туда Австріи или въ случаѣ войны Франціи съ Портою.

Система установилась. 12-го февраля 1806 года, въ рескриптѣ Разумовскому въ Вѣну императоръ Александръ говорилъ: «Моя система будетъ состоять преимущественно въ защитѣ моихъ владѣній и государствъ, которыя потребуютъ моей помощи или которыхъ существованіе будетъ необходимо для моей безопасности». Баварскій курфюрстъ, который согласился на бракъ своей дочери съ пасынкомъ Наполеона, Евгеніемъ Богарне, прислалъ, конечно, не безъ вѣдома Наполеона, просить руки сестры русскаго императора, Екатерины Павловны, для своего сына. Чарторыйскій объявилъ секретарю баварскаго посольства, что, независимо отъ другихъ побужденій, по которымъ императоръ не можетъ согла-

ситься на этотъ бракъ, его величество не хочетъ стѣснять наслѣдника баварскаго престола: быть можетъ, Бонапартъ назначаетъ ему въ супруги одну изъ своихъ родственницъ, какъ онъ соединилъ принцессу баварскую съ Евгеніемъ Богарне» (6 марта).

Положено было препятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей. Въ то время, какъ отправляли Гаугвица въ Парижъ съ ратификаціею союзнаго договора при дополнительной запискѣ, люди, стоящіе наверху въ Пруссіи, говорили въ одинъ голосъ, что дѣломъ первой важности было сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи. Герцогъ брауншвейгскій, въ разговорѣ съ Гарденбергомъ, высказался, что онъ не прочь самъ отправиться въ Петербургъ. Гарденбергъ обрадовался и предложилъ объ этомъ королю, который охотно согласился. Положеніе герцога, какъ владѣтельнаго лица, и уваженіе, которымъ пользовался старикъ, дѣлали его способнѣе всякаго другого успѣть въ дѣлѣ; притомъ современникъ, безпристрастный къ герцогу, баронъ Гарденбергъ, признавалъ въ немъ разсудительность, ловкость, краснорѣчіе, умѣнье скрасить дѣло не очень красивое. Но еще до отъѣзда герцогъ присутствовалъ въ конференціи, гдѣ было рѣшено поставить войско на мирное положеніе и пригласить командующихъ русскими войсками, отданными въ распоряженіе короля, возвратиться въ отечество: это было сдѣлано на основаніи заявленія французскаго посланника Лафореста въ Берлинѣ, что, судя по выраженіямъ полученной имъ депеши отъ Талейрана, надобно предположить, что прусскія дополнительныя условія приняты Наполеономъ. Относительно посольства герцога брауншвейгскаго Лафорестъ писалъ Талейрану: «герцогъ имѣетъ двойную задачу — объяснить императору Александру основанія системы, принимаемой Пруссіею, и склонить его сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Франціей. Я нахожу его отлично расположеннымъ въ этомъ смыслѣ и отлично инструированнымъ. Если онъ будетъ говорить въ Петербургѣ такъ, какъ говорилъ мнѣ здѣсь, то онъ можетъ освободить императора Александра и самыхъ здравомыслящихъ людей его двора отъ безумныхъ мечтъ и честолюбивыхъ плановъ». Лафорестъ боялся одного, что герцогъ, по чрезвычайной учтивости своей, не станетъ противорѣчить мнѣніямъ другихъ. О немъ говорили, что онъ кажется всегда раздѣляющимъ мнѣніе того, кто съ нимъ говоритъ. Но Лафорестъ надѣялся, что герцогъ услышитъ немного возраженій, вслѣдствіе того, что финансы Россіи находятся въ печальномъ положеніи. Императоръ Александръ взялъ на свою долю очень мало изъ англійскихъ субсидій, данныхъ на коалицію, что страшно обременило русское государственное казначейство. Неаполитан-

скій король присталъ къ коалиціи; для его защиты отправлено было русское войско, которое стоило чрезвычайно дорого, а возвратилось, ничего не сдѣлавши, вслѣдствіе Аустерлица.

Герцогъ брауншвейгскій отправился въ Петербургъ въ полной надеждѣ, что Пруссія, союзница Франціи, можетъ остаться и въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, которую помиритъ съ Франціею, и всѣ будутъ довольны и счастливы, кромѣ Австріи, разумѣется, что было необходимо для довольства и счастія Пруссіи. 29-го января (н. с.) 1806 года отправился герцогъ въ Петербургъ, а отъ 8 февраля пришла изъ Парижа громовая депеша Гаугвица: «Наполеонъ, раздраженный дополнительною запискою къ союзному договору, не хочетъ его знать». Гаугвицъ упалъ съ седьмого неба. Мы видѣли, съ какими розовыми мечтами поѣхалъ онъ въ Парижъ; убаюканный ласками Наполеона въ Вѣнѣ, онъ надѣялся встрѣтить тѣ же ласки и въ Парижѣ и привезти оттуда своему королю титулъ императора сѣверной Германіи,—и вдругъ слышитъ угрозу, что если не подпишетъ союзнаго договора, какой угодно Наполеону, то Франція заключитъ союзъ съ Австріею. Но этого мало: Гаугвицъ видѣлъ, что во Франціи все готово къ войнѣ съ Пруссіею, тогда какъ въ послѣдней войска были уже на мирномъ положеніи, союзныя арміи отпущены; Гаугвицъ видѣлъ, что съ Пруссіею церемониться не будутъ, по ея одиночеству; Россіи не боятся, а въ Англіи умеръ Питтъ, и преемникъ его, Фоксъ, за миръ съ Франціею. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Гаугвицъ поступилъ точно такъ же, какъ послѣ Аустерлица: чтобъ не навлечь на Пруссію немедленной, внезапной войны, дать ей время приготовиться, онъ заключилъ новый союзный договоръ, по которому Пруссія обязалась въ одно и то же время уступить извѣстныя свои владѣнія Наполеону и взять безусловно въ свою полную собственность Ганноверъ, именно въ пятый день послѣ обмѣна ратификацій договора. Король созвалъ конференцію: всѣ, кромѣ Гарденберга, были согласны, что при настоящихъ обстоятельствахъ, при неготовности къ войнѣ, необходимо ратификовать договоръ; король ратификовалъ и написалъ императору Александру (28 февраля н. с.): «Герцогъ брауншвейгскій разскажетъ вамъ, какъ меня обманули, и какія были слѣдствія обмана. Все было бы поставлено на карту, еслибъ я не прибѣгъ къ крайней мѣрѣ. Пусть зложелательство или заблужденіе клевещутъ на меня,—я признаю только двоихъ судей: совѣсть и васъ. Первый судья мнѣ говоритъ, что я долженъ разсчитывать на второго, и этого убѣжденія для меня достаточно».

Горькіе плоды союза оказались немедленно: по настоянію

Наполеона, Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ удалить министра Гарденберга, котораго императоръ французовъ считалъ враждебнымъ себѣ. Завладѣніе Ганноверомъ повело къ войнѣ Пруссіи съ Англіею: около ста прусскихъ кораблей было захвачено въ англійскихъ гаваняхъ; прусскія гавани объявлены были въ блокадѣ. Фоксъ сказалъ прусскому посланнику въ Лондонѣ ужасныя слова: «Пруссія становится соучастницею бонапартовскихъ притѣсненій. Нельзя смотрѣть на такіе обмѣны иначе, какъ на воровство. Другое дѣло завоевать, и другое дѣло овладѣть безъ сопротивленія».

Съ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ одинъ изъ судей. Герцогъ брауншвейгскій пріѣхалъ въ Петербургъ 7/19 февраля и былъ принятъ императоромъ чрезвычайно ласково. Еще не было извѣстно, какъ былъ принятъ Гаугвицъ въ Парижѣ, еще герцогъ брауншвейгскій передавалъ убѣжденіе прусскаго правительства, что Наполеонъ ратификуетъ договоръ съ прусскими ограниченіями, а императоръ Александръ уже указывалъ герцогу, что на эту ратификацію нельзя полагаться; указывалъ, что французскія войска еще не очистили Германіи, и не видно, чтобъ скоро это сдѣлали. «Россіи,—говорилъ Александръ,—не нужно искать мира; если мириться, такъ надобно, чтобъ миръ былъ честный и приличный, а я ни изъ чего не вижу, чтобъ онъ могъ быть такимъ; у меня нѣтъ даже и данныхъ, по которымъ я могъ бы заключить, что Франція хочетъ со мною сблизиться». При разборѣ статей франко-прусскаго договора, Александръ одобрилъ статью о гарантіи цѣлости турецкихъ владѣній; но сказалъ: «Я самъ ее гарантирую; система Екатерины II-й относительно Востока совершенно оставлена; я другъ Порты и хочу ее поддерживать; но я предвижу, что этою статьею Франція хочетъ поссорить меня съ Пруссіей». Относительно овладѣнія Ганноверомъ, императоръ спросилъ герцога: «Если Пруссія и Франція увеличиваютъ свои владѣнія, то не находите ли вы, что и Россіи слѣдуетъ также увеличиться?» Когда пришло извѣстіе о новомъ франко-прусскомъ союзномъ договорѣ, когда пришло письмо короля съ обращеніемъ къ двоимъ судьямъ, одинъ изъ этихъ судей не оказался строгимъ; герцогъ брауншвейгскій привезъ королю письмо отъ императора: «Самый тѣсный союзъ между Россіею и Пруссіею,—писалъ Александръ,—кажется мнѣ болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ, и это въ то же время—самое дорогое желаніе моего сердца. Въ минуты опасности ваше величество должны помнить, что имѣете во мнѣ друга, готоваго летѣть къ вамъ на помощь». Но въ Берлинѣ хотѣли помощи особаго рода: прежде всего хотѣли, чтобъ Россія вела себя какъ можно тише,

какъ можно безкорыстнѣе, не дѣлала бы ничего такого, чтб бы снова воспламенило войну. Такъ, русское войско, во время последней войны, заняло, съ согласія австрійцевъ, важное мѣсто на Адріатическомъ морѣ, Бокка-ди-Каттаро; Наполеонъ требовалъ, чтобъ Австрія заставила Россію очистить эту гавань, какъ принадлежавшую къ Далмаціи, уступленной ему по пресбургскому миру, грозя въ противномъ случаѣ войною, и Пруссія подкрѣпляетъ требованія Австріи въ Петербургѣ объ очищеніи Бокка-ди-Каттаро. Потомъ Пруссія требовала, чтобы Россія помирила ее съ Англіею; изъ Петербурга отвѣчаютъ, что это дѣло возможно, если Пруссія объявитъ, что взяла Ганноверъ на время; но Пруссія никакъ не хочетъ этого объявить, представляя, что Ганноверъ для нея необходимъ, что она не хочетъ уступить его англійскому королю. Какъ легко было Россіи предлагать англійскому правительству уступку Ганновера Пруссіи на вѣки, можно было видѣть изъ донесенія Воронцова императору Александру о своемъ разговорѣ съ королемъ Георгомъ III-мъ, который приписывалъ неудачу австро-русской коалиціи лживому, двоедушному и неполитичному поведенію Пруссіи, и произнесъ пророческія слова о послѣдствіяхъ такой политики: «Это двоедушіе Пруссіи будетъ наказано, ибо, потерявши всякое уваженіе, она потеряла и независимость свою, и кончитъ тѣмъ, что будетъ опозорена этимъ самымъ Бонапартомъ: онъ будетъ обходиться съ нею, какъ съ Баваріею, Вюртембергомъ, Баденомъ и Голландіею».

Во время этихъ сношеній съ Пруссіей въ Россіи произошла важная перемѣна: Чарторыйскій просилъ уволить его отъ завѣдыванія иностранными дѣлами и получилъ увольненіе. Въ письмахъ къ императору онъ жаловался, что Александръ хочетъ все дѣлать самъ, жаловался, что императоръ перемѣнилъ политику, которая должна быть энергическая, рѣшительная. При внимательномъ изученіи русской политики описываемаго времени, мы не можемъ понять этого обвиненія, если не предположимъ, что Чарторыйскій не переставалъ имѣть въ виду рѣшительности дѣйствій Россіи для возстановленія Польши, и дѣйствительно онъ не переставалъ утверждать, что вся неудача австро-русской коалиціи произошла отъ того, что Россія не разгромила Пруссіи точно такъ же, какъ Бонапартъ разгромилъ Австрію. Но мы видѣли свидѣтельство Штуттергейма, какъ самъ Чарторыйскій помогъ ему убѣдить императора не дѣлать этого. Скажутъ: зачѣмъ же вѣрить Штуттергейму, а не вѣрить Чарторыйскому? Но трудно предпочесть свидѣтельство Чарторыйскаго, который послѣ своего увольненія писалъ Гарденбергу: «Со дня моего вступленія въ министерство, я былъ постоянно одушевленъ желаніемъ со-

единенія Пруссіи съ Россіею; въ этомъ союзѣ, по моему мнѣнію, самое вѣрное средство спасенія Европы». Чарторыйскій былъ замѣненъ барономъ Будбергомъ, о которомъ говорили, что онъ *катеринствуетъ*, и этотъ отзывъ показывалъ, что императоръ, избирая такого человѣка, намѣренъ вести внѣшнія дѣла, какъ требовало достоинство Россіи, какъ велись они при знаменитой бабкѣ. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ Гольцъ боялся поэтому, что русскій дворъ станетъ принимать теперь слишкомъ быстрыя и смѣлыя рѣшенія; но онъ скоро успокоился и писалъ, что та же осторожность и умѣренность, которыя характеризовали министерство князя Чарторыйскаго, отличаютъ и поведеніе барона Будберга, взгляды котораго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще болѣе выгодны для Пруссіи, чѣмъ взгляды его предшественника.

Наконецъ между Россіею и Пруссіею заключенъ былъ договоръ при посредничествѣ Алопеуса и Гарденберга. Послѣдній *тайкомъ* велъ сношенія съ Россіею, потому что здѣсь не хотѣли имѣть дѣло съ Гаугвицемъ. Прусскій король обязался: 1) что союзъ Пруссіи съ Франціею не будетъ вредить союзному прусско-русскому трактату 1800 года; 2) Пруссія не соединится съ Франціею противъ Россіи, ни въ томъ случаѣ, когда между ними начнется война вслѣдствіе столкновенія въ Турціи (если Франція нападетъ на Турцію, или если Россія вооружится противъ Турціи за несоблюденіе договоровъ), ни въ томъ случаѣ, когда Россія вступится за Австрію вслѣдствіе нарушенія Франціею пресбургскаго мира; 3) Пруссія гарантируетъ вмѣстѣ съ Россіею независимость и цѣлость Оттоманской Порты, владѣнія австрійскаго дома, какъ они опредѣлены пресбургскимъ договоромъ, сѣверной Германіи и Даніи; 4) гарантируетъ и владѣнія короля шведскаго, если русскій императоръ склонитъ его къ умѣренности; 5) Пруссія употребитъ всѣ старанія, чтобъ французскія войска вышли изъ Германіи какъ можно скорѣе; 6) употребитъ все вліяніе для поддержанія коммерческихъ сношеній на сѣверѣ Германіи, какъ они были до занятія Ганновера; 7) когда споры съ Швеціею кончатся къ удовольствію Пруссіи, то послѣдняя займется необходимыми средствами, чтобъ выставить свою армію въ страшномъ видѣ.—Эти обязательства или, по крайней мѣрѣ, форма ихъ не понравилась Будбергу; онъ сдѣлалъ замѣчаніе Алопеусу, зачѣмъ онъ допустилъ такія неопредѣленныя выраженія, ибо на Пруссію полагаться нельзя. Русскія обязательства заключались въ слѣдующемъ: 1) употреблять постоянно бо́льшую часть своихъ силъ на защиту Европы, и всѣ свои силы на поддержаніе независимости и цѣлости государства прусскаго; 2) продолжать систему безкорыстія относительно всѣхъ государствъ Европы; 3) сохранять въ

глубокой тайнѣ обязательства, принятыя прусскимъ королемъ. Императоръ Александръ подписалъ свои обязательства 12-го іюля, и Гольцъ писалъ Гарденбергу: «Поздравляю короля съ принятіемъ рѣшенія, которое, среди всѣхъ противорѣчій и опасностей настоящаго положенія дѣлъ, скрѣпляя его отношенія съ лучшимъ изъ союзниковъ и друзей, доставляетъ ему напередъ роль, способную поддержать достоинство, славу и безопасность его короны. Шаткость, въ какой графъ Гаугвицъ держитъ прусскіе интересы, не можетъ долго продержаться; мы уже потеряли довѣріе нашихъ союзниковъ, пора его возстановить; мы не можемъ разсчитывать на Францію, она не можетъ быть другомъ никому; но Россія не требуетъ, чтобъ мы разрывали съ нею, и въ случаѣ неизбѣжной войны мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ друга, который намъ поможетъ отъ всего сердца и души».

Война, которой такъ не хотѣли, которой такъ боялись въ Пруссіи, произошла изъ мирныхъ переговоровъ, которыхъ такъ желали тамъ. Мы упоминали о смерти Питта; преемникъ его, Фоксъ, уже изъ одной послѣдовательности своей системѣ долженъ былъ начать мирные переговоры съ Франціею, будучи изначала поборникомъ мира. Наполеонъ, какъ на войнѣ, такъ и въ мирныхъ переговорахъ, слѣдовалъ одному правилу—дѣлить противниковъ, бить ихъ по-одиночкѣ на войнѣ и заключать съ ними отдѣльные миры. Понятно, что благоразуміе должно было внушить противникамъ завоевателя правило не разлучаться ни на войнѣ, ни въ мирныхъ переговорахъ, и Фоксъ объявилъ, что не станетъ вести переговоровъ отдѣльно отъ Россіи. Но прежде чѣмъ начались серьёзные переговоры, Наполеонъ спѣшилъ распорядиться въ Германіи, Италіи, Голландіи, чтобъ закрѣпить эти распоряженія въ мирномъ договорѣ. Баварія и Вюртембергъ сдѣланы королевствами; Баденъ великимъ герцогствомъ; баварскій король Максъ Іосифъ былъ пожалованъ Тиролемъ, Аншпахомъ и Аугсбургомъ и, какъ уже было упомянуто, выдалъ дочь свою за пасынка Наполеона, Евгенія Богарне. Изъ взятаго у Пруссіи Клеве и у Баваріи Берга сдѣлано великое герцогство для Мюрата, мужа сестры Наполеоновой, Каролины. Батавская республика была приневолена просить себѣ государя изъ фамиліи императора французовъ, и этимъ государемъ сдѣланъ братъ Наполеона, Людовикъ, съ титуломъ короля голландскаго. Мы видѣли, что Неаполь присталъ къ коалиціи: вслѣдствіе этого, на другой день по заключеніи пресбургскаго мира, изданъ былъ императоромъ французовъ декретъ: «Династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать». Оставленная такимъ образомъ династія переселилась въ Сицилію, и королемъ неаполитанскимъ былъ

назначенъ братъ Наполеона, Іосифъ. Южная Германія была уже давно въ дѣйствительной зависимости отъ Франціи; но послѣ пресбургскаго мира и прусскаго союза Наполеонъ увидѣлъ возможность устроить и формальную зависимость ея. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Дармштадтъ, Клеве-Бергъ, Нассау образовали рейнскій союзъ, протекторомъ котораго былъ провозглашенъ императоръ французовъ; по требованію протектора союзъ былъ обязанъ выставлять 63,000 войска. Священная римско-германская имперія рушилась; по требованію Наполеона, императоръ Францъ сложилъ съ себя титулъ императора германскаго, и изъ Франца II-го сталъ Францомъ I-мъ, императоромъ австрійскимъ. Что права протектора не ограничивались правомъ брать 63,000 войска, что протекторство тяжело чувствовалось внутри рейнскаго союза, видно изъ слѣдующаго происшествія: появилась книжка подъ заглавіемъ: «Германія въ своемъ глубочайшемъ униженіи», книжка, направленная противъ французскаго ига. Нюренбергскій книгопродавецъ Пальмъ былъ обвиненъ въ распространеніи этой книжки и приговоренъ къ смертной казни.

Австрія молчала, ей было не до того. Мы упоминали, что Наполеонъ, основываясь на пресбургскомъ договорѣ, требовалъ Бокка-ди-Каттаро себѣ и настаивалъ, чтобъ Австрія, какимъ бы то ни было средствомъ, взяла его у Россіи и передала Франціи. Грозила война или съ Франціею, или съ Россіею. «Конечно, было бы несчастіемъ для государства, — писалъ эрцгерцогъ Карлъ, — еслибъ пришлось воевать съ тѣмъ или другимъ изъ обоихъ колоссовъ. Многочисленныя войска обоихъ стоятъ на нашихъ границахъ, первыя непріятельскія дѣйствія внесутъ войну въ сердце австрійскихъ владѣній, вслѣдствіе чего часть наслѣдственныхъ земель будетъ опустошена и завоевана прежде, чѣмъ мы будемъ въ состояніи собрать въ Венгріи армію, да и та будетъ во всемъ нуждаться. Впрочемъ, если уже выбирать изъ двухъ золъ, то война съ Франціею представляетъ безконечно опаснѣйшіе результаты, чѣмъ война съ Россіею. Новая война съ Франціею будетъ смертнымъ приговоромъ для австрійской монархіи, тогда какъ въ случаѣ войны съ Россіею Галиція была бы немедленно опустошена и помощь Наполеона была бы куплена обремененіемъ уже истощенныхъ провинцій, да и миръ былъ бы заключенъ не иначе, какъ подъ диктатурою Франціи. Но русскихъ можно побить, и австрійская имперія не погибнетъ безвозвратно: потому Россія менѣе опасна, чѣмъ Франція». Въ министерствѣ произошла перемѣна: мѣсто Кобенцля заступилъ Стадіонъ. Новый министръ внушалъ болѣе уваженія, довѣрія своею серьёзностію, но относительно политическихъ взглядовъ не разнился отъ своего пред-

мѣстника: то же убѣжденіе въ необходимости русскаго союза, то же убѣжденіе, что союзъ съ Франціею будетъ союзомъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ будетъ подданствомъ. Вѣсть о мирныхъ переговорахъ между Россіею и Англіею съ Франціей произвела въ Вѣнѣ большую радость, ибо посредствомъ нихъ могло уладиться грозившее такою опасностію дѣло о Каттаро; миръ, хотя былъ бы перемиріемъ, могъ дать передышку, возможность собраться съ силами для будущаго; наконецъ, Россія, при сближеніи съ Франціею, могла выговорить нѣкоторыя выгодныя условія для Австріи. Для мирныхъ переговоровъ со стороны Россіи назначенъ былъ статскій совѣтникъ Убри, знавшій людей и отношенія ихъ во Франціи. Болѣе значительнаго человѣка назначить не могли, ибо это унизило бы достоинство Россіи: переговоры должны были вестись въ Парижѣ безъ всякаго предварительнаго предложенія со стороны Франціи; да и Убри ѣхалъ въ Парижъ вовсе не какъ уполномоченный для веденія мирныхъ переговоровъ: онъ долженъ былъ сначала отправиться въ Вѣну съ порученіемъ къ русскому послу тамъ, графу Разумовскому, и уже изъ Вѣны ѣхать въ Парижъ подъ предлогомъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ о русскихъ плѣнныхъ и доставленія имъ денежной помощи. Изъ инструкціи, данной Убри, мы видимъ, что въ Петербургѣ въ описываемое время главное вниманіе было обращено на отношенія Франціи къ Турціи, вслѣдствіе приближенія французскихъ владѣній къ владѣніямъ Порты по пресбургскому миру и послѣ занятія неаполитанскихъ владѣній французами. Для Россіи важно было, съ одной стороны, какъ-нибудь воспрепятствовать этому приближенію, или чрезъ возстановленіе неаполитанскаго короля, или чрезъ очищеніе французами Далмаціи или чрезъ образованіе независимыхъ владѣній между Италіею и Турціею; съ другой стороны, важно было удержать за собою какой-нибудь пунктъ между Италіею и Турціею. Поэтому Убри не долженъ былъ принимать никакихъ условій, которыя препятствовали бы Россіи содержать гарнизонъ въ Корфу, либо давали Франціи право ослаблять обязательства, принятыя Портою въ отношеніи къ Россіи. Убри могъ согласиться на признаніе императорскаго титула для Наполеона, если бы Франція купила это признаніе уступкою Сициліи королю неаполитанскому, очищеніемъ всей или части Далмаціи и согласіемъ на образованіе отдѣльныхъ владѣній между Турціей и Италіей. Всѣ прочія распоряженія Бонапарта Убри могъ признавать только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ согласился на возстановленіе короля неаполитанскаго и образованіе самостоятельнаго владѣнія для короля сардинскаго. Мы видѣли, что Россія не соглашалась хло-

хотать въ Англіи за Пруссію, чтобъ послѣдней былъ уступленъ Ганноверъ, и въ обязательствахъ между Россіею и Пруссіею объ этомъ не было упомянуто. Тѣмъ болѣе теперь, чтобъ не поссориться съ Англіею при веденіи мирныхъ переговоровъ, Убри запрещено было подписывать условія, утверждающія какой-нибудь земельный обмѣнъ между Франціей и Пруссіей во вредъ курфюрсту ганноверскому и стѣсненія торговли сѣверной Германіи, особенно же Даніи и Швеціи. Убри долженъ былъ вести переговоры вмѣстѣ съ англійскимъ уполномоченнымъ; отдѣльный миръ онъ могъ заключить только въ случаѣ, еслибъ договоръ заключалъ въ себѣ чрезвычайно крупныя выгоды для Россіи и вмѣстѣ могъ служить къ непосредственному соглашенію между Россіею, Англіею и Франціею. Убри отправлялся еще при Чарторыйскомъ; мы не знаемъ, какія внушенія были ему сдѣланы министромъ,— по крайней мѣрѣ Убри увѣрялъ въ Вѣнѣ, что ему велѣно обращать постоянное вниманіе на интересы Австріи.

Сильный протестъ противъ мира послышался со стороны человѣка, который давно уже укрѣпилъ въ себѣ основное убѣжденіе, что не можетъ быть мира съ корсиканцемъ. «Великій Боже!— писалъ графъ Семенъ Воронцовъ Новосильцеву,—возможно ли, чтобъ примѣръ монархій французской, испанской, австрійской и прусской не производилъ никакого впечатлѣнія на императора (Александра)! Первая разрушена, а другія явно разрушаются; достовѣрность ихъ паденія уже предсказана потерею ихъ независимости, и все это случилось вслѣдствіе слабости ихъ государей, ихъ нерѣшительности, робости, дѣтскаго страха предъ опасностями предполагаемыми, которыя успѣли имъ внушить интриги дураковъ и измѣнниковъ, взявшихъ верхъ надъ министрами прозорливыми, честными и твердыми. Разумѣется, съ арміею разстроенною, какъ теперь наша, съ этою арміею, уничтоженною Павломъ, потерявшею духъ и опозоренною при Аустерлицѣ, не должно вести войны; но можно, оставаясь у себя, не позорить себя гнуснымъ миромъ, который обезславитъ имя русское и погубитъ имперію. Фоксъ хочетъ мира во что бы то ни стало, безъ всякаго нравственнаго принципа. Поклонникъ счастія корсиканца и Талейрана, онъ обрадовался желанію мира, выраженному императоромъ Александромъ, какъ предлогу заключить миръ и съ своей стороны, пожертвовавши королемъ неаполитанскимъ; онъ не считаетъ своею обязанностію сдержать обѣщаніе Питта. Но что можетъ сдѣлать какая - нибудь дрянь, не боящаяся позора, прожившая 57 лѣтъ въ презрѣніи у честныхъ людей, тому не долженъ подражать императоръ русскій! Русскій императоръ вошелъ въ обязательство съ королемъ неаполитанскимъ не заклю-

чать мира безъ того, чтобъ Неаполь не былъ ему возвращенъ. Вслѣдствіе этого обязательства король нарушилъ свой нейтралитетъ, слѣдовательно онъ падетъ жертвою своей вѣры въ силу и добросовѣстность императора. Такъ пусть императоръ вспомнитъ возвышенное письмо Петра Великаго Шафирову о Кантемирѣ; пусть вспомнитъ, что этотъ великій государь скорѣе соглашался уступить южную Россію до Курска, чѣмъ измѣнить данному слову; Петръ былъ убѣжденъ, что у государей нѣтъ другой собственности, кромѣ чести, что отказаться отъ этой собственности значитъ перестать быть монархомъ. Надобно объявить корсиканцу, что, безъ возвращенія неаполитанскаго королевства его законному государю, не будетъ никогда не только мира, но и никакого сношенія между Россіею и Франціею; надобно выгнать всѣхъ французовъ изъ Россіи и запретить всѣ французскіе товары. Надобно только быть твердыми и хорошо вооруженными у себя дома, не вѣрить Пруссіи, быть въ хорошихъ отношеніяхъ къ Швеціи и взять твердый и внушительный тонъ относительно турокъ, послѣ чего можно спокойно выжидать благопріятнаго времени». Можно думать, что мнѣніе Воронцова не могло не произвести впечатлѣнія въ Петербургѣ, ибо слова, написанныя Новосильцеву, не могли быть тайною для императора, который былъ очень чувствителенъ къ указаніямъ на единственную собственность государей.

Впрочемъ, Воронцовъ напрасно безпокоился и на счетъ англійскаго министра: миръ былъ невозможенъ, ибо у Наполеона и у Англіи трудно было посредствомъ переговоровъ вырвать изъ рукъ что-нибудь разъ захваченное. Талейранъ предложилъ англійскому уполномоченному, лорду Ярмуту, три уступки: Ганноверъ, Мальту и Мысъ Доброй Надежды. Какъ французъ, Талейранъ не могъ обойтись безъ риторики, и выражалъ свои предложенія такъ, что Ганноверъ уступается для чести англійской короны, Мальта для чести морской державы, а Мысъ для чести торговой. Но англичанинъ остался холоденъ къ такой красивой фразѣ; изъ всѣхъ завоеванныхъ колоній удержать только одинъ Мысъ Доброй Надежды было невыгодно. Въ Европѣ отдавали Мальту; но эта самая готовность со стороны Франціи уступить Мальту, тогда какъ прежде никакъ не хотѣли этого сдѣлать, показывала, что островъ потерялъ свою цѣну: Франція такъ устроилась теперь на берегахъ Адріатическаго моря, такъ приближалась къ владѣніямъ Порты для выгоднаго себѣ рѣшенія восточнаго вопроса, что могла позволить Англіи владѣть мальтійскою скалою. Теперь для Англіи предметомъ первой важности было не перепустить Сицилію въ руки французовъ, и Фоксъ поставилъ необходимымъ условіемъ мира

удержаніе этого острова за королемъ Фердинандомъ. Франція, съ своей стороны, требовала Сицилію себѣ какъ вознагражденіе за уступку Ганновера, а для короля Фердинанда предлагала Ганзейскіе города. Въ Англіи на это никакъ не соглашались; тогда Талейранъ сдѣлалъ новое предложеніе, которое должно было всего болѣе встревожить Англію, не спускавшую глазъ съ драгоцѣннаго Востока: Талейранъ предложилъ въ вознагражденіе короля Фердинанда за Сицилію Далмацію, Албанію и Рагузу, тогда какъ Албанія принадлежала Турціи; съ англійской стороны предлагали вмѣсто *чужой* Албаніи вознаградить короля Фердинанда французскими владѣніями на берегахъ Адріатическаго моря, пріобрѣтенными по пресбургскому миру; но понятно, что это была только дипломатическая игра.

Лордъ Ярмутъ получалъ изъ Англіи сильнѣйшія внушенія, чтобъ дѣйствовалъ за-одно съ русскимъ уполномоченнымъ; но Убри трудно было сыскать. Если въ Англіи понимали, что надобно было и дипломатически дѣйствовать сообща и настояли на совмѣстномъ веденіи переговоровъ, то во Франціи, и уступивши этому требованію, хотѣли все же поставить на своемъ, разбить союзниковъ, заключить съ однимъ изъ нихъ отдѣльный миръ и этимъ принудить и другого быть уступчивѣе. Планъ кампаніи удался: напали на слабѣйшаго, на Убри, объявили ему, что не хотятъ видѣть въ немъ простого русскаго агента, хотятъ видѣть уполномоченнаго, озадачивали, утомляли его спорами, продолжавшимися по 14-ти часовъ съ-ряду, и бороться долженъ былъ Убри противъ дипломатическаго Наполеона, противъ Талейрана, котораго смѣнялъ генералъ Кларке; вдвоемъ утомляли, *застращивали* одного; но чѣмъ же могли застращивать? Когда лордъ Ярмутъ сталъ упрекать Убри за его удаленіе отъ общихъ переговоровъ, укрывательство, тотъ отвѣчалъ: «я считаю своею обязанностію такъ поступать, даже заключить отдѣльный миръ, если этимъ я могу спасти Австрію отъ грозящей ей опасности». Зная, какія обѣщанія надавалъ Убри въ Вѣнѣ, мы должны придавать этому отвѣту особенное значеніе, равно какъ и другимъ оправдательнымъ словамъ его изъ письма въ Петербургъ: «еслибъ я разорвалъ переговоры, то возобновилась бы война, которую Франція повела бы съ бо́льшею энергіею противъ государствъ вовсе неприготовленныхъ; наоборотъ, подписывая мирный договоръ, я давалъ этимъ государствамъ время приготовиться къ войнѣ». Убри 8 (20) іюля подписалъ отдѣльный договоръ, статьи котораго также прямо указываютъ, что русскій уполномоченный имѣлъ въ виду исполнять обѣщанія, данныя въ Вѣнѣ: Россія уступила Франціи Бокка-ди-Каттаро, слѣдовательно, Австрія успокои-

валась; въ три мѣсяца французскія войска должны очистить Германію — успокоеніе окончательное; что же касается успокоенія Россіи, то обѣ державы взаимно ручались за независимость и цѣлость Оттоманской Порты; французскія войска очищали Рагузу; должны были очистить и Черногорію, если ее заняли; русское войско на Іоническихъ островахъ не могло превышать 4000 человѣкъ. Относительно неаполитанскаго короля странное условіе: если онъ лишится Сициліи, то Россія и Франція обязывались выпросить для его сына Балеарскіе острова у короля испанскаго: вмѣсто отца, получалъ вознагражденіе сынъ изъ чужого владѣнія, которое нужно было еще выпросить. О королѣ сардинскомъ и Ганноверѣ не упоминалось. Кромѣ внушеній, какія могъ получить Убри передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ Парижѣ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ другихъ внушеній: воспитатель императора Александра, Лагарпъ, одобрялъ условія, и для успокоенія Убри далъ ему оправдательное письмо къ императору: основная мысль письма состояла въ томъ, что заключаемый миръ есть перемиріе, которымъ надобно воспользоваться для приготовленія къ новой борьбѣ, потому что Наполеонъ остановиться не можетъ; но Лагарпъ забывалъ, что перемиріе носило названіе мира, и мирный договоръ утверждалъ право на то, что было захвачено вопреки прежнимъ договорамъ; каждый миръ освящалъ новые захваты, новыя порабощенія, чему нисколько не мѣшало то, что кому-нибудь угодно было называть миръ перемиріемъ.

Что договоръ Убри былъ не въ пользу Россіи, доказывалось тѣмъ, что Наполеонъ и его приближенные ставили его выше побѣды, одержанной на войнѣ; но побѣда для одной стороны необходимо условливаетъ пораженіе другой. Наполеонъ, по обычаю, спѣшилъ пользоваться побѣдою, ратификовалъ договоръ черезъ шесть часовъ послѣ его заключенія и немедленно далъ знать о немъ всюду, куда слѣдовало: пусть русскій государь не ратификуетъ договора, объ этомъ узнаютъ не скоро, а первое впечатлѣніе уже произведено, и прежде всего оно произведено на лорда Ярмута. Генералъ Кларке, ведшій съ нимъ переговоры, провозглашая отдѣльный миръ съ Россіею какъ великую побѣду, объявилъ Ярмуту, что послѣ такой побѣды Наполеонъ имѣлъ бы право увеличить свои требованія,—но онъ остается при старыхъ. Фоксъ, на помощь Ярмуту, котораго находилъ слишкомъ уступчивымъ, отправилъ еще другого уполномоченнаго. Шли удивительные, небывалые переговоры: Наполеонъ торговалъ областями, вовсе ему непринадлежавшими, уступалъ, мѣнялъ, давалъ въ вознагражденіе чужія владѣнія—Ганноверъ, Албанію, Рагузу, Ган-

вейскіе города, Балеарскіе острова; главный споръ шелъ о Сициліи, которою владѣлъ бывшій неаполитанскій король Фердинандъ, которую Наполеонъ не завоевалъ и никогда послѣ не могъ завоевать, но теперь требовалъ непремѣнно, чтобъ укомплектовать владѣніе брата своего Іосифа, т. е. чтобы самому владѣть всею Италіею. Одинъ французскій писатель, очень нерасположенный къ Наполеону, говоритъ, что въ такой странной торговлѣ, по крайней мѣрѣ, было начало умопомѣшательства. Мы несогласны съ почтеннымъ авторомъ уже и потому, что современники начала умопомѣшательства тутъ не видали; явленіе было обыкновенное: сила, не встрѣчая препятствія, развивалась все болѣе и болѣе. Исторія благословляетъ тѣхъ дѣятелей, которые ставятъ преграду силѣ, не допуская ее до насилія.

Странные переговоры, торговля чужимъ добромъ не повели ни къ чему. Когда Убри привезъ свой договоръ въ Петербургъ, то императоръ отдалъ его на разсмотрѣніе совѣта, который единогласно призналъ невозможность ратификовать его, и Александръ согласился съ мнѣніемъ совѣта; а въ самомъ началѣ сентября умеръ Фоксъ, что̀ прекращало попытку къ заключенію мира Англіи съ Франціею. Послѣ Аустерлица непосредственная борьба между Россіею и Франціею продолжалась на берегахъ Адріатическаго моря, въ Далмаціи; вице-адмиралъ Сенявинъ, начальствуя флотомъ и сухопутнымъ отрядомъ, дѣйствовалъ противъ французовъ съ помощію славянскихъ жителей страны, особенно черногорцевъ; Бокка-ди-Каттаро не былъ сданъ ни французамъ, ни австрійцамъ; но скоро Сенявинъ получилъ приказаніе отправиться въ Архипелагъ.

Мы знаемъ, что съ самаго начала вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, при необходимыхъ столкновеніяхъ въ интересахъ двухъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ, Россіи и Франціи, и при затруднительности непосредственной борьбы между ними по географическому положенію, Франція дѣйствовала противъ Россіи, противъ ея интересовъ дипломатическими средствами въ трехъ ближайшихъ пунктахъ, била въ три самыя чувствительныя мѣста для Росссіи: въ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Во время борьбы съ Наполеономъ Швеція, по убѣжденіямъ ея короля, могла быть только въ союзѣ съ Россіею противъ Франціи; возобновленіе польскаго вопроса могло еще только ожидаться; оставалась Турція, въ которой можно было дѣйствовать противъ Россіи, и Наполеонъ, разумѣется, не упустилъ этого изъ виду. Онъ отправилъ посланникомъ въ Константинополь уже извѣстнаго намъ Себастіани, хорошо знакомаго съ Востокомъ, и слѣдствія внушеній его скоро оказались. Сановники, стоявшіе за дру-

жескія отношенія между Россіею и Портою, были удалены, и мѣста заняли ихъ люди, доступные внушеніямъ французскаго посланника. Внушенія состояли въ томъ, что Порта не должна терпѣть, чтобъ ея христіанскіе подданные получали какія-нибудь выгоды отъ Россіи, привыкали къ ея покровительству, почему запрещено было грекамъ, которые плавали подъ русскимъ флагомъ, пользоваться привилегіями русскихъ подданныхъ; уничтоженъ былъ такимъ образомъ обычай, ведшійся издавна. Договорами было утверждено, что господари молдавскій и валахскій не могутъ быть смѣнены диваномъ ранѣе семи лѣтъ, если только не совершатъ преступленія, доказаннаго по слѣдствію, произведенному сообща Россіею и Портою: вслѣдствіе внушеній Себастіани султанъ смѣнилъ обоихъ господарей до срока, безъ всякой причины, безъ предварительнаго изслѣдованія. По договору 1805 года, русскимъ военнымъ кораблямъ дозволенъ былъ свободный проходъ и перевозъ войска чрезъ Босфоръ и Дарданеллы: теперь Порта объявила, что не намѣрена больше исполнять этого условія. Такое нарушеніе договора объяснялось тѣмъ, что Себастіани подалъ дивану ноту, въ которой требовалъ, чтобъ Босфоръ былъ запертъ для русскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ; отказъ въ этомъ требованіи Франція сочтетъ для себя враждебнымъ дѣйствіемъ со стороны Турціи и получитъ право двигать свои войска черезъ турецкія владѣнія для борьбы съ русскимъ войскомъ на берегахъ Днѣстра. Въ нотѣ Себастіани говорилось: «возобновленіе или продолженіе союза Турціи съ врагами Франціи, именно съ англичанами и русскими, будетъ не только явнымъ нарушеніемъ нейтралитета, но участіемъ въ войнѣ, которую эти народы ведутъ съ Франціею». Оказывалось, что турки вовсе не такіе спокойные сосѣди Россіи, какъ думали недавно нѣкоторые дипломаты. Нарушеніемъ договоровъ они прямо объявляли войну; оставлять долѣе Порту подъ диктатурою французскаго посланника и дожидаться новыхъ враждебныхъ поступковъ и дерзостей было бы странно, и русскія войска получили приказаніе занять дунайскія княжества. Но русское войско встрѣтилось съ французскимъ не на берегахъ Днѣстра, а на берегахъ Нѣмана.

Наполеонъ, во время переговоровъ съ Англіею, торгуя чужими владѣніями, прежде всего безцеремонно распорядился Ганноверомъ, который, по послѣднему союзному договору съ Пруссіею, принадлежалъ этой державѣ, былъ занятъ ея войскомъ. Наполеонъ возвращалъ Ганноверъ прежнему его курфюрсту, королю англійскому. Пруссія объ этомъ ничего не знала. Наполеонъ, не любившій церемониться ни съ кѣмъ, всего менѣе считалъ нужнымъ церемониться съ Пруссіею, которая своимъ пове-

деніемъ потеряла у человѣка силы всякое уваженіе: можно что-нибудь ей дать за Ганноверъ или обѣщать, а если будетъ имѣть неблагоразуміе обижаться, спорить, то заставить замолчать оружіемъ; это не будетъ стоить большого труда, когда будетъ заключенъ миръ съ Россіею и Англіею; если же миръ заключенъ не будетъ, то Ганноверъ останется за Пруссіею; во время же переговоровъ можно и обманывать, и дѣйствительно, предлагая Ганноверъ англійскому королю, Наполеонъ приказывалъ увѣрить прусскаго короля, что онъ никогда не отступитъ отъ обязательствъ, заключенныхъ съ Пруссіею относительно Ганновера. Относительно Ганновера можно было пока обманывать; но относительно образованія рейнскаго союза, уничтоженія прежняго германскаго строя, въ который входила Пруссія, обманывать было нельзя; употребили приманку: Пруссія можетъ подѣлить Германію съ Франціею, устроить такой же союзъ изъ остальныхъ сѣверо-германскихъ государствъ подъ своимъ протекторатомъ. Но переговоры съ Англіею о Ганноверѣ могли огласиться, и тогда приманка протекторатомъ надъ сѣверною Германіею могла бы не подѣйствовать, особенно если бы миръ съ Россіею и Англіею не былъ заключенъ: въ такомъ случаѣ надобно приготовиться къ войнѣ или, по крайней мѣрѣ, напугать Пруссію этими приготовленіями, заставить ее проглотить свою обиду, свое негодованіе: и вотъ во французской арміи громкіе разговоры о предстоящей войнѣ съ Пруссіею, иначе для чего бы увеличивать число войска и направлять его къ прусскимъ границамъ.

Прусскій посланникъ въ Парижѣ, Люккезини, узналъ и донесъ своему двору, что Наполеонъ уступаетъ Ганноверъ англійскому королю; что, можетъ быть, потребуютъ отъ Пруссіи и другихъ земельныхъ уступокъ, что Наполеонъ предлагалъ Россіи прусскую Польшу, что между Наполеономъ и Александромъ существуетъ соглашеніе возстановить Польшу въ пользу вел. кн. Константина Павловича. На счетъ русскихъ переговоровъ могли ходить всевозможные слухи вслѣдствіе таинственности, съ какою они были ведены; да и съ французской стороны были побужденія распускать подобные слухи, чтобъ возбудить въ Пруссіи неудовольствіе противъ Россіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился на борьбу съ Франціею и, конечно, историкъ не станетъ удивляться этому рѣшенію. Желаніе мира, страхъ передъ борьбою были сильны въ душѣ короля; но, по своему характеру и положенію, онъ могъ предаваться этому желанію и страху только тогда, когда при этомъ для него существовали извѣстныя опоры, когда, съ одной стороны, въ нейтралитетѣ, въ посредствующемъ положеніи онъ ду-

малъ сохранить почетное положеніе для Пруссіи, а съ другой—пріобрѣсти выгоды, когда пріобрѣтеніемъ Ганновера безъ войны онъ заставлялъ молчать приверженцевъ воинственной или патріотической партіи, возобновляя тѣ счастливыя времена, когда при его предшественникахъ ловкою политикою Пруссія даромъ пріобрѣтала области, какія трудно было пріобрѣсти и посредствомъ кровопролитныхъ войнъ. Но теперь человѣкъ силы смѣется надъ Пруссіею, обходится съ нею какъ съ ничтожнымъ по своей слабости и робости государствомъ, и смѣется насмѣшкою самою злою, отнимая то, за что̀ пожертвовано многимъ, если не всѣмъ. Аншпахскимъ событіемъ рушилась одна опора—нейтралитетъ, дававшій почетное, посредствующее положеніе; но эту опору замѣнилъ Ганноверъ; теперь рушилась и эта, самая крѣпкая опора, и въ то же время мнѣніе партіи становилось общественнымъ мнѣніемъ; король безоружнымъ являлся передъ обществомъ, требовавшимъ перемѣны политики, ибо старое направленіе осуждено было своимъ неуспѣхомъ; какъ обыкновенно бываетъ, общество клеймило позоромъ близкихъ къ королю людей, приписывая имъ вину прежняго направленія и требуя ихъ смѣны; королю была подана просьба объ удаленіи Гаугвица и членовъ кабинета, о замѣнѣ послѣдняго отвѣтственнымъ и благонамѣренным государственнымъ совѣтомъ; просьба была подписана принцами королевскаго дома, извѣстнымъ своею твердостію и смѣлостію министромъ Штейномъ, двумя генералами, Рюхелемъ и Фулемъ. Король взглянулъ на эту просьбу какъ на посягательство противъ своихъ правъ, сдѣлалъ непосредственно и посредственно строгія внушенія подписавшимъ. Просьба не была исполнена; въ ней высказывалось оскорбительное для короля мнѣніе, что дурные совѣтники ввели его въ заблужденіе, и ошибка можетъ быть поправлена только съ помощію другихъ совѣтниковъ; но въ характерѣ Фридриха-Вильгельма не было упорства, и онъ счелъ необходимымъ для поддержанія своего значенія на дѣлѣ, а не по праву только, стать въ челѣ воинственнаго движенія и этимъ охранить и Гаугвица съ товарищами отъ нареканія: онъ, король, сначала слѣдовалъ извѣстному направленію, и люди приближенные исполняли его волю; теперь, убѣдившись, что прежнее направленіе болѣе не годится, онъ перемѣняетъ его при помощи тѣхъ же старыхъ совѣтниковъ. Дѣйствительно, человѣкъ, завѣдывавшій иностранными сношеніями, Гаугвицъ, давно уже, въ Парижѣ, гдѣ Наполеонъ заставилъ его подписать второй союзный договоръ, убѣдился въ необходимости перемѣнить направленіе, убѣдился, что на императора французовъ полагаться нельзя, что отъ сближенія съ Франціею, кромѣ опасности и униженія,

нечего ожидать болѣе; мы видѣли, что Гаугвицъ не былъ преданъ или проданъ Франціи, а держался одинаковаго взгляда съ королемъ, и теперь для него, какъ для короля и, какъ видно, прежде чѣмъ для короля, рушились опоры его прежняго убѣжденія; и для него, какъ для короля, но еще сильнѣе, чѣмъ для короля, явилась необходимость не только уступить восторжествовавшему воинственному направленію, но и стать горячимъ его приверженцемъ, и Гаугвицъ является сильнымъ противникомъ Франціи, проповѣдникомъ необходимости вооруженія.

Но вооружаться противъ Наполеона значило сближаться съ Россіею. Отъ 21-го августа (н. с.) Гольцъ прислалъ успокоительное извѣстіе, что договоръ, заключенный Убри въ Парижѣ, не ратификованъ въ Петербургѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, начали являться внушенія, что Россія въ непродолжительномъ времени должна будетъ потребовать отъ Пруссіи рѣшительнаго отвѣта, на чьей же она сторонѣ—на сторонѣ Франціи или Россіи. Мы видѣли, что борьба съ Франціею принимала для Россіи новый оборотъ, затрогивая ея непосредственные интересы и отношенія. Франція дѣйствовала противъ Россіи въ Константинополѣ, естественно было ожидать, что она станетъ дѣйствовать противъ нея въ Польшѣ, и дѣйствовать непосредственно, проведя свои войска черезъ владѣнія Австріи, которая, волею или неволею, должна будетъ согласиться на это. Петербургскій кабинетъ указывалъ здѣсь берлинскому предлогъ къ вооруженію, ибо военныя дѣйствія должны происходить въ сосѣдствѣ съ Пруссіею. Въ Петербургѣ все еще сохраняли прежнее мнѣніе, что Гаугвицъ преданъ Франціи, и потому внушали Гольцу, что его необходимо удалить, если король хочетъ рѣшительно сблизиться съ Россіею. Графъ Штакельбергъ, замѣнившій Алопеуса въ Берлинѣ, писалъ Будбергу, отъ 25-го августа (с. с.): «освободить короля отъ его презрѣннаго и коварнаго окруженія, конечно, есть цѣль самая желательная, но вмѣстѣ и самая трудная для достиженія. Власть этихъ приближенныхъ есть слѣдствіе привычки и ловкости. Первая очень важна относительно государя робкаго, мало привычнаго къ труду, и котораго большой, выпуклый талантъ, вѣроятно, затмилъ бы. Надобно было бы имѣть подъ руками двоихъ незначительныхъ людей, знающихъ, съ одной стороны, ходъ дѣлъ, а съ другой—имѣющихъ легкость въ работѣ, чтобы сейчасъ же замѣнить ими Бейме и Ломбарда. Графъ Гаугвицъ есть не иное что, какъ креатура ихъ обоихъ. Первый человѣкъ дѣйствительно вліятельный и глава всей этой шайки; но его искусно руководитъ Ломбардъ, въ жену котораго Бейме влюбленъ. Послѣдняго

не считають такимъ продажнымъ, какъ Ломбарда, который весь состоитъ изъ безнравственности и пороковъ». Такой отзывъ понятенъ: русскіе министры въ Берлинѣ смотрѣли глазами членовъ воинственной партіи, которая вмѣстѣ была и русскою партіею, особенно глазами Гарденберга, завѣдывавшаго тайно сношеніями съ Россіею и теперь уже отъявленнаго врага Гаугвица.

Задача Гаугвица теперь была чрезвычайно трудная—скрыть отъ Наполеона военныя приготовленія Пруссіи, до послѣдней минуты усыпляя его дружественными увѣреніями. Въ этомъ смыслѣ былъ данъ наказъ Люккезини, съ тою же цѣлію былъ отправленъ къ Наполеону генералъ Кнобельсдорфъ. Во Франціи, разумѣется, тотчасъ же узнали о военныхъ приготовленіяхъ въ Пруссіи. Наполеонъ не показалъ никакого раздраженія, не сдѣлалъ Пруссіи грознаго запроса, зачѣмъ она вооружается; онъ принялъ Кнобельсдорфа очень ласково, объявилъ только, что отказъ русскаго императора ратификовать договоръ Убри заставляетъ Францію усилить свои войска въ Германіи; впрочемъ, эта мѣра вовсе не направлена противъ сѣверной Германіи; все вниманіе обращено къ сторонѣ Италіи и Далмаціи. Вслѣдъ затѣмъ между Талейраномъ и Кнобельсдорфомъ началась переписка. Талейранъ указывалъ на вооруженія Пруссіи, на необходимость и для Франціи также вооружаться; писалъ, что императоръ Наполеонъ ни прямо, ни косвенно не подалъ никакого повода къ этой странной ссорѣ, что война между Франціею и Пруссіею есть политическое уродство. А между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ читалъ записку графа Гаугвица, гдѣ тотъ заклиналъ короля не вѣрить лживымъ словамъ Наполеона, вступить въ борьбу не ради Пруссіи только, но ради всей Европы, и начать военныя дѣйствія, не дожидаясь помощи другихъ державъ. 21-го сентября (н. с.) Фридрихъ-Вильгельмъ выѣхалъ въ Наумбургъ, чтобъ оттуда отправиться къ войску; 24-го Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Майнцъ. 26-го изъ Наумбурга король отправилъ къ Наполеону длинное письмо, въ которомъ пересчитывалъ всѣ его захваты, указывалъ на все свое долготерпѣніе, которымъ послѣднія дѣйствія Наполеона положили конецъ. Письмо оканчивалось пожеланіемъ, чтобъ можно было еще уладить дѣло на основаніяхъ, которыя «сохраняли для Наполеона нетронутою всю его славу, а для другихъ народовъ сохраняли честь и поканчивали для Европы лихорадочное состояніе, производимое страхомъ и ожиданіемъ, среди которыхъ никто не можетъ разсчитывать на будущее и сообразить свои обязанности». Эти основанія, отправленныя королемъ какъ ультиматумъ, были: 1) немедленный выходъ французскихъ войскъ изъ Германіи; 2) Франція не должна дѣлать ни малѣйшаго препят-

ствія образованію сѣверо-германскаго союза, который долженъ составиться изъ всѣхъ владѣній, не обозначенныхъ въ фундаментальномъ актѣ рейнскаго союза; 3) немедленное открытіе переговоровъ съ Пруссіею для улаженія всѣхъ споровъ между нею и Франціею; 4) согласіе на переговоры съ другими государствами. Король назначилъ 8-е октября срокомъ для полученія отвѣта на свои требованія: 8-го октября французскія войска начали наступательное движеніе на прусскія. Прусскою арміею начальствовалъ герцогъ брауншвейгскій, старикъ 71 года. 10-го октября, при Саальфельдѣ, пруссаки потеряли сраженіе, въ которомъ былъ убитъ принцъ Людвигъ-Фердинандъ; 14-го октября они потерпѣли страшное двойное пораженіе при Іенѣ и Ауерштедтѣ, послѣ чего монархія Фридриха II-го развалилась какъ карточный домикъ. Войско распалось на отряды, которые поодиночкѣ доставались французамъ; сильныя крѣпости сдавались безъ выстрѣла, и 27-го октября Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ.

Мы видѣли побужденія, которыя заставили Фридриха-Вильгельма перемѣнить свою политику; но все же можетъ показаться страннымъ, какъ онъ могъ такъ скоро рѣшиться на борьбу съ такимъ страшнымъ врагомъ, первымъ полководцемъ вѣка, какъ могъ такъ понадѣяться на свое войско, на своихъ полководцевъ. Но подобные рѣзкіе переходы именно и возможны у людей съ природою Фридриха-Вильгельма. Изъ нежеланія войны онъ былъ способенъ натянуть свое положеніе до крайности; но все чрезъ мѣру натянутое разрывается, а этотъ разрывъ, эта потеря всѣхъ средствъ держаться долѣе въ прежнемъ положеніи производитъ стремленіе выдти какъ можно скорѣе изъ этого положенія, выдти во что бы ни стало. При такомъ состояніи духа обыкновенно обращаются за поддержкою къ такимъ средствамъ, противъ которыхъ прежде выставлялись сильныя возраженія: прежде въ пользу мира и нейтралитета выставлялась слабость Пруссіи, недостаточность ея военныхъ средствъ для борьбы съ Наполеономъ; но когда средства мира исчезли въ сознаніи короля и Гаугвица съ товарищами, схватились за послѣднее средство, которое до сихъ поръ выставляли поборники войны, стали въ немъ искать нравственной поддержки для себя и для другихъ. И въ самомъ дѣлѣ—чего же бояться? Австрійцы разбиты Наполеономъ, русскіе разбиты; но прусская армія, армія, созданная Фридрихомъ-Великимъ, остается непобѣжденная и служитъ предметомъ удивленія для иностранцевъ: въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о ней русскій государь! Что прежде выслушивалось съ подозрительною улыбкою, принималось за хвастовство, то теперь выслушивается съ удовольствіемъ, и вѣрятъ тому, чему желаютъ вѣрить. Съ удо-

вольствіемъ выслушивались пѣсни новыхъ нѣмецкихъ бардовъ, восклицанія: «Теперь предстоитъ борьба за нѣмецкую національность, нравы и свободу; нога чужеземца никогда еще не топтала почву древнихъ каттовъ, херусковъ и саксовъ!» Съ удовольствіемъ выслушивались слова: «Если бы при Ульмѣ и Аустерлицѣ были пруссаки, то дѣла пошли бы иначе. У насъ полководцы, которые войну разумѣютъ, которые съ молоду служили, а эти французскіе генералы, портные и сапожники, поднялись въ революцію; они побѣгутъ передъ нашими генералами!» Генералъ Рюхель на парадѣ въ Потсдамѣ сказалъ королю: «Такихъ генераловъ, какъ г. Бонапартъ, въ арміи вашего величества много». Можно было часть этихъ отзывовъ отнести къ патріотическимъ преувеличеніямъ; но оставалось то, что армія, т.-е. ея представители, одушевлены, имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе, подтверждаемое и свидѣтельствомъ чужихъ, а опытъ не говорилъ ничего противъ, возражать было нельзя, да теперь и пріятно стало, что возражать было нечего; нужда заставила приняться за средство непочатое, и успокоительно было слышать, что это средство надежное. Но чѣмъ выше было мнѣніе прусскаго войска, прусскихъ генераловъ о самихъ себѣ, тѣмъ слабѣе было въ нихъ желаніе получить немедленно помощь, вступить въ войну вмѣстѣ съ союзниками. Дожидаться прихода союзниковъ значило выказать свою слабость; раздѣливъ побѣду съ сильнымъ союзникомъ, надобно было дѣлить съ нимъ и плоды побѣды; но мы уже видѣли, что въ Пруссіи боялись русскаго вліянія, не сочувствовали русской политикѣ, которая никакъ не могла помириться съ захватомъ Ганновера: чего же ожидать отъ Россіи, если она получитъ большое вліяніе при будущихъ территоріальныхъ распредѣленіяхъ? Притомъ король сохранялъ до послѣдней минуты надежду, что Наполеонъ будетъ остановленъ рѣшительностію Пруссіи, вступитъ въ переговоры, сдѣлаетъ уступки; съ Наполеономъ было легко уговариваться на счетъ разныхъ пріобрѣтеній, онъ это дѣло понималъ; онъ говорилъ: «государство, которое не увеличивается, уменьшается»; а въ Россіи этого не понимали, тамъ все какіе-то принципы, политическое равновѣсіе. Наконецъ, аустерлицкій опытъ показалъ, что дѣйствовать вмѣстѣ съ союзниками и опасно. Было у всѣхъ въ свѣжей памяти, какъ послѣ Аустерлица пріѣхали въ Берлинъ князь Петръ Долгорукій и австріецъ Штуттергеймъ и спорили, складывая другъ на друга вину пораженія; какъ Штуттергеймъ дошелъ до того, что упрекалъ императора Александра, зачѣмъ онъ оказалъ такое довѣріе къ начальнику штаба Вейротеру, какъ будто Вейротеръ не былъ данъ съ австрійской стороны? Но еще и прежде Аустерлица вожди прусской патріотической

партіи съ неудовольствіемъ слышали о русскомъ союзѣ,—конечно въ надеждѣ, что однихъ херусковъ, каттовъ и саксовъ достаточно для сокрушенія Наполеона: въ сентябрѣ 1804 года, пріѣзжалъ въ Вѣну прусскій принцъ Людвигъ, и когда Кобенцль сталъ ему говорить о необходимости союза между Австріею, Пруссіею и Россіею для борьбы съ Наполеономъ, то принцъ сказалъ: «какая нужда въ сѣверномъ государствѣ? — Союза Австріи и Пруссіи вполнѣ достаточно». И когда Кобенцль настаивалъ на необходимости участія Россіи, принцъ возразилъ: «этимъ только затянется дѣло». Послѣ же Аустерлица могли слышаться сильныя возраженія противъ отсрочки войны для соединенія съ русскимъ войскомъ; а въ случаѣ неудачи или продолжительности войны русская помощь была обезпечена обязательствомъ императора Александра. Относительно австрійскаго союза король совершенно справедливо думалъ, что Австрія непремѣнно вступитъ въ союзъ съ Пруссіею—при успѣхѣ послѣдней, но не прежде. Съ Англіею сближаться не хотѣлось по причинѣ Ганновера.

Такимъ образомъ понятно, почему Пруссія поспѣшила вступить въ войну съ Наполеономъ, не дожидаясь союзниковъ. Война кончилась небывалымъ разгромомъ государства, имѣвшаго такое важное значеніе въ политической системѣ Европы, государства, имѣвшаго недавніе блестящіе военные успѣхи, обязаннаго своимъ важнымъ значеніемъ побѣдамъ, военному искусству своего знаменитаго короля-полководца. Но военные таланты Фридриха II-го не были унаслѣдованы его преемниками; государство, получившее важное значеніе вслѣдствіе побѣдъ и завоеваній, стало отличаться миролюбивою политикою, стремленіемъ сохранять и пріобрѣтать не силою оружія, но ловкостію политическою, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, стало жить на счетъ прошедшаго, жить славою, памятью прежнихъ побѣдъ; Пруссія сохранила видъ военнаго государства, войско стояло на первомъ планѣ, но стояло какъ памятникъ, какъ драгоцѣнная археологическая рѣдкость, тщательно сохраняемая, недопускавшая ничего новаго, никакихъ измѣненій. Поддержка почтеннаго памятника старины стоила дорого, имъ хвалились, имъ грозили; но все же это былъ только памятникъ, въ сущности что-то мертвое, безъ движенія, что-то оторванное отъ общей жизни, не входившее живымъ образомъ въ организмъ народный. Но естественно бываетъ поползновеніе пренебрегать существеннымъ, когда что-либо дѣлается на показъ, когда преобладаетъ форма и духъ ослабѣваетъ. Въ образцовомъ войскѣ вооруженіе было плохое; было множество ненужныхъ вещей, годныхъ только для парада, и между тѣмъ у цѣлаго полка ружья никуда не годились. Ге-

нералы, офицеры были бо́льшею частію старики; изъ семи полныхъ генераловъ младшіе имѣли 58 и 59 лѣтъ, четверо было семидесятилѣтнихъ и одинъ восьмидесяти-лѣтній; изъ генералъ-лейтенантовъ младшій имѣлъ 52 года, девять по семидесяти и 11-ть по шестидесяти лѣтъ. Но вредъ происходилъ не отъ преклонныхъ лѣтъ, а отъ того, что старики, вмѣсто живой, непрерывной опытности, отличались дряхлостію, отвычкою отъ дѣятельности, давно умерли для настоящаго, для движенія, и жили одною стариною. Военныя экзерциціи состояли изъ старыхъ штукъ, и, умѣя въ совершенствѣ продѣлывать эти штуки, считали себя неподражаемыми мастерами тактики. Армія состояла только частію изъ природныхъ пруссаковъ, другую же часть составляли, по вербовкѣ, иностранцы, искатели приключеній, бродяги, склонные къ бѣгамъ. И такая армія стоила дорого не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, не потому только, что на нее тратилось много денегъ: офицеры, особенно въ гарнизонныхъ мѣстахъ, господствовали неограниченно; генералъ былъ деспотъ, не обращавшій вниманія ни на какое состояніе, ни на какую образованность, ни на какой возрастъ, ни на какое личное значеніе вообще, никто не былъ изъятъ отъ оскорбленія съ его стороны.

Трупъ, отлично сохранившійся въ безвоздушномъ пространствѣ, разсыпался при выносѣ на свѣжій воздухъ. Но, разумѣется, этого не предвидѣли, думая, что имѣютъ дѣло вовсе не съ трупомъ, а съ чѣмъ-то живымъ и крѣпкимъ. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное неожиданнымъ разрушеніемъ, тѣмъ большій упадокъ духа послѣдовалъ, когда вмѣсто ожидаемаго торжества увидали небывалое позорное пораженіе. Губернаторъ Берлина, графъ Шуленбургъ, издалъ прокламацію, въ которой говорилось, что главная обязанность гражданина есть сохраненіе спокойствія, и когда обнаружилось патріотическое движеніе, когда стали являться охотники вступить въ войско, губернаторъ съ неудовольствіемъ отказывалъ. Министры, чиновники присягнули побѣдителю. Ударъ оглушилъ, но на время только; страшное бѣдствіе возбуждало нравственныя силы и вело къ благотворному, живоносному движенію, къ излеченію больного организма. Но побѣдитель пользовался своимъ временемъ. Успѣхъ и несчастіе — два мѣрила нравственныхъ силъ души человѣческой, и теперь это измѣреніе чрезвычайнымъ успѣхомъ оказалось къ невыгодѣ Наполеона; онъ разнуздался и сталъ, какъ дикарь, ругаться надъ побѣжденными съ забвеніемъ всякаго приличія. Прусской королевѣ приписывалось сильное участіе въ патріотическомъ, воинственномъ движеніи, и Наполеонъ, побѣдивъ мужчинъ, объявилъ теперь войну женщинамъ. Въ бюллетеняхъ королева Луиза выставлялась кра-

сотою, погубившею Пруссію, какъ Елена погубила Трою. Въ Вюртембергѣ цензоръ вычеркнулъ изъ газеты, приводившей бюллетень, выходки противъ королевы Луизы: вюртембергское правительство отставило цензора отъ должности. Наполеонъ не ограничивался бюллетенями; принимая прусскихъ сановниковъ, онъ говорилъ имъ: «Ваши жены хотѣли войны: ну, вотъ, теперь вы видите плоды этого». Повторялъ, что королева Луиза погубила Пруссію, какъ Марія-Антуанета—Францію. Обратившись къ турецкому посланнику, сказалъ: «Вы, османы, правы, что запираете женщинъ».

Но въ то время, какъ Наполеонъ велъ войну противъ женщинъ, что̀ дѣлали мужчины? Они вели мирные переговоры съ побѣдителемъ. 30 октября (н. с.) съ французской стороны были предложены слѣдующія основанія мира. Пруссія соглашается на приступленіе Саксоніи и всѣхъ государствъ на лѣвомъ берегу Эльбы къ рейнскому союзу и на всѣ распоряженія, которыя императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ относительно этихъ государствъ; Пруссія уступитъ Франціи все, чѣмъ владѣетъ на лѣвомъ берегу Эльбы, исключая провинціи магдебургскую и старую Мархію; платитъ сто милліоновъ франковъ военной контрибуціи. Фридрихъ-Вильгельмъ, который переѣзжалъ изъ одного города въ другой, ища безопасности, соглашался на эти основанія; но когда французы заняли Познань и проникли до Вислы, когда имъ сдались Магдебургъ и Кюстринъ, то Наполеонъ возвысилъ свои требованія, предложилъ перемиріе на тяжелыхъ условіяхъ. По мнѣнію Штейна и Гарденберга, этихъ условій принять было нельзя: «Теперь,—писалъ Штейнъ Гарденбергу,—мы должны смотрѣть на себя какъ на союзниковъ Россіи, на свою страну какъ на ея страну».—«Мы должны,—отвѣчалъ Гарденбергъ,—смотрѣть на себя, какъ на находящихся подъ покровительствомъ Россіи, какъ на простыхъ ея союзниковъ, двигаться исключительно по ея указаніямъ и отвоевать съ нею нашу честь и наше существованіе, или погибнуть подлѣ нея». Въ Остероде, гдѣ находился тогда король, созванъ былъ совѣтъ по вопросу—принимать или отвергнуть новыя наполеоновскія условія перемирія. Гаугвицъ съ большинствомъ былъ за принятіе условій; Штейнъ, другой министръ Фоссъ, генералъ Кёкерицъ и тайный кабинетъ-совѣтникъ Бейме противъ принятія. Замѣчаютъ, что оба послѣдніе подали свой голосъ противъ, зная, что король заранѣе рѣшилъ не принимать условій. Когда это королевское рѣшеніе было объявлено, Гаугвицъ сталъ просить отставки, потому что отказъ на требованія Наполеона предполагалъ войну въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, но при явномъ нерасположеніи русскаго двора къ нему

Гаугвицу, онъ не могъ оставаться министромъ иностранныхъ дѣлъ. Король, хотя съ горестію, долженъ былъ согласиться на удаленіе Гаугвица, считая это необходимымъ при отношеніяхъ своихъ къ русскому императору.

Когда въ Петербургъ достигли слухи о пораженіяхъ прусскаго войска, императоръ Александръ написалъ Фридриху-Вильгельму, возобновляя самое торжественное увѣреніе, что онъ никогда не измѣнитъ извѣстныхъ королю расположеній своихъ. «Будучи вдвойнѣ связанъ съ в. в-ствомъ, и узами политическаго союза, и узами самой нѣжной дружбы, я не пощажу,—писалъ Александръ,—никакихъ пожертвованій и стараній, чтобъ показать всю силу моего подчиненія драгоцѣннымъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня союзомъ и дружбою. По характеру чувствъ моихъ, они могутъ только удвоиться, если это возможно, вслѣдствіе положенія, въ какомъ в. в-ство находитесь. Корпусъ генерала Беннигсена уже въ походѣ; корпусъ Буксгёвдена, въ числѣ 60,000 человѣкъ, будетъ немедленно готовъ его поддерживать. Соединимся еще тѣснѣе, чѣмъ прежде: останемся вѣрны принципамъ чести и славы, и предоставимъ остальное Провидѣнію, которое не преминетъ положить конецъ успѣхамъ тиранства, доставивъ торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу». Въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ Гольцомъ Александръ подробнѣе изложилъ свои взгляды на событія. «Я трепещу,—говорилъ онъ,—чтобъ Наполеонъ не сдѣлалъ вашему государю предложеній, которыя заставятъ его вступить въ непосредственные переговоры. Я боюсь, что Наполеонъ сначала будетъ уступчивъ и мягокъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе впослѣдствіи заставить короля почувствовать всю тяжесть своей опасной дружбы. Онъ, конечно, не ограничится тѣмъ, что возьметъ у короля нѣсколько провинцій; онъ постарается впутать его въ свои интересы, заставить его гарантировать независимость Порты и такимъ образомъ приготовить всѣ предлоги къ будущей ссорѣ съ Россіею, и король, желающій единственно спокойствія, будетъ, по примѣру Баваріи, вовлеченъ въ войны, которыя заставятъ сердце его обливаться кровью и въ конецъ истощать средства его государства. Нѣтъ, я не вижу возможности мира честнаго и удовлетворительнаго, и если такъ, то должно продолжать войну, которая, при дѣятельной помощи Россіи, представляетъ возможность благопріятнаго исхода. Мои интересы тождественны съ интересами Пруссіи; моя дружба съ королемъ, равно какъ моя политика и безопасность моей имперіи настойчиво требуютъ, чтобъ я удержалъ Пруссію отъ паденія. Устойчивость короля и моя помощь заставятъ Австрію высказаться въ пользу Пруссіи; нака-

нунѣ открытія войны между мною и Портою, Австріи остается только это, если она не хочетъ быть порабощена Франціей, а примѣръ Австріи увлечетъ всѣ государства, которыя еще отказываются принять прямое участіе въ войнѣ. На мѣстѣ короля я бы вотъ что̀ сдѣлалъ: я бы сталъ избѣгать битвы, сосредоточилъ бы свое войско за Одеромъ, удерживалъ бы эту позицію до послѣдней крайности, и въ случаѣ новыхъ неудачъ отступилъ бы дальше для соединенія съ русскими. Бонапартъ началъ бы бояться за себя и не рѣшился бы идти дальше, онъ уступилъ бы устойчивости то, чего не уступилъ бы силѣ оружія. Но я долженъ вамъ признаться, что если король заключитъ миръ, то я буду считать все потеряннымъ, и интересы моего собственнаго государства заставятъ меня перемѣнить систему и взгляды. Если король заключитъ миръ, то ничто не разубѣдитъ меня въ томъ, что внутри его государства есть враги общаго дѣла, благопріятели Франціи, которые, быть можетъ, охотно довели бы дѣло до разрыва съ нею, будучи заранѣе увѣрены, что борьба не будетъ выдержана, и Пруссія посредствомъ мира будетъ поставлена въ полную зависимость отъ Франціи». Послѣднія слова прямо относились къ Гаугвицу, котораго теперь упрекали въ томъ, что онъ былъ виновникомъ поспѣшнаго разрыва съ Франціею. Король въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣдомилъ императора объ отставкѣ Гаугвица: «Министръ, занимающій первое мѣсто въ моемъ кабинетѣ, не внушаетъ в. и. в-ству довѣрія въ той степени, въ какой я питаю его къ нему вслѣдствіе его талантовъ, долгой службы и просвѣщеннаго патріотизма. В. в-ство знаете, какъ мнѣ было это тяжело, ибо я былъ увѣренъ, что если бы вы знали его покороче, то сочли бы его достойнымъ своей высокой благосклонности, которой онъ такъ всегда сильно желалъ. Однако опасеніе, что его завѣдываніе иностранными дѣлами можетъ хотя сколько-нибудь нарушить довѣріе, которое теперь болѣе чѣмъ когда-либо должно служить основаніемъ нашихъ отношеній, заставило меня принять его просьбу объ отставкѣ. Признаюсь, я сдѣлалъ это съ сожалѣніемъ, но въ убѣжденіи, что долженъ былъ принести жертву этимъ самымъ отношеніямъ, жертву, которая бы снова упрочила всю правду и силу моихъ несокрушимыхъ чувствъ». Касательно борьбы, на которую рѣшился король, онъ писалъ Александру: «Примите, Государь, торжественное обѣщаніе, что я положу оружіе противъ отъявленнаго врага европейской независимости только тогда, когда ваши интересы, съ этихъ поръ неразрывно связанные съ моими, заставятъ васъ самихъ этого желать. Таково мое твердое рѣшеніе».

Въ другой разъ императоръ Александръ долженъ былъ испол-

нять свои союзническія обязанности при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, долженъ былъ не соединять свои силы съ свѣжими, бодрыми силами союзника, но спѣшить на помощь къ союзнику пораженному, потерявшему матеріальныя и нравственныя средства, брать такимъ образомъ на одно свое войсво удары побѣдоноснаго врага. Какъ нарочно Пруссія въ 1806 году сдѣлала то же самое, что̀ Австрія въ 1805: вдругъ, не дождавшись русской помощи, выдвинула свое войско подъ удары Наполеона, дала ему разбить себя въ одиночку, и теперь должна была бороться съ нимъ Россія, также въ одиночку, что̀ именно и было ему нужно; такъ что оба раза коалиціи въ сущности не было, и это объясняетъ неудачу обѣихъ войнъ. Въ приведенномъ разговорѣ съ Гольцомъ Александръ прямо объяснилъ побужденія, заставлявшія его спѣшить на помощь Пруссіи и уговаривать ея короля не мириться съ Наполеономъ: Пруссію необходимо было поднять и привязать къ себѣ, иначе она непремѣнно становилась въ рукахъ Наполеона орудіемъ противъ Россіи относительно самыхъ важныхъ русскихъ интересовъ, относительно восточнаго и польскаго вопросовъ. Остаться равнодушнымъ къ судьбѣ Пруссіи значило то же самое, что во время войны дать непріятелю овладѣть выгодною мѣстностію или крѣпостію и обратить ея выгоды противъ насъ, все равно, что позволить нашъ собственный авангардъ обратить противъ нашего же войска. Наполеонъ не думалъ, чтобъ Александръ, послѣ Аустерлица, рѣшился поддерживать Пруссію въ обстоятельствахъ еще менѣе выгодныхъ, чѣмъ въ прошломъ году передъ Аустерлицемъ, и потому сдѣлалъ ошибку, предложивши Пруссіи слишкомъ тяжелыя условія, поднявши этимъ патріотическую партію, которая представляла, что отчаяваться нечего, что въ народѣ сильное одушевленіе, что, при помощи Россіи, можно надѣяться на успѣхъ, и король оперся на этихъ представленіяхъ. Наполеонъ увидѣлъ свою ошибку. Въ порывѣ раздраженія онъ высказалъ угрозу: «Если русскіе будутъ побиты, то не будетъ больше короля прусскаго». *Если!* А если нѣтъ, или съ ними будетъ не война, а *рѣзня*, какъ уже былъ опытъ? Кампанія была кончена необыкновенно блестящимъ образомъ; войсво ждало славнаго мира, отдыха, а тутъ новая война съ непріятелемъ, отличающимся упорствомъ, война въ неблагопріятной мѣстности, въ самое неблагопріятное время года; притомъ Наполеону не нравилось долгое отсутствіе изъ Франціи, могшее дать большую свободу внутреннимъ врагамъ. Наполеонъ сталъ толковать о своей склонности къ миру; но миръ долженъ быть общій, твердый; въ одно время съ Россіею и Англіею. Отъ этого зависитъ судьба Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ поколебался отъ страха и на-

дежды и отправилъ въ Петербургъ предложеніе начать мирные переговоры: есть новая важная выгода, Наполеонъ хочетъ договариваться въ одно время съ Россіею, Англіею и Пруссіею, и мирные переговоры не остановятъ военныхъ дѣйствій. Императоръ Александръ не отвергъ предложенія, требуя только подробностей на счетъ основаній мира, а между тѣмъ военныя дѣйствія уже начались. Мы видѣли, что двинуты были въ Пруссію два корпуса подъ начальствомъ Беннигсена и Буксгёвдена; но для единства дѣйствія нуженъ былъ главнокомандующій, подъ начальство котораго поступилъ бы и остатокъ прусскаго войска. Александръ далъ знать королю, что назначаетъ главнокомандующимъ фельдмаршала графа Каменскаго: «Во всѣхъ отношеніяхъ,—писалъ императоръ,—онъ способенъ къ должности, которую я на него возложилъ: съ обширными военными познаніями онъ соединяетъ большую опытность, пользуется довѣріемъ войска, народа и моимъ». Каменскій былъ старый генералъ, пріобрѣтшій извѣстность въ екатерининское время; при Павлѣ онъ былъ сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ не за военные подвиги, а за то, что былъ въ опалѣ при Екатеринѣ за невыносимый характеръ и жестовое обращеніе съ подчиненными; но и при Павлѣ онъ скоро былъ уволенъ отъ службы, послѣ чего десять лѣтъ жилъ въ деревнѣ. Слава Каменскаго выросла отъ удаленія, отъ опалы, отъ отсутствія людей, выдающихся военными способностями, отъ затруднительнаго положенія, въ какомъ находилась Россія, и Каменскій пріобрѣлъ довѣріе, о которомъ говорилъ императоръ; русская фамилія также способствовала этому довѣрію у войска и народа. Александръ послѣ говорилъ, что назначилъ Каменскаго противъ своего убѣжденія, уступая общественному мнѣнію. 69-лѣтній больной старикъ, давно отвыкшій отъ дѣла, принялъ на себя страшную обязанность бороться съ Наполеономъ. Но мы знаемъ, что всѣ лучшіе генералы считали лучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ избѣганіе рѣшительныхъ битвъ, отступленіе, затягиваніе непріятеля; поэтому неудивительно, что, прибывши къ войску въ Пултускъ, найдя его въ неудовлетворительномъ положеніи и слыша о наступленіи Наполеона, Каменскій отдалъ приказаніе отступать къ границамъ, и, зная, что отъ него вовсе не этого ожидали въ Россіи, послалъ къ государю просьбу объ увольненіи. Беннигсенъ не исполнилъ приказанія Каменскаго, встрѣтилъ и отбилъ французовъ у Пултуска (14 декабря) съ большимъ для нихъ урономъ. Сраженіе подъ Пултускомъ доставило Беннигсену главное начальство надъ войскомъ.

Начало 1807 года ознаменовалось страшною рѣзнею: болѣе

50,000 мертвыхъ и раненыхъ покрыли снѣжныя поля подъ Прейссишъ-Эйлау 26 и 27 января; битва была нерѣшительная. Наполеонъ, по собственнымъ его словамъ, потому только призналъ себя побѣдителемъ, что русскіе, послѣ битвы, первые тронулись отъ Эйлау къ Кёнигсбергу. Но впечатлѣніе битвы, гдѣ Наполеонъ не разбилъ непріятеля и гдѣ потерялъ почти половину войска и болѣе десятка орловъ, было страшное. Непобѣда значила пораженіе: такъ Наполеонъ пріучилъ Францію и Европу смотрѣть на свои войны. Французское войско упало духомъ, къ чему оно такъ склонно при неудачѣ; въ Парижѣ ужасъ, бумаги на биржѣ упали; Наполеонъ послалъ приказаніе своимъ сановникамъ давать балы, чтобъ разсѣять грустное настроеніе общества. Дѣйствительно, положеніе Наполеона было крайне непріятное; новая кампанія противъ новаго врага только-что начиналась, и начиналась неуспѣшно; одно враждебное государство было побѣждено, почти все занято, а на границѣ новый непріятель, который дерется отчаянно; битва при Эйлау вовсе не похожа на аустерлицкую. Но нельзя ли слѣдствія ея сдѣлать похожими на слѣдствія Аустерлица? Русскіе не уйдутъ, не прекратятъ войны; но если Пруссія, которая теперь въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ была Австрія послѣ Аустерлица, согласится на миръ? Фридрихъ-Вильгельмъ жилъ тогда въ Мемелѣ, чтобъ быть, на всякій случай, какъ можно ближе къ Россіи; въ Мемель явился къ нему французскій генералъ Бертранъ съ мирными предложеніями отъ Наполеона: «Жалко стало императору французовъ видѣть, какъ Россія затрудняетъ заключеніе мира и Пруссія продолжаетъ страдать отъ войны; императору хотѣлось узнать поближе Польшу, и теперь онъ убѣдился, что эта страна не должна имѣть независимаго существованія; императоръ поставилъ себѣ въ славу возвратить королю его владѣнія и его права, ему желательно одному пріобрѣсть за это благодарность, безъ чьего бы то ни было вмѣшательства; съ этой точки зрѣнія легко было бы согласиться на условія, которыя дали бы королю возможность снова пріобрѣсть силы, необходимыя для полученія прежняго мѣста среди государей европейскихъ; вслѣдствіе всего этого, императоръ ожидаетъ, что король пришлетъ къ нему довѣренное лицо для заключенія мира, посредствомъ котораго онъ можетъ очень скоро возвратиться въ свои замки; императоръ Наполеонъ не требуетъ отъ короля никакого пожертвованія относительно союзниковъ и друзей, онъ даетъ ему право улаживаться съ ними, какъ онъ сочтетъ для себя выгоднымъ, а императоръ самъ по себѣ будетъ имѣть дѣло съ Россіею и Англіею, и какъ скоро между Франціею и Пруссію миръ будетъ заключенъ, фран-

цузскія войска немедленно очистятъ прусскія владѣнія». Смыслъ былъ ясенъ: миръ Франціи съ Пруссіею прекратитъ войну, французскія войска оставятъ Пруссію, Россія по неволѣ, не имѣя съ кѣмъ сражаться, уведетъ свои войска; Наполеонъ съ торжествомъ возвратится во Францію, какъ послѣ Аустерлица: онъ однимъ ударомъ сокрушилъ монархію Фридриха II, гордую своимъ войскомъ, передъ нимъ русскіе отступили послѣ рѣзни при Эйлау; Пруссія, счастливая тѣмъ, что могла получить миръ не столь тяжкій, не скоро опомнится отъ пораженія, не скоро задумаетъ мѣшать планамъ іенскаго побѣдителя; Австрія также, а это изолируетъ Россію, уничтожитъ возможность континентальныхъ коалицій. Но первая часть рѣчей, переданныхъ Бертраномъ, была уже слишкомъ наивна, била совершенно мимо, указывая прямо, что предлагающій находится въ непріятномъ положеніи, и потому принимать эти предложенія не слѣдуетъ. Въ совѣщаніи у короля министръ иностранныхъ дѣлъ, замѣнившій Гаугвица, генералъ Застровъ, признавалъ необходимость принять предложенія Наполеона; Гарденбергъ говорилъ противъ, и король согласился съ нимъ. 5 марта (н. ст.) Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ къ императору Александру только-что полученное письмо Наполеона, причемъ писалъ: «Языкъ его носитъ печать умѣренности, но я вамъ предоставляю судить, должны ли мы этому вѣрить. Онъ предлагаетъ также перемиріе». — «Послѣ всего того, что̀ произошло въ послѣднее время,—отвѣчалъ Александръ, — было бы верхомъ ослѣпленія надѣяться получить прочный и честный миръ одиночнымъ соглашеніемъ съ Франціею. Отдѣльный миръ между вашимъ величествомъ и Франціею будетъ только средствомъ временнымъ и мнимымъ, Пруссія увидитъ себя осужденною остаться подъ игомъ Франціи. Наши средства еще довольно значительны и даютъ намъ возможность продолжать борьбу съ энергіею. Въ то же время умоляю ваше величество подумать, что̀ я долженъ сдѣлать по обязанностямъ моимъ къ собственной странѣ, если я долженъ остаться одинъ. Гоню отъ себя эту мысль, и сердце мое говоритъ мнѣ, что съ такимъ союзникомъ, какъ вы, подобное опасеніе невозможно. Если бы Бонапартъ хотѣлъ искренняго соглашенія съ вашимъ величествомъ, то онъ сообщилъ бы вамъ основанія этого соглашенія. Онъ бы обратилъ вниманіе на прочность узъ, связывающихъ Пруссію съ Россіею; онъ бы сообразилъ, что ваше величество, извѣдавъ по печальному опыту его двоедушіе, никогда не согласитесь отдѣлить свои интересы отъ интересовъ союзническихъ; но ему ни до чего дѣла нѣтъ, и самая крайность его безстыдства является для меня новою причиною причислить и эти коварныя предложенія къ такимъ хитро-

стямъ, которыя онъ такъ любитъ употреблять и которыя такъ часто служили ему съ успѣхомъ для того, чтобъ ослаблять усилія, противъ него направленныя, и сѣять несогласіе между противниками. Бонапартъ изъявлялъ также желаніе мириться съ Россіею и Англіею, но и здѣсь та же неопредѣленность, недопускающая никакого довѣрія. Россія достаточно доказала, что она хочетъ мира не мнимаго, котораго выгоды исключительно были бы на сторонѣ Франціи; она хочетъ мира справедливаго и прочнаго; то же должно предполагать и со стороны Англіи. Такъ пусть Бонапартъ объяснится точно и прямо объ условіяхъ, на которыхъ онъ хочетъ мириться съ Пруссіею, Россіею и Англіею, и онъ увидитъ готовность этихъ государствъ уступить все, что совмѣстно съ ихъ интересами и достоинствомъ»

2 апрѣля (н. ст.) пріѣхалъ въ Мемель императоръ Александръ. Къ нему приступили со всѣхъ сторонъ съ политическими и военными планами. Гарденбергъ, котораго императоръ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто Застрова, и достигъ, наконецъ, своей цѣли,—Гарденбергъ предлагалъ употребить всѣ усилія, чтобъ поднять Австрію противъ Наполеона и побудить Англію помогать рѣшительнѣе; императоръ Александръ, разумѣется, былъ съ этимъ совершенно согласенъ, но ни Австрія, ни Англія не двигались. Гарденбергъ предполагалъ, что Пруссія не въ состояніи сопротивляться малѣйшему удару со стороны Франціи, если не сдѣлать ее сильнѣе увеличеніемъ территоріи, лучшимъ округленіемъ и лучшими границами: Наполеонъ, чтобъ отвлечь Саксонію отъ Пруссіи, сдѣлалъ саксонскаго курфюрста королемъ; по мнѣнію Гарденберга, хорошо было бы этого новаго короля перевести въ Польшу, а Пруссію, за потерю польскихъ областей, вознаградить Саксоніею. И это было принято во вниманіе, но нельзя было дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Чтобъ убить медвѣдя, предлагались разные планы, но ни одного изъ нихъ нельзя было принять. Находясь въ крайнемъ затрудненіи, не находя ни между своими, ни между чужими людей, которыхъ можно было бы выставить противъ Наполеона, императоръ Александръ пришелъ къ мысли заняться самому изученіемъ военнаго искусства—сначала теоретически, для чего принялъ въ свою службу изъ прусской генерала Фуля, имѣвшаго извѣстность отличнаго теоретика, хотя и сомнѣвались въ его способности прилагать къ дѣлу свои познанія. Любопытный проектъ военно-политическаго свойства былъ представленъ княземъ Радзивилломъ: никто не сомнѣвался въ намѣреніи Наполеона употребить Польшу орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей въ восточной Европѣ, т.-е. для подчиненія и ея своему

вліянію, какъ подчинялась ему западная Европа; отсюда у людей, боровшихся съ Наполеономъ, естественно должна была явиться мысль идти тѣмъ же ходомъ, употреблять Польшу орудіемъ противъ Наполеона; но Польшу можно было поднять противъ кого бы то ни было только обѣщаніемъ ея возстановленія. О чемъ до сихъ поръ только тайкомъ толковалось въ петербургскихъ дворцахъ между императоромъ Александромъ и другомъ его юности, княземъ Чарторыйскимъ, о томъ теперь явно разсуждалось въ совѣщаніяхъ между государями и ихъ министрами. Мы видѣли, что Гарденбергъ предлагалъ возстановленіе Польши, съ чисто-прусской точки зрѣнія: отдать Польшу саксонскому королю, а Саксонію присоединить къ Пруссіи; но это могло случиться, разумѣется, только при сведеніи счетовъ послѣ пораженія Наполеона. Радзивиллъ предлагалъ другое: поляки поднимаются по внушенію Наполеона, который манитъ ихъ независимостію; надобно возбудить между ними возстаніе противоположное, противъ Наполеона, обѣщая имъ независимость со стороны Пруссіи и Россіи. Король прусскій долженъ былъ принять титулъ короля Великой Польши, императоръ русскій титулъ короля литовскаго, великаго герцога подольскаго и волынскаго; оба государя должны устроить польскіе легіоны и тѣмъ отвлечь поляковъ отъ Франціи; князь Радзивиллъ хотѣлъ самъ стать въ челѣ прусско-польскихъ легіоновъ. Король былъ согласенъ на проектъ Радзивилла, который сбирался въ маѣ мѣсяцѣ ѣхать въ Вѣну черезъ Галицію, чтобъ по дорогѣ переговорить съ разными поляками.

Но что же главнокомандующій Беннигсенъ, какіе были его планы? Онъ о нихъ молчалъ, и напрасно императоръ Александръ предлагалъ ему произнести свое сужденіе о чужихъ планахъ, или начертать свой. Беннигсенъ упорно молчалъ; молчалъ и человѣкъ, пользовавшій полною его довѣренностію, генералъ-квартирмейстеръ Штейнгейль, и вотъ образуется мнѣніе: генералъ Беннигсенъ человѣкъ лично храбрый и хладнокровный на полѣ сраженія; но у него нѣтъ способностей главнокомандующаго; ему чужды великіе стратегическіе замыслы, притомъ же онъ человѣкъ болѣзненный. Рѣшеніе на счетъ справедливости этого приговора мы предоставляемъ спеціалистамъ, военнымъ историкамъ. Мы сообщимъ только результатъ своихъ наблюденій. Мы видимъ, что лучшіе генералы въ борьбѣ съ Наполеономъ имѣютъ одинъ планъ: они совѣтуютъ прежде всего не начинать съ нимъ войны; когда же война начата, стараются уклониться отъ рѣшительныхъ битвъ, отступаютъ; принужденные принять сраженіе, даже когда имъ удавалось сдѣлать исходъ его нерѣшительнымъ, они опять отступали, поставляя главнымъ средствомъ успѣха

завлечь геніальнаго полководца въ положеніе для него новое, крайне затруднительное, воспользоваться особенными условіями мѣста и времени года, наконецъ задавить многочисленностію. Планъ—тяжкій для личнаго и народнаго самолюбія, но тѣмъ болѣе мы должны поставить его въ заслугу людямъ, которые имъ руководствовались. Мы видѣли поведеніе эрцгерцога Карла, поведеніе нашего Кутузова, его нежеланіе принять аустерлицкое сраженіе. На него пало обвиненіе, зачѣмъ онъ не настойчиво высказалъ это нежеланіе, зачѣмъ не отступилъ въ Венгрію и т. д. Генералъ, которому суждено было имѣть главное начальство надъ русскими войсками во второй борьбѣ съ Наполеономъ, хорошо воспользовался опытомъ прошлаго: онъ избѣгаетъ наступательныхъ движеній; принявши по неволѣ сраженіе, выдержавши рѣзню, онъ отступаетъ, онъ протягиваетъ время, затягиваетъ непріятеля; Наполеону теперь еще желательнѣе, чѣмъ въ 1805 году въ Моравіи, сразиться съ непріятелемъ, побѣдить его, кончить войну и съ торжествомъ возвратиться во Францію, которую нельзя оставлять на такое долгое время; Беннигсенъ твердо стоитъ на томъ, чтобъ не исполнять желаніе врага, не давать ему битвы. Планъ его ясенъ; зачѣмъ же Беннигсенъ молчитъ? Высказаться трудно; онъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ Кутузовъ въ Моравіи.

Нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ вести войну въ землѣ союзника, для поддержанія, спасенія котораго война и ведется. Народъ потерпѣлъ страшное пораженіе, земля его занята непріятелемъ самымъ безцеремоннымъ образомъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ; но остается надежда избавленія: идетъ союзное войско! Чѣмъ сильнѣе страданія, тѣмъ сильнѣе желаніе избавиться отъ этихъ страданій какъ можно скорѣе; всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія, чтобъ союзное войско поспѣшнѣе сразилось съ непріятелемъ, побило его, выгнало изъ страны; въ этой болѣзненной нетерпѣливости избавиться отъ бѣдствій, никто не разсуждаетъ, что борьба идетъ съ первымъ полководцемъ вѣка, что первая обязанность его противника быть Фабіемъ въ отношеніи къ новому Аннибалу. Медленность въ движеніяхъ, избѣганіе рѣшительныхъ битвъ, продолжая бѣдствія войны, страданія народа, вызываютъ вопли негодованія, проклятія противъ медленнаго полководца. Больной въ страшныхъ спазмахъ кричитъ, чтобъ лекарь какъ можно скорѣе далъ ему чего-нибудь, чтó бы сейчасъ же облегчило его страданія, а лекарь говоритъ, что такихъ средствъ нѣтъ, что надобно потерпѣть, припадокъ пройдетъ самъ собою, надобно дѣйствовать медленно и радикально противъ причины болѣзни; естественно противъ лекаря раздаются проклятія со сто-

роны больного и людей къ нему близкихъ: что̀ это за лекарь? нѣтъ у него средствъ прекратить немедленно страданія! Такіе же вопли раздавались противъ Беннигсена отъ болѣзненно нетерпѣливыхъ пруссаковъ. А тутъ еще новыя причины къ неудовольствіямъ. Продовольственная часть въ русскомъ войскѣ далеко не отличалась правильностію и безкорыстіемъ людей, ею завѣдывавшихъ; раздѣленія занятій не было; все зависѣло отъ главнокомандующаго, который былъ обремененъ несвойственными ему занятіями. Если голодные солдаты воспользуются случаемъ утолить свой голодъ на счетъ мѣстныхъ жителей, то отсюда новые вопли: «Союзники, вмѣсто помощи, разоряютъ землю! Москвитяне думаютъ объ одномъ, какъ-бы опустошить страну и защитить себя этою пустынею. Если Австрія и Англія намъ не помогутъ, надобно хлопотать о мирѣ. Русскіе не избавятъ насъ отъ ига; предположимъ, что вмѣсто Беннигсена будетъ другой полководецъ, который будетъ послѣ своихъ побѣдъ ходить впередъ, а не назадъ, то мы все же получимъ отъ него не страну, а пустыню». Относительно безпорядковъ по части продовольственной обвиняли самого главнокомандующаго, по крайней мѣрѣ его жену, будто бы бравшую богатые подарки; мы не имѣемъ теперь средствъ ни принять, ни отвергнуть этого обвиненія; но легко понять, какъ подобное мнѣніе вредило Беннигсену, тѣмъ болѣе, что личныя средства защиты были у него слабы: онъ не могъ быть популяренъ въ войскѣ, ибо не только носилъ иностранную фамилію, что̀ нисколько не мѣшало бы ему быть истымъ русскимъ и популярнымъ между русскими, но онъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, не могъ говорить съ солдатомъ. Говорятъ, что сознаніе этого безсилія своего, невозможности пріобрѣтенія популярности заставляло Беннигсена быть слабымъ относительно нарушенія дисциплины, что̀ имѣло чрезвычайно вредныя слѣдствія и не могло ни въ комъ поднять уваженія къ главнокомандующему, тѣмъ менѣе въ недавнихъ товарищахъ его, генералахъ, которые простили бы внезапное возвышеніе побѣдителю-полководцу, блистательно ведшему кампанію, но не хотѣли оказывать должнаго уваженія человѣку, отступавшему или державшему войско въ бездѣйствіи, скрытному и—къ довершенію всего—не-русскому. Вражда генераловъ къ Беннигсену достигла такой степени, что государь принужденъ былъ отправить къ войску Новосильцева для потушенія этихъ распрей; но этотъ самый пріѣздъ Новосильцева для того, чего Беннигсенъ самъ не могъ сдѣлать, не могло поднять значенія послѣдняго. Наконецъ, на Беннигсенѣ лежало пятно участія въ мрачномъ событіи, предшествовавшемъ воцаренію императора Александра. Жозефъ-де-

Мэстръ писалъ по этому случаю: «внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что спаситель Европы не долженъ называться Беннигсеномъ».

Благодаря всему этому, императоръ Александръ, по пріѣздѣ своемъ въ Пруссію, находился въ самомъ затруднительномъ, печальномъ положеніи. Онъ велъ войну для избавленія союзнаго государства; но союзники не отходили отъ него съ жалобами, что обѣщаннаго избавленія нѣтъ, что война не ведется, что послѣ битвы при Эйлау, произведшей такое сильное впечатлѣніе, русская армія почти четыре мѣсяца стоитъ въ бездѣйствіи: какъ смѣлъ Беннигсенъ вызвать императора къ арміи, чтобы сдѣлать его свидѣтелемъ такого позора? Государь обращается къ главнокомандующему: какой его планъ, когда же, наконецъ, и куда онъ двинется? Главнокомандующій молчитъ, не рѣшается сказать государю, требующему движенія впередъ, что его планъ состоитъ въ совершенно противномъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дѣйствовать наступательно противъ Наполеона, а хочетъ выжидать, отступать, затягивать. Отсюда отношенія, которыя не могли повести ни къ чему хорошему. Императоръ Александръ былъ подозрителенъ, не любилъ людей хитрыхъ, скрытныхъ, и сейчасъ же заподозрилъ Беннигсена въ этихъ качествахъ, слѣдовательно, оттолкнулся отъ него; за подозрѣніемъ въ хитрости, естественно слѣдовало подозрѣніе въ неспособности, которую хотѣлось скрыть отнѣкиваніями и отмалчиваніями, и, конечно, не было недостатка въ людяхъ, которые утверждали государя въ этомъ мнѣніи; досада была тѣмъ сильнѣе, что надобно было признаться въ своей ошибкѣ: императоръ прежде имѣлъ высокое мнѣніе о способностяхъ Беннигсена. Но этого было мало. Беннигсенъ отговаривался отъ движенія, указывая на недостаточность продовольствія; но вокругъ государя говорили, что Беннигсенъ самъ виноватъ въ этомъ. Государь взялъ у него продовольственную часть и поручилъ старику Попову, извѣстному своею дѣятельностію при Потемкинѣ. Это, разумѣется, оскорбило Беннигсена; оскорбляло его и то, что государь и по чисто-военнымъ дѣламъ больше обращался къ другимъ, чѣмъ къ нему. Беннигсенъ жаловался, что къ нему нѣтъ довѣрія, что ему связываютъ руки и прямо объявлялъ, что будетъ просить увольненія по причинѣ болѣзни,— болѣзни дѣйствительно тяжкой.

Наконецъ, къ довершенію затрудненій, между русскими, и людьми, близкими къ государю, пріѣхавшими вмѣстѣ съ нимъ въ Пруссію, образовалась сильная партія, требовавшая мира, съ двумя оттѣнками: одни говорили, что нельзя изъ-за чужого, прусскаго интереса приносить такія жертвы людьми и деньгами; дру-

гіе признавали, что война начата въ общихъ европейскихъ, а слѣдовательно, и русскихъ интересахъ, но теперь нѣтъ средствъ продолжать ее. Главами этой партіи были такъ-называемые «неразлучные» (inséparables): Чарторыйскій, Новосильцевъ и Строгановъ. За войну сильнѣе всѣхъ стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ Будбергъ. Партія мира усилилась съ пріѣздомъ въ главную квартиру, по дорогѣ въ Вѣну, князя Александра Бор. Куракина, пользовавшагося особенною довѣренностью императрицы Маріи Ѳеодоровны. И желавшіе продолженія войны, и желавшіе мира, и Будбергъ и Чарторыйскій съ Новосильцевымъ, обратились къ Куракину съ просьбою убѣдить государя возвратиться въ Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, утвердить свое пребываніе въ какомъ-нибудь близкомъ къ границамъ русскомъ городѣ. Но убѣжденія были напрасны: кромѣ живой природы, не допускавшей императора быть зрителемъ издалека важнѣйшихъ для него событій, кромѣ неудовлетворительнаго хода этихъ событій, чему государь считалъ своею обязанностью помогать непосредственно, у императора Александра была еще цѣль, которую онъ высказалъ Куракину: наблюдать за пруссаками. Потомъ Чарторыйскій и Новосильцевъ открыли Куракину свои взгляды на счетъ войны и мира: по ихъ мнѣнію, благопріятная минута для начатія переговоровъ съ Наполеономъ была пропущена: это послѣ битвы при Эйлау, когда онъ не получилъ еще подкрѣпленій, нуждался въ продовольствіи и былъ ошеломленъ стойкостью русскаго войска; они, Чарторыйскій и Новосильцевъ, представляли тогда объ этомъ императору на словахъ и на бумагѣ, но ихъ представленія не имѣли успѣха; они сильно желаютъ мира и не ждутъ ничего хорошаго отъ продолженія войны; они жалѣютъ, что у Россіи такая тѣсная связь съ Пруссіею, и боятся, что отвѣтъ, ожидаемый изъ Вѣны, будетъ уклончивый, ибо тамъ увидятъ, что мы находимся подъ прусскимъ вліяніемъ, и наши требованія менѣе служатъ къ удовлетворенію нашихъ интересовъ, чѣмъ прусскихъ; если бы мы цѣною всѣхъ нашихъ пожертвованій достигли возстановленія Пруссіи во всей цѣлости, то никогда мы не можемъ положиться на продолжительную преданность Пруссіи: какъ только миръ будетъ заключенъ, она опять, по слабости и привычкѣ, подпадетъ подъ власть Франціи. Чарторыйскій и Новосильцевъ обратились даже къ Гарденбергу съ представленіями о необходимости мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Положеніе Гарденберга было крайне непріятное, потому что императоръ Александръ прямо запретилъ ему говорить о политикѣ съ Новосильцевымъ, а только съ однимъ Будбергомъ. Между послѣднимъ и Чарторыйскимъ была вражда: кромѣ разницы во взгля-

дахъ, Чарторыйскій питалъ естественное нерасположеніе къ человѣку, его замѣстившему въ завѣдываніи иностранными дѣлами, и Будбергу было непріятно, что эксъ-министръ все еще пользуется большимъ значеніемъ. Чарторыйскій и Будбергъ взаимно унижали другъ друга передъ Гарденбергомъ; Будбергъ твердилъ, что императоръ ни слова не говоритъ о политикѣ ни съ Новосильцевымъ, ни съ Чарторыйскимъ, и прибавлялъ, что у послѣдняго одно въ головѣ—возстановленіе Польши.

Во второй половинѣ мая начались значительныя военныя дѣйствія, въ которыхъ русскіе имѣли явный успѣхъ; но въ отзывахъ императора Александра выражалось раздраженіе противъ главнокомандующаго, мнѣніе, что трудно ожидать отъ него чего-нибудь важнаго. Императоръ объявилъ, что посмотритъ, какъ будетъ дѣйствовать Беннигсенъ, и если опять остановится, то будетъ смѣненъ генераломъ Эссеномъ 1-мъ, а между тѣмъ Куракинъ писалъ императрицѣ Маріи: «Не перестаю повторять, что, не теряя времени, надобно подумать о мѣрахъ, по обстоятельствамъ необходимыхъ для нашихъ истинныхъ интересовъ. Здѣсь одно желаніе у всѣхъ, желаніе мира. Новосильцевъ и Чарторыйскій продолжаютъ утверждать, что чѣмъ долѣе будутъ отлагать, тѣмъ менѣе миръ будетъ выгоденъ, и я думаю согласно съ ними. Пруссія продолжаетъ войну, потому что мы этого хотимъ и потому что она насъ боится. Пруссаки, министры и генералы, дипломаты и военные, единодушно желаютъ мира и кричатъ, что война опустошаетъ ихъ страну безъ всякой цѣли». Сказавши о послѣднихъ блестящихъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, Куракинъ продолжаетъ: «по умѣренному счету, мы уже потеряли до 30,000 людей, не пріобрѣтя никакихъ важныхъ выгодъ, и если бы даже мы одержали болѣе рѣшительную побѣду, то недостатокъ въ продовольствіи и трудность его пріобрѣсти помѣшаетъ намъ преслѣдовать непріятеля и двигаться далеко впередъ. Чтó я говорю, повторяется всѣми, повторяется военными, самыми опытными въ своемъ дѣлѣ. Какъ же не желать окончанія такой упорной и кровопролитной войны, которая можетъ увеличить затрудненія и жертвы всякаго рода и вести только къ потерямъ и бѣдствіямъ?» Неожиданный пріѣздъ великаго князя Константина Павловича еще болѣе усилилъ это мирное настроеніе. Между великимъ княземъ и Чарторыйскимъ съ одной стороны, и Будбергомъ—съ другой былъ сильный споръ: Будбергъ горячо доказывалъ необходимость и возможность продолженія войны; говорилъ, что наша армія еще не разбита, что у насъ есть еще большая армія въ резервѣ, что мы можемъ положиться на вѣрность нашихъ польскихъ провинцій, и вообще императоръ можетъ разсчитывать на

свой народъ. Чарторыйскій возражалъ, что Будбергъ сильно ошибается на счетъ нашихъ польскихъ подданныхъ, что они поднимутся противъ Россіи, какъ только Бонапартъ перейдетъ наши границы; а великій князь прибавилъ, что нѣтъ никакой большой арміи въ резервѣ, а только 35,000 человѣкъ; что у насъ нѣтъ ни оружія, ни припасовъ, ни денегъ, а что касается народа, то онъ знаменитъ храбростью и преданностью государямъ, но что онъ долженъ быть защищаемъ правильными военными силами, а самъ не можетъ сопротивляться побѣдоносной арміи, когда та нападетъ на него.

Между тѣмъ Чарторыйскій и Новосильцевъ опять обратились къ Гарденбергу, чтобъ онъ склонилъ императора и короля къ открытію мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Гарденбергъ отвѣчалъ, что каждый день ожидаются извѣстія отъ лондонскаго и вѣнскаго дворовъ, и когда эти извѣстія отнимутъ всякую надежду на поддержку, тогда только можно будетъ приступить къ мирнымъ переговорамъ. Гарденбергъ все ждалъ, что Австрія объявитъ себя противъ Франціи. По его словамъ, у него всегда былъ въ головѣ планъ нѣмецкаго союза, главами котораго съ равнымъ вполнѣ интересомъ были бы Австрія и Пруссія, одинаково сильныя, чтобъ поддерживать свою независимость и свои права противъ Россіи и Франціи; теперь, для оправданія своего плана, онъ ссылался и на то, что въ русскихъ отношеніяхъ большой безпорядокъ. Въ началѣ осени 1806 года, когда Пруссіи грозилъ разрывъ съ Франціею, берлинскій дворъ высказалъ вѣнскому желаніе, чтобъ австрійскія войска были сосредоточены въ Богеміи и въ нужномъ случаѣ безъ потери времени соединились съ прусскимъ и саксонскимъ войсками, ибо Австрія и Пруссія фактически находятся въ тѣсномъ соединеніи, и паденіе одной влечетъ за собою неминуемо и паденіе другой. Въ Вѣнѣ, разумѣется, естественно рождался вопросъ, почему берлинскій дворъ не находилъ такой тѣсной связи между обоими государствами, когда недавно Пруссіи, для поддержанія Австріи, слѣдовало сдѣлать именно то, чего она теперь желаетъ отъ Австріи. По мнѣнію Стадіона, только страхъ заставлялъ Пруссію сближаться съ Австріею; чтобъ не нести одной всей тяжести войны и раздѣлить опасность или совершенно отклонить ее отъ себя, она желаетъ загородиться Саксоніею и Австріею. Рѣшили: признать принципъ взаимнаго охраненія, но этимъ и ограничиться, наблюдать осторожность въ выраженіяхъ, чтобъ въ нихъ не заключалось ничего болѣе, кромѣ надежды, чтобъ не было ничего похожаго на обѣщаніе; а императоръ Францъ наказывалъ Стадіону, чтобъ содержаніе депешъ, отсылаемыхъ въ Берлинъ, сдѣлать въ еще болѣе

общихъ выраженіяхъ и менѣе обязательнымъ. Но въ Вѣнѣ хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ начать вооруженія, не возбуждая противъ себя гнѣвъ Наполеона: когда онъ спроситъ, зачѣмъ идутъ вооруженія, отвѣчать, что хотятъ составить наблюдательный корпусъ противъ Пруссіи.

Наполеонъ, по обычаю, не хотѣлъ драться съ двумя врагами вдругъ, и по обычаю, закидалъ пестрыми рѣчами графа Меттерниха, австрійскаго посланника въ Парижѣ. «Я не хочу,—говорилъ онъ,—быть германскимъ императоромъ, я хочу только нѣкоторыя земли тѣснѣе соединить съ Франціею, что́ дѣлали и прежде французскіе короли и безъ чего Австрія и Пруссія прикарманили бы себѣ Германію. Я не хочу отъ васъ ничего болѣе, мы теперь будемъ жить мирно. Я знаю вашу армію: она такъ же хороша, какъ и моя, только деморализована. Мой солдатъ идетъ на битву съ увѣренностью въ побѣдѣ, а у васъ наоборотъ; вы можете бить пруссаковъ, русскихъ и турокъ, но никогда французовъ. Повѣрьте мнѣ, все требуетъ времени и вы нуждаетесь въ покоѣ. Новая коалиція подвергла бы Австрію большимъ опасностямъ; двѣ первыя имѣли религіозную цѣль: то была борьба религіи противъ невѣрія, монархіи противъ республики. Генуа не была причиною войны; зачѣмъ вы ничего не требовали? Хотите знать основанія прусскихъ вооруженій? Люккезини распространилъ слухъ, что я при переговорахъ съ Россіею поставилъ условіемъ возстановленіе Польши подъ властью Константина, а герцогъ Клевскій (Мюратъ) долженъ пріобрѣсть Вестфалію. И вотъ прусскій король бросаетъ милліоны за окно, а я надъ этимъ смѣюсь. Константина посадить на польскій престолъ! Мысль объ европеизмѣ и здравая политика должны это отвергнуть. Къ чему тутъ русскіе? У меня 200,000 солдатъ въ Германіи; Пруссіи надобно четыре мѣсяца для окончанія своихъ вооруженій: я буду скорѣе въ Берлинѣ. Что прусская армія хочетъ драться—понятно, потому что она со мною еще не мѣрилась. Я хочу мира. Когда хотятъ создать флотъ, то нельзя драться на сушѣ; тратить 250 милліоновъ ежегодно на корабли, да еще держать 500,000 войска—дѣло неподходящее. А, если бы Англіи не было! Господь Богъ нашелъ Францію уже очень красивою и потому посадилъ ей шишку: эта шишка—Англія!» Талейранъ предлагалъ Меттерниху союзъ между Австріею и Франціею, предлагалъ забыть недавнее прошедшее и помнить, что лучшее время для Франціи и Австріи было то, когда онѣ были соединены тѣснѣйшимъ союзомъ. Но въ Вѣнѣ не хотѣли союза, т.-е. полнаго порабощенія; Стадіонъ твердилъ, что надобно пользоваться обстоятельствами и какъ можно скорѣе вооружаться: «каждый часъ дорогъ,—писалъ онъ,—

и малѣйшее промедленіе въ такое важное время можетъ потомъ повести къ гибели монархіи». Относительно Россіи въ Вѣнѣ было рѣшено поступить точно такъ же, какъ и относительно Пруссіи; Стадіонъ предписывалъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ говорить такъ, чтобъ не отнимать у Россіи надежду имѣть Австрію впослѣдствіи своею союзницею, но быть при этомъ крайне осторожнымъ, чтобъ не высказать чего-нибудь такого, что̀ могло бы быть сочтено за обѣщаніе или обязательство.

Хотя въ Вѣнѣ не ожидали и не желали блестящихъ успѣховъ Пруссіи въ войнѣ, но вѣсть о совершенномъ погромѣ Пруссіи послѣ Іены и Ауерштедта страшно перепугала. «Такой же разгромъ грозитъ теперь всей Европѣ», писалъ Стадіонъ. Не знали, что̀ дѣлать; императоръ Францъ спрашивалъ у всѣхъ мнѣнія. Разумѣется, нашлись люди, которые совѣтовали сдѣлать то, что̀ въ старину дѣлали жители деревень при первомъ крикѣ нападающихъ разбойниковъ—лечь ничкомъ и не шевелиться, пока разбойники будутъ всѣмъ распоряжаться; нашлись люди, которые совѣтовали принять совершенно пассивную политику и прекратить вооруженія. Послѣдняго не исполнили, въ Богемію ввели войско, несмотря на запросы съ французской стороны, задаваемые вмѣстѣ съ требованіями союза. Такъ какъ война затягивалась вслѣдствіе участія въ ней Россіи, то Наполеону нужно было не только удержать Австрію въ нейтралитетѣ, но и вступить съ нею въ союзъ, чтобъ отнять у коалиціи всякую надежду имѣть ее когда-либо на своей сторонѣ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Ларошфуко, не требовалъ отъ Стадіона, чтобы Австрія соединила свои войска съ французскими, а только, чтобы былъ заключенъ договоръ, гдѣ бы стояло слово: «союзъ»—за это Австрія получитъ что-нибудь, а въ случаѣ отказа придется ей нехорошо: союзъ будетъ заключенъ между Франціею и Россіею. Угроза эта для Австріи соединялась съ двумя вопросами—польскимъ и восточнымъ. Въ Парижѣ толковали о возстановленіи Польши и называли будущимъ королемъ ея Іеронима, брата Наполеонова. Меттернихъ писалъ, что сообщаются статистическія свѣдѣнія по вопросу, будетъ ли Австрія достаточно вознаграждена Силезіею за уступку Галиціи. Императоръ Францъ боялся возстанія поляковъ въ Галиціи; боялся, что Наполеонъ убѣдитъ императора Александра сдѣлать противоположное тому, на что̀ Фридрихъ II-й уговорилъ Екатерину—отказаться отъ Польши и получить за это богатое вознагражденіе на счетъ Турціи; Францъ не вѣрилъ также и выходкѣ Наполеона на счетъ занятія польскаго престола русскимъ великимъ княземъ; боялся, что Наполеонъ согласится на это, чтобы только Россія не помогала Прус-

сіи. «Вообще, я боюсь,—писалъ Францъ,—что Франція и Россія, наконецъ, согласятся подѣлить между собою Европу, что всего опаснѣе для насъ». Разрывъ между Россіею и Турціею, по интригамъ Франціи, страшно безпокоилъ вѣнскихъ государственныхъ людей; боялись успѣховъ Россіи въ Турціи, боялись, что Наполеонъ на помощь султану пошлетъ свои войска чрезъ австрійскія владѣнія. «Пламя войны, зажженное на Востокѣ, произведетъ пожаръ въ цѣлой Европѣ», писалъ Стадіонъ. И съ русской стороны не скрывали, что готовы на всякія соглашенія для изгнанія турокъ изъ Европы; что если Россія пріобрѣтетъ Молдавію и Валахію, то Австрія можетъ пріобрѣсти Сербію, Боснію и турецкую Кроацію.

Въ Вѣнѣ чувствовали себя очень неловко, и господствующее мнѣніе было, что Россія покинетъ Пруссію и воспользуется случаемъ, чтобы удовлетворительно для себя рѣшить восточный вопросъ,—какъ вдругъ получается извѣстіе, что изъ Петербурга отправлено особое лицо для переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, лицо, хорошо извѣстное въ Вѣнѣ: то былъ Поццо-ди-Борго, корсиканецъ, одинъ изъ главъ національной партіи на островѣ, ведшей ожесточенную борьбу съ французами и ихъ приверженцами, къ которымъ принадлежали Бонапарты; при торжествѣ національной партіи, Бонапарты были изгнаны; но когда французы овладѣли островомъ, то пришла очередь Поццо покинуть отечество; онъ пріютился сначала въ Англіи, потомъ, въ 1804 году, вступилъ въ русскую службу, удержавъ изъ своего прошлаго заклятую ненависть къ Бонапартамъ. Легко было догадаться, съ какими предложеніями могъ явиться полковникъ русской службы Поццо-ди-Борго въ концѣ 1806 года. Онъ передалъ императору Францу письмо отъ императора Александра: «Какъ бы ни была велика увѣренность русскаго государя въ своихъ собственныхъ средствахъ для поддержанія своихъ правъ, не можетъ онъ однако, при настоящихъ обстоятельствахъ, надѣяться одинъ спасти Европу отъ удручающихъ ее золъ. У государя австрійскаго въ распоряженіи значительныя силы и выгодное положеніе: судьба міра будетъ зависѣть большею частію отъ его рѣшенія. Война, которую французы ведутъ въ Польшѣ, направлена одинаково и противъ безопасности австрійскихъ владѣній. Какой государь болѣе императора австрійскаго испыталъ лживость французскихъ обѣщаній? Если онъ теперь рѣшится вступить въ войну, то императоръ всероссійскій не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ всего того, что необходимо для будущей безопасности обоихъ государствъ». Хорошо знали, что главнымъ противникомъ войны противъ Наполеона

будетъ эрцгерцогъ Карлъ, и онъ получилъ лестное письмо отъ русскаго императора: «однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ побѣдѣ императоръ считаетъ содѣйствіе и великіе таланты эрцгерцога, который въ предстоящей борьбѣ, конечно, увидитъ случай пріобрѣсти славу, подобную которой не знаетъ исторія». Начались переговоры съ Поццо; англійскій посланникъ, при нихъ присутствовавшій, спѣшилъ отстранить главное препятствіе соглашенію между Россіею и Австріею, поручившись, что Россія, пока находится въ союзѣ съ Англіею, не пріобрѣтетъ ничего изъ турецкихъ областей. Несмотря на то, переговоры не повели ни къ чему; и письмо къ эрцгерцогу Карлу не помогло: по прежнему высказался онъ сильно за мирную политику, и рѣшили соблюдать нейтралитетъ, но ни у Франціи, ни у Россіи не отнимать надежды на будущее: «Австрія, — объявилъ Стадіонъ Поццо,—основываетъ свою систему не на общихъ положеніяхъ относительно критическаго состоянія Европы, но на точномъ и хладнокровномъ разсчетѣ своихъ собственныхъ отношеній. Россія сама затруднила рѣшеніе Австріи въ пользу коалиціи своимъ поведеніемъ относительно Каттаро и военнымъ движеніемъ противъ Порты; Австрія не можетъ принять предложенія императора Александра, не ставя на карту существованія монархіи». Отдѣлались и отъ французскаго союза. Наполеонъ предоставилъ Австріи на выборъ—удержать за собою Галицію или промѣнять ее на Силезію. Такимъ образомъ, Силезія была употреблена такою же приманкою для Австріи, какъ Ганноверъ для Пруссіи. Но въ Австріи не пошли на удочку; Стадіонъ отвѣчалъ, что императору не угодно мѣняться владѣніями, и что Силезія, какъ страна, еще незавоеванная французами и неуступленная имъ никакимъ трактатомъ, не можетъ быть предметомъ переговоровъ.

Но отдѣлавшись отъ союза съ обѣими сторонами, не хотѣли оставаться въ страдательномъ положеніи, хотѣли пріобрѣсть даромъ важное значеніе посредниковъ, примирителей; принять это значеніе побуждала и боязнь: а что если воюющія стороны помирятся, и Австрія останется предметомъ непріязни для обѣихъ? Въ главную французскую квартиру отправился изъ Вѣны генералъ Винцентъ, который, въ самомъ концѣ 1806 года, нашелъ Наполеона въ Варшавѣ, и былъ закиданъ, по обычаю, пестрыми рѣчами: «зачѣмъ Австрія вооружается? На счетъ Польши могутъ быть покойны въ Вѣнѣ: желанія польскихъ вѣтрогоновъ исполнены не будутъ съ французской стороны. Съ Россіею надобно покончить и обезпечить независимость Порты, чему Австрія можетъ содѣйствовать, не впутываясь въ войну. Что касается Пруссіи, то судьба хотѣла, чтобъ императоръ французовъ уни-

чтожилъ, противъ своего желанія, истинную союзницу турокъ и свою собственную союзницу противъ Россіи и Австріи. Съ Австріею онъ не прочь отъ союза, и рано или поздно союзъ будетъ». Когда Винцентъ упомянулъ о посредничествѣ, то Наполеонъ отвѣчалъ: «я этого не требую, но и не отвергаю; съ Пруссіею я уже началъ сношенія; съ Россіею я веду войну только изъ-за Порты; если въ Россіи захотятъ отстать отъ восточныхъ плановъ, то я ничего больше не потребую; затѣмъ будетъ слѣдовать миръ съ Англіею, которая также не можетъ смотрѣть равнодушно на занятіе Молдавіи русскими». Тутъ Винцентъ, не понявши, что Наполеонъ никакъ не хочетъ допустить, чтобы кто-нибудь взялъ что-нибудь у турокъ, проговорился очень некстати, что Австріи желательно имѣть свою долю въ добычѣ: «австрійскій интересъ требуетъ,—сказалъ онъ,—не позволять Россіи овладѣть Бѣлградомъ и Оршовою, и если бы Австрія была обезпечена съ французской стороны, то заняла бы эти мѣста». Наполеонъ притворился, что не понялъ смысла словъ Винцента,—повернулъ этотъ смыслъ такъ, что Австрія хочетъ занять названные города только временно, для турокъ, и отвѣчалъ: «я ничего противъ этого не имѣю, если Австрія согласится напередъ съ Портою; но во всякомъ случаѣ австрійцы должны явиться въ предѣлы Порты переодѣтые турками или сербами. Придетъ время, когда я, котораго представляютъ злѣйшимъ врагомъ Австріи, явлюсь передъ Вѣною съ 100,000 войска, чтобъ защищать Австрію противъ русскихъ».

Увидавши, какое чувствительное мѣсто составляетъ для Австріи восточный вопросъ, съ французской стороны тотчасъ воспользовались имъ, какъ ловушкою. Талейранъ предложилъ Винценту уладиться на счетъ восточныхъ дѣлъ, и изъ этого соглашенія разовьется союзъ, основанный на взаимныхъ интересахъ; только Франція и Австрія могутъ имѣть рѣшительный голосъ относительно судьбы Порты; Австрія, союзомъ своимъ съ Франціею, можетъ принудить Россію къ миру. Но въ Вѣнѣ упорно отвергали союзъ, настаивая по прежнему на посредничествѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга приходили успокоительныя извѣстія на счетъ Турціи: Россія соглашалась заключить миръ съ Портою безъ всякихъ пріобрѣтеній; въ Петербургѣ принимали и мысль Стадіона о всеобщемъ конгрессѣ. Россія предлагала не трогать турецкихъ владѣній; но Наполеонъ изъ словъ Винцента догадался о желаніяхъ Австріи и предложилъ заключить договоръ, тайный или явный—все равно, въ которомъ бы постановлено было дѣлить Турцію или оставить ее въ цѣлости. Но и эта приманка не помогла. Стадіонъ говорилъ императору Францу, что вступить въ

союзъ съ Франціею при настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлиться отъ остальной Европы, вступить въ дружбу съ Наполеономъ и способствовать, къ собственному вреду, укрѣпленію перемѣнъ, произведенныхъ съ пресбургскаго мира въ Италіи и Германіи, принять участіе въ войнѣ и биться противъ собственныхъ интересовъ, было бы, въ его глазахъ, величайшимъ несчастіемъ. Въ Вѣнѣ постоянно ставился вопросъ: кто опаснѣе для Австріи: Наполеонъ или Россія? На этотъ вопросъ Стадіонъ отвѣчалъ: «настоящія отношенія Франціи къ Австріи сокрушаютъ наши государственныя силы, отнимаютъ независимость у нашей политики, высасываютъ всѣ средства администраціи; уже и теперь это—настоящее порабощеніе; что же будетъ, когда военнымъ счастіемъ такія отношенія утвердятся навсегда? Ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніяхъ къ Россіи, импонирующей извнѣ своею массою, передъ которою мы никогда не будемъ въ равенствѣ. При военномъ счастіи, по географическому положенію Россіи, ея вліяніе на западную Европу никогда не можетъ превратиться въ господство, какимъ пользуется теперь Франція, и Россія всегда будетъ принуждена дѣлить вліяніе съ нами. Наша настоящая слабость передъ Россіею происходитъ бо̀льшею частію отъ гнета, уничтожающаго всѣ наши государственныя силы, и какъ скоро мы избавимся отъ политическаго ига Франціи, то это дастъ намъ въ будущемъ силы выставлять надлежащее сопротивленіе и русскому преобладанію. Нельзя отрицать, что внѣшнія обстоятельства съ послѣдняго ноября чрезвычайно выгодны для Австріи. Все, чего мы желали, случилось. Двѣ великія силы Европы борются другъ съ другомъ и взаимно себя ослабляютъ. Война удалилась отъ нашихъ предѣловъ, у насъ пятью мѣсяцами болѣе времени для возстановленія своихъ силъ. Если мы теперь этимъ не воспользуемся, то мы пропадемъ, и по своей винѣ пропадемъ». Какъ въ недавнія времена, при Кобенцлѣ, воинственному министру иностранныхъ дѣлъ возражалъ миролюбивый полководецъ, тотъ же эрцгерцогъ Карлъ: «Войска собраны,—писалъ онъ,—но находятся далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, многаго недостаетъ, все еще молодо, въ зародышѣ. Новая выставка военныхъ австрійскихъ силъ безъ соглашенія съ Наполеономъ есть объявленіе войны. Наполеона обмануть нельзя». Голосъ полководца пересилилъ голосъ министра. Стадіону оставалось одно посредничество, и 1-го апрѣля (н. с.) Австрія предложила его обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Наполеонъ принялъ предложеніе, съ условіемъ шестимѣсячнаго перемирія, и чтобы прежде всего было упомянуто о цѣлости Порты. Для каждаго было ясно, что Наполеону нужно было побывать во Франціи и приготовить

громадныя средства для борьбы, чтобы рѣшить ее поскорѣе въ свою пользу, и для этого онъ требовалъ шестимѣсячнаго перемирія. Будбергъ отвѣчалъ, что Россія согласна на австрійское предложеніе, если вѣнскій дворъ представитъ съ французской стороны основанія для мира, могущія успокоить на счетъ успѣшнаго окончанія переговоровъ. Въ томъ же смыслѣ былъ и прусскій отвѣтъ. Надежда на блестящую роль примирительницы исчезла для Австріи, а между тѣмъ приходили страшныя вѣсти, что воюющія стороны хотятъ заключить миръ и безъ нея. Въ Вѣнѣ засуетились, начались толки, переговоры о приступленіи къ коалиціи; рѣшили отправить Штуттергейма въ русскую главную квартиру, чтобъ поддержать сторонниковъ войны, отклонить отдѣльный миръ; а между тѣмъ громко раздавался голосъ австрійской Кассандры, эрцгерцога Карла: «Какъ только вы вступите въ войну съ Франціею, армія непремѣнно потерпитъ пораженіе и государство будетъ разрушено!» Въ Вѣнѣ продолжали суетиться, Штуттергеймъ не уѣзжалъ...

Австрія была неисправима въ своемъ отставаніи,—ея нельзя было дожидаться; Англія, въ которой прежде такъ смѣялись надъ отставаніемъ Австріи, послѣдовала ея примѣру. Знаменитыхъ соперниковъ, Питта и Фокса—болѣе не было, и шла борьба между ихъ партіями, которая мѣшала заняться какъ должно европейскими дѣлами. Коалиція не существовала; императоръ Александръ одинъ на развалинахъ Пруссіи долженъ былъ вести борьбу съ Наполеономъ, осаждаемый людьми, самыми близкими, которымъ онъ привыкъ довѣрять, и эти люди твердили о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; главнокомандующій былъ того же мнѣнія,—если двигался, то двигался по-неволѣ; военныя дѣйствія возобновились, и съ успѣхомъ; но, послѣ успѣховъ, Беннигсенъ по-прежнему отступаетъ, что раздражаетъ и приводитъ въ отчаяніе пруссаковъ, которые приступаютъ съ жалобами къ императору. То же самое роковое положеніе, какое было и передъ Аустерлицемъ! Когда пришла вѣсть, что Беннигсенъ отступилъ послѣ удачнаго для него сраженія подъ Гейльсбергомъ, Гарденбергъ приступаетъ къ императору съ представленіями, что въ арміи у него интриги въ пользу мира, что братъ его, цесаревичъ, во главѣ мирной партіи. Александръ съ жаромъ отвѣчаетъ, что относительно великаго князя—все неправда, и что всѣ старанія помѣшать достиженію цѣли—поведутъ только къ противоположному. Въ армію отправленъ былъ Поповъ съ полномочіемъ отнять у Беннигсена главное начальство и передать его генералу Эссену, если Беннигсенъ не двинется впередъ. Наконецъ, 2-го іюня Александръ былъ выведенъ изъ невыносимаго положенія,

хотя лекарство было такъ же тяжко, какъ и болѣзнь: 2-го іюня больной Беннигсенъ потерпѣлъ пораженіе подъ Фридландомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ имѣлъ въ виду миръ въ случаѣ неблагопріятнаго исхода рѣшительной битвы, и потому немедленно согласился на представленіе Беннигсена о необходимости перемирія, вслѣдствіе печальнаго состоянія арміи, немедленно согласился и на предложеніе Наполеона—начать тотчасъ же переговоры о мирѣ. Война должна была продолжаться только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ потребовалъ тяжелыхъ условій для Россіи и слишкомъ тяжелыхъ для Пруссіи. Война, разумѣется, могла продолжаться не иначе, какъ она велась послѣ въ 1812 году: русскія войска должны были перейти свои границы, отступать внутрь страны, не давая битвъ и завлекая непріятеля все далѣе и далѣе. Конечно, естественно придти къ мысли, что дѣло должно было увѣнчаться успѣхомъ, какъ увѣнчалось имъ послѣ, и, слѣдовательно, Европа выиграла бы шесть лѣтъ. Но историкъ не можетъ разсуждать такимъ образомъ. Каждое дѣло постепенно развивается, зрѣетъ и достигаетъ полнаго развитія, зрѣлости тогда только, когда соединяются всѣ благопріятныя для того условія. Въ 1807 году война велась, во-первыхъ, изъ-за Пруссіи, чтобъ не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы и не сблизить русскія границы съ границами Наполеоновой имперіи; во-вторыхъ, вслѣдствіе поднятія самыхъ важныхъ для Россіи вопросовъ—польскаго и восточнаго: нельзя было позволить Наполеону распорядиться Польшею и хозяйничать въ Константинополѣ. Перенесеніе войны въ русскіе предѣлы не имѣло смысла относительно Пруссіи, ибо тогда она подпадала окончательно владычеству Наполеона, и Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ бы переѣхать въ Россію; точно также должно было бы оставить на произволъ Наполеона и Польшу; что же касается Турціи, то возможно ли было вести войну на Дунаѣ, имѣя непріятеля во внутреннихъ русскихъ областяхъ? Наконецъ, вспомнимъ, что около Александра была сильна партія мира, которая твердила, что нельзя вести такую кровопролитную и разорительную войну изъ-за чужихъ государствъ: что же было бы, еслибъ оставалась та же видимая причина войны, и война эта переносилась въ русскіе предѣлы? Такимъ образомъ, перенесеніе войны внутрь Россіи въ 1807 году было немыслимо, исключая одинъ случай:—если бы Наполеонъ предложилъ тяжелыя мирныя условія. Но понятно, что Наполеонъ никогда не могъ позволить себѣ предложить подобныя условія Александру и затянуть войну въ безконечность переводомъ ея на русскую почву. Наполеонъ съ восторгомъ схватился за русское предложеніе перемирія и по-

требовалъ немедленныхъ мирныхъ переговоровъ. Ему представился теперь желанный случай не только заключить миръ, но и союзъ съ Россіею. До сихъ поръ, при всякомъ своемъ захватѣ, насиліи, онъ встрѣчалъ протестъ со стороны Россіи, которая служила опорою для всякаго, кто былъ обиженъ и хотѣлъ защищаться отъ Наполеона; Россія подразумѣвалась во главѣ всякой коалиціи противъ Наполеона, всякаго сопротивленія ему; привлечь Россію на свою сторону, значило для Наполеона—развязать себѣ руки относительно исполненія всѣхъ замысловъ, всѣхъ распоряженій въ Европѣ, — сломить всякое сопротивленіе, ибо кто могъ возстать противъ него безъ Россіи.

Вотъ почему Наполеонъ принялъ съ необыкновенною ласкою и радушіемъ генерала князя Лобанова-Ростовскаго, отправленнаго къ нему императоромъ Александромъ для предварительныхъ переговоровъ. Онъ продержалъ его болѣе пяти часовъ, говоря безъ умолку съ необыкновенною живостью и веселостью; пригласилъ обѣдать, пилъ здоровье императора Александра, превозносилъ его похвалами, клялся, что всегда его уважалъ, всегда желалъ его дружбы, а теперь желаетъ это доказать заключеніемъ съ нимъ союза, полезнаго для обѣихъ имперій и необходимаго для спокойствія Европы. Когда Наполеонъ такимъ образомъ выражалъ свое удовольствіе въ неумолкаемыхъ рѣчахъ передъ княземъ Лобановымъ, Александра удручала мысль, что онъ первый принужденъ былъ обратиться къ врагу съ мирными предложеніями; онъ старался передъ самимъ собою и передъ другими оправдать этотъ шагъ, и придумывалъ, какія могли быть честныя условія, на которыхъ слѣдовало помириться. Границы Россіи должны остаться нетронутыми, иначе миръ невозможенъ; но на рукахъ Пруссія; Наполеонъ въ полномъ правѣ, какъ завоеватель, требовать всевозможныхъ уступокъ съ этой стороны, и, чтобъ умѣрить эти требованія, надобно ему чѣмъ-нибудь заплатить съ русской стороны: союзомъ съ нимъ, разрывомъ съ его врагами; надобно уступить относительно восточнаго и польскаго вопросовъ. «Мы потеряли страшное количество офицеровъ и солдатъ, — говорилъ Александръ Куракину, — почти всѣ наши генералы, и именно лучшіе,—ранены или больны; въ арміи осталось пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, не имѣющихъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ. Мнѣ нельзя продолжать войну одному, безъ союзниковъ; Англія дурно вела себя съ самаго начала, и теперь даетъ ничего незначущія обѣщанія выставить 10—12,000 человѣкъ, не означая срока; субсидій обѣщаетъ не болѣе 2.200,000 фунтовъ въ годъ, и эта сумма должна быть раздѣлена между Россіею, Пруссіею и Австріею: этого слишкомъ мало. Думаю, что Фран-

ція не захочетъ ничего потребовать изъ русскихъ областей, а для возвращенія Пруссіи ея владѣній я предложу занятыя нашими войсками Молдавію, Валахію и семь іоническихъ островов. Наконецъ, бываютъ обстоятельства, когда надобно думать преимущественно о самихъ себѣ, имѣть въ виду единственно благо государственное».

Александръ думалъ о мирѣ и его условіяхъ; Наполеонъ думалъ о союзѣ, для котораго готовъ былъ на уступки, еще болѣе готовъ былъ на всевозможныя обѣщанія: это ему ничего не стоило, ибо ему ничего не стоило ихъ неисполненіе. Но прельстить обѣщаніями, закидать пестрыми рѣчами, обмануть притворною искренностью, фальшивымъ добродушіемъ—всего легче было при личныхъ сношеніяхъ; прельщать такимъ образомъ пословъ уполномоченныхъ — не достигало цѣли: впечатлѣніе ослабѣвало, исчезало при передачѣ; притомъ эти люди имѣли инструкціи, были подъ властью, могущею отвергнуть все, ими постановленное; другое дѣло, если бы можно было войти въ сношенія съ самимъ самодержцемъ, съ нимъ обо всемъ условиться одинъ-на-одинъ,— его прельстить! Всѣ самыя сильныя побужденія желать свиданія съ императоромъ Александромъ были на сторонѣ Наполеона; со стороны русскаго государя были также сильныя побужденія вести дѣло непосредственно съ Наполеономъ. При живости своей природы, Александръ былъ страстный охотникъ лично вести переговоры, имѣть непосредственныя сношенія съ государями, вліятельными министрами, направлять совѣщанія, уговаривать, улаживать; страсть усиливалась тѣмъ, что тутъ Александръ могъ твердо положиться на свои способности, могъ надѣяться выдти съ побѣдою; сюда присоединялась недовѣрчивость къ людямъ: въ одномъ подозрѣвалъ онъ недостатокъ надлежащихъ способностей; въ другомъ — нравственныхъ качествъ; въ третьемъ, при отсутствіи этихъ недостатковъ,—подозрѣвалъ какое-нибудь убѣжденіе, несогласовавшееся съ его собственнымъ и могшее повредить въ данномъ случаѣ. Послѣ Фридланда, имѣя при себѣ Будберга, Чарторыйскаго, Новосильцева, Александръ поручилъ важное дѣло веденія переговоровъ князю Лобанову, — къ общему удивленію, ибо въ наружности, пріемахъ и способностяхъ именно къ этому дѣлу у Лобанова никто не видалъ достаточныхъ условій для такого выбора. Но Будбергъ былъ горячій сторонникъ войны, отъявленный врагъ Наполеона, и потому уже не годился для примиренія съ Наполеономъ; что же касается Чарторыйскаго и Новосильцева, то мы видѣли, какое поведеніе позволяли они себѣ во время войны: они явно шли наперекоръ желанію императора,—толками о необходимости мира, о невозможности продолжать

войну; какъ люди приближенные къ государю, видные по своимъ способностямъ, они своими рѣчами производили сильное впечатлѣніе, смущали, отнимали духъ у военныхъ,—смущали, раздражали пруссаковъ. Конечно, Александръ не разсердился бы на нихъ, еслибъ они ему одному открыли свои мнѣнія, убѣждая къ миру: онъ привыкъ съ ними разсуждать и спорить обо всемъ; но они сдѣлали себя главами партіи и дали своимъ дѣйствіямъ характеръ интриги. И страсть ихъ къ миру была новостью, ибо прежде они были за борьбу съ Наполеономъ; другое дѣло—князь Куракинъ, который постоянно съ самаго начала былъ за миръ. Здѣсь, въ этомъ поведеніи Чарторыйскаго, Новосильцева и Строганова, заключается причина неудовольствія на нихъ Александра, вслѣдствіе чего потомъ «неразлучные» уже перестали имѣть при немъ прежнее значеніе; по неудовольствію на ихъ поведеніе до Фридланда, Александръ не сдѣлалъ ихъ участниками переговоровъ съ Наполеономъ послѣ Фридланда, что̀, разумѣется, произвело въ нихъ неудовольствіе, а непринятіе Александромъ Наполеонова предложенія относительно возстановленія Польши окончательно отталкивало Чарторыйскаго и «неразлучныхъ» съ нимъ. Но неудовольствіе на Чарторыйскаго и Новосильцева, неимѣніе людей, которымъ можно было бы поручить веденіе переговоровъ при такихъ важныхъ, рѣшительныхъ обстоятельствахъ заставляли императора Александра сильно желать свиданія съ Наполеономъ, лично условиться съ нимъ о мирѣ, союзѣ; важно было принять къ свѣдѣнію и то, что̀ промелькнетъ, какъ-будто невзначай, въ потокѣ пестрыхъ рѣчей. Такимъ образомъ, побужденія къ личному свиданію были чрезвычайны сильны у обоихъ императоровъ, и если одинъ предложилъ его, то другой долженъ былъ сейчасъ же съ радостью согласиться; кто предложилъ—рѣшить пока нельзя по разногласію свидѣтельствъ; но, скорѣе всего, предложилъ Наполеонъ, по характеру и положенію своему; первое движеніе принадлежитъ нападающему, а напасть хотѣлъ Наполеонъ—Александръ долженъ былъ защищаться. Какъ бы то ни было, желанное свиданіе произошло у Тильзита на плоту, построенномъ среди Нѣмана, раздѣлявшаго русскую армію отъ французской; потомъ это свиданіе повторилось, и переговоры о мирѣ и союзѣ кончились между двумя государями; князья: Куракинъ и Лобановъ—съ русской, и Талейранъ—съ французской стороны, только формально были уполномочены для веденія переговоровъ и заключенія договора. Этотъ знаменитый тильзитскій договоръ былъ ратификованъ 27-го іюня.

Цѣлью Наполеона было заключеніе не мира только, а союза съ Россіею; цѣлью Александра было, во-первыхъ, спасти сколько

можно больше остатковъ прусскаго корабля, потерпѣвшаго страшное крушеніе, а во-вторыхъ, охранить русскіе интересы по вопросамъ польскому и восточному. Достиженіе первой цѣли было чрезвычайно трудно. Наполеонъ не могъ не понимать значенія Пруссіи въ Германіи. Чтобъ она не служила болѣе помѣхою для Франціи, необходимо было,—если оставить ей существованіе, то самое ничтожное; дать же ей сколько-нибудь значительныя средства—значило создать въ ней для Франціи непримиримаго врага, который никогда не забудетъ прежняго значенія и употребитъ данныя ему средства для возвращенія этого значенія въ ущербъ Франціи; особенно было непріятно возстановлять Пруссію въ угоду русскому императору, ибо этимъ, естественно, поддерживалась и затягивалась тѣсная связь между Россіею и Пруссіею. Въ интересахъ Франціи было, чтобъ въ Германіи не существовало крупныхъ независимыхъ владѣній; ей нужно было прусскими землями увеличить германскія владѣнія, вполнѣ зависѣвшія отъ Франціи; на востокѣ, вблизи Россіи и Австріи, Наполеонъ хотѣлъ создать значительное государство, вполнѣ ему преданное: такимъ была Саксонія. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи прусскія земли, чтобъ императоръ Александръ отказался отъ заступничества за Пруссію, Наполеонъ предложилъ ему приманку: взять себѣ восточную Пруссію до Вислы; потомъ еще бóльшую приманку: взять польскія области, принадлежавшія Пруссіи, и принять титулъ короля польскаго, иначе польскія области Пруссіи должны быть, вмѣсто нѣмецкихъ, отданы саксонскому королю, если нѣмецкія останутся за Пруссіею. Александръ не принялъ предложенія. Для улучшенія условій для Пруссіи, Александръ отказался отъ наслѣдства Екатерины II, княжества Іеверскаго, между Фрисландіею и Ольденбургомъ, въ пользу голландскаго короля; отказался, въ пользу Франціи, отъ Іоническихъ острововъ и отъ Бокка-ди-Каттаро. Пруссія, сохранивъ свой составъ отъ Эльбы до Нѣмана, сохранила драгоцѣнное наслѣдство отъ Фридриха II, Силезію, которую Наполеонъ хотѣлъ-было присоединить, вмѣстѣ съ польскими областями, къ Саксоніи, и на престолъ этого значительнаго государства возвести своего брата Іеронима, а саксонскій король долженъ быть вознагражденъ Гессеномъ и прусскими владѣніями на лѣвомъ берегу Эльбы. Такое сосѣдство Іеронимовыхъ владѣній съ Россіею найдено препятствіемъ для сохраненія союза между двумя имперіями, и Наполеонъ призналъ за лучшее, чтобъ между ними была независимая Пруссія съ владѣніями отъ Эльбы до Нѣмана. Польскія области Пруссіи, подъ именемъ герцогства Варшавскаго, отходили къ саксонскому королю, а для Іеронима Бонапарта изъ прусскихъ вла-

дѣній за Эльбою образовано было новое королевство, подъ именемъ вестфальскаго. Такъ покончилъ императоръ Александръ прусскій вопросъ, и въ первой статьѣ тильзитскаго договора говорилось: «Императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ императору Всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю прусскому, союзнику Е. В. императора Всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенные». Король прусскій оставался союзникомъ русскаго императора,—такъ онъ названъ въ договорѣ. Для подкопанія этого союза, Наполеонъ настаивалъ, чтобъ Александръ присоединилъ къ Россіи кусокъ прусской земли, дѣйствительно очень выгодный, — отъ устья Нѣмана къ границамъ Курляндіи съ гаванью Мемелемъ. Александръ не взялъ, но согласился взять изъ польскихъ земель, уже изъ доли короля саксонскаго, Бѣлостокскую область; при поднятіи польскаго вопроса, это пріобрѣтеніе могло имѣть значеніе; кромѣ того, императоръ могъ желать заставить молчать тѣхъ, которые говорили, что кровопролитная война велась даромъ, только изъ-за Пруссіи.

Въ связи съ прусскимъ вопросомъ—рѣшился польскій, также удовлетворительнѣе, чѣмъ сколько можно было надѣяться по обстоятельствамъ. Возстановленіе Польши въ интересахъ Наполеона было задержано, оставлено на первой ступени: часть польскихъ земель получила самостоятельное устройство, но подъ именемъ — не Польши, а герцогства Варшавскаго и должно было находиться подъ властью — не брата Наполеонова, но короля саксонскаго, и нѣкоторая часть польскихъ земель отошла къ Россіи. Относительно восточнаго вопроса было сдѣлано такое соглашеніе: если Турція не приметъ французскаго посредничества для примиренія съ Россіею или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то Франція соединится противъ нея съ Россіею, и обѣ договаривающіяся стороны согласятся на - счетъ средствъ—избавить отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣ области оттоманской имперіи въ Европѣ, исключая города Константинополя и провинціи Румеліи.

V.

Эрфуртъ и австрійская война 1809 года.

Нѣкоторые были въ восторгѣ отъ тильзитскаго мира и союза. Князь Куракинъ писалъ императрицѣ Маріи: «Русскій Богъ не перестаетъ бодрствовать надъ нами и распространять на насъ свои благословенія! Россія выходитъ изъ этой войны со славою и счастіемъ неожиданнымъ; у нея заискиваетъ враждебная держава, имѣющая рѣшительный перевѣсъ силъ на своей сторонѣ и побѣдившая насъ. Ничего не потерявъ изъ своихъ владѣній, Россія пріобрѣтаетъ новыя, пріобрѣтаетъ для своихъ польскихъ областей новую военную границу. Россія становится ангеломъ-хранителемъ прусскаго короля, который видитъ въ императорѣ своего спасителя, и получитъ изъ его рукъ большую часть своихъ владѣній, которыхъ не умѣлъ ни охранять, ни защищать».

Но далеко не всѣ русскіе люди могли быть въ такомъ восторгѣ отъ тильзитскаго мира. Самое непродолжительное спокойное размышленіе надъ явленіемъ достаточно было для перемѣны взгляда, создавшагося подъ первымъ впечатлѣніемъ. Естественно и необходимо рождался вопросъ: для чего были эти заискиванія со стороны побѣдоносной силы у державы побѣжденной? и отвѣтъ былъ одинъ: для того, чтобъ послѣдняя, оставаясь еще достаточно сильною и опасною, не мѣшала побѣдителю въ дальнѣйшихъ замыслахъ, и какіе это могли быть замыслы? При тильзитскихъ свиданіяхъ у Наполеона вырывались слова искушенія: «Раздѣлимъ міръ!» но искушеніе должно было исчезнуть опять при первомъ спокойномъ размышленіи. Дѣлежъ могъ имѣть одно основаніе: для Франціи—Западъ, для Россіи—Востокъ; Франціи на Западѣ оставалось добрать Пиренейскій полуостровъ; Россіи, въ соотвѣтствіе, слѣдовалъ Балканскій; но императоръ французовъ

уже и теперь не допускалъ такого, повидимому, столь естественнаго дѣлежа; на Балканскомъ полуостровѣ оба императора должны были дѣйствовать вмѣстѣ и дѣлиться, тамъ была уже указана и мѣстность, на которой начертано: «nec plus ultra». Чтó же, спрашивается, остается Россіи при дѣлежѣ міра? Дѣлежъ былъ неравный и велъ къ новой борьбѣ по своей черезполосицѣ. Очевидно, тильзитскій миръ былъ только перемиріемъ; выгода его для Россіи состояла только въ томъ, что давала ей необходимую передышку, время собраться съ силами и дать для этого время другимъ. Наполеону нужно было перемиріе, нуженъ былъ фальшивый союзъ съ Россіею, чтобы осуществить свои планы на Западѣ; Александру нужно было это перемиріе и фальшивый союзъ съ Франціею, чтобъ имѣть извѣстное время свободныя руки для дѣйствій по вопросамъ восточному и польскому; дальнѣйшій ходъ ихъ, разумѣется, долженъ былъ привести къ борьбѣ съ Наполеономъ, но для этой-то борьбы и нужно было отдохнуть, приготовиться, не спуская глазъ съ Наполеона, чтó онъ еще задумаетъ, какъ будетъ далѣе истощать мѣру долготерпѣнія народовъ, гдѣ и какъ споткнется на пути захватовъ. Тильзитскій миръ былъ необходимъ и условія его были выгодны для обѣихъ сторонъ: для Наполеона тѣмъ, что останавливали помѣху его замысламъ со стороны Россіи; для Александра тѣмъ, что останавливали вредные для Россіи замыслы Наполеона и относительно Германіи сохраненіемъ Пруссіи, и относительно польскаго вопроса—не возстановленіемъ Польши, а образованіемъ только герцогства Варшавскаго, слѣдовательно, остановкою на зародышѣ, и относительно восточнаго вопроса посредничествомъ Франціи, вмѣсто враждебнаго ея дѣйствія. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы императоръ Александръ смотрѣлъ иначе на тильзитскій миръ и видѣлъ въ немъ болѣе необходимаго перемирія. Онъ самъ не могъ быть доволенъ положеніемъ, которое было создано для него тильзитскимъ миромъ и союзомъ съ Наполеономъ; онъ, какъ государь, долженъ былъ наложить на себя тяжкую обязанность не выражать этого неудовольствія; но другіе, многіе и многіе, будучи недовольны, громко жаловались и обвиняли того, кто принялъ на себя всю отвѣтственность, устроивши непосредственно новыя отношенія. Сознательно и безсознательно въ русскихъ людяхъ вкоренилось убѣжденіе, что отношенія Россіи къ западной Европѣ, къ Наполеону, какъ они существовали до сихъ поръ, были самыя правильныя, согласныя съ достоинствомъ и значеніемъ Россіи; вкоренилось убѣжденіе, что на Западѣ, въ лицѣ Наполеона, воплотилось хищничество, попраніе всѣхъ международныхъ правъ, порабощеніе народовъ, и что

Россія высказала этому протестъ, не признала правъ силы и насилія, постоянно боролась съ насильникомъ, защищая слабыхъ. Аустерлицъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что отъ неудачъ военныхъ давно отвыкли; но неудача не перемѣнила отношеній, и послѣ Аустерлица Россія осталась въ томъ же возвышенномъ положеніи, готовая продолжать борьбу, защищать слабыхъ отъ насилія. Но теперь, послѣ Тильзита, это возвышенное положеніе было потеряно; русскій государь, бывшій постоянно вѣрнымъ святому знамени, которымъ гордилась Россія, теперь бросилъ его, протянулъ руку, побратался съ тѣмъ, кого привыкли называть врагомъ рода человѣческаго. И для чего? Настоящія побужденія, политическія соображенія были скрыты и все отнесено къ лицу, его чувствамъ и впечатлѣніямъ. Война была ведена дурно, потерпѣли пораженіе, испугались и отдались въ руки побѣдителю, заключили съ нимъ союзъ,—для чего? Союзъ съ Наполеономъ — значитъ, постоянная война, ибо онъ постоянно воюетъ, и Россія будетъ теперь ходить на войну, куда онъ захочетъ—союзъ! И прежде всего ссора съ Англіею, естественною, всегдашнею союзницей, прекращеніе выгодной, необходимой торговли, и за все это Наполеонъ далъ бѣлостокскую область, отнятую у нашего же союзника, прусскаго короля. Начавшаяся немедленно шведская война усилила непріятное впечатлѣніе: война съ государемъ, который былъ нашимъ постояннымъ союзникомъ, который сталъ виноватъ тѣмъ, что остался вѣренъ знамени, покинутому нами: вотъ прямыя слѣдствія союза съ Наполеономъ,—война, безконечная война въ угоду врага рода человѣческаго! И все приписывалось одному лицу, ибо все сдѣлано имъ однимъ: не было никакого Гаугвица, никакого Ломбарда для отвлеченія. Вотъ уже седьмой годъ—и ни въ чемъ нѣтъ удачи! Если тяжело было положеніе императора Александра послѣ Аустерлица, то эта тяжесть не значила ничего въ сравненіи съ тяжестію положенія настоящаго. Онъ зналъ все, зналъ даже въ преувеличенномъ видѣ, благодаря людямъ, находившимъ свои выгоды напугать его, представить слова дѣлами или близкими къ дѣлу,—онъ зналъ, какъ смотрѣли на Тильзитъ, и не могъ не уважать основаній этого взгляда. Онъ не перемѣнялъ системы, не отказывался отъ борьбы съ Наполеономъ, не вѣрилъ его словамъ и обѣщаніямъ, ибо и человѣкъ съ менѣе тонкимъ умомъ, чѣмъ у императора Александра, не могъ имъ вѣрить; но не могъ не признать, что имѣлось основаніе толковать о крутой перемѣнѣ системы, о слабости, непостоянствѣ человѣка, способнаго къ такимъ перемѣнамъ, о невозможности полагаться на него; самый снисходительный отзывъ могъ состоять въ томъ, что онъ

былъ обольщенъ Наполеономъ. Какъ страшно должно было страдать самолюбіе!

Много было сдѣлано для Пруссіи; чувствовалась нравственная необходимость сдѣлать это, потому что было обязательство, Пруссія была отклонена отъ отдѣльнаго мира съ Франціею въ концѣ 1806 года и потомъ послѣ Эйлау. Въ Россіи люди, нѣкогда самые близкіе, не принимая во вниманіе нравственныхъ отношеній, упрекали за пожертвованія чуждымъ интересамъ; но, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи были довольны? Нисколько. Александръ дѣлалъ пожертвованія, доказывая, что на него можно положиться, что онъ не измѣняетъ своимъ союзникамъ, не забываетъ своихъ обязательствъ: но въ Пруссіи именно Александръ объявленъ былъ человѣкомъ, неспособнымъ выдерживать, человѣкомъ, бросающимъ своихъ союзниковъ въ бѣдѣ, на котораго, поэтому, полагаться нельзя. И этотъ обвинительный голосъ послышался изъ устъ человѣка, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Александра, который ему былъ обязанъ настоящимъ своимъ положеніемъ, Гарденберга. Онъ сталъ толковать, что Александръ былъ обойденъ Наполеономъ при тильзитскихъ свиданіяхъ; Александру не слѣдовало здѣсь вступать въ борьбу при такомъ неравномъ оружіи: Наполеонъ далеко превосходилъ его опытностію, лживостію и энергіею, да еще опирался на хитраго Талейрана; тогда какъ отъ Александра онъ отстранилъ всѣхъ помощниковъ, говоря: «Государь! я буду вашимъ секретаремъ, а вы—моимъ». Гарденбергъ рѣшился говорить, что помощь, оказанная Пруссіи Александромъ при тильзитскихъ переговорахъ, была не сильнѣе помощи, оказанной оружіемъ. Наконецъ, Гарденбергъ рѣшился сказать королю, что, при всемъ его злополучіи, считаетъ его счастливѣе Александра, у котораго Наполеонъ умѣлъ отнять честь. Раздраженіе Гарденберга объясняется общимъ раздраженіемъ въ Пруссіи. Какъ во время войны надѣялись, что съ приходомъ русскихъ—сейчасъ же побѣда, изгнаніе французовъ и выгодный миръ, и когда надежда не исполнялась, начали кричать противъ русскихъ; такъ и теперь, при мирныхъ переговорахъ, надѣялись, что императоръ Александръ выговоритъ для Пруссіи самыя выгодныя условія, и когда условія не понравились, начался крикъ противъ Александра. До чего доходили несбыточныя надежды въ Пруссіи при открытіи мирныхъ переговоровъ, свидѣтельствуетъ прусскій проектъ мирнаго договора. Гарденбергъ вообразилъ себя Фридрихомъ II-мъ,—и не Фридрихомъ II-мъ послѣ куннерсдорфскаго пораженія, когда великій король, въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, что̀ было бы сходно съ положеніемъ послѣ Фридланда,—но Фридрихомъ II-мъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го

вѣка, когда онъ, благодаря счастливому выходу изъ Семилѣтней войны, имѣлъ громадный авторитетъ, громадное вліяніе на дѣла Европы. Фридрихъ II-й въ это время воспользовался благопріятными обстоятельствами, нежеланіемъ Россіи вести двойную войну съ Турціею и Австріею, уговорилъ Екатерину II-ю удовольствоваться самыми умѣренными пріобрѣтеніями отъ Турціи и вознаградить себя на счетъ Польши, причемъ и Австрія съ Пруссіею также получили вознагражденіе отъ Польши, неизвѣстно за что. Теперь Гарденбергъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, только наоборотъ: возстановить Польшу и раздѣлить Турцію—въ пользу Пруссіи, и хотѣлъ онъ это сдѣлать послѣ страшнаго погрома, который потерпѣла Пруссія, послѣ того, какъ почти всѣ ея владѣнія были заняты непріятелемъ, слѣдовательно, хотѣлъ стать гораздо выше Фридриха II-го. Планъ состоялъ въ томъ, что Пруссія уступала свои польскія владѣнія (кромѣ департаментовъ познанскаго, данцигскаго и торнскаго) для возстановленія Польши, которая отдавалась королю саксонскому, а Саксонія съ Лужичами отходила къ Пруссіи. Послѣдняя уступала Франціи Вестфалію, но за то брала себѣ земли по сѣверному берегу Майна, также города Любекъ и Гамбургъ; сверхъ того, пріобрѣтала верховную власть надъ мекленбургскими и саксонскими герцогствами и другими мелкими владѣніями сѣверной Германіи. Хотѣли, такимъ образомъ, сдѣлать неслыханное чудо: государство, потерпѣвшее страшное пораженіе, завоеванное и несдѣлавшее ничего для своего возстановленія, выходило изъ борьбы болѣе сильнымъ и округленнымъ, чѣмъ было прежде; хотѣли сдѣлать, чтобъ извѣстныя слова: «горе побѣжденнымъ!» смѣнились словами: «счастье побѣжденнымъ!» Но чтобы Франція, Россія и Австрія не очень удивлялись этому чуду (другой причины не видно), Гарденбергъ предлагалъ имъ заняться войною съ Турціею, послѣ которой онѣ получали право раздѣлить между собою европейскія владѣнія Порты такимъ образомъ: Россія получала Молдавію, Валахію, Бессарабію, Болгарію, Румелію, съ крѣпостями на азіатскомъ берегу; Австрія—Далмацію, Боснію, Сербію; Франція—Ѳессалію, Ливадію, Негропонтъ, Морею, Кандію и острова Архипелага; въ Турціи же получали долю: король Фердинандъ неаполитанскій получалъ Албанію и семь іоническихъ острововъ, взамѣнъ Сициліи, отходившей къ Іосифу Бонапарту; король сардинскій получалъ Македонію. Понятно, что если таковы были надежды, то каково же было раздраженіе, когда узнали тильзитскія условія относительно Пруссіи, съ прибавкою, что ей возвращаются извѣстныя земли только въ угоду русскому государю.

Александръ, заключая миръ и союзъ въ Тильзитѣ, имѣлъ

въ виду польскій и восточный вопросы; но Наполеонъ очень хорошо понималъ, что эти вопросы могутъ повести очень рано, раньше, чѣмъ ему было нужно, къ новымъ столкновеніямъ и борьбѣ между Россіею и Франціею; ему хотѣлось отвлечь вниманіе русскаго государя на другую сторону, съ юга и запада на сѣверъ, въ мѣстность поближе къ его столицѣ, чѣмъ Молдавія и Валахія. Всего выгоднѣе было бы для Наполеона, если бы у Россіи началась война съ Швеціею: Россія можетъ легко занять Финляндію; но Швеціи трудно будетъ согласиться уступить ее; война затянется, англичане будутъ поддерживать шведовъ, и Александру не будетъ времени думать ни о туркахъ, ни о полякахъ, ни о комъ-либо другомъ. Какъ знаменитый гастрономъ умѣетъ указать неопытному въ чревоугодіи собесѣднику лакомый кусокъ, такъ мастеръ въ дѣлѣ захвата чужихъ областей, Наполеонъ, указывалъ въ Тильзитѣ Александру на необходимость взять Финляндію у Швеціи: «Шведскій король,—говорилъ онъ,—въ какихъ бы отношеніяхъ случайно къ вамъ ни находился, постоянно онъ вашъ непріятель географическій. Петербургъ слишкомъ близко къ шведской границѣ; петербургскія красавицы не должны больше изъ домовъ своихъ слышать грома шведскихъ пушекъ». Этими словами Наполеонъ намекалъ на послѣднюю шведскую войну при Екатеринѣ II-й.

Мы видимъ, что для Наполеона важенъ былъ не миръ съ Россіею только, но главнымъ образомъ союзъ, уничтоженіе возможности коалиціи, отнятіе у Англіи надежды на возможность бороться съ Франціею на континентѣ посредствомъ Россіи, этимъ Англія принуждалась заключить съ Франціею выгодный для послѣдней миръ; если же мира не будетъ, то Россія, по тильзитскому договору, изъ союзницы станетъ врагомъ Англіи. Эта вражда была необходима Наполеону для приведенія въ исполненіе его такъ-называемой континентальной системы, имѣвшей цѣлію уничтожить сбытъ англійскихъ товаровъ въ Европѣ; чтобъ это уничтоженіе было повсемѣстнымъ, въ Тильзитѣ было выговорено: если Англія не согласится на миръ, то Россія и Франція приглашаютъ Данію, Швецію и Португалію запереть для англійскихъ кораблей свои гавани и объявить Англіи войну; если же которая-нибудь изъ этихъ державъ не приметъ приглашенія, то Россія и Франція объявятъ ей войну; если окажетъ упорство Швеція, то онѣ заставятъ Данію воевать съ нею. Александръ принялъ на себя посредничество для примиренія Франціи съ Англіей; какъ основное условіе мира, Наполеонъ постановилъ, чтобъ Англія возвратила всѣ захваченныя ею колоніи, французскія, испанскія и голландскія, за что со стороны Франціи будетъ возвращенъ ей

Ганноверъ; Александръ выговорилъ длинный срокъ для прекращенія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіею, если послѣдняя не согласится на миръ; этотъ срокъ былъ 1-е декабря. При заключеніи тильзитскаго мира русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ былъ Алопеусъ 1-й, знакомый намъ по Берлину. Въ это время виги, которые своею медленностію въ поданіи помощи такъ содѣйствовали тильзитскому миру, не управляли болѣе дѣлами страны, ихъ смѣнило торійское министерство Касльри, Персиваля и Каннинга. Когда Алопеусъ объявилъ Каннингу о заключеніи тильзитскаго мира съ объясненіемъ причинъ, заставившихъ русскаго государя заключить его: послѣ Эйлау императоръ всю зиму ждалъ, что Австрія и Англія примутъ дѣятельное участіе въ войнѣ, Англія обѣщала помощь и не сдержала своихъ обѣщаній,—то Каннингъ отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ: «я нисколько не буду возражать противъ справедливости вашихъ словъ; сдѣлайте одолженіе, прочтите нынѣшнія газеты, вы тамъ найдете мои слова, сказанныя въ палатѣ общинъ въ оправданіе дѣйствій Россіи и для указанія ошибокъ англійскаго кабинета». Но, выставляя съ удовольствіемъ ошибки предшествовавшаго кабинета, новое министерство рѣшило не повторять ихъ, а съ удвоенною энергіею продолжать борьбу съ Наполеономъ; для успѣха же этой борьбы необходимо было содѣйствіе Россіи. Въ Англіи очень хорошо знали, что тильзитскій миръ и союзъ очень непрочны, что союзъ Англіи съ Россіею, коренившійся на основныхъ условіяхъ времени, былъ гораздо прочнѣе, и потому, несмотря на то, что посредничество Россіи не повело ни къ чему и послѣдовалъ разрывъ между старыми союзниками, вражда Англіи къ Россіи, по своей дѣйствительной цѣнѣ, вполнѣ соотвѣтствовала дружбѣ Россіи съ Франціею. Но отношенія Россіи къ Англіи были тильзитскимъ договоромъ тѣсно связаны съ отношеніями къ Швеціи. Императоръ Александръ, зная хорошо мнѣніе и правительственныхъ лицъ въ Швеціи и, можно сказать, всего народа, имѣлъ основаніе думать, что Швеція не станетъ воевать съ Россіею и будетъ слѣдовать одной съ нею политикѣ; конечно, надобно было взять въ разсчетъ характеръ короля, который могъ поступить по-своему; но тутъ разсчетъ былъ труденъ, ибо нельзя было никакъ угадать, на чемъ вдругъ остановится Густавъ IV. Онъ остановился на томъ, что остался въ союзѣ съ Англіею и продолжалъ одинъ войну съ Франціею, которой войска вытѣснили его изъ Помераніи; несмотря на то, Густавъ продолжалъ прежнюю систему, накликая этимъ на себя русскую войну. Такимъ положеніемъ дѣлъ воспользовались англичане. Въ то время, какъ между лучшими людьми,

не привыкшими преклоняться предъ силою и во всемъ ее оправдывать, раздавались крики негодованія противъ захватовъ Наполеона, англичанамъ захотѣлось услужить континентальному хищнику, показавши, что на морѣ есть сила, которая ему не уступитъ и даже еще превзойдетъ его. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1807 года сильный англійскій флотъ явился у береговъ Даніи и потребовалъ у ея правительства заключенія союза съ Англіею, выдачи всего флота и введенія англійскихъ гарнизоновъ въ важнѣйшія мѣста. «Слабый долженъ уступать сильному», отвѣчали англичане на возраженія датчанъ, и когда послѣдніе отказались исполнить ихъ требованія, то «сильные» начали бомбардировать Копенгагенъ, сожгли половину города, истребивъ 2000 человѣкъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, и взяли флотъ и морской арсеналъ. Но Наполеонъ не хотѣлъ позволить, чтобъ англичане соперничали съ нимъ, изумляя міръ подобными поступками; онъ нашелъ средство заставить забыть копенгагенское происшествіе: онъ задумалъ покореніе Пиренейскаго полуострова, сверженіе бурбонской династіи съ испанскаго престола и замѣну ея династіею бонапартовскою.

Своею уступчивостію, готовностію къ союзу съ сильною сосѣдкою, испанскіе Бурбоны уживались до сихъ поръ въ мирѣ и съ республиканскою, и съ императорскою Франціею. Но понятно, что не уступчивость Испаніи, не союзъ съ нею удерживали Наполеона отъ захвата. По своей природѣ, по своему положенію и по своимъ замысламъ, которымъ судьба такъ благопріятствовала до сихъ поръ, онъ не могъ спокойно смотрѣть на независимость государствъ Пиренейскаго полуострова. Если Людовикъ XIV говорилъ: «нѣтъ болѣе Пиренеевъ», то Наполеонъ долженъ былъ считать Испанію и Португалію необходимымъ дополненіемъ созидаемой имъ имперіи; Бурбоны изгнаны изъ Франціи, изъ Неаполя: съ какой стати оставаться имъ въ Испаніи? Чтó такое будетъ западная имперія безъ Пиренейскаго полуострова? Наполеонъ могъ допустить существованіе Пруссіи, даже ея усиленіе, еслибъ она не мѣшала ему, находилась въ постоянномъ, тѣсномъ союзѣ съ Франціею, еслибъ не колебалась между нею и Россіею; могъ легко допустить существованіе Австріи, еслибъ не историческое соперничество по поводу Италіи; но Испанія была ему такъ же нужна, какъ Италія, и только постоянное отвлеченіе на востокъ, вражда съ Россіею, составительницею коалицій, препятствовала ему заняться Пиренейскимъ полуостровомъ. Но какъ только борьба съ Россіею превращалась союзнымъ договоромъ, какъ скоро чрезъ это Наполеонъ пріобрѣталъ безопасность на востокѣ, сейчасъ же онъ обращался къ Испаніи. Тильзитъ и переворотъ въ Испаніи

связаны между собою какъ причина съ слѣдствіемъ. Ожесточенная борьба съ Англіею, стремленіе Наполеона нанести неуловимой противницѣ чувствительный ударъ, стремленіе прекратить повсюду англійскую торговлю, также имѣли близкую связь съ замыслами противъ Испаніи. Португалія, разобщенная отъ Франціи Испаніею, находилась въ торговой и промышленной зависимости отъ Англіи. Заставить Португалію выдти изъ этой зависимости можно было только посредствомъ Испаніи, что̀ было неудобно, затруднительно; да и относительно самой Испаніи, при слабости ея правительства, не было увѣренности, что мѣры Наполеона будутъ приводиться въ исполненіе. Присоединеніе Пиренейскаго полуострова къ французской имперіи дѣлало Средиземное море французскимъ озеромъ, исключало изъ него Англію; легкое покореніе береговъ сѣверной Африки было необходимымъ слѣдствіемъ, послѣ чего рѣшался вопросъ восточный, ибо владѣть міромъ было нельзя, не владѣя Константинополемъ, по мнѣнію Наполеона. Какъ долженъ былъ рѣшиться восточный вопросъ, низложеніемъ Россіи или какою-нибудь сдѣлкою съ нею, это было дѣломъ будущаго.

Но, начавъ испанское дѣло завоеваніемъ Португаліи, изгнаніемъ ея королевскаго дома въ Бразилію, приготовляя войска для наводненія ими Испаніи, обдумывая предлогъ къ ссорѣ, Наполеонъ не могъ не оглядываться на Россію, что̀ тамъ дѣлается, оставитъ ли его новый союзникъ спокойно управиться на Пиренейскомъ полуостровѣ. Наполеону чрезвычайно хотѣлось, чтобъ русскій государь немедленно бросился на Швецію и затянулся въ долгую войну съ нею; Наполеонъ старался поставить императора Александра въ такое же затруднительное положеніе на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ какое потомъ самъ попалъ на Пиренейскомъ! Но къ нему пришли тревожныя вѣсти, что Александръ медлитъ войною съ Швеціею, ведетъ съ нею переговоры, а вмѣсто того занимается восточнымъ вопросомъ, что̀ было всего хуже для Наполеона. Ему хотѣлось, чтобъ Россія не затрогивала преждевременно восточнаго вопроса, заключила перемиріе съ турками, очистивъ Молдавію и Валахію, и воевала съ Швеціею, а тамъ, когда Наполеонъ управится въ Испаніи,—другое дѣло, тогда онъ начнетъ управляться съ Турціею. Но понятно, что Александръ долженъ былъ спѣшить приготовить для Россіи успѣшное рѣшеніе восточнаго вопроса, прежде всего занять выгодную, необходимую позицію, т.-е. пріобрѣсть Молдавію и Валахію и поддержать сербское движеніе, которое шло подъ знаменемъ Георгія Чернаго. Для разузнанія, что̀ дѣлается въ Россіи, какъ ведетъ себя новый союзникъ, Наполеонъ послалъ въ

Петербургъ одного изъ самыхъ довѣренныхъ людей, генерала Савари, который нашелъ тамъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Мы видѣли, что Будбергъ, смѣнившій Чарторыйскаго, уже этимъ самымъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ врага. Чарторыйскій не переставалъ осаждать императора Александра требованіями смѣны Будберга и военнаго министра Вязмитинова, который также ему не нравился. Любопытенъ письменный отвѣтъ ему императора: «выставивъ бѣдствія, грозящія Россіи, вы предлагаете для избавленія отъ нихъ: 1) чтобъ я объявилъ себя королемъ польскимъ; 2) смѣнилъ министровъ—военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Было бы долго входить въ разсужденія по первой статьѣ, что́ же касается второй, то объявляю, что доволенъ службою обоихъ министровъ; кромѣ того, я не вижу никого, кто бы могъ ихъ замѣнить. Не генералъ ли Сухтеленъ? Говорю громко, что не нахожу въ немъ способностей, нужныхъ для военнаго министра, и предпочитаю Вязмитинова. Точно также я не вижу никого для иностранныхъ дѣлъ. Хотите Панинымъ, Морковыхъ [1])? Надобно, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ которыми работаю; только при этомъ условіи я могу имъ довѣрять. Крики меня мало безпокоятъ, они обыкновенно бываютъ порожденіемъ духа партіи». Но тильзитскій миръ необходимо долженъ былъ вести къ перемѣнѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Будбергъ былъ отъявленный врагъ Наполеона, который, не рѣшаясь прямо потребовать у Александра смѣны министра, какъ потребовалъ у Фридриха-Вильгельма смѣны Гарденберга, однако позволялъ себѣ въ Тильзитѣ выходки противъ Будберга. Не Будбергъ велъ переговоры, не онъ подписался подъ договоромъ. При видимой перемѣнѣ системы нельзя было ему оставаться министромъ, и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, который всегда былъ противъ вражды съ Франціею. Но противники вражды съ Наполеономъ ставили на видъ, что борьба ведется на основаніи общихъ началъ, изъ-за чужихъ интересовъ, причемъ пренебрегаются интересы собственные, которые соблюдутся лучше при соглашеніи съ императоромъ французовъ. Поэтому Румянцеву было необходимо доказать справедливость такого взгляда пріобрѣтеніемъ дѣйствительныхъ выгодъ отъ союза съ Наполеономъ, прежде всего, разумѣется, выгоднымъ рѣшеніемъ турецкаго дѣла, пріобрѣтеніемъ дунайскихъ княжествъ, не говоря уже о томъ, что въ глазахъ своего государя новый министръ могъ выказать

---

[1]) Этими именами Александръ колетъ Чарторыйскаго, который ненавидѣлъ Панина за привязанность къ Пруссіи, а Моркова—за дѣятельное участіе въ послѣднихъ екатерининскихъ распоряженіяхъ насчетъ Польши.

свои способности въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, ведя это дѣло вполнѣ согласно съ видами и желаніями императора. Вотъ почему со стороны министра, слывшаго приверженцемъ французскаго союза, Савари услыхалъ слова, непріятнѣе которыхъ не могъ бы ему сказать никакой Будбергъ. «Единственная красивая сторона союза съ вами,—говорилъ ему Румянцевъ,—которую мы можемъ представить народу, состоитъ въ пріобрѣтеніи Молдавіи и Валахіи, а вы хотите отнять у насъ эту возможность. Что мы будемъ отвѣчать, когда насъ спросятъ, зачѣмъ мы не стояли за нихъ крѣпко, и какъ позволили лишить себя этой выгоды, когда мы терпимъ такія потери въ войнѣ съ Англіею? Не говорите о Европѣ, Европа ничего не скажетъ. Что такое Европа, гдѣ она?—вся Европа въ насъ съ вами». Савари донесъ Наполеону, что въ Петербургѣ дѣло нехорошо, сильное неудовольствіе противъ французскаго союза въ обществѣ, сильное желаніе удержать дунайскія княжества въ правительствѣ. А между тѣмъ испанское дѣло уже началось, надобно было его кончить. Наполеонъ рѣшилъ послать льстивое письмо Александру, какъ ребенку отвести глаза, показавши вдали блестящую игрушку, убѣдить завязаться въ шведскую войну, наконецъ, предложить личное свиданіе, чтобъ до тѣхъ поръ было остановлено движеніе на Дунаѣ. Чѣмъ сильнѣе желалъ онъ самъ поскорѣе покончить дѣло на Пиренейскомъ полуостровѣ, тѣмъ сильнѣе желалъ, чтобъ Александръ не начиналъ дѣла на Балканскомъ.

2-го февраля (н. ст.) 1808 года Наполеонъ написалъ Александру: «Генералъ Савари только-что пріѣхалъ. Я провелъ съ нимъ цѣлые часы, чтобъ наговориться о вашемъ величествѣ. Все, что онъ ни говорилъ, доставляло мнѣ сердечное удовольствіе, и я ни на минуту не хочу откладывать изъявленія благодарности за всѣ милости, вами ему оказанныя. Ваше величество прочли рѣчи, говоренныя въ англійскомъ парламентѣ, и рѣшеніе продолжать войну до послѣдней крайности. Только посредствомъ великихъ и обширныхъ средствъ можемъ мы достигнуть мира и утвердить нашу систему. Увеличивайте и усиливайте вашу армію. Вы получите отъ меня всю помощь, какую я только въ состояніи вамъ дать. У меня нѣтъ никакого чувства зависти къ Россіи; напротивъ, я желаю ея славы, благоденствія, распространенія. Вашему величеству угодно ли выслушать совѣтъ отъ человѣка, преданнаго вамъ нѣжно и искренно. Вамъ нужно удалить шведовъ отъ своей столицы; вы должны съ этой стороны распространить свои границы какъ можно дальше. Я готовъ помочь вамъ въ этомъ всѣми моими средствами. Армія въ 50,000 чел., франко-русская, быть можетъ, нѣсколько австрійская, которая напра-

вится чрезъ Константинополь въ Азію, не дойдетъ еще до Евфрата, какъ Англія затрепещетъ и бросится на колѣни предъ континентомъ. Я твердо стою въ Далмаціи, ваше величество— на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы уговоримся, армія можетъ быть на Босфорѣ. Ударъ отзовется въ Индіи, и Англія будетъ покорна. Я не отказываюсь ни отъ какихъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія столь великой цѣли. Взаимный интересъ нашихъ государствъ долженъ быть обсужденъ и уравновѣшенъ. Но это можетъ быть сдѣлано только при личномъ свиданіи, или послѣ зрѣлыхъ обсужденій между Румянцевымъ и Коленкуромъ [1]) и присылки сюда человѣка, который былъ бы крѣпокъ въ системѣ [2]). Толстой [3]) хорошій человѣкъ, но наполненъ предразсудками, недовѣріемъ къ Франціи и вовсе не въ уровень съ высотою тильвитскихъ событій и новаго положенія, въ которое поставила вселенную наша тѣсная дружба съ вами. Все можетъ быть рѣшено и подписано прежде 15-го марта. Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, и, въ то же время, войско вашего величества можетъ быть въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, прогнанные изъ Леванта, будутъ подавлены подъ тяжестью событій, которыми будетъ заряжена атмосфера. Ваше величество и я предпочли бы сладость мира, возможность проводить свою жизнь среди своихъ обширныхъ имперій, оживлять ихъ, доставлять имъ благоденствіе посредствомъ искусствъ и благодѣяній администраціи. Всеобщіе враги этого не хотятъ. Надо быть противъ воли болѣе великими. Мудрость и политика требуютъ исполнять требованія судьбы,— идти туда, куда влечетъ неодолимый ходъ событій. Тогда тучи пигмеевъ, которые не хотятъ видѣть, что настоящія событія таковы, какимъ подобныхъ надобно искать въ исторіи, а не въ газетахъ послѣдняго столѣтія, преклонятся, послѣдуютъ движенію, данному вашимъ величествомъ и мною, и русскій народъ будетъ доволенъ славою, богатствомъ и счастьемъ, которыя будутъ слѣдствіемъ этихъ великихъ событій. Тильзитское дѣло направитъ судьбы міра».

Александръ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ: «Письмо вашего величества перенесло меня во времена Тильзита, воспоминаніе о которыхъ останется для меня всегда драгоцѣннымъ. Виды вашего величества являются мнѣ одинаково великими и справедливыми.

---

[1]) Французскимъ посломъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ на постоянное пребываніе, тогда какъ Савари пріѣзжалъ только временно.

[2]) То-есть въ системѣ франко-русскаго союза.

[3]) Графъ Петръ Александровичъ, русскій посолъ во Франціи, отправленный послѣ Тильзита.

Такому высшему генію, какъ вашъ, предоставлено создать такой обширный планъ,—вашему же генію предоставлено и руководить его исполненіемъ». Александръ писалъ, что передалъ Коленкуру русскія требованія; если Наполеонъ согласится на ихъ исполненіе, то Александръ предлагаетъ армію для индійскаго похода и другую для Малой-Азіи,—также флотъ. Если идеи Александра сходятся съ идеями Наполеона, то первый согласенъ на личное свиданіе, для котораго избираетъ городъ Эрфуртъ: «Я уже заранѣе готовлю себѣ праздникъ изъ этого свиданія,—писалъ Александръ:—я смотрю на это время, какъ на самое прекрасное въ моей жизни». Что касается Швеціи, то Александръ извѣщалъ, что русскія войска уже занимаютъ всѣ значительныя мѣста въ Финляндіи, идутъ на Або, бомбардируютъ Свеаборгъ.

Пересылая нѣжный отвѣтъ на нѣжное письмо, Александръ очень хорошо зналъ, что искренній союзникъ вовсе не думаетъ о походѣ въ Индію, а замышляетъ что-то другое, о чемъ тщательно скрываетъ отъ своего друга. Но долго скрывать испанскихъ замысловъ было нельзя. До сихъ поръ ни одинъ русскій посланникъ не былъ по-душѣ Наполеону [1]); графъ Толстой раздѣлялъ участь своихъ предшественниковъ, Колычова и Моркова; Наполеонъ прямо требуетъ его отозванія, выставляя его человѣкомъ нерасположеннымъ къ Франціи, требуетъ присылки человѣка, который слѣдовалъ бы противоположной системѣ, тильзитской системѣ. Чтобъ познакомиться съ человѣкомъ и узнать причины, почему Толстой такъ не понравился Наполеону, послушаемъ разговоръ, который происходилъ у императора французовъ съ русскимъ посланникомъ 24-го января (5-го февраля) 1808 года.—*Толстой:* Въ Тильзитѣ не было помина о томъ, чтобъ связать турецкое дѣло съ прусскимъ; мы готовы помочь вамъ добыть себѣ часть турецкой имперіи; но въ Тильзитѣ не говорилось, что за пріобрѣтенное Россіею въ Турціи Франція получаетъ себѣ вознагражденіе на-счетъ Пруссіи.—*Наполеонъ:* Трудно, невозможно теперь осуществить виды на турецкую имперію; я хочу взять Кандію и Морею; но препятствія со стороны англичанъ, которые овладѣютъ Архипелагомъ; я не знаю, кáкъ удержусь и на Іоническихъ островахъ. Дать вамъ Молдавію и Валахію—значитъ слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами, которые вамъ преданы, съ черногорцами, греками,—вашими единовѣрцами и любящими васъ.—*Толстой:* Все это не причина для вашего величества искать вознагражденія въ Пруссіи, которая одна отдѣляетъ насъ

---

[1]) Мы не считаемъ Убри, который не былъ посланникомъ.

отъ Франціи, и замедлять ея очищеніе; притомъ Россія не можетъ не безпокоиться, видя, что ваше величество набираете 80,000 войска, когда у васъ его уже 800,000; противъ кого это, если вы въ союзѣ съ Россіею? Савари и Коленкуръ донесутъ вашему величеству, что вы можете вполнѣ положиться на нашего императора.—*Наполеонъ:* Чтобъ сдѣлать угодное императору Александру, я исполняю все относительно Турціи; я не могу не одобрить его желанія имѣть дунайскія княжества, потому что они сдѣлаютъ его господиномъ Чернаго моря; но если вы хотите, чтобъ я вамъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ, то справедливость требуетъ, чтобъ вы пожертвовали мнѣ своимъ, и не противились тому, чтобъ я взялъ у Пруссіи Силезію, тѣмъ болѣе, что она далеко отъ вашихъ границъ. Силезію я хочу взять ни себѣ, ни отдать своему родственнику: отдамъ ее такому государству, которое мнѣ будетъ благодарно, и ослаблю Пруссію, которой я сдѣлалъ столько зла, что уже разсчитывать болѣе на нее не могу. Я свято исполню тильзитскій договоръ, если вы согласитесь очистить турецкія владѣнія, или согласитесь на какую-нибудь сдѣлку. Я вамъ доказалъ, что у васъ нѣтъ логики.—*Толстой:* Я не могу убѣдиться словами вашего величества, и привыкъ судить не по словамъ, а по дѣламъ.—Тутъ Наполеонъ взялъ обѣими руками свою шляпу, бросилъ ее на полъ и сказалъ: «Слушайте, г. Толстой! не императоръ французовъ говоритъ съ вами, а простой дивизіонный генералъ говоритъ съ другимъ дивизіоннымъ генераломъ: пусть буду я послѣднимъ изъ людей, если не исполню самымъ добросовѣстнымъ образомъ тильзитскаго договора, если я не очищу отъ своихъ войскъ Пруссіи и герцогства варшавскаго, но тогда только, когда вы очистите Молдавію и Валахію. Впрочемъ, въ годъ все уладится между Россіею и Франціею».—*Толстой:* Срокъ очень дологъ!—*Наполеонъ:* Я считаю отъ тильзитскаго мира,—значитъ, въ шесть мѣсяцевъ. Видно, что вы не дипломатъ: вы хотите, чтобъ дѣло шло какъ войско—галопомъ. Такія важныя дѣла, какимъ подобныхъ никогда не бывало въ Европѣ, должны хорошенько созрѣть; но у васъ, кажется, своя система и отличная отъ системы вашего двора; вы принадлежите къ партіи анти-французской и отсюда въ васъ недовѣрчивость.—*Толстой:* Эти упреки въ принадлежности къ партіи меня оскорбляютъ; я русскій—и только! не принадлежу ни къ англійской, ни къ французской партіямъ.—Наполеонъ кончилъ разговоръ словами: «Я еще вамъ не говорю, что я не очищу Пруссіи, если даже вы сдѣлаете Дунай своею границею».

Уже и прежде Наполеонъ говорилъ Толстому, что Россія

можетъ добыть себѣ земли отъ Швеціи, а 5-го февраля объявилъ ему рѣшительно, что онъ согласится на то, чтобъ Россія пріобрѣла себѣ всю Швецію, не исключая и Стокгольма. Тутъ же онъ объявилъ Толстому въ первый разъ, что готовитъ войско — противъ Африки! Объявилъ, что хочетъ основать военныя колоніи по берегамъ этой части свѣта до самаго Египта, хочетъ запереть Средиземное море для англичанъ и вознаградить нѣкоторымъ образомъ свой народъ за потери торговыя и колоніальныя; объявилъ, что разрушеніе Варварійскихъ владѣній входитъ также въ его планы. На всѣ рѣчи Наполеона относительно дунайскихъ княжествъ, Силезіи, Швеціи съ русской стороны былъ отвѣтъ, что императоръ Александръ не можетъ допустить никакого отношенія между Портою и Пруссіею: тильзитскій договоръ дѣйствительно налагалъ обязанность на Россію вывести войска изъ княжествъ; но въ конференціяхъ между двумя императорами Наполеонъ согласился на словахъ, чтобъ русскія войска остались въ княжествахъ, и обѣщалъ не препятствовать тому, чтобы, при заключеніи мира, Молдавія и Валахія были присоединены къ Россіи; что Франція не исполнила своихъ обязательствъ, не очищая до сихъ поръ Пруссіи; но Россія исполнила свои, объявивъ войну Англіи и Швеціи.

Наполеонъ говорилъ Толстому о своихъ замыслахъ противъ Африки, чтобъ до послѣдней минуты скрыть движенія противъ Испаніи. Но долго скрывать было нельзя, и Наполеонъ не вполнѣ спокойно отправлялъ свои отряды, одинъ за другимъ, въ Испанію: какъ взглянутъ на испанское дѣло въ Петербургѣ, останутся ли равнодушны къ Пиренейскому полуострову, согласятся ли взять себѣ Скандинавскій, — или захотятъ воспользоваться отвлеченіемъ французскаго войска въ Испанію, чтобъ уладить свои дѣла на Балканскомъ? На всякій случай Наполеонъ велѣлъ спросить у Себастіани въ Константинополѣ: «Если русскіе захотятъ удержать Молдавію и Валахію, то Порта намѣрена ли вести войну противъ Россіи вмѣстѣ съ Франціею? Какія у нея военныя средства?» Но, прежде всего, нужно было покончить съ Испаніею. Чтобъ кончить скорѣе, надобно было, разумѣется, двинуть какъ можно болѣе войска. Двинуто было 80,000, но и этого Наполеону казалось мало. Передъ Толстымъ онъ прикрывалъ движеніе войскъ замыслами противъ Африки; оффиціально они были прикрыты необходимостью защитить полуостровъ отъ предполагаемой высадки англичанъ у Кадикса. Что же испанское правительство? Оно было въ такомъ положеніи, что привлекало хищника запахомъ трупа. Съ крайнею слабостью соединялся страшный скандалъ: король Карлъ IV былъ тѣнью госу-

даря на престолѣ, и въ челѣ управленія стоялъ фаворитъ королевы Годой, извѣстный подъ именемъ князя Мира, человѣкъ нисколько не похожій на Ришельё или Мазарини; при такихъ отношеніяхъ, любовь народа, естественно, обращалась къ наслѣднику престола, принцу астурійскому Фердинанду, который былъ во враждѣ съ Годоемъ, слѣдовательно, съ матерью и отцомъ, ибо король смотрѣлъ на все глазами королевы. Фердинандъ пишетъ Наполеону письмо, представляетъ свое тяжкое положеніе, умоляетъ героя, затмѣвающаго всѣхъ героевъ предшествовавшихъ, оказать ему отеческое покровительство и выдать за него одну изъ принцессъ императорской французской фамиліи. Но за Фердинандомъ наблюдали; всѣ бумаги его, между которыми оказались очень подозрительныя, были схвачены, самъ принцъ посаженъ подъ арестъ; король издаетъ къ народу манифестъ противъ своего наслѣдника, и въ то же время обращается къ своему другу, императору французовъ, открываетъ свое намѣреніе лишить виновнаго сына наслѣдства, проситъ помочь мудрымъ совѣтомъ. Потомъ узнали о сношеніяхъ Фердинанда съ Наполеономъ, испугались,—помирились, повидимому. Между тѣмъ французскія войска двигались къ Мадриту; областные правители, по королевскому повелѣнію, принимали ихъ самымъ дружественнымъ образомъ, а друзья, гдѣ только было можно, занимали крѣпости. Годоемъ овладѣлъ страхъ, вслѣдствіе чего страшно стало королевѣ и королю. Главнокомандующимъ французскою арміею былъ назначенъ зять Наполеона, Мюратъ, герцогъ клевебергскій. Но Мюратъ былъ недоволенъ своимъ маленькимъ нѣмецкимъ владѣніемъ и распалилъ себѣ воображеніе престоломъ Испаніи и Америки. Годой уговорилъ короля и королеву бѣжать въ Севилью; въ народѣ и войскѣ начинается волненіе, которое 17-го марта (н. с.) оканчивается возмущеніемъ противъ Годоя; король, чтобъ спасти его, отказывается отъ престола въ пользу сына; народъ съ восторгомъ привѣтствуетъ новаго короля, Фердинанда VII. Извѣстіе объ этомъ переворотѣ очень непріятно поразило Мюрата, уже подошедшаго къ Мадриту: свергнуть новаго короля, обожаемаго народомъ, и занять его мѣсто казалось не такъ легко, какъ справиться съ Карломъ IV. Но скоро искатель престоловъ ободрился, узнавши, что отрекшійся король обнаруживаетъ сильную ненависть къ сыну, приписывая послѣднему все свое несчастье. Мюратъ сдѣлалъ видъ, что отреченіе Карла IV было невольное, и потому не призналъ королемъ Фердинанда VII, а, между тѣмъ, пользуясь смутою, вступилъ въ Мадритъ съ войскомъ. Въ рѣшеніи не признавать Фердинанда Мюратъ вполнѣ сошелся съ Наполеономъ, который писалъ ему: «Пока новый ко-

роль не будетъ признанъ мною, вы должны дѣлать видъ, какъ-будто бы еще царствовалъ старый», и, въ то же самое время, написалъ брату своему, Людовику, королю голландскому: «Я рѣшилъ посадить французскаго принца на испанскій престолъ. Голландскій климатъ для васъ вреденъ. Если я васъ назначу испанскимъ королемъ, будете ли вы согласны?» Рѣшеніе Мюрата не признавать Фердинанда поставило въ затруднительное положеніе русскаго посланника въ Мадритѣ, барона Строганова. Онъ представился новому королю, за это Мюратъ сдѣлалъ ему выговоръ: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?» спросилъ его Мюратъ: «кто вамъ сказалъ, что отреченіе добровольное?» — «Самъ отрекшійся», отвѣчалъ Строгановъ. — «Вы должны были дождаться своихъ кредитивныхъ грамматъ», сказалъ на это Мюратъ. Строгановъ отвѣчалъ: — «Это нужно для моихъ оффиціальныхъ сношеній съ министрами королевскими; но я не могъ не исполнить моихъ обязанностей въ отношеніи къ королю, котораго права на корону неоспоримы».

Самъ Наполеонъ явился на испанскихъ границахъ; но онъ не хотѣлъ ѣхать въ Мадритъ улаживать дѣло; и старый и новый король были уговорены отправиться къ нему на встрѣчу въ пограничный французскій городъ Байону, и здѣсь дѣло было улажено: Фердинандъ былъ принужденъ возвратить престолъ отцу, и Карлъ IV отрекся отъ него опять — въ пользу Наполеона, которому уступилъ свои права и Фердинандъ, какъ наслѣдникъ испанскаго престола; королемъ въ Испанію былъ переведенъ Іосифъ Бонапартъ, изъ Неаполя, который достался Мюрату. Но при этомъ улаженіи испанскихъ дѣлъ Наполеонъ счелъ нужнымъ объясниться предъ тильзитскимъ союзникомъ; въ письмѣ изъ Байоны (отъ 8-го іюля н. с.), онъ писалъ императору Александру, что Испанія будетъ независимѣе отъ него, чѣмъ прежде. Онъ возстановитъ свои морскія силы. Всѣ въ Испаніи довольны перемѣною, кромѣ монаховъ, которые предвидятъ уничтоженіе злоупотребленій, и кромѣ агентовъ инквизиціи. Скажутъ, что все заранѣе придумано и возбуждено имъ, Наполеономъ? Но еслибъ онъ имѣлъ въ виду французскіе интересы, онъ завоевалъ бы что-нибудь въ Испаніи для Франціи, ибо узы родства не имѣютъ большого значенія въ политикѣ, и то уничтожается черезъ 20 лѣтъ. Филиппъ V воевалъ съ дѣдомъ Людовикомъ XIV. Легко понять, какое впечатлѣніе произведено было въ Петербургѣ байонскими событіями, и могло ли письмо Наполеона ослабить это впечатлѣніе. Отношенія испанскихъ Бурбоновъ къ старшей, французской линіи въ XVIII вѣкѣ не могли идти въ сравненіе, ибо извѣстно было, какъ Наполеонъ относился къ своимъ братьямъ и

родственникамъ, посаженнымъ на разные престолы. Въ самое время байонскихъ событій, голландскій король Людовикъ Бонапартъ говорилъ русскому посланнику при своемъ дворѣ, кн. Долгорукову: «Если Голландія должна погибнуть, то и я долженъ погибнуть съ нею. Братъ меня не слушаетъ, и только покровительство императора Александра можетъ спасти меня. Я вовсе не думалъ быть королемъ, когда брату захотѣлось сдѣлать меня имъ. Я согласился съ условіемъ, что мнѣ будутъ помогать. Я просилъ, чтобъ мнѣ отдали пять милліоновъ, взятыхъ въ долгъ у Голландіи, чтобъ съ перваго же раза не ожесточить самаго республиканскаго народа. Мнѣ не отвѣчали на мою просьбу, и вмѣсто помощи затрудняютъ всѣ мои дѣйствія. По возвращеніи въ Парижъ братъ мнѣ сказалъ, что сдѣлалъ дурно, не присоединивши Голландію къ Франціи. Хотите вы сдѣлать это теперь? спросилъ я его. — «Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—такъ какъ вы теперь тамъ, то сидите; но если вы умрете — другое дѣло». Вы видите изъ этихъ словъ, чего я долженъ ждать. Горько, будучи первымъ голландскимъ королемъ, быть въ то же время и послѣднимъ по испытаніи такихъ страданій и усилій безполезныхъ. Министры французскіе при моемъ дворѣ дѣлаютъ мнѣ постоянныя непріятности, мнѣ оказывается всякаго рода неуваженіе. Я хочу быть здѣсь популяренъ, говорю съ народомъ откровенно, а французскіе журналы все искажаютъ, передаютъ такія мои слова, какихъ я никогда не говорилъ. Здѣсь если человѣкъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ прежде, то онъ любитъ короля и монархію, а если хуже, то злится на короля и посылаетъ его къ чорту; здѣсь мнѣ кланяются съ видомъ покровительства, какъ будто говорятъ: я вамъ кланяюсь, потому что вами доволенъ. Голландія совершенно разорится отъ застоя торговли и закрытія гаваней вслѣдствіе англійской войны». Когда узнали, что Александръ и Наполеонъ должны имѣть свиданіе «для рѣшенія участи Европы», по выраженію короля Людовика, то послѣдній поручилъ Долгорукому просить императора Александра заступиться за Голландію, сохранить ей отдѣльное существованіе. Людовикъ не нашелъ тогда защиты, и немного спустя Голландія была присоединена къ Франціи.

Указаніе Людовика на отношенія голландцевъ къ королю и къ правительственнымъ формамъ объясняетъ взглядъ Наполеона на Испанію. Избалованный легкостію, съ какою принимались его распоряженія въ Италіи и Голландіи, Наполеонъ думалъ, что также легко будетъ принята династическая перемѣна и въ Испаніи: будутъ удовлетворены частные интересы наиболѣе крупныхъ лицъ, и станутъ новому королю кланяться, а шайки недовольныхъ можно перестрѣлять и тѣмъ задать спасительный, успокои-

вающій страхъ. Но императоръ французовъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Онъ не разсчиталъ, что въ Испаніи онъ будетъ впервые имѣть дѣло съ большимъ государствомъ. Говоря о сопротивленіи, которое встрѣтилъ Наполеонъ въ Испаніи, указываютъ преимущественно на областную особность въ этомъ государствѣ, слабость централизаціи и потому неважное, не-рѣшающее значеніе столицы при возникновеніи политическихъ вопросовъ, вслѣдствіе чего Мадритъ могъ подчиниться Іосифу Бонапарту, но области не слѣдовали его примѣру. Дѣйствительно, по природнымъ условіямъ своей государственной области, по малочисленности народонаселенія, ослаблявшагося выселеніемъ за океанъ, выселеніемъ не вслѣдствіе избытка въ числѣ жителей, а вслѣдствіе страсти къ приключеніямъ и легкой наживѣ, по застою, политическому малокровію, отсюда происшедшему, недостатку промышленнаго и торговаго развитія, — вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ не было живой циркуляціи въ государственномъ организмѣ, откуда и происходила особность областей, малая зависимость ихъ отъ столицы; но этимъ дѣло не объясняется. Надобно замѣтить, что значеніе столицъ поднимается не вслѣдствіе одной правительственной централизаціи, а вслѣдствіе сосредоточенія промышленной и торговой дѣятельности, вслѣдствіе сосредоточенія средствъ жизни не только матеріальныхъ, но—что важнѣе,—духовныхъ, вслѣдствіе сосредоточенія учрежденій, развивающихъ духовную жизнь народа, вслѣдствіе сосредоточенія талантовъ ученыхъ и художественныхъ, вслѣдствіе сильнаго движенія литературнаго. Только при этихъ условіяхъ столица имѣетъ могущественный авторитетъ, рѣшающій голосъ. Если же въ странѣ вообще нѣтъ сильнаго развитія, то столица не можетъ имѣть важнаго значенія только по одному административному сосредоточенію, а при смутѣ, происшедшей по причинамъ внутреннимъ или внѣшнимъ, это значеніе можетъ и совсѣмъ исчезнуть, правительственный центръ можетъ перенестись въ другое мѣсто. Испанія отъ наполеоновскаго погрома спаслась не особностію областей, а единствомъ, высшимъ государственнымъ и народнымъ единствомъ, которое было выработано для нея исторіею. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ Испанія была объединена, и это единство окрѣпло въ народномъ сознаніи и народномъ чувствѣ; отдѣльныя области бились противъ французовъ не для того, чтобъ каждой получить независимое, самостоятельное положеніе, онѣ бились за единую Испанію, за самостоятельность, независимость единой, цѣлой Испаніи, поруганной самымъ наглымъ нарушеніемъ народныхъ правъ. Другое дѣло, когда завоеватель покоритъ народъ и перемѣнитъ правительство; народъ уступаетъ свои права, видя

собственную несостоятельность при ихъ защитѣ, истощивъ всѣ средства въ борьбѣ; но тутъ неслыханнымъ образомъ чужая сила до покоренія распорядилась судьбою страны, перемѣнила правительство. Бóльшаго поруганія нельзя было нанести народу, и народъ поднялся, народъ, который долго спалъ вслѣдствіе означенныхъ причинъ, но въ своемъ снѣ сохранилъ всю свою энергію и чувство своей личности. Іосифъ Бонапартъ увидалъ, что Испанія не Неаполь. Когда въ Неаполѣ встрѣтилъ онъ сопротивленіе своей власти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и частяхъ народонаселенія, преданнаго изгнанному королевскому дому, то получилъ на этотъ счетъ такія внушенія отъ Наполеона: «Никогда не сдерживайся общественнымъ мнѣніемъ; разстрѣливай лазарони безъ милосердія; только спасительнымъ страхомъ можешь ты пріобрѣсть уваженіе итальянцевъ. Твое поведеніе нерѣшительно; солдаты и генералы должны жить въ изобиліи; любезностями не выигрывается народная привязанность; въ твоихъ прокламаціяхъ не довольно виденъ государь. Вижу съ удовольствіемъ, что возмутившаяся деревушка сожжена». Но Іосифъ скоро увидалъ, что эти правила непримѣнимы въ Испаніи; французскія войска не устояли противъ всеобщаго народнаго движенія,—Іосифъ долженъ былъ оставить Мадритъ и писалъ Наполеону: «Нужно было бы 100,000 постоянныхъ эшафотовъ для поддержанія государя, осужденнаго царствовать въ Испаніи».

Эта неожиданная неудача должна была заставить Наполеона напрячь всѣ свои силы, чтобъ смыть пятно съ французскаго войска, потерявшаго славу непобѣдимости, и задавить мятежъ, какъ онъ называлъ возстаніе испанцевъ, тѣмъ болѣе, что англичане, отличавшіеся до сихъ поръ такою медленностію и вялостію, когда дѣло шло о высадкѣ ихъ войска на помощь континентальнымъ державамъ, теперь признали ближайшій англійскій интересъ, когда Наполеонъ наложилъ свою руку на Пиренейскій полуостровъ, и выслали сюда войско. Но для того, чтобъ направить бóльшія силы въ Испанію, надобно было обезпечить себя на счетъ Востока, гдѣ была своего рода Испанія—Пруссія, которой было сдѣлано столько зла, что разсчитывать на ея доброе расположеніе было нельзя: корсиканецъ понималъ это очень хорошо; тамъ же была ненадежная Австрія, тамъ была Россія, къ движенію которой могли примкнуть и Пруссія, и Австрія. Правда, русскій императоръ былъ другъ и союзникъ; но онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ бы хотѣлось императору французовъ, добивался дунайскихъ княжествъ, но для нихъ не хотѣлъ покинуть Пруссіи, позволить отнять у нея Силезію. Надобно было, вслѣдствіе испанскихъ дѣлъ, заручиться, что Россія не двинется, и для этого,

дѣлать нечего, придется кое-что уступить ея государю; чтобъ уступокъ не было, или было ихъ какъ можно меньше, чтобъ было какъ можно больше обѣщаній, словъ и меньше дѣла, надобно было личное свиданіе, на чтó уже давно согласился Александръ. Въ сентябрѣ союзники свидѣлись въ Эрфуртѣ.

Наполеону пришлось уступить, и не на словахъ, а на бумагѣ. Начали съ того, что предположили мирные переговоры съ Англіею: основаніемъ договора съ нею было опредѣлено сохраненіе каждымъ того, чѣмъ владѣлъ (uti possidetis): такимъ образомъ Россія получала Финляндію, Молдавію и Валахію, дѣйствительно занятыя ея войсками; а Франція удерживала для Іосифа Бонапарта Испанію, которая не была занята французскими войсками, и потому не подходила подъ uti possidetis; но тѣмъ легче было на это согласиться со стороны Россіи. Русскій императоръ, занимая Молдавію и Валахію, долженъ былъ начать одинъ-на-одинъ переговоры съ султаномъ для пріобрѣтенія этихъ областей, безъ посредничества Франціи; если Турція откажется уступить княжества, то въ послѣдующей за это войнѣ Франція не приметъ участія; но если вмѣшается въ войну Австрія или какая-нибудь другая держава, то Франція помогаетъ Россіи; равно Россія помогаетъ Франціи, если Австрія объявитъ ей войну. Оба императора обязались поддерживать цѣлость всѣхъ другихъ областей турецкихъ.

Съ Наполеономъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ Талейранъ, который не былъ болѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ въ почетномъ удаленіи, не поладивъ съ Наполеономъ. Мы теперь должны ближе познакомиться съ этимъ лицомъ. Знатный господинъ и епископъ временъ старой монархіи, Талейранъ сбросилъ съ себя церковный санъ передъ силою революціоннаго движенія. «Только сумасшедшіе остаются въ домѣ, который горитъ», говаривалъ онъ. Талейранъ вó-время успѣлъ уйти отъ гильотины; вó-время возвратился въ отечество, когда революціонная горячка стала утихать. Почуявъ вó-время новую силу на очереди, онъ сталъ служить Наполеону, и Европа съ этимъ страшнымъ для нея именемъ привыкла соединять имя Талейрана, герцога беневентскаго: въ промежутки великихъ войнъ дипломатическая игра, сосредоточиваясь въ Парижѣ, шла съ необыкновенною силою; послѣ каждой кампаніи измѣнялась карта Европы, разстроивались старые союзы, приготовлялись новые, и понятно, какое значеніе имѣлъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ привыкъ онъ видѣть себя въ центрѣ громадной дѣятельности. Онъ привыкъ, чтобъ государи и народы заботливо и тоскливо смотрѣли на его портфель, заключавшій въ себѣ рѣшенія ихъ участи.

Авторитетъ неподражаемаго дипломатическаго дѣльца, блестящія манеры, французская представительность, французское умѣнье товаръ лицомъ продать, смѣлость, умѣнье не стѣсняться ничѣмъ, озадачивать, свободно, властительно, по-барски обращаться съ каждымъ вопросомъ, съ каждымъ явленіемъ,—все это давало Талейрану средства играть блестящую, видную роль и подлѣ Наполеона, не затмѣваться имъ. И вотъ эти два человѣка, которые такъ подходили другъ къ другу, разошлись...

Съ нѣкотораго времени Талейранъ началъ чувствовать, что въ великолѣпномъ домѣ, который строилъ Наполеонъ, стало пахнуть гарью: пожаръ! А домъ такъ хорошъ, удобенъ для самого Талейрана: нельзя ли принять мѣры противъ пожара? Мѣра одна — остановиться въ захватахъ и заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго для новой династіи и ея вѣрныхъ слугъ, созданіемъ политической системы извнѣ, основанной на прочныхъ союзахъ, прочныхъ и добровольныхъ, при равенствѣ интересовъ между союзниками, и внутренними распоряженіями, обезпечивающими новый порядокъ вещей для людей, которымъ онъ выгоденъ, и ведущими къ тому, чтобъ онъ былъ выгоденъ для большинства. Но при этомъ необходимое условіе — упроченіе новой династіи, а у Наполеона нѣтъ дѣтей, изъ братьевъ нѣтъ ни одного выдающагося своими способностями, да и какія у нихъ права? Слѣдовательно, необходимъ разводъ Наполеона съ Жозефиною Богарне и вступленіе въ новый бракъ. Наполеонъ долженъ развестись съ женой и перестать воевать — вотъ программа Талейрана и его сообщниковъ, между которыми на первомъ планѣ знаменитый министръ полиціи Фуше: Фуше также половилъ въ мутной водѣ рыбы, причемъ загрязнилъ руки, и поэтому мысль о прошломъ, о возможности его возстановленія была ему непріятна болѣе чѣмъ кому-либо другому. Наполеонъ долженъ развестись съ женою и перестать воевать! Разводъ былъ возможенъ, но на первый разъ попытка склонить къ нему Наполеона не удалась; прекратить войны, какъ мы уже видѣли, было рѣшительно невозможно, и Наполеонъ почетно удалилъ обоихъ, и Талейрана, и Фуше, изъ слишкомъ обширныхъ и важныхъ сферъ дѣятельности, увидѣвъ, что они думаютъ свое и дѣйствуютъ слишкомъ самостоятельно. Талейранъ увидалъ, что Наполеона или надобно пересилить, заставить дѣйствовать иначе, или низвергнуть; пусть домъ горитъ, надобно только изъ него выбраться заблаговременно, а домъ сгоритъ непремѣнно, Франція долго не выдержитъ завоевательной системы Наполеона и терпѣніе чужихъ народовъ прекратится.

Несмотря однако на холодность Наполеона къ Талейрану,

императоръ взялъ послѣдняго съ собой въ Эрфуртъ: при переговорахъ и договорахъ былъ необходимъ такой дѣлецъ; въ Эрфуртѣ же находились Толстой и Коленкуръ. Главная цѣль поѣздки Наполеона была обезпечить себѣ бездѣйствіе Александра на Западѣ во время окончательнаго сокрушенія испанскихъ затрудненій? Безпокоила Австрія: чтó если бы удалось поссорить съ нею Россію окончательно? Между ними холодность, начавшаяся послѣ Аустерлица, усилилась еще оттого, что Австрія не помогла Россіи и Пруссіи въ послѣдней войнѣ. Наполеонъ ѣхалъ въ Эрфуртъ, чтобъ ссорить Россію съ Австріей; Талейранъ ѣхалъ туда же съ цѣлію мирить Россію съ Австріею, устроить между ними сближеніе. Коленкуръ находился совершенно подъ вліяніемъ Талейрана и способствовалъ сближенію его съ графомъ Толстымъ, который пріѣхалъ въ Эрфуртъ въ самомъ враждебномъ расположеніи къ Наполеону.

Но Талейрану нужно было заявить императору Александру о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, Франціи, Европѣ. Онъ явился къ русскому государю съ такими словами: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—варваръ; русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій: итакъ, русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа.—Рейнъ, Альпы, Пиренеи—это завоеванія Франціи; остальное есть завоеваніе императора; Франція въ этомъ не нуждается». По возвращеніи въ Парижъ Талейранъ говорилъ австрійскому посланнику, графу Меттерниху: «со временъ Аустерлица отношенія Александра къ Австріи никогда еще не были такъ благопріятны, какъ теперь; отъ васъ и отъ вашего посланника въ Петербургѣ (князя Шварценберга) зависитъ завязать между Россіею и Австріею такія же тѣсныя отношенія, какія были до Аустерлица. Коленкуръ вполнѣ раздѣляетъ мой политическій взглядъ, онъ будетъ содѣйствовать князю Шварценбергу». Графъ Толстой подтвердилъ Меттерниху слова Талейрана; поведеніе Коленкура въ Эрфуртѣ не оставило въ Толстомъ никакого сомнѣнія въ неограниченной преданности его Талейрану, который толковалъ Меттерниху: «интересъ самой Франціи требуетъ, чтобъ государства, могущія противиться Наполеону, соединились и противопоставили оплотъ его ненасытному честолюбію. Дѣло Наполеона не есть болѣе дѣло Франціи; Европа можетъ быть спасена только тѣснымъ союзомъ между Австріею и Россіею».

Что такой союзъ былъ необходимъ, противъ этого никто не спорилъ, только этотъ союзъ былъ неполный, а главное—прежде-

временный: Россія, имѣя на рукахъ двѣ войны, шведскую и турецкую, не могла предпринять третью противъ Франціи; если Наполеонъ хлопоталъ отвлечь вниманіе Россіи отъ Запада, пока не управится въ Испаніи, то Россія старалась воспользоваться испанскими затрудненіями, чтобъ тѣмъ временемъ управиться съ Швеціею и Турціею, обезпечить сѣверозападную границу пріобрѣтеніемъ Финляндіи и занять необходимое положеніе на Нижнемъ Дунаѣ, пріобрѣтеніемъ Молдавіи и Валахіи. Въ Петербургѣ очень хорошо знали, что въ Вѣнѣ именно послѣдняго-то и не желаютъ; но это обстоятельство, конечно, не могло быть побужденіемъ для Россіи спѣшить заключеніемъ союза съ Австріею противъ Франціи. Съ другой стороны, для полноты коалиціи нужно было подождать Пруссіи, которая обнаруживала признаки жизни и жизни сильной, но была подъ ножомъ. Никто лучше Наполеона не чувствовалъ вѣрности знаменитаго изреченія: «ненавижу того, кого я оскорбилъ». Онъ ненавидѣлъ Пруссію по-корсикански, былъ убѣжденъ, что она платитъ ему тѣмъ же чувствомъ, и потому могъ успокоиться только съ прекращеніемъ ея политическаго существованія. Въ Тильзитѣ онъ долженъ былъ согласиться на продолженіе этого существованія, согласиться на то, чтобъ Пруссія осталась въ союзѣ съ Россіею, подъ охраною послѣдней, и это еще болѣе усиливало его раздраженіе: нельзя ничего предпринять противъ Пруссіи безъ протеста со стороны Россіи, а Россія пока нужна. Несмотря на то, что Пруссія по тильзитскому миру потеряла половину своихъ земель и болѣе, чѣмъ половину народонаселенія, Наполеонъ хотѣлъ отнять у нея Силезію, и въ случаѣ согласія на это Россіи, соглашался на пріобрѣтеніе послѣднею дунайскихъ княжествъ; но Россія не согласилась. Несмотря однако и на заступничество Россіи, Наполеонъ придумалъ средство давить Пруссію: онъ не выводилъ изъ нея своихъ войскъ, и когда Россія требовала ихъ вывода, отвѣчалъ сначала, что и Россія не выводитъ своихъ войскъ изъ дунайскихъ княжествъ; а потомъ, что Пруссія не исполняетъ своихъ обязательствъ, не выплачиваетъ контрибуціи по договору. 157,000 французскихъ солдатъ высасывали Пруссію, они тащили все: лошадей, скотъ, хлѣбъ, деньги; ихъ начальники задавали балы, праздники, на которые жители должны были поставлять припасы изъ дальнихъ городовъ; а между тѣмъ торговля упала вслѣдствіе разрыва съ Англіею, вслѣдствіе континентальной системы, страна наполнилась фальшивою монетою, цѣны необходимыхъ вещей страшно возрасли; тысячи отставныхъ чиновниковъ и офицеровъ скитались безъ хлѣба (изъ однихъ польскихъ провинцій 7000 чиновниковъ). Наконецъ, испанскія

затрудненія заставили Наполеона подумать объ очищеніи Пруссіи: войско понадобилось на Пиренейскомъ полуостровѣ; а между тѣмъ какъ оставить на свободѣ *озлобленную* Пруссію, которой сдѣлано столько зла? И вотъ какія условія предлагаетъ Наполеонъ прусскому принцу Вильгельму (брату королевскому), который семь мѣсяцевъ понапрасну хлопоталъ въ Парижѣ о выводѣ войскъ: Пруссія за этотъ выводъ должна была заплатить 194 милліона франковъ; оставить въ рукахъ французовъ три при-одерскія крѣпости — Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау, уменьшить свои войска до 42,000, помогать Франціи войскомъ въ случаѣ войны ея съ Австріею. Принцъ Вильгельмъ могъ выговорить только уменьшеніе 194 милліоновъ до 140 милліоновъ, да императоръ Александръ въ Эрфуртѣ склонилъ Наполеона уступить еще 20 милліоновъ.

Тяжкія испытанія, матеріальныя лишенія различно дѣйствуютъ на различные характеры людей. Людей слабыхъ духомъ они унижаютъ до послѣдней степени; всѣ тѣ, которые прежде были противъ борьбы съ Франціею во что бы то ни стало, теперь подняли головы подъ предводительствомъ генераловъ Застрова и Кёкерица; они торжествовали побѣду своей мудрости и совѣтовали довести дѣло до конца, спасти Пруссію совершеннымъ подчиненіемъ волѣ Наполеона, отказомъ отъ независимости, вступленіемъ въ рейнскій союзъ, котораго Наполеонъ былъ протекторомъ. Къ счастію для Пруссіи, эти люди не побѣдили, и на первый планъ выступили другіе, которые при тяжкихъ испытаніяхъ, при матеріальныхъ лишеніяхъ обратились къ духу народа, къ его нравственнымъ силамъ, и стали содѣйствовать ихъ поднятію. Честь принадлежала королю за то, что онъ съумѣлъ дать мѣсто дѣятельности этихъ людей не безъ борьбы съ самимъ собою, съ извѣстными предразсудками, слабостями власти; онъ съумѣлъ призвать къ дѣятельности Штейна, котораго еще недавно, за несогласіе измѣнить свои убѣжденія относительно преобразованій высшаго управленія, называлъ «упрямымъ, непослушнымъ государственнымъ слугою, гордящимся своими талантами, капризнымъ, дѣйствующимъ по страсти, личной ненависти и раздраженію». Штейнъ былъ дѣйствительно упрямъ, страстенъ, властолюбивъ; но эти недостатки въ великія и страшныя для государствъ времена, времена собранія нравственныхъ силъ народа, прежде расточенныхъ, становились драгоцѣнными качествами при высокихъ основахъ Штейнова характера. На этихъ-то основахъ, религіозности и нравственности, Штейнъ хотѣлъ поднять народную жизнь въ Пруссіи, хотѣлъ въ новыя формы вложить духъ, безъ котораго формы самыя лучшія остаются мертвы, не при-

носятъ пользы народу. Слѣдствіями дѣятельности Штейна было уничтоженіе крѣпостного права, городское самоуправленіе, освобожденіе городовъ, находившихся въ частной зависимости. Несостоятельность войска вызывала военныя преобразованія, причемъ выдвинулись на первый планъ новые люди, новыя способности, Шарнгорстъ, Гнейзенау,—Гнейзенау, который на самомъ себѣ испыталъ неудобства прежняго порядка: несмотря на познанія и способности, онъ въ 46 лѣтъ былъ только капитаномъ; товарищи въ насмѣшку называли его капернаумскимъ капитаномъ, потому что десять лѣтъ понапрасну ждалъ повышенія. Военная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Шарнгорста уничтожила сословныя преимущества въ военной службѣ, всякій могъ дослуживаться до высшихъ чиновъ; право на офицерскіе чины въ мирное время могли давать только познанія, въ военное—подвиги, уничтожена вербовка заграницею. За способность народа воспользоваться новыми формами ручалось нравственное движеніе, въ немъ обнаружившееся. Возбудителями и направителями этого нравственнаго движенія были, разумѣется, люди науки: Шлейермахеръ, въ своихъ «Рѣчахъ о религіи», старавшійся поднять религіозное чувство; Фихте въ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Арндтъ въ «Духѣ Вѣка», возбуждавшіе патріотизмъ и готовность къ борьбѣ съ демоническою силою Наполеона. Слово приносило свой плодъ — дѣло. Весною 1808 года въ Кёнигсбергѣ образовалось небольшое общество: члены постановили устно и письменно содѣйствовать усиленію патріотизма, приверженности къ государю и государственному устройству, религіозности, любви къ наукѣ и искусству, гуманитета и братства. Это общество, извѣстное подъ названіемъ Союза Добродѣтели (Tugendbund) было утверждено королемъ, но въ слѣдующемъ же году уничтожено—по политическимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе враждебности къ нему Франціи, вслѣдствіе враждебности Австріи, гдѣ не хотѣли имѣть дѣло съ Шарнгорстомъ, какъ съ членомъ тугендбунда, и враждебности своихъ прусскихъ шивателей на всякое высшее, нравственное движеніе въ народѣ, какъ опасное: эти господа боялись всего больше, что французы, раздраженные патріотическимъ движеніемъ, придутъ и возьмутъ ихъ деньги. Общество исчезло, да и не для чего ему было болѣе существовать, ибо движеніе, котораго оно было плодомъ, распространялось болѣе широкими волнами въ народѣ.

Это движеніе не зависѣло отъ одного человѣка, не прекратилось, когда долженъ былъ сойти съ поприща одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, Штейнъ. Французы перехватили письма его къ князю Витгенштейну, гдѣ говорилось, что надобно поддержи-

вать неудовольствіе противъ французовъ въ Вестфаліи и побуждать Пруссію къ союзу съ Австріею. Какъ нарочно это случилось передъ заключеніемъ договора съ принцемъ Вильгельмомъ о выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи. Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ оправдать свое стремленіе давить Пруссію, оправдать тяжелыя условія, предложенныя имъ принцу Вильгельму. Придавая письмамъ оффиціальный характеръ, Наполеонъ объявлялъ, что Пруссія нарушила тильзитскій миръ. «Я съ быстротою молніи уничтожу всякое проявленіе злонамѣренности,—говорилъ онъ прусскому посланнику:—по письмамъ одного изъ вашихъ министровъ я знаю, что у васъ замышляютъ, какія возлагаютъ надежды на испанскія событія. Ошибаются: у Франціи такая громадная сила, что она вездѣ можетъ противиться врагамъ своимъ. Я знаю все, я знаю образъ мыслей вашихъ министровъ; меня провести нельзя». Въ Эрфуртѣ императоръ Александръ, кромѣ уступки 20,000,000, не могъ ничего сдѣлать для облегченія участи Пруссіи, потому что Наполеонъ выставлялъ письма Штейна, какъ неопровержимое доказательство враждебности прусскаго правительства къ Франціи. Разумѣется, самого Штейна Наполеонъ не могъ оставить въ покоѣ: онъ настоялъ, чтобъ король Фридрихъ - Вильгельмъ отставилъ своего министра, въ рейнскомъ союзѣ Штейнъ былъ объявленъ изгнанникомъ и лишеннымъ своихъ имѣній. Только въ Россіи могъ онъ найти безопасное убѣжище.

Нѣкоторыя важныя преобразованія, замышляемыя Штейномъ, не состоялись послѣ его удаленія; но движеніе въ общемъ характерѣ не останавливалось. Въ то время, какъ Наполеонъ думалъ сдержать враждебное ему движеніе въ Пруссіи занятіемъ сильнѣйшихъ ея крѣпостей, прусское правительство заложило въ Берлинѣ крѣпость особаго рода: въ 1809 году, несмотря на страшныя финансовыя затрудненія, основанъ былъ берлинскій университетъ, который, при умномъ, патріотическомъ пользованіи имъ, при стремленіи сосредоточить въ немъ лучшія ученыя силы Германіи, пріучилъ молодыя поколѣнія ея смотрѣть на Берлинъ, какъ на духовную столицу Германіи, что необходимо приготовляло къ политическому преобладанію Пруссіи.

И въ Австріи былъ порывъ послѣ погрома 1805 года обновиться внутренно. 1-го февраля 1806 года императоръ Францъ издалъ удивительный манифестъ, въ которомъ обѣщалъ увеличить внутреннія государственныя силы посредствомъ распространенія духовной культуры, оживленія національной промышленности, возстановленія общественнаго кредита; явились попытки замѣнить чисто-полицейское управленіе болѣе дѣятельнымъ, болѣе твор-

ческимъ. Движеніе шло отъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Филиппа Стадіона. Мы видѣли, что Стадіонъ, подобно своему предшественнику, былъ во главѣ воинственной партіи, требовалъ присоединенія Австріи къ прусско-русскому союзу. Но дорогое время было пропущено; заключенъ былъ тильзитскій миръ и союзъ между Россіею и Франціею, вслѣдствіе чего Австрія нашлась въ самомъ затруднительномъ положеніи. По мнѣнію Стадіона, это положеніе было такое же, какъ и послѣ пресбургскаго мира, т.-е. судьба Австріи будетъ зависѣть совершенно отъ произвола Наполеона, отъ котораго надобно ждать требованій разныхъ уступокъ и промѣновъ; будетъ ли Австрія соглашаться на все или выставитъ сопротивленіе,—во всякомъ случаѣ она рискуетъ потерять свое существованіе. Но Стадіонъ обманулся на этотъ разъ. Наполеону вовсе не нужно было затрогивать Австрію, потому что голова его была занята испанскими замыслами. Онъ послѣ говорилъ, что объ Испаніи уже шла рѣчь въ Тильзитѣ, и русскій императоръ былъ согласенъ на его распоряженія. Что въ Тильзитѣ шла рѣчь объ Испаніи—это болѣе чѣмъ вѣроятно; но что Александръ былъ согласенъ на послѣднія распоряженія Наполеона относительно Испаніи — это опровергается приведеннымъ выше письмомъ Наполеона къ Александру изъ Байоны. Что Наполеонъ былъ занятъ въ Тильзитѣ Испаніею, доказательствомъ служитъ ласковый пріемъ, сдѣланный имъ извѣстному Штуттергейму, который 9 іюля (н. с.) пріѣхалъ въ Тильзитъ и прямо къ Будбергу — испросить аудіенцію у императора Александра, который въ этотъ вечеръ оставлялъ Тильзитъ. Александръ не принялъ его; тогда онъ къ Наполеону, которому прямо сказалъ: «я посланъ былъ къ императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму предложить еще разъ посредничество Австріи, но, къ сожалѣнію, опоздалъ». — «Дѣло уже уладилось,—отвѣчалъ Наполеонъ:—я лично обязанъ вашему императору; мое положеніе много разъ было затруднительно и было бы для меня очень опасно имѣть на шеѣ австрійскую армію; въ какомъ положеніи ваши финансы?»—«Въ хорошемъ,—отвѣчалъ Штуттергеймъ:—венгерцы склонны къ пожертвованіямъ».—«Бумажныя деньги,—замѣтилъ Наполеонъ,—производятъ революцію, разрушаютъ духъ войска; я совѣтовалъ императору при личномъ свиданіи вырвать зло съ корнемъ.—Я ничего не требую, кромѣ слѣдующаго мнѣ по договору; мы уладимся, повторяю еще разъ: я обязанъ императору». Разговоръ кончился насмѣшками Наполеона надъ пруссаками и русскими.

Наполеонъ ласковъ; но что̀ это значитъ? Онъ что-нибудь задумываетъ такое, при чемъ также не хочетъ имѣть на шеѣ

австрійскую армію; но что это за новый замыселъ? Объ Испаніи, разумѣется, не догадались; былъ интересъ поближе. Наполеонъ съ Александромъ заключилъ союзъ: первымъ дѣломъ новыхъ союзниковъ будетъ подѣлить Турцію, страшная опасность для Австріи! Она очутится совершенно въ тискахъ между двухъ колоссовъ, если бы даже ей что-нибудь и дали изъ остатковъ послѣ львиной трапезы. Чрезъ нѣсколько дней послѣ Штуттергейма имѣлъ разговоръ съ Наполеономъ Винцентъ, который замѣтилъ, что ходятъ слухи, будто при тильзитскихъ свиданіяхъ рѣшена судьба Порты.—«Кто это говоритъ?»—спросилъ сначала Наполеонъ, потомъ, подумавши немного, продолжалъ: — «по этому предмету только вошли въ соглашеніе, что я буду посредникомъ мира съ Портою, которой будутъ возвращены потерянныя области, да и не вижу я, какъ этотъ раздѣлъ Турціи произойдетъ; необходимость мнѣ это предписываетъ, мой вкусъ и желаніе влекутъ меня къ этому раздѣлу, но разсудокъ запрещаетъ». — «Мы,—замѣтилъ Винцентъ,—не имѣемъ никакого интереса ускорять разложеніе больного тѣла Турціи».—Правда,—сказалъ Наполеонъ,—но вы не умѣете ни за что взяться, вы хотите соглашеній на счетъ отдѣльныхъ пунктовъ, прежде чѣмъ послѣдовало соглашеніе объ основаніяхъ». Винцентъ замѣтилъ, что союзъ съ Австріею гораздо болѣе соотвѣтствовалъ бы интересамъ и видамъ императора французовъ, чѣмъ русскій союзъ. — «Согласенъ,—отвѣчалъ Наполеонъ, — вы порядочнѣе, чѣмъ русскіе, и уже изъ европеизма я бы желалъ сблизиться съ вами, но вы не захотѣли. Впрочемъ, наши счеты кончены, и я не вижу никакой причины къ ссорѣ между Австріею и Франціею».

Въ Вѣнѣ мучились восточнымъ вопросомъ: раздѣлятъ Турцію и, что всего хуже, раздѣлятъ безъ Австріи. Надобно заключить союзъ съ Франціею.—«Союза не заключать,—отвѣчалъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ, знаменитый впослѣдствіи графъ Меттернихъ:—намъ предложатъ союзъ только тогда, когда поссорятся съ Россіею». Но если нельзя быть въ союзѣ, то нужно сдѣлать какъ-нибудь, чтобъ не быть совершенно оставленными въ сторонѣ; сохраненіе Порты—на первомъ планѣ между интересами Австріи; но если Франція и Россія станутъ давить Турцію, то Австрія должна быть въ третьихъ, «чтобы несоразмѣрнымъ, одностороннимъ увеличеніемъ этихъ государствъ судьба Австріи не ухудшилась». И вдругъ Талейранъ, который уже прежде толковалъ о присоединеніи къ Австріи нижнедунайскихъ земель, спрашиваетъ Меттерниха, согласенъ ли его дворъ принять участіе въ раздѣлѣ Турціи, и указываетъ на Боснію и Болгарію, которыя должны достаться Австріи. По мнѣнію Стадіона, надобно было

принять предложеніе, хотя назначаемая доля и невыгодна, о Сербіи не упомянуто; да и вообще чрезъ это земельное увеличеніе Австрія не станетъ сильнѣе, ибо эти обѣ провинціи, удаленныя отъ центра монархіи, населенныя безпокойнымъ и мало образованнымъ народомъ, пограничныя, вслѣдствіе раздѣла съ Россіею и Франціею, принесутъ Австріи не выгоды, а только постоянную заботу и большія издержки для сохраненія внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности. Но дѣлать нечего, изъ двухъ золъ надобно избирать меньшее, только нельзя ли иначе опредѣлить долю Австріи, отдать ей область Хотинскую, Валахію до устья Димбовицы или Алуты въ Дунай, турецкую Кроацію, Боснію, Сербію, Болгарію до устья Дуная и потомъ связать эти области съ Архипелагомъ линіею по рѣкѣ Вардару до Салоникъ. Но и на это хотѣли согласиться только въ крайности, и Меттерниху былъ посланъ наказъ употребить всѣ усилія для уничтоженія замысловъ Наполеона противъ Порты, и, главное, чтобъ не было рѣчи объ обязательствѣ Австріи за свои новыя пріобрѣтенія уступить что-нибудь изъ старыхъ владѣній, именно прежде всего заботиться о сохраненіи адріатическаго побережья. Когда дѣло коснулось восточнаго вопроса, то и эрцгерцогъ Карлъ вышелъ изъ своего миролюбиваго настроенія и подалъ двѣ записки: «Наполеонъ, — писалъ онъ, — дѣйствуетъ быстро; русскіе уже на берегахъ Дуная; успѣютъ они занять Оршову и Бѣлградъ, тогда Австрія потеряетъ базисъ своихъ операцій и свободное пользованіе Дунаемъ, и доля ея при раздѣлѣ будетъ зависѣть отъ доброй воли чужихъ государей; поэтому Австрія должна обезпечить себѣ эти два города. Прежде всего для безопасности Австріи необходимо, чтобъ Россія не овладѣла Молдавіею и Валахіею и не стала госпожею Дуная, не вошла ни въ какое соприкосновеніе съ подданными Австріи и не обхватила послѣдней съ юга».

Самъ императоръ Францъ требовалъ, чтобъ были употреблены всѣ усилія сохранить турецкую имперію, какъ лучшую сосѣдку Австріи; но Меттернихъ изъ Парижа и другіе министры сообщали самыя печальныя извѣстія: отказъ Англіи войти въ мирные переговоры ведетъ къ ускоренію восточнаго вопроса; Наполеонъ имѣетъ въ виду не одну Турцію, но и азіатскія владѣнія Англіи, хочетъ склонить Россію къ походу въ Индію; Константинополь долженъ остаться нейтральнымъ торговымъ городомъ; Россія возьметъ лѣвый берегъ Дуная до самаго устья, Болгарію и Румелію, какъ секундогенитуру для одного изъ великихъ князей, Австріи отдадутъ Сербію и Боснію, Франція возьметъ адріатическіе берега и азіатскія земли; уже собираются войска, на-

значены генералы. И все это былъ обманъ: морочили Востокомъ, чтобъ отвести глаза отъ Запада. Въ первыхъ числахъ апрѣля пришла громовая вѣсть объ испанскихъ событіяхъ; всѣхъ больше поразила она императора: дѣло пошло о смѣнѣ династій; ныньче Наполеонъ свергнулъ безъ всякаго повода Бурбоновъ испанскихъ: что помѣшаетъ ему завтра сдѣлать то же съ Габсбургами австрійскими? Австрія ему нужна: черезъ ея владѣнія идетъ прямая дорога на Востокъ, относительно котораго онъ питаетъ такіе блестящіе замыслы. «Испанская династія,—говоритъ Стадіонъ,—заслужила свою судьбу: она первая вошла въ союзъ съ Франціею и служила ей съ необыкновеннымъ усердіемъ. Ея гибелью Провидѣніе насъ предостерегаетъ. Надобно воспользоваться предостереженіемъ и готовиться къ борьбѣ». Воинственность овладѣла и эрцгерцогомъ Карломъ: «Планы Наполеона стали ясны,—говорилъ онъ:—нѣчего спрашивать, чего онъ хочетъ: онъ хочетъ всего». Стали вооружаться; но было хорошо извѣстно, что малѣйшій шорохъ оружія поднималъ Наполеона; Меттернихъ долженъ былъ выдержать публично его выходку: 15 августа, въ день своихъ имянинъ, на пріемѣ дипломатическаго корпуса, Наполеонъ громко говорилъ Меттерниху: «Ваше вооруженіе во всякомъ случаѣ неполитично, возбуждая неудовольствіе во Франціи и Россіи. Болѣе 500 писемъ первыхъ купцовъ въ Вѣнѣ говорятъ о предстоящемъ разрывѣ; у васъ публично оскорбляютъ французовъ и нѣмцевъ изъ государствъ рейнскаго союза: я не могу этого спокойно сносить».—«Цѣль нашихъ вооруженій экономическаго свойства,—замѣтилъ Меттернихъ,—и, кромѣ того, она служитъ для сохраненія равновѣсія въ Европѣ».—«Оставьте эти пустяки,—сказалъ Наполеонъ:—ваши побужденія мнѣ извѣстны; вашъ дворъ хочетъ вмѣшаться въ турецкія отношенія, чтобъ противодѣйствовать Франціи и Россіи. Но въ вашемъ интересѣ щадить меня и Россію; обманываетесь, если думаете, что можете противиться намъ обоимъ. Если вы хотите войны, то зачѣмъ вы ее не объявили, когда я стоялъ на Нѣманѣ; а теперь это была бы глупость, подобная прусской глупости. Я считаю войну неизбѣжною, и если ея не будетъ, то благодаря только русскому императору. Ваши вооруженія заставляютъ и меня вооружаться, а это разоритъ Германію. Я сдѣлаю двойной наборъ въ этомъ году, и если мнѣ не достанетъ мужчинъ, то я выставлю противъ васъ женщинъ. Вы соберете 400,000, а я соберу 800,000; вы доставите мнѣ финансовыя средства. Два раза я былъ господиномъ вашихъ владѣній и отдалъ ихъ вамъ назадъ, а вы не стали умнѣе. Если вы не разоружитесь, то война неизбѣжна,—война рѣшительная, не на животъ, а на смерть: или вы будете

въ Парижѣ, или я въ сердцѣ австрійскихъ владѣній. Ваши вооруженія не нравятся въ Петербургѣ; Александръ вамъ объявитъ, чтобъ вы разоружились, и вы разоружитесь; но тогда я не вамъ буду благодаренъ за сохраненіе спокойствія въ Европѣ, а царю, и я васъ не пущу къ рѣшенію важныхъ, васъ касающихся вопросовъ, я буду вести дѣло вмѣстѣ съ Россіею, а вы будете только смотрѣть».

Черезъ нѣсколько дней Меттернихъ явился къ Наполеону съ извѣстіемъ, что вооруженія Австріи прекращаются. «Будемте говорить съ вами, какъ частные люди,—отвѣчалъ Наполеонъ:— никогда я не думалъ, чтобы Францъ, Стадіонъ или Карлъ хотѣли войны, вы въ дурныхъ отношеніяхъ съ Россіею, поэтому не можете объявить мнѣ войны; но я боюсь, что вы вовлечетесь въ войну со мною по ложнымъ слухамъ. Васъ испугали испанскія событія, вы ждете, что и съ вами то же будетъ. Но какая разница! Испаніею я долженъ былъ овладѣть для обезпеченія моего тыла; Годой, вмѣсто того, чтобъ увеличивать морскія силы, увеличилъ сухопутныя, тронъ занимали Бурбоны, мои личные враги, они и я—мы не могли одновременно царствовать. Я дѣлаю различіе между домами бурбонскимъ и лотарингскимъ».—«Угодно заключить съ нами союзъ?—я готовъ вступить въ переговоры»,— сказалъ Меттернихъ.—«Для этого нужны прелиминаріи; скажите императору Францу, что я считаю все поконченнымъ».

Предложеніе союза было вовсе некстати для Наполеона: онъ ѣхалъ въ Эрфуртъ, и до результатовъ свиданія съ русскимъ государемъ нельзя было входить ни въ какія опредѣленія отношеній. Понятно, какое значеніе должно было имѣть для Австріи эрфуртское свиданіе, какъ желали въ Вѣнѣ знать, чтó тамъ будетъ происходить, чтó будетъ говориться объ Австріи между двумя рѣшителями судебъ Европы. Талейранъ совѣтовалъ самому императору Францу поѣхать сначала въ Прагу и потомъ неожиданно явиться въ Эрфуртѣ. Но пріѣхать незванымъ-непрошенымъ—это было бы верхъ неприличія и забвенія своего достоинства. Говорили, что Францъ долженъ упасть среди двухъ императоровъ, какъ бомба; но бомба пугаетъ, тогда какъ Францъ своимъ появленіемъ никого испугáть не могъ. Его можно было сравнить не съ бомбою, а съ резиновымъ мячомъ. Не сочли приличнымъ послать и кого-нибудь изъ эрцгерцоговъ; хотѣли, чтобъ Меттернихъ сопровождалъ Наполеона въ Эрфуртъ; Меттернихъ обратился къ преемнику Талейрана въ завѣдываніи иностранными дѣлами, Шампаньи, и получилъ отказъ: «Въ Эрфуртѣ,—говорилъ Шампаньи,—будутъ уговариваться, какими средствами принудить Англію къ миру, Австрія тутъ не причемъ». Но надобно кого-

нибудь имѣть въ Эрфуртѣ: отправили Винцента съ двумя незначительными письмами Франца къ обоимъ императорамъ. Винцентъ привезъ изъ Эрфурта статьи договора, заключеннаго между Александромъ и Наполеономъ, договора, очень непріятнаго для Австріи по отношенію къ дунайскимъ княжествамъ и къ Россіи въ случаѣ войны Австріи съ Франціею; привезъ и отвѣтныя письма отъ обоихъ императоровъ. Письмо Наполеона было самое дерзкое: «Въ моей власти было уничтожить австрійскую монархію; настоящее существованіе вашего величества есть слѣдствіе моей воли, доказательство, что наши счеты сведены и я ничего болѣе отъ васъ не требую. Но вы не должны поднимать вопроса, рѣшеннаго пятнадцатилѣтнею войною, не должны подавать повода къ новой войнѣ. Ваше величество должны удержаться отъ всякаго вооруженія, которое можетъ меня обезпокоить». Письмо Александра отличалось противоположнымъ тономъ; въ немъ была одна фраза, важная для Австріи: русскій государь увѣрялъ императора Франца, что принимаетъ участіе въ сохраненіи цѣлости австрійской имперіи. Винцентъ объяснилъ, что̀ это значитъ: Александръ требовалъ отъ Наполеона, чтобъ цѣлость Австріи не была нарушена; но Наполеонъ согласился на это съ условіемъ, чтобъ Австрія прекратила вооруженія. Талейранъ хвалился передъ Меттернихомъ, что онъ вмѣстѣ съ Толстымъ склонили Александра не уступать требованіямъ Наполеона, враждебнымъ Австріи.

Разумѣется, было бы слишкомъ страннымъ предположеніе, что Талейранъ и Толстой могли убѣдить императора Александра въ необходимости беречь Австрію отъ Наполеона. Прежде всего надобно было, чтобъ Австрія сама себя берегла и не бросалась одна въ войну съ Наполеономъ, но Австрія спѣшила сдѣлать то, что̀ Наполеонъ называлъ безуміемъ, и за что̀ Пруссія такъ дорого поплатилась. Что̀ же могло побуждать ее къ этому? Она разсчитывала, во-первыхъ, на испанскія дѣла; но разсчетъ былъ невѣренъ, причемъ надобно замѣтить, что этимъ испанскимъ дѣламъ вообще приписываютъ больше значенія, чѣмъ сколько они имѣли. Изъ желанія нанести испанскому движенію рѣшительный ударъ, Наполеонъ могъ въ извѣстное время стараться, чтобъ его не отвлекали на Востокѣ; но Испанія не могла поглотить всѣ его силы; Испанія могла быть для него тѣмъ, чѣмъ послѣ Алжиръ былъ для Франціи, Кавказъ для Россіи; но она не могла помѣшать ему распоряжаться въ остальной южной и средней Европѣ. Во-вторыхъ, Австрія разсчитывала, что какъ скоро она начнетъ войну съ Наполеономъ, то и въ Германіи произойдетъ то же самое, что̀ въ Испаніи — народная война. Стадіонъ не ошибался въ томъ, что борьба съ Наполеономъ начала прини-

мать новый характеръ, что теперь она не была только борьбою правительствъ, но и борьбою народовъ. Въ 1804 году, въ извѣстномъ проектѣ, который Новосильцевъ возилъ въ Англію, императоръ Александръ предлагалъ убѣдить народы, что господство Наполеона не принесетъ имъ свободы и благоденствія; но теперь народы убѣдились въ этомъ сами, и сильная ненависть къ Наполеону, къ французскому владычеству, сильное поднятіе патріотическаго чувства, особенно въ сѣверной Германіи, были слѣдствіемъ наполеоновскаго гнета. Но и на эти одни народныя чувства Австріи разсчитывать было нельзя: чтобъ эти чувства высказались, надобно было, чтобъ Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, чтобъ онъ потерялъ обаяніе непобѣдимой силы, чтобъ другая сила стала на германской почвѣ и дала опору движенію; иначе все могло ограничиться только отдѣльными вспышками, безплодными и скоро потухающими. Стадіонъ мечталъ, что Австрія станетъ во главѣ этого новаго, народнаго движенія противъ наполеоновскаго ига, сокрушитъ всеобщаго врага и этимъ пріобрѣтетъ себѣ право на первенствующее положеніе, ибо всѣ государства пойдутъ за нею, а не она будетъ ходить за другими, какъ было до сихъ поръ. Прекрасная мечта, которая дѣлаетъ честь мечтателю-патріоту. Стадіонъ усыпилъ Австрію, и она видѣла прекрасный сонъ. Сонъ послѣ и сбылся, только не для Австріи.

Третьимъ побужденіемъ для Австріи къ начатію войны были донесенія Меттерниха изъ Франціи. «*Дружба, нейтралитетъ* суть слова, лишенныя смысла для Наполеона,—писалъ Меттернихъ въ концѣ 1808 года.—Прусская война, казалось, была предпринята для уничтоженія приверженцевъ системы *нейтралитета*. Низверженіе испанской династіи, древнѣйшей, испытаннѣйшей и безкорыстнѣйшей союзницы не только Наполеона, но и всѣхъ прежнихъ французскихъ правительствъ (замѣчаніе важное, ибо уничтожаетъ династическую враждебность), должно доказать міру, что никакое государство не можетъ спастись *дружбою*. Нельзя быть ни врагомъ, ни нейтральнымъ, ни другомъ—что же остается правительству, которое не можетъ, подобно португальскому, уложить свои чемоданы и океаномъ отдалить себя отъ бича, удручающаго Европу?» Послѣ этого вступленія, знакомящаго насъ съ литературными пріемами человѣка, котораго потомъ величали дипломатическимъ геніемъ, Меттернихъ переходитъ къ указаніямъ на возможность Австріи воевать съ Наполеономъ. Испанская война нанесла Франціи большой уронъ; средства Франціи противъ Австріи уменьшились наполовину, средства Австріи увеличились вдвое. Теперь уже сражается не французскій народъ; настоящая война не есть даже война фран-

цузской арміи, но чисто наполеоновская. Внутри Франціи давно уже существуетъ партія, противная завоевательнымъ видамъ Наполеона; она сплотилась въ молчаніи, самъ Наполеонъ далъ ей силу своимъ нападеніемъ на Испанію. Ея главы—Талейранъ и Фуше. «Мы дожили до того времени, — писалъ Меттернихъ, — когда союзники представляются намъ внутри самой Франціи; эти союзники не ничтожные интриганы: люди, имѣющіе право быть представителями націи, требуютъ нашей помощи; эта помощь есть наше собственное дѣло, всецѣло наше собственное дѣло, дѣло потомства!»

Итакъ, союзники—народъ испанскій, народъ нѣмецкій, союзники въ самой Франціи, Талейранъ и Фуше. Но старая союзница, Россія, будетъ противъ! Это останавливало. Меттернихъ успокоивалъ и на этотъ счетъ: онъ передавалъ въ Вѣну убѣжденія Талейрана, что Наполеонъ не увлечетъ Александра противъ Австріи, что, по прежнему, самый тѣсный союзъ можетъ быть заключенъ между Россіею и Австріею. Талейранъ принадлежалъ къ числу тѣхъ предсказателей, которые предсказываютъ вѣрно, не обозначая только срока, когда сбудется предсказаніе; а въ Вѣнѣ, какъ обыкновенно бываетъ, назначили для исполненія самый ближайшій срокъ, потому что этого желали, не обращая вниманія на главное, что Россія, не кончивши двухъ войнъ, какъ ей надобно, не можетъ начать третьей. Въ добромъ расположеніи императора Александра къ Австріи, въ нежеланіи его отдать ее въ жертву Наполеону нельзя было сомнѣваться, для этого не нужно было особенной проницательности; если въ Эрфуртѣ было постановлено, что начатіе Австріею войны обязываетъ Россію помогать Франціи, то не могъ же Александръ предполагать, что Австрія ринется одна въ войну. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ, будучи послѣ Эрфурта въ Парижѣ, прямо говорилъ Меттерниху, что придетъ время, когда тѣсный союзъ Россіи съ Австріею будетъ необходимъ для всеобщаго избавленія: «Не предпринимайте ничего; вы поставите Россію въ величайшее затрудненіе»,—говорилъ Румянцевъ. 31-го января 1809 года императоръ Александръ говорилъ австрійскому посланнику, князю Шварценбергу: «Можно ли начинать такую неравную борьбу послѣ того, какъ упустили благопріятный случай (въ началѣ 1807 года)? Наполеонъ и его войско непобѣдимы, надобно выждать время, не бросаться зря, придетъ благопріятный часъ мщенія. Теперь Австрія должна сохранять свои силы только для защиты и не дѣлать ни малѣйшаго вызывательнаго шага; если Австрія начнетъ войну, все пропало. Я гарантирую императору Францу справедливость моихъ словъ;

обѣщаю и относительно Австріи войти въ такое же обязательство, въ какомъ я относительно Франціи, т.-е. всѣми моими силами защищать ее отъ нападенія». Но Австрія непремѣнно хотѣла войны. Тогда Александръ сказалъ Шварценбергу: «Я даю великое доказательство довѣрія, обѣщая вамъ, что сдѣлано будетъ все человѣчески возможное, чтобъ не нанести вамъ ударовъ съ нашей стороны; мое положеніе такъ странно, что хотя мы съ вами стоимъ на противоположныхъ линіяхъ, однако я не могу не желать вамъ успѣха». Александръ обѣщалъ медлить, по возможности, выступленіемъ войскъ въ походъ и приказать имъ избѣгать, по возможности, всякаго столкновенія и враждебныхъ дѣйствій съ австрійцами. Вслѣдствіе этого обѣщанія, Шварценбергъ не передалъ предписанныхъ ему изъ Вѣны угрозъ, что Австрія будетъ помогать Портѣ противъ Россіи и содѣйствовать возстановленію Польши.

Отъ Россіи обратились въ Пруссіи, которая очутилась между двухъ огней: съ одной стороны, она находилась подъ ножомъ Наполеона, у котораго было французскаго войска между Рейномъ и Эльбою 70,000, да въ его распоряженіи были войска польскія, саксонскія и вестфальскія, числомъ до 80,000, а у Пруссіи только 42,000. Въ два перехода саксонцы могли быть въ Глогау и отрѣзать Силезію, въ три перехода французы и вестфальцы изъ Магдебурга могли быть въ Берлинѣ. Вступить въ союзъ съ Австріею противъ Франціи значило идти на вѣрную гибель; понятно, что императоръ Александръ долженъ былъ отклонять отъ этого Пруссію всѣми силами; если уговаривали Австрію ждать удобнѣйшаго времени, когда всѣ главныя силы Европы будутъ въ сборѣ, то тѣмъ болѣе должны были уговаривать Пруссію ждать «часа мщенія». Но, съ другой стороны, самое это положеніе подъ ножомъ было нестерпимо; какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлые народы въ болѣзняхъ и страданіяхъ не могутъ спокойно относиться къ причинамъ и слѣдствіямъ этихъ болѣзней и страданій, и бросаются на первую возможность немедленнаго облегченія; надежда получить облегченіе растетъ соотвѣтственно желанію облегченія, да и во всякомъ случаѣ, кажется, что хуже настоящаго положенія уже не будетъ. Кромѣ того, представлялась мысль: благоразумно или неблагоразумно поступаетъ Австрія, но она непремѣнно хочетъ воевать; если не присоединиться къ ней и дать ей погибнуть, что̀ станется съ Пруссіею? Новое торжество, новое усиленіе Наполеона есть вмѣстѣ съ тѣмъ новое бѣдствіе, окончательное паденіе Пруссіи, которую онъ будетъ замучивать на медленномъ огнѣ. Всего печальнѣе было положеніе короля Фридриха-Вильгельма, который

видѣлъ всю опасность разрыва съ Франціею, всю справедливость русскихъ внушеній: «Австріи король не спасетъ, а только рѣшитъ собственную гибель, отнявши у Россіи средства воспрепятствовать ей». И въ то же время король долженъ былъ сдерживать нетерпѣніе лучшихъ людей, которые требовали войны съ Наполеономъ, требовали во имя страданій народа, который не хочетъ болѣе сносить ига и двинется противъ воли короля. Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ уступать этимъ воплямъ, позволять вести переговоры съ Австріею о союзѣ, но въ рѣшительную минуту объявлялъ: «Не могу безъ Россіи!» Это объявленіе не успокоивало его; невыносимо тяжко было безпрестанно встрѣчаться съ людьми, въ глазахъ которыхъ онъ читалъ упрекъ въ слабости, нерѣшительности, трусости, и король пишетъ умоляющее письмо императору Александру, чтобъ тотъ разорвалъ союзъ съ Францію. Изъ Петербурга отвѣта нѣтъ. Эти требованія съ австрійской и прусской стороны не могли не производить здѣсь раздражающаго, оскорбительнаго впечатлѣнія. Въ 1805 г., послѣ долгихъ отнекиваній, Австрія вдругъ рванулась на войну, не дождавшись русскихъ войскъ,—потерпѣла пораженіе; Пруссія, несмотря на всѣ настаиванія Россіи, не двинулась. Потомъ и ей пришла охота повторить ошибку Австріи: въ слѣдующемъ году и она вдругъ рванулась на войну одна,—была разгромлена; Россія пришла къ ней на помощь и, сдержавъ Наполеона, стала уговаривать Австрію войти въ союзъ противъ него, что̀ должно было имѣть рѣшительное значеніе. Австрія не двинулась; необходимымъ слѣдствіемъ былъ тильзитскій миръ, и со всѣхъ сторонъ крики, упреки Александру въ слабости, невыдержливости, измѣнчивости; а теперь, когда Россія занята двумя войнами, Австрія опять рвется на борьбу и требуетъ русской помощи, того же требуетъ и Пруссія! Это была какая-то насмѣшка надъ Россіею. Тщетно императоръ Александръ говорилъ Австріи, чтобъ подождала болѣе благопріятнаго времени, что она можетъ быть покойна, ея не тронутъ, онъ за это ручается. Ему не вѣрили; вѣрили—Талейрану, который совѣтовалъ предупредить Наполеона войною. 8 февраля (н. ст.) 1809 года эрцгерцогъ Карлъ объявилъ въ совѣтѣ: «Я не подавалъ голоса за войну; отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые ея непремѣнно хотятъ». Въ апрѣлѣ австрійцы начинаютъ войну вторженіемъ въ Италію, Баварію, герцогство варшавское. Старая ошибка—раздѣленіе силъ, старыя слѣдствія: Наполеонъ занимаетъ Вѣну, одерживаетъ рѣшительную побѣду при Ваграмѣ (8 іюля), австрійцы спѣшатъ заключить перемиріе (12 іюля).

То, что̀ Наполеонъ называлъ безуміемъ, было сдѣлано. На-

полеонъ былъ сердитъ; сначала онъ объявилъ: «Не хочу мира съ Австріею; я ее раздѣлю на цѣлый рядъ независимыхъ государствъ; только отреченіе императора Франца отъ престола понудитъ меня вступить въ переговоры». Въ другой разъ объявилъ: «Хотя я не имѣю никакого довѣрія къ Австріи, однако рѣшаюсь еще разъ на миръ и даже предложу умѣренныя условія, если Францъ откажется отъ престола въ пользу одного изъ членовъ императорской фамиліи, и если императоромъ будетъ великій герцогъ вюрцбургскій, то я оставлю монархію во всей ея цѣлости». Эти грозныя рѣчи показывали, что миръ можетъ быть купленъ только очень дорогою цѣною. Во время перемирія образовались двѣ партіи—партія войны и партія мира, и первую поднимали требованія Наполеона. Брались за разные планы: одни хотѣли, чтобъ при посредствѣ англійскаго посланника былъ заключенъ поскорѣе миръ между Россіею и Турціею, вслѣдствіе чего можно было бы образовать тройной союзъ между Австріею, Англіею и Турціею; другіе возражали, что, наоборотъ, надобно уговаривать турокъ къ энергическому продолженію войны съ Россіею, пока послѣдняя будетъ въ союзѣ съ Наполеономъ. Меттернихъ предложилъ планъ возстановленія Польши подъ самостоятельнымъ государемъ, чтобы поднять поляковъ противъ Наполеона. Австрія уступала возобновленному государству западную Галицію, обѣщала и остальную, если дадутъ вознагражденіе въ Италіи или Германіи; между Австріею, Пруссіею, Польшею, Турціею, Англіею, Испаніею, Португаліею, Сициліею и Сардиніею долженъ быть заключенъ оборонительный и наступательный союзъ. Громоздкій планъ (съ Португаліею, Сициліею и Сардиніею!!) былъ разрушенъ замѣчаніемъ Стадіона: какая охота полякамъ для возстановленія своего государства входить въ союзъ съ Австріею, когда они могутъ надѣяться достичь этого гораздо легче посредствомъ Франціи? Притомъ, Россія, увидавши австрійскіе замыслы, станетъ усерднѣе помогать Наполеону.

Изъ длиннаго меттерниховскаго перечня *возможныхъ* союзниковъ одна Англія могла бы оказать дѣйствительную помощь; но она спѣшила, вслѣдствіе британскихъ интересовъ, испортить и теперь дѣло точно такъ же, какъ и въ 1807 году. Стадіонъ не напрасно разсчитывалъ на патріотическія движенія противъ французовъ въ сѣверной Германіи: они обнаружились. Но мы уже замѣтили, что эти движенія могли бы имѣть значеніе только тогда, когда получили бы помощь, опору и единство. Прусскій майоръ Шилль поднялъ восстаніе, и недалеко отъ Магдебурга побилъ французовъ, но, не видя ни откуда помощи, заперся въ Штральзундѣ, былъ тамъ осажденъ и палъ въ битвѣ; герцогъ

Фридрихъ-Вильгельмъ брауншвейгскій набралъ себѣ кавалерійскій отрядъ изъ 2000 человѣкъ («Черный легіонъ мщенія»), ворвался въ Саксонію, овладѣлъ Дрезденомъ, Мейсеномъ и Лейпцигомъ; но опять, не видя ни откуда помощи, долженъ былъ отступить предъ превосходными силами вестфальскаго короля, пробился чрезъ всю сѣверную Германію и спасся на англійскихъ корабляхъ. Эти движенія могли имѣть успѣхъ, распространиться, если бы нашли себѣ опору; эту опору дало бы имъ англійское войско, если бы высадилось гдѣ-нибудь на берегахъ сѣверной Германіи; но такая отдаленная высадка была не въ англійскихъ интересахъ, которые требовали овладѣнія чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ, ближайшимъ. Чтобъ овладѣть Антверпеномъ и устьями Шельды, 40,000 англичанъ высадились на островъ Валхеренъ и потерпѣли полную неудачу. Въ Испаніи англійское войско, подъ начальствомъ Уеллеслея (послѣ—лорда Веллингтона) должно было отступить передъ французскимъ маршаломъ Сультомъ въ Португалію; испанское войско было разбито французами недалеко отъ Толедо. Эти извѣстія заставили императора Франца принять тяжелыя мирныя условія и выдать тирольцевъ, которые геройски дрались за Австрію противъ французовъ и баварцевъ. 14-го октября (н. с.) былъ заключенъ вѣнскій миръ, по которому Австрія потеряла 2000 квадратныхъ миль и три съ половиною милліона жителей; потеряна была Иллирія, которою она такъ дорожила и которая теперь такъ важна была для Наполеона по отношенію къ Балканскому полуострову, какъ самъ Наполеонъ заявлялъ во время переговоровъ. Западная Галиція съ Краковомъ и остальными областями, доставшимися Австріи по третьему раздѣлу Польши, отошли къ варшавскому герцогству, восточная Галиція къ Россіи; Австрія должна была присоединиться къ континентальной системѣ, заплатить 85 милліоновъ контрибуціи и обязалась не держать болѣе 150,000 войска.

Исчезъ прекрасный сонъ, когда Австріи грезилось, что она находится въ челѣ народовъ, возставшихъ за свободу и независимость. Австрія прокляла коварный сонъ и поспѣшила погрузиться въ дѣйствительность. Человѣкъ, который навелъ этотъ сонъ на Австрію, который вздумалъ-было проповѣдывать какую-то духовную культуру, Стадіонъ, долженъ былъ удалиться, какъ глава воинственной партіи, главный виновникъ неудавшейся войны. Все пришло въ надлежащій порядокъ; императоръ Францъ не имѣлъ уже подлѣ себя такого безпокойнаго, страннаго нововводителя и могъ предаться вполнѣ своей системѣ, системѣ освященной. По убѣжденію Франца, государство была машина, все государственное управленіе должно было идти, какъ заведенные

часы. Ничто не должно нарушать обычнаго хода машины: разъ заведена, и пусть идетъ. Нечего трогать, перемѣнять—только испортишь: Іосифъ II-й, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ, вздумалъ потрогать машину, перемѣнить колеса,—и что же вышло? только разстроилъ. Хорошо шла машина прежде, пусть и теперь такъ же идетъ. «Держитесь старины, старина—хорошее дѣло,—говорилъ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея:—нашимъ предкамъ было хорошо при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю». Новыхъ идей было много въ новыхъ нѣмецкихъ книгахъ, печатанныхъ въ сѣверной Германіи, и потому эти книги были строго запрещены въ Австріи. Но при Іосифѣ II-мъ и въ самой Австріи было напечатано много книгъ съ разными идеями: болѣе 2500 этихъ старыхъ іосифовскихъ книгъ было теперь запрещено въ Австріи. Въ книжной торговлѣ господствовали рыцарскіе романы. Рыцарскіе романы можно читать: они не разстраиваютъ головы разными идеями, не препятствуютъ пищеваренію, а это главное: здоровый желудокъ, хорошій столъ и хорошая музыка—больше ничего не нужно для народнаго благосостоянія. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслію—вотъ главное правило добраго подданнаго. Музыка очень хорошее искусство: она услаждаетъ и успокоиваетъ, убаюкиваетъ. Францъ былъ большой охотникъ до музыки и музыкантовъ: при немъ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютантскаго званія. Францъ не любилъ войны и въ мирное время не любилъ военныхъ упражненій: тутъ было много движенія, шума, блеска; все это способнѣе было возбуждать, чѣмъ успокоивать. Другое дѣло канцелярія: тамъ все тихо, спокойно и правильно; бумага составляется, прочитывается, докладывается, занумеровывается, подписывается и предается законному правильному теченію; течетъ тихо, плавно, спокойно, медленно, величаво, своимъ появленіемъ въ извѣстныхъ мѣстахъ возбуждаетъ тихое, спокойное движеніе переписки, отписки; наконецъ, бумага совершаетъ свой путь и впадаетъ въ море-океанъ бумажный. Теченіе бумаги окончено, дѣло сдѣлано. Какое дѣло?—спрашиваютъ. Но такіе вопросы могутъ поднимать только идеологи.

Направленію государя долженъ былъ соотвѣтствовать первый министръ. Кобенцль и Стадіонъ, несмотря на видимое различіе, существенно были похожи другъ на друга. Разница между ними была такая же, какая между вельможею XVIII-го вѣка, съ пудрою на головѣ, въ расшитомъ золотомъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, и вельможею XIX-го вѣка, въ черномъ суконномъ фракѣ. Но оба были похожи другъ на друга тѣмъ, что оба

были министры безпокойные, воинственные, оба мечтали дать Австріи важное значеніе посредствомъ борьбы съ преобладающею силою Франціи, и Стадіонъ даже придумалъ какое-то внутреннее, народное движеніе, поднятіе нравственныхъ силъ народныхъ, какую-то духовную культуру, союзъ съ народными движеніями извнѣ. Чтó-жъ вышло хорошаго? Слѣдствіемъ политики Кобенцля была несчастная война 1805 года; слѣдствіемъ политики Стадіона—несчастная война 1809 года. Эта политика осуждена своими слѣдствіями; теперь должна быть политика другая, и представителемъ этой новой политики является новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Меттернихъ. Мы видѣли, что Меттернихъ, будучи посломъ въ Парижѣ, заплатилъ дань направленію Стадіона, его донесенія могущественно содѣйствовали рѣшенію австрійскаго кабинета начать войну; мало того, онъ писалъ о необходимости народнаго возбужденія: «Всякое правительство,—писалъ онъ,—всегда найдетъ въ критическія минуты великія средства въ народѣ; оно должно возбуждать и особенно употреблять ихъ; одинъ примѣръ силы, хорошо направленный государемъ и поддержанный его народомъ, быть можетъ, остановилъ бы опустошительное движеніе Наполеона». Кромѣ того, что Меттернихъ могъ считать необходимымъ поддѣлываться подъ направленіе своего министра, подъ направленіе, становившееся господствующимъ при дворѣ, Меттернихъ находился въ Парижѣ подъ вліяніемъ сильнаго авторитета, Талейрана; наконецъ, оставя въ сторонѣ разсчеты и внѣшнія вліянія, Меттернихъ извѣстное время могъ смотрѣть именно такъ на дѣло, скользя по его поверхности, ибо только при сосредоточеніи полнаго вниманія на предметѣ и при свободномъ его обсужденіи можетъ образоваться опредѣленный взглядъ, въ которомъ окончательно и выскажется личность человѣка. Это и случилось съ Меттернихомъ, когда онъ замѣнилъ Стадіона, сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ настоящее время онъ отказался для Австріи отъ всякаго почина въ войнѣ; если Австрія и должна была принять участіе въ войнѣ, то когда другіе сдѣлаютъ главные и самые трудные шаги, когда успѣхъ будетъ вѣренъ и выгоды несомнѣнны. Такой образъ дѣйствія признанъ для Австріи обязательнымъ и навсегда. Спокойнымъ, свободнымъ отъ всякаго вліянія патріотическаго чувства взглядомъ взглянулъ Меттернихъ на Австрію и нашелъ, что она слаба, слаба не временно, не относительно только наполеоновской Франціи, но слаба вообще, слаба сравнительно съ Россіею, Франціею, Пруссіею; слабость заключается въ пестротѣ состава имперіи, въ отсутствіи національнаго единства, чтó съ особенною ясностію выступило именно теперь, когда вопросъ народности становился

на очередь вслѣдствіе наполеоновскаго гнета. Въ Испаніи, Германіи обнаружилось народное движеніе противъ поработителей; Стадіонъ и самъ Меттернихъ признавали его необходимымъ и въ Австріи для успѣха борьбы; но когда Меттернихъ, въ спокойную минуту, взглянулъ поближе на дѣло, то отчурался навсегда отъ мысли вызывать народное движеніе. Въ Пруссіи движеніе было національное, нѣмецкое, оно обхватывало основное, теперь исключительное народонаселеніе государства и, распространяясь по Германіи, служило только къ поднятію значенія Пруссіи. Но въ Австріи, составленной изъ нѣсколькихъ народностей, національный вопросъ, вопросъ о національной равноправности, о неподчиненіи одной національности другой велъ къ усобицѣ и разложенію монархіи. Какъ скоро страшная опасность была сознана, въ основу системы было положено отсутствіе всякаго внутренняго движенія, все должно оставаться по старому и пребывать въ полномъ спокойствіи. Но сохраненіе существующаго порядка внутри австрійской имперіи чрезвычайно трудно, если около будутъ происходить опасныя движенія и перемѣны. И потому главною задачею внѣшней политики Австріи должно быть сохраненіе старины по возможности во всѣхъ государствахъ Европы, преимущественно ближайшихъ. При сознаніи своей слабости Австрія должна избѣгать войны, но когда война готова будетъ возгорѣться между другими государствами, Австрія не можетъ осудить себя на страдательное положеніе; она пользуется случаемъ показать свое значеніе, возвысить его, является посредницею, старается захватить въ свои руки узелъ переговоровъ и направлять ихъ по своимъ интересамъ, выжидая благопріятныхъ обстоятельствъ, пользуясь каждою случайностію, грозя и отступая, опять грозя и отступая. Это консервативное во что бы то ни стало стремленіе внутри и внѣ дало Австріи характеръ государства дипломатическаго: внутри, состоя изъ разныхъ государствъ, изъ разныхъ народовъ, она должна управлять ими дипломатическими средствами, сохраняя равновѣсіе, раздѣляя и властвуя; извнѣ сознаніе слабости, страхъ предъ рѣшительными мѣрами, предъ войною, заставляетъ поддерживать и поднимать свое значеніе также дипломатическими средствами, лавируя между сильными, раздѣляя ихъ, одиноча сильнѣйшихъ. Эти черты австрійской политики стали являться постоянными съ тѣхъ поръ, какъ завѣдываніе иностранными дѣлами принялъ Меттернихъ, человѣкъ системы. Создавши себѣ разъ систему, Меттернихъ проводилъ ее неуклонно, и такъ какъ основная ея черта, консерватизмъ, могла быть проведена для Австріи только при помощи проведенія ея и въ другихъ государствахъ, то Меттернихъ является проповѣдникомъ своей системы: эта си-

стема, по обстоятельствамъ времени, какъ увидимъ, пріобрѣла сочувствіе многихъ и многихъ, поэтому австрійскій министръ, авторъ системы, является главою школы, начинаетъ играть роль наставника государей, руководителя министровъ. Авторскій талантъ, сильная логика давали ему къ тому средства. Каждый политическій вопросъ учитель объяснялъ, указывалъ причины и слѣдствія, приводилъ въ связь съ своею системою, прилагалъ къ нему ея правила. Меттернихъ былъ охотникъ писать длинныя посланія, которыя отзывались учительскимъ тономъ; основныя положенія онъ обыкновенно подчеркивалъ, точно въ учебникахъ, гдѣ важнѣйшее печатается крупнымъ шрифтомъ, а менѣе нужныя подробности мелкимъ. Меттернихъ зналъ все, что̀ дѣлается тайнаго въ разныхъ углахъ Европы, и готовъ былъ служить каждому государю сообщеніемъ нужныхъ для послѣдняго свѣдѣній, причемъ сообщалъ свои взгляды на то, какъ должно управлять народами для ихъ благоденствія и для благоденствія правительствъ. Меттернихъ очень заботился о спокойствіи простого рабочаго народа, который въ его глазахъ былъ настоящемъ народомъ. Этотъ народъ, по словамъ Меттерниха, занятъ положительными и постоянными работами, и недосугъ ему кидаться въ отвлеченности и въ честолюбіе; этотъ народъ желаетъ только одного: сохраненія спокойствія. Враги этого спокойствія, враги настоящаго народа—это люди обыкновенно изъ средняго класса, которыхъ самонадѣянность, постоянная спутница полузнанія, побуждаетъ стремиться къ новому, къ перемѣнамъ. Противъ этихъ-то людей Меттернихъ приглашалъ правительства составить союзъ.

Но благодѣтель настоящаго народа забывалъ о достоинствѣ и обязанностяхъ настоящаго правительства. Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобъ не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобъ поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое, въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не

вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно, оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни.

Кромѣ того, что Меттернихъ самъ любилъ писать посланія къ государямъ для внушенія имъ основаній своей системы, онъ нашелъ въ Вѣнѣ человѣка, который съ необыкновеннымъ усердіемъ явился глашатаемъ меттерниховой системы и прославителемъ мудрости австрійскаго министра: то былъ извѣстный публицистъ, Фридрихъ Генцъ. Генцъ началъ свое публицистическое поприще въ Берлинѣ; поклонникъ французской революціи вначалѣ, онъ скоро, подобно многимъ, оттолкнулся отъ этого явленія, испуганный его темною стороною, и въ своемъ «Историческомъ журналѣ» все свое сочувствіе обратилъ къ Англіи, впрочемъ не безкорыстно: онъ получалъ *субсидію* отъ англійскаго правительства, равно какъ и отъ другихъ державъ, когда сталъ извѣстенъ, какъ противникъ и послѣ-революціоннаго порядка вещей во Франціи, противникъ Наполеона. Деньги были нужны Генцу вслѣдствіе страшно-безпорядочной жизни: чувственныя удовольствія, женщины, игра мгновенно поглощали пенсіи, получаемыя за авторскую благонамѣренность. Въ сѣверной Германіи, въ Берлинѣ Генцу было неловко: здѣсь были строже нравственныя требованія отъ общественнаго дѣятеля, чѣмъ и объясняется возрожденіе Пруссіи на нравственной почвѣ послѣ 1806 года. Генцъ уже давно посматривалъ на югъ, на Вѣну, какъ на обѣтованную землю для людей съ его наклонностями, и охотно принялъ предложеніе графа Кобенцля переселиться въ Австрію. При Кобенцлѣ и Стадіонѣ Генцъ продолжалъ ратовать противъ Наполеона; при Меттернихѣ онъ совершенно подчинился взглядамъ этого министра, подчинился тому повороту, какой произошелъ въ австрійской политикѣ послѣ войны 1809 года.

VI.

Послѣдняя борьба.

Въ войнѣ 1809 года лежалъ зародышъ войны 1812 года. Наполеонъ изъ дѣйствій русскаго вспомогательнаго отряда увидалъ ясно, что союзъ съ Россіею только формальный, что русскій государь преслѣдуетъ свои интересы, не хочетъ быть слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ, тогда какъ Наполеонъ подъ именемъ союзниковъ разумѣлъ то же самое, чтó древніе римляне разумѣли подъ этимъ именемъ, т.-е. подчиненныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, пораженіе Австріи, перемѣна ея политики, обнаружившаяся исканіемъ родственнаго союза съ императоромъ французовъ, дали Наполеону возможность не церемониться съ Россіею, освободить себя отъ крайне непріятныхъ отношеній къ государю, который заявлялъ претензію стоять съ нимъ въ полномъ равенствѣ. Александръ долженъ почувствовать теперь свое полное одиночество и смиряться; если же не захочетъ и сдѣлаетъ то же, чтó сдѣлала Пруссія въ 1806 и Австрія въ 1809, то будетъ такъ же жестоко наказанъ за свой поступокъ.

Александръ кончилъ одну войну—шведскую. Финляндія была покорена; въ мартѣ 1809 года русскія войска по льду достигли Аландскихъ острововъ и оттуда, по льду же, перешли въ Швецію, какъ получено было предложеніе перемирія и мира. Въ Швеціи произошелъ переворотъ. Густавъ IV послалъ три гвардейскіе полка, всего 2000 человѣкъ, высадиться въ Финляндіи, взять Або и идти на Петербургъ. Полки, разумѣется, возвратились, ничего не сдѣлавши, и за это были наказаны. Съ этихъ поръ повсюду въ войскѣ начались заговоры. Король, подозрѣвая шведовъ, вызвалъ для собственной охраны два нѣмецкихъ полка прежняго штральзундскаго гарнизона. Деньги употреблялись на

шпіоновъ, а войска оставались безъ жалованья. Король наложилъ чрезвычайную контрибуцію—въ пять разъ больше той, которая была определена государственными чинами; выплатить ее было нельзя уже потому, что сумма превышала всѣ деньги, находившіяся въ обращеніи въ Швеціи. Густавъ началъ требовать у Англіи большихъ субсидій, и когда англійскій министръ при его дворѣ Мерри прочелъ ему отказъ своего правительства, то король выхватилъ шпагу и Мерри убѣжалъ. Потомъ Густавъ опять призвалъ Мерри, выслушалъ его спокойно, повернулся и убѣжалъ,—вѣрно для того, чтобъ передразнить Мерри. Подполковникъ Адлерспарре поднялъ восстаніе въ войскѣ, слѣдствіемъ чего было отреченіе Густава IV отъ престола. Королемъ былъ провозглашенъ дядя его, Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, подъ именемъ Карла XIII, который и заключилъ миръ съ Россіею въ Фридрихсгамѣ (сентябрь, 1809), уступивъ ей Финляндію и Аландскіе острова; Швеція отказывалась отъ союза съ Англіею и заперла свои гавани для ея кораблей.

Шведскій вопросъ былъ рѣшенъ; но оставались турецкій и польскій. Императоръ Александръ, въ виду неминуемой борьбы съ Наполеономъ, желалъ какъ можно скорѣе кончить турецкую войну, такъ же скоро пріобрѣсть дунайскія княжества, какъ пріобрѣлъ Финляндію; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его желаніямъ, война затянулась. Приступы къ Журжѣ и Браилову не удались. Главнокомандующій, старикъ князь Прозоровскій плакалъ отъ отчаянія; находившійся при немъ Кутузовъ утѣшалъ его: «Я и аустерлицкое сраженіе проигралъ, да не плакалъ». Такъ какъ было извѣстно, что турки отлично защищаются въ крѣпостяхъ, то государь требовалъ, чтобъ Прозоровскій, не занимаясь ихъ осадою, переходилъ Дунай и Балканы, угрозою Константинополю побудилъ Порту заключить скорѣе миръ. Но Прозоровскій медлилъ; онъ боялся высадки англичанъ гдѣ-нибудь на сѣверномъ берегу Чернаго моря, боялся даже австрійцевъ, тогда какъ въ Петербургѣ боялись больше всего Наполеона. Военный министръ, графъ Аракчеевъ, писалъ: «Если паденіе Австріи совершится, прежде нежели мы окончимъ войну съ турками, то Наполеонъ вмѣшается въ наши дѣла и затруднитъ ихъ, и даже можетъ случиться, что послѣ всѣхъ нами сдѣланныхъ пожертвованій, мы будемъ принуждены очистить Молдавію и Валахію. Совсѣмъ иное будетъ, если паденіе Австріи застанетъ насъ въ мирѣ съ турками. Тогда Наполеонъ уже не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Очевидно, какъ полезно для насъ побудить турокъ къ неотлагательному заключенію мира». Пророчеству Аракчеева суждено было исполниться съ черной его стороны. Прозоровскій

умеръ; но преемникъ его, князь Багратіонъ, не успѣлъ сдѣлать многаго, и въ концѣ кампаніи виднѣе была неудача русскихъ, которые сняли осаду Силистріи и перешли назадъ на лѣвый берегъ Дуная, тогда какъ Наполеонъ торжествовалъ вѣнскій миръ. Ему не нравилось окончаніе шведской войны; но онъ былъ очень доволенъ ходомъ дѣлъ на Дунаѣ, и говорилъ въ ноябрѣ русскому послу, кн. Куракину: «эти турки умѣютъ биться только въ крѣпостяхъ и за ретраншементами; и такъ вы получите Молдавію и Валахію, какъ получили Финляндію». Куракинъ не догадался, что тутъ была насмѣшка.

Но, кромѣ турецкихъ дѣлъ, въ которыя боялись вмѣшательства Наполеона, и боялись совершенно основательно, былъ еще важный вопросъ — польскій. Однимъ изъ главныхъ побужденій къ тильзитскому миру и союзу было желаніе удержать возстановленіе Польши Наполеономъ, по крайней мѣрѣ, на первой стадіи, образованіи герцогства Варшавскаго подъ властію саксонскаго короля. Понятно, что Александръ долженъ былъ стараться, чтобъ дѣло не переступило на вторую стадію вслѣдствіе австрійской войны. Съ лѣтъ ранней молодости польскій вопросъ сильно занималъ его, и нельзя думать, что въ этомъ отношеніи онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ Чарторыйскаго. Послѣдній, какъ человѣкъ помѣшанный на вопросѣ, могъ только наскучить Александру своею неотвязчивостію. Въ отношеніяхъ Александра и Чарторыйскаго по поводу польскаго вопроса, мы ясно видимъ въ Чарторыйскомъ человѣка, страстно относящагося къ дѣлу, а въ Александрѣ—человѣка, спокойно обдумывающаго его, соображающаго всѣ благопріятныя и неблагопріятныя условія, испытывающаго то или другое средство для приведенія его къ концу, въ связи со многими другими вопросами. Рѣшеніе польскаго вопроса, какъ оно было задумано Александромъ и послѣ исполнено, проистекало прямо изъ природы Александра, постоянною цѣлію котораго было примиреніе интересовъ, улаживаніе. Съ лѣтъ ранней молодости Александръ слышалъ различные толки о польскомъ вопросѣ, о раздѣлахъ Польши. Съ одной стороны, русскіе люди выставляли свое право и свой интересъ, противъ которыхъ возражать было нельзя; съ другой стороны, съ запада слышались громкіе вопли противъ распоряженій трехъ державъ относительно Польши, и этимъ воплямъ подлѣ Александра вторилъ не одинъ Чарторыйскій, были и русскіе, которые, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, относились неодобрительно къ политикѣ Екатерины относительно Польши,— вспомнимъ Воронцовыхъ, имѣвшихъ большое вліяніе. Александръ, поставленный между двухъ сторонъ, по своему основному стрем-

ленію, естественно долженъ былъ придти къ мысли примирить эти стороны, согласить интересы возстановленіемъ Польши и вмѣстѣ соединеніемъ ея съ Россіею подъ однимъ скипетромъ. А между тѣмъ борьба, поднятая Наполеономъ и взволновавшая всю Европу, вызывала мысль о Польшѣ и въ другихъ сферахъ, потому что пошла страшная ломка, передѣлка карты, создавались новыя государства, измѣнялись границы старыхъ; на Польшу не могли не обратить при этомъ вниманія; о новыхъ отношеніяхъ къ ней толковали и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, каждое государство хотѣло воспользоваться ею для своихъ цѣлей, поднимать ее противъ враговъ, вымѣнивать ея области на другія, болѣе подходящія и т. п. Но понятно, что рѣшеніе вопроса зависѣло отъ двухъ сильнѣйшихъ государствъ, располагавшихъ судьбою Европы, Россія и Франція; для нихъ Польша стала мѣстомъ и причиною борьбы на животъ и на смерть. Наполеонъ уже началъ дѣло возстановленія Польши въ своихъ интересахъ; не допустить дальнѣйшаго хода этого дѣла было жизненнымъ вопросомъ для Россіи. Демонически искусительно было предложеніе Наполеона Александру въ Тильзитѣ—взять себѣ Польшу и отдать Пруссію на жертву Наполеону. «Единственная собственность государей»,—честь—заставила Александра отвергнуть предложеніе; но польскій вопросъ, вмѣстѣ съ восточнымъ, уже ставилъ обоихъ союзниковъ въ положеніе борцовъ, не спускающихъ глазъ другъ съ друга, слѣдящихъ взаимно за малѣйшимъ движеніемъ. Во время австрійской войны 1809 года столкновеніе послѣдовало при общемъ дѣйствіи, именно въ Галиціи, куда вступило русское войско подъ начальствомъ князя Голицына (Сергѣя Ѳедоров.), а съ другой стороны вступило польское войско Варшавскаго герцогства подъ начальствомъ кн. Понятовскаго, который сталъ величать себя «главнокомандующимъ польской арміи». Поляки хотѣли распоряжаться въ польскихъ областяхъ Австріи, какъ уже въ принадлежащихъ имѣющему немедленно возстановиться польскому королевству и занимали ихъ именемъ Наполеона, тогда какъ императоръ Александръ имѣлъ въ виду одно, чтобъ созданіе Наполеона, Варшавское герцогство, никакъ не усиливалось пріобрѣтеніемъ польскихъ областей Австріи, чтобъ возстановленіе Польши въ интересахъ Наполеона не вступило такимъ образомъ на вторую стадію, ибо на третьей Варшавское герцогство принимало титулъ королевства польскаго съ претензіями на русскія земли, принадлежавшія Польшѣ до раздѣловъ. Претензіи уже обнаружились немедленно: по знаку, данному Наполеономъ, типографскіе станки Варшавскаго герцогства должны были работать неутомимо, печатая воззванія ко

всѣмъ полякамъ—вооружаться для возстановленія отчизны, разорванной преступною стачкою трехъ державъ; поведеніе Россіи въ настоящей войнѣ выставлялось въ самомъ черномъ видѣ, какъ враждебное польскимъ интересамъ и, разумѣется, прославлялся великій человѣкъ, посвятившій свой геній и силы для отмщенія за Польшу. Зажигательные листы проникли въ Литву, на Волынь, гдѣ польскій слой народонаселенія волновался. Въ Петербургѣ знали, что все это происходитъ по приказанію, или, по крайней мѣрѣ, съ согласія Наполеона. Императоръ Александръ говорилъ Коленкуру: «Я не претендую, чтобъ князь Понятовскій занималъ что-либо въ Австріи моимъ именемъ; но точно также я не могу согласиться, чтобъ именемъ императора Наполеона занимали земли, завоеванныя моимъ оружіемъ. Какое намѣреніе Франціи? Что, она хочетъ удержать Галицію за собою? Но я никогда не соглашусь, чтобъ на моей границѣ была французская провинція. Ни народъ мой, ни потомство мнѣ этого никогда бы не простили. Сколько пожертвованій принесено мною французскому союзу! война съ Англіею причинила страшный вредъ русской торговлѣ; война съ Австріею стоитъ огромныхъ издержекъ; послѣ такихъ пожертвованій я имѣю полное право удивляться тому, что происходитъ въ Польшѣ: Варшава пылаетъ бѣшеною ненавистію къ русскимъ, только о томъ и рѣчей, чтобъ возбудить возстаніе въ Литвѣ, и неужели это согласно съ союзомъ между Россіею и Франціею?» Графъ Румянцевъ говорилъ Коленкуру еще сильнѣе: «Вы спокойно смотрите, какъ разгараются политическія страсти во всѣхъ городахъ Варшавскаго герцогства; вы позволяете дѣлать воззванія къ жителямъ прежней Польши; я вамъ объявляю, г. посолъ: мы пожертвуемъ послѣднимъ человѣкомъ, мы продадимъ послѣднія наши рубашки, а не согласимся на возстановленіе Польши».

Послѣ заключенія перемирія съ Австріею, Наполеонъ написалъ Александру письмо, въ которомъ предлагалъ отправить русскаго уполномоченнаго для веденія сообща переговоровъ, или, быть можетъ, Александръ согласится быть включеннымъ въ договоръ въ качествѣ союзника Франціи. Александръ отказался отправить уполномоченнаго: такія дѣла любилъ онъ вести самъ; и дѣйствительно, трудно было выбрать человѣка, на котораго можно было бы возложить отвѣтственность за веденіе дѣла при такихъ натянутыхъ обстоятельствахъ. «Я, — сказалъ онъ Коленкуру,—вручаю интересы моей имперіи союзнику моему императору Наполеону и совершенно полагаюсь на его рѣшенія. Императоръ Наполеонъ держитъ теперь въ своихъ рукахъ судьбу Австріи: мое личное желаніе, чтобъ Франція ограничила воен-

ныя силы этого государства, а не раздробляла его; впрочемъ, я ограничиваюсь здѣсь только выраженіемъ моего желанія. Я выскажусь прямо относительно одного вопроса, въ которомъ ничто не можетъ меня поколебать: я буду противъ всякой мѣры, которая поведетъ къ возстановленію Польши. Я не могу пожертвовать своей привязанности къ императору Наполеону интересомъ и безопасностію своей имперіи. Пусть императоръ дастъ мнѣ по этому дѣлу удовлетворительный отвѣтъ, и онъ можетъ на меня положиться. Онъ говоритъ, что міръ великъ, можно уладиться: императоръ Наполеонъ ошибается, если дѣло идетъ о возстановленіи Польши: въ этомъ случаѣ міръ не такъ великъ, чтобъ мы могли уладиться, ибо я ничего не хочу для себя». Наполеонъ велѣлъ Коленкуру объяснить императору Александру, что Галицію нельзя возвратить Австріи: жители Галиціи подняли оружіе противъ Австріи, которая имъ будетъ мстить за это. Но Александръ отвѣчалъ: «Если вы хотите отнять всю Галицію у Австріи, то отдайте ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, который бы не былъ подъ вашимъ вліяніемъ. Хотите раздѣлить ее между мною и герцогствомъ Варшавскимъ, въ такомъ случаѣ герцогство должно получить малую долю, а я бо́льшую, ибо я не могу и не хочу согласиться ни на что, что̀ бы могло дать надежду породить даже идею о возстановленіи Польши. Россія дѣйствовала сообща съ вами, она имѣетъ право разсчитывать на общія выгоды съ вами. Затянемъ союзъ противъ Англіи и заботливо удалимъ все, что̀ можетъ насъ разъединить, не дѣлая ничего, что̀ бы могло вести къ возстановленію Польши. На этомъ держится миръ морской и миръ континентальный». Румянцевъ распространялъ мысли государя: «Какъ вы хотите имѣть союзниковъ,—говорилъ онъ Коленкуру,—внушая имъ страхъ за собственную безопасность въ то время, какъ они бьются за васъ? Я не вижу ничего, что̀ могло бы нарушить великій союзъ, соединяющій насъ противъ Англіи, если императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія возстановить Польшу. Если герцогство Варшавское получитъ небольшое приращеніе, Россія также удовольствуется малымъ; но если вы возьмете значительную часть Галиціи, то мой государь требуетъ двухъ третей этой страны и только одну треть уступаетъ герцогству».

Требованія были высказаны какъ нельзя яснѣе: миръ морской и миръ континентальный зависѣли теперь отъ того, какъ Наполеонъ распорядится польскими владѣніями Австріи: двѣ трети Россіи и треть Варшавскому герцогству. Наполеонъ распорядился совершенно наоборотъ: Россіи—восточную Галицію съ 400,000 жителей; герцогству Варшавскому—западную Галицію и

округи Кракова и Замосця съ 1,500,000 жителей. Чтó заставило его это сдѣлать? Во-первыхъ, польскій вопросъ нужно было значительно двинуть; онъ не хотѣлъ возстановлять Польши окончательно, но и не хотѣлъ тушить надежду поляковъ: надобно было, чтобъ результатъ сколько-нибудь соотвѣтствовалъ тому возбужденію, какое онъ самъ произвелъ въ жителяхъ герцогства и въ полякахъ Галиціи; послѣ такого возбужденія отдать Галицію Австріи или Россіи было дѣйствительно для него трудно. Во-вторыхъ, онъ уже не хотѣлъ болѣе церемониться съ Россіею, и хотѣлъ отмстить ея государю за нарушеніе, въ его глазахъ, союза, за неусердную помощь въ войнѣ; теперь онъ уже ненавидѣлъ Александра, ибо считалъ себя обманутымъ, теперь онъ уже не могъ положиться ни въ чемъ на тильзитскаго союзника, который явился для него не добродушнымъ, мягкимъ, довѣрчивымъ человѣкомъ, но грекомъ византійской имперіи, котораго надобно остерегаться, а не считать покорнымъ орудіемъ; мысль, что онъ самъ могъ служить орудіемъ для человѣка, котораго считалъ своимъ орудіемъ, была невыносима для Наполеона. Наконецъ, раздражалъ тонъ Александра, рѣшительность и ясность требованій, угроза важными послѣдствіями неисполненія этихъ требованій. Легко понять чувство Александра, когда онъ узналъ, какъ союзникъ распорядился Галиціею. Страшное оскорбленіе увеличивалось еще необходимостію принять долю, назначенную Наполеономъ, иначе самъ Александръ способствовалъ бы усиленію герцогства Варшавскаго; онъ долженъ былъ взять восточную Галицію по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ взялъ Бѣлостокскую область.

И, несмотря на то, сдѣлана была еще попытка уладить польское дѣло между Россіею и Франціею. «Надобно, — говорилъ Наполеонъ Куракину,—въ конецъ искоренить въ вашихъ областяхъ польскую горячку. Что касается меня, то я никогда не имѣлъ видовъ на Польшу и никогда не буду имѣть ихъ; я желаю только вашего спокойствія. Чтó я сдѣлалъ для герцогства Варшавскаго, тó я долженъ былъ сдѣлать, чтобъ дать ему существованіе, чтобъ его укрѣпить. Надобно запретить вашимъ польскимъ подданнымъ служить и оставаться въ Варшавскомъ герцогствѣ; надобно въ этомъ отношеніи установить общія правила для всѣхъ собственниковъ и строго наблюдать за ихъ исполненіемъ».— Въ письмѣ Шампаньи къ графу Румянцеву говорилось, что Наполеонъ готовъ согласиться, чтобъ слова: Польша, поляки исчезли не только изъ актовъ, но даже изъ исторіи. Вслѣдствіе этихъ заявленій Россія предложила Наполеону конвенцію для опредѣленія будущей судьбы герцогства Варшавскаго.

Наполеонъ согласился, Коленкуръ получилъ полномочіе, и конвенція была заключена 23 декабря 1809 года (4 января 1810); она была основана на заявленіяхъ Наполеона и заключала въ себѣ статьи: польское королевство не будетъ никогда возстановлено; слова: Польша, поляки—не будутъ употребляться въ публичныхъ актахъ; великое герцогство Варшавское не будетъ болѣе распространяться на счетъ прежде бывшихъ польскихъ областей. Наполеонъ отвергъ соглашеніе, объявивъ, что Коленкуръ превысилъ полномочіе. Наполеонъ указывалъ на невозможность утвердить первую статью, что Польша не будетъ никогда возстановлена. Наполеонъ предлагалъ перемѣнить ее такъ, что Франція обязывается не содѣйствовать ни прямо, ни косвенно возстановленію Польши. «Я не могу,—говорилъ Наполеонъ,—предварять рѣшеній Провидѣнія и не хочу воевать съ другими государствами, которымъ придетъ фантазія возстановлять Польшу». Такая увертка, такое слишкомъ несерьёзное толкованіе въ дѣлѣ столь важномъ, показывали всю неискренность Наполеона. Для всякаго было понятно, какъ кто-нибудь другой могъ возстановить Польшу безъ согласія Наполеона, и какъ онъ не будетъ воевать въ такомъ случаѣ. Отъ Наполеона требовали прямо, чтобъ обязательствомъ: «Польша никогда не будетъ возстановлена», онъ уничтожилъ надежды и волненія поляковъ. Онъ выдалъ свою мысль, требуя, чтобъ соглашеніе оставалось тайнымъ, тогда какъ Россія требовала напротивъ, чтобъ оно было публично. Это дѣло о конвенціи на счетъ Польши, бывшее основною причиною уничтоженія тильзитскаго союза, основною причиною окончательной борьбы между Россіею и Франціею, объясняется слѣдующимъ: когда со стороны Наполеона послѣдовали заявленія, что онъ никогда не намѣренъ возстановлять Польшу и готовъ изгладить ея имя даже изъ исторіи, онъ разводился съ своею женою, Жозефиною Богарне, и предлагалъ свою руку сестрѣ императора Александра, великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. 6-го февраля (н. с.) Наполеонъ получилъ отъ Коленкура извѣстіе о нерѣшительномъ отвѣтѣ или, лучше сказать, объ учтивомъ отказѣ со стороны императора Александра, и въ тотъ же самый день онъ велѣлъ дать знать русскому двору о своемъ отказѣ утвердить соглашеніе о Польшѣ.

Какое значеніе имѣлъ этотъ отказъ для будущихъ отношеній между Россіею и Франціею—было видно изъ словъ Александра Коленкуру: «Моя умѣренность и справедливость моего дѣла извѣстны; не я нарушу покой Европы; я не нападу ни на кого; но если на меня нападутъ, то я буду защищаться». Эти слова не были слѣдствіемъ сильнаго волненія, безпокойства, страха;

они были слѣдствіемъ спокойнаго обсужденія своего положенія и знанія, съ кѣмъ имѣлось дѣло. Конвенція служила пробою: если бы Наполеонъ согласился утвердить конвенцію и публиковать ее, то можно было успокоиться, по крайней мѣрѣ, на значительное время и заняться внутренними дѣлами; если же онъ отказывался, если, не довольствуясь западомъ Европы, хотѣлъ обнаруживать могущественное вліяніе и на востокъ ея, употреблять Россію какъ орудіе для своихъ цѣлей, держать ее въ тискахъ, подъ ножомъ, постоянно готовымъ опуститься, — то рушилось равенство между двумя имперіями, рушилось, слѣдовательно, основаніе, на которомъ было создано тильзитское соглашеніе; Россія не могла признать уничтоженія этого равенства, и надобно было вступать въ борьбу. Александръ предписалъ Куракину не соглашаться ни на какое измѣненіе конвенціи о Польшѣ и объявить Наполеону, что отказъ утвердить соглашеніе онъ, Александръ, считаетъ доказательствомъ рѣшенія со стороны императора французовъ когда-нибудь возстановить Польшу. Эти рѣшительныя требованія, этотъ языкъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли — поддержать равенство; но могъ ли выносить это равенство Наполеонъ, могъ ли на него согласиться? «Чтó значитъ этотъ языкъ? Россія хочетъ войны!» говорилъ Наполеонъ. — «Я первый не нападу; но если на меня нападутъ, то буду защищаться», говорилъ Александръ. Роковое слово: «война» — было произнесено и во Франціи, и въ Россіи. И здѣсь, и тамъ начались приготовленія. 10-го іюля 1810 года (н. с.) Наполеонъ потребовалъ отъ своего военнаго министра извѣстія — получено ли въ Варшавѣ оружіе, которое онъ туда послалъ, — сколько вообще оружія находится въ герцогствѣ: тамъ должно быть много его, чтобъ народонаселеніе въ нужномъ случаѣ могло быть вооружено. 2-го августа потребовалъ онъ отъ Коленкура точныхъ свѣдѣній о русскомъ войскѣ, которыя должны доставляться ежемѣсячно шифрованныя. Черезъ два дня, приказъ военному министру — усилить гарнизоны прусскихъ крѣпостей; король саксонскій, герцогъ варшавскій, долженъ укрѣпить Модлинъ; саксонцамъ должно быть отправлено оружіе; французская армія въ Германіи должна быть доведена до 200,000 человѣкъ и т. д. Россію должно предупредить: нельзя позволить ей захватить Польшу и ввести свое войско въ Пруссію, гдѣ народонаселеніе питаетъ страшную ненависть къ французамъ, гдѣ все поднимется, получивъ опору въ русскомъ войскѣ, — война будетъ тогда трудная. Чтобъ съ успѣхомъ кончить дѣло, сломить послѣднее государство, которое хочетъ быть независимо, держать себя въ равенствѣ, выставлять свои интересы и тѣмъ препятствовать интересамъ Франціи, — чтобъ сломить это государство, послѣд-

нюю надежду порабощенныхъ народовъ, надобно сдѣлать громадныя приготовленія, ибо ударъ долженъ быть нанесенъ рѣшительный: надобно навсегда освободиться отъ этой послѣдней помѣхи на континентѣ и вмѣстѣ нанести рѣшительный ударъ и Англіи; громадныя приготовленія требуютъ времени,—годъ, можетъ быть, два, и потому не надобно явно ссориться до тѣхъ поръ, пока будетъ все готово. Болѣе двухъ лѣтъ, вооружаясь постоянно, оскорбляя Россію своими распоряженіями, Наполеонъ закидывалъ русскихъ посланниковъ пестрыми рѣчами, переплетая откровенныя выходки съ явнымъ притворствомъ и ложью, выставляя свою правоту, обвиняя императора Александра и, въ то же время, заявляя о своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему. Какъ образчикъ этихъ рѣчей, приведемъ разговоръ Наполеона съ княземъ Куракинымъ (Алексѣемъ) 7-го августа 1810 года: «Мое вниманіе обращено исключительно на Англію, Голландію, Испанію, Италію; поэтому, нѣтъ ничего, что́ бы могло вести къ недоразумѣніямъ между нами, кромѣ польскихъ дѣлъ. Они могутъ возбуждать въ васъ недовѣріе; но вѣдь сами же вы виноваты въ событіяхъ, которыя повели къ этому! Такъ какъ въ послѣднюю австрійскую войну вы не двинулись въ самомъ началѣ и не заняли тотчасъ Галиціи, то дали время полякамъ овладѣть ею и отняли у себя средство имѣть ее теперь, ибо разъ занятая вашими войсками она должна была бы остаться за вами. При вѣнскомъ мирѣ мнѣ было нельзя уступить ее вамъ; не могъ я также и возвратить ее прежнему государю: я не могъ принести въ жертву страну, которая оказала мнѣ преданность. Я не хочу возстановленія Польши,—кажется, я это доказалъ, потому что я могъ это сдѣлать и въ Тильзитѣ, и послѣ вѣнскаго мира. Еслибъ я имѣлъ это въ виду, то я бы далъ герцогство Варшавское не саксонскому королю,— человѣку слабому, апатичному, который никогда не двинется. По винѣ вашего кабинета вы получили въ послѣдній разъ такъ мало. Вы всегда прежде, чѣмъ начать дѣйствовать, заглядываете въ послѣдствія событій; но въ нашъ вѣкъ событія идутъ одно за другимъ съ такою быстротою, что, упустивши разъ благопріятную минуту, послѣ уже ея не поймаешь. Правота моего поведенія должна вамъ доказать искренность моихъ намѣреній. Государи, поставленные въ челѣ великихъ имперій, не должны дѣйствовать иначе; интриги приличны только королю прусскому и мелкимъ князьямъ германскимъ, которые не умѣютъ и не могутъ вести себя иначе. Если я буду принужденъ воевать съ вами, то совершенно противъ моей воли: вести 400,000 войска на сѣверъ, проливать кровь безъ всякой цѣли, не имѣя въ виду никакой выгоды! Что́ вы получили отъ своей войны въ Италіи? Погибло множество

народа единственно, чтобъ доставить славу Суворову. Я не пойду, какъ императоръ Павелъ, чтобъ схватиться за мальтійскій орденъ и сдѣлаться его гроссмейстеромъ. Хочу, чтобъ меня поняли и не тревожились словоизверженіемъ праздныхъ людей и газетчиковъ. Я велѣлъ сказать Портѣ, чтобъ не думала о возвращеніи Молдавіи и Валахіи. Я долженъ желать, чтобъ эти княжества вамъ принадлежали, во-первыхъ, потому, что они укрѣпляютъ вашу границу на лѣвомъ берегу Дуная, границу — естественную, которую вы должны непремѣнно имѣть; потомъ — это пріобрѣтеніе составляетъ предметъ сильнаго желанія императора Александра; а наконецъ, — нечего скрывать, — это пріобрѣтеніе сдѣлаетъ васъ навсегда врагами Австріи; скажу вамъ, что она боится васъ столько же, какъ и меня».

«Хочу, чтобъ меня поняли», говорилъ Наполеонъ. Какъ понималъ его императоръ Александръ — видно изъ разговора его съ княземъ Чарторыйскимъ въ концѣ 1809 года, до разрыва по поводу конвенціи о Польшѣ. Когда Чарторыйскій замѣтилъ, какъ Наполеонъ успѣлъ увѣрить поляковъ въ своемъ доброжелательствѣ къ нимъ, императоръ прервалъ его: «Э! что вы мнѣ говорите! Это еще ничего; я знаю навѣрное, что въ то самое время, когда въ законодательномъ корпусѣ читалось изложеніе состоянія имперіи, гдѣ говорилось, что императоръ никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши, Наполеонъ увѣрялъ поляковъ въ противномъ, старался оживить ихъ надежды всевозможными объясненіями и обѣщаніями». Когда Чарторыйскій упомянулъ, что ходятъ слухи о болѣзни Наполеона, о возможности сумасшествія, императоръ сказалъ: «Никогда Наполеонъ не сойдетъ съ-ума. Среди самыхъ сильныхъ волненій у него голова всегда спокойна и холодна. Страстныя выходки его — бо́льшею частью обдуманы. Онъ ничего не дѣлаетъ, не разсчитавши заранѣе. Самыя насильственныя и отважныя его дѣйствія хладнокровно разсчитаны. Его любимая поговорка, что во всякомъ дѣлѣ надобно сначала найти методу; что всякая трудность преодолѣвается, если найдена настоящая метода, какъ поступать. У Наполеона всѣ средства хороши, лишь бы вели къ цѣли».

Составивъ себѣ такое понятіе о характерѣ своего противника, Александръ готовился къ войнѣ и, разумѣется, ничто уже не могло его болѣе удивить въ поступкахъ, въ новыхъ захватахъ Наполеона. Съ своей стороны, онъ поставилъ себѣ правиломъ: не подавать повода къ разрыву, не быть зачинщикомъ открытой борьбы, но вести себя такъ, чтобъ сохранить полное равенство въ отношеніяхъ къ западному императору, не позволяя ему требовать больше того, что̀ Россія должна была исполнить

по точному смыслу договоровъ, и протестуя, когда Наполеонъ позволялъ себѣ нарушеніе договоровъ. По тильзитскому договору, Россія разорвала съ Англіею—и по тому самому примкнула къ континентальной системѣ, не допускала англійскихъ кораблей въ свои гавани; но въ договорѣ не было условія, что русскія гавани должны быть заперты и для нейтральныхъ судовъ, и нейтральные корабли допускались. Наполеону давали знать, что на этихъ нейтральныхъ корабляхъ, именно американскихъ, провозятся въ Россію англійскіе товары; мало того,—что даже англійскіе купцы пробираются въ Россію подъ нейтральнымъ флагомъ. Наполеонъ страшно раздражался, требовалъ превращенія этого явленія, какъ наносившаго сильный вредъ континентальной системѣ; ему отвѣчали, что въ договорѣ нѣтъ ничего о торговлѣ нейтральныхъ. Русское правительство издало тарифъ, облагавшій высокою пошлиною произведенія французской промышленности. Наполеонъ взбѣшенъ: осмѣливаются прямо дѣйствовать противъ интересовъ Франціи! Ему спокойно отвѣчаютъ, что это внутреннее распоряженіе, въ которое иностранное государство не имѣетъ права вмѣшиваться. Для проведенія той же континентальной системы, чтобъ обезпечить исключеніе англійскихъ товаровъ на берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, Наполеонъ захватилъ ганзейскіе города и вмѣстѣ владѣнія герцога Ольденбургскаго, родственника императора Александра. Среди гробового молчанія, произведеннаго французскимъ игомъ во всей Европѣ, раздался, какъ по смерти герцога Ангьенскаго, одинъ протестующій голосъ Россіи, и легко понять, какое впечатлѣніе производилъ онъ среди всеобщаго молчанія: все живое, питавшее ненависть къ чужому игу, обращалось туда, откуда раздавался этотъ голосъ, говорившій, что есть страна—непорабощенная. Наполеонъ опять былъ взбѣшенъ: «Зачѣмъ,—говорилъ онъ,—императоръ Александръ протестовалъ? зачѣмъ не вошелъ въ соглашеніе? Герцогъ Ольденбургскій получилъ бы вознагражденіе». Наполеонъ не понималъ или не хотѣлъ понять, что протестъ произошелъ вслѣдствіе нарушенія равенства въ отношеніяхъ между двумя имперіями, что соглашеніе должно было предшествовать факту, а не слѣдовать за нимъ.

Война готовилась. Вооруженіямъ со стороны Франціи соотвѣтствовали вооруженія Россіи. Но императору Александру предстоялъ для рѣшенія труднѣйшій вопросъ: встрѣтить ли непріятеля на чужой землѣ—или ждать его на своей? Опытъ всей борьбы съ Наполеономъ приводилъ необходимо къ заключенію, что единственное средство побороть его заключалось въ томъ, чтобъ избѣгать рѣшительныхъ битвъ, отступать, завлекать внутрь страны,

отнимать средства продовольствія; въ его выгодѣ постоянно было: покончить дѣло какъ можно скорѣе; слѣдовательно, въ выгодѣ противника было: истомить его медленностью. Послѣ Аустерлица толковали, зачѣмъ было вступать въ сраженіе, надобно было отступать въ глубь Венгріи. Но эти толки не помогли: пруссакі выдвинулись и были разгромлены. Рѣшеніе старика Каменскаго — отступить, за чтó онъ былъ объявленъ сумасшедшимъ, было проблескомъ новой, необходимой системы въ борьбѣ; странный на первый взглядъ образъ веденія войны Беннигсена является для историка необходимымъ звеномъ въ цѣпи явленій борьбы, попыткою, неудавшеюся вслѣдствіе указанныхъ выше самыхъ неблагопріятныхъ условій. Теперь, при отстраненіи этихъ условій, для новой системы, естественно, наступалъ чередъ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя австрійская война 1809 года нанесла окончательный ударъ старой системѣ, а война въ Испаніи давала подкрѣпленіе новой, для которой Россія представляла самыя благопріятныя условія. Конечно, эта система была бы принята съ перваго же раза, еслибъ императоръ Александръ не останавливался важнымъ обстоятельствомъ. Естественно было ожидать, что Наполеонъ начнетъ свои враждебныя дѣйствія противъ Россіи провозглашеніемъ возстановленія Польши, чтò должно было отразиться въ западныхъ русскихъ областяхъ среди тамошняго ополяченнаго шляхетскаго слоя и произвести большія затрудненія для Россіи. Предупредить Наполеона, возстановить Польшу подъ скипетромъ русскаго государя и встрѣтить французскія войска въ областяхъ такъ-называемаго Варшавскаго герцогства, опираясь на поляковъ, а не имѣя ихъ противъ себя, — было мѣрою, на которой трудно было не остановиться. Совѣты возстановить Польшу продолжали подаваться императору. Князь Сергѣй Өедоровичъ Голицынъ, начальствовавшій русскимъ вспомогательнымъ отрядомъ въ войнѣ 1809 года, писалъ государю, выставляя усердіе галицкаго народонаселенія къ Россіи, что было бы полезно возстановить польское королевство подъ скипетромъ русскаго государя. Полковникъ Чернышевъ, отправленный съ письмомъ Александра къ Наполеону, писалъ изъ Парижа въ самомъ началѣ 1811 года: «Наполеонъ только притворяется миролюбивымъ; его честолюбію и захватамъ нѣтъ предѣловъ; во Франціи всеобщее неудовольствіе вслѣдствіе несчастной войны испанской, прекращенія торговли, банкротствъ, деспотизма. Нужно поскорѣе заключить миръ съ Турціею, снестись съ Австріею и Швеціею: первой обѣщать часть Валахіи и Сербіи, — второй Норвегію; взойти внезапно въ герцогство Варшавское, императору провозгласить себя королемъ польскимъ. Участь поляковъ (Варшавскаго герцогства) печальна

отъ налоговъ и лишеній всякаго рода; они все это сносятъ въ надеждѣ сдѣлаться націею, и если императоръ Александръ осуществитъ эту надежду, то поляки предпочтутъ русскаго императора французскому».

Все это прекрасно; но главное дѣло именно и состояло въ томъ, чтобъ увѣриться, можно ли положиться на поляковъ при возстановленіи королевства, при вступленіи русскаго войска въ герцогство Варшавское. Императоръ велѣлъ отвѣчать кн. Голицыну, чтобъ онъ прежде всего удостовѣрился вполнѣ, магнаты варшавскіе и галицкіе имѣютъ ли прямое и твердое желаніе поступить подъ скипетръ императора. Понятно, что кн. Голицынъ не имѣлъ возможности въ этомъ удостовѣриться. Гораздо больше средствъ для этого имѣлъ кн. Чарторыйскій, и Александръ, въ самомъ концѣ 1810 года, обратился къ нему съ вопросами, есть ли у него достаточно вѣрныя данныя на счетъ расположенія умовъ жителей Варшавскаго герцогства, имѣетъ ли онъ основанія думать, что варшавцы съ жадностію схватятся за *увѣренность* въ возстановленіи ихъ отечества, изъ какого государства ни явилась бы эта увѣренность, или онъ предполагаетъ существованіе партій, которое воспрепятствуетъ единству рѣшенія: «Если,—писалъ императоръ,—вашъ отвѣтъ поселитъ во мнѣ надежду на единомысліе варшавцевъ, особенно арміи, относительно возстановленія Польши, откуда бы оно ни пришло, въ такомъ случаѣ успѣхъ несомнѣненъ съ помощію Божіею, ибо онъ основанъ не на надеждѣ выставить противъ Наполеона равный военный талантъ, но единственно на недостаткѣ силъ у него, къ чему присоединяется общее ожесточеніе всей Германіи». Отвѣтъ Чарторыйскаго не могъ поселить никакой надежды: Наполеонъ внушилъ полякамъ убѣжденіе, что, какъ скоро послѣдуетъ разрывъ между Россіею и Франціею, Польша будетъ возстановлена; сюда присоединяется чувство благодарности за то, что́ Наполеонъ уже сдѣлалъ для нихъ, братство по оружію между французами и поляками, идея, что французы—друзья, а русскіе—враги; конечно, если съ русской стороны будутъ предложены уже очень большія выгоды, то поляки могутъ и согласиться; въ заключеніе Чарторыйскій просилъ совершеннаго увольненія изъ русской службы, а это всего лучше показывало, что поляки ожидаютъ всего съ запада, и потому надобно было спѣшить отдѣлаться отъ востока. Несмотря на то, императоръ Александръ счелъ нужнымъ продолжать переписку съ Чарторыйскимъ: въ своихъ письмахъ онъ давалъ знать вліятельному польскому магнату, что въ предстоящей борьбѣ нельзя считать русскаго дѣла проиграннымъ, что со стороны поляковъ, слѣдовательно, надобно вести себя осторожно,

имѣя въ виду возстановленіе Польши посредствомъ русскаго государя. Александръ съ полною откровенностію описываетъ свое положеніе, свои намѣренія и средства, и средства эти, матеріальныя и нравственныя, велики, на успѣхъ разсчитывать можно. «Пока я не буду имѣть увѣренности въ содѣйствіи поляковъ, я рѣшился не начинать войны. Если это содѣйствіе должно осуществиться, то надобно, чтобъ я имѣлъ тому доказательства *несомнѣнныя*. Разрывъ съ Франціею кажется неизбѣжнымъ. Цѣль Наполеона уничтожить или, по крайней мѣрѣ, унизить последнее самостоятельное государство въ Европѣ. Хотя и была бы возможность продвинуть наши силы до Вислы, даже перейти ее и вступить въ Варшаву, однако благоразумнѣе не основывать своихъ разсчетовъ на такихъ выгодныхъ возможностяхъ. Поэтому надобно создать центръ дѣйствій въ собственныхъ областяхъ. Русское войско имѣетъ за собою обширнѣйшее пространство земли для отступленія, причемъ Наполеонъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ своихъ средствъ, будетъ увеличивать свои затрудненія. Если война начнется, то у насъ рѣшено ее не прекращать [1]). Военныя средства приготовлены обширныя; общественный духъ превосходенъ, и существенно разнится отъ того, какой былъ во время первыхъ двухъ войнъ: нѣтъ болѣе хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ, оцѣниваютъ свою силу, думаютъ, что неудачи очень возможны, но, несмотря на то, принято твердое рѣшеніе поддерживать честь имперіи до послѣдней крайности. Какое впечатлѣніе произвело бы присоединеніе къ намъ поляковъ въ такихъ обстоятельствахъ! Масса нѣмцевъ, влекомыхъ силою, конечно, послѣдовала бы ихъ примѣру».

Рѣшеніе польскаго вопроса опредѣляло способъ начатія войны; вслѣдствіе этого оно же опредѣляло и отношенія Россіи къ Турціи и Австріи. Если бы Чарторыйскій далъ увѣренность, что въ Варшавскомъ герцогствѣ можно получить опору въ предстоящей войнѣ, то Александръ пошелъ бы туда на встрѣчу къ Наполеону, причемъ, разумѣется, нуждался въ поддержкѣ со стороны Пруссіи и Австріи. Для пріобрѣтенія согласія послѣдней на возстановленіе Польши подъ скипетромъ русскаго государя, Александръ готовъ былъ уступить Австріи Молдавію и Валахію. Но когда Чарторыйскій далъ отвѣтъ неудовлетворительный и когда рѣшено было принять врага на русской почвѣ, то Александръ отнесся гораздо равнодушнѣе къ вопросу, на чьей сторонѣ будутъ Австрія и Пруссія. Еслибъ послѣдняя объявила себя на

---

[1]) Письмо 1-го апрѣля 1812 года. „On est résolu ici à ne plus poser les armes“.

сторонѣ Россіи, то, конечно, послѣдняя должна была бы, для ея защиты, двинуть свои войска въ ея области, здѣсь встрѣтить Наполеона, и тогда могли бы повториться всѣ невыгоды войны 1807 года. Приближеніе «великой катастрофы» ужасало прусскаго короля. «Мое несчастное положеніе вамъ извѣстно,—писалъ онъ Александру, въ концѣ марта 1811 года.—Взглядъ на карту, на расположеніе французскихъ войскъ, военныя дороги и сообщенія покажетъ, въ какомъ безпримѣрномъ положеніи нахожусь я, съ какою осторожностію долженъ дѣйствовать, чтобъ не подвергнуть мое государство гибели. Безъ благопріятной перемѣны дѣлъ я могу найтись въ необходимости пойти такою дорогою, которая наиболѣе противна моимъ желаніямъ и правиламъ. Война между Франціею и Россіею будетъ всегда для Пруссіи величайшимъ бѣдствіемъ». Для успѣха войны Фридрихъ-Вильгельмъ совѣтуетъ Александру войти въ связь съ Австріею, Швеціею, возстановить Польшу, давши ей свободный выборъ короля; Австрія недовольна турецкою войною, видами Россіи на Молдавію и Валахію: король внушаетъ, что Австрію надобно успокоить въ этомъ отношеніи, иначе она можетъ перейти на сторону Наполеона. Въ этомъ письмѣ король уже внушаетъ, что онъ можетъ быть приневоленъ къ союзу съ Франціею. Къ большему отягченію положенія Фридриха-Вильгельма взгляды главныхъ совѣтниковъ его расходятся. Шарнгорстъ стоитъ за союзъ съ Россіею; Гарденбергъ, принятый снова въ службу съ позволенія Наполеона, получившій мѣсто канцлера, предпочитаетъ союзъ съ Франціею. «По всей вѣроятности,—говоритъ Гарденбергъ,—Пруссія погибнетъ, если, заключивъ теперь союзъ съ Россіею, вступитъ въ войну съ Франціею. Опасность французскаго союза менѣе грозна, позднѣе обнаружится и скорѣе можетъ быть избѣгнута». Рѣшено играть въ двойную игру, вести переговоры о союзѣ и съ Франціею и съ Россіею. Король опять пишетъ императору Александру: «Если Австрія и герцогство Варшавское будутъ съ вами, если ваши войска будутъ близко отъ моихъ границъ и въ состояніи меня защищать, то я не буду колебаться ни минуты и стану подлѣ васъ. Въ противномъ случаѣ, какъ я охраню существованіе моего государства, не войдя въ союзъ съ Франціею? Отъ Наполеона зависитъ уничтожить Пруссію, прежде чѣмъ в. в-ство будете въ состояніи придти ко мнѣ на помощь. Вотъ основаніе моего сердечнаго желанія, чтобъ войны при настоящихъ обстоятельствахъ не было».—«Вы ускорите войну своими переговорами съ Наполеономъ, ибо успокоите его на счетъ вашихъ намѣреній,—отвѣчалъ Александръ.—Я войны не хочу. Мои военныя мѣры суть только мѣры предосторожности. Поли-

тическій интересъ Россіи требуетъ сохраненія Пруссіи. Движеніе Наполеона противъ Пруссіи будетъ сочтено въ Россіи объявленіемъ войны ей самой. Въ случаѣ войны должно избѣгать большихъ сраженій, для отступательныхъ движеній надобно устроить длинныя операціонныя линіи, оканчивающіяся укрѣпленными лагерями. Эта система доставила Веллингтону побѣду въ Испаніи, и я рѣшился ей слѣдовать. Наполеонъ долженъ начинать войну; я, по крайней мѣрѣ, хочу имѣть утѣшеніе, что не буду зачинщикомъ. Движенію французскихъ войскъ черезъ Пруссію я воспрепятствовать не могу, но это движеніе не будетъ равнозначуще паденію монархіи, если будутъ существовать укрѣпленные лагери при Кольбергѣ и Пиллау. Занявши около себя французскія войска, они дадутъ возможность русскимъ двигаться впередъ; французы будутъ принуждены снять осаду, чтобъ идти противъ моихъ войскъ; тогда пруссаки станутъ дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятеля».

Предложеніе союза съ прусской стороны не было принято Наполеономъ: приготовленія къ войнѣ не были еще окончены, союзъ съ Пруссіею могъ возбудить подозрѣніе въ Россіи, заставить ее принять наступательное движеніе. А между тѣмъ французскія войска все болѣе и болѣе усиливаются, обхватываютъ Пруссію со всѣхъ сторонъ. Всѣми овладѣваетъ мысль, что Наполеонъ не хочетъ имѣть Пруссію союзницею, хочетъ ее уничтожить, не довѣряя ей. Въ отчаяніи кидаются опять къ Россіи, отправляютъ въ Петербургъ для соглашеній Шарнгорста подъ величайшимъ секретомъ; начинаютъ вооружаться; но отъ Наполеона приходитъ грозное слово, чтобъ вооруженія были прекращены. Наполеонъ видѣлъ однако, что, притѣсняя такимъ образомъ Пруссію, онъ можетъ заставить ее перейти рѣшительно на сторону Россіи, и потому изъявилъ согласіе на переговоры между Франціею и Пруссіею о союзѣ. Когда начались эти переговоры, пріѣзжаетъ Шарнгорстъ изъ Петербурга съ заключенною тамъ военною конвенціею, которая состояла въ слѣдующемъ: «Не увеличивать и не сосредоточивать войскъ, чтобъ не внушать Франціи опасеній и не разрывать съ нею. Но если съ французской стороны послѣдуетъ движеніе войскъ съ явною цѣлію вторженія въ Пруссію или Россію, или значительное увеличеніе войскъ на Эльбѣ и Одерѣ или занятіе одной изъ прусскихъ областей подъ какимъ бы то предлогомъ ни было,—то считать это за объявленіе войны. Въ такомъ случаѣ правое крыло русскаго войска, находящееся подъ начальствомъ князя Витгенштейна, идетъ на помощь Пруссіи, чтобъ вмѣстѣ съ прусскими войсками дѣйствовать на Вислѣ и въ герцогствѣ Варшавскомъ; кромѣ того, кор-

пусъ русскихъ войскъ перейдетъ границу для прикрытія Кёнигсберга». И эта конвенція нисколько не успокоивала короля; его могло успокоить только немедленное прибытіе сильныхъ русскихъ войскъ въ Пруссію, предупреждавшее французовъ, ибо въ противномъ случаѣ каждая минута промедленія могла быть гибельна для Пруссіи. Было очевидно, что интересы двухъ государей и государствъ совершенно разрознивались въ эту страшную, рѣшительную минуту: весь предшествовавшій опытъ борьбы приводилъ русскаго государя къ убѣжденію, что не должно быть зачинщикомъ войны, не должно выдвигать войско за границу, на встрѣчу Наполеону, надобно дать ему вторгнуться въ Россію и затянуть его въ глубь этой океана-земли; король прусскій былъ того убѣжденія, что ему, обхваченному войсками Наполеона, находящемуся подъ занесеннымъ ножомъ, можно было вступить въ союзъ съ Россіею только тогда, когда послѣдняя станетъ зачинщицею войны, дастъ ему помощь прежде нападенія французовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ находился въ положеніи человѣка, который настигнутъ движеніемъ большой толпы: броситься въ сторону нельзя, онъ долженъ бѣжать вмѣстѣ съ толпою, если же остановится, то будетъ стоптанъ, уничтоженъ. Король писалъ Гарденбергу: «Только отчаяніе и полная невозможность получить отъ Наполеона сносныя условія союза могутъ насъ заставить перейти на сторону Россіи, которая нѣхотя и только чтобъ удержать насъ при себѣ, отказалась (шарнгорстовой конвенціей) отъ перваго военнаго плана; сильной дѣятельности отъ русской арміи ждать нельзя: она при первой возможности возвратится къ этому первому плану». Утопающему оставалась еще соломина: Шарнгорстъ отправился въ Вѣну, не будетъ ли оттуда помощи? Но услыхалъ отъ Меттерниха, что Австрія не приметъ сторону Франціи, останется нейтральною, и въ Берлинѣ могутъ быть убѣждены, что интересы Австріи и Пруссіи соединены неразрывно и безъ трактата. При этомъ Меттернихъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи сдѣлать выходку противъ Россіи: «вызываетъ для себя оборонительную войну; для Пруссіи ничего не дѣлаетъ; противъ заключенія союза между Франціею и Пруссіею дѣйствуетъ только на бумагѣ вмѣсто того, чтобъ протестовать противъ него высылкою своего войска на Одеръ». Гардбенбергу Меттернихъ писалъ: «Что тутъ будешь дѣлать, если держава, которая постоянно хочетъ имѣть все, кромѣ средствъ для достиженія цѣли и цѣль эту постоянно перемѣняетъ, — если такая сильная держава, какъ Россія, изо всѣхъ дорогъ избираетъ самую колеблющуюся и потому самую ложную?» Прусскому повѣренному, барону Якоби, Меттернихъ говорилъ: «Ищите зло тамъ, гдѣ оно скрывается: въ безчисленномъ

множествѣ ложныхъ шаговъ, ложныхъ надеждъ и ложныхъ разсчетовъ державы, которая, еслибъ не ея печальное ослѣпленіе, была бы призвана міръ спасти, и, вмѣсто того, дѣлаетъ сама себя орудіемъ его гибели». И соломина исчезла въ волнахъ. Пруссія заключила союзъ съ Франціею, который совершенно отдавалъ ее въ распоряженіе Наполеона въ войнѣ его съ Россіею. Наполеонъ отвергъ робкія требованія Пруссіи нѣкоторой самостоятельности, нѣкотораго облегченія послѣ войны; онъ не хотѣлъ ни насколько приподнять своей желѣзной руки отъ страны, которую ненавидѣлъ, потому что зналъ ненависть къ себѣ ея народа. Онъ говорилъ въ это время о Пруссіи: «Министръ (Гарденбергъ) благоразуменъ; король добрый человѣкъ; но народъ скверный, я его не люблю, въ немъ кроется злой умыселъ. Лучшій способъ обезпечить себѣ спокойствіе Пруссіи—держать ее въ невозможности сдѣлать какое-нибудь движеніе».

Трудно предположить, чтобъ союзъ Пруссіи съ Франціею произвелъ очень неблагопріятное впечатлѣніе на императора Александра. Этотъ союзъ развязывалъ ему руки, позволялъ вполнѣ слѣдовать военному плану, который, въ его убѣжденіи, одинъ только обѣщалъ успѣхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ императору въ мартѣ 1812 года: «Пожалѣйте обо мнѣ, а не обвиняйте меня. В. в-ство сами бывали въ такомъ положеніи, когда разсудокъ заставлялъ покоряться тяжкимъ обстоятельствамъ, когда вы принимали благоразумныя рѣшенія, стоившія дорого вашему великодушному сердцу (намекъ на Тильзитъ). Во всякомъ случаѣ, моя непоколебимая привязанность къ особѣ в. в-ства останется одинакою. Если начнется война, то мы не повредимъ другъ другу болѣе, чѣмъ сколько потребуютъ строгія правила войны, и не будемъ забывать, что мы друзья, и придетъ время, когда будемъ союзниками». Въ Петербургѣ не могли завидовать Наполеону, что онъ пріобрѣлъ такого союзника, и потому могли не очень безпокоиться на счетъ слѣдствій союза.

Болѣе непріятное впечатлѣніе произвела вѣсть о союзѣ Австріи съ Франціею, о вспоможеніи, которое первая обязалась доставить второй на случай ея войны съ Россіею. Поступокъ Пруссіи оправдывался крайностію ея положенія, Австрія не находилась въ такой крайности, и могла остаться нейтральною, какъ и заявила Пруссіи. Могли удивляться поступку Австріи, еще не зная основаній политики человѣка, начавшаго заправлять внѣшними дѣлами Австріи. Кобенцль и Стадіонъ не сознавали слабости Австріи, слабости коренной, неисцѣлимой; они жили еще идеями XVIII вѣка, они не замѣчали новаго начала, становившагося на очередь, начала народности, они всецѣло были

заняты борьбою съ Франціею, причемъ естественно признавали необходимость тѣснаго союза съ Россіею; ихъ безпокоили отношенія Россіи къ Турціи, но все же эти отношенія не стояли для нихъ на первомъ планѣ. Меттернихъ, надобно отдать ему честь, первый почуялъ восходъ новаго начала, начала народности и, слѣдовательно, почуялъ полную несостоятельность Австріи въ отношеніи къ этому началу. Но сознаніе своей слабости, сознаніе, что только искуснымъ лавированіемъ, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, можно спастись, естественно возбуждало подозрительность и вражду ко всякой силѣ, особенно ближайшей, которая имѣла крѣпкія основы историческаго существованія и особенно могла выиграть при новомъ началѣ. И до Меттерниха знали въ Австріи, что она находится между двумя колоссами, Франціею и Россіею; но думали, что съ послѣднимъ Австріи можно жить и имѣть важное значеніе въ Европѣ, что гораздо опаснѣе Франція. Взглядъ Меттерниха былъ иной: онъ не даромъ пожилъ во Франціи, поговорилъ съ Талейраномъ; онъ видѣлъ, что у французскаго колосса глиняныя ноги, что онъ есть созданіе случайности, держится военнымъ геніемъ одного человѣка: не будетъ этого человѣка, или измѣнитъ ему побѣда, и колоссъ рушится. Гораздо опаснѣе, слѣдовательно, Россія, потому что основанія силы ея постоянныя, тогда какъ ослабленіе можетъ быть только временное, случайное. Въ Австріи послѣ Іосифа II-го становилось все сильнѣе и сильнѣе убѣжденіе, что для нея выгодно не разрушеніе, а сохраненіе Турціи. Меттернихъ, видя главную опасность для Австріи со стороны Россіи, видя, что колоссальная держава волею-неволею стремится къ Балканскому полуострову, слилъ восточный вопросъ съ австрійскимъ, поставилъ существованіе австрійской имперіи въ тѣсную связь съ существованіемъ турецкой. Главная опасность для Австріи будетъ настоять тогда, когда Россія обхватитъ ее съ двухъ сторонъ, со стороны Польши, соединивъ ее какъ бы то ни было съ собою, и со стороны славянъ Балканскаго полуострова: сербскія движенія для сверженія турецкаго ига подъ защитою Россіи являлись уже для австрійскаго министра началомъ конца; а это упорство Россіи въ пріобрѣтеніи дунайскихъ княжествъ, необходимыхъ ей для соединенія съ славянами Балканскаго полуострова? Если Россіи удастся обхватить Австрію Польшею и славянами Балканскаго полуострова, западнымъ и южнымъ славянствомъ, то гдѣ найдетъ Австрія защиту? Внутри самой себя? Но тамъ то же западное и южное славянство. Въ Германіи? Но тамъ Пруссія. Правда, Меттернихъ толкуетъ, что соперничество между Австріею и Пруссіею должно исчезнуть, ихъ интересы

одинакіе, они должны стоять вмѣстѣ противъ Франціи и Россіи; еще прежде Меттерниха начали объ этомъ толковать и въ Австріи, и въ Пруссіи; но въ Пруссіи толкуютъ объ этомъ пока она находится подъ ножомъ Наполеона,—оправится Пруссія отъ случайной бѣды, то при своей внутренней національной силѣ, при своемъ единеніи съ Германіею, при своемъ союзѣ съ Россіею, съ которой ей пока нечего дѣлить, легко заговоритъ другія рѣчи. Итакъ, главная опасность со стороны Россіи; каждое движеніе, каждое дѣло Австрія должна совершать, имѣя въ виду эту опасность. Для ея предотвращенія надобно прежде всего сохранить цѣлость Турціи. За Польшею смотритъ Наполеонъ; но Молдавію и Валахію онъ уступилъ Россіи, и эта уступка будетъ имѣть силу, пока будетъ сохраняться согласіе между нимъ и русскимъ государствомъ; слѣдовательно, нужно подорвать это согласіе, которое вообще гибельно для Австріи, ибо ставитъ ее въ тиски между двумя колоссами. Страшная опасность: согласіе можетъ еще болѣе скрѣпиться бракомъ Наполеона на сестрѣ русскаго императора. Надобно помѣшать этому браку, и Австрія сама предлагаетъ въ невѣсты Наполеону эрцгерцогиню Марію-Луизу, дочь императора Франца. Наполеонъ обрадовался предложенію: его мучила мысль о возможности, вѣроятности отказа изъ Петербурга. Онъ повелъ сватовство на двухъ невѣстахъ, и какъ только послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ изъ Петербурга, обручился на Маріи-Луизѣ: 6 февраля былъ полученъ отвѣтъ изъ Петербурга, въ тотъ же день Наполеонъ объявилъ, что не утверждаетъ конвенціи о невосстановленіи Польши, а на другой день, 7 февраля, былъ подписанъ брачный контрактъ съ австрійскою эрцгерцогинею. Австрія опять вошла подъ вліяніе благодѣтельнаго для нея божества—брака, опять получилъ значеніе старый латинскій стихъ: «А ты, счастливая Австрія, заключай браки! (Tu, felix Austria, nube).

Конечно, Австрія не могла надѣяться получить скорую, непосредственную выгоду отъ этого брака. Наполеонъ говорилъ, что бракъ не можетъ имѣть никакого политическаго значенія, и говорилъ правду: онъ не былъ такой человѣкъ, чтобъ изъ-за прекрасныхъ глазъ эрцгерцогини отдалъ бы хотя какой-нибудь клочокъ земли. Но, во-первыхъ, австрійская династія успокоивалась: она не будетъ тронута, ибо вступила въ связь съ бонапартовскою династіею, входила въ систему государствъ, престолы которыхъ были заняты родственниками Наполеона; во-вторыхъ, Россія была удалена, и противъ нея легче стало дѣйствовать, легче было заставить Наполеона содѣйствовать достиженію главной цѣли Австріи,—недопущенію Россіи усиливаться на счетъ

Турціи. Наполеонъ немедленно начинаетъ получать внушенія отъ родственнаго двора: «У Европы одинъ страшный врагъ — это Россія; цивилизаціи Запада грозитъ варварство московское; его независимость находится въ опасности отъ этой страшной имперіи. Императоръ Наполеонъ одинъ можетъ ее сдержать: отъ его твердости и высокой предусмотрительности Западъ ожидаетъ своего спасенія». Спаситель Запада пока молчалъ, не объявлялъ, какими средствами будетъ спасать Западъ; онъ былъ очень доволенъ, что восточный вопросъ возбуждаетъ такую ненависть въ Австріи противъ Россіи, и самъ не спускалъ глазъ съ береговъ Дуная. Лѣтомъ 1810 года онъ былъ встревоженъ удачными движеніями русскихъ войскъ за Дунаемъ, взятіемъ Базарджика и Силистріи. Въ Вѣнѣ эти успѣхи приводили въ ужасъ. Меттернихъ говорилъ французскому посланнику Отто: «Моего государя очень безпокоятъ русскіе успѣхи, грозящія гибелью Турціи; дѣло важное, требующее мѣръ быстрыхъ, энергическихъ; пришло время Франціи и Австріи соединиться, чтобъ не дать оттоманской имперіи сдѣлаться добычею Россіи». Австрію сильно безпокоило объявленіе Наполеона, что родственный союзъ не ведетъ къ политическому, и потому она непремѣнно хотѣла добиться послѣдняго: иначе цѣль родственнаго союза не достигалась для Австріи: послѣдняя принесла тяжелую жертву, эрцгерцогиня выдана замужъ за императора «революціонною милостію», а выгоды никакой, на дѣлѣ продолжается политическій союзъ Франціи съ Россіею, и послѣдняя, пользуясь этимъ союзомъ, бьетъ турокъ. Меттернихъ и самъ императоръ Францъ выпрашивали союзъ у Наполеона. Меттернихъ жаловался Отто на какія-то интриги, которыя хотятъ удалить его дворъ отъ Франціи и отдать Англіи. Францъ прямо говорилъ Отто: «всѣ интриги кончатся, когда будетъ подписанъ союзный договоръ между Франціею и Австріею». Турція также умоляла Наполеона о помощи. Но въ 1810 году ему было еще рано разрывать съ Россіею, что̀ неминуемо воспослѣдовало бы, еслибъ онъ вмѣшался въ турецкія дѣла, нарушивъ эрфуртское условіе на счетъ Молдавіи и Валахіи; рано было поэтому заключать союзъ и съ Австріею, ибо предвидѣлось главное требованіе ея—гарантія цѣлости турецкой имперіи. Поэтому Наполеонъ ограничился заявленіемъ Турціи, что сохранить для нея дунайскія княжества онъ не можетъ, пусть защищаетъ ихъ сама, но что онъ не позволитъ Россіи занять правый берегъ Дуная и провозгласить независимость Сербіи. Онъ заявилъ это и Россіи въ разговорѣ съ Чернышевымъ: война у него съ Россіею можетъ произойти въ двухъ случаяхъ: если Россія заключитъ отдѣльный миръ съ Англіей, и если захочетъ что-нибудь

пріобрѣсти на правомъ берегу Дуная; существованіе Турціи слишкомъ важно для политическаго равновѣсія Европы, и онъ не можетъ согласиться на дальнѣйшее ея раздробленіе.

Но позволить Россіи овладѣть Молдавіею и Валахіею и особенно теперь, когда отношенія между нею и Франціею день ото дня натягиваются все болѣе и болѣе? Хорошо сказать туркамъ, чтобъ они дрались, не мирились съ уступкою дунайскихъ княжествъ; но въ состояніи ли они это сдѣлать одни? Франціи рано; но что, еслибъ Австрія вмѣшалась въ войну?—«Чтобъ Молдавія и Валахія не доставались Россіи—для меня это дѣло второстепенное, а для васъ главное,—велѣлъ онъ сказать въ Вѣнѣ:—такъ надобно знать, на что вы рѣшитесь: рѣшитесь ли воевать съ Россіею?» Австрія, разумѣется, на это не рѣшилась. Она попыталась предложить свое посредничество для заключенія мира между Россіею и Портою, съ условіемъ, чтобъ границею между ними служилъ Днѣстръ; но предложеніе ея было отвергнуто Россіею.

Война съ Франціею была несомнѣнна; въ ходу былъ первый планъ—предупредить Наполеона занятіемъ герцогства Варшавскаго и возстановленіемъ Польши; но Австрія должна была мѣшать этому всѣми средствами; не будетъ ли возможно заставить ее согласиться на возстановленіе Польши подъ скипетромъ русскаго государя, предложеніемъ уступки со стороны Дуная? Изъ двухъ золъ Александръ избираетъ, въ его глазахъ, меньшее, и въ началѣ 1811 года поручаетъ своему посланнику въ Вѣнѣ, графу Штакельбергу, предложить вѣнскому кабинету, что въ случаѣ войны съ Франціею, для предупрежденія возстановленія Польши Наполеономъ, Россія займетъ ее сама, но Австрія за это получаетъ Молдавію и Валахію по рѣку Серетъ. Но Меттернихъ уклонялся отъ объясненій по этому предмету: для него одна мысль о посягновеніи на цѣлость Турціи была преступной, и успѣхи русскаго войска на Дунаѣ подъ начальствомъ Кутузова опять вызываютъ крики негодованія со стороны австрійскаго министра. Успѣхи вели къ выгодному для Россіи миру, и Меттернихъ заявляетъ, что всякій миръ Россіи съ Турціею будетъ невыгоденъ для Австріи, если Россія что-нибудь пріобрѣтетъ. Между тѣмъ Наполеонъ разсчиталъ, что въ 1812 году можетъ вторгнуться въ Россію со всѣми средствами къ успѣху, и потому заключилъ союзъ съ Австріею (2 (14) марта 1812): Австрія обязалась участвовать въ войнѣ съ Россіею, выставляя для этого тридцатитысячный корпусъ; королевство польское будетъ возстановлено подъ гарантіею Франціи и Австріи, и если для него понадобится Галиція, то Австрія получаетъ взамѣнъ ея отъ

Франція иллирійскія провинціи; Франція и Австрія гарантируютъ цѣлость оттоманской имперіи, въ случаѣ если Порта, порвавши мирные переговоры съ Россіею, будетъ продолжать съ нею войну.

Успѣхи Кутузова повели къ этимъ переговорамъ въ Бухарестѣ. Сборы Наполеона заставляли Россію спѣшить заключеніемъ мира и не требовать Молдавіи и Валахіи. Императоръ Александръ писалъ Кутузову: «Величайшую услугу вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портой. Слава вамъ будетъ вѣчная. Если бы невозможно было склонить турецкихъ полномочныхъ подписать трактатъ по нашему желанію, можете вы сдѣлать необходимую уступку въ статьѣ о границѣ въ Азіи; въ самой же крайности, дозволяю вамъ заключить миръ, положа Прутъ, по впаденіе онаго въ Дунай, границею. *На сію, однакожъ, столь важную уступку не иначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою*». Переговоры близились къ концу, когда Наполеонъ прислалъ султану предложеніе союза: султанъ долженъ былъ выступить противъ Россіи въ челѣ сто-тысячнаго войска, за что̀ Франція не только гарантировала ему цѣлость настоящихъ его владѣній, но и обязывалась возвратить Крымъ и все, что̀ Турція должна была уступить Россіи въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Но султану нельзя было думать о новой войнѣ, въ которой онъ долженъ былъ принять участіе въ челѣ сто-тысячнаго войска. Отъ послѣднихъ пораженій оставалось только 15,000 регулярнаго войска; все, что̀ можно было выжать изъ народа,—было выжато и истрачено; янычары бунтовали, паши стремились къ независимости. Англія объявила, что флотъ ея прорвется чрезъ Дарданеллы, обратитъ въ пепелъ сераль, заморитъ Константинополь голодомъ, если Порта осмѣлится заключить союзъ съ Франціею; что императоръ Александръ и Наполеонъ очень не желаютъ войны, и если послѣдуетъ между ними соглашеніе, то, конечно, на основаніи раздѣла европейской Турціи. Султанъ созвалъ чрезвычайный совѣтъ: изъ 54-хъ членовъ, 50 подали голоса за миръ, и миръ былъ заключенъ (16-го мая 1812 года) съ перенесеніемъ русской границы съ Днѣстра къ Пруту, согласно волѣ императора Александра. Но Кутузовъ не исполнилъ воли государя относительно союза съ Портою. Для чего надобился этотъ, повидимому, странный союзъ, видно изъ письма императора Александра къ адмиралу Чичагову, смѣнившему Кутузова въ начальствованіи южною или дунайскою арміею: «Если этотъ миръ (бухарестскій) будетъ подписанъ, то мы пріобрѣтемъ, безъ сомнѣнія, великія выгоды въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Но не должно скрывать отъ себя,

что этотъ миръ представляетъ также неудобства. Генералъ Кутузовъ пренебрегъ чрезвычайно-важнымъ дѣломъ: не предложилъ нашихъ уступокъ подъ условіемъ союза оборонительнаго и наступательнаго. Только этотъ союзъ могъ вывесть насъ изъ неловкаго положенія, въ какое миръ поставилъ насъ въ отношеніи къ сербамъ и другимъ славянскимъ народамъ, столь важнымъ для насъ, особенно въ настоящее время. Еслибъ представилась возможность добыть союзъ съ Портою и ея содѣйствіе, преимущественно посредствомъ сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ, противъ Франціи и ея союзниковъ,—то не должно ничѣмъ пренебрегать въ этомъ отношеніи. Вы можете предложить Портѣ, вмѣсто вспомогательнаго войска, дать намъ сербовъ, босняковъ, кроатовъ и другіе христіанскіе народы, представивъ на видъ, что это предложеніе дѣлается съ цѣлью щадить мусульманскую кровь». Въ виду того, что Западъ Европы ополчался на Востокъ ея всѣми своими средствами, въ виду того, что западный императоръ не хотѣлъ дѣлиться, хотѣлъ утвердить свою власть и на Востокѣ, Александръ считалъ необходимымъ «принять обширный планъ дѣйствій», противопоставить Наполеону славянскій міръ; онъ велѣлъ Чичагову внушать турецкимъ славянамъ о возможности созданія «славянской имперіи». Мысль о славянскихъ средствахъ, естественно, должна была явиться у Александра при извѣстіи о союзѣ Австріи съ Наполеономъ. Австрія въ это время находилась въ крайне-затруднительномъ положеніи вслѣдствіе ссоры съ венгерцами; Александръ имѣлъ въ виду усилить это затрудненіе поднятіемъ австрійскихъ славянъ, какъ видно также изъ письма его къ шведскому наслѣдному принцу. Но когда Россія сдѣлала свои представленія въ Вѣнѣ по поводу союза между Австріею и Франціею, то Меттернихъ объявилъ Штакельбергу, что союзъ—вынужденный, что, вмѣсто 30,000, въ австрійскомъ вспомогательномъ корпусѣ будетъ только 26,000 человѣкъ, и если Россія будетъ смотрѣть на это австрійское обязательство сквозь пальцы, то Австрія готова вступить съ нею въ тайное соглашеніе, что на всѣхъ другихъ границахъ обѣихъ имперій миръ не будетъ нарушенъ. То же повторялъ Штакельбергу самъ императоръ Францъ: «Если я,—говорилъ Францъ,—принужденъ былъ заключить семейный союзъ для спасенія моей имперіи, то тѣ же побужденія заставили меня заключить и этотъ новый союзъ». Францъ выражалъ желаніе, чтобъ императоръ Александръ успокоился на этихъ объясненіяхъ, иначе Австрія будетъ принуждена выставить противъ Россіи 200,000 войска, которое могло бы принести пользу Россіи, служа угрозою для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ. На всѣ эти объясненія Александръ

отвѣчалъ, что поведеніе Россіи будетъ зависѣть отъ поведенія Австріи.

Извѣстіе о союзѣ между Франціею и Австріею получено было въ Петербургѣ изъ Стокгольма.—Если Наполеонъ спѣшилъ заключить союзы съ Пруссіею и Австріею, если онъ старался снова поднять противъ Россіи и полумертвую Турцію, то легко понять, какъ важно было для него имѣть въ союзѣ Швецію, которая могла нанести Россіи гораздо болѣе вреда, чѣмъ прусскій и австрійскій отряды, и могла сдѣлать это охотно вслѣдствіе недавней борьбы и потери Финляндіи. Новый король шведскій Карлъ XIII не имѣлъ дѣтей, и потому надобно было спѣшить избраніемъ ему наслѣдника; былъ избранъ принцъ августенбургскій, двоюродный братъ датскаго короля; но весною 1810 года принцъ былъ пораженъ внезапною смертью. Надобно было опять выбирать наслѣднаго принца,—дѣло чрезвычайной важности для Россіи, ибо война съ Франціею была неминуема. И вотъ приходитъ извѣстіе, что наслѣднымъ принцемъ избранъ одинъ изъ маршаловъ Наполеона—Бернадотъ, князь Понте-Корво. Первою мыслью императора Александра, разумѣется, была мысль о полной зависимости Швеціи отъ Франціи вслѣдствіе этого избранія; въ этой тревогѣ у него вырвались слова: «Я вижу ясно, что Наполеонъ хочетъ поставить меня между Варшавою и Стокгольмомъ». Какъ въ этихъ словахъ высказалась историческая связь явленій! Въ XVI и XVII вѣкахъ главною заботою русскихъ государей было, чтобъ не стать между Варшавою и Стокгольмомъ; въ XVIII, казалось, Петръ и Екатерина удалили опасность; но въ XIX страшная враждебная сила стремится снова заключить Россію въ старый заколдованный кругъ турецко-польско-шведскихъ отношеній: Наполеонъ поднимаетъ султана, приготовилъ возстановленіе Польши и французскій маршалъ является наслѣдникомъ шведскаго престола. Преемникъ Петра и Екатерины вслѣдствіе этого долженъ бороться на трехъ пунктахъ: онъ ведетъ войну на Дунаѣ, пытается, нельзя ли самому возстановить Польшу, а теперь новая тяжелая забота со стороны Швеціи. Но именно тамъ, гдѣ, съ перваго взгляда, опасность казалась очевидною,—явилась помощь. Какъ обыкновенно бываетъ въ положеніи Бернадота, главною обязанностью представилась для него—обязанность пріобрѣсть популярность въ Швеціи, явиться здѣсь не французомъ, а шведомъ, имѣющимъ въ виду только шведскіе интересы; а главный, насущный интересъ Швеціи находился въ прямой противоположности съ интересомъ Наполеона: послѣдній требовалъ отъ Швеціи того же, чего и отъ Россіи,—подчиненія континентальной системѣ во всей ея строгости, тогда какъ такое

подчиненіе разрушало въ корнѣ благосостояніе Швеціи. Стало-быть, наслѣдный принцъ уже никакъ не могъ пріобрѣсть популярность подчиненіемъ главному требованію Наполеона, и здѣсь уже было сильное столкновеніе интересовъ. Столкновенія, всякаго рода препятствія отстраняются или, по крайней мѣрѣ, стараются ихъ отстранить, если внутри человѣка существують сильныя побужденія къ этому; но Бернадотъ не чувствовалъ въ себѣ вовсе побужденій угождать Наполеону: Бернадотъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ сановниковъ французской имперіи, которые всѣмъ были обязаны Наполеону. Имперія застала его уже заслуженнымъ, знаменитымъ генераломъ; онъ подчинился новой власти, сохраняя нерасположеніе къ товарищу, который сдѣлался государемъ; самолюбіе не позволяло Бернадоту приписывать возвышеніе Наполеона личнымъ достоинствамъ послѣдняго: онъ, какъ водится въ этихъ случаяхъ, приписывалъ его счастью, случайности. Наполеонъ, съ своей стороны, зналъ эти отношенія Бернадота къ себѣ и не любилъ его. Эти же самыя отношенія, естественно, вводили Бернадота въ кругъ тѣхъ людей, которые разорвали съ Наполеономъ, убѣдившись, что его честолюбіе, неумѣнье остановиться влечетъ Францію къ гибели, и Бернадотъ, разрывая съ Наполеономъ въ качествѣ наслѣднаго принца шведскаго, оправдывалъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ многихъ въ самой Франціи, что онъ разрываетъ вовсе не съ Франціею, своимъ прежнимъ отечествомъ, а съ человѣкомъ, который, преслѣдуя интересы своего честолюбія, сталъ врагомъ Франціи, дѣйствуетъ вопреки ея интересамъ, ведетъ ее къ погибели,—съ человѣкомъ, котораго надобно побороть, низвергнуть въ интересахъ Франціи. Другое дѣло, еслибъ Наполеонъ, желая привязать къ себѣ Бернадота въ его новомъ положеніи, сдѣлалъ уступки этому положенію, забылъ совершенно прошлое и обходился съ Бернадотомъ, какъ съ другомъ и товарищемъ; но Наполеонъ, наоборотъ, въ своихъ требованіяхъ обращался съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, какъ съ вассаломъ, причемъ ясно проглядывало прежнее нерасположеніе къ маршалу Бернадоту. Александръ воспользовался ошибкою противника.

Человѣкъ входитъ въ незнакомое общество, къ которому не принадлежитъ по своему происхожденію, онъ чувствуетъ неловкость, самолюбіе его страдаетъ,—какъ на него взглянутъ: не будетъ ли чего-нибудь оскорбительнаго въ пріемѣ, не дадутъ ли ему почувствовать своего превосходства. И какъ онъ будетъ благодаренъ тому члену этого общества, который пойдетъ къ нему на-встрѣчу съ распростертыми объятіями, своимъ дружескимъ обращеніемъ ободритъ, дастъ развязность, заставитъ забыть, что

есть какая-то неравность. Императоръ Александръ поспѣшилъ заслужить эту благодарность Бернадота, обратившись къ нему съ самымъ любезнымъ письмомъ; въ январѣ 1811 года русскій посланникъ Сухтеленъ засталъ наслѣднаго принца въ восторгѣ отъ этого письма: «Изъ всѣхъ писемъ, какія я когда-либо получалъ въ моей жизни, это самое для меня лестное,—говорилъ Бернадотъ:—не могу выразить, какъ оно меня тронуло, особенно этотъ задушевный, дружескій тонъ письма, который, смѣю сказать, я заслуживаю своимъ уваженіемъ и преданностью къ особѣ императора». На Бернадотѣ лежала теперь вся отвѣтственность, ибо, за тяжкою болѣзнью короля, онъ управлялъ государствомъ. Положеніе было затруднительное: онъ былъ лично нерасположенъ къ Наполеону и разсчитывалъ на непрочность его могущества; императоръ Александръ умѣлъ привлечь его къ себѣ. Лично наслѣдный принцъ шведскій охотно соединился бы съ Александромъ противъ Наполеона, который не переставалъ раздражать его; но Бернадота останавливали другія соображенія: онъ долженъ былъ, прежде всего, заботиться о шведскихъ интересахъ, долженъ былъ отблагодарить шведовъ за свое избраніе блистательными заслугами, утвердить этимъ свою династію. Союзъ съ Россіею или Франціею долженъ былъ принести Швеціи большія выгоды. Россія не могла возвратить Финляндіи; она предлагала то, что̀ Петръ-Великій предлагалъ Карлу XII-му за уступку балтійскаго побережья—Норвегію, на что̀ Карлъ XII и соглашался. Мысли великихъ людей рано или поздно исполняются, и теперь, почти вѣкъ спустя, Россія предлагаетъ Швеціи за союзъ свое содѣйствіе въ пріобрѣтеніи Норвегіи. Съ другой стороны,—Наполеонъ, хотя поздно, хотя по-неволѣ, вслѣдствіе нерасположенія своего къ Бернадоту, предложилъ союзъ: Швеція должна напасть на Финляндію съ 30,000 войска, за что̀ Наполеонъ обязывается не мириться съ Россіею безъ того, чтобъ она не уступила этой страны Швеціи. Но оба предложенія, и русское, и французское; одинаковы по своей невѣрности: за Финляндію надобно опять воевать и—кто знаетъ—чѣмъ кончится война у Россіи съ Франціею, а всякій знаетъ, какъ Наполеонъ исполнялъ свои обязательства, особенно относительно людей, лично ему непріятныхъ. Бернадотъ склоняется на сторону Россіи; но потомъ его беретъ страшное раздумье насчетъ слѣдствій нашествія Наполеона на Россію, и онъ передъ самымъ этимъ нашествіемъ предлагаетъ Наполеону союзъ, но съ тѣмъ, чтобъ, кромѣ Финляндіи, ему досталась и Норвегія; быть можетъ, онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ не согласится на это, какъ и дѣйствительно случилось, и хотѣлъ только очистить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и

глазахъ тѣхъ, которые могли упрекать его за несоблюденіе шведскихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, двойная игра—такое явленіе, которое оправдано быть не можетъ, можетъ быть только объяснено. Такія времена, какъ Наполеоновское, времена насилій и захватовъ, самыхъ безцеремонныхъ со стороны сильнаго, бываютъ очень неблагопріятны для развитія международной нравственности, честности, ибо слабые позволяютъ себѣ двойную игру, оправдываясь насиліемъ сильнаго, указывая въ немъ примѣръ игры въ обѣщанія, договоры, указывая на невозможность бороться съ нимъ открыто, чисто. Заявленіе, сдѣланное императоромъ Александромъ Австріи передъ ея войною 1809 года насчетъ несерьёзности вспоможенія своего Франціи; заявленіе, сдѣланное императоромъ Францемъ Россіи передъ войною 1812 года; почти постоянная двойная игра Пруссіи съ Франціею и Россіею, двойная игра наслѣднаго принца шведскаго,—вотъ явленія, которыя характеризуютъ время и падаютъ, разумѣется, прежде всего на главнаго грѣшника.

Наполеонъ не согласился на требованіе Бернадота относительно Норвегіи, и Швеція осталась на сторонѣ Россіи. Во время этихъ сношеній между Россіею и Швеціею, любопытны разговоры Бернадота съ русскимъ посланникомъ относительно предстоявшей великой войны. Бернадотъ совѣтовалъ императору Александру объявить себя польскимъ королемъ; заключить какъ можно скорѣе миръ съ Турціею на какихъ бы то ни было условіяхъ; склонить на свою сторону австрійскаго эрцгерцога Карла обѣщаніемъ королевства, хотя бы баварскаго; войти въ сношенія съ Испаніею. «Я прошу императора, — говорилъ Бернадотъ, — не давать генеральныхъ сраженій, маневрировать, отступать, длить войну — вотъ лучшій способъ дѣйствія противъ французской арміи. Если *онъ* подойдетъ къ воротамъ Петербурга, я буду считать его ближе къ погибели, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы ваши войска стояли на берегахъ Рейна. Особенно употребляйте козаковъ, они даютъ вамъ большое преимущество предъ французскою арміею, которая не имѣетъ ничего подобнаго. Пусть козаки имѣютъ въ виду великую задачу — искать случая проникнуть въ главную квартиру и схватить, если возможно, самого императора Наполеона. Пусть козаки забираютъ все у французской арміи: французскіе солдаты дерутся хорошо, но теряютъ духъ при лишеніяхъ; не берите плѣнныхъ, исключая офицеровъ».

Полуострова Скандинавскій и Балканскій не вошли въ движеніе, направленное Наполеономъ противъ Россіи; но средства его все же были громадны. До сихъ поръ въ борьбѣ Россіи съ

Франціею Александръ становился во главѣ коалиціи; теперь Наполеонъ велъ противъ Александра страшную коалицію, и тѣ державы, посредствомъ которыхъ обыкновенно Россія дѣйствовала противъ Франціи, державы, ближайшія къ Россіи, Австрія и Пруссія—были теперь членами наполеоновской коалиціи. Россія была одна, и, несмотря на то, принимала борьбу. Александръ говорилъ послу Наполеона: «Я вооружаюсь, потому что вы стали вооружаться. У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какіе у васъ, самъ я не такой генералъ и не такой администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня добрые солдаты, у меня преданный народъ, и мы помремъ всѣ съ мечомъ въ рукахъ, а не позволимъ обходиться съ собою, какъ съ голландцами или гамбургцами. Но увѣряю васъ честію, что я не начну первый войны; я не хочу войны, мой народъ также не хочетъ войны, но когда на него нападутъ, онъ не отступитъ». И Александръ былъ силенъ въ это время. Силу давало ему убѣжденіе въ необходимости войны, ясное пониманіе характера Наполеона, и вслѣдствіе того увѣренность, что съ такимъ человѣкомъ равенство положенія невозможно; силу давалъ самый характеръ предстоящей войны, войны оборонительной: сколько бы войска ни навелъ противникъ, оно будетъ поглощено этимъ сухимъ океаномъ, который называется Россіею; планъ отступленія, завлеченія противника въ глубь этого океана былъ установленъ, и 22 іюня 1812 Александръ писалъ Бернадоту: «разъ война начата—мое твердое рѣшеніе не оканчивать ее, хотя бы пришлось сражаться на берегахъ Волги».

Наполеонъ сдѣлалъ громадныя приготовленія, обезпечилъ себѣ всевозможныя средства къ успѣху. Что онъ сознавалъ важность, затруднительность войны, это доказываетъ медленность, обширность самыхъ приготовленій; конечно, онъ разсчитывалъ, что успѣхъ будетъ купленъ дорого, что русскіе будутъ защищаться отчаянно; но, какъ видно, онъ не сознавалъ, что война—небывалая, новая, а средства у него старыя, хотя и громадныя. И привычки были старыя, идти съ угрозами, бранью, пугать и не знать мѣры дерзости на словахъ и письмѣ. Онъ говорилъ австрійскому посланнику: «Вижу, что эти дураки хотятъ со мною воевать: я выставлю противъ нихъ 500,000 войска!» Прусскому посланнику говорилъ: «Эта война будетъ имѣть тяжкія послѣдствія, какихъ не имѣла ни одна война, императоръ Александръ будетъ плакать кровавыми слезами». Наконецъ, отправлено было къ противнику дерзкое письмо: «Наступитъ время, когда в. в-ство признаетесь, что если бы вы не перемѣнились съ 1810 года, если бы вы, желая измѣненій въ тильзитскомъ договорѣ, прибѣгли къ прямымъ, откровеннымъ сношеніямъ, то вамъ при-

надлежало бы одно изъ самыхъ прекрасныхъ царствованій въ Россіи. У в. в-ства не достало стойкости, довѣрія и, позвольте мнѣ это вамъ сказать, искренности. *Вы испортили все свое будущее*».

Чаша была выпита до дна, день воскресенія приближался. Трудно найти въ исторіи болѣе страшныя слова: «Вы испортили все свое будущее». Это было написано въ то самое время, когда небывалое могущество человѣка, написавшаго эти слова, приблизилось къ своему паденію, и необыкновенная слава готовилась осѣнить того, кому грозили порчею всего будущаго.

Спустя сто лѣтъ послѣ шведскаго нашествія, врагъ опять вступилъ въ русскіе предѣлы. Система отступленій или «ретроградныхъ линій», которая была принята императоромъ Александромъ, не была тайною еще до начала войны и подвергалась обсужденію въ разныхъ мѣстахъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Не могли не признать, что она необходима, составляя послѣдній выводъ изъ всей борьбы съ Наполеономъ; но выставляли на видъ, что успѣхъ ея не обезпеченъ для Россіи, которая представляетъ страну открытую, не имѣетъ сильныхъ крѣпостей, которыя могли бы поддерживать движеніе или облегчать отступленіе войска. Другое дѣло, еслибъ Наполеонъ боялся за свой тылъ и фланги; но ему нечего бояться за нихъ. Самое сильное возраженіе было одно: войско, которое постоянно отступаетъ, падаетъ духомъ. Дѣйствительно, если мы видѣли, что система отступленій и затягиванія войны была крайне неудобна въ странѣ союзной, какъ было въ 1805 и 1807 годахъ; то столь же сильныя неудобства она встрѣчала и въ родной странѣ. Свое знаменитое рѣшеніе не мириться съ врагомъ на русской почвѣ императоръ Александръ могъ основывать только на увѣренности, что русскій народъ будетъ драться, или уйдетъ, но не помирится, не уживется съ врагомъ, будучи не въ состояніи терпѣть его подлѣ себя. Но въ народѣ есть сознаніе, что войско, на которое такъ много жертвуется, существуетъ для защиты родной страны, и если это войско, вмѣсто защиты, отдаетъ родную землю врагу, отступаетъ, то народъ видитъ тутъ уклоненіе войска отъ самой существенной своей обязанности, начинаетъ скорбѣть и роптать, подозрѣвая дурное, не зная и не понимая высшихъ военныхъ соображеній. Войсковая масса сознаетъ также ясно свою обязанность защищать родную страну, и не можетъ не раздражаться страшно, чувствуя, какъ на него смотрятъ, когда оно отступаетъ безъ битвы, покидая страну на опустошеніе врагамъ. Это отношеніе войска и народа къ системѣ отступленія составляетъ самую печальную сторону войны 1812 года до самаго выхода Напо-

леона изъ Москвы. На этомъ отношеніи основывалась вражда между генералами, которая, какъ бываетъ во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, раздувалась личными страстями, прикрывавшимися священнымъ знаменемъ. Барклая де-Толли, неудобнаго по своей иностранной фамиліи, смѣнилъ Кутузовъ, въ другой разъ встрѣтившійся съ Наполеономъ, только теперь не въ австрійскихъ владѣніяхъ, а между Смоленскомъ и Москвою. Кутузовъ, быть можетъ, и передъ Бородинымъ объ исходѣ битвы думалъ точно такъ же, какъ передъ Аустерлицемъ; но долженъ былъ дать сраженіе, чтобъ не отдать Москвы безъ боя. Кутузовъ не былъ разбитъ при Бородинѣ, и отступилъ, отдалъ Москву.

Наполеонъ совершилъ кампанію съ успѣхомъ, какого только могъ желать. Съ обычною быстротою онъ прорвался до центра Россіи и готовился вступить въ столицу, старую, коренную русскую столицу. Русскія войска отступали передъ нимъ, отступили и послѣ страшной бородинской рѣзни, какъ послѣ Эйлау. Передъ нимъ послѣдняя, самая дальняя европейская столица, и ее отдаютъ ему, какъ отдавали Берлинъ, Вѣну... И вдругъ, что это такое?.. Войско отступало — это въ порядкѣ вещей, Наполеонъ привыкъ, чтобъ непріятельское войско отступало передъ нимъ. Но тутъ... небывалое, немыслимое дѣло! Столица отступила, Москва ушла! Громаднѣйшій, яркоцвѣтный городъ лежитъ пустой, мертвый во всей своей печальной красѣ... Скоро показываются дымъ и пламя: невѣдомыя руки жгутъ Москву...

Кутузовъ далъ знать государю о бородинской битвѣ какъ о побѣдѣ, а потомъ увѣдомилъ объ отступленіи и отдачѣ Москвы. Старое нерасположеніе Александра къ Кутузову, подновленное недавнимъ неисполненіемъ его воли относительно турецкаго союза и донесеніями о поведеніи его въ дунайскихъ княжествахъ, нашло еще подкрѣпленіе въ этихъ противорѣчивыхъ извѣстіяхъ, и выразилось въ письмѣ императора къ наслѣдному принцу шведскому (19 сентября). Это письмо, впрочемъ, важно не по началу своему, а по концу: «Случилось то, чего я боялся. Князь Кутузовъ не съумѣлъ воспользоваться прекрасною побѣдою 26 августа. Непріятель, потерпѣвшій страшныя потери, въ шесть часовъ послѣ обѣда прекратилъ огонь и отступилъ за нѣсколько верстъ, оставляя намъ поле битвы. У Кутузова не достало смѣлости напасть на него въ свою очередь, и онъ сдѣлалъ такую же ошибку, какая помрачила для насъ день Прейсишъ-Эйлау, а для англичанъ и испанцевъ дни Талавейры и Бюзакао, когда на другой день послѣдовало отступленіе; позиція, занимаемая Кутузовымъ, стала, по его словамъ, слишкомъ обширна для арміи послѣ потерь, которыя она понесла въ эти три славные дня.

Эта непростительная ошибка повлекла за собою потерю Москвы, потому что не найдено было передъ этою столицею ни одного удобнаго положенія. Но непріятель получилъ Москву пустую. Эта потеря жестокая, я согласенъ, но болѣе въ отношеніи нравственномъ и политическомъ, чѣмъ военномъ. По крайней мѣрѣ, она дастъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей устойчивости въ поддержаніи борьбы противъ ея притѣснителя, ибо послѣ этой раны всѣ другія суть только царапины. Я повторяю в. королев. высочеству торжественное увѣреніе, что я и народъ, въ челѣ котораго я имѣю честь находиться, тверже чѣмъ когда-либо рѣшились выдерживать до конца и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ войти въ соглашенія съ новымъ Аттилою».

Наполеонъ не зналъ объ этомъ рѣшеніи. Москва сгорѣла; красивый городъ представлялъ безобразные остовы зданій, и на этомъ кладбищѣ гробовое молчаніе, производившее страшное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго быть центромъ самаго шумнаго вращанія жизни и теперь находившагося въ положеніи мореплавателя, выброшеннаго на необитаемый островъ. Чего еще дожидаются? Отчего не присылаютъ съ мирными предложеніями, какъ водилось вездѣ? И страшная мысль: а что если не пришлютъ, варвары! Наконецъ, не стало болѣе силъ дожидаться; улыбнулась мысль: Александръ не хочетъ сдѣлать первый шагъ; побѣдитель не унизится, если облегчитъ побѣжденному этотъ шагъ, вызоветъ его на переговоры. 19 сентября Александръ написалъ приведенное письмо къ Бернадоту; на другой день, 20-го числа, Наполеонъ пишетъ письмо къ Александру, и въ этихъ обоихъ письмахъ выразилось вполнѣ все различіе положенія писавшихъ: несмотря на всѣ усилія поддержать тонъ величія, письмо Наполеона отразило въ себѣ весь гнетъ окружающихъ условій, вышло жалкимъ; старинная привычка учить, какъ бы надобно было сдѣлать, являлась тутъ совершенно некстати, являлась чѣмъ-то совершенно изношеннымъ. «Красивый, великолѣпный городъ Москва не существуетъ; Растопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей пойманы на мѣстѣ преступленія, всѣ они объявили, что жгли по приказанію губернатора и полиціймейстера; ихъ разстрѣляли. Пожаръ, кажется, прекратился. Три четверти домовъ сгорѣло, четверть осталась. Это поступокъ гнусный и безцѣльный. Хотѣли отнять нѣкоторыя средства? Но эти средства были въ погребахъ, которыхъ огонь не коснулся. Впрочемъ, какъ рѣшиться уничтожить городъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ и произведеніе вѣковъ для достиженія такой ничтожной цѣли? Такъ поступали, начиная съ Смоленска, и пустили 600,000 семействъ

по-міру. Человѣколюбіе, интересы в. в-ства и этого обширнаго города требовали, чтобъ онъ былъ мнѣ отданъ въ залогъ, потому что русская армія не защищала его; надобно было оставить въ немъ правительственныя учрежденія, власть и гражданскую стражу. Такъ дѣлали въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадритѣ; такъ мы сами поступили въ Миланѣ предъ вступленіемъ туда Суворова. Пожары ведутъ къ грабежу, которому предается солдатъ, оспаривая добычу у пламени. Еслибъ я предполагалъ, что подобныя вещи могли быть сдѣланы по приказанію в. в-ства, я бы не писалъ вамъ этого письма; но я считаю невозможнымъ, чтобъ вы, съ своими правилами, съ своимъ сердцемъ, съ вѣрностію своихъ идей, могли уполномочить на такія крайности, недостойныя великаго государя и великаго народа. Я велъ войну съ в. в-ствомъ безъ озлобленія: одно письмо отъ васъ прежде или послѣ бородинской битвы остановило бы мое движеніе, я бы даже пожертвовалъ вамъ выгодою вступленія въ Москву. Если в. в-ство сохраняете еще ко мнѣ остатки прежнихъ чувствъ, то вы примете радушно это письмо. Во всякомъ случаѣ вы не можете на меня сердиться за извѣстія о томъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ».

Отвѣта нѣтъ. Прежнее гробовое молчаніе; приближается зима, въ войскѣ разстройство при недостаткахъ всякаго рода, со стороны русской арміи наступательное движеніе: ждать болѣе нечего, надобно уйти, куда и какъ? Къ себѣ, въ мѣста извѣстныя, въ знакомую обстановку; уйти какъ можно скорѣе, по дорогѣ извѣстной, какія бы невыгоды она ни представляла, чтобъ только избавиться отъ этой неизвѣстности, отъ незнакомыхъ условій, которыя не даютъ почвы подъ ноги, при которыхъ мысль блуждаетъ, умственная дѣятельность останавливается, голова идетъ кругомъ. Наполеонъ ушелъ, но одинъ: громадная армія исчезла.

Великое рѣшеніе царя и народа достигло своей цѣли: къ концу 1812 года ни одного вооруженнаго врага не оставалось на русской землѣ. Но предстояло другое великое рѣшеніе — перенести войну за границу, продолжать ее, не давая отдыха войску и народу и покончить борьбу только рѣшительнымъ низложеніемъ новаго Аттилы. Остановиться на полдорогѣ было бы величайшею ошибкою, ибо миръ съ Наполеономъ былъ бы только кратковременнымъ перемиріемъ; Наполеонъ не могъ долго пробыть въ неудачѣ; онъ держался только успѣхомъ, славою, побѣдами, пріобрѣтеніями, безъ нихъ онъ переставалъ царствовать, терялъ право на царство; надобно было спѣшить, ибо Германія съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждала русскаго войска, какъ опоры для возстанія, надобно было спѣшить пользоваться впечатлѣніемъ,

что человѣкъ, считавшійся непобѣдимымъ, прибѣжалъ одинъ, потерявши громадное войско, подобнаго которому качествомъ уже не будетъ имѣть. Несмотря на эту очевидную необходимость продолжать войну, несмотря на вѣрность успѣха, рѣшеніе не останавливаться на границахъ представляло великій подвигъ, большій, чѣмъ рѣшеніе не прекращать борьбы внутри Россіи, ибо надобно было не усумниться потребовать отъ народа новаго напряженія силъ вмѣсто отдыха послѣ страшнаго погрома, ибо вокругъ, начиная отъ главнокомандующаго [1]), шли толки о необходимости остановиться передъ своею границею.

Можно было разсчитывать на успѣхъ; но его надобно было купить большими жертвами и необыкновенною устойчивостію; надобно было бороться съ Наполеономъ, который употребитъ всѣ средства, средства наполеоновскія, для защиты своего политическаго существованія; надобно было въ то же время бороться съ союзниками. Наполеона можно было одолѣть только посредствомъ коалиціи—и коалиціи полной. Поэтому прежде всего, прежде чѣмъ Наполеонъ соберется съ силами, надобно было составить коалицію.

Война 1812 года самымъ нагляднымъ образомъ показывала расширеніе исторической сцены, усложненіе европейскаго политическаго организма. Судьба Европы рѣшалась на отдаленномъ Востокѣ, въ той странѣ, которая только сто лѣтъ назадъ открыла себя Европѣ и приняла участіе въ ея дѣлахъ. Въ небываломъ безпокойствѣ, съ страшно напряженнымъ вниманіемъ все мыслящее въ Европѣ обращалось къ этой далекой странѣ, прислушивалось къ каждому звуку, ибо вѣсти, приходившія оттуда, были вѣсти о жизни или смерти европейской независимости. Прусскій канцлеръ Гарденбергъ, подъ гнетомъ тяжкихъ условій, въ какія французское иго поставило Пруссію, въ мукахъ ожиданій, чѣмъ кончится борьба на Востокѣ, ищетъ хотя какого-нибудь успокоенія, обращается за мнѣніями, за совѣтами къ Меттерниху. «Геній Наполеона, слабость характера императора Александра, недостатокъ единства въ русскихъ планахъ и въ ихъ исполненіи поведутъ ли быстро къ невыгодному миру для Россіи? Или, если

[1]) На слова Шишкова, зачѣмъ онъ, Кутузовъ, будучи того мнѣнія, что не должно переходить за границу, не представляетъ о томъ государю, Кутузовъ отвѣчалъ: „Я представлялъ ему объ этомъ; но—первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ“. — И передъ Аустерлицемъ Александръ смотрѣлъ съ другой стороны, которой Кутузову совсѣмъ опровергнуть было не можно.

Александръ будетъ держаться крѣпко, если самыя побѣды мало-по-малу истощатъ силы Франціи, если ея войска, затянувшіяся въ далекія страны въ ненастное время года, почувствуютъ недостатокъ продовольствія, будутъ окружены многочисленнымъ народомъ, для котораго война будетъ національною — геній Наполеона не явится ли несостоятельнымъ, и громадныя полчища, которыми онъ располагаетъ, не потерпятъ ли, наконецъ, неудачи, не потратятся ли?» Съ такими вопросами обращался Гарденбергъ къ вѣнскому оракулу, и получилъ отвѣтъ (5 октября 1812 н. с.): «Въ недостаточности перваго русскаго плана, въ покинутіи оборонительной системы, въ вынужденномъ отступленіи изъ самыхъ лучшихъ и богатѣйшихъ провинцій имперіи, въ неслыханномъ опустошеніи Москвы, я вижу только признаки и доказательства безсвязности и слабости. Государь, который бы взвѣсилъ хладнокровно результаты плановъ, представленныхъ ему министрами, который бы сдѣлалъ все для предупрежденія несчастій или для обращенія ихъ противъ непріятеля, такой государь представлялъ бы для меня крѣпкую точку опоры. Я не нахожу ея въ безплодныхъ жертвахъ, въ разрушеніи стольких обширныхъ замысловъ многихъ великихъ предшественниковъ; я тутъ вижу только потерю европейскаго существованія Россіи и, къ несчастію, въ этой потерѣ страшное усиленіе тяжести, давящей насъ. Я не разсчитываю ни на какую твердость со стороны императора Александра, ни на какую связность въ настоящихъ и будущихъ планахъ его кабинета, ни на какіе рѣшительные результаты въ его пользу вслѣдствіе климата, приближенія зимы; я отрицаю возможность, чтобъ тѣ же самые люди, которые поставили государство у края погибели, могли вывести его изъ этого положенія». — Итакъ, нѣтъ спасенія! готовъ былъ воскликнуть Гарденбергъ. «Зачѣмъ же такъ скоро отчаяваться? Австрія спасетъ Европу!»—провѣщалъ оракулъ.—«Зимою испанскія событія чрезвычайной важности, печальное положеніе Россіи, истощеніе всѣхъ континентальныхъ государствъ, необходимость мира, чувствуемая и Англіею, все это можетъ намъ дать миръ. Я сдѣлаю попытку въ Англіи; мы поговоримъ въ этомъ же смыслѣ съ московскимъ императоромъ [1]); мы постараемся уяснить, чего надобно ждать съ той и другой стороны».

Въ концѣ 1812 года въ Европѣ увидали, что спасеніе ея приходитъ не изъ Австріи. Но Меттернихъ не уступитъ. Въ страшной досадѣ, заставляющей его безпрестанно огрызаться на

---

[1]) A l'empereur de Moscou подчеркнуто. Понятна вся злость этого выраженія послѣ сожженія Москвы.

Россію, онъ перемѣняетъ свои рѣчи относительно результатовъ войны, но не перестаетъ внушать, что Австрія можетъ спасти Европу миромъ, хотя Гарденбергъ никакъ не можетъ согласиться съ этимъ. Меттернихъ пишетъ: «По стольким доказательствамъ измѣнчивости и слабости петербургскаго кабинета можно было разсчитывать, что императоръ Александръ, послѣ занятія Москвы, вступитъ въ переговоры. Эта надежда была обманута: видно, Россія покидаетъ свои непосредственные интересы вовсе не такъ легко, какъ покидаетъ своихъ союзниковъ». Но, какъ бы то ни было, Наполеонъ потерпѣлъ первую страшную неудачу, которая произвела на всѣ европейскіе народы громадное впечатлѣніе. Тѣмъ лучше, тѣмъ склоннѣе онъ будетъ къ миру, и Австрія будетъ посредницею, возьметъ въ свои руки судьбы Европы, потому что, кромѣ нея, ни одна держава не можетъ быть посредницею. Есть препятствіе: Австрія въ союзѣ съ Францією, обязана помогать послѣдней войскомъ. Какъ же соединить роль союзницы съ ролью посредницы? Поэтому надобно прежде всего высвободить себя изъ французскаго союза, повести ловкіе переговоры съ Наполеономъ съ цѣлію отклонить его требованія помощи въ войнѣ; сначала не становиться ни на чью сторону; разумѣется, Россія и Пруссія будутъ настаивать, чтобы Австрія немедленно вступила съ ними въ коалицію противъ Наполеона; но на это нельзя согласиться; пусть Россія начинаетъ, пусть къ ней присоединится и Пруссія, Австрія будетъ выжидать, а между тѣмъ сильно вооружится, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ выступить вооруженною посредницею, и такимъ образомъ держать въ своихъ рукахъ и Наполеона и коалицію, противъ него направленную; оставаться нейтральною невозможно, это значило бы потерять всякое значеніе, тогда какъ Австрія должна играть главную, первенствующую роль, для чего именно необходимо вооруженное посредничество. Если Наполеонъ не согласится на австрійскія предложенія, обезпечивающія для Австріи территоріальныя выгоды и важное значеніе, то Австрія должна примкнуть къ Россіи и Пруссіи, чтобъ принудить Наполеона къ миру, вовсе не для того однако, чтобъ вести дѣло къ его окончательному низверженію. Австрія слаба, и потому, для поддержанія своего значенія, для нея необходимо поддерживать равновѣсіе между двумя колоссами, Россіею и Францією; низложеніе Наполеона поведетъ необходимо къ преобладанію Россіи, что́ для Австріи еще опаснѣе, чѣмъ преобладаніе Наполеона; для Австріи необходимо, чтобъ Россія не возстановляла Польши и не трогала Турціи, не обхватывала Австрію со всѣхъ сторонъ славянщиною; но какъ этому помѣшать, если Александръ низвергнетъ окончательно Наполеона и получитъ преоб-

ладаніе въ Европѣ: его замыслы относительно Польши и Турціи извѣстны. Отъ Пруссіи ждать добра нечего: съ нею необходимо соперничество въ Германіи; увеличивать нѣмецкія владѣнія Пруссіи, усиливать ея вліянія въ Германіи никакъ не слѣдуетъ; никакъ не слѣдуетъ способствовать объединенію Германіи подъ какими бы то ни было формами, возстановлять имперію, ибо это принесетъ только пользу Пруссіи, главной нѣмецкой державѣ: всего выгоднѣе установить между германскими государствами связь самую слабую, интересомъ самостоятельности поддерживать ихъ правительства противъ Пруссіи, и на дѣлѣ, а не по формѣ, дать Австріи возможность имѣть на нихъ господствующее вліяніе. Вотъ программа Меттерниха. Императоръ Францъ былъ въ восторгѣ, что наконецъ пришло его время: пусть сильные дерутся, истощаютъ другъ друга:—слабая Австрія предпишетъ имъ законы. Узнавъ, что Наполеонъ принужденъ оставить Москву, Францъ сказалъ: «пришло время, когда я могу доказать императору французовъ, чтó я такое!»

Прежде всего императора французовъ надобно напугать, чтобъ былъ сговорчивѣе, принялъ посредничество Австріи, ея условія. Наполеону внушаютъ изъ Вѣны: Англія увѣрена въ своихъ окончательныхъ успѣхахъ въ Испаніи; движеніе народовъ противъ французскаго преобладанія всеобщее; о Пруссіи говорить нечего, да и въ Австріи не лучше: «если императоръ французовъ не поможетъ дружественнымъ правительствамъ мѣрами, противоположными тѣмъ какія до сихъ поръ служили основаніемъ его политики, то эти правительства наконецъ увидятъ себя не въ состояніи одержать народное движеніе». Для императора французовъ это не было новостію. Покинувъ остатки своего войска, Наполеонъ мчался черезъ Варшаву и Дрезденъ въ Парижъ, чтобъ уничтожить здѣсь движеніе недовольныхъ, ободренныхъ неудачею деспота, и принять мѣры для сдержанія враждебныхъ ему народныхъ движеній въ Германіи. Въ Варшавѣ онъ говорилъ: «Никто не могъ предвидѣть такого несчастнаго исхода кампаніи, начавшейся такъ славно. Я сдѣлалъ двѣ ошибки: во-первыхъ пошелъ въ Москву, а потомъ оставался тамъ слишкомъ долго. Меня за это будутъ порицать, и однако это была великая и смѣлая мѣра; но правда: отъ высокаго до смѣшного одинъ маленькій шагъ. До 6-го ноября я былъ господиномъ въ Европѣ, а теперь уже нѣтъ. Знаю, что Германія волнуется; мнѣ надобно спѣшить въ Парижъ, чтобы оттуда смотрѣть за Вѣною и Берлиномъ. Въ Парижъ я упаду какъ бомба. Въ Парижѣ и въ цѣлой Франціи ни о чемъ не будутъ больше говорить, какъ только о моемъ возвращеніи, и забудутъ все, чтó случилось. Я соберу армію въ 300,000,

выступлю съ нею весною и уничтожу москвитянъ». Въ Дрезденѣ, 14-го декабря н. с. онъ написалъ императору Францу и королю Фридриху-Вильгельму письма съ требованіемъ усиленія вспомогательныхъ войскъ. Но скоро узнали, что и прежнее вспомогательное прусское войско, бывшее подъ начальствомъ генерала Іорка, по приглашенію русскихъ генераловъ, отдѣлилось отъ остатковъ наполеоновой арміи, и заключило договоръ съ ближайшимъ русскимъ отрядомъ. Король былъ испуганъ этимъ слишкомъ быстрымъ оборотомъ дѣла: онъ былъ еще окруженъ французскими войсками, ничего еще не зналъ вѣрнаго относительно намѣреній Россіи и Австріи; по обычаю, Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ играть въ двойную игру: передъ французами не одобрилъ соглашенія Іорка, послалъ генерала Клейста смѣнить его; но императору Александру далъ знать, что одобряетъ поступокъ Іорка, только явно признать его не можетъ; если императоръ двинетъ свои войска черезъ Вислу до Одера, то Пруссія готова заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ. 2 (14) января 1813 года князь Сергѣй Долгорукій доносилъ фельдмаршалу Кутузову изъ Кенигсберга о разговорѣ своемъ съ Іоркомъ. Генералъ разсказывалъ, что король присылалъ къ нему тайно офицера предувѣдомить его о мѣрахъ, какія онъ временно принужденъ былъ принять противъ него: какъ скоро онъ узнаетъ объ указѣ генералу Клейсту арестовать его, то отдался бы подъ покровительство императора Александра и старался держаться недалеко отъ прусскаго войска. Долгорукій тутъ же доносилъ, что прусское войско и народъ волнуются и негодуютъ на короля за его уклончивое поведеніе. Нѣкоторые говорили, что было бы хорошо, если бы французы захватили Фридриха-Вильгельма: тогда войско и народъ будутъ имѣть возможность обнаружить всю свою энергію. Долгорукій оканчивалъ свое донесеніе словами, что надобно бить желѣзо пока горячо, пользоваться одушевленіемъ пруссаковъ.

Король стоялъ твердо на томъ, чтобъ *одному* не начинать, и употреблялъ всѣ средства, чтобъ подвинуть Австрію начать вмѣстѣ: отправленный въ Вѣну полковникъ Кнезебекъ долженъ былъ говорить тамъ: «союзъ Австріи съ Пруссіею представляетъ единственное средство бороться противъ господства Франціи и воспрепятствовать, чтобъ Россія при дальнѣйшемъ своемъ побѣдоносномъ движеніи не пріобрѣла авторитета въ германскихъ и европейскихъ дѣлахъ, что не можетъ быть выгодно ни для Австріи, ни для Пруссіи». Австрія отклонила союзъ, выставляя, что не можетъ нарушить союза съ Франціею; но не хотѣла исполнять и союзныхъ обязательствъ въ отношеніи къ Наполеону; хотѣла для этого мира. «Союзъ нашъ съ Франціею,—внушала она На-

полеону,—долженъ быть вѣченъ, какъ вѣчны побужденія, къ нему поведшія. Не Франціи боимся мы, а Россіи; если русскіе воспротивятся умѣреннымъ условіямъ мира, то не только вспомогательный корпусъ, всѣ силы нашей монархіи обратятся противъ нихъ. Но всеобщій миръ можетъ все исправить и укрѣпить новую французскую династію. Снова вторгнуться теперь въ Россію нельзя, слѣдовательно война должна вестись во владѣніяхъ союзниковъ Франціи; императоръ Францъ обязанъ передъ своими народами не позволять, чтобъ она была перенесена на австрійскую почву. Остается Пруссія и герцогство Варшавское: но какая выгода произойдетъ отъ совершеннаго опустошенія этихъ государствъ? Австрія не дастъ Франціи больше того, что̀ обязана дать по союзному договору». Наполеонъ спрашивалъ: «Отчего Австрія не хочетъ ничего сдѣлать для войны; если денегъ нѣтъ, то я деньги доставлю».—«Дѣло не въ деньгахъ,—отвѣчали ему, но въ общественномъ настроеніи. В. в-ству извѣстно, что очень значительная часть Венгріи населена греками (т.-е. православными славянами), которые по вѣрѣ склонны къ Россіи, а Россія не упускаетъ ничего для извлеченія выгоды изъ этой склонности. Венгерцы смотрятъ на русскаго императора какъ на покровителя ихъ конституціи, а въ в. в-ствѣ видятъ систематическое стремленіе ее уничтожить».—«Ну, хорошо, миръ такъ миръ!» сказалъ Наполеонъ и предложилъ условія: онъ отказывался только отъ одной Португаліи въ пользу браганцкаго дома и удерживалъ за собою все остальное; въ пользу Россіи онъ предлагалъ не объявлять никакихъ притязаній на области, пріобрѣтенныя ею по раздѣламъ Польши; но изъ герцогства Варшавскаго не уступалъ ни одной деревни и не хотѣлъ позволить, чтобъ Россія увеличилась на счетъ своихъ сосѣдей. Наполеонъ понималъ, какъ эти условія будутъ приняты въ Вѣнѣ и потому требовалъ, что если они не понравятся, то пусть Австрія остается нейтральною, смотритъ спокойно, какъ онъ будетъ раздѣлываться съ Россіею.

Извѣстіе о разрывѣ Іорка съ французскою арміею сильно встревожило Наполеона: «Миръ казался мнѣ очень возможнымъ прежде отпаденія генерала Іорка,—говорилъ онъ:—теперь я больше о немъ не думаю; поступокъ Іорка вскружитъ русскому кабинету голову; это великое политическое событіе!» Онъ теперь предвидѣлъ тяжелую войну на Востокѣ вслѣдствіе возможности для Россіи составить коалицію. Онъ сталъ заигрывать съ Пруссіею, манить ее Вестфаліею, Варшавскимъ герцогствомъ. Посланный прусскаго короля (князь Гатцфельдъ) увѣрялъ Наполеона, что самое сильное желаніе Фридриха-Вильгельма сформировать для него новый вспомогательный корпусъ; но денегъ нѣтъ, и притомъ главная опасность

— это общественное мнѣніе, которое всюду противъ Франціи; Наполеонъ долженъ помочь прусскому правительству деньгами и тѣмъ избавить его отъ бича революціи, который будетъ опасенъ и для Франціи по сосѣдству. Наполеонъ отвѣчалъ: «о деньгахъ я подумаю; что вы мнѣ говорите о народныхъ движеніяхъ, то это величайшее для васъ несчастіе. Что касается меня, то я совершенно покоенъ относительно Франціи: французъ болтаетъ, бранится; то хочетъ онъ, чтобъ я завоевалъ Китай или Египетъ, то чтобъ оставался спокойно по сю сторону Рейна; все ограничивается словами, а дѣлаютъ всѣ то, что я хочу».

Пруссія пугала народнымъ движеніемъ, Австрія, что у нея уже 100,000 войска—лучшее средство для ускоренія мира, ибо Россія испугается; и, конечно, для того, чтобъ испугать Россію, императоръ Францъ далъ австрійскому корпусу, назначенному дѣйствовать противъ русскихъ, повелѣніе отступить передъ ними въ Галицію. Наполеонъ не вытерпѣлъ, разразился: «это противно договору; это первый шагъ къ отпаденію. Французское войско должно теперь очистить Варшаву и уйти за Одеръ; успѣшное вооруженіе поляковъ будетъ остановлено. Я принялъ ваше предложеніе на счетъ мира; но вооруженный посредникъ мнѣ не удобенъ. Быть можетъ, я отодвину свои войска за Рейнъ и улажусь съ русскими: двѣ великія державы найдутъ всегда средство соглашенія, но вы тогда уже не разсчитывайте на меня». Но по тону это уже не была выходка, подобная прежнимъ выходкамъ противъ пословъ непріятныхъ державъ: въ настоящихъ упрекахъ и угрозахъ слышалась грусть, чувство, что съ нимъ могутъ теперь такъ поступать, и угрозы его уже недѣйствительны. Ударъ былъ нанесенъ; а между тѣмъ Меттернихъ говорилъ полковнику Кнезебеку, присланному къ нему изъ Берлина: «*Пока* Австрія будетъ ограничиваться словами, пользоваться обстоятельствами; вѣнскій дворъ вовсе не боится сближенія съ Россіею, напротивъ желаетъ его, ибо безъ этого опасно, чтобъ Россія не приняла болѣе дѣятельнаго участія въ борьбѣ съ Франціею». Опасность была и другая: что, если угроза Наполеона исполнится, Россія войдетъ въ соглашеніе съ Франціею?

Но въ Пруссіи не могли ограничиваться словами; народъ громко требовалъ сверженія французскаго ига; Гарденбергъ объявляетъ королю, что французы хотятъ его захватить, и Фридрихъ-Вильгельмъ уѣзжаетъ изъ Потсдама въ Силезію, въ Бреславль, чѣмъ освобождается отъ давленія французскаго войска; но предлогомъ къ отъѣзду все еще было объявлено, что король ѣдетъ собирать войско для вспомогательнаго корпуса Наполеону. Первый шагъ былъ сдѣланъ, второй — союзъ съ Россіею, войска

которой приближались, слѣдовалъ необходимо. Отъ Австріи можно было получить только отрицательное обѣщаніе: «Король можетъ быть увѣренъ, что съ австрійской стороны противъ него никогда враждебныхъ дѣйствій не будетъ; остальное зависитъ отъ того, будутъ ли другіе (т.-е. русскіе) вести себя *разумно*». Положительныя заявленія получалъ король въ письмахъ отъ императора Александра, который предлагалъ ему союзъ и возстановленіе Пруссіи въ прежнемъ видѣ. Русскія войска уже занимали часть прусскихъ владѣній, управленіе которыми императоръ поручилъ Штейну, бывшему до сихъ поръ въ Россіи. Это распоряженіе содѣйствовало еще болѣе народному энтузіазму и стремленію къ русскому союзу. Но въ какомъ положеніи находилась Пруссія, какъ не безопасны были ея дороги отъ французовъ, доказательствомъ служитъ письмо, отправленное изъ Бреславля Гарденбергомъ къ Штейну въ Кёнигсбергъ: оно было адресовано дѣвицѣ Каролинѣ Гейнзіусъ и содержало въ себѣ слѣдующее: «Любезная сестра! Спѣшу извѣстить тебя, что нашъ добрый отецъ (король) намѣренъ дядѣ (императору Александру) переслать по вѣрной оказіи брачный контрактъ (союзный договоръ): такимъ образомъ бракъ нашей любезной Амаліи (Пруссіи) долженъ скоро и навѣрное состояться. Не говори тамъ нашимъ ничего объ этомъ: отецъ хочетъ, чтобъ все осталось въ тайнѣ, пока дядя всѣмъ не распорядится». Въ Клодаву, гдѣ находился тогда императоръ Александръ, отправленъ былъ для заключенія союза тотъ же Кнезебекъ, который только-что передъ тѣмъ былъ въ Вѣнѣ. Съ обѣихъ сторонъ одинаково желали скорѣйшаго заключенія союзнаго договора; нельзя было тратить времени въ разсужденіяхъ о второстепенныхъ предметахъ, особенно странно было бы входить въ подробности о будущихъ пріобрѣтеніяхъ, дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Но Кнезебекъ ѣхалъ изъ Вѣны, пропитанный тамошними внушеніями, что прежде всего нельзя допускать возстановленія Польши подъ властію русскаго государя, и потому при постановленіи мирнаго договора онъ прежде всего начинаетъ толковать о Польшѣ. Императоръ Александръ говоритъ ему, что до мира не можетъ быть рѣчи о Польшѣ, что нельзя теперь входить въ подробности о вознагражденіяхъ, которыя Пруссія можетъ получить и въ Германіи. Но Кнезебекъ стоялъ на своемъ и писалъ Гарденбергу вѣнскія фразы, что нельзя оставить безъ рѣшенія польскаго вопроса, иначе французское иго замѣнится русскимъ. Тогда, чтобы избавиться отъ Кнезебека, императоръ Александръ посылаетъ въ Бреславль къ королю стат. сов. Анстета съ проектомъ союзнаго договора: цѣлью союза назначалось возстановленіе Пруссіи. Для борьбы съ Фран-

ціею Россія выставляетъ 150, Пруссія 80 тысячъ войска. Императоръ обязывается не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ возстановлена въ объемѣ и силѣ, какія она имѣла до 1806 года; для этого могутъ служить всѣ сѣверо-германскія области, добытыя союзниками по договору или оружію, съ исключеніемъ владѣній ганноверскаго дома; императоръ гарантируетъ королю Восточную Пруссію съ участкомъ земли, которая въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ соединяла бы ее съ Силезіею.—Проектъ былъ принятъ королемъ и союзъ заключенъ (договоръ утвержденъ въ Калишѣ, 16 февраля 1813 г.).

Въ этомъ договорѣ Пруссія успокоена на счетъ своего возстановленія въ прежнемъ объемѣ, но о прежнихъ ея польскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ герцогства Варшавскаго, не говорится ни слова. Въ іюнѣ 1812 года Чарторыйскій писалъ императору Александру, что, какъ полякъ, не можетъ болѣе оставаться въ русской службѣ, ибо это запрещено въ актѣ генеральной конфедераціи, торжественно провозгласившей возстановленіе Польши. Но Наполеонъ, встрѣченный съ восторгомъ поляками, какъ возстановитель Польши, отдѣлался на этотъ счетъ одними обѣщаніями, и 9 октября Чарторыйскій пишетъ, что нельзя ли будетъ при мирѣ Россія съ Франціею устроить въ Польшѣ великаго князя Михаила Павловича. Письмо 6 декабря уже начинается словами: «Побѣда, кажется, рѣшительно увѣнчиваетъ усилія В. И. В-ства. Если вы вступите побѣдителемъ въ Польшу, то обратитесь ли снова къ старымъ планамъ относительно этой страны? Покоряя ее, сохраните ли желаніе покорить также и сердца ея жителей?» Въ слѣдующемъ письмѣ онъ изъявляетъ опасеніе, что континентальныя державы будутъ дѣлать императору внушенія противъ возстановленія Польши, и люди, окружающіе государя, также выскажутъ свои сомнѣнія. Чарторыйскій думалъ, что передъ страхомъ новой войны съ Наполеономъ Александръ долженъ пріобрѣтать расположеніе поляковъ, чтобъ имѣть въ нихъ союзниковъ; онъ зналъ также хорошо, какое сопротивленіе выставитъ Австрія возстановленію Польши при условіи вѣчнаго соединенія съ Россіею подъ одною верховною властью, и потому снова говоритъ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, прибавляя, что поляки боятся предполагаемаго наслѣдника Александрова, цесаревича Константина Павловича; въ случаѣ же согласія на избраніе Михаила, Чарторыйскій обѣщалъ немедленно все подписать, и ручался, что все будетъ исполнено, чего бы императоръ ни потребовалъ. Александръ отвѣчалъ, что успѣхи не перемѣнили его чувствъ и намѣреній относительно Польши; мщеніе есть чувство ему неизвѣстное; но поляки раздражали русскій

народъ своимъ поведеніемъ во время послѣдней кампаніи: пусть заставятъ забыть это поведеніемъ противоположнымъ; кромѣ того, если теперь же обнаружить намѣреніе возстановить Польшу, то это заставитъ Австрію и Пруссію броситься въ объятія Франціи; наконецъ, что касается до великаго князя Михаила, то это немыслимо: никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить Россію въ томъ, что Литва, Подолія и Волынь могутъ принадлежать другому государю, а не тому, кто управляетъ Россіею.—Чарторыйскій боялся, что приближенные къ государю люди будутъ противъ возстановленія Польши; дѣйствительно, находившійся въ это время при императорѣ для иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде подалъ сильную записку: «Проектъ возстановленія Польши можетъ быть разсматриваемъ только какъ *средство*, и никогда какъ *цѣль;* ибо какую цѣль можетъ имѣть Россія, отказавшись отъ трехъ или четырехъ лучшихъ своихъ областей? Отъ этого не выиграетъ ни ея сила, ни ея спокойствіе, ни ея вліяніе. Въ головѣ Наполеона идея возстановленія была всегда только средствомъ достиженія цѣли—ослабленія Россіи. Герцогство варшавское такъ слабо, что не можетъ ни сдѣлать намъ вреда, ни принести пользы въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ продолженіе всей войны Волынь, Подолія и Украйна были покойны и послушны намъ: для чего же намъ отъ нихъ отказываться? Невыгоды возстановленія: изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, польскій—самый легкомысленный и безпокойный; польская исторія есть исторія долгой анархіи, заключающей постоянные элементы войнъ и раздоровъ между сосѣдями. Если раздѣленіе Польши было противно публичному праву и равновѣсію, то результатъ былъ благодѣтеленъ. Съ возстановленіемъ Польши намъ нужно будетъ навсегда отказаться отъ союза съ Австріей, которая не захочетъ потерять своей части, и бросится въ объятія Франціи; Наполеонъ не возстановилъ въ послѣднее время Польши именно потому, что не хотѣлъ трогать Австріи. Россія непремѣнно потеряетъ свои провинціи, ибо соединеніе Польши съ Россіею подъ однимъ скипетромъ есть состояніе переходное: совершенная независимость отъ Россіи есть задняя мысль всякаго поляка. Нравственное состояніе этого народа, состоящаго изъ нѣсколькихъ магнатовъ, анархической массы мелкой шляхты, жидовскаго средняго сословія и толпы невольниковъ, униженныхъ до скотства самымъ жестокимъ рабствомъ—дѣлаетъ его неспособнымъ къ той степени мудрости, умѣренности и просвѣщенія, какая необходима для свободы, основанной на общественныхъ правахъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только всмотрѣться въ настоящее состояніе герцогства варшавскаго: хотя здѣсь конституція даетъ большую

власть королю, однако царствуетъ полная анархія; администраторы—невѣжды, взяточники, своевольники; управляемые—несчастны, утѣснены, ожесточены, общественное и частное благосостояніе уничтожены. На русскихъ императоровъ возложится трудная задача быть въ одно время самодержцами и конституціонными королями; только Двина и Днѣпръ будутъ раздѣлять политическія учрежденія столь противорѣчивыя; они всячески будутъ сталкиваться, и рано или поздно одни необходимо должны будутъ поглотить другія. Третье побужденіе—не соглашаться на возстановленіе Польши—это сопротивленіе каждаго русскаго; и теперь, послѣ такихъ подвиговъ преданности, оскорбить русскихъ возстановленіемъ Польши—будетъ несправедливо и неполитично. Русскій народъ увидитъ здѣсь вознагражденіе тѣмъ провинціямъ, которыя его всего менѣе заслужили, увидитъ награду союзникамъ Наполеона, которые во время нашествія поступали съ русскими жесточе французовъ».—Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ появилось снова внушеніе, чтобы Александръ объявилъ себя королемъ польскимъ, Новосильцевъ (6 августа) подалъ меморію, что отъ этого надобно удержаться, потому что прежде всего нужно кончить главное дѣло въ союзѣ съ Австріею и Пруссіею, а возстановлять Польшу—значитъ прежде всего вооружить противъ себя Австрію. Лучше всего занять войсками герцогство Варшавское, императору объявить себя его протекторомъ, приготовлять дѣло возстановленія, взять присягу съ жителей, послать намѣстникомъ великаго князя Николая или Михаила. Рѣшеніе польскаго вопроса было отложено на все время борьбы съ Наполеономъ, и легко понять, что главная причина этого заключалась въ отношеніяхъ къ Австріи: нельзя было полагать препятствія движенію этой державы въ пользу коалиціи. Императоръ Александръ упорно молчалъ о Польшѣ, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ начиналъ съ нимъ о ней заговаривать.

Мы упомянули о мнѣніи графа Нессельроде, находившагося при государѣ для иностранныхъ дѣлъ. Министра, графа Румянцева, императоръ не взялъ съ собою въ походъ; тотъ долго ждалъ, что его вызовутъ, наконецъ написалъ государю письмо, въ которомъ, жалуясь на забвеніе, въ какомъ онъ оставленъ, просилъ отставки. Александръ отвѣчалъ ему, что не взялъ его съ собою единственно изъ опасенія за его здоровье и жаловался, въ свою очередь, на письмо Румянцева, какого не ожидалъ, такъ какъ всегда отдавалъ справедливость Румянцеву за исполненіе ввѣренной ему должности. «Впрочемъ,—писалъ государь,—могу вамъ поручиться, по опыту и по внутреннему убѣжденію своему, что дипломатамъ и негоціаторамъ почти нѣчего дѣлать въ эпоху,

въ которую мы живемъ: одинъ мечъ можетъ и долженъ рѣшить исходъ событій! Не желаніе скрыть что-либо отъ васъ заставляло меня не писать къ вамъ такъ долго, но неудобство мѣстностей и постоянное движеніе». Въ заключеніе императоръ уговаривалъ Румянцева оставить свою просьбу объ увольненіи до возвращенія его изъ похода. Дѣятельность Румянцева, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительно кончилась, и мы должны сказать нѣсколько словъ о характерѣ этой дѣятельности и о томъ, какъ императоръ Александръ распорядился должностью министра иностранныхъ дѣлъ послѣ Румянцева.

При такой страшной борьбѣ, при такомъ страшномъ столкновеніи народныхъ интересовъ, какое представляетъ намъ описываемая эпоха, нельзя надѣяться, чтобъ лицо, занимавшее такое мѣсто, какое занималъ Румянцевъ, при такомъ сильномъ вліяніи на ходъ событій, даже только предполагавшемся, могло быть пощажено противною партіею. Поэтому неудивительно, что Румянцевъ, управлявшій иностранными дѣлами въ печальное время послѣ Тильзита, представлялся поклонникомъ Наполеона, человѣкомъ преданнымъ и даже проданнымъ французскому союзу. Принужденный извѣстными обстоятельствами къ заключенію тильзитскаго мира и союза, имѣя задачею посредствомъ этого союза обезпечить заблаговременно два важнѣйшіе интереса Россіи—польскій и восточный, императоръ Александръ нашелъ въ Румянцевѣ человѣка, который вполнѣ сочувствовалъ этой задачѣ. Съ одной стороны, раздѣлать то, что было сдѣлано Наполеономъ относительно Польши; съ другой—пріобрѣсти важное, необходимое для Россіи положеніе на Дунаѣ завоеваніемъ Молдавіи и Валахіи—стало основною мыслію Румянцева, и ни отъ одного изъ министровъ французскіе послы не встрѣчали такихъ настаиваній, такихъ рѣзкихъ выходовъ, какъ отъ Румянцева, когда дѣло доходило до этихъ двухъ дорогихъ для него предметовъ. Мы уже имѣли случаи приводить его разговоры съ Савари и Коленкуромъ. 8 мая (н. с.) 1811 года Румянцевъ объявилъ Коленкуру: «Дѣло не въ Ольденбургѣ и не въ указѣ 19 декабря 1810 г. (о пошлинахъ); есть дѣло поважнѣе, дѣло о великомъ герцогствѣ варшавскомъ: это великое герцогство не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ оно теперь». Съ такою же цѣпкостію держался Румянцевъ до конца за Молдавію, за границу по Серетъ, если уже нельзя стало пріобрѣсть Валахію. Вслѣдствіе такихъ стремленій, очень скоро обнаружившихся, Румянцевъ навлекъ на себя страшную ненависть Меттерниха. Не хотѣли обращать вниманіе на то, что Румянцевъ прямо высказывался о непрочности тильзитскихъ отношеній, уговаривалъ

Австрію подождать, будетъ время дѣйствовать вмѣстѣ противъ Наполеона; на Румянцева злобились не за то только, что восстаніе противъ Наполеона находилъ онъ преждевременнымъ, а главнымъ образомъ за политику его по польскимъ и турецкимъ отношеніямъ, вслѣдствіе которой Австрія могла быть обхвачена славянщиною и съ сѣвера и съ юга. Ненависть, разумѣется, не разбирала средствъ, когда нужно было вредить ненавидимому человѣку, и Румянцевъ въ Вѣнѣ явился министромъ, проданнымъ Наполеону. Эта клевета страшно раздражала императора Александра, который глубоко уважалъ своего министра за его образцовое безкорыстіе. Императоръ не могъ быть равнодушенъ и къ враждѣ противъ Румянцева за его политику, которая была политикою государя, враждѣ, высказывавшейся не въ одной Австріи, но и въ Россіи. Раздраженіе государя выразилось по поводу полученнаго имъ извѣстія о распространяемыхъ въ Вѣнѣ клеветахъ на Румянцева. Кромѣ постоянно живущихъ пословъ, Александръ обыкновенно отправлялъ съ разными порученіями къ особенно интересовавшимъ его дворамъ довѣренныхъ людей, которые своими наблюденіями дополняли необходимыя для него свѣдѣнія. Одинъ изъ такихъ довѣренныхъ людей, графъ Шуваловъ, посланный въ Вѣну, сообщалъ государю (30 декабря 1809 года), что тамъ подозрѣваютъ канцлера Румянцева въ связяхъ съ французскимъ правительствомъ, которому Румянцевъ доноситъ все. Отвѣтъ императора обличаетъ сильное раздраженіе. Замѣчая, что Шуваловъ самъ не изъятъ отъ недовѣрія къ Румянцеву, Александръ писалъ: «Я это приписываю только вашей малоопытности. Я прежде всего по цвѣту призналъ представленіе, сообщенное вамъ Поццо-ди-Борго. Это интриганъ совершенный, пансіонеръ Англіи, человѣкъ на всѣ средства и готовый перевернуть все, чтобъ только заставить насъ перемѣнить систему. Мнѣ очень непріятно, что вы вошли въ сношенія съ нимъ, ибо все, чтó вы отъ него узнаете, будетъ носить его печать. Я вамъ предписываю не оказывать ему ни малѣйшаго довѣрія и тщательно избѣгать малѣйшаго явнаго сообщенія съ нимъ».— Нѣтъ сомнѣнія, что Поццо, съ своею корсиканскою ненавистію къ Наполеону, не могъ успокоиться на тильзитской политикѣ Россіи и, по своей страстности, южной крикливости, выражался рѣзко о политикѣ и министрѣ, ее проводившемъ; но нельзя думать, чтобъ источникъ клеветы на Румянцева, о которой писалъ Шуваловъ, скрывался у Поццо, а не у Меттерниха. Это былъ не первый и не послѣдній разъ, что Александръ заступался за Румянцева. Въ 1812 году англійскій агентъ Уильсонъ, находившійся при русскомъ войскѣ и бывшій свидѣтелемъ патріотическихъ и непатріотическихъ дви-

женій между русскими генералами послѣ очищенія Смоленска, пріѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ государю, что генералы готовы для него на всякія пожертвованія, если будутъ увѣрены, что императоръ перестанетъ довѣрять совѣтникамъ, которымъ они не довѣряютъ: разумѣлся Румянцевъ. Александръ въ сильномъ волненіи отвѣчалъ: «Армія ошибается на счетъ Румянцева: онъ не совѣтовалъ мнѣ подчиняться Наполеону; я его очень уважаю, потому что онъ почти одинъ, который никогда ничего не просилъ у меня для себя, тогда какъ другіе просятъ почестей, денегъ то для себя, то для родныхъ. Я не хочу жертвовать имъ безъ причины. Ступайте, скажите арміи о моемъ рѣшеніи—не полагать оружія, пока хотя одинъ вооруженный французъ останется на русской почвѣ; я готовъ отослать мое семейство внутрь страны, готовъ на всякое пожертвованіе, скорѣе отпущу себѣ бороду и пойду ѣсть картофель въ Сибирь, но я не могу уступить на счетъ выбора моихъ министровъ».—Когда въ началѣ 1813 года въ Вѣнѣ узнали, что Румянцевъ не находится при императорѣ Александрѣ, то Генцъ писалъ: «Русскій дворъ, который своею безпокойною, эгоистичною, жадною къ завоеваніямъ и владычеству политикою такъ долго навлекалъ на себя справедливое недовѣріе и ненависть всѣхъ своихъ сосѣдей, кажется, наконецъ, рѣшительно отсталъ отъ своей прежней системы. Графъ Румянцевъ, послѣдній отъявленный покровитель этой системы, постоянно въ удаленіи отъ императора».

Иностранныя сношенія сосредоточились въ главной квартирѣ, больной Румянцевъ почетно и незамѣтно сошелъ съ поприща, и другого министра иностранныхъ дѣлъ не было. По отзыву современниковъ, самыхъ способныхъ дать въ этомъ случаѣ вѣрное свидѣтельство, отличнымъ министромъ могъ бы быть Поццо-ди-Борго, соединявшій въ себѣ всѣ качества государственнаго человѣка; но императоръ Александръ, какъ увидимъ, нашелъ для Поццо мѣсто, гдѣ тотъ могъ обнаружить всѣ свои достоинства, принести всю пользу. Событія, начиная съ 1813 года, заставляли императора Александра принимать самое живое, непосредственное участіе во внѣшнихъ сношеніяхъ, что̀ соотвѣтствовало вполнѣ и его природнымъ наклонностямъ и полученному имъ значенію установителя и охранителя мира Европы. Императоръ Александръ сталъ самъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, избравши двоихъ помощниковъ, какъ-бы въ соотвѣтствіе двумъ направленіямъ —либеральному и консервативному, трудную задачу соединенія которыхъ императоръ взялъ на себя. Объ одномъ изъ этихъ помощниковъ мы уже упомянули, это былъ графъ Нессельроде; другой не замедлитъ появиться на сцену—графъ Каподистріа.

Графъ Нессельроде сталъ извѣстенъ своими способностями какъ секретарь русскаго посольства въ Парижѣ, въ то время когда готовилось паденіе тильзитской системы. Видя, что разрывъ близокъ, Нессельроде оставилъ Парижъ и черезъ Вѣну отправился въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ ему хотѣлось повидаться съ Меттернихомъ, съ которымъ былъ друженъ; но отъ стараго друга онъ не добился ничего положительнаго, не получилъ никакихъ обѣщаній. Въ Петербургѣ императоръ Александръ такъ опредѣлилъ его будущую дѣятельность: «Въ случаѣ войны мнѣ нуженъ будетъ человѣкъ молодой (Нессельроде было тогда съ небольшимъ 30 лѣтъ), могущій всегда слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать моею политическою перепиской. Канцлеръ графъ Румянцевъ старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить выборъ на васъ; надѣюсь, что вы вѣрно *и съ должнымъ молчаніемъ* будете исполнять это порученіе, доказывающее мое къ вамъ довѣріе». Генцъ, говоря, что зналъ графа Нессельроде съ первой молодости, находился съ нимъ въ самыхъ искренныхъ отношеніяхъ, изучилъ его характеръ вполнѣ, представляетъ намъ его человѣкомъ благоразумнымъ, умѣреннымъ, безъ всякихъ наклонностей къ честолюбію, интригѣ, чуждымъ романтическихъ проектовъ и другомъ мира; по мнѣнію Генца, вліяніе графа Нессельроде будетъ всегда благодѣтельно и безопасно для сосѣдей Россіи. «Въ этомъ отношеніи, болѣе отрицательномъ, правда, чѣмъ положительномъ, его назначеніе драгоцѣнно для всѣхъ тѣхъ, которые интересуются общимъ спокойствіемъ. Онъ не будетъ довольно силенъ, чтобъ всегда предотвращать причины нарушенія спокойствія, но, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не будетъ имъ благопріятствовать». Здѣсь замѣчательно выраженіе, что графъ Нессельроде былъ чуждъ романтическихъ проектовъ, ибо Меттернихъ смотрѣлъ на дѣятельность императора Александра какъ на романтическую; человѣкомъ, избраннымъ для внѣшнихъ сношеній въ соотвѣтствіе этой романтической дѣятельности, въ Вѣнѣ считали графа Каподистріа. Каподистріа, грекъ изъ Корфу, былъ нѣсколькими годами старше Нессельроде. Значительное время своей молодости провелъ онъ въ Падуанскомъ университетѣ, изучая медицину; потомъ переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ему посовѣтовали отправиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ вышелъ скоро на видъ, благодаря особенно покровительству Новосильцева, и сталъ служить по дипломатической части, а приблизился къ государю не ранѣе 1814 года: «величайшее безкорыстіе относительно мѣстъ и денегъ, простота и скромность поведенія, большая откровенность, очень искусно соединенная съ большимъ подчиненіемъ» — день ото дня укрѣпляли, усиливали, по словамъ Генца, кредитъ

Каподистріа у императора Александра. Другіе современники, хорошо знавшіе Каподистріа, люди не романтическаго направленія, отзывались о немъ, что онъ очень уменъ, но иногда ему недостаетъ разсудительности; онъ обладаетъ проницательностію, тонкостію, но не всегда логикою; находили, что у него нѣтъ опытности въ людяхъ и дѣлахъ; что онъ трудится для міра, составленнаго изъ избранныхъ, столь же совершенныхъ, какъ онъ самъ; его упрекали тѣмъ, что онъ прельщенъ сочиненіями Гизо. Сравнивая его съ Поццо, говорили, что у Каподистріа душа чище, чувства благороднѣе, безкорыстнѣе, но у него далеко не тѣ средства, какъ у Поццо, не тѣ познанія, особенно нѣтъ такого здраваго, практическаго смысла, необходимаго для веденія дѣлъ въ семъ дольнемъ мірѣ.—Таковъ былъ слуга того направленія дѣятельности императора Александра, которое въ Вѣнѣ называли романтическимъ. Но въ минуту, на которой мы остановились, это направленіе тщательно скрывалось; страшная борьба была еще далека до своего окончанія.

Калишскій договоръ ставилъ Европу, повидимому, въ то же положеніе, въ какомъ она была въ началѣ 1807 года. Союзъ между Россіею и Пруссіею; къ нему примыкаетъ Англія съ своими субсидіями, и Швеція съ помощнымъ войскомъ; но если во время коалиціи 1807 года отъ Швеціи нельзя было ожидать дѣятельной помощи вслѣдствіе личности короля Густава IV, такъ и теперь противоположная личность наслѣднаго принца не внушала много довѣрія: до сихъ поръ онъ оставался явно въ выжидательномъ положеніи. Помощь Австріи, точно такъ же какъ и въ 1807 году, была еще впереди. Союзники отбрасывали небольшіе отряды французскаго войска, освободили отъ нихъ Берлинъ, вступили въ Саксонію; но тутъ должны были встрѣтить Наполеона съ войскомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ у нихъ, и по прежнему они не могли противопоставить ему ни одного генерала съ блестящими военными способностями. Надобно было готовиться къ пораженіямъ, отступать, и тутъ-то императоръ Александръ долженъ былъ опять собрать всѣ силы своего духа, чтобъ устоять, ибо у него на рукахъ былъ напуганный, больной человѣкъ, король прусскій, который приходилъ въ совершенное отчаяніе при словѣ: «отступленіе»; при видѣ идущаго назадъ войска, пораженному воображенію его уже представлялись прежнія печальныя слѣдствія отступленія, потеря столицы, государства, все то страшное время, которое онъ пережилъ послѣ Іены. Какъ только неудача, отступленіе, затягиваніе войны—сейчасъ уже ропотъ пруссаковъ, что союзники, русскіе, вмѣсто помощи, содѣйствуютъ только опустошенію страны, хотя въ началѣ рус-

скіе полки встрѣчаемы были, какъ освободители, съ неописаннымъ восторгомъ; а тутъ заискиванія Наполеона, предложенія отдѣльнаго, выгоднаго для Россіи мира...

Но испытаніе было непродолжительно. Условія первой половины 1813 года только повидимому были сходны съ условіями кампаніи 1806—1807 годовъ: разница была существенная. Она состояла въ томъ, что прошелъ 1812 годъ, давшій другое нравственное настроеніе не однимъ русскимъ. До 1812 года былъ одинъ непобѣдимый полководецъ—Наполеонъ, и, благодаря ему, одинъ непобѣдимый народъ—французскій, одна непобѣдимая армія—французская. Но теперь явилась страна, одолѣніе которой оказалось невозможнымъ, страна, которая поглотила непобѣдимую французскую армію, страна, изъ которой непобѣдимый полководецъ убѣжалъ самъ-третей, повторяя, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ, и страна эта континентальная, повидимому, легко досягаемая. Страна эта была постоянною помѣхою для поработителя Европы своими стремленіями къ равенству положенія съ его имперіею, требованіями уваженія къ своимъ интересамъ, надеждою, какую полагали на нее всѣ недовольные въ Европѣ. Для уничтоженія этой помѣхи и предпринятъ былъ походъ, съ небывалою обстановкою, которая должна была дать ему вѣрный, блестящій успѣхъ,—и вмѣсто успѣха небывалая неудача, небывалое пораженіе. Повидимому, чтó еще за бѣда для Наполеона? Онъ могъ сдѣлать неосторожность: какой же человѣкъ ея не дѣлалъ? какой знаменитый дѣятель не терпѣлъ пораженій, не бывалъ въ отчаянномъ положеніи? Петръ Великій, Фридрихъ II! Войско онъ наберетъ, необыкновенное военное искусство при немъ, слѣдовательно и побѣда будетъ при немъ. Но та помѣха, которая была прежде, отъ которой покоя не было, которую нужно было уничтожить во что бы то ни стало, теперь существуетъ въ усиленномъ видѣ; надежда, которую полагали на нее всѣ недовольные, выросла, претензіи Россіи увеличились, движеніе обхватываетъ Германію, Пруссія явно въ союзѣ съ Россіею, Австрія перемѣнила тонъ; Швеція выступитъ при первой увѣренности въ успѣхѣ; въ Испаніи дѣла идутъ дурно. По меньшей мѣрѣ борьбу надобно начинать снова; одинъ годъ уничтожилъ десять или больше лѣтъ блестящихъ успѣховъ. Борьбу надобно начинать снова, а гдѣ средства? Франція истощена; чтобъ остановить движеніе новой коалиціи, выжать былъ послѣдній сокъ изъ страны, создана новая большая армія; но эта армія далеко не прежняя, которая погибла въ Россіи; съ новою арміею, съ этими сравнительно слабыми дѣтьми, нельзя было того сдѣ-

лать, что съ старою, закаленною въ бояхъ, въ побѣдахъ, арміею; преданія были порваны, духъ былъ не тотъ.

Лучшею повѣркою перемѣны положенія, значенія 1812 года—служило поведеніе Австріи; она хочетъ мирить, но для мира требуетъ уступокъ—отъ Наполеона. Сначала Наполеонъ не хочетъ мира, потому что не хочетъ дѣлать уступокъ; мысль о малѣйшемъ шагѣ назадъ на своемъ поприщѣ для него ужасна, нестерпима; уступить—значитъ признать свое пораженіе, признать значеніе 1812 года. Вѣсть объ отпаденіи Пруссіи заставляетъ его задуматься; онъ рѣшается войти въ переговоры, но по-своему, по-старому—бить по частямъ, сманить Австрію раздѣломъ Пруссіи. Онъ дѣлаетъ слѣдующее предложеніе: у Пруссіи теперь 5 милліоновъ душъ; эти пять милліоновъ раздѣлить на три доли: милліонъ оставить Пруссіи на правомъ берегу Вислы; два милліона Австріи и два милліона Саксоніи и Вестфаліи. Лучшая доля достанется Австріи—Силезія! Мало того: если Австрія согласится войти въ тѣснѣйшій союзъ съ Франціею, то получитъ назадъ Иллирійскія провинціи. Но Австрію обольстить было нельзя этими приманками: ей нужно было прежде всего освободиться отъ давленія желѣзной руки Наполеона, ибо тогда только и пріобрѣтенія могли быть прочными; взять же Силезію и Иллирію за содѣйствіе утвержденію французскаго ига въ Европѣ былъ неразсчетъ: всѣ эти пріобрѣтенія могли быть скоро отняты. Притомъ, чтобы дѣлить Пруссію, надобно было побѣдить ее и русское войско, которое поддерживалось народнымъ энтузіазмомъ въ Германіи, возбужденнымъ русско-прусскими либеральными провозглашеніями; эти провозглашенія приводили въ отчаяніе Меттерниха: надобно было непремѣнно сдержать Александра и Фридриха-Вильгельма вліяніемъ Австріи, иначе, по мнѣнію Меттерниха, они устроятъ въ Германіи революціонные комитеты. Наконецъ, союзъ съ Франціею былъ невозможенъ и по страшному ожесточенію, которое господствовало противъ французовъ въ самой Австріи.

Побѣда можетъ перемѣнить все, и Наполеонъ спѣшитъ въ Саксонію, на встрѣчу союзникамъ. Встрѣча послѣдовала при Люценѣ; страшная рѣзня, битва нерѣшительная, но союзники отступили, и Наполеонъ провозгласилъ себя побѣдителемъ. Благопріятная минута для мирныхъ предложеній! Союзники побѣждены, отступили, увидѣли, что Наполеонъ все тотъ же и потому будутъ умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ; Наполеонъ также долженъ быть умѣреннѣе: битва не похожа на аустерлицкую или іенскую, еще нѣсколько такихъ побѣдъ, и армія его погибла. Меттернихъ предлагаетъ условія: уничтоженіе рейнскаго союза, возвращеніе

Австріи иллирійскихъ провинцій, свобода ганзейскихъ городовъ, разрушеніе варшавскаго герцогства, возстановленіе прусской монархіи. Предложеніе страшно раздражило Наполеона, и дѣйствительно отношенія явились странныя, небывалыя: Наполеонъ стоялъ съ войскомъ въ Саксоніи, онъ побѣдилъ, враги отступили, и отъ него требуютъ, чтобъ онъ отказался отъ пріобрѣтеній, купленныхъ двумя предпослѣдними войнами: отношенія совершенно извращенныя!—отъ побѣдителя требуютъ уступокъ. А между тѣмъ внутренній голосъ говоритъ Наполеону, что въ сущности тутъ никакого извращенія нѣтъ, что былъ 1812 годъ! Австрія получала возможность дѣлать ему такія предложенія, ибо соединеніе ея войска съ русско-прусскимъ давало коалиціи численное превосходство, что́ должно было нанести окончательный ударъ его послѣднему войску. Но этотъ внутренній голосъ, разумѣется, не уменьшалъ раздраженія. Особенно раздражало его то, что Австрія предписываетъ ему законы, Австрія, которая обязана помогать ему въ войнѣ, Австрія, которая не сдѣлала ничего, что́ бы дало ей право играть первую роль. Наполеонъ велитъ отвѣчать на австрійскія предложенія, что онъ прощаетъ Австріи все прошлое, хочетъ мира и можетъ заключить его на условіи, чтобы все оставалось какъ было до войны (statu quo ante bellum). Если бы онъ захотѣлъ, то уладился бы съ императоромъ Александромъ, предложивъ ему Польшу; посылка въ главную русскую квартиру раздѣлила бы міръ пополамъ.

Эта угроза давно была бы исполнена, еслибъ только было можно. Но въ Вѣнѣ очень хорошо знали, что императоръ Александръ не войдетъ въ отдѣльное соглашеніе съ Наполеономъ, развѣ только Австрія своею медленностію пристать къ союзу принудитъ его къ этому; но Австрія прежде всего не хотѣла повторенія тильзитскихъ отношеній; опытъ прошлаго пошелъ въ прокъ: Меттернихъ не хотѣлъ повторять ни ошибки Пруссіи передъ Аустерлицомъ, ни ошибки Австріи передъ Фридландомъ. Наполеонъ уже освобождалъ Австрію отъ союзныхъ обязательствъ, требовалъ только нейтралитета *невооруженнаго;* но Австрія непремѣнно хотѣла быть въ вооруженномъ нейтралитетѣ, съ тѣмъ, чтобы взять сторону союзниковъ, если Наполеонъ не согласится на ея мирныя условія. Стадіонъ, находившійся въ главной квартирѣ союзниковъ, ободрялъ Вѣну своими донесеніями, что, несмотря на отступленіе союзниковъ послѣ Люцена, духъ войска ихъ нисколько не упалъ; напротивъ, военный жаръ все болѣе и болѣе усиливается, подкрѣпленія подходятъ ежедневно, кавалерія и артиллерія превосходныя. Въ началѣ мая, въ Дрезденъ къ Наполеону явился посланный австрійскаго императора, графъ Бубна,

который объявилъ, что австрійскія мирныя условія очень умѣренны, что союзники требуютъ гораздо бо́льшаго, и императоръ Францъ очень радъ, что Наполеонъ побилъ ихъ: станутъ поскромнѣе; въ противномъ случаѣ Австрія знаетъ что́ дѣлать: вмѣсто 30,000, она отдастъ въ распоряженіе Наполеона 200,000; но надобно заключить перемиріе и завести переговоры. Наполеонъ не могъ принять австрійскихъ условій, не могъ возвратиться во Францію побѣжденнымъ, принужденнымъ къ уступкамъ; но, съ другой стороны, онъ видѣлъ страшную опасность въ случаѣ присоединенія 200,000 войска къ союзникамъ. Императоръ Францъ имѣлъ удовольствіе унизить Наполеона, выжать изъ желѣзной груди болѣзненный вопль, могъ теперь говорить: «Я показалъ императору французовъ, что́ я такое». Наполеонъ рѣшился написать тестю письмо, какого еще никогда не писывалъ: «Если В. В-ство принимаете какое-нибудь участіе въ моемъ счастіи, то позаботьтесь о моей чести! Я скорѣе умру въ челѣ послѣднихъ великодушныхъ людей Франціи, чѣмъ соглашусь быть посмѣшищемъ для англичанъ и причиною тріумфа враговъ моихъ!» Въ отвѣтъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ доносилъ: «конечно, Австрія желаетъ какъ можно скорѣе объявить намъ войну при первомъ благопріятномъ случаѣ; она бѣшено вооружается, и нѣтъ никакой надежды имѣть ее союзницею».

Надобно сдѣлать послѣднюю попытку. Коленкуръ посылается къ императору Александру съ предложеніями: «Одеръ будетъ границею германской конфедераціи; проведется линія отъ Глогау до Богеміи; Вестфалія получитъ 1.500,000 душъ; за то Пруссія получитъ великое герцогство варшавское, съ городомъ и округомъ Данцига; Пруссія пріобрѣтетъ такимъ образомъ 4 или 5 милліоновъ жителей; съ своей стороны, Россія пріобрѣтетъ вторую границу, ее прикрывающую, ибо Пруссія, имѣя свою столицу подлѣ нея, будетъ находиться въ ея системѣ. Франція и Россія будутъ удалены другъ отъ друга на 300 льё разстоянія, будутъ раздѣлены государствомъ въ 200 льё пространства». Но Коленкуру было наказано: «Главное — разговориться. Соглашеніе будетъ легко, если мы узнаемъ виды императора Александра. Мое намѣреніе постлать ему золотой мостъ, чтобы избавить его отъ интригъ Меттерниха. Если ужъ надобно сдѣлать пожертвованія, то лучше ихъ сдѣлать въ пользу императора Александра, который велъ добрую войну, и короля прусскаго, которымъ онъ интересуется, чѣмъ въ пользу Австріи, которая измѣнила союзу, и теперь, подъ титуломъ посредницы, присвоиваетъ себѣ право располагать всѣмъ, взявши себѣ долю, какую ей нужно». Императоръ Александръ отказался принять Колен-

кура, объявивъ, что всѣ переговоры должны идти чрезъ посредство Австріи, и этотъ отказъ послѣдовалъ на другой день послѣ битвы при Бауценѣ, гдѣ Наполеонъ опять одержалъ побѣду; но эта побѣда стоила ему до 25,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; союзники дрались отлично и отступили твердою ногою, не разрываясь; изъ 180,000 солдатъ, приведенныхъ Наполеономъ въ Саксонію, оставалось 120,000. Австрія была тутъ съ предложеніемъ перемирія и конгресса; Наполеонъ принялъ и то, и другое. Во время этого перемирія союзники заключили договоры съ Англіею и Австріею; опредѣлено было количество войска, которое выставлялъ каждый изъ нихъ, количество субсидій, выплачиваемыхъ Англіею; Австрія обязалась перейти на сторону союзниковъ, если къ 10-му августа н. с. Наполеонъ не приметъ ея мирныхъ условій. Самъ Меттернихъ отправился къ Наполеону, въ Дрезденъ, для убѣжденія его принять мирныя условія, ибо для Австріи важнѣе всего было остановить борьбу, удержать равновѣсіе между Россіею и Франціею и овладѣть навсегда посредствующимъ положеніемъ между ними. Въ пылу раздражающихъ рѣчей Наполеонъ высказалъ знаменитыя слова, которыя должны были бы убѣдить «дипломатическаго генія», какое заблужденіе думать, что Наполеонъ согласится на долгій миръ, когда у него вытребуютъ уступки, заставятъ признаться побѣжденнымъ: «Ваши государи, рожденные на престолѣ, не могутъ понимать моихъ чувствъ: побѣжденные, возвращаются они въ свои столицы и царствуютъ спокойно, какъ прежде; но я солдатъ; мнѣ нужны честь и слава; я не могу показаться своему народу въ уничиженіи, я долженъ оставаться великъ и славенъ». Но если Меттернихъ ошибался на счетъ возможности мира съ Наполеономъ и уравновѣшенія его могуществомъ могущества Россіи, то и Наполеонъ жестоко ошибался, все еще надѣясь сблизиться съ Россіею и отмстить Австріи отнятіемъ у нея всякаго вліянія. Въ наказѣ Коленкуру, отправленному на конгрессъ, назначенный въ Прагѣ, говорилось: «Намѣреніе императора Наполеона состоитъ въ томъ, чтобы заключить съ Россіею миръ, славный для этой державы, миръ, который отниметъ у Австріи все ея вліяніе въ Европѣ и этимъ накажетъ ее за вѣроломство и за ошибку, какую она сдѣлала, нарушивъ союзъ 1812 года, чѣмъ сблизила Францію съ Россіею. Императоръ намѣренъ установить такой порядокъ вещей, который отстранитъ всякія столкновенія между нимъ и Россіею. Если Россія получитъ выгодный миръ, то она его купитъ опустошеніемъ своихъ областей, потерею своей столицы и двумя годами страшной войны, бѣдствія которой будетъ долго чувствовать. Австрія, напротивъ, не при-

неся никакой жертвы, ничего не заслужила. Если она извлечетъ какую-нибудь пользу изъ своихъ интригъ, то она заведетъ другія, для полученія новыхъ выгодъ. Предметы ея требованій отъ Франціи безконечны. Разъ сдѣланная ей уступка ободритъ ее къ требованію новыхъ. Итакъ, въ интересѣ Франціи, чтобы Австрія не пріобрѣла ни одной деревни». Но сближеніе съ Россіею, по прежнему, было невозможно; пражскій конгресъ кончился ничѣмъ, и Австрія присоединилась къ союзникамъ; а между тѣмъ англичане вступили во Францію подъ предводительствомъ Веллингтона.

19 іюля изъ Петервольдау императоръ Александръ писалъ Румянцеву, что на его плечахъ громадный трудъ; съ апрѣля мѣсяца въ его распоряженіи не было не только одного дня, даже одной ночи; съ начала апрѣля онъ оставался на одномъ мѣстѣ только два дня въ Дрезденѣ, а послѣ этого находился въ постоянномъ движеніи. Цѣль трудовъ была достигнута: давно признанная необходимою, но до сихъ поръ не могшая образоваться, тройная коалиція между Россіею, Пруссіею и Австріею наконецъ составилась; Наполеонъ, потерявшій громадную армію въ Россіи, увидалъ и теперь противъ себя превосходное числомъ войско союзниковъ и проигралъ лейпцигскую битву, «великую битву народовъ». Германія была очищена, союзники перешли Рейнъ, вступили на французскую почву; Наполеонъ отбивался отчаянно, истощая всѣ средства своего необыкновеннаго военнаго искусства. Въ это самое время соперникъ его, императоръ Александръ, велъ тяжелую и неутомимую борьбу особаго рода, уговаривая, улаживая союзниковъ, чтобъ дѣйствовали дружно, не теряли времени въ отступленіяхъ и безполезныхъ переговорахъ. Австрія вошла въ коалицію не съ тѣмъ, чтобъ окончательно освободить Европу отъ Наполеона, какъ хотѣлъ императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ или, по крайней мѣрѣ, лучшіе люди Пруссіи: Австрія старалась при первомъ удобномъ случаѣ остановиться, завести переговоры съ Наполеономъ, помириться съ нимъ, удержать его на французскомъ престолѣ, все съ цѣлію посредствомъ него не дать преобладанія Россіи и сохранить важное положеніе для себя, быть въ третьихъ, съ равнымъ значеніемъ. Но Австрія была побѣждена въ своихъ стремленіяхъ, уступивъ торжество Александру; въ своихъ разсчетахъ она не обратила вниманія на положеніе Наполеона, не вникла въ смыслъ словъ его, сказанныхъ Меттерниху въ Дрезденѣ, что онъ не можетъ возвратиться во Францію побѣжденный и продолжать царствовать. Александръ восторжествовалъ, потому что зналъ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло, зналъ, что съ Наполеономъ не можетъ быть мира, а только

кратковременное перемиріе. Наполеонъ хотѣлъ отмстить Австріи, заключивши миръ съ Александромъ; но Александръ, отвергая отдѣльный миръ, заставилъ Наполеона отмстить Австріи другимъ образомъ, уклоненіемъ отъ общаго мира и собственною гибелью, ибо Австрія ничего такъ не желала, какъ мира и сохраненія Наполеона на французскомъ престолѣ. Наполеонъ, разрушая разсчетъ Австріи, продолжая борьбу, давалъ торжество, главное, великое значеніе Александру, значеніе вождя, ведшаго коалицію неуклонно впередъ до самыхъ воротъ Парижа, тогда какъ Австрія, въ своихъ стремленіяхъ къ миру, остановкѣ, прекращенію дѣла, естественно становилась на самый задній планъ, взявши на себя жалкую роль державы отступающей, оттягивающей дѣло, трусливой. Въ то время, какъ Россія и Пруссія торжествовали побѣду, доведши до конца великое дѣло, Австрія, ихъ союзница, являлась побѣжденною, ибо извѣстно было, какъ она не хотѣла этой побѣды, какъ полагала всевозможныя препятствія, чтобъ великое дѣло не было доведено до конца. Благодаря Австріи, коалиція уже дѣлилась: на одной сторонѣ—императоръ Александръ, стремившійся довести дѣло до конца, мириться съ Франціею, а не съ Наполеономъ, съ которымъ миръ невозможенъ; прусскій король не отступалъ отъ русскаго государя; на другой сторонѣ—императоръ Францъ съ своимъ главнокомандующимъ Шварценбергомъ и съ своимъ канцлеромъ Меттернихомъ; послѣднему удалось своими внушеніями произвести сильное впечатлѣніе на англійскаго уполномоченнаго при коалиціи, лорда Касльри. Взявши на себя незавидную, низменную роль, естественно стремились свести съ высоты человѣка, который избралъ роль противоположную, и Меттернихъ объяснялъ стремленіе Александра покончить дѣло тщеславнымъ желаніемъ непремѣнно войти въ Парижъ въ челѣ войскъ коалиціи! Легко понять, какая досада овладѣла Меттернихомъ, когда всѣ его разсчеты разстроились, когда Александръ восторжествовалъ и этимъ торжествомъ упрочилъ для себя и страны своей первенствующее положеніе, а на долю Австріи остались осадки того положенія, которое она сама выбрала; легко понять, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ Меттернихъ отзываться о Наполеонѣ, человѣкѣ, который разстроилъ всѣ его разсчеты, отвергнувъ, по непонятному упорству, руку помощи, погубилъ самъ себя и поставилъ въ печальное положеніе желавшую ему добра Австрію.

Когда при неудачахъ, а они не могли быть рѣдки въ борьбѣ съ Наполеономъ, Меттернихъ и Касльри начинали толковать о мирѣ, императоръ Александръ объявлялъ: «Положеніе дѣла необходимо требуетъ, чтобъ мы продолжали войну: всякіе переговоры,

неизбѣжно связанные съ потерею времени, дадутъ непріятелю возможность усилиться. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, если союзники будутъ единодушны». Когда союзники въ конференціяхъ настаивали на мирѣ, Александръ говорилъ: «Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 льё. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ». И Наполеонъ спѣшилъ доказать, какъ правъ былъ его соперникъ: говоря о мирныхъ условіяхъ, предлагаемыхъ союзниками, которые требовали, чтобъ Франція осталась при старыхъ своихъ границахъ до 1792 года, Наполеонъ писалъ брату Іосифу: «Еслибъ я подписалъ такой договоръ, то черезъ два года я поднялъ бы оружіе, объявивъ націи, что то былъ не миръ, а капитуляція».

Дѣйствительно Наполеонъ, и потерявшій всѣ свои завоеванія и даже завоеванія республики, могъ бы оставаться нѣкоторое время безопасно на престолѣ, ибо Франція была совершенно истомлена и ничего болѣе не желала, какъ мира; но эта страна оправляется быстро, и Наполеонъ опять долженъ былъ бы воевать—для поддержанія себя на престолѣ. 1 января 1814 года, онъ сказалъ членамъ законодательнаго собранія, позволившимъ себѣ ропотъ на внутренніе безпорядки и требовавшимъ законовъ, которые бы обезпечили французамъ свободу, безопасность, собственность: «Вы хотите овладѣть властію: но что вы съ нею сдѣлаете? Франціи нужна теперь не палата, нужны не ораторы, а генералъ. Между вами есть ли генералъ! И гдѣ ваше полномочіе? Франція меня знаетъ, а васъ знаетъ ли? Тронъ—это нѣсколько досокъ, обитыхъ бархатомъ; тронъ—это человѣкъ, это я съ моею волею, съ моимъ характеромъ, съ моею славою». Черезъ два года, а конечно еще скорѣе, Наполеонъ долженъ былъ бы сказать, что Франціи нужна не палата, не ораторы, нуженъ генералъ для возвращенія славы и пріобрѣтеній, для уничтоженія слѣдствій капитуляціи. Но Наполеону невозможно было заключить такую капитуляцію, невозможно было не только двухъ лѣтъ, двухъ дней пробыть послѣ нея, потерявши въ собственномъ сознаніи всѣ права на власть; онъ долженъ былъ биться до конца, и, по истощеніи всѣхъ средствъ, отречься отъ престола.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ



I.

Первый парижскій миръ.—Вѣнскій Конгрессъ.

Впервые знаменитая столица Франціи, считавшая себя столицею цивилизованнаго міра, проводила такую страшную ночь, какъ ночь съ 18-го на 19-е марта 1814 года: на другой день въ нее должны были вступить союзные государи Европы съ своими войсками! Парижъ пережилъ Варѳоломеевскую ночь, пережилъ кровавые ужасы революціи: но никогда еще побѣдоносный врагъ не вступалъ въ него, неся рѣшеніе его участи. Недавно, во время революціи, когда Франція казалась совершенно беззащитною, враждебныя войска вступили на ея почву съ надеждою проникнуть до Парижа и поддержать здѣсь падающій престолъ: но со стыдомъ должны были оставить Францію. А теперь, послѣ неслыханной въ исторіи военной славы, послѣ небывалаго въ новой, христіанской Европѣ господства, Франція должна признать себя покоренною и принять условія побѣдителей, какія они предпишутъ ей въ Парижѣ! Никогда исторія не видала еще такихъ событій, такого изумительнаго движенія, такого прилива и отлива счастія и величія, какъ въ первыя 15 лѣтъ XIX вѣка. Никогда Европа не жила такою общею жизнію, никогда всѣ части ея не участвовали въ такомъ общемъ движеніи. Это движеніе пошло изъ Франціи: по волѣ ея императора, народы высылали свои полки, изъ которыхъ составилось огромное ополченіе, устремившееся на Востокъ, въ Россію. Цѣль похода была достигнута: отдаленная, восточная столица Россіи была занята; но здѣсь обнаружился страшный обманъ: столица оказалась пустая, и скоро сгорѣла отъ руки таинственныхъ поджигателей; мечты завоевателя исчезли, онъ обнялъ призракъ. Начался отливъ: войсковыя массы потянулись назадъ съ востока на западъ, и какъ прежде войска разныхъ народовъ примыкали къ легіонамъ

Наполеона, такъ теперь примыкаютъ къ полкамъ русскимъ и останавливаются не прежде, какъ у воротъ Парижа.

Народы истомились этимъ приливомъ и отливомъ, этими движеніями, которыя напоминали начало среднихъ вѣковъ и были не къ лицу цивилизованной Европѣ XIX вѣка. Движеніе исходило изъ Франціи, и въ послѣднее время условливалось положеніемъ и характеромъ одного человѣка, Наполеона. Европа хотѣла покончить съ движеніемъ, и поэтому должна была покончить съ Наполеономъ. Но чтó же Франція? чтó же Парижъ, давно уже втянувшій въ себя умъ и волю Франціи? Опустѣлъ ли онъ, какъ Москва, передъ приближеніемъ соединенныхъ войскъ Европы? готовится ли къ пожару? Поднятіемъ Наполеона оправдались пророческія слова Адріана Дюпора, сказанныя въ разгарѣ революціи: «Надобно поспѣшить, чтобы воспрепятствовать окончательному разстройству государственному; не нужно стѣснять свободы и равенства, но нужно обхватить ихъ правительствомъ справедливымъ и сильнымъ. Если этого нельзя сдѣлать, то конституція погибнетъ, и государство будетъ растерзано партіями. Потомъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ опытовъ, знаете ли, кому будетъ принадлежать государство? Деспотизму, въ которомъ станутъ искать убѣжища всѣ души истомленныя, истощенныя». Но сынъ революціи, Наполеонъ, поступилъ подобно своей матери: онъ, въ свою очередь, истомилъ, истощилъ души, искавшія убѣжища въ его власти. Франція и Парижъ истощены, разслаблены физически и нравственно, и болѣе другихъ жаждутъ прекращенія движенія. И безъ того страшнаго истощенія силъ, которому подвергалась Франція при Наполеонѣ, неудачи наступательной войны служатъ дурнымъ приготовленіемъ къ войнѣ оборонительной: при потеряхъ матеріальныхъ, духъ падаетъ въ войскѣ и народѣ, особенно когда нѣтъ убѣжденія въ правдѣ начатой войны; не можетъ быть той свѣжести и твердости въ отпорѣ, съ какимъ защищается народъ, подвергшійся сначала нападенію въ своей странѣ. Сюда присоединялась непрочность отношеній Наполеона къ Франціи, недавность власти, которой право основывалось на военной дѣятельности, военной славѣ. Какъ ни чувствителенъ французскій народъ къ военной славѣ, но односторонняя дѣятельность всегда утомляетъ; и деспотизмъ можетъ приготовить народъ только къ неправильнымъ революціоннымъ движеніямъ, къ дѣятельности отрицательной, а не къ твердой защитѣ существующаго; многіе могли чувствовать сильную горечь въ сердцѣ, при видѣ нашествія враговъ на родную землю; но трудно было съ ожесточеніемъ отнестись къ врагу, пришедшему не по своей винѣ, пришедшему съ требованіемъ мира и устраненія человѣка,

при которомъ миръ былъ невозможенъ; негодованіе при видѣ враговъ на родной землѣ естественно отвлекалось отъ этихъ враговъ и падало на человѣка, который поднялъ враговъ и не успѣлъ защитить отъ нихъ Францію. Могли вооружиться люди изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, не разсуждая о причинахъ и слѣдствіяхъ, видя только враговъ передъ собою; но для этихъ людей нужны были вожди, а вожди могли явиться изъ людей того общества, гдѣ соображаютъ причины и слѣдствія.

При такихъ-то невыгодныхъ для себя обстоятельствахъ Наполеонъ изъ Фонтенебло отправилъ Коленкура къ императору Александру съ мирными предложеніями. Императоръ принялъ посланнаго чрезвычайно ласково; но тѣмъ безотраднѣе зазвучалъ спокойный отвѣтъ, что союзники не хотятъ знать Наполеона, и ждутъ, какъ распорядится Франція на счетъ своего будущаго правительства.

Итакъ, Франція должна рѣшить свою судьбу: но какъ она это сдѣлаетъ и способна ли это сдѣлать? Дважды истомленная нравственно, революціею и военнымъ деспотизмомъ имперіи, она не имѣла средствъ энергически высказаться въ пользу той или другой правительственной формы, въ пользу того или другого человѣка. Партія республиканская, пораженная нравственно, потерявшая кредитъ вслѣдствіе неудачъ революціи, была придавлена матеріально при Наполеонѣ, и теперь не время было ей подавать свой слабый голосъ въ присутствіи соединенныхъ государей Европы. Правительственная форма, существовавшая до сихъ поръ во время имперіи, терпѣлась только благодаря личности императора и падала вмѣстѣ съ нимъ; слѣдовательно, ограниченная монархія была единственною формою, стоявшею на очереди. Но кто будетъ конституціоннымъ монархомъ Франціи? Кандидатство малолѣтнаго сына Наполеона при регентствѣ матери имѣло большую невыгоду въ отсутствіи силы и самостоятельности, имѣло и выгоду, удовлетворяя войско и отнимая у стараго Наполеона право безпокоить Францію и Европу. Это кандидатство могло бы пройти, еслибъ было поддержано могущественною партіею, но наполеоновская партія была слаба, какъ побѣжденная; противъ имперіи естественно и необходимо шла сильная реакція, противъ нея, какъ обыкновенно бываетъ, раздавались страшныя слова: «Горе побѣжденнымъ!» и сталкивали наполеоновскую династію съ очереди; войско не принималось въ разсчетъ, ибо его побѣды были забыты, когда непріятель стоялъ подъ Парижемъ. Кто же могъ быть кандидатомъ? Старый маршалъ Франціи, теперь наслѣдный принцъ шведскій, Бернадотъ? Но, кромѣ этого

положенія, случайнымъ образомъ пріобрѣтеннаго, у Бернадота не было никакихъ другихъ правъ противъ его товарищей.

Выборъ былъ крайне трудный, и потому легко было напомнить о себѣ забытымъ людямъ—Бурбонамъ, старшій изъ которыхъ носилъ титулъ французскаго короля, подъ именемъ Людовика XVIII. Надежды этого короля — оживали при каждомъ возобновленіи борьбы съ Наполеономъ, и такъ какъ борьба давно велась собственно между Франціею и Россіею, то Людовикъ XVIII постоянно обращался къ русскому императору съ просьбою вспомнить объ его правахъ и поднять его знамя, способное помочь Россіи и Европѣ въ борьбѣ съ похитителемъ французскаго престола. Но мы видѣли, что императоръ Александръ нисколько не раздѣлялъ взглядовъ и надеждъ представителя старой французской династіи, и думалъ, что ея знамя способно не помочь, но повредить Россіи и ея союзникамъ въ борьбѣ съ императоромъ французовъ. Въ 1805 году, когда императоръ Александръ становился во главѣ коалиціи противъ Наполеона, Людовикъ XVIII напомнилъ ему о себѣ письмомъ отъ 20-го февраля (4-го марта) изъ Митавы. Король вызывался быть при войскѣ, которое должно было дѣйствовать противъ Франціи, писалъ, что надобно вызвать средство, которое одно можетъ дать успѣхъ коалиціи, средство нравственное, *мнѣніе* (l'opinion), ибо до сихъ поръ, въ борьбѣ съ революціонною Франціею, «никогда не противополагали право преступленію, наслѣдника 30-ти королей эфемернымъ тиранамъ, легитимность (légitimité) революціи». 8-го (20) октября 1806 г. новое письмо: «Личное и дѣятельное участіе (въ войнѣ) *короля французскаго* есть единственное оружіе, которымъ можно низложить похитителя и похищеніе. Зло, опасность для Европы состоитъ не въ честолюбіи и личныхъ средствахъ одного человѣка, а въ самой революціи. Если захотятъ предписать новые законы Франціи, то возмутятъ ее; если объявятъ, что она вольна сама создать себѣ правительство, какое хочетъ, то этимъ предложится ей анархія. Между двумя означенными опасностями есть вѣрная дорога—противопоставить право насилію, законнаго государя похищенію, болѣе даже чѣмъ похитителю». Людовикъ обращался въ своихъ письмахъ къ императору Александру: «Monsieur, mon Frère et Cousin!» Императоръ отвѣчалъ ему: «Monsieur le Comte [1])! Обстоятельства предписываютъ подождать развязки, прежде чѣмъ рѣшиться на средство, упомянутое въ вашемъ письмѣ».—Дождавшись развязки, Людовикъ опять написалъ императору 22-го октября (3-го ноября): «Король Прусскій потерпѣлъ пораженіе,

[1]) Старый титулъ Людовика — *графъ Провансkій*.

Берлинъ во власти Бонапарта. Чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ нужнѣе принять противъ нея средства. Чтобъ извлечь изъ дѣятельнаго вмѣшательства *короля* (т.-е. Людовика XVIII) всю пользу, надобно провести меня во Францію, на берега моего отечества, съ войскомъ, достаточнымъ для обезпеченія высадки и для доставленія опоры моимъ вѣрнымъ подданнымъ». Александръ отвѣчалъ: «Несмотря на мое убѣжденіе, что предложенная вами мѣра могла бы имѣть хорошій успѣхъ, она неудобоисполнима въ настоящую минуту, по причинѣ позднаго времени года и долговременныхъ приготовленій, необходимыхъ для подобной экспедиціи». Въ 1807 году племянникъ короля, герцогъ Ангулемскій, просился волонтеромъ въ русскую армію; просьба не была принята.

Тильзитскій миръ заставилъ Людовика XVIII оставить русскія владѣнія и искать убѣжища въ Англіи. Наступилъ 1812 годъ, наступила рѣшительная для всей Европы борьба между Россіею и Франціею; Бурбоны опять напомнили о себѣ. 28-го іюля герцогъ Ангулемскій опять прислалъ императору Александру письмо съ просьбою о вступленіи волонтеромъ въ русскую армію; императоръ отвѣчалъ (9-го октября): «Я бы принялъ ваше предложеніе, если бы замышлялъ высадку на французскіе берега; но изъ Англіи это сдѣлать удобнѣе». Армія Наполеона исчезла въ Россіи, Александръ перешелъ за границу для окончанія борьбы; Людовикъ XVIII возобновилъ свои домогательства подъ благовиднымъ предлогомъ. 14-го февраля 1813 года онъ написалъ императору Александру изъ Гартуэля: «Жребій войны отдалъ въ руки вашего императорскаго величества болѣе 150,000 плѣнныхъ, бо́льшая часть ихъ французы; мнѣ нѣтъ нужды до того, подъ какими знаменами они шли: они несчастны, и я вижу въ нихъ только дѣтей моихъ; поручаю ихъ щедротамъ вашего императорскаго величества». Послѣ этого нѣжнаго введенія, король приступаетъ къ дѣлу, проситъ императора объявить себя за бурбонскую династію во Франціи и предлагаетъ высадку въ Нормандію. 26-го марта (7-го апрѣля) другое письмо, въ которомъ король проситъ позволенія герцогу Ангулемскому пріѣхать въ русскую армію. Отвѣтъ прежній (отъ 24-го апрѣля): «Съ великимъ бы удовольствіемъ увидѣлъ я герцога Ангулемскаго на континентѣ; но думаю, что настоящая минута еще неблагопріятна».

Прогремѣла «битва народовъ»; Наполеонъ долженъ былъ уйти за Рейнъ, и вслѣдъ за нимъ союзники готовились вступить во Францію; въ челѣ союза стоялъ русскій императоръ, и Людовикъ XVIII снова обращается къ неумолимому; письмо изъ Бата отъ 15-го ноября: «Похититель не можетъ защитить несправед-

ливыхъ завоеваній; но онъ старается встревожить французовъ на счетъ намѣренія государей, вооружившихся противъ его нападеній. Единственное средство вырвать у него послѣднее оружіе — это указать Франціи вѣрную гарантію ея независимости и счастія въ возстановленіи отеческой и законной власти. Я не могу спокойно видѣть чуждую армію на границахъ моихъ владѣній, тогда какъ намѣренія союзниковъ неизвѣстны, мои права не признаны и моя законная власть не провозглашена. Я никогда не желалъ сохранить завоеванія, столь же гибельныя для спокойствія Франціи, сколько несовмѣстныя съ безопасностію другихъ правительствъ; но я боюсь честолюбивыхъ видовъ, которые встревожатъ французовъ, заставятъ ихъ защищать власть ненавистную. Меня увѣряютъ, что генералъ Сультъ, тайный врагъ Бонапарта, очень расположенъ служить моему дѣлу, и что если ваше императорское величество изволите гарантировать обѣщаніе, которое мнѣ предложили ему сдѣлать, то онъ скоро обратитъ свое оружіе противъ тирана».

Но императоръ Александръ продолжалъ считать лучшимъ средствомъ успокоить Францію — это дать ей свободу устроить самой свое правительство; онъ не считалъ поэтому себя въ правѣ мѣшать Бурбонамъ, если сама Франція ихъ призоветъ; но не хотѣлъ дѣлать ни одного шага, произносить ни одного слова въ ихъ пользу: одинаково сдержанно относился онъ и къ Бурбонамъ и въ союзникамъ и къ самимъ французамъ. Уже во Франціи, при вступленіи императора Александра въ Труа, нѣкоторые изъ жителей этого города просили его о возстановленіи Бурбоновъ: «прежде чѣмъ думать о Бурбонахъ, надобно побѣдить Наполеона», отвѣчалъ Александръ. Въ Лангрѣ роялисты вызывались набирать волонтеровъ на службу старой династіи: Александръ согласился, но съ тѣмъ, чтобъ этотъ наборъ не имѣлъ никакого отношенія къ движеніямъ союзниковъ и производился въ областяхъ, ими еще не занятыхъ. Иначе относилось къ дѣлу англійское правительство, у котораго Людовикъ нашелъ пріютъ и сочувствіе. Мы видѣли, что еще въ 1804 году Питтъ указывалъ Новосильцеву на пользу возстановленія Бурбоновъ. Во сколько здѣсь дѣйствовало убѣжденіе, что Франція при Бурбонахъ не будетъ сильна и опасна Англіи—мы не знаемъ; по крайней мѣрѣ, въ началѣ 1814 года англійскій принцъ-регентъ высказался предъ русскимъ посланникомъ, что онъ считаетъ нужнымъ дать французамъ свободу распорядиться на счетъ своего будущаго правительства, но думаетъ, что было бы не безполезно напомнить имъ о существованіи ихъ законной династіи. Но тутъ же принцъ-регентъ предоставлялъ это дѣло русскому императору,

«вождю безсмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды». Вождь безсмертной коалиціи, не высказываясь на счетъ будущаго государя Франціи, дошелъ до ея столицы; Людовикъ XVIII счелъ нужнымъ сдѣлать послѣдній шагъ и предложить приманку, чтобъ заставить русскаго императора высказаться за него въ рѣшительную минуту, и къ русскому посланнику въ Лондонѣ является любимецъ Людовика, Блака, съ изъявленіемъ чувствъ благодарности своего государя къ императору Александру, какъ спасителю Франціи и Бурбоновъ: «Король,—говорилъ Блака,—чувствуетъ, сколько онъ еще можетъ надѣяться впередъ для счастія своей страны и для утвержденія своего трона отъ могущественнаго покровительства его императорскаго величества. Чѣмъ болѣе король сознаетъ благодѣянія императора и долгъ благодарности за нихъ, тѣмъ болѣе желаетъ скрѣпить самыми тѣсными узами связь между двумя государствами, которая обезпечивала бы его подданнымъ постоянное расположеніе ихъ покровителя». Блака, отъ имени королевскаго, предложилъ бракъ между сестрою императора Александра и племянникомъ Лудовика XVIII, герцогомъ Беррійскимъ, причемъ однако сдѣлалъ намекъ, что будущая королева французская должна быть римско-католическаго исповѣданія, и приводилъ въ примѣръ русскую княжну Анну Ярославну, бывшую за французскимъ королемъ Генрихомъ I-мъ. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать, что онъ готовъ содѣйствовать браку сестры съ герцогомъ Беррійскимъ, но рѣшеніе зависитъ отъ императрицы Маріи Ѳедоровны; притомъ, если перемѣна исповѣданія есть непремѣнное условіе брака, то онъ невозможенъ.

Помощь русскаго императора нельзя было пріобрѣсти никакимъ средствомъ; но онъ не будетъ препятствовать Бурбонамъ занять французскій престолъ, если сама Франція этого захочетъ. Истощенная матеріально и нравственно, Франція не въ состояніи возвысить замирающій на устахъ голосъ, да и не знаетъ, какое слово, чье имя произнести. При такомъ положеніи страны, первый вліятельный человѣкъ, который рѣшительно и громко скажетъ свое слово, произнесетъ извѣстное имя, будетъ имѣть навѣрное успѣхъ уже потому самому, что будетъ говорить при всеобщемъ молчаніи, и это молчаніе примется за знакъ всеобщаго согласія. Бурбонамъ, слѣдовательно, нужно было найти такого человѣка, который бы произнесъ ихъ забытое имя, и они нашли такого человѣка: это былъ Талейранъ.

Мы уже хорошо познакомились съ Талейраномъ; мы видѣли, какъ давно почувствовалъ онъ, что домъ ватлѣлъ и не хотѣлъ въ немъ оставаться; мы видѣли, съ какими рѣчами явился онъ

къ Александру въ Эрфуртѣ. На третій годъ, 15 сентября 1810, Талейранъ писалъ императору Александру, что расположеніе, оказанное ему русскимъ государемъ въ дни печали, стало утѣхою и гордостію всей его жизни. Жалуясь на цѣлую систему упрековъ, стѣсненій, внутреннихъ мученій, какую онъ претерпѣваетъ со времени эрфуртскаго свиданія, систему, разстроившую его дѣла, Талейранъ—просилъ у императора полтора милліона франковъ. Александръ отказалъ въ этой просьбѣ, отвѣчая, что ея исполненіе можетъ повредить самому Талейрану и противно тѣмъ чистымъ и простымъ правиламъ, — которыми императоръ руководится въ сношеніяхъ съ иностранными государями и съ тѣми, которые имъ служатъ.—Теперь, въ 1814 году, императоръ Александръ встрѣтился съ Талейраномъ, какъ съ чародѣемъ, который дорого проситъ за свои предсказанія, но предсказываетъ вѣрно. И теперь Талейранъ занимался какимъ-то таинственнымъ дѣломъ. Домъ сгорѣлъ; куда же перебраться? Наполеонъ—императоръ, герой ста битвъ, завоеватель—низверженъ; война должна прекратиться, но съ превращеніемъ войны должна начать дѣйствовать дипломатія, пришелъ, слѣдовательно, чередъ дипломатическому Наполеону, и Талейранъ готовъ. Онъ въ Парижѣ, мудрецъ, прошедшій огонь и воду, знающій все и всѣхъ. Глаза всѣхъ обращены на него: на кого онъ укажетъ? Около Талейрана давно уже собирались люди, недовольные правительствомъ Наполеона, давно произносилось и имя Бурбоновъ. Роялисты, возвратившіеся во Францію при Наполеонѣ, служили императору и молчали, пока онъ былъ въ силѣ; но теперь, когда на имперію разсчитывать было нельзя болѣе, они естественно обратились къ *законной* династіи и начали дѣйствовать въ пользу ея; дѣйствовать становилось все легче и легче, ибо соперничества не было, другія партіи, пораженныя безсиліемъ, безмолствовали. Талейранъ молчалъ, прислушиваясь и приглядываясь и, наконецъ рѣшилъ, что одни Бурбоны возможны.

Въ четвергъ 19 (31) марта союзники торжественно вступили въ Парижъ. Императоръ Александръ ѣхалъ между прусскимъ королемъ и фельдмаршаломъ Шварценбергомъ; императоръ Францъ не хотѣлъ участвовать въ торжествѣ, которое было ему очень не по душѣ. Въ такія великія минуты духъ главнаго историческаго дѣятеля, какимъ былъ Александръ, переполнялся впечатлѣніями настоящаго и прошлаго въ ихъ тѣсной, необходимой связи; Александръ имѣлъ нужду высказаться, освободиться отъ этой тяжести впечатлѣній и, разумѣется, онъ выскажетъ то, чтó для него въ эти минуты представляетъ главное, существенное, чтó всего больше занимаетъ его духъ. Онъ высказывается не-

вольно; чрезъ нѣсколько времени, успокоившись отъ волненія, придя, такъ-сказать, въ себя, онъ бы не сказалъ этого не только другимъ, онъ бы и самого себя постарался убѣдить, что не то должно быть для него на первомъ планѣ, не то должно преимущественно занимать его. Въ описываемыя минуты Александру представилось его прошлое со дня вступленія на престолъ, когда онъ явился провозгласителемъ великой идеи успокоенія Европы отъ революціонныхъ бурь и войнъ, идеи возстановленія равновѣсія между государствами, правды въ ихъ отношеніяхъ, при удовлетвореніи новымъ потребностямъ народовъ, при сохраненіи новыхъ формъ, явившихся вслѣдствіе этихъ потребностей. Въ этой Европѣ, пережившей страшную, неслыханную бурю, слѣды которой наводили столько раздумья, въ этой Европѣ передъ государемъ Божіею милостію, предъ внукомъ Екатерины II-й, выдавался впередъ образъ человѣка новаго, человѣка вчерашняго дня, который во время революціонной бури личными средствами сталъ главою могущественнаго народа. Воспитанникъ швейцарца Лагарпа, демократически, безъ предубѣжденій, протянулъ руку новому человѣку, приглашая его вмѣстѣ работать надъ водвореніемъ въ Европѣ новаго, лучшаго порядка вещей. Но сынъ революціи не принялъ предложенія либеральнаго самодержца: у него были другіе замыслы, другое положеніе, онъ хотѣлъ основать династію, хотѣлъ быть новымъ Карломъ Великимъ, а для этого нужно было образовать имперію Карла Великаго. Завоевательныя стремленія Наполеона, необходимо соединенныя съ насиліями, съ подавленіемъ народныхъ личностей, дали въ немъ Александру страшнаго врага и освободили отъ опаснаго соперника. Александръ сталъ противъ геніальнаго главы французскаго народа представителемъ нравственныхъ началъ, нравственныхъ средствъ, безъ колебаній вступилъ въ страшную борьбу, опираясь на эти начала и средства, убѣжденный въ великомъ значеніи своего дѣла, во всеобщемъ сочувствіи къ нему. Но борьба шла неудачно, неудача за неудачей, униженіе за униженіемъ; чувствовались, слышались внутри и внѣ страшные для самолюбія отзывы: «онъ не въ уровень своему положенію, гдѣ ему бороться съ великаномъ! Онъ слабъ, невыдержливъ, на него полагаться нельзя». Во сколько тутъ было несправедливаго, во сколько тутъ было горечи обманутыхъ надеждъ, желанія сложить свою вину на другого—это было въ сторонѣ; толпа судила по видимости, оскорбительные отзывы повторялись и крѣпли, становились общимъ мнѣніемъ, утвержденнымъ приговоромъ. Прошло шесть лѣтъ тяжкихъ испытаній. Наконецъ, во время страшной бури засвѣтился лучъ надежды. Однимъ подвигомъ твердости —

не мириться съ завоевателемъ — завоеватель былъ изгнанъ съ позоромъ, съ потерею всего войска; другимъ подвигомъ твердости—докончить борьбу низложеніемъ Наполеона—освобождена была Европа, и русскій государь получалъ небывалую въ исторіи славу. Чувство этой славы, въ данную минуту еще ничѣмъ не отравленное, въ противоположность съ недавнимъ горькимъ чувствомъ униженія, переполнило душу Александра и вылилось въ словахъ, сказанныхъ имъ Ермолову: «Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простячкомъ». — «Слова, которыя я удостоился слышать отъ В. В-ства, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному», — отвѣчалъ Ермоловъ. Но когда какой монархъ находился въ положеніи, подобномъ положенію Александра?

Еще одно чувство переполняло душу Александра въ описываемую минуту. При окончаніи подвига сильнѣе чувствуется главная трудность, встрѣтившаяся при его совершеніи; но мы знаемъ, что главная трудность для Александра при достиженіи цѣли великой коалиціи заключалась въ противодѣйствіи австрійской политикѣ, причемъ императоръ, употребляя всѣ средства, чтобъ уговорить Шварценберга не останавливаться, иногда долженъ былъ забывать свое высокое положеніе; Александръ помнилъ, какъ ему приходилось ночью, съ фонаремъ, отправляться въ ставку Шварценберга и убѣждать его къ движенію впередъ. И это воспоминаніе вылилось при входѣ въ Парижъ; Александръ сказалъ тому же Ермолову, указывая на Шварценберга: «По милости этого толстяка, не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка».

Такія чувства переполняли душу Александра. Что же чувствовали парижане, глядя на знаменитаго царя?

Парижъ въ этомъ случаѣ вѣрно представилъ Францію: народъ толпился и молчалъ въ нравственномъ безсиліи, при отсутствіи яснаго пониманія и опредѣленнаго чувства своего положенія. На свободѣ могли волноваться рояслисты съ своими криками, съ своимъ бѣлымъ знаменемъ. Но французы, при своей впечатлительности, не могутъ долго сдерживаться; тутъ было лицо, производившее сильное впечатлѣніе своимъ значеніемъ, предъ которымъ поникало значеніе Наполеона, и лицо чрезвычайно симпатичное: то былъ русскій государь, который вызвалъ громкія привѣтствія со стороны не однихъ роялистовъ. На Елисейскихъ поляхъ остановились союзники, чтобъ сдѣлать смотръ своимъ войскамъ; но что дѣлать послѣ смотра, съ чего начать, что сказать Парижу, Франціи? Отъ кого узнать о состояніи

умовъ въ Парижѣ, Франціи? Больше не отъ кого, какъ отъ Талейрана, и статсъ-секретарь русскаго императора, Нессельроде, ѣдетъ въ улицу С.-Флорантэнъ, гдѣ жилъ Талейранъ. Во время разговора дипломатовъ о состояніи Франціи, Нессельроде получаетъ записку отъ императора, въ которой говорится, что во время смотра войскъ дано знать, будто подъ Елисейскій дворецъ, гдѣ намѣревался остановиться императоръ Александръ, подведены мины. Талейранъ пользуется случаемъ и предлагаетъ императору свой домъ, какъ совершенно безопасный и удобный. Императоръ соглашается, и въ тотъ же день между хозяиномъ и высокимъ гостемъ происходитъ совѣщаніе о будущности Франціи: «Республика—невозможность; Марія-Луиза правительницею или Бернадотъ на престолѣ — интрига; одни Бурбоны — принципъ»,—говоритъ Талейранъ и рѣшаетъ дѣло. Вслѣдствіе этого рѣшенія прокламація союзныхъ государей объявила Франціи, что они не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи; что они уважаютъ цѣлость прежней Франціи, какъ она была при короляхъ *законныхъ*; что признаютъ и гарантируютъ конституцію, какую французскій народъ себѣ дастъ, и приглашаютъ сенатъ назначить временное правительство. Временное правительство назначаетъ Талейранъ подъ своимъ предсѣдательствомъ изъ пяти людей къ себѣ близкихъ.

Дипломатъ, ушедшій во-время изъ горящаго дома, господствуетъ; въ иномъ положеніи находится другой Наполеоновскій дипломатъ, который въ глазахъ Талейрана былъ сумасшедшимъ, потому что не хотѣлъ оставить горящаго дома и употреблялъ отчаянныя усилія затушить пожаръ, спасти хозяина. Коленкуръ ѣздитъ по знатнымъ людямъ, обязаннымъ всѣмъ Наполеону, умоляетъ ихъ дѣйствовать въ пользу императора, но говоритъ глухимъ. Сенатъ произноситъ низверженіе Наполеона на томъ основаніи, что онъ нарушилъ законы, въ силу которыхъ призванъ былъ царствовать, попралъ свободу частную и общественную. Императоръ Александръ убѣждаетъ Коленкура не тратить понапрасну времени въ Парижѣ, ѣхать въ Фонтенебло и уговаривать Наполеона отречься отъ престола, причемъ предложено было падшему императору убѣжище въ Россіи, гдѣ онъ найдетъ блистательное и радушное гостепріимство. Но Наполеонъ не хочетъ еще уступить безъ боя; онъ думаетъ напасть на союзниковъ, электризуетъ солдатъ, но въ высшихъ слояхъ войскъ, между генералами и офицерами, разсудительность беретъ верхъ надъ чувствомъ, здѣсь не питаютъ никакой надежды на успѣшное продолженіе борьбы. Маршалы—Удино, Ней, Макдональдъ намекаютъ на необходимость отреченія въ пользу сына; Напо-

леонъ говоритъ имъ, что это не поведетъ ни къ чему, жена и сынъ его не удержатся, и чрезъ 15 дней на ихъ мѣстѣ будутъ Бурбоны. Онъ соглашается завести переговоры съ союзниками на счетъ отреченія въ пользу сына только для того, чтобъ выиграть время, обмануть союзниковъ и нечаянно напасть на нихъ. Для переговоровъ отправляются въ Парижъ Коленкуръ, Ней и Макдональдъ; на дорогѣ присоединился къ нимъ и маршалъ Мармонъ, который уже завелъ переговоры съ союзниками, обѣщаясь съ своимъ корпусомъ отступить отъ Наполеона и покинуть важное положеніе при рѣкѣ Ессонѣ, прикрывавшее Фонтенебло. Прибывши въ Парижъ, маршалы цѣлую ночь провели въ переговорахъ съ императоромъ Александромъ, настаивая на регентствѣ Маріи-Луизы во время малолѣтства Наполеона II-го. Въ переднихъ комнатахъ они столкнулись съ роялистами, перебранились съ ними и подняли сильный шумъ; Талейранъ долженъ былъ напомнить имъ, что они въ квартирѣ русскаго императора.

Между тѣмъ Наполеонъ, все думая о томъ, какъ напасть на союзниковъ, послалъ въ корпусъ Мармона за начальствовавшимъ тамъ въ отсутствіе маршала генераломъ Сугамомъ; тотъ испугался, объявилъ товарищамъ, что, должно быть, Наполеонъ узналъ объ ихъ переговорахъ съ союзниками и требуетъ его для разстрѣлянія; чтобъ избавиться отъ бѣды, генералы рѣшили перейти немедленно же къ союзникамъ и привели въ исполненіе свое рѣшеніе. Вслѣдствіе этого въ Парижѣ произошла любопытная сцена; когда императоръ Александръ, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и министрами коалиціи, принялъ въ другой разъ маршаловъ, то они опять начали говорить въ пользу Наполеона II и регентства Маріи-Луизы, выставляя на видъ, что у Наполеона I еще много войска, ему преданнаго, а потому доводить его до крайности нельзя. Но въ то время, когда рѣчи маршаловъ начинали производить сильное впечатлѣніе, входитъ русскій адъютантъ и тихонько что-то говоритъ своему императору. Коленкуръ, понимавшій немного по-русски вслѣдствіе своего пребыванія въ Петербургѣ, услыхавъ слова: «шестой корпусъ», сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло, особенно, когда императоръ, наклонившись къ адъютанту, спросилъ: «цѣлый корпусъ?» Немедленно послѣ этого разговора, Александръ удалился для совѣщаній съ королемъ прусскимъ и министрами, а Коленкуръ объявилъ своимъ, что все кончено. Дѣйствительно, императоръ, выйдя опять къ маршаламъ, объявилъ твердымъ тономъ, что одни Бурбоны пригодны для Франціи и для Европы; что армія, во имя которой говорили маршалы, по крайней мѣрѣ раздѣлена: цѣлый корпусъ перешелъ къ союзникамъ. Маршаламъ нечего было отвѣчать, и Наполеону

въ Фонтенебло нечего было думать о продолженіи борьбы; онъ отрекся отъ престола безусловно. Онъ сохранилъ титулъ императора и получилъ во владѣніе островъ Эльбу. Это мѣстопребываніе обѣщалъ ему императоръ Александръ въ разговорѣ съ Коленкуромъ, и потомъ настоялъ на исполненіи обѣщанія, хотя другіе союзники сильно возражали, представляя близость острова къ Италіи и Франціи.

Только-что пронеслась вѣсть объ отреченіи, какъ толпа, жаждущая наругаться надъ падшимъ величіемъ, начала свое дѣло. У героя ста битвъ, передъ которымъ недавно все преклонялось, нѣтъ другого названія, какъ «людоѣдъ Корсиканскій». Наполеонъ долженъ готовиться къ отъѣзду на Эльбу и жалуется, что ему придется проѣзжать чрезъ южныя провинціи, что народъ убьетъ его тамъ. Еще въ Россіи, во время несчастнаго отступленія, на другой день послѣ битвы при Малоярославцѣ, когда козаки чуть-было не взяли его въ плѣнъ, Наполеонъ велѣлъ своему доктору приготовить сильный пріемъ опіуму на случай плѣна. Ядъ остался у него, и теперь, ночью 11 апрѣля, онъ его принялъ; но дѣло кончилось одной рвотой, и послѣ крѣпкаго сна Наполеонъ не заблагоразсудилъ повторить пріемъ. Онъ выѣхалъ изъ Фонтенебло на югъ въ сопровожденіи коммиссаровъ отъ каждой изъ союзныхъ державъ. Опасенія его сбылись: въ Оранжѣ раздались крики: «Смерть тирану!» Въ Авиньонѣ требовали корсиканца, чтобъ разорвать его или утопить. Наполеонъ, для предосторожности, переодѣлся въ иностранный мундиръ. Въ Оргонѣ народъ явился съ висѣлицею и бросился къ каретѣ; но графу Шувалову, коммиссару съ русской стороны, который одинъ могъ объясняться легко по-французски, удалось утишить толпу. Среди этихъ сценъ Наполеонъ однажды не выдержалъ и заплакалъ.

Когда оканчивали съ Наполеономъ, нужно было начинать съ Бурбонами. Изъ нихъ первый, съ которымъ парижане познакомились (трудно сказать, чтобъ возобновили знакомство), былъ графъ Артуа, братъ короля Людовика и наслѣдникъ престола; Артуа въѣхалъ торжественно въ Парижъ, въ мундирѣ національной гвардіи, но съ бѣлой кокардой, и помѣстился въ Тюльери; переступая порогъ этого стараго жилища французскихъ королей, принцъ такъ былъ взволнованъ, что его нужно было поддержать. Сначала были довольны этимъ представителемъ возстановленной династіи: Артуа былъ живѣе, обходительнѣе, симпатичнѣе обоихъ старшихъ братьевъ, въ немъ было болѣе французскаго, національнаго, и теперь онъ находился въ особенно хорошемъ настроеніи, былъ со всѣми ласковъ, всѣмъ жалъ руки, давалъ на всѣ стороны обѣщанія, говорилъ безъ умолку и заговорился до

того, что совершенно забылъ о старшемъ братѣ, королѣ; только уже послѣ, надававши обѣщаній, закричалъ: «А братъ! мы объ немъ не подумали: что̀ онъ скажетъ?» Мы видѣли, какъ произошла перемѣна династіи, какъ высказался французскій народъ: при всеобщемъ молчаніи, при затворенныхъ дверяхъ, адвокаты обѣихъ династій, старой и новой, защищали своихъ кліентовъ предъ русскимъ императоромъ, въ которомъ признавали верховнаго судью и рѣшителя дѣла; адвокаты Бурбоновъ, по обстоятельствамъ, взяли верхъ, вслѣдствіе чего Наполеонъ отрекся безусловно, и Людовикъ XVIII былъ провозглашенъ законнымъ королемъ Франціи. Но теперь предстоялъ вопросъ, какъ долженъ царствовать новый король? Рѣшеніе этого вопроса взялъ на себя наполеоновскій сенатъ, не пользовавшійся сочувствіемъ, какъ раболѣпное орудіе падшаго властителя, и желавшій теперь прежде всего удержать за своими членами важное и выгодное положеніе. Сенатъ опредѣляетъ, что Людовикъ призывается на престолъ свободною волею народа, причемъ сенатъ превращается въ палату наслѣдственныхъ пэровъ, и новые пэры могутъ быть назначены королемъ только на вакантныя мѣста, условіе, поставленное для того, чтобъ король не ввелъ въ палату эмигрантовъ; наполеоновскій законодательный корпусъ долженъ составить нижнюю палату впредь до возобновленія ея новыми выборами. Понятно, что эмигранты должны были взволноваться такими условіями; но императоръ Александръ за условія; онъ велѣлъ внушить совѣтникамъ графа Артуа, что Бурбоны обязаны всѣмъ сенату, и какъ бы ни нападали на него, все же онъ заключаетъ въ себѣ лучшихъ людей; не съ эмигрантами, незнающими Франціи, Европы и вѣка можно управлять страшнымъ французскимъ народомъ. Эти внушенія раздражаютъ людей, которые считали *лучшими* себя, вѣрныхъ слугъ законной династіи, а не сенаторовъ, рабовъ похитителя; около Артуа начали уже раздаваться крики, оскорбительные для императора Александра. Кричать было можно, но противиться волѣ Агамемнона союза было поздно, и Артуа объявляетъ сенату, что хотя онъ и не получалъ отъ брата полномочія принять конституцію, но увѣренъ, что король приметъ ея основанія.

Король, прежде торжественнаго въѣзда въ Парижъ, торжественно въѣхалъ въ Лондонъ, и сказалъ принцу-регенту: «Послѣ Провидѣнія, я буду всегда приписывать возстановленіе мое на тронѣ предковъ совѣтамъ вашего королевскаго высочества, вашей славной странѣ и довѣрію ея жителей». Въ этихъ словахъ была доля правды; хотѣлось также польстить Англіи, сблизиться съ нею, найти въ ней опору въ будущемъ, хотѣлось и уколоть русскаго

императора; но вышло, что эти слова больше всего оскорбили французовъ, которые мечтали, что свободно призываютъ Бурбоновъ, а по признанію самого короля,—имъ жаловала ихъ Англія. Переѣхавши во Францію, Людовикъ остановился въ Компьенѣ, и здѣсь-то долженъ былъ рѣшиться вопросъ о конституціи. Еще прежде Александръ отправилъ къ нему Поццо-ди-Борго съ письмомъ, гдѣ говорилось: «Ваше величество покорите всѣ сердца, если обнаружите либеральныя идеи, клонящіяся къ поддержанію и утвержденію органическихъ уставовъ Франціи». Совѣтъ былъ принятъ холодно. Императоръ Александръ, по своей привычкѣ къ личному дѣйствію, не удержался и тутъ, поѣхалъ въ Компьень уговаривать Людовика принять условія сената. Король принялъ его величаво, какъ старикъ принимаетъ молодого человѣка, выслушивалъ спокойно, ничего не отвергъ, ничего не уступилъ; соблюдая строго старинный этикетъ, удерживалъ за собою первое мѣсто, что́ не могло не оскорбить высокаго гостя, а этотъ гость низвергъ Наполеона. Торопливость законодательнаго корпуса уничтожила все впечатлѣніе, какое могло быть произведено на Людовика представленіями русскаго императора: прежде чѣмъ было рѣшено дѣло о конституціи, депутаты законодательнаго корпуса явились въ Компьень поклониться своему новому государю. Такимъ образомъ, Людовикъ былъ признанъ безусловно, и, въ качествѣ законнаго короля, а не короля по призванію, *пожаловалъ* конституціонную хартію. 3 мая онъ въѣхалъ въ Парижъ; 30 былъ заключенъ парижскій миръ: Франція вошла въ границы 1790 года съ ничтожными прибавками; наполеоновская добыча—произведенія искусства разныхъ странъ остались въ Парижѣ: о нихъ умолчали. Франція должна была уступить Англіи свою старую колонію Иль-де-Франсъ; за Англіею остался также Мысъ Доброй-Надежды.

Но парижскимъ миромъ, опредѣлявшимъ границы Франціи, не могла быть успокоена Европа, взволнованная революціею и Наполеономъ, перемѣшавшимъ старыя грани и старыя отношенія. Для того, чтобъ разобраться въ развалинахъ, причиненныхъ страшною бурею, надобенъ былъ конгрессъ. Новая христіанская Европа привыкла къ дѣйствіямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе нѣсколько государствъ: привыкла къ войнамъ, которыя велись цѣлыми союзами государствъ, привыкла и къ общимъ мирнымъ переговорамъ, для которыхъ уполномоченные разныхъ государей составляли съѣзды или конгрессы. Знаменитъ былъ въ XVII вѣкѣ конгрессъ вестфальскій, кончившій Тридцатилѣтнюю войну; но конгрессъ, къ которому теперь готовилась Европа, былъ гораздо важнѣе, ибо онъ долженъ былъ установить отно-

шенія послѣ небывалой борьбы, въ которой всѣ европейскія державы принимали участіе. Конгрессъ былъ назначенъ въ Вѣнѣ на осень 1814 года. Въ ожиданіи великаго конгресса государи и министры ихъ разъѣхались изъ Парижа по своимъ странамъ, гдѣ ждали ихъ привѣтствія торжествующихъ, освобожденныхъ народовъ; но съ какими чувствами съѣдутся союзники въ Вѣну? Союзъ ихъ въ прежней ли силѣ?

Цѣль союза была достигнута въ Парижѣ. Страшный врагъ палъ предъ его усиліями; но мы видѣли, что когда еще союзъ былъ только въ зародышѣ, союзники начали осматривать другъ друга и опредѣлять отношенія между собою, и началось опасное дѣйствіе—дѣлежъ добычи, дѣлежъ вліянія. Съ самаго начала наступательныхъ движеній со стороны Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, уже обозначалось, что она встрѣтитъ себѣ главное препятствіе въ Россіи, и дѣйствительно борьба, до самаго ея окончанія, шла преимущественно между двумя сильнѣйшими государствами континентальной Европы — между Франціею и Россіею; столкновенія Франціи съ другими государствами являлись только поводами къ борьбѣ ея съ Россіею, которая сознала необходимость постоянно поддерживать слабыхъ. Государства, находившіяся между Франціею и Россіею, не могли имѣть самостоятельности и подчинялись вліянію той или другой. Это всего лучше обозначилось въ 1812 и 1813 годахъ, когда сначала вся Европа пошла съ Франціею противъ Россіи, а потомъ пошла съ Россіею противъ Франціи. Императоръ французовъ палъ окончательно въ этой борьбѣ и своимъ паденіемъ очищалъ первое мѣсто императору русскому, «вождю безсмертной коалиціи, стяжавшему славу умиротворителя вселенной».

Но такъ величать Александра могли англичане, и то въ первыя минуты восторга отъ паденія Наполеона, потому что въ Англіи это паденіе было самымъ желаннымъ дѣломъ. Мы видѣли, что Австрія не хотѣла паденія Наполеона, именно потому, что хотѣла его силою уравновѣшивать силу Россіи, а самой при этомъ играть роль посредствующей державы, быть третьею европейскою силою. Страшно досадовали, что эти желанія не исполнились, страшно досадовали на Наполеона, который былъ самъ причиною своего паденія, велъ себя такъ, что помочь ему не было никакой возможности. Но одною досадою не ограничивались. Потерпѣвъ неудачу въ стремленіи удержать для русскаго государя одного могущественнаго соперника, начали стараться поднять многихъ, хотя и менѣе сильныхъ, сдержать Александра коалиціею. Лѣтомъ 1814 года всюду слышались толки о властолюбивыхъ замыслахъ русскаго императора. Поццо-ди-Борго, на-

значенный русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, писалъ своему государю: «Меттернихъ закутался въ свои собственныя интриги, и Австрія стремится къ огромнымъ завоеваніямъ—съ тономъ великаго уничиженія».

Что̀ распространялось въ это время изъ Вѣны, видно изъ одного письма Генца: «Искреннее желаніе австрійскаго кабинета было примириться съ Наполеономъ, ограничить его могущество, обезпечить его сосѣдей отъ замысловъ его безпокойнаго честолюбія, но сохранить его и его семейство на тронѣ французскомъ. Меттернихъ былъ убѣжденъ, въ своей мудрости, что возстановленіе Бурбоновъ гораздо больше послужитъ частному интересу Россіи и Англіи, чѣмъ Австріи или общему интересу Европы; что Франція, истощенная до послѣдней степени всѣмъ тѣмъ, что̀ претерпѣла она въ послѣднія двадцать лѣтъ, впадетъ, подъ слабымъ скипетромъ Бурбоновъ, въ состояніе безсилія и совершеннаго ничтожества, которое долго не позволитъ ей поддерживать политическое равновѣсіе, и, слѣдовательно, Россія, гордая своими успѣхами, своею славою, вліяніемъ своимъ въ Германіи, тѣсно и постоянно связанная съ Англіею, не боящаяся болѣе Швеціи, и мало сдерживаемая, особенно въ первые годы, Пруссіею, получитъ свободное и обширное поле для своихъ честолюбивыхъ предпріятій, снова будетъ грозить Портѣ, будетъ держать Австрію въ постоянномъ безпокойствѣ и достигнетъ перевѣса, опаснаго для сосѣдей и для всей Европы».

Толковали о замыслахъ Александра относительно Польши. Что̀ онъ признавалъ преждевременнымъ въ 1813 году, то считалъ возможнымъ въ 1814, когда его провозглашали вождемъ безсмертной коалиціи, умиротворителемъ вселенной; а возстановленіе Польши развѣ не относилось прямо къ этому умиротворенію? Главное затрудненіе со стороны Пруссіи было улажено. Мы видѣли, какъ давно Пруссія была готова отказаться отъ польскихъ областей, если бы получила за нихъ вознагражденіе въ Германіи, причемъ имѣлась постоянно въ виду Саксонія. Теперь это могло устроиться: саксонскій король, вслѣдствіе преданности своей Наполеону, находился въ плѣну у союзниковъ и считался у германскихъ патріотовъ измѣнникомъ народному дѣлу, потерявшимъ поэтому право на корону.

Россія и Пруссія были согласны; но легко понять, какъ должна была смотрѣть на это соглашеніе Австрія, подлѣ которой, съ одной стороны, поднималось страшное могущество русскаго императора и вмѣстѣ короля польскаго, съ другой—не менѣе страшное могущество Пруссіи. «Расширеніе русскихъ границъ,—писалъ Генцъ,—уже само по себѣ есть событіе доста-

точно невыгодное и безпокойное для сосѣдей; а сюда присоединяется еще возстановленіе Польши, т.-е. центра волненій, движеній и политическихъ интригъ!» Легко понять, какъ испугались второстепенные германскіе государи, наполеоновскіе короли, видя, что саксонскаго короля, за союзъ съ Наполеономъ, хотятъ лишить владѣній и отдать ихъ Пруссіи, чѣмъ положится начало объединенію Германіи. Сильнѣе всѣхъ заметалась Баварія. Но не въ Баваріи пока было дѣло: что̀ скажетъ четвертый великій членъ союза, Англія? Изъ Парижа «вождь безсмертной коалиціи» отправился въ Лондонъ и былъ принятъ тамъ съ восторгомъ необыкновеннымъ. Но туда же отправился и Меттернихъ: «И вотъ,—пишетъ Генцъ,—въ то время, какъ толпа приходила въ экстазъ отъ героевъ сѣвера, англійскій кабинетъ мудро взвѣшивалъ великіе интересы Европы и все болѣе и болѣе сближался съ Австріею. Судя по результатамъ, поведеніе кн. Меттерниха въ Лондонѣ было верхомъ совершенства». Но, судя по результатамъ, англійскій кабинетъ не вполнѣ поддался внушеніямъ Меттерниха, ибо Меттернихъ, конечно, не сталъ бы дѣлать внушеній въ пользу Пруссіи. Англія поставила вопросъ между прошедшимъ и будущимъ: прошедшее показало, какъ опасно для Европы усиленіе Франціи, какъ необходимо, слѣдовательно, поставить оплотъ этому усиленію; но Франція, по крайней мѣрѣ, на время была ослаблена, а въ ближайшемъ будущемъ грозно было могущество Россіи, поднявшееся на развалинахъ французскаго могущества; слѣдовательно, въ средней Европѣ должны существовать сильныя государства, которыя могли бы сдерживать и натискъ съ Запада, со стороны Франціи, и натискъ съ Востока, со стороны Россіи; эти государства — Австрія и Пруссія, и потому Англія была согласна на усиленіе Пруссіи чрезъ присоединеніе Саксоніи, но никакъ не хотѣла согласиться на усиленіе Россіи чрезъ присоединеніе къ ней возстановленнаго польскаго королевства.

Только два союзника были вполнѣ согласны, третій былъ противъ, четвертый былъ противъ наполовину; но легко было предвидѣть, что когда дѣло пойдетъ на что-нибудь рѣшительное, то Англія примкнетъ совершенно къ Австріи. Итакъ, между союзниками ссора при дѣлежѣ: двое на двое. Кто же будетъ больше всѣхъ радъ этому? Разумѣется, та держава, противъ которой былъ составленъ союзъ, Франція. Несмотря на провозглашеніе союзниковъ, что они воюютъ съ Наполеономъ, а не съ Франціею, по сверженіи Наполеона, по возстановленіи Бурбоновъ, Франція была державою опальною: ее обрѣзывали, противъ нея строили плотины, изъ соединенія Голландіи съ Бельгі-

ею образовывали Нидерландское королевство, усиливали королевство Сардинское присоединенiемъ къ нему Генуэзскихъ владѣнiй, хлопотали объ усиленiи Германiи. Слова явно не ладили съ дѣломъ: всѣ эти предосторожности были направлены не противъ эльбскаго императора, а прямо противъ Францiи. Положенiе новаго короля Людовика XVIII было тяжело и унизительно, ибо его восшествiе на престолъ не избавило Францiю отъ униженiя и враждебности со стороны остальной Европы. Надобно было, слѣдовательно, для прiобрѣтенiя популярности среди славолюбиваго народа, поднять значенiе Францiи, дать ей мѣсто среди великихъ державъ. Несогласiя между союзниками представляли лучшее къ тому средство: въ Вѣнѣ, среди столкновенiй дипломатическихъ между четырьмя державами, ловкiй представитель Францiи легко найдетъ возможность занять почетное мѣсто, заставить себя выслушивать; разсорившiеся союзники естественно будутъ стараться привлечь французскаго уполномоченнаго каждый на свою сторону; положенiе его будетъ чрезвычайно выгодное, потому что Францiя, при этомъ столкновенiи интересовъ, подобно Англiи, ничего не будетъ требовать для себя, и потому получитъ значенiе безкорыстной, безпристрастной рѣшительницы споровъ. А если эти споры поведутъ къ войнѣ между союзниками, Францiя примкнетъ къ одной изъ сторонъ, и новому правительству Францiи представится случай возстановить военное значенiе своего народа, воспользоваться побѣдами для измѣненiя условiй послѣдняго мира, новою славою ослабить воспоминанiе старой наполеоновской славы и вмѣстѣ дать упражненiе безпокойнымъ силамъ, оставшимся отъ императорскихъ временъ и столь опаснымъ для возстановленной династiи.

Заранѣе можно было угадать, къ какой сторонѣ примкнетъ Францiя: Людовикъ XVIII былъ оскорбленъ равнодушiемъ русскаго императора къ его интересамъ; притомъ, старанiя Александра о томъ, чтобъ реставрацiя получила наиболѣе либеральныя формы, никакъ не могли содѣйствовать примиренiю его съ Бурбонами старой линiи и ихъ безусловными приверженцами. Но чѣмъ болѣе чувствовали побужденiй удаляться отъ Россiи, тѣмъ болѣе хлопотали о тѣснѣйшемъ сближенiи съ Англiею. Мы видѣли, что Людовикъ уже призналъ торжественно Англiю виновницею своего возстановленiя. Заискиванiя Францiи приводили въ затрудненiе англiйское министерство; лордъ Касльри считалъ неприличнымъ чрезъ сближенiе съ Францiею преждевременно порвать союзъ; притомъ же сближенiе съ Францiею было непопулярно въ Англiи. Но Людовикъ XVIII и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, не отчаявались: у нихъ въ Парижѣ остал-

ся герцогъ Веллингтонъ, котораго Талейранъ скоро успѣлъ убѣдить въ необходимости англо-французскаго союза; Веллингтонъ писалъ къ Касльри: «положеніе дѣлъ таково, что Англіи и Франціи будетъ *естественно* принадлежать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ на конгрессѣ, если только онѣ поймутъ другъ друга, и это пониманіе можетъ сохранить общій миръ». Веллингтонъ считалъ нужнымъ, чтобъ Касльри, на дорогѣ въ Вѣну, заѣхалъ въ Парижъ для соглашенія съ Талейраномъ, хотя это и произведетъ непріятное впечатлѣніе на союзниковъ. Герцогъ Беррійскій былъ отправленъ въ Лондонъ съ объявленіемъ, что король, его дядя, считаетъ тождественными интересы обоихъ государствъ.

Послѣ этихъ приготовленій Талейранъ отправился въ Вѣну быть представителемъ Франціи на конгрессѣ. Онъ повезъ съ собою слѣдующія инструкціи, имъ самимъ написанныя:

«Конгрессъ долженъ быть общій, и всѣ государства, принимавшія участіе въ войнѣ, должны прислать на него своихъ уполномоченныхъ, не исключая самыхъ малыхъ. Самыя малыя государства, которыя можно было бы исключить по ихъ слабости, всѣ или почти всѣ находятся въ Германіи. Германія должна образовать конфедерацію, которой они будутъ членами, слѣдовательно организація ея интересуетъ ихъ въ высшей степени, ее нельзя сдѣлать безъ нихъ, не нарушая ихъ естественной независимости, признанной VI параграфомъ трактата 30 мая; организація будетъ сдѣлана на конгрессѣ, слѣдовательно несправедливо исключать ихъ изъ участія въ конгрессѣ. Кромѣ справедливости, присутствія уполномоченныхъ отъ мелкихъ государствѣ требуетъ и польза Франція. Интересы мелкихъ государствъ тѣсно связаны съ ея интересами. Всѣ они захотятъ сохранить свое существованіе: Франція должна желать этого сохраненія. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ желать распространенія своихъ предѣловъ: Франціи выгодно это распространеніе, восколько оно препятствуетъ распространенію большихъ государствъ. Политика Франціи должна состоять въ покровительствѣ мелкимъ державамъ; но это надобно дѣлать такъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Покровительствовать имъ будетъ неудобно, если уполномоченные ихъ не будутъ присутствовать на конгрессѣ, когда придется предъявлять за нихъ требованія, вмѣсто того, чтобы только поддерживать требованія, заявленныя ихъ уполномоченными. Съ другой стороны, нужда, которую они будутъ чувствовать въ помощи Франціи, дастъ послѣдней вліяніе на нихъ.

«Публичное право имѣетъ два основныя положенія: власть надъ государствомъ не можетъ быть пріобрѣтена простымъ фактомъ завоеванія, ни перейти къ завоевателю, если государь не

уступить ему ея; никакое право на власть не имѣетъ силы для другихъ государствъ, пока они не признали его. Государь, котораго владѣнія завоеваны, не переставая быть государемъ (если только самъ не уступилъ или не отказался отъ своихъ правъ), сохраняетъ право послать своего уполномоченнаго на конгрессъ. Такимъ образомъ, саксонскій король можетъ прислать своего уполномоченнаго на конгрессъ, и не только можетъ, но это необходимо, потому что въ случаѣ, когда станутъ распоряжаться его владѣніями, всѣми или частію, этого нельзя сдѣлать законно безъ уступки или отказа съ его стороны, и надобно, чтобы кто-нибудь, имъ уполномоченный, могъ уступить или отказаться его именемъ; и такъ какъ третье положеніе публичнаго европейскаго права говоритъ, что уступка или отказъ недѣйствительны, если они сдѣланы не свободно самимъ государемъ, не находящимся на свободѣ, то посланники французскіе должны стараться, чтобы кто-нибудь на конгрессѣ потребовалъ освобожденія саксонскаго короля, и должны поддерживать это требованіе; въ случаѣ же нужды должны сами сдѣлать его.

«Въ Италіи надобно препятствовать господству Австріи, противопоставляя ея вліянію вліянія противныя; въ Германіи надобно противодѣйствовать Пруссіи. Физическая конституція прусской монархіи дѣлаетъ для нея честолюбіе необходимостью. Всякій предлогъ для нея хорошъ. Никакое внушеніе совѣсти ее не останавливаетъ. Такимъ образомъ, въ 1763 году она увеличила свое народонаселеніе отъ 4 до 10 милліоновъ и образовала кадры громадной монархіи, захватывая здѣсь и тамъ отдѣльныя области, которыя старается соединить, подбирая и области между-лежащія. Страшное паденіе, навлеченное ея честолюбіемъ, не исправило ея. Въ эту минуту ея эмиссары и приверженцы волнуютъ Германію, толкуютъ, что Франція снова готова напасть на нее и что одна Пруссія въ состояніи защитить ее, кричатъ, что для сохраненія Германіи нужно отдать ее Пруссіи. Пруссія хочетъ имѣть Бельгію и все пространство земель между нынѣшними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ. Она хочетъ и Луксембурга. Все потеряно, если ей не дадутъ Майнца; нѣтъ для нея безопасности, если она не владѣетъ Саксоніею. Говорятъ, союзники обязались возстановить Пруссію въ прежнемъ ея могуществѣ, то-есть съ 10.000.000 подданныхъ. Пусть дадутъ ей волю: скоро у нея будетъ 20 милліоновъ, и Германія цѣликомъ будетъ въ ея рукахъ. Итакъ, необходимо положить преграду ея честолюбію, ограничивая, по возможности, ея владѣнія въ Германіи, и потомъ ограничивая ея вліяніе федеральною организаціей. Распространеніе ея владѣній будетъ ограничено сохраненіемъ всѣхъ мелкихъ государствъ и

увеличеніемъ среднихъ. Всѣ мелкія государства должны быть сохранены, потому что они существуютъ. Но если мелкія государства должны быть сохранены, то тѣмъ болѣе королевство Саксонское. Король саксонскій сорокъ лѣтъ управлялъ своими подданными какъ отецъ, подавая примѣръ добродѣтелей частнаго человѣка и государя. Застигнутый бурею въ возрастъ, долженствующій быть возрастомъ покоя, и восстановленный тою же самою рукой, которая низложила его, если онъ и оказался виновнымъ, то развѣ въ законной боязни и въ томъ чувствѣ, которое всегда почтенно, кто бы ни былъ предметомъ этого чувства. Тѣ, которые его упрекаютъ, виноваты гораздо болѣе его, не имѣя тѣхъ извиненій, какія имѣетъ онъ. Что̀ было ему дано, было дано безъ его просьбы, безъ его желанія, даже безъ его вѣдома. Онъ перенесъ счастіе съ умѣренностью, и теперь переноситъ бѣдствія съ достоинствомъ. Къ этимъ побужденіямъ, которыя одни могли заставить короля не покидать короля саксонскаго, присоединяются узы родства, ихъ соединяющія, и необходимость воспрепятствовать, чтобы Саксонія не досталась Пруссіи, которая этимъ пріобрѣтеніемъ сдѣлаетъ рѣшительный шагъ къ безусловному владычеству надъ Германіею.

«Если короля Саксоніи захотятъ перемѣстить на другой престолъ, то и въ такомъ случаѣ Саксонія должна оставаться независимымъ королевствомъ; пусть ее отдадутъ герцогской линіи, что̀ будетъ особенно пріятно русскому императору, ибо наслѣдникомъ Саксоніи будетъ тогда его зять, наслѣдникъ веймарскій. Если нельзя отдать Саксонію пруссакамъ, то нельзя отдать и Майнца, нельзя отдать ни клочка земли на лѣвомъ берегу Мозеля. Пусть съ этой стороны распространитъ свои границы Голландія, пусть увеличиваютъ свои владѣнія Баварія, Гессенъ, Брауншвейгъ и особенно Ганноверъ, чтобы доля Пруссіи была какъ можно меньше.

«Возстановленіе королевства польскаго было бы благомъ и великимъ благомъ, но только подъ тремя условіями: 1) чтобъ оно было независимо, 2) чтобы получило крѣпкую конституцію, 3) чтобы не нужно было вознаграждать Австрію и Пруссію за тѣ польскія области, которыми онѣ владѣли по раздѣламъ; но эти условія всѣ невозможны, и второе болѣе чѣмъ другія. Прежде всего Россія не хочетъ возстановленія Польши съ условіемъ потери пріобрѣтеннаго для себя; она хочетъ этого возстановленія съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти и то чѣмъ не владѣетъ. Но возстановить Польшу съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдать ее Россіи и увеличить народонаселеніе послѣдней въ Европѣ до 44 милліоновъ, и границы ея распространить до Одера, это значитъ создать для Европы опасность столь великую и столь близкую, что хотя слѣдуетъ все

сдѣлать для сохраненія мира, но если исполненіе такого плана можетъ быть остановлено только силою оружія, не должно колебаться ни минуты для объявленія войны. Тщетная надежда, что Польша, такимъ образомъ соединенная съ Россіею, отложится отъ нея сама собою. Неизвѣстно еще, чтобъ она этого захотѣла; еще менѣе вѣрно, чтобъ она могла это сдѣлать; но несомнѣнно одно, что еслибъ она хотѣла и могла бы сдѣлать это въ извѣстное время, то освободится отъ ига только съ тѣмъ, чтобы снова подпасть подъ него, ибо Польша, получивъ независимость, вмѣстѣ съ этимъ будетъ предана на жертву анархіи. Величина страны исключаетъ собственно такъ-называемую аристократію, а монархія не можетъ существовать тамъ, гдѣ народъ не имѣетъ гражданской свободы, гдѣ шляхта имѣетъ свободу политическую, или независимость, и гдѣ царствуетъ анархія. Разумъ говоритъ это, исторія цѣлой Европы подтверждаетъ. Какимъ образомъ, возстановляя Польшу, отнять политическую свободу у шляхты, или дать гражданскую свободу народу? Послѣдняя не можетъ быть дана манифестомъ, закономъ. Гражданская свобода будетъ пустымъ словомъ, если народъ, которому ее даютъ, не имѣетъ независимыхъ средствъ къ существованію, собственности, промышленности, искусствъ, и этого всего ни манифестъ, ни законъ создать не могутъ, все это можетъ создать только время. Польша могла выдти изъ анархіи только съ помощію самодержавія; и такъ какъ въ ней самой не было элементовъ самодержавія, то оно пришло извнѣ, то-есть Польша была покорена. Она была покорена, какъ скоро сосѣди этого захотѣли, и это покореніе было для нея счастіемъ: доказательствомъ служитъ прогрессъ тѣхъ ея частей, которыя достались на долю народовъ, болѣе цивилизованныхъ. Пусть дадутъ Польшѣ независимость, пусть дадутъ ей короля, не избирательнаго, а наслѣдственнаго, пусть присоединятъ къ тому всѣ возможныя учрежденія: чѣмъ менѣе эти учрежденія будутъ свободны, тѣмъ противнѣе они будутъ духу, привычкамъ, воспоминаніямъ шляхты, которую надобно будетъ подчинять силою,—а гдѣ взять эту силу? Съ другой стороны, чѣмъ свободнѣе будутъ эти учрежденія, тѣмъ скорѣе Польша опять впадетъ въ анархію, которая окончится попрежнему завоеваніемъ. Въ Польшѣ два народа, для котораго нужны двѣ конституціи, исключающія другъ друга. Не имѣя возможности слить эти два народа, ни создать единую власть, могущую примирять все, не имѣя возможности, съ другой стороны, безъ явной опасности для Европы, отдать всю Польшу Россіи, всего лучше оставить Польшу такъ, какъ она была послѣ третьяго раздѣла. Это тѣмъ важнѣе, что положитъ конецъ притязаніямъ Пруссіи на Саксонію, потому что Пруссія осмѣливается требовать Саксо-

нія только въ предположеніи возстановленія Польши. Австрія, вѣроятно, также потребуетъ вознагражденія за потерю 5 милліоновъ подданныхъ въ двухъ Галиціяхъ; или, если она этого не потребуетъ, то станетъ тѣмъ сильнѣе во всѣхъ итальянскихъ вопросахъ. Если, вопреки всякому вѣроятію, русскій императоръ согласится отдать то, чѣмъ онъ владѣетъ по раздѣламъ Польши, если захотятъ сдѣлать опытъ, то король не станетъ этому противодѣйствовать, хотя и не ждетъ никакихъ счастливыхъ результатовъ. Въ такомъ случаѣ желательно было бы, чтобы король саксонскій былъ и королемъ польскимъ. Но если Польша не можетъ быть возстановлена съ полною независимостью, то пусть все остается какъ было по третьему раздѣлу. Оставаясь раздѣленною, Польша не будетъ навсегда уничтожена. Не образуя болѣе политическаго тѣла, поляки всегда будутъ составлять одно семейство. У нихъ не будетъ одного общаго отечества, но у нихъ останется одинъ общій языкъ, слѣдовательно между ними останется самая крѣпкая и самая долговѣчная связь. Подъ чуждымъ владычествомъ они достигнутъ зрѣлаго возраста, до котораго не могли достигнуть въ десять вѣковъ независимости, и моментъ, въ который они созрѣютъ, не будетъ далеко отъ момента ихъ освобожденія и сосредоточенія около одного центра.

«Англія, завоевательница внѣ Европы, въ дѣлахъ европейскихъ руководится охранительнымъ началомъ. Это, можетъ-быть, зависитъ исключительно отъ ея островнаго положенія и отъ ея относительной слабости, не позволяющей ей сохранять завоеваній на континентѣ. Но все равно, необходимость это или добродѣтель, Англія дѣйствуетъ въ охранительномъ духѣ даже относительно Франціи, своей соперницы: такъ она дѣйствовала при Генрихѣ VIII, Елизаветѣ, Аннѣ и, быть-можетъ, также въ эпоху къ намъ ближайшую. Франція, приносящая на конгрессъ виды вполнѣ охранительные, имѣетъ право надѣяться, что Англія поможетъ ей, если только она сама удовлетворитъ самымъ сильнымъ желаніямъ Англіи, которая ничего такъ не желаетъ, какъ уничтоженія торга неграми.» — Въ заключеніи инструкціи пересчитываются четыре пункта, на которыхъ долженъ былъ настаивать Талейранъ: «1) не оставлять Австріи никакой возможности посадить на сардинскій престолъ принца изъ своего дома; 2) Неаполь долженъ быть отнятъ у Мюрата и отданъ Бурбонамъ; 3) Польша во всей своей цѣлости не должна быть отдана Россіи; 4) Пруссія не должна пріобрѣсти ни Саксоніи, по крайней мѣрѣ въ цѣлости, ни Майнца».

Такимъ образомъ, уполномоченные Франціи и Англіи являлись на конгрессъ съ охранительными видами; вслѣдствіе этихъ самыхъ видовъ, къ нимъ необходимо должна была пристать Австрія; союзъ

естественно разрушался: три державы съ охранительными видами становились противъ двухъ державъ съ видами революціонными. Конгрессъ долженъ былъ кончиться или войной Австріи, Англіи и Франціи противъ Россіи и Пруссіи, или уступкою со стороны двухъ послѣднихъ охранительному началу, выставленному тремя первыми. Во всякомъ случаѣ побѣда останется за Франціею, за Талейраномъ, за этимъ представителемъ побѣжденной, опальной державы, котораго изъ милости пригласили на конгрессъ, котораго сначала въ Вѣнѣ не хотѣли допускать до участія въ обсужденіи вопросовъ по земельнымъ раздѣламъ въ Германіи, Италіи и Польшѣ. 28-го сентября Талейранъ получилъ отъ Меттерниха коротенькій пригласительный билетъ на конференцію, имѣющую быть на другой день: Меттернихъ приглашалъ къ себѣ Талейрана *присутствовать* (assister) при конференціи, въ которой найдетъ собранными (réunis) уполномоченныхъ Англіи, Россіи и Пруссіи. Такой же пригласительный билетъ получилъ и уполномоченный испанскій, Лабрадоръ. Въ назначенный часъ конференція собралась: за зеленымъ столомъ сидѣли Кэсльри (на предсѣдательскомъ мѣстѣ), Меттернихъ, Нессельроде и уполномоченные прусскіе, Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ; знаменитый публицистъ Генцъ велъ протоколъ; для французскаго уполномоченнаго оставлено было мѣсто между президентомъ и Меттернихомъ; входитъ Талейранъ и представляетъ собранію Лабрадора: уполномоченный младшей линіи Бурбоновъ подъ крыломъ уполномоченнаго старшей. Приступаютъ къ дѣлу. «Цѣль нынѣшней конференціи, — говоритъ предсѣдатель, — обращаясь къ Талейрану, познакомить васъ съ тѣмъ, что́ четыре двора уже сдѣлали со времени своего прибытія сюда... У васъ протоколъ?» продолжалъ онъ, обращаясь къ Меттерниху. Тотъ подалъ Талейрану бумагу, скрѣпленную пятью подписями. Первое, что́ остановило Талейрана въ протоколѣ, это слово *союзники*, какъ еще продолжали называть себя четыре державы. «Союзники! — сказалъ Талейранъ: — позвольте спросить: гдѣ мы? въ Шомонѣ или Лаонѣ? развѣ миръ не заключенъ? развѣ идетъ еще война? и противъ кого?» — Ему отвѣчали, что слово «союзники» нисколько не противорѣчитъ существующимъ отношеніямъ, и что оно употреблено только для краткости. — «Для краткости, — возразилъ Талейранъ, — нельзя жертвовать точностію выраженія». Талейранъ началъ опять читать протоколъ и черезъ нѣсколько минутъ проговорилъ: «Не понимаю». Опять углубился въ чтеніе, и опять восклицаніе: «Все же ничего не понимаю!» Комедія кончилась, и Талейранъ объявилъ прямо, что для него существуютъ двѣ даты, между которыми нѣтъ ничего: 30-е мая, когда было рѣшено созваніе конгресса, и 1-е октября, когда долженъ конгрессъ открыться; все, что́ сдѣлано въ проме-

жутокъ времени между этими двумя числами, для него чуждо, не существуетъ; собрались на конгрессъ для того, чтобъ удовлетворить правамъ всѣхъ, и было бы большое несчастіе, если бы начали нарушеніемъ этихъ правъ; мысль—покончить все, прежде чѣмъ конгрессъ собрался, для него нова; онъ думалъ, что надобно начать съ того, чѣмъ теперь хотятъ кончить. Послѣ долгихъ разговоровъ, разъѣхались, ничего не рѣшивъ. Искусный полководецъ сбилъ враговъ съ позиціи, заставилъ ихъ ретироваться въ безпорядкѣ. Генцъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вмѣшательство Талейрана и Лабрадора страшно разстроило и разорвало наши планы; они протестовали противъ формы, какую мы приняли; они насъ отлично отдѣлывали цѣлые два часа; я никогда не забуду этой сцены».

Черезъ день, 1-го октября, другая сцена. Талейранъ былъ приглашенъ къ императору Александру. Мы видѣли, какія образовались отношенія между императоромъ Александромъ и новымъ правительствомъ Франціи. Талейранъ, чтобъ удержать портфель иностранныхъ дѣлъ при Лудовикѣ XVIII, долженъ былъ сообразоваться со взглядами послѣдняго, то-есть удаляться отъ Россіи и приближаться къ Англіи. Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Парижа, не простившись съ Талейраномъ, котораго это очень обезпокоило; онъ былъ дальновиднѣе своего короля; гнѣвъ могущественнаго императора русскаго могъ быть опасенъ, и Талейранъ написалъ письмо Александру (13-го іюня 1814 г.): «Я не видалъ ваше величество передъ вашимъ отъѣздомъ и осмѣливаюсь сдѣлать за это упрекъ въ почтительной искренности самой нѣжной привязанности. Государь, давно уже важныя сношенія открыли вамъ мои сокровенныя чувства, ваше уваженіе было слѣдствіемъ этого; оно меня утѣшало въ продолженіи многихъ лѣтъ и помогало мнѣ сносить тяжкія искушенія. Я предугадывалъ вашу судьбу, я чувствовалъ, что придетъ время, когда я, оставаясь французомъ, буду имѣть право присоединиться къ вашимъ проектамъ, ибо они не измѣнили бы своего великодушнаго характера; вы совершенно исполнили это прекрасное предназначеніе; если я слѣдовалъ за вами въ вашей благородной карьерѣ, то не лишайте меня моей награды: я этого прошу у героя моего воображенія, и, смѣю прибавить, у героя моего сердца».

Теперь въ Вѣнѣ Талейранъ опять увидѣлся съ героемъ своего воображенія и сердца, который считалъ необходимымъ склонить французскаго уполномоченнаго къ тому, чтобъ онъ не мѣшалъ польско-саксонскому проекту. Въ донесеніи своемъ королю Людовику XVIII Талейранъ подробно описалъ свое свиданіе съ русскимъ императоромъ. Мы оставляемъ подробности, ибо не знаемъ,

какія жертвы французскій дипломатъ принесъ точности повѣствованія; существенное заключалось въ томъ, что императоръ высказалъ рѣшительно свою волю относительно присоединенія къ Россіи герцогства варшавскаго подъ именемъ Польши, и присоединенія Саксоніи къ Пруссіи, высказался, что для исполненія этого онъ не остановится и передъ войною, а Талейранъ противопоставлялъ желанію императора права другихъ и обычное великодушіе самого Александра.

Объясненіе не повело ни къ чему, развѣ къ бо̀льшему охлажденію между объяснившимися. Благодаря Талейрану, открытіе конгресса замедлилось и было отсрочено до 1-го ноября; французскій уполномоченный, вѣрный своимъ инструкціямъ, настаивалъ, чтобы представители всѣхъ державъ приняли живое участіе въ конгрессѣ. Это ему не удалось; но удалось внести въ объявленіе объ отсрочкѣ конгресса до 1-го ноября выраженіе, что конгрессъ будетъ руководствоваться *началами народнаго права*. По поводу этого выраженія былъ сильный споръ; Гарденбергъ настаивалъ, что выраженіе лишнее: само собою разумѣется, что конгрессъ будетъ поступать на основаніи народнаго права. «Это будетъ разумѣться гораздо лучше, если будетъ точно выражено», отвѣчалъ Талейранъ. «Какое значеніе имѣетъ здѣсь публичное право?» спросилъ Гумбольдтъ. «Благодаря публичному праву вы здѣсь», отвѣчалъ Талейранъ. Такъ дѣйствовалъ представитель Франціи на конференціяхъ, гдѣ теперь, кромѣ представителей Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Франціи, Испаніи, присутствовали представители Португаліи и Швеціи. Внѣ конференцій Талейранъ сближался съ представителями второстепенныхъ державъ, жаловался имъ на конгрессъ, на легкомысліе представителей великихъ державъ, на неприготовленность къ рѣшенію ни одного важнаго вопроса, причемъ выставлялъ безкорыстіе Франціи, охранительницы права, защитницы всѣхъ утѣсненныхъ: «Франція не желаетъ для себя ничего, ни одной деревни, она желаетъ только справедливости для всѣхъ; если не будутъ меня слушать, я выйду изъ конгресса, я подамъ протестъ». Въ Парижѣ шли дальше: здѣсь Веллингтонъ, въ сношеніяхъ съ любимцемъ королевскимъ Блака̀, утверждалъ, что присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи нисколько не противорѣчитъ здравой политикѣ; Блака̀ возражалъ, что Людовикъ XVIII никогда не согласится на это присоединеніе, и внушалъ, что Саксонія—это единственный пунктъ, чрезъ который Англія и Франція могутъ проводить свое вліяніе на сѣверъ Европы. Когда Веллингтонъ указывалъ на возможность войны и на опасность, какою эта война могла грозить Бурбонской династіи, Блака̀ отвѣчалъ: если Англія не будетъ противъ Франціи, то нѣтъ никакой опасности, и въ

извѣстныхъ обстоятельствахъ миръ опаснѣе самой несчастной войны.

Открытіе конгресса было отсрочено до 1-го ноября именно для того, чтобы дать важнѣйшимъ вопросамъ время созрѣть для рѣшенія. Важнѣйшимъ вопросомъ былъ вопросъ польскій. Послѣ личнаго свиданія съ императоромъ Александромъ, которое не повело ни къ чему, Каслри 12-го октября обратился къ нему съ письменными объясненіями по польскому вопросу: «Такъ какъ я сопровождалъ ваше величество во время трудной и нерѣшительной борьбы, то считаю себя въ правѣ особенно сильно желать, чтобы конецъ дѣла соотвѣтствовалъ его общему характеру, чтобы ваше величество употребили свое вліяніе и свой примѣръ для внушенія европейскимъ кабинетамъ, при настоящихъ великихъ отношеніяхъ, духа примиренія, умѣренности и великодушія; этотъ духъ одинъ можетъ упрочить Европѣ спокойствіе, для котораго ваше величество сражались, а вашему величеству славу, которая должна окружать ваше имя. Умоляю ваше величество не вѣрить, что я буду смотрѣть безъ удовольствія на значительное расширеніе вашихъ границъ со стороны Польши. Мои возраженія касаются только пространства и формы этого расширенія. Ваше величество можете получить очень значительный залогъ благодарности Европы, не требуя отъ своихъ союзниковъ и сосѣдей распоряженія, несовмѣстнаго съ ихъ политическою независимостью. Я могу, если нужно, обратиться къ прошедшему для доказательства, что я и мое правительство чужды политики, враждебной способу воззрѣнія и интересамъ Россіи. Мы только-что разстались съ тяжкою политикой относительно Норвегіи; мы долго обрекали себя на эту политику по настояніямъ вашего величества, чтобъ обезпечить вамъ поддержку Швеціи во время войны, чтобъ укрѣпить за вами Финляндію, доставивъ Швеціи въ Норвегіи соотвѣтственное вознагражденіе съ другой стороны. Руководимые тѣмъ же дружественнымъ чувствомъ своего правительства къ вашему величеству, наши министры при Портѣ Оттоманской содѣйствовали заключенію мира между Россіею и Турціею, который доставилъ вашей имперіи обширную область. Миръ съ Персіей, доставившій вамъ важныя и обширныя пріобрѣтенія, былъ заключенъ вслѣдствіе дѣятельнаго посредничества англійскаго посланника. Если я упоминаю объ этомъ, то единственно изъ опасенія, чтобы вашему величеству не истолковали дурно моихъ побужденій въ настоящее время, когда я изъ чувства моихъ общественныхъ обязанностей къ Европѣ и особенно къ вашему величеству долженъ настаивать на измѣненіи, а не на отказѣ отъ вашихъ требованій. Духъ, съ какимъ ваше величество от-

несетесь къ вопросу объ увеличенiи вашего государства, исключительно рѣшить, долженъ ли настоящiй конгрессъ составить счастiе вселенной, или представить только сцену раздоровъ, интригъ и несдержанной борьбы для прiобрѣтенiя власти насчетъ принциповъ. Положенiе, занимаемое вашимъ величествомъ теперь въ Европѣ, позволяетъ вамъ сдѣлать все для общаго блага, если вы оснуете свое посредничество на справедливыхъ началахъ, предъ которыми преклонится Европа. Есть путь, на которомъ ваше величество можете соединить ваши благодѣтельныя намѣренiя относительно польскихъ подданныхъ вашихъ съ тѣмъ, чего требуютъ ваши союзники и цѣлая Европа. Они не желаютъ, чтобы поляки были унижены, лишены административной системы, кроткой, примирительной, сообразной съ ихъ потребностями. Они не желаютъ, чтобы ваше величество заключили такiя условiя, которыя стѣсняли бы вашу верховную власть надъ вашими собственными областями. Они желаютъ только, чтобы для сохраненiя мира ваше величество шествовали постепенно къ улучшенiю административной системы въ Польшѣ, чтобы вы (если только не рѣшились на полное возстановленiе и совершенную независимость Польши) избѣжали мѣры, которая, при громкомъ титулѣ короля, распространитъ безпокойство въ Россiи и странахъ сосѣднихъ, и которая, льстя честолюбiю малаго числа людей изъ знатныхъ фамилiй, въ сущности дастъ менѣе свободы и настоящаго благоденствiя, чѣмъ болѣе умѣренное и скромное измѣненiе въ административной системѣ страны». Къ этому письму былъ приложенъ меморандумъ: здѣсь Касльри указываетъ, что Россiя, Австрiя и Пруссiя связаны договорами 1813 года, въ которыхъ утверждено, что эти три державы раздѣлятъ между собою герцогство варшавское, распорядятся имъ полюбовно. Планъ русскаго императора—присоединить герцогство варшавское къ русскимъ областямъ, доставшимся Россiи по тремъ раздѣламъ, и сдѣлать изъ нихъ отдѣльную монархiю подъ властiю русскаго императора, какъ польскаго короля,—этотъ планъ распространилъ волненiе и ужасъ при дворахъ австрiйскомъ и прусскомъ, наполнилъ страхомъ всѣ государства Европы: Россiя, уже увеличенная Финляндiей, Бессарабiею, землями персидскими, устремляется на западъ, въ сердце Германiи, не имѣющей съ этой стороны оборонительной линiи; Россiя приглашаетъ поляковъ соединиться около русскаго знамени для возстановленiя ихъ королевства, Россiя возбуждаетъ этотъ легкомысленный и безпокойный народъ къ тѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ борьбамъ, которыми поляки ознаменовали себя въ исторiи. Планъ русскаго императора противорѣчитъ не только буквѣ, но и духу договоровъ 1813

года: можно ли предположить, чтобъ императоръ австрійскій и король прусскій, уговорившись раздѣлить герцогство варшавское съ Россіею, согласились теперь отдать его все Россіи, разрушая собственныя границы и оставляя столицы свои беззащитными? Проектъ русскаго императора не можетъ быть разсматриваемъ и какъ нравственный долгъ. Если нравственный долгъ требуетъ, чтобы положеніе поляковъ было улучшено такимъ рѣшительнымъ способомъ, какъ возстановленіе ихъ монархіи, то пусть эти дѣла совершатся по принципу широкому и либеральному, пусть возстановляется нація независимая, а не дѣлается изъ нея страшное военное орудіе въ рукахъ одного государства. Такая либеральная мѣра будетъ принята съ восторгомъ всею Европой. Правда, это была бы жертва со стороны Россіи, по обыкновеннымъ государственнымъ разсчетамъ; но если императоръ русскій не готовъ къ такой жертвѣ по отношенію къ собственной имперіи, то онъ не имѣетъ никакого нравственнаго права дѣлать подобные опыты насчетъ своихъ союзниковъ и сосѣдей. Русскій императоръ не можетъ надѣяться, чтобъ уполномоченные Австріи и Пруссіи, по собственному побужденію, передъ глазами Европы, предложили покинутіе своихъ военныхъ границъ какъ мѣру благоразумную и почетную. Уполномоченные Великобританіи, Франціи, Испаніи и вѣроятно другихъ государствъ, большихъ и малыхъ, имѣютъ одинаковый взглядъ насчетъ этого проекта. Въ какомъ же печальномъ положеніи очутится Европа, если его императорское величество не захочетъ отказаться отъ своего проекта и рѣшился овладѣть герцогствомъ варшавскимъ противъ общаго мнѣнія?

Письмо и меморандумъ Касльри, быть-можетъ безъ яснаго сознанія автора, имѣли способность произвести сильное раздраженіе. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ (30-го октября) императоръ Александръ естественно обратился къ исчисленію заслугъ Англіи въ пользу расширенія русскихъ предѣловъ, и возстановилъ настоящее значеніе этихъ заслугъ: «Мы приступаемъ къ разсужденію о будущемъ, и для этого естественно объясниться насчетъ прошедшаго. Всѣ пріобрѣтенія, мною сдѣланныя, имѣютъ только оборонительное значеніе. Если бы во время борьбы на жизнь и на смерть, какую я велъ въ сердцѣ моихъ владѣній, я не былъ спокоенъ со стороны турокъ, то могъ ли бы я употребить для продолженія войны всѣ великія средства, которыя я ей посвятилъ, и Европа была ли бы освобождена? Вы говорите, что Англія согласилась на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи только для того, чтобъ обезпечить меня насчетъ обладанія Финляндіею. Что касается до меня, то я отправлялся отъ принципа болѣе

великодушнаго: уговаривая Англію гарантировать Швеціи обладаніе Норвегіей, я хотѣлъ присоединить Швецію къ нашему союзу. Я не могъ потерять изъ виду великія морскія выгоды, которыя Норвегія доставляла Швеціи противъ меня. Впрочемъ, моя столица становилась неприступною, а Швеціи, болѣе сосредоточенной, нѣчего было больше бояться. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ выигрывали относительно безопасности, и всѣ причины распрей и опасеній были отстранены. Если уже тутъ не соблюдены правила равновѣсія, то не знаю, гдѣ ихъ больше послѣ того искать. Вы видите, милордъ, что я очень хорошо понимаю настоящій смыслъ, въ которомъ вы привели нѣсколько дѣйствій вашей политики, и я вовсе не намѣренъ уменьшать достоинство этихъ дѣйствій. Безъ сомнѣнія, отъ исхода настоящаго конгресса зависитъ будущая судьба европейскихъ государствъ, и всѣ мои старанія, всѣ моя пожертвованія имѣютъ ту цѣль, чтобы члены нашего союза пріобрѣли размѣры, способные поддержать общее равновѣсіе. Я не понимаю, какимъ образомъ, при такихъ принципахъ, конгрессъ можетъ сдѣлаться сценою интригъ, вражды и беззаконныхъ усилій для пріобрѣтенія могущества. Пусть цѣлый міръ, который видѣлъ мои принципы, со времени перехода черезъ Вислу до перехода черезъ Сену, рѣшитъ, можетъ ли желаніе пріобрѣсти лишній милліонъ душъ или упрочить за собою какой-нибудь перевѣсъ одушевлять меня и руководить моими поступками? Чистота моихъ намѣреній дастъ мнѣ силу; если я стою за порядокъ вещей, который я хотѣлъ бы установить въ Польшѣ, такъ это вслѣдствіе убѣжденія, что его установленіе послужитъ къ общей пользѣ. Такая нравственная политика, какой бы оттѣнокъ вы ей ни давали, быть-можетъ, найдетъ цѣнителей у народовъ, которымъ нравится все, что̀ безкорыстно и благодушно».

Къ письму былъ присоединенъ меморандумъ, написанный Чарторыйскимъ: здѣсь объяснялось, что договоры 1813 года насчетъ герцогства варшавскаго въ настоящее время не могутъ имѣть никакого значенія, ибо они состоялись въ то время, когда Австрія и Пруссія не могли имѣть въ виду огромныхъ владѣній, какія достаются имъ теперь; при этихъ условіяхъ и Россія получаетъ право требовать бо̀льшія вознагражденія. Въ первомъ договорѣ 1813 г. говорится о раздѣлѣ герцогства варшавскаго между тремя союзными державами, а во второмъ уже говорится только о полюбовномъ распоряженіи ихъ насчетъ будущей судьбы герцогства. Условія послѣдняго договора выполнены. Пруссія получила Данцигъ съ округомъ, Австрія Галицію, соляныя копи Велички, предмѣстье и уѣздъ краковскій. Страна, которую полу-

чить Пруссія для связи между своими древними провинціями, одна изъ самыхъ населенныхъ и самыхъ богатыхъ въ герцогствѣ, самая цивилизованная, самая цвѣтущая земледѣліемъ и промыслами, наполненная мануфактурами, которыхъ нѣтъ въ остальныхъ частяхъ. Выходитъ, что Австрія возвращаетъ себѣ, кромѣ трехъ милліоновъ гульденовъ чистаго дохода, участокъ, богатый каменно-угольными копями и сѣрою, уѣздъ, безъ котораго Краковъ не значитъ ничего; слѣдовательно, Россія отказывается въ герцогствѣ отъ четвертой доли народонаселенія и отъ третьей доли богатствъ и доходовъ, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ 2.200,000 душъ и около 8 милліоновъ гульденовъ дохода. Можно ли послѣ этого еще болѣе ограничивать русскій участокъ? Можно ли это пріобрѣтеніе назвать громаднымъ, какъ оно величается въ англійскомъ меморандумѣ? Можетъ ли онъ быть названъ значительнымъ и равнымъ въ сравненіи съ участками Австріи и Пруссія, расположенными въ странахъ, наиболѣе облагодѣтельствованныхъ природой, обильныхъ источниками промышленности и богатства? Если къ этому авторъ меморандума прибавитъ картину внутренняго состоянія герцогства, разореннаго войною, голодомъ, заразительными болѣзнями, выселеніями, то чтó останется отъ его горячихъ выходокъ противъ громадности этого пріобрѣтенія? Напрасно авторъ меморандума вопіетъ, что съ присоединеніемъ герцогства къ Россіи страшная опасность станетъ грозить беззащитнымъ столицамъ Австріи и Пруссіи. Достаточно бросить взглядъ на карту для убѣжденія, что эти опасности существуютъ только въ воображеніи. Защита естественная находится на сторонѣ Австріи, искусственная, посредствомъ крѣпостей—на сторонѣ Пруссіи, а герцогство, выдающееся между этими двумя государствами, всегда можетъ быть схвачено ихъ арміями. Національность, которая должна быть возвращена полякамъ, не представляетъ никакой опасности; напротивъ, здѣсь будетъ вѣрное средство утишить безпокойство, въ которомъ упрекаютъ поляковъ, и примирить всѣ интересы. Императоръ носитъ въ себѣ это убѣжденіе; время и событія докажутъ, что оно основательно.

То обстоятельство, что меморандумъ былъ написанъ Чарторыйскимъ, внушило Касльри мысль, что онъ можетъ безцеремонно отвѣчать на него, не нарушая уваженія къ особѣ императора. Отвѣтному меморандуму (отъ 4 ноября) Касльри представилъ извинительное письмо къ императору: «Я нахожу большое облегченіе въ мысли, что меморандумъ, съ которымъ имѣю дѣло, не выражаетъ собственныхъ идей вашего императорскаго величества. Мои замѣчанія написаны съ полною свободой спора, съ цѣлію представить предъ вашимъ трибуналомъ, государь, на-

чала, въ которыхъ я несогласенъ съ авторомъ меморандума». Каслри утверждаетъ, что договоры 1813 года, Рейхенбахскій и Теплицкій, сохраняютъ всю свою силу: развѣ императоръ австрійскій согласился, въ силу расширенія своихъ владѣній въ Италіи, отказаться отъ права, даннаго ему Рейхенбахскимъ договоромъ, отъ права быть защищеннымъ со стороны Польши? Развѣ различныя государства, принявшія участіе въ Парижскомъ мирѣ, назначая По границею Австріи въ Италіи, думали, что они этимъ самымъ уничтожаютъ военную границу между Россіей и Австріей со стороны Польши? Каслри настаиваетъ, что нельзя ничего доказывать на основаніи характера императора: каковы бы ни были добродѣтели государя, не на личной довѣренности, не на жизни одного человѣка должны основываться свобода и безопасность государствъ. Потомъ Каслри указываетъ на ложныя показанія, которыя позволилъ себѣ Чарторыйскій: число жителей варшавскаго герцогства уменьшено болѣе чѣмъ на милліонъ, доходъ ея соляныхъ копей для Австріи вмѣсто 300,000 показанъ въ 3 милліона: «Мы бы не кончили,—говоритъ Каслри,—если бы захотѣли означить всѣ неточности, которыхъ множество на каждой страницѣ меморандума». Въ заключеніе Каслри сильно упрекаетъ Чарторыйскаго за выставленный въ меморандумѣ принципъ, что военныя издержки могутъ быть вознаграждаемы земельными пріобрѣтеніями: великія военныя державы, восторжествовавшія въ борьбѣ, должны вспомнить, что онѣ боролись за собственную свободу и свободу Европы, а не для расширенія своихъ владѣній.

21-го ноября Каслри получилъ отвѣтный русскій меморандумъ (написанный Каподистріею). Обращаясь къ договорамъ 1813 года, меморандумъ говоритъ, что исторія дипломатіи представляетъ нѣсколько примѣровъ, когда одна изъ договаривавшихся сторонъ не считала болѣе обязательными для себя договоровъ по причинѣ совершенной перемѣны обстоятельствъ. Сама Англія, основываясь на этомъ принципѣ, не сочла себя обязанною исполнять Амьенскій договоръ. Неизмѣнное правило справедливости требуетъ, чтобы выгоды, пріобрѣтаемыя каждымъ изъ союзниковъ при торжествѣ общаго дѣла, были пропорціональны его усиліямъ и величинѣ пожертвованій. Необходимость политическаго равновѣсія предписываетъ, съ своей стороны, давать каждому государству силу, способную содержать гарантію политическихъ интересовъ въ собственныхъ средствахъ, какія она имѣетъ, для того, чтобы заставить уважать ихъ. Сообразуясь неизмѣнно съ этими двумя принципами, императоръ рѣшился вести войну, въ началѣ одинъ, и продолжать ее посредствомъ коалиціи до тѣхъ поръ,

пока общее умиротвореніе Европы могло опереться на прочныя несокрушимыя основанія независимости народовъ и священныя права націй. Когда Одеръ былъ перейденъ, Россія сражалась только за своихъ союзниковъ, для увеличенія могущества Пруссіи и Австріи, для освобожденія Германіи, для спасенія Франціи отъ бѣшенствъ деспотизма. Если бы императоръ основалъ свою политику на разсчетахъ частнаго интереса, то заключилъ бы миръ съ Франціею въ то время, когда армія Наполеона, собранная на иждивеніи цѣлой Европы, нашла себѣ могилу въ Россіи. Но императоръ воспользовался великодушнымъ порывомъ своего народа, чтобы сражаться за дѣло, съ которымъ связаны судьбы всего человѣчества. Россія давно могла бы дать силу своимъ правамъ надъ страною, завоеванною ея оружіемъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія; но она постоянно удерживалась отъ всякаго произвольнаго поступка и отсрочила проектъ законнаго увеличенія своихъ владѣній до того времени, когда всѣ европейскія государства, получившія полную независимость, придутъ разсуждать о своихъ интересахъ и способствовать соглашенію интересовъ союзниковъ. Это время наступило, и союзники, получившіе значительное приращеніе своего могущества, не въ правѣ оспаривать у Россіи того, чтó она требуетъ не въ видахъ усиленія своихъ средствъ, но для равновѣсія Европы. Могущество Великобританіи обхватываетъ весь земной шаръ: она господствуетъ на океанѣ, распространяется на всѣхъ морскихъ берегахъ, властвуетъ въ Индіи, предписываетъ законы американскому континенту, разработываетъ неистощимый рудникъ Леванта, держитъ въ своихъ рукахъ ключи Средиземнаго моря; нѣтъ соперниковъ ея могуществу морскому и торговому, а ея отношенія къ Голландіи и возвращеніе курфюршества Ганноверскаго даютъ ей прямое и сильное вліяніе на дѣла континента. Австрія распространяетъ свой скипетръ и свое вліяніе на лучшую половину Германіи, покрытой развалинами своихъ древнихъ учрежденій; она обладаетъ прекрасными областями Италіи, которыя были покорены соединенными усиліями великаго союза подъ самыми стѣнами Парижа; она присоединила къ своимъ обширнымъ владѣніямъ провинціи Иллирійскія, которыя доставляютъ ей господство на Адріатическомъ морѣ и обезпечиваютъ первенствующее вліяніе въ Европейской Турціи; по своему настоящему положенію въ Италіи она способна предписывать законы королевствамъ Неаполитанскому и Сардинскому, могущественно вліять на Швейцарію и охранять противъ Франціи границу альпійскую. Пруссія беретъ на себя сѣверную часть великаго наслѣдства Германской имперіи и упрочиваетъ свою власть на Вислѣ, Эльбѣ и

Рейнѣ. Германія получаетъ политическую крѣпость, какой прежде никогда не имѣла. Франція, обрѣзанная вслѣдствіе крайностей колоссальнаго честолюбія, безъ флота и торговли, можетъ надѣяться только на мудрость своего правительства. Пиренейскій полуостровъ, истощенный и занятый гибельною борьбой съ собственными колоніями, не представляетъ никакой точки опоры. Остается Россія. Что это за увеличенія ея владѣній, которыя грозятъ спокойствію Европы? Неужели пріобрѣтеніе Финляндіи и Бессарабіи можетъ подать поводъ къ такимъ опасеніямъ? Нельзя ли спросить наоборотъ: неужели Германія или Италія могутъ обезпечить Россію противъ враждебныхъ замысловъ какой-нибудь державы, которая захочетъ воспользоваться своими новыми выгодами? Россія можетъ ли льстить себя совершенною безопасностію внутри, если не получитъ хорошей военной границы, и особенно если покинетъ жителей герцогства варшавскаго на жертву отчаянію и прельщенію съ разныхъ сторонъ? Для Россіи предметъ первой важности — положить конецъ всѣмъ безпокойствамъ поляковъ. Затушенныя теперь, эти безпокойства вспыхнутъ когда-нибудь подъ иностраннымъ вліяніемъ, и эта вспышка взволнуетъ необходимо Россію и весь сѣверъ.

Этому второму меморандуму предпослано было письмо императора Александра въ нѣсколькихъ строкахъ, гдѣ императоръ выражаетъ надежду, что частная корреспонденція этимъ и окончится, и проситъ лорда на будущее время представлять свои бумаги обыкновеннымъ порядкомъ.

Безполезная полемика кончилась; дѣла пошли обыкновеннымъ порядкомъ. Касльри настаивалъ, какъ мы видѣли, что договоры 1813 года имѣютъ силу по тому самому, что другіе союзники не могутъ желать уничтоженія ихъ обязательной силы. Въ подтвержденіе этого, 2-го ноября, Меттернихъ, по приказанію своего государя, обратился къ прусскому канцлеру Гарденбергу съ слѣдующею нотой: «Прусскому министерству не безъизвѣстно, сколько виды русскаго двора относительно герцогства варшавскаго,—виды, совершенно противные смыслу трактатовъ, заключенныхъ союзными государями противъ Франціи,—воспрепятствовали соглашенію государствъ между собою относительно своихъ интересовъ и ходу конгресса. Его императорское величество (австрійское) сочтетъ неисполненіемъ своихъ обязанностей относительно счастія и спокойствія своихъ народовъ, если не будетъ настаивать самымъ рѣшительнымъ образомъ на исполненіи трактатовъ, которые должны обезпечить, какъ Австріи, такъ и Пруссіи, военную границу, необходимую для безопасности и спокойствія обѣихъ монархій. Его императорское величество обращается

къ его величеству прусскому съ просьбою напомнить его величеству императору всероссійскому объ ихъ общихъ правахъ». Къ нотѣ былъ присоединенъ меморандумъ насчетъ устройства будущей судьбы герцогства варшавскаго: 1) Одушевляемая принципами самыми либеральными и наиболѣе соотвѣтствующими установленію системы европейскаго равновѣсія, противодѣйствуя съ 1772 года всѣмъ проектамъ раздѣла Польши [1]), Австрія готова согласиться на возстановленіе этого королевства, свободнаго и независимаго отъ всякаго иностраннаго вліянія, въ границахъ до перваго раздѣла. 2) Допуская, что мало вѣроятности въ принятіи подобнаго проекта русскимъ дворомъ, Австрія согласна на возстановленіе свободной и независимой Польши въ предѣлахъ 1791 года. 3) Если императоръ русскій не приметъ и этого предложенія, Австрія готова согласиться на расширеніе русскихъ границъ до праваго берега Вислы; Россія удержитъ Варшаву съ уѣздомъ, Пруссія—Торнъ, Висла должна остаться свободною для владѣльцевъ обоихъ береговъ. 4) Австрія, постоянно далекая отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ сосѣдей, предоставитъ императору всероссійскому попеченіе дать своимъ польскимъ провинціямъ такую форму управленія, какую онъ сочтетъ полезною и приличною. Австрія будетъ согласна и на то, чтобъ императоръ всероссійскій назвалъ свои новыя владѣнія, порознь или вмѣстѣ съ старыми польскими провинціями, королевствомъ польскимъ, сѣвернымъ или восточнымъ; но въ такомъ случаѣ его императорское величество (австрійское) предоставляетъ себѣ право соединить свои польскія провинціи подъ названіемъ королевства польскаго южнаго; такое же право должно быть предоставлено и его величеству прусскому.

Гарденбергъ поспѣшилъ исполнить желаніе вѣнскаго двора, имѣлъ съ императоромъ Александромъ длинный разговоръ, который описалъ въ секретномъ меморандумѣ лорду Касльри (отъ 7-го ноября): «Длинный разговоръ, который я, въ присутствіи короля, имѣлъ съ русскимъ императоромъ, не привелъ ни къ чему. Его императорское величество продолжалъ жаловаться на упорство, съ какимъ противятся его намѣреніямъ, тогда какъ великія услуги, которыя онъ оказалъ общему дѣлу, дали Австріи, Пруссіи и другимъ государямъ не только возможность войти въ прежніе предѣлы, но и увеличить свои владѣнія. Считая себя въ правѣ требовать того же и для себя, императоръ ограничился такою мѣрой, которая обезпечиваетъ спокойствіе Европы, успокоивая окончательно націю недовольную и волнующуюся, по-

---

[1]) Подробности этого противодѣйствія см. въ моей *Исторіи паденія Польши*.

ставляя ее подъ управленіе кабинета, который съумѣетъ ее сдержать; союзники, вмѣсто того, чтобы считать эту мѣру опасною, должны, напротивъ, поддерживать ее, тѣмъ болѣе что императоръ готовъ дать всевозможныя гарантіи: онъ присоединитъ къ новому королевству всѣ русскія провинціи, бывшія прежде польскими; дастъ конституцію, которая отдѣлитъ его отъ Россіи, выведетъ изъ него всѣ русскія войска. На мои представленія о наступательной линіи, которую дастъ Польшѣ обладаніе Торномъ, Калишемъ, Ченстоховымъ и Краковомъ, императоръ объявилъ, что онъ готовъ обязаться никогда не укрѣплять Кракова. Я кончилъ разговоръ сильными настаиваніями, чтобъ императоръ согласился на какую-нибудь сдѣлку, причемъ я прибавилъ, что, по моему мнѣнію, ему уступятъ относительно политическаго вопроса, если онъ что-нибудь уступитъ относительно границъ. По вѣрнымъ извѣстіямъ, даже и князь Чарторыйскій хлопочетъ теперь, чтобъ императоръ уладился насчетъ границъ. По моему мнѣнію, надобно употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи приличнаго соглашенія. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы должны уступить насчетъ политическаго вопроса, потому что я здѣсь вижу гораздо бо́льшія выгоды, чѣмъ опасности для спокойствія Европы вообще, и для сосѣдей Россіи въ особенности. *Сила Россіи скорѣе ослабѣетъ, чѣмъ увеличится отъ этого новаго Польскаго королевства, подъ скипетромъ одного съ нею государя находящагося.* Собственная Россія потеряетъ области очень значительныя и плодоносныя. Соединенныя съ герцогствомъ варшавскимъ, онѣ получатъ конституцію совершенно отличную и гораздо болѣе либеральную, чѣмъ конституція имперіи. *Поляки будутъ пользоваться привилегіями, какихъ нѣтъ у русскихъ. Скоро духъ двухъ націй станетъ въ совершенной оппозиціи;* зависть между ними помѣшаетъ единству, родятся всякаго рода затрудненія, *императоръ русскій и вмѣстѣ король польскій будетъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ государь имперіи Россійской,* присоединяющей къ Россіи бо́льшую часть Польши, которую у него не оспариваютъ какъ провинцію. Я вовсе не боюсь, чтобы польскіе подданные Австріи и Пруссіи, стремясь соединиться съ своими соотечественниками, производили бы смуты. Управленіе мудрое и отеческое легко устранитъ опасенія подобнаго рода. Однимъ словомъ, въ моемъ умѣ образовалось самое глубокое убѣжденіе, что, *препятствуя императору возстановлять королевство Польское подъ своимъ скипетромъ, мы работаемъ противъ нашего собственнаго интереса.* Признаюсь также, что, размышляя объ устроеніи трехъ польскихъ королевствъ, я тутъ вижу большія неудобства безъ всякой существенной вы-

годы. Развѣ этимъ мы не будемъ питать стремленія къ соединенію, чего такъ боимся? Притомъ же прусская доля особенно, каковы бы ни были уступки, которыя удастся получить отъ императора Александра, будетъ всегда такъ незначительна, что не стóитъ давать ей титулъ королевства. Такъ рѣшимъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ объявить императору, что, отказываясь отъ секретнаго параграфа договора 15-го (29-го) января 1797 года, мы согласимся на возстановленіе королевства Польскаго, отдѣльнаго отъ имперіи Россійской, къ которому онъ присоединитъ всѣ русскія провинціи, прежде бывшія польскими, и дастъ особенную конституцію, если только онъ согласится на такое земельное распредѣленіе, которое насъ удовлетворитъ, и если онъ намъ гарантируетъ наши польскія владѣнія. Насчетъ этихъ владѣній я останусь при прежнихъ требованіяхъ; Австрія уже нѣсколько разъ заявляла, что она удовольствуется Краковомъ съ страною до рѣки Ниды и округомъ Замойскимъ; Пруссія требовала Торна и линію Варты. Требовать теперь линію Вислы и на лѣвомъ берегу уступать только Варшаву съ уѣздомъ, значитъ еще болѣе раздражать и удаляться отъ нашей цѣли».

Мнѣніе Гарденберга было принято; основаніе соглашеній, которыя онъ былъ уполномоченъ сдѣлать императору Александру, были слѣдующія: Пруссія получаетъ Торнъ и линію Варты, Австрія—уѣздъ Замойскій и Краковъ, и границею здѣсь будетъ рѣка Нида. Если императоръ приметъ эти условія, то Австрія и Пруссія готовы согласиться на его политическіе виды относительно Польши съ гарантіями, которыя будутъ опредѣлены съ общаго согласія. Контръ-проектъ, сообщенный съ русской стороны, предлагалъ Торнъ и Краковъ сдѣлать вольными городами и пограничную линію провести между Краковомъ и Сендомиромъ черезъ Калишъ на западѣ и Вислу на югѣ; но такъ какъ эту линію представляютъ опасною для союзниковъ, то императоръ соглашался отнять у нея этотъ характеръ съ условіемъ sine qua non, чтобы Саксонія вся была присоединена къ Пруссіи, а Майнцъ сдѣланъ былъ имперскою крѣпостью. Но тутъ Меттернихъ объявляетъ Гарденбергу, что Пруссія должна ограничить свои требованія относительно Саксоніи, и Кэсльри становится на сторону Австріи. Дѣло объясняется тѣмъ, что второстепенныя державы Германіи, особенно Баварія, съ ожесточеніемъ возстали противъ плана присоединенія Саксоніи къ Пруссіи и, разумѣется, нашли точку опоры въ Талейранѣ. Меттернихъ, который прежде не имѣлъ духа прямо противиться требованіямъ Пруссіи и обѣщалъ Гарденбергу свое согласіе на присоединеніе цѣлой Саксоніи, теперь, найдя сильную поддержку, выступаетъ прямо про-

тивъ такого присоединенія: «Австрія,—говоритъ онъ,—становится въ челѣ державъ, которыя противятся присоединенію Саксоніи къ Пруссіи; Австрія дѣлаетъ это прежде всего для того, чтобы не уступить этой роли Франціи». Каслри же сталъ уклоняться отъ своего прежняго намѣренія, потому что король саксонскій нашелъ сильныхъ приверженцевъ въ Англіи, и самъ принцъ-регентъ былъ за него.

Въ прусскомъ лагерѣ забили сильную тревогу. 16-го декабря Гарденбергъ подалъ императору Александру ноту: «Объявленіе князя Меттерниха,—писалъ Гарденбергъ,—діаметрально противоположно всѣмъ объясненіямъ, письменнымъ и словеснымъ, которыя до сихъ поръ происходили между кабинетами прусскимъ и австрійскимъ, особенно письму князя Меттерниха отъ 22-го октября, въ которомъ Австрія соглашается, подъ извѣстными условіями, на всецѣлое присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, и письму, отъ того же числа, къ лорду Каслри, содержащему объявленія совершенно въ томъ же смыслѣ. Самыя сильныя причины противятся раздробленію Саксоніи: народное благо и народное желаніе, громко заявляющее себя каждый день, слово, данное его величествомъ императоромъ всероссійскимъ, интересъ Пруссіи, интересъ, наконецъ, Европы. Пруссія должна быть сильна для поддержанія равновѣсія и спокойствія Европы; она должна быть устроена такъ, чтобы могла защищаться; ее нельзя заставлять стремиться къ дальнѣйшему распространенію своихъ предѣловъ для пріобрѣтенія средствъ, необходимыхъ для ея защиты. Его величество король докажетъ свои права предъ союзниками, но особенно онъ полагается на дружбу его величества императора всероссійскаго, которой слѣдствія онъ уже часто испытывалъ».

Саксонскій вопросъ сталъ на первый планъ и возбудилъ страшное ожесточеніе. Представители второстепенныхъ германскихъ державъ толковали о войнѣ, которая должна окончиться паденіемъ Пруссіи. Пруссія не переставала требовать всей Саксоніи, и, въ свою очередь, грозила войной. Талейранъ умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и по его мысли, 3-го января 1815 г., былъ заключенъ секретно оборонительный союзъ между Австріею, Англіею и Франціею, которыя «сочли необходимымъ,—какъ сказано въ договорѣ,—по причинѣ претензій, недавно обнаруженныхъ, искать средствъ къ отраженію всякаго нападенія на свои владѣнія». Договаривающіяся стороны обязываются: если вслѣдствіе предложеній, которыя онѣ будутъ дѣлать и поддерживать вмѣстѣ, владѣнія одной изъ нихъ подвергнутся нападенію, то всѣ три державы будутъ считать себя подвергнувшимися нападенію и станутъ защищаться сообща; каждая держава вы-

ставляетъ для этого 150,000 войска, которое выступаетъ въ походъ не позднѣе шести недѣль по востребованію; Англія имѣетъ право при этомъ выставить наемное иностранное войско или платить по 20 фунтовъ стерлинговъ за каждаго пѣхотнаго солдата и по 30 за кавалериста; договаривающіяся державы могутъ приглашать другія государства присоединиться къ договору,—и приглашаютъ къ тому немедленно королей баварскаго, ганноверскаго и нидерландскаго.

Талейранъ былъ въ восторгѣ; онъ далъ знать Людовику XVIII, что разорвалъ коалицію и далъ Франціи такую систему союзовъ, какую едва-ли могли бы приготовить пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ. Утверждая, что Россія и Пруссія не рѣшатся на войну, Талейранъ требовалъ, однако, у своего правительства на всякій случай, чтобы присланъ былъ къ нему генералъ Рикаръ, отлично знавшій Польшу, и убѣдилъ новыхъ союзниковъ, въ случаѣ надобности, пригласить и Порту къ нападенію на Россію. Баварія съ Гессенъ-Дармштадтомъ, Ганноверъ и Нидерланды приступили къ союзу. Но война не открылась. Больше всѣхъ боялся ея Касльри, боялся онъ дать Франціи возможность поправить свое положеніе и предъявить новыя требованія, боялся ввести французскія войска туда, откуда съ такими усиліями ихъ вытѣснили; отвѣтственный министръ боялся больше всего расположенія умовъ въ Англіи, зналъ, что тамъ ждутъ отъ конгресса полнаго умиротворенія, а не войны, зналъ, что война въ союзѣ съ Франціею должна быть менѣе всего популярна въ Англіи, особенно война противъ Пруссіи. На третій день по заключеніи договора, Касльри, въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, уже старался убѣдить его, что если отдать Пруссіи всю Саксонію, то саксонскаго короля придется перемѣстить на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ онъ непремѣнно будетъ союзникомъ Франціи; надобно оставить часть Саксоніи старому королю, и все бы легко уладилось, еслибъ императоръ согласился уступить еще кое-что въ Польшѣ. Императоръ отвѣчалъ, что польское дѣло кончено; что же касается Саксоніи, то онъ согласится на раздѣленіе, если прусскій король объявитъ себя удовлетвореннымъ, въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Вѣсти, получаемыя изъ Франціи о затрудненіяхъ тамошняго правительства, изъ Италіи о народномъ здѣсь неудовольствіи на Австрію, должны были еще болѣе убѣдить Касльри и Меттерниха въ необходимости покончить конгрессъ мирнымъ образомъ, дать Пруссіи значительную часть Саксоніи, а за остальную вознаградить въ другихъ мѣстахъ. Пруссія пошла на эту сдѣлку; самъ императоръ Александръ совѣтовалъ Гарденбергу согласиться напередъ съ лордомъ Касльри насчетъ плана раздѣла, прежде не-

жели начнутся разсужденія объ этомъ въ конференціяхъ. Дѣла останавливались за тѣмъ, что Пруссіи не хотѣлось отказаться отъ Лейпцига, который вмѣстѣ съ Дрезденомъ хотѣли возвратить старому королю: императоръ Александръ предложилъ Пруссіи взамѣнъ Лейпцига Торнъ, отказываясь отъ прежняго намѣренія сдѣлать его вольнымъ городомъ. Такимъ образомъ устранены были всѣ препятствія, и два важнѣйшіе вопроса, польскій и саксонскій, грозившіе повести во всеобщей войнѣ, были порѣшены.

Но кто же при этомъ рѣшеніи имѣлъ право быть довольнѣе всѣхъ? Перечтемъ инструкціи Талейрана, и получимъ отвѣтъ. Блистательная дипломатическая кампанія была совершена французскимъ уполномоченнымъ. Наполеону какъ будто стало завидно, и онъ поспѣшилъ прекратить торжество своего стараго министра и непримиримаго врага. Наполеонъ ушелъ съ Эльбы и явился во Франціи.

II.

Сто дней.

Бурбонамъ съ эмигрантами трудно было управлять *страшнымъ* французскимъ народомъ, по выраженію императора Александра. Дѣйствительно, французскій народъ былъ страшенъ, дѣйствительно, этотъ народъ давно уже игралъ главную роль въ западной континентальной Европѣ. Представимъ себѣ общество, составленное изъ людей съ различными характерами: одинъ человѣкъ очень умный, дѣятельный и дѣловой; онъ постоянно и исключительно занятъ своими ближайшими интересами, отлично обдѣлалъ свои дѣла, разбогатѣлъ страшно; но онъ при этомъ необщителенъ, держитъ себя въ сторонѣ, неуклюжъ, не представителенъ, не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія въ другихъ, принимаетъ участіе въ общихъ дѣлахъ только тогда, когда тутъ замѣшаны его собственныя выгоды, да и въ такомъ случаѣ не любитъ дѣйствовать непосредственно, но заставляетъ дѣйствовать за себя другихъ, давая имъ деньги, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ нанимаетъ вмѣсто себя рекрута. Таковъ англичанинъ, таковъ англійскій народъ. Другой человѣкъ—очень почтенный, но односторонне развившійся, ученый, сильно работающій головою, но не могшій, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло и потому неспособный къ сильной физической дѣятельности, безъ средствъ отбивать нападенія сильныхъ, безъ средствъ поддержать свое значеніе, заставить уважать свою неприкосновенность при борьбѣ сильныхъ: это—нѣмецкій народъ. Третій человѣкъ, подобно второму, не могъ, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло, но южная, живая, страстная натура, кромѣ занятій наукою и особенно искусствомъ, требовала практической дѣятельности; не имѣя способовъ удовлетворить этой потребности у себя дома,

онъ часто уходитъ къ чужимъ людямъ, предлагаетъ имъ свои услуги, и нерѣдко имя его блеститъ на чужбинѣ славными подвигами, обширною, смѣлою дѣятельностію: таковъ итальянскій народъ. Четвертый человѣкъ смотритъ истомленнымъ; но, какъ видно, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, способный къ сильной дѣятельности; и дѣйствительно, онъ велъ долгую, ожесточенную борьбу за извѣстные интересы, и никто въ это время не считался храбрѣе и искуснѣе его. Борьба, въ которую онъ страстно ушелъ весь, истощила его физическія силы, а между тѣмъ интересы, за которые онъ боролся, ослабѣли, смѣнились другими для остальныхъ людей; но онъ не выработалъ себѣ другихъ интересовъ, не привыкъ ни къ какимъ другимъ занятіямъ; истомленный и праздный, онъ погрузился въ долгій покой, судорожно по временамъ обнаруживая свое существованіе, безпокойно прислушиваясь къ призывамъ новаго и въ то же время оттягиваясь закоренѣлыми привычками къ старому: это народъ испанскій. Но больше всѣхъ этихъ четверыхъ членовъ нашего общества обращаетъ на себя вниманіе пятый, ибо никто не одаренъ такими средствами и никто не употребляетъ такихъ усилій для возбужденія къ себѣ всеобщаго вниманія, какъ онъ. Энергическій, страстный, быстро воспламеняющійся, способный къ скорымъ переходамъ отъ одной крайности въ другую, онъ употребилъ всю свою энергію на то, чтобъ играть видную роль въ обществѣ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ. Никто больше и лучше его не говоритъ; онъ выработалъ себѣ такой легкій, такой удобный языкъ, что всѣ принялись усвоивать его себѣ, какъ языкъ преимущественно общественный. У него такая представительная наружность, онъ такъ прекрасно одѣтъ, у него такія изящныя манеры, что всѣ невольно смотрятъ на него, перенимаютъ у него и платье, и прическу, и обращеніе. Онъ весь ушелъ во внѣшность; дóма ему не живется; долго, внимательно заниматься своими домашними дѣлами онъ не въ состояніи, начнетъ ихъ улаживать — надѣлаетъ множество промаховъ, побурлитъ, побушуетъ, какъ выпущенный на свободу ребенокъ, устанетъ, потеряетъ изъ виду цѣль, къ которой началъ стремиться, и, какъ ребенокъ, дастъ себя вести кому-нибудь. Но за то никто такъ чутко не прислушивается, такъ зорко не приглядывается ко всему, чтó дѣлается въ обществѣ, у другихъ. Чуть гдѣ шумъ, движеніе, онъ уже тутъ; поднимется гдѣ какое-нибудь знамя, онъ первый несетъ это знамя; выскажется какая-нибудь идея, онъ первый усвоитъ ее, обобщитъ и понесетъ всюду, приглашая всѣхъ усвоить ее; впереди другихъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ движеніи, передовой, застрѣльщикъ и въ крестовомъ

походѣ и въ революціи, опора католицизма и невѣрія, увлекающійся и увлекающій, легкомысленный, непостоянный, часто отвратительный въ своихъ увлеченіяхъ, способный возбуждать къ себѣ сильную любовь и сильную ненависть, *страшный* народъ французскій! Среди угловатаго и занятаго постоянно только своимъ дѣломъ англичанина; ученаго, трудолюбиваго, но слабаго и вовсе не изящнаго нѣмца; живого, но неряшливаго и разбросавшагося итальянца; молчаливаго, полусоннаго испанца,—французъ движется неутомимо, говорятъ безъ умолку, говоритъ громко и хорошо, толкаетъ, будитъ, никому не даетъ покоя; другіе начнутъ борьбу нéхотя, по нуждѣ, французъ бросается въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, изъ любви къ славѣ; всѣ сосѣди его боятся, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ, чтó онъ дѣлаетъ: иногда кажется, что онъ угомонился, истомленный внѣшнею борьбою, занялся своими домашними дѣлами; но эти домашнія занятія кончатся или революціею, которая возбудитъ движеніе по всему сосѣдству, или военнымъ деспотизмомъ, который, чтобъ дать занятіе и славу народу, не оставитъ въ покоѣ Европы.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ первымъ дѣломъ объединенной Франціи было броситься на Италію. Испанія, могущество Габсбурговъ могли только сдержать страшный французскій народъ въ его властолюбивыхъ стремленіяхъ; но и тутъ Франціи удалось расширить свои владѣнія на счетъ Германіи. Слабость послѣднихъ Валуа дала протестантизму усилиться во Франціи, дала страшному народу возможность самому порѣшить религіозный вопросъ; онъ порѣшилъ его послѣ ожесточенной усобицы, гдѣ католики и протестанты «съ французскою яростію» (furia francese) терзали другъ друга, варварски истребляя женщинъ и дѣтей. Занявшись этимъ домашнимъ дѣломъ, французы оставили въ покоѣ Европу на извѣстное время; но когда религіозная усобица прекратилась, Франція сейчасъ же принимаетъ грозное положеніе относительно сосѣдей. Смерть помѣшала Генриху IV осуществить его планы; смуты, происходившія въ началѣ царствованія Людовика XIII, опять заняли французовъ дома; но когда Ришелье успокоилъ эти смуты, Франція снова является на первомъ планѣ, рѣшительницею судебъ Европы во время Тридцатилѣтней войны. Послѣ *Дѣтской игры* (фронды), одного изъ характеристичнѣйшихъ эпизодовъ французской исторіи, Людовикъ XIV, самый представительный, слѣдовательно самый французскій изъ французскихъ королей, солнце-король, великій король для Франціи, даетъ своему народу обширную внѣшнюю дѣятельность и великую славу; Франція достигаетъ цѣли своихъ постоянныхъ

стремленій: она первенствующее государство въ Европѣ; ея великій король служитъ недосягаемымъ образцомъ для государей; онъ распоряжается въ сосѣднихъ странахъ, какъ хочетъ, коалиціи противъ него не удаются; но когда Людовикъ XIV сказалъ, что «нѣтъ болѣе Пиренеевъ», образуется сильная коалиція, предъ которою великій король долженъ смириться.

Истомленная царствованіемъ Людовика XIV, Франція, повидимому, пріутихла надолго, и Европа стала поуспокоиваться на ея счетъ; относительно тихо было и внутри, даже и во фронду не играли. А между тѣмъ страшный народъ былъ занятъ сильною работою умственною, кипѣла дѣятельность литературная; французскіе писатели съ «furia francese» ринулись на прошедшее и настоящее, допрашивая ихъ, чтó сдѣлано и дѣлается для человѣка и человѣчества? Подлѣ запросовъ законныхъ, подлѣ выводовъ разумныхъ, тутъ было много фрондёрства, много школьничества; тутъ высказались слѣдствія того умственнаго, литературнаго рабства, въ которомъ древній міръ, съ эпохи возрожденія, держалъ европейское человѣчество, несмотря на видимое процвѣтаніе литературъ національныхъ. Въ наше время, классическое образованіе сообщаетъ человѣку, его получившему, полноту знанія жизни человѣчества, дѣлая человѣка живымъ, непосредственнымъ соучастникомъ жизни юнаго человѣчества, оно освѣжаетъ его, возвращаетъ ему силы, какъ сельская жизнь лѣтомъ, соединеніе съ безъискусственною, и потому великою художницею природою, освѣжаетъ, возстановляетъ силы человѣка, истомленнаго городскою жизнію, городскою дѣятельностію. Въ наше время, классическое образованіе лишено своего односторонняго, вреднаго вліянія, благодаря тому, что мы относимся свободно къ древнему міру, благодаря успѣхамъ исторіи, науки человѣческаго и народнаго самопознанія, благодаря усиленному изученію исторіи и другого, европейско-христіанскаго, міра, благодаря изученію своего, народнаго. Въ Англіи и въ вѣка предшествовавшіе вліяніе классическаго образованія умѣрялось практическою дѣятельностію классически образованныхъ людей, которая безпрестанно обращала ихъ къ своему, заставляла изучать его, заставляла съ любовію и уваженіемъ относиться къ своей *старой Англіи*. Не такъ было во Франціи, гдѣ впечатлѣнія, полученныя въ школѣ отъ изученія явленій древняго міра, оставались во всей своей силѣ. Древній міръ былъ поднятъ высоко, явленія греческой и римской исторіи являлись образцовыми, исключительно достойными подражанія, свое было унижено, считалось варварскимъ, съ презрѣніемъ и даже ненавистію отзывались о среднихъ вѣкахъ. И здѣсь мы не должны упускать изъ

виду народнаго характера французовъ, которые, не изучая внимательно подробностей, особенно увлекались блестящею, картинною дѣятельностію Греціи и Рима, увлекались сценическою постановкою дѣятелей, а извѣстно, какіе охотники французы до этой сценической постановки. Жизнь древнихъ республикъ являлась великолѣпнымъ театральнымъ представленіемъ, и какъ сильно хотѣлось участвовать въ подобномъ же представленіи, дѣйствовать на такой широкой сценѣ. Это вліяніе односторонняго изученія древняго міра обнаруживалось болѣе или менѣе повсюду, рѣзко выразилось въ сочиненіи, которое болѣе всѣхъ другихъ пришлось по настроенію французскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка и, въ свою очередь, наиболѣе содѣйствовало этому настроенію,—въ сочиненіи, которое имѣло самое сильное вліяніе на ходъ революціонныхъ явленій: я говорю о «Contrat social» Ж.-Ж. Руссо. Ясно видно, что когда авторъ писалъ это сочиненіе, онъ постоянно имѣлъ передъ глазами Грецію и Римъ, формы ихъ политической жизни; отсюда такъ понятна знаменитая выходка его противъ представительной формы: «Идея представительства есть идея новая; мы ее получили отъ феодальнаго правительства, отъ этого неправеднаго и нелѣпаго правительства, въ которомъ человѣчество унижено, въ которомъ самое имя человѣка употреблялось въ унизительномъ значеніи. Въ древнихъ республикахъ, и даже въ древнихъ монархіяхъ, никогда народъ не имѣлъ представителей».

Въ то время, когда французское общество теоретически раздѣлывалось съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, объявило имъ непримиримую войну, правительство отказалось отъ своей направительной дѣятельности; отчуждивъ себя совершенно отъ жизни общества, не зная, не понимая, что̀ въ немъ дѣлалось и сдѣлалось, оно, разумѣется, потеряло всѣ средства быть правительствомъ, средства *править, давать направленіе*,—и слѣдствіемъ была страшная революція. Французская республика перешла въ имперію; императоръ далъ французскому народу неслыханную славу; но, возбудивъ противъ себя всю Европу, долженъ былъ промѣнять громадную монархію на островъ Эльбу. Франція вошла въ прежнія границы и получила старую династію съ новыми правительственными формами. Но могъ ли успокоиться страшный народъ?

Дѣло неслыханное въ исторіи, чтобъ какой-нибудь народъ, потрясенный революціоннымъ движеніемъ, вдругъ успокоивался; тѣмъ менѣе могъ успокоиться народъ французскій по своему характеру и по условіямъ своей революціи. Въ XVII вѣкѣ была революція въ Англіи, по нѣкоторымъ признакамъ сходная съ

французскою; но въ сущности разница между обоими явленіями была громадная. Въ то время, какъ сильное религіозное движеніе потрясло Англію, династія Тюдоровъ прекращается и восходитъ на престолъ новая, чужая, шотландская династія. Кто повнимательнѣе вглядится въ фигуры Стюартовъ, какъ онѣ очертились въ исторіи, для того судьба знаменитой ошибками и несчастіями фамиліи будетъ ясна: это были люди чужіе, случайно попавшіе въ непривычную среду; они не знали началъ англійской жизни, англійскихъ преданій, у нихъ были свои преданія, свои привычки; эти преданія и привычки столкнулись съ преданіями и привычками англійскими; Стюарты начали дѣйствовать по-шотландски, какъ шотландскіе короли, — и слѣдствіемъ была революція. Въ основѣ движенія была борьба за англійскую старину противъ новаго, чужого, шотландскаго, стюартовскаго. Религіозное движеніе давало только особую окраску явленію, поддавало болѣе горючаго матеріала. Для огромнаго большинства революція была печальнымъ явленіемъ, несчастіемъ; военный деспотизмъ Кромвеля, преобладаніе людей, которыхъ Кромвель по убѣжденію и разсчету былъ представителемъ, еще болѣе возбудили нерасположеніе большинства къ революціи, и народъ съ искреннимъ, сознательнымъ восторгомъ привѣтствовалъ возвращеніе Карла II, привѣтствуя возвращеніе желанной старины, стараго, привычнаго хода дѣлъ, и только совершенная неспособность Стюартовъ — передѣлаться изъ шотландскихъ королей въ англійскіе, вынудила вторую революцію.

Совершенно другое было во Франціи. Здѣсь революціонное движеніе пошло вслѣдствіе стремительнаго желанія оторваться отъ старины и создать новый лучшій міръ отношеній для себя и для цѣлаго человѣчества, ибо для француза мало устроить что-нибудь для себя, ему нужна широкая, всемірная сцена, онъ пропагаторъ по природѣ, ему нужно, чтобъ всѣ народы слушали его, принимали, волею или неволею, его ученіе. Крайности движенія, неприложимость выработанныхъ теоретически началъ оттолкнули многихъ отъ революціи. Но на главный, существенный вопросъ были разные отвѣты для англичанина и для француза. Англичанинъ спрашивалъ: какую выгоду принесла ему его революція, кромѣ защиты англійской старины отъ шотландскихъ притязаній Стюартовъ? Отвѣтъ былъ, что выгоды нѣтъ, и защита старины стоила слишкомъ дорого, можно было бы подешевле. Получивши такой отвѣтъ, англичанинъ отворачивался отъ своей революціи. Но для француза былъ другой отвѣтъ: если революція не принесла блаженства на землѣ, какъ ожидали люди съ слишкомъ разгоряченнымъ воображеніемъ; если

она сопровождалась явленіями очень непривлекательными; если, наконецъ, она показала свою несостоятельность, бросивши истомленную Францію въ добычу военному деспотизму, — то, съ другой стороны, она уничтожила такія явленія, которыя были ненавистны, создала рядъ новыхъ, лучшихъ для большинства отношеній. Карлъ II Стюартъ возвращался на англійскій престолъ съ условіемъ возстановленія старины, возстановленія того порядка вещей, который былъ при его предшественникахъ, и который былъ нарушенъ революціею. Людовикъ XVIII настаивалъ и настоялъ, что онъ добровольно дастъ новое политическое устройство Франціи; но это было плохое прикрытіе: тѣмъ самымъ, что онъ признавалъ необходимость царствовать не такъ, какъ царствовали его предшественники, онъ осуждалъ старое правленіе и оправдывалъ революцію. Въ Англіи огромное большинство было за полное возстановленіе старины при возстановленіи Стюартовъ; во Франціи за полное возстановленіе старины было незначительное меньшинство, незначительная партія. Эта партія преимущественно состояла изъ эмигрантовъ, людей, которые оставили Францію вмѣстѣ съ Бурбонами, теперь возвратились вмѣстѣ съ ними, и нашли свои имѣнія въ чужихъ рукахъ, должности, которыя принадлежали имъ по старинному праву, замѣщенными новыми людьми, дѣтьми революціи. Но какимъ образомъ возвратились они теперь въ 1814 году? — по милости правительства? но эту милость предлагалъ имъ и Наполеонъ, и они не приняли ея. Они возвратились теперь вслѣдствіе торжества своего начала, которому они оставались до конца вѣрными. Слѣдовательно, они возвратились торжествующими, побѣдителями? Но гдѣ же слѣдствія торжества, побѣды? гдѣ награды, гдѣ почетъ за вѣрность тому началу, которое теперь торжествовало, гдѣ раскаяніе со стороны людей, не признававшихъ этого начала и теперь принужденныхъ признать его? Эмигрантамъ бросали въ глаза упрекъ, что они ничему не научились, ничего не забыли; отъ нихъ требовали сдѣлки между старымъ и новымъ; но благоразумно ли требовать невозможнаго? Сдѣлка предполагаетъ взаимныя уступки; но какую уступку сдѣлали представители новой Франціи представителямъ старой? Ту, что признали старую династію единственно законною? но какую награду получили люди, которые постоянно признавали это? чтò было уступлено въ пользу старыхъ слугъ и приверженцевъ этой старой династіи? Ничего. Новая Франція не хотѣла ничего уступить старой. Новая Франція нашла для себя полезнымъ возвратить изъ изгнанія старую династію, возвратить ей прежнее значеніе; но не считала для себя выгоднымъ возвратить прежнее значеніе, прежнія матеріаль-

ныя средства вѣрнымъ слугамъ этой династіи, отъ которыхъ требовалось, чтобъ они забыли прошлое; но какъ они могли забыть прошлое, когда въ памяти о немъ и заключалось все ихъ значеніе, все ихъ достоинство, всѣ ихъ права? Какъ они могли забыть его именно теперь, когда и новая Франція вспомнила о немъ и возстановляла его? Новая Франція помнила прошлое, насколько это было для нея выгодно, и забывала все то, что могло нанести ущербъ ея новымъ выгодамъ; отъ старой Франціи требовалось наоборотъ, чтобъ она забыла выгодное для себя прошлое, и научилась — жертвовать всѣмъ для новой Франціи, когда послѣдняя не хотѣла ничѣмъ для нея пожертвовать. Къ требованію неблагоразумному, къ требованію невозможнаго присоединялось требованіе не очень нравственное: требовалось, чтобъ Бурбоны, изъ-за выгоды быть на тронѣ новой Франціи, забыли объ интересахъ старыхъ вѣрныхъ слугъ своихъ, страдавшихъ за эту вѣрность къ нимъ.

Такимъ образомъ, возвращеніе Бурбоновъ условливало необходимо продолженіе революціоннаго движенія во Франціи, ибо старая и новая Франція были сопоставлены безъ всякой сдѣлки, безъ взаимныхъ уступокъ, слѣдовательно, были сопоставлены для борьбы. Кромѣ того, существовали условія, благопріятствовавшія усиленію борьбы и ея продолженію. Король Людовикъ XVIII былъ человѣкъ умный, но старый, болѣзненный, во время своего долгаго царствованія только по имени не могшій получить привычки къ правительственной дѣятельности, не могшій потому дать должную силу своему правительству, особенно среди такого народа, какъ французскій, правитель котораго, чтобъ быть сильнымъ и популярнымъ, долженъ энергически заявлять свое существованіе, свою дѣятельность. Людовикъ XVIII былъ бы очень хорошій король въ государствѣ, гдѣ конституціонный порядокъ уже окрѣпъ, но былъ мало способенъ содѣйствовать его укрѣпленію во Франціи, гдѣ этотъ порядокъ только-что начался. Не имѣя собственной семьи и прикрѣпленный болѣзнію къ кресламъ, Людовикъ нуждался всегда въ любимцѣ, въ человѣкѣ, который двигался за него, смотрѣлъ и слушалъ за него; король, повидимому, сильно привязывался къ такому человѣку; но старый эгоистъ скоро утѣшался, если обстоятельства заставляли его удалить отъ себя любимца, и спѣшилъ замѣнить его другимъ. По своей холодной натурѣ, по отсутствію сильныхъ убѣжденій религіозныхъ и политическихъ, Людовикъ XVIII, казалось, былъ способенъ кое-что забыть и кое-чему научиться, т.-е. былъ способенъ забывать объ интересахъ людей, тѣсно связанныхъ съ династіею, способенъ обращать вниманіе на интересы новой

Франціи; но эта способность не повела ни къ чему, при отсутствіи яснаго, опредѣленнаго взгляда на свое положеніе и положеніе Франціи, и, главное, при отсутствіи энергіи. Революціонное движеніе во Франціи могло быть сдержано только правителемъ сильнымъ по своимъ личнымъ средствамъ, какъ взволнованная религіозною борьбою Франція была успокоена Генрихомъ IV, который сталъ ходить къ обѣднѣ въ угоду католическому большинству, и издалъ Нантскій эдиктъ для протестантскаго меньшинства; но при этомъ все чувствовало силу правительства, король не царствовалъ только, но управлялъ, направлялъ народныя силы, народную дѣятельность. Но предпослѣдній Бурбонъ былъ похожъ не на перваго Бурбона, а на послѣднихъ Валуа. Какъ послѣдніе Валуа, по слабости своей, выпустили изъ рукъ направленіе народнаго движенія, дали католикамъ и протестантамъ самимъ перевѣдываться другъ съ другомъ и выбирать себѣ вождей, которые заслоняли собой королей, и послѣднимъ оставалось одно—перебѣгать отъ одной партіи къ другой: такъ и Людовикъ XVIII, не имѣя безстыдной откровенности Екатерины Медичи, дѣйствовалъ однако совершенно въ ея духѣ, готовъ былъ, смотря по обстоятельствамъ, нынче идти къ обѣднѣ, а завтра къ проповѣди; не умѣя направлять движенія, онъ далъ усилиться и разнуздаться партіямъ и погубилъ свою династію. Скажутъ: положеніе Людовика XVIII было совершенно иное, чѣмъ, напримѣръ, положеніе Генриха IV; Франція при Людовикѣ XVIII получила либеральную конституцію, для утвержденія которой личность короля не должна была сильно выдаваться впередъ. Но не должно забывать, что Франція только-что начинала свою новую, конституціонную жизнь, и начинала ее при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ; слабость новорожденнаго строя была очевидна при каждомъ движеніи машины; король съ яснымъ, опредѣленнымъ политическимъ взглядомъ и съ сильною волею долженъ былъ тутъ явиться на помощь и отстранить неблагопріятныя условія, мѣшавшія укрѣпленію новаго устройства; это новое устройство было монархическое, его судьба тѣсно была соединена съ судьбою возстановленной Бурбонской династіи въ виду двоихъ враговъ—республики и бонапартизма; для низложенія этихъ враговъ, для утвержденія конституціонной монархіи, личность перваго конституціоннаго монарха должна была сильно выдаваться впередъ, особенно среди французскаго народа, который, по природѣ, доступнѣе другихъ обаянію сильной личности. Сравненіе съ Генрихомъ IV является не случайно: поведеніе перваго Бурбона относительно большинства и меньшинства должно было служить образцомъ для возстановленнаго Бур-

бона: большинство и меньшинство должно было удовлетворить немедленно и потомъ сильною рукою удерживать ихъ отъ возобновленія борьбы, сильною рукою сдерживать людей, которые бы стали провозглашать, что удовлетвореніе недостаточно.

Несостоятельность перваго короля возстановленной династіи была главнымъ неблагопріятнымъ условіемъ для его утвержденія, для прекращенія революціоннаго движенія. Вторымъ условіемъ было раздѣленіе въ домѣ королевскомъ. Наслѣдникомъ бездѣтнаго Людовика XVIII былъ братъ его, графъ Артуа, человѣкъ, уступавшій ему въ умѣ и образованности, но имѣвшій цѣльную натуру, неспособный измѣнять своимъ убѣжденіямъ, своимъ привязанностямъ; онъ явился въ новую Францію полнымъ представителемъ старой, и потому, разумѣется, всѣ тѣ, которые сочувствовали старой Франціи, сосредоточились около него; король не могъ имѣть вліянія на брата, не умѣлъ заставить его сообразоваться съ своими взглядами, потому что эти взгляды не были ясно опредѣлены, не умѣлъ заставить приверженцевъ старой Франціи подчиниться своей волѣ, потому что эта воля была слаба, и такимъ образомъ передалъ ихъ брату, дѣлалъ изъ своего наслѣдника главу партіи. Имѣя главу въ наслѣдникѣ престола, имѣя, слѣдовательно, за себя будущее, эта партія дѣйствовала мимо короля, на котораго, какъ на слабаго старика, не могшаго долго жить, она мало обращала вниманія. Ея претензіи, не могшія, разумѣется, уменьшиться, вслѣдствіе такого положенія, раздражали приверженцевъ новой Франціи, которые, видя, что наслѣдникъ престола не будетъ за нихъ, враждебно относились къ старшей линіи Бурбоновъ. Графъ Артуа былъ уже старикъ, но и сыновья его давали мало обезпеченія для новой Франціи: старшій, герцогъ Ангулемскій, не отличался ни дарованіями, ни привлекательнымъ характеромъ; онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ своей, дочери Людовика XVI; бездѣтная, безъ привязанностей, которыя бы могли смягчить ея душу, сдѣлать ее доступною радостямъ настоящаго и надеждамъ въ будущемъ, герцогиня Ангулемская жила прошедшимъ, изъ котораго вынесла непримиримую ненависть къ новой Франціи и не скрывала этой ненависти. Бездѣтность герцога Ангулемскаго сосредоточивала надежды приверженцевъ династіи на второмъ сынѣ графа Артуа, герцогѣ Беррійскомъ, отличавшемся чрезвычайно непріятнымъ характеромъ, рѣзкими, раздражающими манерами.

Подлѣ старшей линіи Бурбоновъ, обѣщавшей такъ мало для будущей новой Франціи, существовала младшая, Орлеанская линія, представитель которой, Людовикъ-Филиппъ, уже давно не могъ

скрыть наслѣдственныхъ честолюбивыхъ стремленій. Его менторъ, знаменитый Дюмурье, еще въ 1795 году писалъ къ предводителю Вандейскаго возстанія, Шаретту, что Франція нуждается въ монархіи, только не въ монархіи Людовика XIV; что нуженъ король, который третьему сословію далъ бы то, чтó Бурбоны могли бы дать только дворянству и духовенству; что единственною возможною связью между республикою и монархіею служитъ молодой герцогъ Орлеанскій. Ученикъ усвоилъ себѣ вполнѣ взглядъ учителя. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ давали знать въ Россію объ его дѣятельности въ Англіи, въ 1804 году: «Онъ молодъ, но не вдается ни въ какія развлеченія, свойственныя молодости. Хитрый, интриганъ, честолюбивый чрезъ мѣру, онъ проводитъ свои досуги за ландкартами, всюду поддерживаетъ корреспонденцію, даже во Франціи. Какой-то Монжуа, который принимаетъ иногда нѣмецкую фамилію Фробергъ, его повѣренный, безпрестанно разъѣзжаетъ изъ Англіи на континентъ по порученіямъ своего принца. Принцъ, повидимому, помирился съ Людовикомъ XVIII, но не перестаетъ добиваться французскаго престола, и если Бонапартъ будетъ сверженъ, то друзья герцога Орлеанскаго представятъ, что отъ законнаго монарха не будетъ никакой безопасности для людей, вотировавшихъ смерть Людовика XVI, также для пріобрѣтшихъ имѣнія эмигрантовъ и духовенства, тогда какъ герцогъ Орлеанскій, такъ сильно впутанный въ революцію, не будетъ никому мстить и не будетъ покровительствовать эмигрантамъ». Герцогъ готовъ былъ принять предложеніе шведскаго короля Густава IV служить подъ шведскими знаменами противъ наполеоновской Франціи; готовъ былъ принять начальство надъ англійскою экспедиціею въ Мексику или Буэносъ-Айресъ или на Іоническіе острова. Въ 1808 году, онъ явился въ Гибралтарѣ, чтобъ принять участіе въ испанскомъ возстаніи противъ французовъ, но не былъ допущенъ до этого англичанами, по представленіямъ Людовика XVIII. Въ 1814 году, когда возникъ вопросъ о томъ, кому занять праздный престолъ французскій, то мысли объ удобствахъ младшей линіи Бурбоновъ передъ старшею необходимо пошли въ ходъ; ихъ раздѣлялъ и императоръ Александръ; но существовало сильное возраженіе: старшая линія имѣла преимущество предъ всѣми другими соискателями по законности, *легитимности;* какъ скоро начáла этой законности нарушались, и выставлялись выборы, то герцогъ Орлеанскій не имѣлъ преимущества предъ другими соискателями: почему, напримѣръ, его должно было предпочесть Бернадоту? Людовику-Филиппу оставалось продолжать заявлять свое сочувствіе къ новой Франціи, заявлять свой либеральный образъ мыслей, чѣмъ

онъ пріобрѣталъ расположеніе русскаго государя; такъ, онъ принялъ порученіе императора Александра внушить королю Обѣихъ Сицилій о необходимости перемѣнить прежнее поведеніе на болѣе либеральное. Совѣты, подкрѣпленные именемъ могущественнаго императора, рѣшителя судебъ Европы, подѣйствовали: палермскій кабинетъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать, что король постарается мудрымъ управленіемъ уничтожить невыгодное впечатлѣніе, произведенное на императора Александра его прежнимъ поведеніемъ, что дурной совѣтникъ, именно духовникъ королевскій, потеряетъ прежнее значеніе и не будетъ вмѣшиваться ни во что. Между тѣмъ, Людовику-Филиппу оставалось дожидаться, пока старшая линія будетъ низвержена вслѣдствіе своей слабости, и онъ принялъ это выжидательное положеніе, положеніе ворона надъ умирающимъ. Но Людовикъ-Филиппъ, предвидя низверженіе старшей линіи, не понималъ ясно главной причины этого низверженія; не понималъ, что для Франціи нужно правительство сильное, король, сильный своими личными достоинствами, энергическій, способный стоять нагядно въ челѣ народа, способный давать чувствовать, что сильная рука правитъ, направляетъ и умѣряетъ движеніе. Употребляя самыя легкія средства для обращенія на себя вниманія недовольныхъ старшею линіею, либеральничая и популярничая, усиливая болѣзнь, которою страдала Франція, потому что эта болѣзнь была ему выгодна, Людовикъ-Филиппъ вовсе не обладалъ средствами,—по достиженіи своей цѣли, остановить развитіе болѣзни; онъ страдательно далъ себя въ распоряженіе обстоятельствамъ; это страдательное положеніе, бывшее слѣдствіемъ слабой природы человѣка, въ свою очередь, разумѣется, не могло развить въ немъ силы, энергіи. Такимъ образомъ, и младшая линія Бурбоновъ, въ своемъ представителѣ, оказывалась несостоятельною. Возстановленные Бурбоны думали, что они возвращаются владѣть отцовскимъ достояніемъ, и не понимали, что они должны завоевать Францію, какъ завоевалъ ее Генрихъ IV; Франція 1814 года была похожа на сказочную богатырку, соглашавшуюся отдать свою руку только тому богатырю, который прежде побѣдитъ ее въ бою: между Бурбонами обѣихъ линій не было ни одного такого богатыря.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, заключавшимся въ личныхъ свойствахъ членовъ возстановленной династіи и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, присоединилось неблагопріятное отношеніе массы французскаго народа къ этой династіи. Масса была равнодушна къ Бурбонамъ. Оставя уже въ сторонѣ характеръ французскаго народа, легкость, съ какою онъ забываетъ старое и бросается на новое, не надобно упускать изъ вниманія того,

какія событія пережилъ этотъ народъ: въ какія-нибудь двадцать лѣтъ онъ видѣлъ столько внутреннихъ перемѣнъ, столько движенія, подвиговъ, славы, что это короткое время, равнявшееся вѣкамъ по богатству событій, могло отбить у него память о прошломъ. Въ крайнемъ изнеможеніи, съ равнодушіемъ, отъ этого изнеможенія происходившимъ, Франція приняла Бурбоновъ. Возстановленная династія не воспользовалась этимъ временнымъ изнеможеніемъ Франціи, чтобъ завоевать ее, пустить въ ея почву глубокіе корни, и потому, какъ скоро изнеможеніе исчезло, исчезли и Бурбоны, неспособные совладѣть съ возстановленными силами и направить ихъ. Реставрація, произведенная на-спѣхъ въ Парижѣ, въ извѣстномъ кружкѣ, заставила Францію вспомнить о Бурбонахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она помнила хорошо и недавно прожитое ею послѣ старой монархіи, она помнила хорошо республику и имперію. Такимъ образомъ, исторія создавала для Франціи три партіи: бурбонскую или роялистскую, республиканскую и императорскую или бонапартистскую; трудность для Бурбоновъ старшей линіи уладиться съ новою Франціею создавала еще четвертую партію—орлеанскую. Въ 1814 году, три послѣднія партіи—республиканская, императорская и орлеанская были слабы: республиканская не могла собрать своихъ силъ при Наполеонѣ; императорская пала вслѣдствіе несчастій имперіи; орлеанская была въ зародышѣ. Роялистская партія была сильнѣе другихъ; но не должно забывать, что она усилилась не собственными средствами; не она, своими силами, средствами, добытыми ею внутри Франціи, низвергла Наполеона и произвела реставрацію; наоборотъ, реставрація, произведенная паденіемъ Наполеона предъ усиліями коалиціи, подняла роялистскую партію. Событія французской исторіи съ 1814 года, какъ ближайшія слѣдствія этой исторіи съ 1789 года, представляютъ намъ борьбу названныхъ партій. Борьба эта, разумѣется, не могла ограничиться одною парламентскою сферою; каждая партія имѣла цѣлью перемѣну династіи или перемѣну образа правленія: отсюда ошибки и ослабленіе одной партіи, ведшія къ усиленію другихъ, вели въ то же время къ революціи, которою пользовалась наиболѣе по обстоятельствамъ усилившаяся партія. Условія такого хода борьбы, такого хода исторіи заключаются въ силѣ перваго переворота, направленнаго къ совершенному уничтоженію стараго, и въ трудности поэтому установить что-нибудь прочное, ибо исчезли преданія, исчезло уваженіе къ существующему на фактѣ, какъ къ чему-то освященному, вѣками нерушимому; въ привычкѣ отсюда рѣшать каждое столкновеніе переворотомъ, какъ средствомъ самымъ легкимъ; въ большомъ коли-

чествѣ партій, богатомъ наслѣдствѣ революціи и ея слѣдствій; въ несостоятельности королей возстановленной династіи, давшихъ своею слабостью просторъ партіямъ; наконецъ, въ характерѣ народа, жаднаго къ борьбѣ внутренней и внѣшней, жаднаго и привычнаго къ борьбѣ партій и къ рѣшенію ея уличнымъ боемъ въ Парижѣ: ибо, изучая исторію Франціи въ XIX вѣкѣ, не должно забывать Лиги и Фронды.

Съ первыхъ же дней пребыванія возстановленныхъ Бурбоновъ въ Тюльери обозначились всѣ тѣ отмели и подводные камни, между которыми имъ нужно было проводить свой старый, поврежденный бурею корабль. Немедленно же Бурбоны явились передъ глазами новой Франціи окруженные привидѣніями, выходцами съ того свѣта; но эти выходцы спѣшили показать, что у нихъ есть плоть и кровь. Старинное высшее дворянство, получившее придворныя должности, стремилось занять и должности правительственныя, но тутъ оно встрѣтило соперниковъ, людей имперіи, похитителей въ его глазахъ, какъ похитителемъ былъ самъ императоръ въ глазахъ законнаго короля: если возстановлена власть законная, то справедливо ли вѣрныхъ слугъ этой законной власти отстранять въ пользу слугъ власти незаконной? Старинное дворянство второстепенное требовало возвращенія имѣній и мѣстъ, занятыхъ другими, новыми людьми, также слугами власти незаконной. Людовикъ XVIII думалъ, что, сопоставивши такимъ образомъ старыхъ и новыхъ людей при страшномъ взаимномъ ожесточеніи, онъ примиряетъ старую и новую Францію! Понятно, что представители старой Франціи назвали короля якобинцемъ и сосредоточились около наслѣдника престола, графа Артуа, который былъ послѣдовательнѣе брата: «Захотѣли,—говорилъ онъ,—конституціоннаго правленія; попробуемъ его: если черезъ годъ или черезъ два дѣло не пойдетъ на ладъ, то возвратятся къ естественному порядку вещей». Роялистскимъ депутатамъ юга онъ сказалъ: «Будемъ пользоваться настоящимъ, господа, а за будущее я вамъ ручаюсь». Это ручательство за будущее заставляло людей новой Франціи искать взорами другого человѣка, который бы поручился имъ въ другомъ смыслѣ за будущее; ихъ взоры встрѣчались съ герцогомъ Орлеанскимъ, который своею привѣтливою улыбкою говорилъ имъ: «Все, что только вамъ угодно, господа,—все въ будущемъ».

Борьба начала немедленно же разыгрываться; призывъ къ ней послышался съ церковныхъ каѳедръ. Къ борьбѣ политическихъ партій присоединялась борьба религіозная.

Христіанство заявляетъ свою вѣчность тѣмъ, что ставитъ наивысшее требованіе для нравственнаго человѣческаго совершен-

ствованія, и тѣмъ, что отрѣшается отъ всѣхъ временныхъ, преходящихъ формъ, и, имѣя дѣло съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ его нравственнымъ совершенствованіемъ, посредствомъ этого совершенствованія дѣйствуетъ и на улучшеніе общественныхъ формъ. Отсюда понятно, что христіанство сильно, когда свободно отъ примѣси вещей міра сего, и слабѣетъ по мѣрѣ пріобщенія къ нему чуждыхъ началъ. Такъ, оно ослабѣло въ католицизмѣ, который запуталъ религію въ политическія отношенія, сдѣлалъ «царство не отъ міра сего»—царствомъ міра сего, и возбудилъ противодѣйствіе, выразившееся въ протестантизмѣ XVI-го и невѣріи XVIII-го вѣка. Но попытка XVIII-го вѣка, безъ помощи религіи, во имя разума человѣческаго создать новое, лучшее общество—не удалась; отчаянные борцы за царство разума должны были, послѣ ужасовъ французской революціи, воскликнуть, подобно Юліану: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Послѣ этого естественно и необходимо должно было начаться обращеніе къ религіи, къ христіанству. Жозефъ де-Мэстръ имѣлъ полное право говорить людямъ, жаловавшимся на революцію: «На что̀ вы жалуетесь? скажите, пожалуйста! Развѣ вы не сказали формально Богу: «Мы Тебя не хотимъ, выходи изъ нашихъ законовъ, изъ нашихъ учрежденій, изъ нашего воспитанія!» Что̀ же сдѣлалъ Богъ? Онъ вышелъ и сказалъ вамъ: «Дѣлайте, ка̀къ знаете!» Результатъ—милое царствованіе Робеспьера. Ваша революція — это великая и страшная проповѣдь, произнесенная Провидѣніемъ человѣчеству; проповѣдь состоитъ изъ двухъ частей; первая: злоупотребленія порождаютъ революцію,—эта часть относится къ государямъ; вторая часть: злоупотребленія все же лучше революціи—относится къ народамъ».

Но въ страшной проповѣди была еще третья часть, которую не разслушали люди съ направленіемъ Жозефа де-Мэстра. Третья часть состояла въ томъ, что не должно чистое смѣшивать съ нечистымъ, что не должно папою и іезуитами отпугивать народы отъ христіанства; что христіанство могло быть усилено, возстановлено только тѣми средствами, какими оно было первоначально распространено, что правительство можетъ содѣйствовать распространенію въ народѣ христіанства однимъ способомъ—когда оно само проникнуто христіанскимъ духомъ, дѣйствуетъ постоянно сообразуясь съ правилами христіанской нравственности; но когда, вмѣсто духовныхъ средствъ, правительство станетъ дѣйствовать средствами внѣшними, матеріальными, предписаніями, принужденіями, приманками, то нанесетъ только страшный вредъ религіи, породитъ, съ одной стороны, толпу лицемѣровъ и хан-

жей, съ другой—толпу ожесточенныхъ враговъ религіи, ибо нельзя къ чистому прикасаться нечистыми руками.

Въ описываемое время можно было съ успѣхомъ дѣйствовать для распространенія религіозности во Франціи, если бы французское духовенство умѣло приблизиться къ чистотѣ голубиной и мудрости змѣиной, если бы было способно дѣйствовать духовными, апостольскими средствами. Но французское духовенство не имѣло среди себя людей, сильныхъ личными средствами, которые бы производили могущественное впечатлѣніе своею мудростью и чистотою. На самомъ верху оно представляло однѣ посредственности, неспособныя понять свое положеніе, его выгоды и невыгоды, неспособныя сдерживать и направлять меньшихъ собратій своихъ. И духовенство взглянуло на реставрацію, какъ взглянули на нее эмигранты, т.-е. какъ на возстановленіе старины, нарушенной революціей, причемъ всякая сдѣлка съ послѣднею была въ ихъ глазахъ беззаконіемъ, грѣхомъ. И духовенство, подобно эмигрантамъ, прежде всего ухватилось за самый сильный матеріальный интересъ, раздѣлявшій старую и новую Францію: во время революціи, имѣнія эмигрантовъ и духовенства были распроданы; въ покупщикахъ этихъ имѣній новая Франція пріобрѣла самыхъ сильныхъ приверженцевъ, старая—самыхъ злыхъ враговъ, боявшихся, что старые владѣльцы потребуютъ назадъ свои имѣнія. Хартія Людовика XVIII обезпечивала новыхъ владѣльцевъ; но старые не обращали вниманія на хартію, и продолжали возбуждать опасеніе новыхъ: тщетно послѣдніе опирались на хартію; роялистскіе журналы отвѣчали на это, что законъ могъ обезпечить матеріальную сторону продажъ, но онъ не могъ сообщить имъ нравственности, не могъ сдѣлать, чтобъ дѣло безнравственное превратилось въ дѣло честное предъ общественною совѣстью. Въ эту борьбу между старыми и новыми свѣтскими землевладѣльцами вмѣшалось французское духовенство, соединивъ свое дѣло съ дѣломъ старыхъ землевладѣльцевъ, и стало ратовать за матеріальный интересъ средствами, вовсе не для этой цѣли назначенными, чѣмъ произвело соблазнъ и унизило свой нравственный характеръ въ виду многочисленныхъ враговъ, порожденныхъ XVIII-мъ вѣкомъ и революціею; съ церковныхъ каѳедръ раздались возгласы противъ продажи церковныхъ и эмигрантскихъ имѣній, священники не давали причастья покупщикамъ этихъ имѣній. Въ Парижѣ былъ случай, который показывалъ, что духовенство хотѣло оставаться вполнѣ вѣрнымъ своимъ старымъ взглядамъ и обычаямъ: оно отказалось хоронить актрису Рокуръ.

Духовенство жило одними воспоминаніями старины и тѣмъ

возбуждало противъ себя новую Францію. Правительство своею неловкостью увеличивало раздраженіе. Оно вѣрило, что можно возстановить и усилить религіозность во французскомъ народѣ внѣшними мѣрами, правительственными распоряженіями. Король и братъ его думали, что правительственнымъ предписаніемъ можно легко, вдругъ, ввести во Франціи такое же строгое соблюденіе воскресныхъ дней, какое они видѣли въ Англіи, не обративъ вниманія ни на характеръ французскаго народа, ни на привычки, пріобрѣтенныя имъ со времени революціи. По настоянію короля, главный директоръ полиціи, не посовѣтовавшись съ министрами, издалъ приказаніе не работать въ воскресные и праздничные дни, купцамъ не торговать, не отпирать своихъ лавокъ и магазиновъ; кофейныя и другія заведенія подобнаго рода не могли быть отперты въ продолженіе церковной службы; другимъ предписаніемъ возстановлялись церковныя церемоніи во всей Франціи, причемъ во время процессіи съ Тѣломъ Христовымъ предписано было украшать всѣ домá. Предписанія возбудили сильныя волненія, особенно между людьми, которыхъ матеріальные интересы были ими нарушены, между лавочниками, чернорабочими и т. п. Протестанты кричали, что нарушается свобода вѣроисповѣданія, выговоренная хартіею, потому что протестанта принуждаютъ украшать свой домъ для церемоніи, въ которой онъ видитъ выраженіе суевѣрія; дѣтей реформаціи, которыхъ было немного, поддерживали своими криками дѣти революціи, или такъ-называемые философы, которыхъ было очень много. Правительство обнаружило, при этомъ удобномъ случаѣ, свою неспособность и слабость; перепуганные министры стали требовать, чтобъ директоръ полиціи подалъ въ отставку и тѣмъ утишилъ бурю. Самый рѣзкій, самый скорый на жёсткое слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ, не самый твердый и храбрый изъ членовъ королевскаго дома, герцогъ Беррійскій, накинулся на несчастнаго директора полиціи: «Мнѣ хорошо во Франціи,—говорилъ герцогъ,—я не хочу возвращаться туда, откуда мы пріѣхали, а это непремѣнно случится, если мы дадимъ волю ханжамъ».

Здѣсь былъ необдуманный поступокъ, невниманіе къ свойствамъ среды, въ которой правительство должно было дѣйствовать. Но были случаи, гдѣ Бурбоны, безъ нарушенія своего царственнаго и человѣческаго достоинства, не могли уклониться отъ столкновенія съ новою Франціею. Торжественная заупокойная служба по Людовикѣ XVI и его семействѣ, въ присутствіи королевской фамиліи, была торжественнымъ упрекомъ для многихъ и многихъ; эта служба была тяжела и для тѣхъ, къ которымъ

могъ относиться упрекъ въ страшномъ дѣлѣ или въ сочувствіи къ нему, и для тѣхъ, которые въ этихъ воспоминаніяхъ видѣли торжество представителей старой Франціи; многіе готовы были жалѣть и раскаяваться, но тяжко было униженіе, въ которое людей новой Франціи ставило это раскаяніе передъ людьми старой Франціи, не имѣвшими въ чемъ раскаяваться. И послѣдніе не сдержались при этомъ случаѣ;—не скажемъ: не хотѣли сдержаться, потому что намъ, спокойно смотрящимъ на дѣло, представляется необходимо вопросъ: могли ли они сдержаться? Всякое торжество есть слѣдствіе потребности выразить извѣстное чувство, и, въ свою очередь, служитъ къ возбужденію, усиленію этого чувства; обратимъ вниманіе и на характеръ народа, съ которымъ имѣемъ дѣло, и не удивимся, что представители старой Франціи, по поводу этихъ печальныхъ торжествъ, сильно высказали свои чувства, что въ печати явились жестокія выходки противъ революціи и ея слѣдствій, противъ идей, ею порожденныхъ. Эти выходки, разумѣется, сильно раздражили приверженцевъ новой Франціи, и несочувствовавшихъ революціоннымъ увлеченіямъ, и раздраженіе было тѣмъ сильнѣе, что нельзя еще было вполнѣ его высказать.

Перчатка была брошена, вызовъ на смертельный бой между старою и новою Франціею сдѣланъ, вызовъ, необходимый уже вслѣдствіе самаго появленія среди новой Франціи представителей старой Франціи, вызовъ, необходимый среди народа, страстнаго къ борьбѣ, мало способнаго къ сдѣлкамъ, и, при отсутствіи сильной руки, которая бы развела людей, готовыхъ броситься другъ на друга, и дала другой выходъ ихъ возбужденнымъ силамъ. Но какъ ни необходима была борьба, какъ ни сильны были побужденія къ ней вслѣдствіе ошибокъ слабаго правительства, все же эта борьба не могла вдругъ повести къ перевороту, къ сверженію этого слабаго правительства: Франція была слаба, истощена, ей нужно было собраться съ силами; партіямъ надобно было рѣзче обозначиться; Франція была застигнута врасплохъ паденіемъ имперіи и реставраціею, ей нужно было нѣсколько времени, чтобъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи. Но, прежде чѣмъ она осмотрѣлась, переворотъ совершился; какъ будто по театральному свистку, декораціи перемѣнились, Бурбоны исчезли изъ Тюльери, гдѣ опять явился императоръ. Этотъ внезапный переворотъ совершился вслѣдствіе отношеній войска къ Бурбонамъ.

Имперія и войско были понятія, немыслимыя другъ безъ друга; имперія пала вслѣдствіе того, что императорское войско было не въ состояніи бороться съ войсками цѣлой Европы,

вслѣдствіе того, что побѣда оставила его знамена. У войска отняли полководца, водившаго его къ побѣдамъ, давшаго ему такое великое значеніе, такое выгодное положеніе; все, что было враждебно императору, было враждебно и войску, орудію силы и власти императора, и все это враждебное императору теперь торжествовало, и реставрація была слѣдствіемъ этого торжества: каково же было положеніе войска, его отношенія къ Бурбонамъ? Войско было императорское, побѣды, возбуждавшія къ нему сильное сочувствіе въ воинственномъ народѣ, были побѣды императора: это нестерпимо кололо глаза представителямъ старой Франціи, раздражало, возбуждало ихъ непріязнь къ войску, которое платило имъ тою же монетою; императорское войско было побѣждено, унижено войсками союзныхъ государей: представители старой Франціи превозносили, какъ благодѣтелей, враговъ, помрачившихъ военную славу новой Франціи. Правительство Бурбоновъ было безъ войска; но войско существовало и было противъ правительства. Для утвержденія возстановленной династіи, ей нужно было создать свое войско, но этого было мало: нуженъ былъ новому войску знаменитый полководецъ изъ Бурбоновъ или изъ ихъ ревностныхъ приверженцевъ, который былъ бы способенъ побѣдить старое императорское войско, или своими побѣдами могъ заставить войско забыть о побѣдахъ императора. И то и другое было невозможно, а другихъ средствъ привязать къ себѣ императорское войско не было у Бурбоновъ.

При первомъ вступленіи Бурбоновъ въ Тюльери, вражда ихъ къ императорскому войску, страхъ ихъ передъ нимъ обнаружились самымъ рѣзкимъ образомъ: они никакъ не могли рѣшиться провести ночь подъ охраною наполеоновскихъ гвардейцевъ, и гренадеры императорской гвардіи были отосланы съ дворцовыхъ карауловъ. Этимъ первымъ дѣйствіемъ возстановленной династіи вполнѣ обозначилось отношеніе ея къ войску. Войско, оттолкнутое такимъ образомъ отъ правительства, составило необходимо народъ въ народѣ съ своими особыми интересами; оттолкнутое новымъ государемъ страны, оно продолжало жить памятью о старомъ императорѣ, но это не была одна только память. Бурбоны, какъ было естественно въ ихъ положеніи, поспѣшили создать себѣ свое войско: возстановлена была королевская гвардія (maison militaire du roi); собрано было 10,000 дворянъ, старыхъ и молодыхъ, и дано имъ содержаніе, равнявшееся содержанію 50,000 простого войска (именно 20,000,000). Явилось королевское, бурбонское войско; а другое, старое войско было чье? оно, разумѣется, осталось войскомъ императора Наполеона, не могло на себя смотрѣть иначе, ибо само прави-

тельство, всѣ смотрѣли на него такъ; поэтому неудивительно, что въ казармахъ безпрестанно раздавались клики: «Да здравствуетъ императоръ!» Войсковая масса, какъ вообще народныя массы, не можетъ дѣйствовать во имя отвлеченныхъ принциповъ, она приковывается къ извѣстной личности, къ извѣстному имени, и легко приводить ее въ движеніе этимъ лицомъ, этимъ именемъ. Отъ сильнаго усердія и уваженія до суевѣрнаго поклоненія переходъ легокъ. А тутъ дѣлалось все, чтобъ привязать войско еще сильнѣе къ имени Наполеона: армію сокращали; до 16,000 императорскихъ офицеровъ были отпущены на половинномъ жалованьѣ; и это въ то самое время, когда набрана была королевская гвардія, когда въ армію и флотъ помѣщали старыхъ роялистовъ, когда морскимъ офицерамъ-эмигрантамъ, вступившимъ теперь въ королевскій флотъ, зачиталось время службы ихъ иностраннымъ державамъ; трехцвѣтная кокарда новой Франціи была отнята у войска и замѣнена бѣлою кокардою старой Франціи. Много старыхъ наполеоновскихъ солдатъ возвратилось во Францію изъ плѣна, изъ гарнизоновъ иностранныхъ крѣпостей, сданныхъ союзникамъ только въ послѣднее время: у этихъ старыхъ солдатъ не могли отнять трехцвѣтной кокарды; они объясняли реставрацію тѣмъ, что, въ ихъ отсутствіе, иностранцы, по заговору дворянъ и поповъ, вошли во Францію и учредили новое правительство. Такимъ образомъ, во Франціи стояло лагеремъ враждебное правительству войско, не обнаруживавшее явно вражды только по отсутствію полководца, дожидавшееся его возвращенія, и правительство не имѣло другого, своего войска противопоставить этой враждебной вооруженной силѣ, оно не имѣло ни войска, ни полководца. Бурбоны старались привлечь къ себѣ наполеоновскихъ маршаловъ; но только правительства сильныя могутъ надѣяться крѣпко привязать къ себѣ людей, перешедшихъ по силѣ обстоятельствъ и по слабости убѣжденій изъ враждебнаго лагеря; люди подобнаго рода служатъ усердно только сильному правительству; какъ же скоро правительство обнаруживаетъ слабость, непрочность, какъ скоро подлѣ правительства образуются другія силы, то эти люди обыкновенно позволяютъ себѣ получать выгодныя мѣста, брать награды у правительства, и въ то же время заискивать у другихъ силъ, показывать предъ ними, что они служатъ правительству только такъ, вовсе не изъ усердія, показывать свое недовольство правительствомъ, позволять себѣ злословить его, насмѣхаться надъ нимъ. Только правительству сильному выгодно подкупать способныхъ людей, правительство слабое напрасно истрачивается на это: примѣръ несчастнаго Людовика XVI служитъ тому доказательствомъ. При-

томъ же слабость возстановленныхъ Бурбоновъ высказывалась всего яснѣе у нихъ во дворцѣ: король не имѣлъ твердости и силы заставить окружающихъ сообразоваться со своею волею; если онъ ласкалъ наполеоновскихъ маршаловъ, желалъ привязать ихъ къ себѣ, желалъ слить старую знать съ новою, то придворные его не хотѣли этого слитія, и особенно женщины давали полную свободу своихъ чувствамъ: жена маршала Нея была оскорблена пренебреженіемъ, оказаннымъ ей придворными дамами. Но и мужчины были не очень осторожны: восторгъ придворныхъ предъ герцогомъ Веллингтономъ, побѣдителемъ войскъ императорскихъ, конечно, не могъ быть пріятенъ маршаламъ императорскимъ.

Партія бонапартистская была сильна тѣмъ, что за нее была вооруженная сила; кромѣ того, она могла разсчитывать на большинство сельскаго народонаселенія, которое, будучи чуждо конституціоннымъ вопросамъ, позабывъ о Бурбонахъ въ революціонное время, по характеру своему, находилось подъ обаяніемъ личности императора, какъ олицетворенія силы и славы, тогда какъ возстановленные Бурбоны, безцвѣтные, безличные, были приведены иностранцами; кромѣ сельскаго народонаселенія, бонапартистская партія могла разсчитывать и на низшее городское народонаселеніе; наконецъ, эта партія была сильна тѣмъ, что имѣла ясно опредѣленную цѣль. Не въ такомъ выгодномъ положеніи находилась либеральная или конституціонная партія, хотя и многочисленная въ высшихъ гражданскихъ сферахъ. Ея положеніе было затруднительно по отношенію къ правительству, которое хотя уступило странѣ либеральную конституцію, но представляло мало ручательства, что эта конституція будетъ поддержана на будущее время; другое затрудненіе этой партіи состояло въ томъ, что конституціонный вопросъ во Франціи былъ спорный, рѣшался теоретически на непрочной почвѣ, взрытой революціею; разнородныя мнѣнія и взгляды перекрещивали другъ друга, отсюда темнота, неопредѣленность, легкое и безплодное отрицаніе. По всему было видно, что зданіе конституціонной монархіи во Франціи не было готово, какъ только была дана хартія, что его нужно было долго и долго отстраивать; а легко ли было это сдѣлать на колеблющейся почвѣ, при смутныхъ отношеніяхъ правительственныхъ, при борьбѣ партій, при извѣстномъ характерѣ народа, способнаго и привычнаго къ разрушенію стараго, способнаго проповѣдывать новое, но не выдерживаго, мало способнаго на тяжелый, усидчивый трудъ созиданія.

Слабость либеральной партіи во Франціи, слабость, которою она до сихъ поръ страдаетъ, высказалась въ описываемое время

въ органѣ этой партіи: «Цензорѣ», издававшемся двумя молодыми адвокатами—Контомъ и Дюнуайе. Несмотря на то, что въ хартіи была обѣщана свобода печати, правительство сочло нужнымъ, по обстоятельствамъ времени, удержать цензуру для сочиненій, имѣвшихъ менѣе 30-ти печатныхъ листовъ, вслѣдствіе чего либеральные журналы, чтобъ избавиться отъ цензурныхъ сдержекъ, выходили большими томами. Страстный поклонникъ свободы, равенства, справедливости, демократіи, «Цензоръ» громилъ крайности революціи, военный деспотизмъ, не былъ противъ Бурбоновъ, но отвергалъ принципъ божественнаго освященія королевской власти, отвергалъ аристократію, вліяніе духовенства. Мало ясности, опредѣленности могъ сообщить «Цензоръ» своимъ читателямъ при обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, и могъ усиливать только вредную привычку къ безплодному либеральничанью, привычку легко обходиться, легко порѣшать съ серьёзными явленіями политической жизни народовъ, пробавляться громкими словами и фразами. Положительная сторона журнала относилась къ вопросамъ торговымъ, промышленнымъ, политико-экономическимъ; но эта сторона не могла удовлетворять общество, неуспокоенное на счетъ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ.

«Цензоръ» не допускалъ никакой сдѣлки между старою и новою Франціею: онъ былъ органомъ того мѣщанскаго направленія, которое, усиливаясь все болѣе и болѣе, стремилось къ господству и достигло его. Примирить старую Францію съ новою задумалъ первый талантъ времени, Шатобріанъ. Мало французскихъ дѣятелей представляло въ такой чистотѣ кельтическую натуру, какъ Шатобріанъ, натуру живую, страстную, воспріимчивую, способную бросаться изъ одной стороны въ другую, честолюбивую, тщеславную, созданную для борьбы, ведущую борьбу для самой борьбы. Бретонскій дворянинъ, Шатобріанъ былъ воспитанъ въ старомъ, уединенномъ замкѣ, въ фамиліи, бѣдной настоящимъ, которая жила одною памятью о прошломъ; гордый своимъ происхожденіемъ отецъ, набожная мать, восторженная сестра—вотъ первое окруженіе будущаго знаменитаго писателя; лишенный твердой, здоровой, школьной, научной пищи, онъ подчинился безраздѣльному господству фантазіи. Съ такимъ-то приготовленіемъ молодой Шатобріанъ перекинулся изъ своей провинціи въ Парижъ, гдѣ готовилась революція. Первая оргія революціи, воткнутыя на пики головы произвели такое сильное впечатлѣніе на Шатобріана, что онъ тогда же рѣшился эмигрировать. Но политическая буря уже расшевелила его: поднялось честолюбіе, страшное желаніе играть роль; но какую избрать роль при томъ страшномъ хаосѣ, безъ яснаго пониманія въ

чемъ дѣло? Вдругъ приходитъ ему въ голову мысль открыть сѣверный путь изъ Европы въ Азію, и, безъ приготовленія, безъ средствъ, онъ отправляется въ Америку. Возвратясь оттуда, ничего не сдѣлавши, онъ узнаетъ, что родные его гибнутъ на гильотинѣ, и пристаетъ къ эмигрантамъ; но здѣсь отталкиваютъ его односторонность, мелкость интересовъ у людей мелкихъ по натурѣ; Шатобріанъ удаляется въ Англію и принимается за перо. Въ первомъ его произведеніи: «*Историческій опытъ о революціи*», ярко выразились столкновенія двухъ впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ—одно изъ революціонной Франціи, другое изъ эмигрантскаго лагеря: онъ нападаетъ на революцію, но объявляетъ ее неизбѣжною; нападаетъ на абсолютизмъ, но республику въ развращенное время считаетъ невозможною; въ теоріи признаетъ суверенитетъ народа, на практикѣ смотритъ на него съ отвращеніемъ; отрицаетъ всякую гражданскую свободу и допускаетъ только личную; кто не хочетъ зависѣть отъ людей, тотъ долженъ обратиться къ жизни дикихъ; о Христѣ говоритъ, какъ о человѣческомъ явленіи; папство, реформацію, всю исторію христіанства представляетъ въ черномъ свѣтѣ, даетъ христіанству только два года жизни и ждетъ новой религіи; господство закона называетъ отвратительнымъ тиранствомъ; появленіе законовъ и правительствъ величайшимъ несчастіемъ. Впослѣдствіи самъ Шатобріанъ называлъ свой «Опытъ» противорѣчивою, отвратительною и смѣшною книгою; но книга эта имѣетъ свое значеніе: въ ней вполнѣ отразился весь ходъ понятій, явившійся въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка вслѣдствіе революціи; весь этотъ хаосъ удобно прошелъ черезъ горячую голову молодого кельта, который въ дѣтствѣ питался мечтами въ феодальномъ замкѣ, встрѣтился съ жизнію въ революціонномъ Парижѣ и потомъ въ эмигрантскомъ лагерѣ, и въ промежутокъ побывалъ въ Америкѣ и прочелъ кое-что. У Шатобріана сильно высказалось и это отчаяніе, которое овладѣло тогда людьми, видѣвшими, что революція не обновила міра; отчаявшись въ возможности этого обновленія человѣческими средствами, они стали ждать помощи свыше; но, разсорясь съ прошедшимъ и настоящимъ, они стали ждать новой религіи.

Но уже это самое ожиданіе новой религіи предвѣщало скорое обращеніе къ христіанству, религіи нестарѣющейся, всегда способной обновлять человѣка и общество. Два года прошло, новая религія не являлась, обращеніе къ христіанству становилось все сильнѣе и сильнѣе, и Шатобріанъ является глашатаемъ и пособникомъ этого обращенія. Послѣ сильнаго изверженія неперевареннныхъ впечатлѣній и понятій въ «Опытѣ о революціи», по-

поворотъ въ другую сторону совершился быстро въ горячей натурѣ Шатобріана. Въ то время, когда Бонапартъ, удовлетворяя требованію большинства французскаго народа, заключилъ конкордатъ съ папою; въ тотъ самый день, когда въ Нотръ-Дамъ было возстановлено богослуженіе, въ «Монитёрѣ» было объявлено съ похвалою о новой книгѣ Шатобріана: «Духъ христіанства», заключавшей въ себѣ поэтическое оправданіе обстановки христіанства, какъ она образовалась въ западной католической Европѣ. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный, авторъ хвастался, что онъ своею книгою убилъ вліяніе Вольтера, спасъ дѣло, которое Римъ не могъ поддержать, окончилъ революцію и началъ новую литературную эпоху. Люди, не сочувствовавшіе книгѣ, говорили въ насмѣшку, что Шатобріанъ доказалъ, что христіанство даетъ больше матеріаловъ для оперы, чѣмъ другія религіи. Авторъ преувеличивалъ достоинство своей книги; но за то и насмѣшники, противъ воли своей, указывали на важное ея значеніе для большинства. Вольтеръ сильно повредилъ религіи, дѣйствуя могущественнымъ средствомъ для большинства, особенно во Франціи, дѣйствуя насмѣшкою, онъ билъ не въ сущность дѣла, билъ во внѣшнее, накладное, но производилъ сильное впечатлѣніе на большинство, которое обыкновенно неспособно проникнуть въ сущность дѣла, ограничивается однимъ внѣшнимъ, накладнымъ. Книга серьёзная философско-богословскаго содержанія, и потому доступная немногимъ, не могла бы съ успѣхомъ противодѣйствовать вольтеріанизму; надобно было подѣйствовать на большинство доступнымъ для него образомъ, надобно было показать, что то, надъ чѣмъ смѣялись, не смѣшно, а прекрасно. Многіе и многіе, желавшіе обратиться къ христіанству, но удерживаемые страхомъ моды, насмѣшки, теперь, благодаря Шатобріану, освобождались отъ этого страха: то, что было поругано, являлось теперь въ привлекательномъ свѣтѣ. Если до сихъ поръ древній греко-римскій міръ производилъ сильное впечатлѣніе красотою своей обстановки, и если Шатобріанъ доказалъ, что христіанство своею обстановкою выше другихъ религій, больше даетъ человѣку человѣческой пищи, то понятно, какъ его книга должна была содѣйствовать перемѣнѣ взгляда, какъ долженъ былъ выиграть тотъ міръ, въ которомъ образовалась обстановка христіанства.

Бонапартъ принялъ хорошо книгу Шатобріана, какъ соотвѣтствовавшую цѣлямъ правительства; авторъ вступилъ въ службу этого правительства, но скоро оставилъ ее: убійство герцога Ангіенскаго произвело на него такое же сильное впечатлѣніе, какъ и головы на пикахъ революціонеровъ. Прошло десять лѣтъ. Политическое низверженіе Наполеона совершилось; папа, жад-

ная на поруганіе падшаго величія, стаскивала статую императора съ Аустерлицкой колонны; но этихъ низверженій было мало, надобилось низверженіе нравственное, и Шатобріанъ былъ тутъ съ своею громовою брошюрою, въ которой приписывалось Наполеону все безнравственное; Людовикъ XVIII былъ очень доволенъ услугою, оказанною ему Шатобріаномъ: дѣйствительно, на первыхъ порахъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ впечатлѣніе было сильное; но скоро оказалось, что униженіе противника не могло восполнить недостатокъ величія въ представителѣ Бурбоновъ, и Наполеонъ выросъ снова.

Теперь Шатобріанъ выступаетъ съ новою брошюрою, написанною въ иномъ, примирительномъ духѣ *(Политическія размышленія о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и объ интересахъ всѣхъ французовъ).* Мы часто встрѣчаемъ добрыхъ людей, которые говорятъ: «и N. N. прекрасный человѣкъ, и М. М. прекрасный человѣкъ: и какъ жаль, что такіе прекрасные люди не терпятъ другъ друга, что бы имъ помириться? они оба рождены, чтобы любить другъ друга!» Иногда добрые люди стараются помирить прекрасныхъ людей, и, къ крайнему удивленію и огорченію своему, убѣждаются, что примиреніе невозможно. Шатобріанъ въ своемъ сочиненіи старается увѣрить, что старая Франція, старое управленіе были прекрасны, что паденіе ихъ должно быть вѣчнымъ предметомъ сожалѣнія; но и новая Франція также прекрасна, у нея есть хартія, которая не представляетъ что-нибудь совершенно новое: свобода была въ старой Франціи, какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ; французская конституція не есть подражаніе англійской, потому что англійскій парламентъ есть не иное что, какъ усовершенствованное подражаніе французскимъ генеральнымъ чинамъ, такъ что французы повидимому только подражаютъ своимъ сосѣдямъ, а на самомъ дѣлѣ возвращаются къ учрежденіямъ своихъ отцовъ. Новые французы не такъ легкомысленны, какъ старые, болѣе естественны, болѣе просты, болѣе отличаются народнымъ характеромъ; молодежь новой Франціи, воспитанная въ лагерѣ или уединеніи, болѣе серьёзна и своебытна; религіозность новыхъ французовъ не есть дѣло привычки, но результатъ убѣжденій; нравственность не есть плодъ домашняго воспитанія, но слѣдствіе просвѣщеннаго разума. Высшіе интересы заняли вниманіе, цѣлый міръ прошелъ передъ нами. Когда приходится защищать свою жизнь, когда передъ глазами падаютъ и возвышаются троны, то человѣкъ становится серьёзнѣе, чѣмъ въ то время, когда единственнымъ предметомъ разговора служитъ придворная интрига, прогулка въ Булонскомъ лѣсу. Французы очень

возмужали противъ того, какъ они были тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Людовикъ XVIII былъ очень доволенъ и этою брошюрою Шатобріана: «Начала, въ ней развитыя, должны быть усвоены всѣми французами»,—сказалъ король. Дѣйствительно, какъ было бы прекрасно, еслибъ всѣ французы вдругъ помирились, какъ было бы пріятно и покойно, особенно старику въ его креслахъ. И было много французовъ, которые готовы были помириться; но все затрудненіе состояло въ томъ, какъ, на чемъ мириться? Шатобріанъ восхитительно доказалъ, что старая и новая Франція, будучи обѣ прекрасны, должны помириться; но какъ? этого нельзя было, къ сожалѣнію, отыскать въ его брошюрѣ. И нашлись упрямцы между представителями и старой и новой Франціи, которые не соглашались съ знаменитымъ писателемъ,—одни на счетъ красотъ новой, другіе на счетъ красотъ старой Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, если старая Франція была такъ прекрасна, то какъ же случилось, что ее вдругъ сдали въ архивъ? Вдругъ явились люди, которые начали разрушать прекрасное зданіе, а другіе, изъ преступной слабости или злонамѣренности, спокойно смотрѣли на это, признавали законными всякую силу, всякій совершившійся фактъ, и теперь эти люди правы, имъ должны уступить люди, которые, признавая, подобно Шатобріану, прекрасное прекраснымъ, протестовали и протестуютъ противъ его разрушенія, люди, которые одни вели себя какъ прилично мужамъ! Приверженцы старой Франціи объявили, что они не хотятъ, въ угоду Шатобріану, смѣшивать людей самыхъ добродѣтельныхъ и самыхъ честныхъ съ людьми самыми преступными, что имъ мало дѣла до равенства, свободы, прогресса, равновѣсія властей, происхожденія и выгодъ представительнаго правленія. И, разумѣется, они были совершенно правы, объявивши, что вполнѣ довольны тою Франціею, которая, по словамъ Шатобріана, была такъ восхитительна. Но всего болѣе должно было оскорбить ихъ то, что человѣкъ, выступавшій защитникомъ старой Франціи, взявшійся вѣчно оплакивать паденіе прежняго управленія, поступилъ измѣннически, опозорилъ старую Францію, сказавши, что она занималась только придворными интригами, да прогулками въ Булонскомъ лѣсу, что высшіе интересы вызваны новою Франціею. Демократы, съ своей стороны, были очень недовольны похвалами старой Франціи, которая была имъ ненавистна, и насмѣялись они надъ декламаторскою галиматьею автора, надъ его энтузіазмомъ къ среднимъ вѣкамъ. Удивительное дѣло! кажется, расхвалилъ и тѣхъ и другихъ: и тѣ, и другіе разсердились.

Мириться было трудно, ссориться легко; легко было становиться на сторону старой или новой Франціи. Четыре журнала ратовали въ пользу первой (Débats, Gazette de France, Quotidienne, Journal Royal); цензура мѣшала имъ прямо высказываться противъ хартіи, но не мѣшала имъ вооружаться противъ конституціонныхъ началъ, смѣяться надъ ихъ защитниками, поворить революцію, имперію, восхвалять старую Францію, восхвалять испанскаго короля Фердинанда VII, возстановлявшаго всецѣло старую Испанію. Странно было бы требовать, чтобъ цензура запрещала имъ все это; а между тѣмъ выходъ подобныхъ статей съ позволенія цензуры заставлялъ думать, что правительство руководитъ ихъ направленіе, потому что похвалы Наполеону или дѣятелямъ революціи не позволялись. Для этого нужно было хитрить, что́ дѣлалъ бонапартистскій журналъ «Желтый Карло». Журналъ «искусствъ и литературы», «Желтый Карло» ратовалъ за классицизмъ противъ романтизма, какъ проистекавшаго изъ стремленій обратиться къ старинѣ, къ этимъ ненавистнымъ среднимъ вѣкамъ. Тутъ цензура не могла ничего запрещать, это было дѣло невинное, литературное; гдѣ же дѣло касалось политики, тамъ «Желтый Карло» съ благоговѣніемъ отзывался о королѣ, о Людовикѣ Желанномъ, порицалъ честолюбіе Наполеона, его нелиберальное направленіе. Но при этомъ хитрый и злой «Карло» вооружился страшнымъ, особенно во Франціи, оружіемъ—насмѣшкою, которою преслѣдовалъ защитниковъ реставраціи: изобрѣлъ орденъ *Гасильника*, въ кавалеры котораго жаловалъ людей, извѣстныхъ своимъ обращеніемъ къ старинѣ; изобрѣлъ другой орденъ *Флюгера* для тѣхъ, которые, бывъ прежде ревностными слугами и хвалителями имперіи, теперь стали пламенными роялистами; созданъ былъ типъ провинціальнаго дворянина, воздыхающаго о возвращеніи феодализма; подъ *Вольтижерами Людовика XIV* были осмѣяны старые офицеры-эмигранты, явившіеся вмѣстѣ съ Бурбонами во Францію въ старыхъ костюмахъ, съ требованіемъ возстановленія полной старины. Цѣль была достигнута: на что́ нельзя было явно нападать, то было подкопано насмѣшкою.

Такимъ образомъ, пригрѣтыя слабостію правительства, партіи оживали одна за другой и расправляли свои силы. Шумъ, происшедшій отъ этого дѣйствія оживающихъ партій, испугалъ англійское правительство, которое вызвало изъ Парижа своего представителя, герцога Веллингтона, боясь, чтобы, при вспышкѣ революціи, знаменитый ея полководецъ не былъ задержанъ. Представитель русскаго императора, Поццо-ди-Борго смотрѣлъ иначе на дѣло: онъ видѣлъ слабость Бурбоновъ, неумѣнье править,

видѣлъ оживленіе партій, но не считалъ революцію близкою. По его мнѣнію, правительственная машина шла плохо: король рѣшаетъ дѣло съ однимъ министромъ, другіе ничего не знаютъ, какъ случилось по поводу распоряженія о соблюденіи воскресныхъ дней: одинъ министръ распорядился, всѣ другіе объявили, что ничего не знаютъ. Маршалы принимаютъ все отъ двора и не имѣютъ деликатности признать себя довольными; у нихъ недостаетъ великодушія говорить съ генералами и офицерами откровенно, чтб предписываетъ имъ законъ чести вслѣдствіе новыхъ обязательствъ ихъ передъ королемъ; будучи такими же придворными, какъ и другіе, они не признаются однако, что имъ хорошо при дворѣ, и даже выставляютъ противное. Нація далеко еще не увѣрена въ утвержденіи Бурбоновъ на тронѣ; нѣкоторые разсчитываютъ на возвращеніе Бонапарта; другіе не потеряли изъ виду герцога Орлеанскаго. О Наполеонѣ серьёзно не жалѣетъ никто изъ тѣхъ, которые хотятъ имѣть и признавать отечество; но значительное число людей, которымъ выгоднѣе смута, желаютъ имѣть такого вождя, какъ онъ. Въ случаѣ, если бы обнаружилась серьёзная реакція противъ короля, то корона будетъ предложена герцогу Орлеанскому. Въ іюнѣ 1814 года, Поццо-ди-Борго отправился къ любимцу королевскому, графу Блака, чтобъ прочесть ему наставленіе, какъ долженъ поступать конституціонный король: когда существуетъ въ странѣ народное представительство, то министерство должно быть королевскимъ совѣтомъ; при настоящихъ обстоятельствахъ надобно окружить палаты уваженіемъ, опредѣлить участь арміи, оставить подъ ружьемъ такое число людей, которымъ можно правильно уплачивать жалованье, остальныхъ отослать: они перестанутъ быть опасными, какъ скоро перестанутъ составлять корпусъ; устроить дѣла ордена Почетнаго Легіона какъ можно деликатнѣе, чтобъ не оскорбить кавалеровъ, и, главное, надобно разсуждать и рѣшать всѣ дѣла въ совѣтѣ министровъ. Поццо-ди-Борго не скрылъ отъ Блака тѣ опасенія, которыя были возбуждены усиленіемъ его собственнаго вліянія на короля.

До сентября 1814 года тянулось еще дѣло о бракѣ великой княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ, дѣло, начатое еще по предложенію Людовика XVIII изъ Англіи. Этого брака сильно желали люди, которые хотѣли посредствомъ вліянія императора Александра оттянуть Бурбоновъ отъ старой Франціи къ новой; но различіе исповѣданій служило неодолимымъ препятствіемъ. Императоръ Александръ требовалъ, чтобъ его сестра имѣла свою православную церковь во дворцѣ, и соглашался на одно, чтобъ она присутствовала публично при всѣхъ католиче-

скихъ церемоніяхъ. Король объявилъ препятствіе неодолимымъ, но прибавилъ, что, не принимая русскихъ условій, онъ и не отвергаетъ ихъ окончательно, а предоставляетъ императору и себѣ время подумать и найти какое-нибудь новое средство соглашенія. Блака предложилъ Поццо-ди-Борго слѣдующее: католическій могилевскій митрополитъ, поговоривъ съ великою княжною, дастъ знать министру королевскаго двора, что ея высочество показываетъ явное расположеніе къ католицизму, и что бракъ можетъ окончательно побудить ее къ публичному его принятію. Блака протестовалъ, что онъ не имѣетъ инструкціи отъ короля, но надѣется, что король приметъ эту *теологическую турнюру*, для отстраненія всѣхъ препятствій, и позволитъ великой княжнѣ имѣть греческую церковь, предоставляя чудесамъ благодати подѣйствовать со временемъ; кардиналъ Гонзальви предложилъ уговорить папу согласиться на *теологическую турнюру*. Но императоръ Александръ отвѣчалъ, что предложеніе Блака нельзя принять; Поццо-ди-Борго долженъ замолчать, дожидаясь, что̀ придумаетъ король, потому что онъ обѣщалъ думать. Такъ же окончилось дѣло и по испанскому предложенію о заключеніи брака между великою княжною Анною Павловною и королемъ Фердинандомъ VII. Здѣсь королевскіе министры внушали русскому послу Татищеву, что бракъ великой княжны съ герцогомъ Беррійскимъ представляетъ очень отдаленную перспективу, тогда какъ бракъ ея съ Фердинандомъ VII сдѣлаетъ ее тотчасъ королевою прекрасной страны. Что же касается до безпокойства, возбуждаемаго въ Россіи относительно вліянія монаховъ при испанскомъ дворѣ, то власть ихъ надъ королемъ вовсе не такова, чтобъ могла быть опасною для великой княжны. Герцогъ Санъ-Карлосъ умолялъ Татищева увѣрить императора, что великая княжна, ставши испанскою королевою, будетъ одна управлять и мужемъ, и государствомъ. Но императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ вслѣдствіе религіознаго препятствія.

Бракъ герцога Беррійскаго съ русскою великою княжною не состоялся, вліяніе Россіи, котораго такъ желали умѣренные либералы-роялисты, не усилилось; напротивъ, Людовикъ XVIII и министръ его Талейранъ разсчитывали поднять славу реставраціи, занять войско, отвлечь вниманіе войнолюбиваго народа отъ внутреннихъ дѣлъ войною противъ Россіи и Пруссіи въ союзѣ съ Англіею и Австріею; но эти надежды были обмануты уступчивостью Россіи и Пруссіи въ дѣлѣ польскомъ и саксонскомъ, и французское войско скоро нашло себѣ занятіе.

Мы видѣли, что, благодаря слабости Бурбоновъ, партія ожи-

вали во Франціи, расправляли свои силы, но ни одна изъ нихъ не усилилась до такой степени, чтобы могла произвести революцію. Переворотъ произошелъ не изнутри, а извнѣ, когда среди войска, недовольнаго реставраціею, сохранившаго вполнѣ сочувствіе къ имперіи, явился знаменитый императоръ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Положеніе, созданное на-спѣхъ союзниками для Наполеона, было положеніе невозможное: всѣ понимали, что человѣку, который недавно предписывалъ законы Европѣ, будетъ тѣсна Эльбская имперія; отсюда естественный страхъ предъ его замыслами, естественное, нескрываемое желаніе видѣть его гдѣнибудь гораздо подальше отъ Европы; это самое внушало страхъ Наполеону, заставляло его предупредить враждебныя противъ него намѣренія, ибо ему давали знать, что ему назначаютъ другую имперію — на Азорскихъ островахъ. Прежде чѣмъ стать императоромъ на Азорскихъ островахъ, нельзя ли попытаться стать опять императоромъ французовъ? Успѣхъ очень вѣроятенъ: изъ Франціи въ началѣ 1815 года были вѣрныя извѣстія, что Бурбонами недовольны, войско живетъ памятью объ императорѣ; союзники разъѣдутся изъ Вѣны 20 февраля, сильно охлажденные относительно другъ друга: разъ прекратилось общее дѣйствіе, возобновить его будетъ уже трудно; уже не говоря объ Азорскихъ островахъ, и на Эльбѣ жизнь невыносима: императоръ привыкъ къ дѣятельности, началъ строиться—нѣтъ средствъ; изъ Франціи не присылаютъ положенныхъ двухъ милліоновъ франковъ въ годъ; и сильное раздраженіе вслѣдствіе этого, и сильное оправданіе: въ неисполненіи условій разрѣшеніе начать враждебныя дѣйствія.

1 марта 1815 года корабль, несущій Цезаря, присталъ къ берегамъ Франціи, и Франція, обыкновенно такая чуткая ко всякому шороху, остается покойною въ виду событія, долженствующаго рѣшить ея судьбу. Власти оффиціально заявляютъ непоколебимую преданность Франціи къ потомству Генриха IV; либеральные писатели провозглашаютъ, что Франція не хочетъ деспота, останется вѣрна королю, давшему хартію: Франція слушаетъ все это и остается неподвижною. Дѣло должно быть рѣшено оружіемъ; но войско принадлежитъ императору. Бурбоны должны выбирать одно изъ двухъ: выслать войско противъ Наполеона, т.-е. отдать ему его въ руки, или сосредоточить войско около себя, т.-е. предать Наполеону беззащитную страну. Рѣшаются выставить войско; но при первой встрѣчѣ съ императоромъ, солдаты, блѣдные какъ смерть, не стрѣляютъ, и Наполеонъ уже говоритъ, что черезъ десять дней будетъ въ Тюльери. Въ потемкахъ начинаютъ дѣйствовать нечистыя силы; а во

Франціи были тогда потемки, смута; общество, расшатанное революціею, крайне ослабѣло нравственно, и въ такомъ разслабленіи общество позволяетъ выходить на первый планъ нечистымъ силамъ, нечистымъ людямъ. Является Фуше, Фуше, обрызгавшій себя кровью во время революціи, министръ полиціи во время имперіи, Фуше, вмѣстѣ съ Талейраномъ, вынесшій изъ бурной эпохи то убѣжденіе, что только глупецъ остается въ домѣ, который горитъ. Когда, въ 1814 году, французское общество, не имѣвшее ни силъ, ни желанія поддерживать падавшую имперію, и въ то же время не знавшее, кѣмъ замѣнить императора, должно было, однако, волею-неволею, заняться рѣшеніемъ вопроса, предложеннаго союзными государями, должно было выбрать изъ кандидатовъ, къ которымъ было одинаково равнодушно, тогда, въ этой смутѣ и нерѣшительности, явился на первомъ планѣ Талейранъ и обдѣлалъ дѣло въ пользу возстановленія Бурбоновъ; Фуше, отправленный Наполеономъ къ неаполитанскому королю Мюрату, страшно досадовалъ, что его не было въ Парижѣ при паденіи имперіи, что все сдѣлалъ одинъ Талейранъ, возстановивъ старшую Бурбонскую линію, которая не могла дать значенія цареубійцѣ Фуше. Но теперь пришло его время: имперія поднимается, общество, равнодушное къ Наполеону, въ то же время не имѣетъ ни силы, ни желанія поддерживать Бурбоновъ; при такой смутѣ, нерѣшительности, отнимавшей, въ свою очередь, послѣднія нравственныя силы у общества, выдвигается Фуше; изнеможенное нравственно, общество позволяетъ ему дѣйствовать, позволяетъ дѣйствовать всякому, кто сохранилъ способность къ дѣйствію. Видя слабость, затруднительное положеніе Бурбоновъ, Фуше еще до высадки Наполеона сталъ расправлять свои силы въ полной надеждѣ, что скоро придетъ его время, какъ вдругъ является Наполеонъ. Это сначала разстроило Фуше; но онъ скоро понялъ, что и Наполеонъ такъ же слабъ, какъ Бурбоны, ибо если войско дастъ ему несомнѣнное торжество, то это войско по прежнему не въ состояніи бороться съ цѣлою Европою, а истощенная Франція не можетъ дать новыхъ средствъ къ борьбѣ; всего скорѣе произойдетъ сдѣлка между имперіею и Европою: на французскомъ престолѣ будетъ малютка Наполеонъ II съ регентствомъ матери, Маріи-Луизы, а слабое женское правленіе всего выгоднѣе для Фуше. «Это страшилище опять несетъ къ намъ деспотизмъ и войну»,— говорилъ прежній министръ о своемъ прежнемъ государѣ: — «дѣлать нечего, надобно ему помочь, а тамъ увидимъ, что дѣлать: вѣроятно, онъ найдется въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и мы».

Въ Тюльери держатся за послѣдняго человѣка, могущаго своею славою, своимъ вліяніемъ въ войскѣ спасти Бурбоновъ отъ «страшилища»; въ Тюльери ласкаютъ маршала Нея. Маршалъ, человѣкъ развитій односторонне, выдерживый въ битвѣ, не выдержалъ придворной ласки и лести, подумалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ ровня Наполеону, и, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ обстоятельствахъ люди, подобные ему, сталъ хвастаться и обѣщать, что привезетъ Наполеона въ клѣткѣ. Ней отправился къ войску, и тутъ другого рода внушенія, чѣмъ въ Тюльери: ему привозятъ письма отъ Наполеоновскаго гофмаршала Бертрана, представляютъ ему дѣло такъ, что все давно было улажено между Эльбою, Парижемъ и Вѣною, что Наполеонъ дѣйствуетъ по согласію съ своимъ тестемъ, императоромъ австрійскимъ, что англійскіе корабли нарочно удалились, чтобы пропустить маленькую флотилію императора, плывшую къ берегамъ Франціи. Ней не имѣлъ въ себѣ средствъ устоять и противъ этихъ внушеній. Итакъ, Бурбоны воспользовались его простотою, невѣдѣніемъ, и обошли; страшная досада, раздраженіе, что далъ себя такъ обмануть и поставить въ такое положеніе: войска не пойдутъ противъ императора, притомъ за него Австрія и Англія; какая же охота принести все въ жертву проигранному дѣлу? а тутъ и оправданіе: Бурбоны теперь ласкали, потому что имѣли нужду, а прежде какъ при ихъ дворѣ обошлись съ женою маршала? Ней собралъ солдатъ и объявилъ имъ, что дѣло Бурбоновъ навсегда проиграно, Наполеонъ долженъ царствовать. Восторженные крики были отвѣтомъ. Войско вмѣстѣ съ полководцемъ перешло на сторону своего императора, и Ней написалъ женѣ: «Мой другъ, ты не будешь больше плакать, уѣзжая изъ Тюльери».

Ней не привозитъ Наполеона въ клѣткѣ; Ней измѣнилъ. Бурбоны въ отчаяніи обратились къ Фуше за совѣтомъ и помощію, какъ слабый человѣкъ въ бѣдѣ обращается къ колдунамъ и гадальщицамъ. Фуше отвѣчалъ, что теперь поздно, что единственное средство спасенія уѣхать; если бы прежде къ нему обратились, то онъ бы спасъ; пусть не дивятся, если чрезъ нѣсколько дней онъ будетъ министромъ Наполеона; онъ приметъ его министерство для избѣжанія его тиранства и для ускоренія его гибели, а, избавившись отъ этого опаснаго безумца, онъ, Фуше, быть можетъ и сдѣлаетъ для Бурбоновъ то, чего теперь сдѣлать не можетъ. Получивши такой отвѣтъ, велѣли схватить Фуше, но онъ убѣжалъ черезъ садъ въ домъ бывшей королевы голландской Гортензіи. 19-го марта, Бурбоны выѣхали изъ Парижа и могли остановиться только въ Гентѣ; 20-го, Наполеонъ вступилъ въ

Тюльери, и Фуше сталъ при немъ министромъ полиціи. «Смерть Бурбонамъ! долой роялистовъ! долой поповъ!» кричала толпа.

Но крики толпы не могли обмануть Наполеона. Когда цѣль еще была впереди, тогда все вниманіе было обращено на средства къ ея достиженію; когда цѣль была достигнута, тогда затрудненія и опасности положенія стали обозначаться все яснѣе и яснѣе. Наполеонъ былъ прежній въ томъ смыслѣ, что способности, энергія его не уменьшились; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ произошла и большая перемѣна. При постоянномъ успѣхѣ слабѣетъ сознаніе возможности неудачи, отсюда смѣлость и быстрота, необращеніе большого вниманія на препятствія, на условія неуспѣха; послѣ неудачи человѣкъ становится осторожнѣе, боязливѣе, т.-е. онъ обращаетъ больше вниманія на препятствія, условія неуспѣха яснѣе для него выставляются. Такая перемѣна произошла и въ Наполеонѣ послѣ паденія. Прежде всего онъ сознавалъ, что онъ уже не тотъ для другихъ, что очарованіе непобѣдимости, неодолимой силы исчезло, что на него смотрятъ уже другими глазами, гораздо смѣлѣе, и насколько убыло у него, настолько прибыло у другихъ. Это мучительное сознаніе уменьшенія своихъ нравственныхъ средствъ невольно заставляетъ человѣка принижать, уравниваться съ другими, заискивать въ нихъ, перемѣнять тонъ, чтó мѣшаетъ его прежней свободѣ, прежней развязности. 1-го января 1814 года, желая затушить первое проявленіе самостоятельности законодательнаго корпуса, Наполеонъ говорилъ ему: «Вы хотите овладѣть властію: но чтó вы съ нею сдѣлаете? Франціи нужна теперь не палата, не ораторы, а генералъ. Между вами есть ли генералъ? и гдѣ ваше полномочіе? Франція меня знаетъ, а васъ знаетъ ли? Тронъ — это нѣсколько досокъ, обитыхъ бархатомъ; тронъ — это человѣкъ, и человѣкъ этотъ — я, съ моею волею, съ моимъ характеромъ, съ моею славой. Знайте, что меня можно убить, но нельзя оскорблять». Въ январѣ 1814 года Наполеону можно было такъ говорить, но въ мартѣ 1815 нельзя: генералъ не спасъ Францію отъ вражьяго нашествія, и Франція отреклась отъ своего уполномоченнаго; воля, характеръ, слава не спасли его; онъ остался живъ, но оскорбленный, и, какъ оскорбленный!... Онъ возвратился слишкомъ скоро; въ ушахъ французовъ еще раздавались самые оскорбительные отзывы о немъ, самые бранные эпитеты; очарованіе публично неприкосновеннаго имени исчезло: Наполеонъ возвращался уже не прежнимъ Наполеономъ.

Тяжело было Бурбонамъ утвердиться на французскомъ престолѣ: между ними и новою Франціею стояла имперія, эпоха могущества и славы; Бурбоны, не будучи въ состояніи дать Фран-

цію такого могущества и славы, предложили вмѣсто того хартію. Теперь въ томъ же положеніи находился Наполеонъ: между нимъ и старою имперіею прошли Бурбоны; о самихъ Бурбонахъ не жалѣли, ихъ не защищали, но жалѣли о порядкѣ вещей, который, волею-неволею, принесли съ собою Бурбоны; хотѣли удержать этотъ порядокъ, и Наполеона встрѣчаютъ требованіемъ, чтобы онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, чтобъ не было прежняго честолюбія, прежняго деспотизма. И Наполеонъ не говоритъ въ отвѣтъ того, что̀ сказалъ онъ законодательному корпусу 1-го января 1814 года; напротивъ, сулитъ миръ, свободу, обѣщаетъ быть другимъ человѣкомъ, чѣмъ прежде; онъ знаетъ, что хотя войско привело его въ Парижъ, но войско не удержитъ его на престолѣ, если Франція останется равнодушною передъ войсками враждебной ему Европы, и онъ заискиваетъ передъ Франціею, входитъ съ нею въ соглашенія, наддаетъ передъ Бурбонами, старается показать, что онъ лучше Бурбоновъ, что Франціи выгоднѣе имѣть его государемъ, чѣмъ Бурбоновъ. Нѣтъ, Наполеонъ далеко не прежній Наполеонъ, и самъ онъ говоритъ на всѣ стороны, что онъ уже не тотъ: «Я пробылъ годъ на Эльбѣ, и тамъ, какъ въ гробу, я могъ слышать голосъ потомства; я знаю, чего должно избѣгать, знаю, чего должно хотѣть. Спасти дѣло революціи, упрочить нашу независимость политикою или побѣдою, и потомъ приготовить конституціонный тронъ сыну — вотъ единственная слава, которой я добиваюсь. Завтра же мы дадимъ свободу печати. Чего мнѣ ея бояться? Послѣ того, что̀ было написано въ продолженіи года, ей нечего больше сказать обо мнѣ, но у нея еще остается сказать кое-что о моихъ противникахъ. Прошлый годъ говорили, что я возстановилъ Бурбоновъ; этотъ годъ они меня возстановляютъ: мы квиты. *Я* умѣю исправиться, не то что̀ Бурбоны, которые въ 25 лѣтъ ничему не научились, ничего не забыли».

Уяснилось, въ чемъ дѣло: два соперника борются за престолъ; ошибки одного поднимаютъ другого; Франціи, равнодушной къ обоимъ, предоставляется право выбирать того, кто дастъ больше выгодъ; все вниманіе обращено на то, чтобъ уронить противника; Наполеонъ наивно выражается на счетъ свободы печати; онъ вовсе не смотритъ на нее съ конституціонной точки зрѣнія, а только какъ на средство борьбы съ Бурбонами: «мнѣ она не опасна, про меня уже сказано все дурное, пусть поговоритъ теперь о Бурбонахъ: это произведетъ сильное впечатлѣніе, потому что печать не будетъ направляться правительствомъ, цензурою». Молодой совѣтникъ при королевскомъ дворѣ, знаменитый впослѣдствіи Деказъ, отказался подписать поздравительный

адресъ императору; ему выставляли на видъ быстрый успѣхъ Наполеона, свидѣтельствующій привязанность къ нему Франціи: въ двадцать дней онъ прошелъ всю Францію, не встрѣчая нигдѣ препятствія: «Я не зналъ, — отвѣчалъ Деказъ, — что престолъ Франціи служитъ бѣговымъ призомъ». Ни одинъ порядочный французъ не долженъ былъ знать этого; — но, къ несчастію для Франціи, такъ было дѣйствительно. Реставрація имперіи застигла Францію такъ же второпяхъ, застигла ее такою же усталою и равнодушною, какъ и реставрація Бурбоновъ. И Наполеонъ скоро это понялъ: когда старые приверженцы поздравляли его съ чудеснымъ возвращеніемъ, съ торжественнымъ пріемомъ, какой онъ встрѣтилъ въ народѣ, то Наполеонъ перебивалъ ихъ словами: «Время комплиментовъ прошло! они меня встрѣтили точно такъ же, какъ проводили *ихъ* (т.-е. Бурбоновъ)». Въ руки императору попались адресы къ Людовику XVIII, написанные по поводу высадки Наполеона, адресы, наполненные выходками противъ «Корсиканскаго людоѣда», увѣреніями въ преданности къ Бурбонамъ; по пріѣздѣ въ Парижъ, Наполеонъ получилъ адресы изъ тѣхъ же мѣстъ, подписанные тѣми же лицами: они заключали въ себѣ выходки противъ Бурбоновъ, увѣренія въ преданности къ императору.

Наполеонъ выигралъ бѣговой призъ; но торжество не было окончательное, затрудненія и опасности только-что начинались. «Народъ, солдаты, субъ-лейтенанты сдѣлали все, имъ, однимъ имъ я всѣмъ обязанъ», — говорилъ Наполеонъ. Войско все сдѣлало, войско все и сдѣлаетъ: но тяжелый опытъ говорилъ другое. Когда нужно было защищать имперію отъ цѣлой Европы, тогда войско ничего не сдѣлало, и народъ не тронулся; соединенные государи обратились не къ народу, не къ войску. И Наполеонъ, для обезпеченія себя на случай неудачи, заискиваетъ въ якобинцахъ, въ ненавистныхъ идеологахъ. Онъ уже объявилъ себя раскаявающимся грѣшникомъ; произнесъ роковое: «*не буду; не буду ни завоевателемъ, ни деспотомъ*». Произнося эти слова, Наполеонъ думалъ, что усиливается, беретъ верхъ надъ соперниками: видимо было такъ, но съ другой стороны исчезло очарованіе силы и величія, отношенія перемѣнились. Люди несомнѣнной преданности къ имперіи, опальные за это при Бурбонахъ, отказывались принимать должности, предлагаемыя теперь императоромъ; другіе, принявшіе должности, обращались къ императору вовсе не съ прежнимъ благоговѣніемъ, дисциплина ослабѣла, полубогъ явился простымъ смертнымъ, признавшимся въ своихъ ошибкахъ, обѣщавшимъ, что впередъ не будетъ такъ дѣлать, какъ прежде; и военный успѣхъ не былъ вѣренъ: едва

ли Наполеонъ удержится на престолѣ, не отбиться ему и теперь отъ цѣлой Европы, какъ не отбился въ прошломъ году! И Наполеонъ, самъ далеко не увѣренный въ успѣхѣ, видѣлъ ясно, какъ и другіе въ немъ не увѣрены, какъ со страхомъ смотрятъ впередъ, озираются на всѣ стороны, ища другой опоры, другого обезпеченія. Наполеонъ испыталъ страшное для человѣка съ его характеромъ и привычками чувство, чувство слабости, чувство невыносимое для человѣка сильнаго, и только сильный человѣкъ можетъ испытывать это чувство.

Императоръ прежде всего долженъ былъ обратиться къ такъ называемымъ якобинцамъ, людямъ, сильно замѣшаннымъ въ революціи: они больше всѣхъ желали низверженія Бурбоновъ, которые не мирились съ ними, держали въ опалѣ. Карно, Фуше были призваны въ министерство; но Наполеонъ зналъ, что это не бонапартисты, что у этихъ людей своя вѣра, свои преданія, что они могутъ поддерживать его только случайно, на время, въ виду общаго врага; Наполеонъ не довѣралъ имъ, и не пустилъ другихъ якобинскихъ кандидатовъ въ министерство, что раздражило партію. Еще на дорогѣ къ Парижу Наполеонъ объявилъ обѣ палаты распущенными, и повѣстилъ, чтобъ въ теченіи мая мѣсяца избирательныя коллегіи департаментовъ собрались въ Парижѣ, подъ именемъ чрезвычайнаго собранія Майскаго поля, для принятія мѣръ къ исправленію и измѣненію конституціи согласно съ интересами и волею народа. Надобно было, слѣдовательно, какъ можно скорѣе приготовить эту исправленную и измѣненную конституцію. Но кто же возьмется за это трудное дѣло? Наканунѣ пріѣзда Наполеона въ Парижъ, 19 марта, въ «Journal des Débats» появилась яростная статья противъ возвращающагося императора: «Со стороны короля, — говорилось въ статьѣ, — конституціонная свобода, безопасность, миръ; со стороны Бонапарта — рабство, анархія и война; при немъ намъ угрожаетъ мамелюкское управленіе. Это Аттила, это Чингисъ-ханъ, болѣе страшный, болѣе ненавистный, ибо въ его рукахъ средства цивилизаціи. Онъ является снова, этотъ человѣкъ, покрытый нашею кровію, преслѣдуемый недавно всеобщими проклятіями. Мы будемъ презрѣннѣйшимъ изъ народовъ, если протянемъ къ нему руки. Мы станемъ посмѣшищемъ Европы, бывши прежде ея ужасомъ. Наше рабство не будетъ имѣть извиненія, наше униженіе не будетъ имѣть границъ». Статья была подписана Бенжаменъ-Констаномъ, который изъ республиканца сдѣлался роялистомъ. Авторъ такъ говорилъ о себѣ въ приведенной статьѣ: «Я желалъ свободы подъ всѣми формами; я увидалъ, что она возможна при монархіи; я вижу, какъ король соединяется съ на-

родомъ; я не буду презрѣннымъ перебѣжчикомъ, не стану волочиться отъ одной власти къ другой и прикрывать безчестіе софизмомъ». Вотъ человѣкъ, на котораго можно положиться, говорили роялисты: онъ самъ поставилъ между собою и Наполеономъ неодолимую преграду. Но Наполеонъ лучше зналъ людей,—въ видимой силѣ и стремительности умѣлъ угадывать признаки слабости: и Ней обѣщалъ Бурбонамъ привезти его въ клѣткѣ. Наполеонъ призвалъ къ себѣ Бенжаменъ-Констана, чтобъ поручить ему дѣло составленія новой конституціи. Наполеонъ любилъ поговорить, особенно съ людьми замѣчательными, на которыхъ онъ хотѣлъ произвести сильное впечатлѣніе, которые могли передать это впечатлѣніе другимъ; онъ встрѣтилъ длиннымъ монологомъ представителя либераловъ, идеологовъ: «Франція отдохнула и хочетъ или думаетъ, что хочетъ имѣть трибуну, палаты. Она не всегда ихъ хотѣла; она бросилась къ моимъ ногамъ, когда я достигъ власти. Вы должны хорошо помнить то время; вы тогда попробовали-было стать въ оппозицію: но гдѣ вы нашли подпору, силу?—нигдѣ. Я взялъ меньше власти, чѣмъ сколько мнѣ давали. Теперь все перемѣнилось. Правительство слабое, противное національнымъ интересамъ, дало этимъ интересамъ привычку стоять на сторожѣ и задирать власть. Вкусъ къ конституціямъ, преніямъ, рѣчамъ, кажется, возвратился. Однако не обманывайте себя: вѣдь только меньшинство этого хочетъ. Народъ хочетъ только меня. Говорятъ, что я только солдатскій императоръ, — неправда: я императоръ крестьянъ, плебеевъ, Франціи! Между нами симпатія, не то что̀ между мною и привилегированными. Я вышелъ изъ народныхъ рядовъ, народъ отзывается на мой голосъ. У меня и у него одна натура. Народъ смотритъ на меня, какъ на свою защиту, на своего избавителя отъ благородныхъ. Мнѣ сто̀итъ только сдѣлать знакъ, или отвернуть только голову, какъ всѣ благородные будутъ перерѣзаны во всѣхъ провинціяхъ. Но я не хочу быть королемъ жакеріи. Если есть средства управлять съ конституціею,—въ добрый часъ! Я человѣкъ изъ народа: если народъ хочетъ свободы, я обязанъ ему дать ее. Я призналъ его господство, я долженъ сообразоваться съ его волею, даже съ его капризами. Я не врагъ свободы; я ее отстранялъ, когда она загораживала мнѣ дорогу, но я ее понимаю, я былъ воспитанъ въ ней. Я хочу мира и могу получить его только посредствомъ побѣдъ. Я предвижу долгую войну; въ этой войнѣ нація должна меня поддержать; въ вознагражденіе за эту поддержку она, думаю, потребуетъ свободы— и получитъ ее. Я старѣю; спокойствіе конституціоннаго государя

можетъ быть по мнѣ; по всей вѣроятности, оно будетъ еще больше по моему сыну».

Не нужно было имѣть много проницательности, чтобъ понять суть этого монолога, этой смѣси угровъ своею силою и признанія въ своей слабости: «Я возвратился по народной волѣ; но для утвержденія моего на престолѣ я долженъ вести долгія войны, одерживать побѣды; Франція должна меня поддержать, за эту поддержку она требуетъ свободы, я ее дамъ. Я обязанъ дать конституцію, если народъ ея хочетъ, потому что я признаю господство народа. Но если народъ ея не хочетъ?... да онъ и дѣйствительно ея не хочетъ, хочетъ ея только меньшинство; народъ хочетъ одного меня, и, смотрите: мнѣ стóитъ только отвернуть голову, и народъ васъ всѣхъ перерѣжетъ». Въ словахъ Наполеона заключался тотъ же смыслъ, чтó и въ словахъ графа Артуа: «Захотѣли конституціоннаго правленія: попробуемъ его; если черезъ годъ или черезъ два дѣло не пойдетъ на ладъ, то возвратятся къ естественному порядку вещей».—«Если есть средства управлять съ конституціею, — въ добрый часъ», говорилъ Наполеонъ. Разница состояла въ томъ, что въ словахъ Наполеона было еще меньше ручательства за будущность конституціонной Франціи. Несмотря на то, Бенжаменъ-Констанъ, назначенный государственнымъ совѣтникомъ, принялъ порученіе составить новую конституцію и быстро исполнилъ его; думать много было нéчего: стоило переписать англійскую конституцію. Наполеонъ сдѣлалъ возраженія противъ наслѣдственнаго пэрства, но согласился допустить его: ему было мало дѣла до того, во сколько новая конституція пригодна для Франціи и будетъ ли долговѣчна; онъ смотрѣлъ на новую конституцію, какъ на временное постановленіе, соотвѣтствующее извѣстнымъ условіямъ его положенія, и обнародовалъ ее подъ именемъ «Дополнительнаго акта къ постановленіямъ имперіи». Упрекая Бурбоновъ за то, что они не хотѣли забыть своего прошедшаго, онъ не хотѣлъ забывать своего, выставляя на видъ славу этого прошедшаго. Когда Бенжаменъ-Констанъ настаивалъ, чтобъ въ новой конституціи не было помину о первой имперіи, Наполеонъ отвѣчалъ ему: «Вы у меня отнимаете мое прошедшее, а я хочу сохранить его. Что вы хотите сдѣлать изъ одиннадцати лѣтъ моего царствованія? Думаю, что у меня есть кое-какія права. И вся конституція должна быть связана съ прежнею; она чрезъ это получитъ освященіе многихъ лѣтъ славы и успѣха». Никакъ не согласился императоръ также и на тотъ параграфъ новой конституціи, которымъ отмѣнялась конфискація имуществъ. Этотъ параграфъ былъ въ конституціи, данной Людовикомъ XVIII; но Наполеонъ упрекалъ

Бурбоновъ въ непростительной слабости, и когда члены комитета, составленнаго изъ предсѣдателей отдѣленій государственнаго совѣта для разсмотрѣнія проекта новой конституціи, настаивали на принятіи параграфа, Наполеонъ въ сильномъ раздраженіи, задыхающимся голосомъ, съ конвульсивными движеніями въ рукѣ, сказалъ имъ: «Меня толкаютъ не на мою дорогу; меня ослабляютъ, меня связываютъ. Франція меня ищетъ и не находитъ болѣе. Франція спрашиваетъ, чтó случилось съ рукою прежняго императора, съ рукою, которая нужна ей для побѣды надъ Европою? Чтó мнѣ толкуютъ о благости, объ отвлеченномъ правосудіи, объ естественныхъ законахъ? Первый законъ—законъ необходимости; первое требованіе справедливости есть требованіе спасенія государства. Хотятъ, чтобъ люди, которыхъ я осыпалъ богатствомъ, пользовались этимъ богатствомъ для составленія заговоровъ противъ меня за границею. Этого быть не можетъ, этого не будетъ; когда будетъ заключенъ миръ, тогда посмотримъ. Каждому дню его забота, каждому обстоятельству его законъ, каждому его натура. Моя натура не ангельская; повторяю, надобно, чтобъ почувствовали руку стараго императора».

Старый императоръ обнаруживалъ изумительную дѣятельность, писалъ по 150 писемъ въ день, а между тѣмъ руки стараго императора не чувствовалось. Никто не былъ увѣренъ, чтобъ этой руки было достаточно; и не былъ увѣренъ въ этомъ самъ Наполеонъ. Сначала онъ разсчитывалъ, что быстротою успѣха своего онъ смутитъ государей, уже разъединенныхъ, и они согласятся оставить его спокойно царствовать во Франціи; онъ надѣялся, что Австрія, больше всѣхъ напуганная поднятіемъ значенія Россіи, поспѣшитъ уравновѣсить это значеніе поддержкою императорской Франціи. На дорогѣ къ Парижу, созывая чрезвычайное собраніе Майскаго-поля, Наполеонъ цѣлію этого собранія, кромѣ измѣненія конституціи, поставилъ еще присутствіе при коронаціи императрицы Маріи-Луизы и короля римскаго, и нѣкоторые были обмануты этимъ торжественнымъ объявленіемъ, думали, что дѣйствительно Австрія на сторонѣ Наполеона, и что императоръ Францъ поспѣшитъ прислать дочь и внука во Францію. Но долго обманываться и обманывать было нельзя.

Извѣстіе о возвращеніи Наполеона во Францію дѣйствительно поразило сильно вѣнскихъ гостей и хозяевъ. Прежде всего излили свою горечь въ упрекахъ императору Александру, зачѣмъ онъ настоялъ на отсылкѣ Наполеона на островъ Эльбу, въ такое близкое сосѣдство съ Италіею и Франціею; но потомъ, по инстинкту самосохраненія, должны были подчиниться вліянію рус-

скаго императора, превосходившаго всѣхъ другихъ государей личными средствами. Наполеонъ опять оказывалъ ему услугу: польско-саксонскій вопросъ разстроилъ союзъ между четырьмя сильнѣйшими государствами Европы, ослабилъ значеніе императора Александра, бывшаго главою этого союза, далъ возможность и французскому правительству высказать свои враждебныя отношенія къ Россіи, условленныя личными отношеніями Людовика XVIII къ русскому императору. Но теперь опасность, снова начавшая грозить всѣмъ отъ Наполеона, возстановляла союзъ, возстановляла значеніе императора Александра, его первенство между союзными государями. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись и отношенія Франціи къ Россіи. Императоръ Александръ, имѣвшій столько причинъ къ неудовольствію на Талейрана и не скрывавшій этого неудовольствія, теперь перемѣнилъ свое обращеніе съ министромъ Людовика XVIII, выразивъ всю готовность помочь королю въ борьбѣ съ похитителемъ; Талейранъ писалъ королю, что если иностранная помощь необходима, то надобно, чтобъ при поданіи этой помощи Россія играла главную роль, потому что она одна не можетъ думать объ увеличеніи своихъ владѣній на счетъ Франціи. 13-го марта представители восьми государствъ подписали декларацію, составленную Талейраномъ. Въ деклараціи говорилось, что Наполеонъ Бонапартъ, уничтоживши конвенцію, по которой онъ былъ утвержденъ владѣтелемъ острова Эльбы, и вторгнувшись во Францію съ цѣлію произвести смуту и переворотъ, тѣмъ самымъ потерялъ право на покровительство законовъ и показалъ предъ лицомъ вселенной, что съ нимъ нельзя имѣть ни мира, ни перемирія. Вслѣдствіе чего государства объявляютъ, что Наполеонъ Бонапартъ поставилъ себя внѣ всякихъ отношеній гражданскихъ и общественныхъ, и, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, предалъ себя общественному мщенію. Государства употребятъ всѣ средства и соединятъ всѣ усилія для обезпеченія Европы отъ всякой попытки, которая будетъ грозить народамъ возобновленіемъ революціонныхъ безпорядковъ и бѣдствій. Всѣ государи Европы увѣрены, что Франція станетъ крѣпко при своемъ законномъ королѣ и уничтожитъ безумную и безсильную попытку; но если, противъ чаянія, изъ этого событія произойдетъ какая-нибудь серьёзная опасность, то они готовы подать французскому королю и народу и всякому другому правительству, подвергнувшемуся нападенію, необходимую помощь, какъ только она будетъ потребована.

Мы не будемъ разсуждать о томъ, имѣли ли союзные государи право объявлять Наполеона внѣ отношеній гражданскихъ и общественныхъ за то, что онъ, въ качествѣ независимаго го-

сударя, напалъ на другого государя; мы замѣтимъ только, что эта декларація составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ европейской исторіи, показывая, до какихъ результатовъ могло дойти общее союзное дѣйствіе государей и до какихъ результатовъ можно было дойти впослѣдствіи, еслибъ союзное дѣйствіе, по обстоятельствамъ, продолжилось.

Въ деклараціи 13 марта, государи еще говорили объ увѣренности своей, что *безумная* попытка Наполеона не удастся. Скоро они должны были разувѣриться; но чѣмъ быстрѣе были успѣхи Наполеона, тѣмъ сильнѣе становилась ревность императора Александра поддержать союзъ и заставить его дѣйствовать такъ, какъ говорилось въ деклараціи. 25 марта подписанъ былъ договоръ между Россіею, Пруссіею, Австріею и Англіею, въ которомъ союзники обязывались соединить всѣ свои силы для поддержанія парижскаго договора 30 мая 1814 года и рѣшеній вѣнскаго конгресса; Россія, Австрія и Пруссія обязались выставить немедленно по 150,000 войска, Англія платить 5 милл. фунт. субсидій. Знаменитѣйшій изъ генераловъ союза, герцогъ Веллингтонъ, отправился въ Нидерланды для организованія средствъ къ защитѣ противъ наступательнаго движенія Наполеона. Надѣялись еще, что Людовикъ XVIII и члены его фамиліи удержатся въ какомъ-нибудь углу Франціи; но и эта надежда скоро исчезла. Король не могъ остаться въ Лиллѣ при видѣ враждебнаго расположенія къ себѣ гарнизона, и удалился въ Нидерланды, гдѣ остался жить въ Гентѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Лилля онъ сказалъ герцогу Орлеанскому: «Вы можете дѣлать все, что̀ вамъ угодно». Герцогъ объявилъ, что отправляется въ Англію, куда уже отослалъ свое семейство. «Это всего лучше», отвѣчалъ король. Людовикъ-Филиппъ написалъ маршалу Мортье прощальное письмо, въ которомъ находились слѣдующія выраженія: «Отдаю вамъ вполнѣ команду, которую имѣлъ счастіе раздѣлять съ вами... Будучи добрымъ французомъ, я не могу жертвовать интересами Франціи, потому что новыя несчастія принуждаютъ меня ее покинуть; уѣзжаю, чтобъ погребсти себя въ уединеніе и забвеніе». Король и принцы были очень недовольны этими выраженіями. Разсказывали, что, при прощаніи съ маршаломъ Мортье, герцогъ показалъ ему маленькую трехцвѣтную кокарду и сказалъ: «Она меня никогда не покидала; не правда ли, что тяжело быть принужденнымъ покинуть Францію, не будучи въ состояніи опять надѣть эту кокарду?»

Роялистскія движенія въ разныхъ углахъ Франціи были остановлены; вся Франція признала возстановленную имперію; но это нисколько не подѣйствовало на перемѣну отношеній Европы

къ Наполеону. Напрасно старался онъ войти въ сношенія съ разными дворами, увѣряя въ своемъ миролюбіи, напрасно переслалъ императору Александру договоръ, заключенный между Австріею, Англіею и Франціею противъ Россіи и Пруссіи: всѣ письма его были складываемы на столѣ конгресса и читаемы въ общемъ присутствіи; агентовъ его останавливали. Въ Германіи обнаружилось страшное ожесточеніе противъ Франціи, органомъ котораго явился преимущественно журналъ «Рейнскій Меркурій»: здѣсь говорилось, что съ французами нельзя обходиться какъ съ обыкновенными врагами, но какъ съ бѣшеными собаками — бить! Надобно вести войну съ Наполеономъ, но еще больше съ французскимъ народомъ, который 25 лѣтъ мучитъ Европу; нужно его разбить на нѣсколько отдѣльныхъ народностей: Бургундовъ, Шампанцевъ, Овернцевъ, Бретоновъ, давъ каждой особаго короля; Альзасъ, Лотарингію и Фландрію присоединить къ Германіи, которую усилить единствомъ, давши императора. Но союзные государи и теперь, какъ въ 1814 г., спѣшили отдѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи, объявить, что они ведутъ войну только съ Наполеономъ. Въ то же время союзники отстраняли и вопросъ о возвращеніи Бурбоновъ. Въ англійскомъ парламентѣ послышались сильныя возраженія противъ войны за Бурбоновъ, противъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи; вслѣдствіе этого министерство, хотя и желавшее больше всего возстановленія Бурбоновъ, сочло нужнымъ объявить союзникамъ, что его британское величество не считаетъ себя обязаннымъ вести войну съ цѣлію навязать Франціи какое-нибудь правительство. Когда пошла рѣчь о манифестѣ союзниковъ, въ которомъ бы говорилось — что Европа принимается за оружіе для сокрушенія могущества Наполеона, то представитель Англіи въ Вѣнѣ, лордъ Кланкарти объявилъ, что манифестъ не скажетъ всего, что́ долженъ сказать; нельзя довольствоваться низверженіемъ Бонапарта; не должно отворять двери якобинцамъ, которые хуже Бонапарта. Императоръ Александръ замѣтилъ на это, что якобинцы опасны только какъ союзники Наполеона, и потому ихъ надобно отвлечь отъ него; въ случаѣ его паденія они ему не наслѣдники. Надобно отложить всякую декларацію до того времени, когда союзныя войска приблизятся къ Франціи. Но надобно согласиться, что́ дѣлать, когда Бонапартъ будетъ низвергнутъ; надобно сообразить послѣдствія, принять мѣры для успокоенія Европы, которая не можетъ быть покойна, если во Франціи будутъ происходить волненія, а волненія не прекратятся, пока не установится въ ней правительство, удовлетворяющее всѣмъ. Лордъ Кланкарти сказалъ на это, что

Францiя была счастлива подъ скипетромъ короля, имѣвшаго за себя голосъ нацiи. Императоръ замѣтилъ, что Людовикъ XVIII имѣлъ за себя страдательную часть народа, которая умѣетъ только вздыхать о бѣдствiяхъ революцiи, а не умѣетъ ей препятствовать, но другая часть народа, которая дѣйствуетъ, выдается на первый планъ, владѣетъ страною, эта часть подчинится ли правительству, которому измѣнила, будетъ ли ему вѣрна? Можно ли навязать его ей насильно войною истребительною и, можетъ быть, безконечною?—Кланкарти сказалъ на это, что обязанность оканчивается тамъ, гдѣ начинается невозможность; но пока возможно, государства обязаны поддерживать права законнаго государя и не потрясать ихъ возбужденiемъ вопроса о томъ, нужно ли ихъ покинуть. «Мы прежде всего,—возразилъ императоръ,—имѣемъ обязанности въ отношенiи другъ къ другу и къ нашимъ народамъ. Если мы не увѣрены въ прочности королевскаго правительства, то, возстановляя его (какъ бы ни легко было возстановленiе), мы приготовимъ только для Францiи и для Европы новыя катастрофы. Въ случаѣ новаго переворота будемъ ли мы въ соединенiи, какъ теперь? Будетъ ли у насъ миллiонъ солдатъ? Какая вѣроятность, что съ тѣми же элементами правительство Людовика XVIII будетъ болѣе прочно? Возстановленiе короля, котораго мы всѣ желаемъ, и я особенно, можетъ встрѣтить препятствiя неодолимыя: надобно ихъ сообразить, приготовиться. Прошлый годъ можно было бы установить регентство, мнѣ казалось, что оно можетъ согласить всѣ интересы; но Марiя-Луиза, съ которою я говорилъ, не хочетъ ни подъ какимъ видомъ возвратиться во Францiю, хочетъ, чтобъ сынъ ея остался въ Австрiи. Австрiя также не хочетъ регентства, не думаетъ о немъ. Притомъ обстоятельства уже не тѣ. Я думаю, что для общаго соглашенiя всего удобнѣе герцогъ Орлеанскiй, французъ, Бурбонъ, мужъ принцессы изъ дома бурбонскаго, онъ имѣетъ сыновей, онъ служилъ конституцiонному дѣлу, носилъ три цвѣта, которыхъ никогда не должно было бы покидать, я это часто говорилъ въ Парижѣ. Онъ соединилъ бы всѣ партiи. Какъ вы объ этомъ думаете? Каково будетъ объ этомъ мнѣнiе въ Англiи?» Лордъ Кланкарти отвѣчалъ, что онъ не можетъ угадать мнѣнiя своего двора о предметѣ совершенно новомъ; но, по его мнѣнiю, опасно покидать законность для какого бы то ни было похищенiя. Меттернихъ, узнавши объ этомъ разговорѣ, объявилъ, что не время еще поднимать подобные вопросы, а надобно дожидаться событiй; но во французской газетѣ, которая, какъ было извѣстно, издавалась подъ русскимъ влiянiемъ, появилась статья, гдѣ говорилось, что государства

твердо рѣшились низвергнуть Наполеона, но не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, которая будетъ вольна избрать себѣ правительство, какое захочетъ.

Такимъ образомъ, если не былъ рѣшенъ вопросъ о Бурбонахъ, то вопросъ о Наполеонѣ былъ рѣшенъ окончательно, и это рѣшеніе отнимало руки у него и у его приверженцевъ. Видѣли изнеможеніе Франціи, недостаточность ея средствъ, видѣли невозможность успѣха въ борьбѣ съ цѣлою Европою и тѣмъ болѣе раздражались противъ человѣка, который требовалъ безплодныхъ усилій народныхъ, который своимъ появленіемъ поставилъ страну въ такое опасное положеніе, который служитъ единственнымъ препятствіемъ для возстановленія мира, для возстановленія истощенныхъ силъ. И даже въ случаѣ успѣха какая выгода?—Ясно видно, что «Дополнительный актъ» только временная мѣра, и побѣдоносный императоръ не будетъ долго обращать на него вниманія. Положеніе Наполеона было тяжко: для своего поддержанія, для полученія средствъ къ борьбѣ, онъ постоянно долженъ былъ принимать мѣры, которыя не соотвѣтствовали его характеру, его привычкамъ, связывали ему руки, унижали его въ собственныхъ глазахъ. Онъ долженъ былъ уступить *идеологамъ*, которыхъ такъ не любилъ, надъ которыми прежде такъ смѣялся, долженъ былъ дать имъ «Дополнительный актъ», который однако удовлетворилъ очень немногихъ. Но его ждало еще новое униженіе: онъ долженъ былъ дозволить демократическое движеніе, заискивать у черни. 24 апрѣля, толпа жителей изъ департаментовъ, составлявшихъ старинную Бретань, сошлись въ Реннѣ и подписали актъ, которымъ обязывались поддерживать національное дѣло, вооружиться для защиты свободы и императора. Наполеонъ сильно разсердился сначала на эту незванную и непрошенную бретонскую федерацію; но братъ его, Луціанъ, Карно и Фуше уговорили его признать ее и воспользоваться ея силами для борьбы съ Европою. Движеніе, признанное правительствомъ, быстро распространилось повсюду. Въ Парижѣ пошли въ федералы преимущественно рабочіе изъ предмѣстій, получившихъ кровавую извѣстность во время революціонныхъ ужасовъ; Наполеонъ счелъ нужнымъ заискивать у нихъ, поѣхалъ къ нимъ, называлъ храбрыми патріотами, обѣщалъ имъ 40,000 ружей, сдѣлалъ имъ смотръ; федералы кричали: «да здравствуетъ императоръ!» но чаще и сильнѣе кричали: «да здравствуетъ нація! да здравствуетъ свобода!» Это возобновленіе революціонныхъ сценъ и криковъ навели ужасъ на достаточные классы и увеличили его отвращеніе къ правительству, вызвавшему эти сцены и крики. Въ про-

винціяхъ движеніе было еще сильнѣе, крики еще яростнѣе; раздавались угрозы духовенству, дворянамъ, богатымъ; марсельскій гимнъ, смолкнувшій двадцать лѣтъ назадъ, раздавался повсюду. Наполеонъ, раздраженный этими явленіями и еще болѣе раздраженный сознаніемъ собственной слабости, собственнаго униженія, складывалъ всю вину на Бурбоновъ, которые, по его словамъ, сдали ему Францію сильно избалованною. Говорятъ, будто онъ признавался, что если бы могъ предвидѣть, до какой степени онъ долженъ будетъ заискивать у демократической партіи, то никогда бы не оставилъ Эльбы.

Напрасно также Наполеонъ надѣялся, что освобожденная печать не будетъ ему опасна, что она бросится на Бурбоновъ, а его оставитъ въ покоѣ, потому что все дурное о немъ уже сказано. Роялистскіе писатели открыто защищали Бурбоновъ и требовали ихъ возвращенія, какъ единственнаго средства спасти Францію. Другіе говорили, что такъ какъ союзники не хотятъ входить въ сношеніе съ императоромъ, то будущая палата представителей должна отправить къ нимъ депутацію и предложить имъ войти въ сношеніе съ націею; мало того, въ печати являлись прямые вызовы къ убійству Наполеона. Въ новую палату депутатовъ было выбрано очень мало бонапартистовъ. Между адресами къ императору отъ избирательныхъ коллегій, собранныхъ къ Майскому-полю, многіе отличались большою смѣлостію, сильно вооружались противъ деспотизма и безпрерывныхъ войнъ первой имперія; объявляли, что «Дополнительный актъ» недостаточенъ, что нація ожидаетъ полной либеральной конституціи. Биржевой барометръ падалъ низко: при извѣстіи о высадкѣ Наполеона курсъ ренты понизился отъ 77 до 60 франковъ, 20 марта поднялся до 73 франковъ, но потомъ постепенно понизился до 55; банковыя акціи упали съ 1,200 до 800.

Это паденіе биржевого барометра предвѣщало приближеніе войны. Въ «Вѣнской газетѣ» явился докладъ коммиссіи, составленной изъ представителей восьми государствъ, гдѣ помѣщены были возраженія на счетъ того, что иностранныя государства не имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и низвергать государя, принятаго націею. «Государства знаютъ очень хорошо правила, которыми должны руководствоваться въ отношеніяхъ своихъ къ странѣ независимой и не станутъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, назначать ей форму правленія, давать ей государей согласно съ интересами или со страстями ея сосѣдей. *Но они знаютъ также, что свобода націи,—перемѣнять свою систему правленія, должна*

имѣть предѣлы, и если иностранныя государства не имѣютъ права предписывать употребленіе, какое она можетъ сдѣлать изъ этой свободы, то они имѣютъ право протестовать противъ злоупотребленія, какое она можетъ позволить себѣ на ихъ счетъ. Государства не считаютъ себя въ правѣ навязывать Франціи правительство; но они никогда не откажутся отъ права препятствовать тому, чтобъ, подъ видомъ правительства, во Франціи не образовался источникъ безпорядка и разрушенія для другихъ государствъ. Уничтоженіе правительства, которое хотятъ теперь возстановить, было основнымъ условіемъ мира съ Франціею. Вступая въ Парижъ, государи объявили, что никогда не вступятъ въ мирные переговоры съ Бонапартомъ. Это объявленіе, съ восторгомъ принятое Франціею и Европою, повело къ отреченію Наполеона и конвенціи 11 апрѣля». Коммиссія выставляла на видъ, что французы, если бы даже при возстановленіи Наполеона они дѣйствовали свободно и единодушно, этимъ возстановленіемъ уничтожали парижскій договоръ и объявляли войну союзникамъ, возобновляя тѣ самыя отношенія, какія существовали до вступленія союзниковъ въ Парижъ. Противъ этого существовало возраженіе: между положеніемъ союзниковъ и Франціи въ 1814 и въ 1815 годахъ большая разница: въ 1814 г. Наполеонъ не предлагалъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ парижскій; теперь, въ 1815 году, Наполеонъ предлагаетъ точно такой же миръ: на какомъ основаніи союзники отвергаютъ его? только изъ оскорбленнаго самолюбія, зачѣмъ Франція возстановила то правительство, съ которымъ они прежде не хотѣли вступать въ мирныя соглашенія? На этотъ вопросъ коммиссія отвѣчала очень нелестнымъ изображеніемъ Наполеона, для показанія, что съ такимъ человѣкомъ нельзя никогда входить въ мирныя соглашенія: «Человѣкъ, который пожертвовалъ милліонами людей и счастіемъ цѣлаго поколѣнія системѣ завоеваній, причемъ кратковременныя перемирія дѣлали систему еще тягостнѣе и ненавистнѣе; который, утомивши счастіе безразсудными предпріятіями, вооруживши противъ себя цѣлую Европу и истощивши всѣ средства Франціи, былъ принужденъ, наконецъ, оставить свои проекты и отречься отъ власти; который въ то время, когда европейскіе народы предавались надеждѣ продолжительнаго спокойствія, замышлялъ новые перевороты и овладѣлъ покинутымъ трономъ, овладѣлъ посредствомъ двойного воровства въ отношеніи къ государствамъ, слишкомъ великодушно его пощадившимъ, и въ отношеніи къ правительству, низвергнутому самою черною измѣною,—такой человѣкъ не представляетъ Европѣ другого руча-

тельства, кромѣ своего слова. Послѣ пятнадцатилѣтняго жестокаго опыта, кто будетъ имѣть смѣлость принять это ручательство? Миръ съ правительствомъ, находящимся въ такихъ рукахъ, будетъ состояніемъ неизвѣстности, безпокойства и опасности. Государства должны будутъ постоянно держать войска свои наготовѣ, народы не воспользуются никакою выгодою настоящаго мира, они будутъ подавлены налогами всякаго рода, довѣренность не установится нигдѣ, промышленность и торговля будутъ находиться въ самомъ печальномъ положеніи, не будетъ ничего постояннаго въ отношеніяхъ политическихъ; чувство недовольства овладѣетъ всѣми, и каждый день Европа въ тревогѣ будетъ ждать взрыва. Открытая война, разумѣется, предпочтительнѣе такого положенія».

Указывалось, что теперь отношенія между Франціею и Европою такія же, какія были въ прошломъ году до вступленія союзниковъ въ Парижъ: и люди близкіе и приверженные къ Наполеону не могли не признать вѣрности этого указанія, относительно средствъ борьбы для Европы и для Франціи; невозможность борьбы представлялась ясно уму каждаго, и вслѣдъ за тѣмъ представлялось, какъ единственное средство избѣжать борьбы, то же средство, какое было употреблено и въ 1814 году, отреченіе Наполеона, котораго Европа также не хочетъ и теперь, какъ тогда не хотѣла,—мысль тѣмъ болѣе доступная для приверженцевъ имперіи, что являлась возможность отреченія Наполеона въ пользу сына, ибо союзники продолжали не настаивать на возвращеніи Бурбоновъ. Вслѣдствіе исчезновенія прежняго благоговѣнія къ непобѣдимому герою, близкіе люди обращались теперь свободно съ Наполеономъ и рѣшились говорить ему о необходимости отреченія, которое успокоитъ Францію и утвердитъ его династію. Но странно было бы ожидать, чтобы герой ста битвъ рѣшился на вторичное отреченіе, не испытавши военнаго счастія; отреченіе не уйдетъ и послѣ пораженія. «Такъ вы хотите австрійку регентшею? — отвѣчалъ онъ предлагавшимъ отреченіе:—я не соглашусь на это никогда, ни какъ отецъ, ни какъ мужъ, ни какъ гражданинъ. По-мнѣ лучше Бурбоны. Моя жена будетъ игрушкою всѣхъ партій, мой сынъ будетъ несчастенъ, Франція будетъ унижена подъ иностраннымъ вліяніемъ. Есть фамильныя причины, которыхъ я не могу сказать». Но объ отреченіи сильно толковали уже враждебные журналы; «Цензоръ» говорилъ: «Если Наполеонъ отрекся въ 1814 году для предотвращенія междоусобной войны и прекращенія войны внѣшней, то зачѣмъ онъ не отрекается въ 1815 году, когда междоусобная война готова вспыхнуть, и Франціи грозитъ нашествіе всѣхъ народовъ Европы? Развѣ отечество менѣе дорого ему въ

нынѣшнемъ году, чѣмъ въ прошломъ, и неужели отреченіе въ пользу Вурбоновъ предпочитаетъ онъ отреченію въ пользу собственнаго сына?»

Арміи союзниковъ со всѣхъ сторонъ приближались къ французскимъ границамъ. Было рѣшено, что императоръ встрѣтитъ ихъ на чужой почвѣ. Но прежде отъѣзда въ армію, 1-е іюня назначено было днемъ Майскаго-поля или торжества принятія новой конституціи, то-есть «Дополнительнаго акта». На Марсовомъ-полѣ собралось 30,000 національныхъ гвардейцевъ изъ Парижа и департаментовъ, 20,000 императорской гвардіи и линейныхъ войскъ, члены избирательныхъ коллегій, депутаціи сухопутнаго и морского войска, новоизбранные члены палаты депутатовъ. Наполеонъ пріѣхалъ въ мантіи, усѣянной пчелами, въ токѣ съ перьями, въ атласныхъ башмакахъ. Архи-канцлеръ провозгласилъ результаты подачи голосовъ въ пользу и противъ «Дополнительнаго акта»: 1,288,357 голосовъ оказались въ пользу, 4,207 противъ. Герольдмейстеръ, именемъ императора, провозгласилъ, что «Дополнительний актъ» принятъ народомъ. Наполеонъ говорилъ рѣчь: «Императоръ, консулъ, солдатъ — я все получилъ отъ народа. Въ счастіи, бѣдствіи, на полѣ бранномъ, въ совѣтѣ, на тронѣ, въ изгнаніи, Франція была постояннымъ предметомъ моихъ мыслей и дѣйствій. Негодованіе при видѣ попранныхъ правъ, священныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ двадцатью годами побѣдъ, вопль поруганной французской чести, мольбы націи снова призвали меня на этотъ тронъ. Если бы я не видѣлъ, что стремленія враговъ направлены противъ отечества, я отдалъ бы имъ это существованіе, противъ котораго они высказываютъ такое ожесточеніе. Французы, имѣющіе возвратиться въ свои департаменты, скажите согражданамъ, что пока они будутъ питать ко мнѣ чувства любви, ярость враговъ нашихъ будетъ безсильна. Французы! моя воля есть воля народа, мои права — права народа, моя честь, моя слава, мое счастіе суть честь, слава, счастіе Франціи».

Но восторженные клики слышались только въ рядахъ войска, при видѣ котораго у многихъ сжималось сердце; тяжелое предчувствіе владѣло большинствомъ, и Майское-поле не произвело ожидаемаго дѣйствія. Было обѣщано, что въ этотъ день будетъ коронація императрицы и короля римскаго: но гдѣ жена, гдѣ сынъ? Наполеонъ явился одинокъ, обманутый и обманувшій. Нѣкоторые спѣшили на Марсово-поле въ ожиданіи, что здѣсь произойдетъ отреченіе Наполеона отъ престола. Во время самаго торжества, Фуше сказалъ тихонько королевѣ Гортензіи: «Императоръ упустилъ прекрасный случай отреченіемъ завершить

свою славу и упрочить престолъ за сыномъ, я ему это совѣтовалъ, но онъ не хочетъ слушать совѣтовъ». Всѣ возвратились неудовлетворенные, и Майское-поле явилось представленіемъ старой, наскучившей пьесы съ обветшалыми декораціями и костюмами.

Собралась новая палата депутатовъ. Императоръ хотѣлъ, чтобъ президентомъ палаты былъ избранъ братъ его Луціанъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ государственныхъ министровъ, именно графъ Мерлэнъ-де-Дуэ: палата знала желаніе императора и выбрала прежняго сенатора Ланжюинé, высказавшаго свою враждебность къ имперіи въ 1814 году, даже ни одинъ бонапартистъ не попалъ и въ вице-президенты, которыхъ было четыре. Составъ палаты представлялъ хаосъ; партіи, изъ которыхъ ни одна не могла обѣщать себѣ большинства, безпорядочно сталкивались другъ съ другомъ (discordia semina rerum!); но менѣе всего можно было видѣть въ этой странной палатѣ желаніе поддержать имперію. Наполеонъ сердился, грозилъ: «Я не Людовикъ XVI, я не позволю предписывать себѣ законы адвокатамъ или отрубить себѣ голову бунтовщикамъ! За всѣ уступки меня оскорбляютъ; ну, хорошо! я распущу палату и аппеллирую къ Франціи, которая знаетъ одного меня». Занялись составленіемъ палаты пэровъ, и многіе отказались отъ опасной чести быть наполеоновскими пэрами; особенно огорчилъ Наполеона отказъ маршала Макдональда.

Но побѣда можетъ все поправить и превратить мятежниковъ въ льстецовъ.... 12-го іюня Наполеонъ отправился къ арміи.

Чрезъ 12 дней курсъ на биржѣ поднялся, будетъ скоро миръ: получено было извѣстіе о пораженіи Наполеона, при Ватерлоо, англо-прусскою арміею.

III.

Вторая реставрація до Ахенскаго конгресса.

Великій полководецъ поставилъ на одну битву всю свою будущность, и битва была проиграна. Въ Ланѣ остановился на нѣсколько часовъ побѣжденный императоръ, чтобъ хотя сколько-нибудь собраться съ силами и съ мыслями. Зашумѣли мнѣнія: надобно возвратиться въ Парижъ немедленно, обратиться къ палатамъ за помощью, ободрить патріотовъ своимъ присутствіемъ, напугать противныя партіи. Въѣхать императору въ Парижъ въ настоящую минуту, значитъ погубить себя, говорили другіе; палаты, не видя его болѣе въ челѣ арміи, пожертвуютъ имъ для своего спасенія. Наполеонъ хотѣлъ-было сначала предпочесть второе мнѣніе, засѣсть въ Ланѣ и собирать остатки разбитой арміи; но огромное большинство было противъ этого рѣшенія, а Наполеонъ уже потерялъ вѣру въ самого себя и привычку брать все на свою отвѣтственность; въ такомъ положеніи голосъ большинства даетъ человѣку ту опору, которую онъ потерялъ внутри самого себя, хотя умъ и протестуетъ противъ этого голоса. «Я увѣренъ,—говорилъ Наполеонъ, садясь въ карету,—что меня заставляютъ сдѣлать глупость: мое настоящее мѣсто здѣсь».

Возвратиться въ Парижъ безъ побѣды, безъ мира, требовать крайнихъ усилій у людей истощенныхъ, жаждущихъ покоя? Наполеонъ и окружавшіе его должны были помнить, въ какомъ положеніи они оставили Парижъ: глубокое молчаніе царствовало повсюду, печаль была написана на всѣхъ лицахъ; знакомые избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ, боялись промолвить слово, потому что вездѣ сновали шпіоны; мѣста публичныхъ прогулокъ, самъ Палерояль, превратились въ пустыню; торговля останови-

лась, купцы, издерживавшіе по 50 и 60 франковъ въ день, не продавали и на 6 франковъ въ недѣлю. Только миръ могъ прекратить это невыносимое положеніе, а Наполеонъ шелъ въ Парижъ предлагать ожесточенную войну.

Ночью съ 20 на 21 іюня сильное движеніе въ Елисейскомъ дворцѣ: пріѣхалъ императоръ. Задыхающимся отъ усталости и волненія голосомъ, въ отрывочныхъ фразахъ разсказывалъ Наполеонъ Коленкуру о страшномъ пораженіи, складывая вину на паническій страхъ, овладѣвшій войскомъ, на маршала Нея. «А что палаты?» — «Плохо,—отвѣчалъ Коленкуръ:—желаютъ отреченія, у всѣхъ дурное расположеніе духа». — «Я это предвидѣлъ,—говоритъ Наполеонъ:—я былъ увѣренъ, что будетъ раздѣленіе и потеряютъ послѣднія средства, которыя у насъ еще остаются. Бѣдствіе велико, но въ соединеніи мы могли бы поправиться, раздѣленные—мы добыча иностранцевъ». На другой день, братья Наполеона и министры собрались во дворецъ для совѣщанія: надобно принять рѣшительныя мѣры, объявить отечество въ опасности, призвать всѣхъ къ оружію, защищаться до послѣдней крайности; но это все пустыя слова безъ рѣшенія главнаго вопроса: что́ палаты? — одни говорятъ, что на нихъ нельзя положиться, другіе утверждаютъ противное; одни говорятъ, что если палата депутатовъ откажется помогать императору, то онъ долженъ распустить ее и овладѣть диктатурою для спасенія страны; другіе предлагаютъ, что не нужно распускать палату, а только прекратить на время ея засѣданія.

Въ Елисейскомъ дворцѣ разсуждали о томъ, что́ сдѣлать съ палатою; въ палатѣ разсуждали о томъ, что́ дѣлать съ Наполеономъ. Если во дворцѣ естественно и необходимо рождался вопросъ объ отстраненіи палаты, о диктатурѣ, то между членами палаты естественно и необходимо являлась прежде всего мысль, что во дворцѣ будетъ поставленъ вопросъ объ ея отстраненіи, а натура Наполеона, его положеніе заставляли думать, что вопросъ будетъ имъ рѣшенъ не въ пользу палаты. Фуше́ тутъ и дѣйствуетъ на первомъ планѣ, пользуется *своимъ временемъ*. Домъ горитъ, надобно изъ него бѣжать, надобно какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ Наполеона для собственной безопасности; Фуше́ уже прежде пугалъ членовъ палаты: «*Онъ* возвратится какъ бѣшеный, предложитъ чрезвычайныя мѣры, и если вы не согласитесь, то распуститъ палаты». Когда *онъ* возвратился, то Фуше́ прямо давалъ знать, что въ Елисейскомъ дворцѣ уже рѣшено распущеніе палаты. И палата дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, спѣшитъ отстоять себя, причемъ, разумѣется, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія, видитъ

въ Наполеонѣ врага своего, котораго существованіе не совмѣстимо съ ея существованіемъ. Но кто же первый начнетъ дѣйствовать въ палатѣ, кто первый подастъ голосъ? Подаетъ его человѣкъ передовой въ революціи, имѣвшій право нѣкоторое время считать себя главною силою во Франціи, забытый потомъ, но теперь дождавшійся своего времени. Въ палатѣ говоритъ Лафайетъ: «Въ первый разъ послѣ двадцати-пяти лѣтъ я поднимаю голосъ, который, конечно, узнаютъ старые друзья свободы: я чувствую призваніе говорить вамъ объ опасностяхъ отечества, которое вы одни теперь можете спасти. Зловѣщіе слухи, къ несчастію, подтвердились. Наступило время собраться около стараго трехцвѣтнаго знамени, знамени 89 года, знамени свободы, равенства и общественнаго порядка; это знамя мы должны теперь защищать противъ иностранныхъ притязаній и противъ внутреннихъ попытокъ сломить его. Позвольте ветерану этого священнаго дѣла, всегда чуждому духа партій, сдѣлать вамъ нѣсколько предложеній». Предложенія состояли въ слѣдующемъ: «Палата объявляетъ, что независимость націи въ опасности. Палата объявляетъ себя постоянною; всякая попытка распустить ее есть измѣна; виновный въ подобной попыткѣ будетъ провозглашенъ измѣнникомъ отечества и немедленно судимъ какъ таковой. Министры военный, иностранныхъ дѣлъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ приглашаются немедленно явиться въ палату».

Не было толковъ о томъ, что эти предложенія были революціонныя, не конституціонныя, что палата незаконно захватывала въ свои руки всю власть, незаконно отнимала у власти исполнительной право распускать палату, грозя этой исполнительной власти обвиненіемъ въ измѣнѣ отечеству. Палата, по призыву знаменитаго революціонера, открыто устремилась по революціонной дорогѣ, дѣйствуя по инстинкту самосохраненія, поставивши прямо вопросъ: *или я, или онъ?* Предложенія Лафайета были приняты съ восторгомъ; когда одинъ изъ депутатовъ спросилъ Лафайета: можно ли надѣяться безъ Наполеона сладить съ врагами внутренними и внѣшними, тотъ отвѣчалъ ему: «Будьте покойны: когда мы избавимся отъ него, то все уладится». Палата перовъ послѣдовала примѣру палаты депутатовъ.

Въ Елисейскомъ дворцѣ тотчасъ же узнали о рѣшеніяхъ палатъ, и началась агонія власти: то вдругъ выскажется чувство своей силы, память о прошломъ значеніи; то вдругъ ясный умъ представитъ всѣ трудности положенія, отсутствіе средствъ въ борьбѣ, и наступаетъ убѣжденіе въ необходимости прекратить борьбу, отказаться отъ дѣятельности: «Передъ 500,000 враговъ я все, другіе ничто; пошлю отрядъ гвардіи и разгоню дерзкую

палату: армія будетъ въ восторгѣ, народъ не тронется, приму диктатуру и спасу Францію!» Но гдѣ эта армія, которая будетъ въ восторгѣ? гдѣ средства спасти Францію? Одного человѣка недостаточно, хотя бы этотъ человѣкъ и назывался Наполеономъ; притомъ же очарованіе имени исчезло, ибо къ нему нельзя было больше прибавить эпитетъ: *непобѣдимый*. «Если Франція во мнѣ больше не нуждается, то я отрекусь».—Потомъ опять гнѣвъ и угроза бросить въ Сену депутатовъ. Съ императоромъ братъ его Луціанъ, человѣкъ смѣлый, рѣшительный, но безъ средствъ распознавать знаменія времени; Луціанъ не могъ понять различія 1815 года отъ 1799, когда онъ помогъ брату низвергнуть директорію. «Смѣлѣй, смѣлѣй!»—говоритъ онъ теперь Наполеону.—«Увы!—отвѣчалъ тотъ: — я былъ слишкомъ смѣлъ. Я разгоню депутатовъ, но они поднимутъ противъ меня провинціи, и я останусь императоромъ якобинцевъ».

Въ палатѣ продолжается волненіе. Фушѐ лжетъ; но Наполеонъ лишилъ себя права жаловаться на ложь, солгавши самъ: когда онъ явился во Францію съ Эльбы, то обманулъ народъ ложью, что Австрія за него; теперь Фушѐ выдаетъ за вѣрное, что Наполеонъ—единственное препятствіе къ миру, что коалиція согласна дать Франціи Наполеона II. Какъ не вѣрить Фушѐ?—онъ знаетъ все! Люди, враждебные Бурбонамъ, спокойны на счетъ будущаго и съ нетерпѣніемъ ждутъ второго отреченія. Министры повинуются рѣшенію палаты, несутъ ей свои отчеты, съ ними идетъ и Луціанъ Бонапартъ, какъ коммиссаръ императора; Луціанъ еще надѣется убѣдить палату въ необходимости удержать Наполеона на престолѣ: онъ представляетъ возможность борьбы, стыдъ для Франціи—принять Наполеона какъ освободителя, и чрезъ 25 дней, испугавшись одной потерянной битвы, угрозы иностранцевъ, объявлять того же Наполеона причиною всѣхъ золъ, гнать его съ престола: какое непостоянство! Но Лафайетъ спѣшитъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словами Луціана: «Князь!—говоритъ онъ,—вы клевещете на народъ: потомство обвинитъ Францію не за то, что она покинула вашего брата, но за то, что̀ слишкомъ долго за нимъ слѣдовала—въ Италію, въ Египетъ, въ Испанію, въ Германію, въ Россію; 600,000 французовъ полегло на берегахъ Эбро и Таго; можете вы счесть, сколько лежитъ на Дунаѣ, на Эльбѣ, Нѣманѣ и Москвѣ? Если бы Франція не была такъ постоянна, то она сохранила бы 2,000,000 своихъ сыновъ, избавила бы вашего брата, вашу фамилію, насъ всѣхъ отъ той пропасти, въ какую мы теперь ввергаемся». Луціанъ былъ уничтоженъ этими громовыми словами, и не одинъ Луціанъ: палата рѣшаетъ отправить

къ союзнымъ государямъ депутацію для переговоровъ, не отъ имени Наполеона, но отъ имени палатъ. Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу сына. Биржевой барометръ поднялся еще выше, но чтобъ не дать ему упасть, нужно было отстранить признаніе Наполеона II императоромъ, что̀ и было сдѣлано.

Образовалось временное правительство (исполнительная коммиссія) изъ пяти членовъ: троихъ—Карно, Фуше́ и Греньѐ—выбрала палата депутатовъ, двоихъ—Коленкура и Кинетта—назначила палата пэровъ. Всеобщее разслабленіе, желаніе выхода изъ тяжкаго, неутѣшительнаго положенія какими бы то ни было средствами, жажда покоя заставили отдать судьбу Франціи въ нечистыя руки Фуше́, который сталъ президентомъ исполнительной коммиссіи. Безъ соблюденія народнаго достоинства отступились отъ Людовика XVIII и приняли Наполеона; безъ соблюденія народнаго достоинства отступились отъ побѣжденнаго Наполеона, не чувствовали въ себѣ силъ съ честію выдти изъ критическаго положенія, видѣли впереди униженіе и пошли къ нему на̀ встрѣчу подъ предводительствомъ Фуше́, который былъ преклоненнымъ знаменемъ побѣжденной Франціи, побѣжденной матеріально и нравственно. Были суевѣрные люди, которые думали, что Фуше́ свергнулъ Наполеона, что Фуше́ можетъ отдать корону Франціи кому хочетъ, что могущественный волшебникъ можетъ заклясть бурю. Волшебникъ самъ этого не думалъ; онъ старался только угадать, на чьей сторонѣ сила, чтобъ предложить этой сторонѣ свои услуги, а между тѣмъ съ каждымъ держалъ особую рѣчь: революціонерамъ онъ говорилъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, кромѣ Бурбоновъ, не должно исключать никого рѣшительно, что неблагоразумно связывать себя въ какомъ бы то ни было смыслѣ, пусть идетъ свободно вопросъ о Наполеонѣ II, герцогѣ Орлеанскомъ, о какомъ-нибудь иностранномъ принцѣ, даже о республикѣ, что, оставаясь въ нерѣшительномъ положеніи, можно содѣйствовать раздѣленію въ коалиціи. Людямъ робкимъ онъ говорилъ: зачѣмъ высказываться заранѣе, даже противъ Бурбоновъ? не должно лишать себя возможности трактовать и съ ними въ случаѣ, если неодолимая сила снова введетъ ихъ во Францію. Бонапартистамъ Фуше́ обѣщалъ, что вмѣстѣ съ Меттернихомъ устроитъ регентство для Наполеона II.

Но для Фуше́ было ясно, что у Франціи нѣтъ возможности рѣшить вопросъ своими внутренними средствами, независимо отъ посторонняго вмѣшательства; какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, иностранцы должны были дать Франціи правительство, несмотря на то, что, повидимому, союзные государи отклоняли

отъ себя это дѣло. На комъ же остановится ихъ выборъ? Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправленный императоромъ Александромъ въ Гентъ, Поццо-ди-Борго писалъ лорду Касльри: «Несмотря на таланты и бѣшенство людей, овладѣвшихъ властію во Франціи, народъ находится еще въ состояніи нерѣшительности и волненія: если мы пойдемъ сплоченными рядами, то проникнемъ повсюду. Въ этомъ случаѣ переходъ французовъ на нашу сторону очень вѣроятенъ, особенно если мы выставимъ французскій интересъ, къ которому можно будетъ примкнуть. Я не перестаю думать, что единственный человѣкъ, котораго мы должны призвать и выставить впередъ, это король Людовикъ XVIII: если мы отступимъ отъ этого правила, то не будемъ знать, гдѣ остановиться. Всякое другое правительство, даже изъ Бурбонской династіи, будетъ договоромъ съ якобинцами, и новый государь, каковъ бы ни былъ его титулъ, будетъ только орудіемъ въ ихъ рукахъ. Не политично давать поводъ думать, что мы можемъ легко склониться къ подобной мѣрѣ; если мы можемъ только одного короля Людовика XVIII представить Франціи какъ средство установить прочно наши отношенія къ ней, то было бы крайне неблагоразумно уменьшать интересъ, который онъ можетъ внушить націи, равнодушіемъ, какое мы будемъ ему оказывать совершенно не кстати. Я знаю, что его обвиняютъ въ неумѣньи управлять; онъ сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что не имѣлъ иниціативы; но отдѣльные акты его администраціи вообще безукоризненны, и не должно забывать, что еще никогда человѣкъ не находился въ такомъ трудномъ положеніи. Мы его поставили лицомъ къ лицу со всѣми демонами революціи, мы сложили на его плечи всѣ ошибки, его и свои. Тутъ является Бонапартъ, войско низвергаетъ тронъ, который оно было обязано поддерживать, народъ остается изумленнымъ и безсмысленнымъ зрителемъ; онъ больше будетъ апплодировать пьесѣ противоположной, когда мы, какъ надѣюсь, дадимъ ему этотъ праздникъ; но мы не должны удовольствоваться комплиментами, насъ ожидающими. Если мы хотимъ спокойствія, то надобно дать королю Людовику XVIII средства распустить старое французское войско, создать новое и очистить Францію отъ пятидесяти великихъ преступниковъ, которыхъ существованіе несовмѣстимо съ миромъ. Французы должны взять на себя исполненіе, а союзники должны дать имъ возможность это сдѣлать. Мы обязаны своимъ спасеніемъ единству, но единство наше есть преимущественно слѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, которыя не легко возобновляются».

Такимъ образомъ, еще въ апрѣлѣ была начертана програмка

будущаго поведенія союзниковъ относительно французскаго правительства и вмѣстѣ программа дѣйствій этого правительства; Англія была совершенно согласна съ программою; другіе союзники согласны или равнодушны; но они не были равнодушны къ другому вопросу: что̀ сдѣлать съ Франціею, оставить ли ее въ прежнихъ границахъ, или раздробить, урѣзать, чтобы отнять у страшнаго народа средства безпокоить Европу на будущее время? Мы видѣли, какъ въ Германіи обнаружилось сильное движеніе въ пользу втораго рѣшенія вопроса. Самые видные государственные люди этой страны, печать, были за него; за него былъ и знаменитѣйшій изъ полководцевъ германскихъ, Блюхеръ, получившій, вмѣстѣ съ герцогомъ Веллингтономъ, особенное значеніе по событіямъ послѣдней кампаніи, и могущій скорѣе всѣхъ быть съ войскомъ у Парижа. Послѣ побѣды оба полководца сильно поразнились въ своихъ взглядахъ относительно судьбы побѣжденнаго. Временное французское правительство послало къ Веллингтону генерала Номмелэна ходатайствовать, чтобъ отрекшемуся императору позволено было отправиться въ Америку. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакого права ни позволять, ни не позволять этого. Но иначе смотрѣлъ на дѣло Блюхеръ: онъ далъ знать Веллингтону, что намѣренъ захватить Наполеона и убить его. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ согласиться на это, что судьба Наполеона должна быть рѣшена по общему соглашенію всѣхъ союзныхъ правительствъ, и во всякомъ случаѣ, если государи пожелаютъ казнить Наполеона, то пусть назначатъ палача, а онъ, Веллингтонъ, этимъ палачомъ не будетъ. Временное правительство прислало также къ Веллингтону пятерыхъ депутатовъ просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій, потому что человѣкъ, противъ котораго вооружилась Европа, не былъ уже болѣе императоромъ французовъ. На это герцогъ отвѣчалъ, что отреченіе Наполеона не представляетъ еще для союзниковъ такого ручательства, которое могло бы побудить его къ немедленному прекращенію военныхъ дѣйствій; онъ сдѣлаетъ это въ томъ случаѣ, когда Наполеонъ будетъ выданъ союзнымъ государямъ, когда авангарды союзныхъ войскъ вступятъ въ Парижъ, и когда во Франціи установится правительство, которое будетъ пользоваться довѣріемъ не только Франціи, но и всей Европы. Депутаты спросили герцога: что̀ онъ хочетъ сказать послѣдними словами? Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ права распространяться объ этомъ; но если они хотятъ знать его мнѣніе, какъ частнаго человѣка, то онъ думаетъ, что Франція должна призвать Людовика XVIII безъ всякихъ условій, что честь Франціи требуетъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, прежде чѣмъ

могло бы явиться предположеніе, что король возвращенъ по настоянію союзниковъ. Депутаты согласились съ мнѣніемъ герцога, и хотя объявили, что въ конституціи должны быть сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, однако признали за лучшее не дѣлать этой перемѣны условіемъ королевскаго возвращенія.

Итакъ, Людовикъ XVIII долженъ былъ возвратиться; Франція приметъ его безъ условій; но что̀ такое Франція? гдѣ слышится ея голосъ? все молчитъ, все недвижимо; Наполеонъ уѣхалъ изъ Парижа, онъ живетъ въ Мальмезонѣ вмѣстѣ съ падчерицею своею, бывшею голландскою королевою Гортензіею; онъ не ѣдетъ къ западнымъ берегамъ Франціи, чтобъ оттуда отправиться въ Америку, онъ все еще чего-то ждетъ, нетерпѣливо прислушивается, не раздастся ли гдѣ голосъ, призывающій его остаться; но все тихо. Вмѣсто Наполеона, во главѣ французскаго правительства Фуше́; но и Фуше́ нечего дѣлать при этомъ всеобщемъ бездѣйствіи; если не съ кѣмъ бороться, нечего улаживать, ему остается одно—обманывать людей, которые незнакомы съ положеніемъ дѣлъ во Франціи и которые, видя Фуше́ на верху, думаютъ, что онъ силенъ, можетъ все сдѣлать. И Фуше́ обманываетъ Людовика XVIII, всю Европу; король думаетъ, что если Франція приметъ его и приметъ хорошо, то по милости Фуше́; колдуну отлично удался обманъ: бури вовсе нѣтъ и не отъ чего ей быть, а всѣ думаютъ, что она заклята чародѣйною силою. Фуше́—сила, съ которою надобно считаться, онъ держитъ въ своихъ рукахъ корону. Но есть еще другая сила внѣ Франціи: это Талейранъ. Фуше́ увѣряетъ, что онъ возвращаетъ Бурбоновъ и долженъ удержать за это при нихъ первенствующее значеніе. Талейранъ также хочетъ имѣть первенствующее значеніе: онъ въ прошломъ году настоялъ на возвращеніи Бурбоновъ; онъ въ Вѣнѣ поднялъ значеніе Франціи; безъ него Людовикъ XVIII со своимъ любимцемъ Блака̀, со своими эмигрантами надѣлалъ множество ошибокъ и потерялъ престолъ; онъ, Талейранъ, устроилъ новую коалицію противъ Наполеона, онъ поддерживалъ Бурбоновъ; Людовикъ XVIII возвратится теперь снова по его милости, и, чтобъ удержаться на престолѣ, долженъ подчиниться вполнѣ его руководству, чтобъ не было при дворѣ никакого другого вліянія. На другой день послѣ Ватерлооской битвы, Талейранъ пріѣхалъ въ Брюссель, возвращаясь изъ Вѣны; онъ остановился здѣсь, не поѣхалъ къ королю въ Гентъ, явился особою, самостоятельною силою, съ которою Людовикъ XVIII долженъ былъ договариваться. Талейранъ сейчасъ же сталъ разглашать условія договора: катастрофа 20 марта была прямымъ результатомъ ошибокъ нѣкоторыхъ министровъ, особенно Блака̀, прямымъ результатомъ

дѣйствія эмигрантовъ, которыми окружилъ себя графъ Артуа; Блака̀ долженъ быть удаленъ, министры должны дѣйствовать заодно и отвѣчать другъ за друга, должно быть провозглашено всепрощеніе, людямъ и интересамъ революціи должна быть дана полная безопасность. Талейранъ говорилъ, что королю нельзя возвратиться въ Парижъ прямою дорогою чрезъ сѣверные департаменты, вслѣдъ за иностранными войсками, что ему надобно явиться въ южныхъ областяхъ, гдѣ народонаселѐніе болѣе предано Бурбонамъ, здѣсь окружить себя французами и, такимъ образомъ, заставить иностранцевъ уважать въ себѣ независимую силу.

Но Веллингтонъ далъ знать королю, что ему выгодно приблизиться къ сѣверной французской границѣ. 22-го іюня, Людовикъ XVIII оставилъ Гентъ и пріѣхалъ въ Монсъ въ одно время съ Талейраномъ; но послѣдній и тутъ не поспѣшилъ представиться королю, занялъ домъ на противоположномъ концѣ города, началъ принимать посѣтителей и говорить съ ними безъ всякой сдержанности о текущихъ событіяхъ. Король не приглашалъ Талейрана, а между тѣмъ главное условіе его было исполнено: Блака̀ удаленъ, потому что противъ любимца были и либералы, и эмигранты; первые требовали удаленія человѣка, который, по ихъ мнѣнію, оттягивалъ короля къ старой Франціи; эмигрантамъ Блака̀ мѣшалъ своею самостоятельностью, они надѣялись безъ него совершенно овладѣть слабымъ королемъ; со всѣхъ сторонъ кричали, что Блака̀ страшно непопуляренъ во Франціи, что съ нимъ нельзя возвратиться. Блака̀ подалъ въ отставку и назначенъ былъ посланникомъ въ Неаполь. Людовикъ XVIII плакалъ на разставаньи съ своимъ другомъ, который очень хорошо понималъ старика: «Первые дни,—говорилъ Блака̀,—онъ обо мнѣ потоскуетъ, но скоро привыкнетъ безъ меня обходиться, скоро привыкнетъ къ другому».

У Людовика XVIII не достало твердости удержать Блака̀; но у него достало твердости не послать за Талейраномъ, а Талейранъ не зналъ, въ чемъ король слабъ и въ чемъ твердъ. Составлялось новое министерство, а за Талейраномъ не посылали. Поццо-ди-Борго, Шатобріанъ и другіе, считавшіе въ это время нужнымъ имѣть Талейрана въ министерствѣ и его вліяніемъ уравновѣшивать вліяніе графа Артуа съ эмигрантами, уговаривали Талейрана ѣхать къ королю: «Если вы не поѣдете, то онъ не станетъ васъ дожидаться, уѣдетъ изъ Монса». Талейранъ улыбался. Это было вечеромъ, а ночью ему даютъ знать, что король велѣлъ приготовить лошадей къ четыремъ часамъ утра. Тутъ лицо знаменитаго дипломата приняло другое выраженіе,

улыбка исчезла; Талейранъ спѣшитъ одѣться и скорѣе къ королю; тотъ принялъ его какъ побѣдитель, и, быть можетъ, ни одинъ полководецъ такъ не торжествовалъ своей побѣды, рѣшавшей судьбу царствъ, какъ Людовикъ XVIII торжествовалъ побѣду надъ Талейраномъ; онъ далъ вполнѣ почувствовать побѣжденному всю тяжесть пораженія. Чтобъ поправиться, сломить гордость побѣдителя, Талейранъ грозитъ покинуть службу, проситъ позволенія ѣхать въ Карлсбадъ. «Карлсбадскія воды превосходны,—отвѣчаетъ король,—онѣ вамъ очень помогутъ, до свиданія!» Король уѣхалъ.

Выдержалъ, — а Талейранъ все же остался министромъ, остался точно такимъ же образомъ, какъ Блака̀ былъ удаленъ: и свои, а главное чужіе, Поццо-ди-Борго, Веллингтонъ, представили необходимость удержать Талейрана, который и получилъ приказаніе вмѣстѣ съ другими министрами, остававшимися въ Монсѣ, пріѣхать къ королю. Письмо отъ Веллингтона: совѣтуетъ ѣхать; и Талейранъ ѣдетъ, въ Камбрэ представляется королю и принимается благосклонно; ни слова о томъ, что̀ было въ Монсѣ. Но теперь пришла очередь Талейрану трубить побѣду: онъ убѣждаетъ министровъ, что королю, при вступленіи во Францію, необходимо издать прокламацію, гдѣ онъ долженъ сознаться въ своихъ ошибкахъ и дать обѣщаніе исправиться. Прокламація написана; ее читаютъ въ совѣтѣ, гдѣ присутствуютъ принцы. Графъ Артуа жалуется на униженіе, которому хотятъ подвергнуть короля, заставляя его просить прощенія въ прошлыхъ ошибкахъ и обѣщать, что впередъ не повторитъ ихъ. Въ прокламаціи говорится, что король былъ увлеченъ своими привязанностями.—«Не хотятъ ли здѣсь указать на меня?» спрашиваетъ графъ Артуа.—«Да,—отвѣчаетъ Талейранъ:—вы сдѣлали много зла». — «Князь Талейранъ забывается», говоритъ графъ Артуа. —«Быть можетъ, я и забываюсь, но правда выше всего», отвѣчаетъ Талейранъ.—«Только присутствіе короля меня сдерживаетъ,—кричитъ герцогъ Беррійскій:—иначе я не позволилъ бы никому такъ обращаться съ моимъ отцомъ». Король спѣшитъ утишить бурю, объявляетъ, что ему одному принадлежитъ право судить о томъ, что̀ говорится въ его присутствіи, что онъ не можетъ одобрить ни прокламаціи, ни спора, который произошелъ по ея поводу, что надобно измѣнить ее. Составили новую прокламацію, которую король одобрилъ; но и въ ней король признавалъ, что, можетъ быть, сдѣланы ошибки, потому что бываютъ трудныя времена, когда самыя чистыя намѣренія не могутъ направить на путь истинный; одинъ опытъ можетъ научить, и онъ не будетъ потерянъ. Король обѣщалъ, что отнынѣ мини-

стры будутъ дѣйствовать за-одно; увѣрялъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ (прежнихъ церковныхъ и эмигрантскихъ), что пріобрѣтенная ими собственность неприкосновенна; обѣщалъ прощеніе тѣмъ французамъ, которые были увлечены другими къ измѣнѣ, но исключалъ изъ прощенія главныхъ виновниковъ преступленія. Партія графа Артуа была недовольна прокламаціею: программа Талейрана была въ ней слишкомъ явна; не были довольны и тѣ, которыхъ именно хотѣлось удовольствовать, не были довольны исключеніями изъ амнистіи. Не прокламація прокладывала дорогу Бурбонамъ ко вторичному возвращенію; какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, прокладывали имъ дорогу иностранныя войска, которыхъ государи считали возвращеніе Бурбоновъ простѣйшимъ разрѣшеніемъ труднаго вопроса; и чѣмъ далѣе входили иностранныя войска во внутренность Франціи, тѣмъ биржевой барометръ поднимался все болѣе и болѣе, и Парижъ оживился по прежнему,—самый вѣрный знакъ, что Людовикъ XVIII поселится опять въ Тюльери. Остатки императорскихъ войскъ пошумѣли-было противъ Бурбоновъ, представивъ на видъ палатамъ, что войско было оскорблено Бурбонами, что ему нельзя съ ними ужиться. На это не палаты, а само войско должно было отвѣчать, отвѣчать не словомъ, а дѣломъ, должно было побѣдить иностранныя арміи; но такъ какъ никто не могъ надѣяться на эту побѣду, то обращеніе войска къ палатамъ съ просьбою о защитѣ отъ Бурбоновъ было странно и безплодно.

Исходъ дѣла былъ ясенъ для Фуше́, и онъ завелъ сношенія съ Людовикомъ XVIII; роялисты ободрились и съ разныхъ сторонъ начали пріѣзжать къ королю; но до какой степени господствовала смута, до какой степени всѣ ходили въ потемкахъ, не могли различать предметовъ и создавали себѣ небывалые страхи, доказательствомъ служитъ то, что роялисты, пріѣзжавшіе къ королю, говорили о могуществѣ Фуше́, безъ котораго ничего нельзя сдѣлать, настаивали, что королю надобно сблизиться съ нимъ во что бы то ни стало; графъ Артуа съ своими настаивалъ на то же самое; необходимость сближенія съ Фуше́ выставлялъ и Веллингтонъ. Впослѣдствіи, Шатобріанъ вѣрно представилъ этотъ хаосъ, благодаря которому Фуше́ получилъ такое значеніе, вѣрно представилъ, какъ все противоположное перемѣшалось, соединилось, чтобъ превознести могущество колдуна, «религія и нечестіе, добродѣтель и порокъ, роялистъ и революціонеръ, иностранецъ и французъ». 6 іюля, Людовикъ XVIII, находившійся въ С.-Дени, далъ знать Веллингтону и Талейрану, что готовъ принять Фуше́ и назначить его министромъ полиціи. На другой день Талейранъ ввелъ съ торжествомъ Фуше́ въ кабинетъ королевскій:

Бурбоны преклонились предъ революціею, цареубійца сдѣлался министромъ брата Людовика XVI. «Я знаю услуги, вами мнѣ оказанныя,—сказалъ король Фуше́:—герцогъ Веллингтонъ увѣдомилъ меня объ нихъ. Я назначилъ васъ министромъ полиціи; надѣюсь, что въ этомъ званіи вы мнѣ окажете новыя услуги». Когда новый министръ откланялся, король сказалъ: «Нынче я потерялъ свое дѣвство».

На другой день, 7 іюля, пруссаки и англичане вошли въ Парижъ и разставили пушки на всѣхъ мостахъ; прусскій офицеръ вошелъ въ залу, гдѣ засѣдала исполнительная коммиссія, и положилъ на бюро бумагу, подписанную Блюхеромъ: въ бумагѣ требовалось 100 милліоновъ военной контрибуціи; члены коммиссіи исчезли при видѣ магической бумаги, оставивъ ее въ наслѣдство Людовику XVIII; палаты разошлись; вмѣсто трехцвѣтнаго знамени, на Тюльери поднялось бѣлое, и 8 іюля Людовикъ XVIII вторично вступилъ въ Парижъ. Вечеромъ Веллингтонъ и Касльри были приглашены въ Тюльери и нашли короля въ сильномъ волненіи и восторгѣ отъ пріема, сдѣланнаго ему парижанами; по его мнѣнію, онъ былъ принятъ еще радушнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. И теперь вечеромъ почти невозможно было разговаривать съ королемъ: такъ оглушительны были крики народа, наполнявшаго Тюльерійскій садъ, несмотря на темноту. На разставаніи король подвелъ Веллингтона и Касльри къ открытому окну; свѣчи были поданы и дали возможность народу видѣть короля вмѣстѣ съ герцогомъ; народъ сбѣжался на это зрѣлище со всѣхъ концовъ сада, образовалъ огромную, густую массу и наполнилъ воздухъ восклицаніями.

Веллингтонъ ввелъ короля въ Парижъ: но что́ скажутъ союзные государи? зачѣмъ до нихъ и безъ нихъ произведена была вторая реставрація? Разумѣется, всего опаснѣе могло быть неудовольствіе русскаго императора; поэтому Касльри и Веллингтонъ почли за нужное отправить Поццо-ди-Борго на встрѣчу къ императору Александру съ объясненіемъ, почему надобно было спѣшить со второю реставраціею. Другою, бо́льшею заботою Веллингтона и Касльри было сдерживаніе Блюхера и его пруссаковъ: кромѣ огромной контрибуціи, наложенной ими на Парижъ, они обнаруживали твердое намѣреніе взорвать Іенскій мостъ, чтобъ не было въ Парижѣ ненавистнаго памятника ихъ безславія. Веллингтонъ требовалъ, чтобъ они удержались, по крайней мѣрѣ, до пріѣзда государей. Государи пріѣхали 10 іюля: Людовикъ XVIII бросился къ императору Александру съ мольбою о защитѣ, и Блюхеръ былъ сдержанъ: контрибуція уменьшена до 8 милліоновъ и мостъ Іенскій спасенъ отъ разрушенія. Об-

наружилось ясно могущество русскаго императора; ясно было, что, при рѣшеніи вопроса о будущемъ положеніи Франціи относительно сосѣдей, въ немъ одномъ Франція могла найти защитника: за это ручался характеръ императора, извѣстная любовь его къ французскому народу и наконецъ разсчетъ политическій: Франція была опасна Россіи менѣе, чѣмъ какой-нибудь другой державѣ европейской; для Россіи выгодно было сблизиться съ Франціею и уничтожить возможность возобновленія талейрановскаго тройного союза между Франціею, Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи; союзъ Англіи и Австріи не былъ опасенъ для тройного союза Россіи, Франціи и Пруссіи. Если въ 1814 году, во время Вѣнскаго конгресса, Талейранъ хлопоталъ о союзѣ бурбонской Франціи съ Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи, то послѣ 20 марта приверженцы Наполеона хлопотали о подобномъ же союзѣ бонапартовской Франціи съ Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи, стараясь отвести Англію отъ союза съ Россіею, возбуждая опасеніе англичанъ на счетъ могущества императора Александра. Знаменитая Сталь, сдѣлавшаяся изъ непримиримаго врага Наполеона его защитницею, когда онъ сталъ играть въ конституцію и сблизился съ ея пріятелемъ, Бенжаменъ Констаномъ, — Сталь писала въ Англію въ апрѣлѣ 1815 года: «О, да будетъ принцъ-регентъ великъ, великодушенъ! пусть онъ станетъ посредникомъ; пусть скажетъ народамъ: *я хочу мира и вы останетесь въ мирѣ!* Чрезъ это Англія можетъ быть владычицею міра, тогда какъ во время войны она будетъ только частію цѣлаго, уже раздѣленнаго. Принцъ-регентъ не можетъ начальствовать англійскими войсками; онъ можетъ владычествовать народами, только предписывая имъ всѣмъ миръ. Если они устремятся на войну, то владыкою ихъ станетъ императоръ русскій, *Агамемнонъ*, царь царей! Принцу-регенту дается на выборъ—или быть богомъ мира, или позволить русскому императору стать царемъ этой войны».

Въ Англіи, и безъ внушеній Сталь, очень хорошо понимали, что русскій императоръ будетъ снова Агамемнономъ союза, и очень хорошо понимали также, что съ русскимъ императоромъ возможенъ миръ, а съ Наполеономъ онъ не возможенъ, и потому прежде всего хотѣли покончить съ бонапартовскою Франціею, для чего общее дѣйствіе съ Россіею было необходимо. Императоръ Александръ, съ своей стороны, дѣлалъ все возможное, чтобъ не возбуждать подозрительности и зависти Англіи, сохранить съ нею доброе согласіе. Въ маѣ 1815, въ Вѣнѣ, разговаривая съ лордомъ Каткартомъ о движеніяхъ русскихъ войскъ, онъ сказалъ: «Надѣюсь, пришло время, когда увидятъ, что мо-

гущество Россіи можетъ быть только полезно для Европы, а не опасно для нея». Теперь въ Парижѣ императоръ выразилъ лорду Касльри свое желаніе дѣйствовать сообща съ принцемъ-регентомъ для упроченія европейскаго мира, и спросилъ его прямо, не питаетъ ли принцъ-регентъ какого-нибудь неудовольствія противъ него за его поведеніе въ Лондонѣ въ прошломъ году [1])? Сообщая объ этомъ вопросѣ лорду Ливерпулю, Касльри прибавилъ, что императоръ Александръ оказываетъ необыкновенное вниманіе герцогу Веллингтону и англійскому войску. Чрезъ нѣсколько дней Касльри получилъ отвѣтъ: принцъ-регентъ поручалъ ему передать русскому императору, что онъ совершенно удовлетворенъ заявленіемъ, что если что-нибудь было, то было совершенно ненамѣренно, и что онъ, принцъ, не можетъ питать къ его императорскому величеству другихъ чувствъ, кромѣ чувства искренней дружбы. Такимъ образомъ спѣшили отстранить всѣ препятствія къ дружному дѣйствію при рѣшеніи предстоящаго вопроса: на какихъ условіяхъ заключать новый миръ съ Франціею, какія обезпеченія нужны для того, чтобъ страшный народъ не нарушилъ снова мира Европы? Благодаря преимущественно Англіи, послѣдовало и второе возстановленіе Бурбоновъ; но именно потому, что Англія была главною виновницею дѣла, она больше всѣхъ и должна была безпокоиться на счетъ его послѣдствій. 10 іюля, лордъ Ливерпуль писалъ Касльри тревожное письмо: «Очевидно, что у короля нѣтъ партіи; Геркулесова работа— дать вещественную силу этому правительству; чтó это за король, который не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, войскомъ или сильною національною партіею? Я радъ, что онъ принялъ въ службу Фушé. Фушé можетъ измѣнить королю; но онъ можетъ понять, что ему выгодно и спасти его. При отчаянномъ положеніи дѣлъ мы должны употреблять и отчаянныя средства. Чѣмъ болѣе я разсматриваю настоящее внутреннее состояніе Франціи, чѣмъ менѣе нахожу обезпеченія для безопасности Европы въ характерѣ и силѣ французскаго правительства, тѣмъ болѣе мы должны искать безопасности на границахъ въ матеріальномъ ослабленіи могущества Франціи. Это мнѣніе быстро распространилось у насъ».

Такимъ образомъ, взглядъ англійскаго министерства, руководимаго общественнымъ мнѣніемъ страны, совпадалъ со взглядомъ нѣмецкихъ патріотовъ. Но нѣмецкіе патріоты не впадали въ противорѣчія; они были равнодушны къ вопросу: кто будетъ царствовать во Франціи? лишь бы Франція была ослаблена и не

[1]) Здѣсь разумѣется сближеніе императора съ нѣкоторыми членами оппозиціи.

грозила болѣе Германіи. Англія же хлопотала объ утвержденіи Бурбоновъ, видѣла слабость короля, отъ этой слабости заключала къ необходимости ослабить Францію, и тѣмъ сильнѣе наносила ударъ возстановленной династіи, отнимая у нея популярность, возбуждая противъ нея упрекъ, что иностранцы, ея союзники, ея возстановители, обрѣзали, унизили Францію. Положеніе императора Александра было самое выгодное: онъ не настаивалъ на возвращеніи Бурбоновъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, за Францію, и потому всѣ французы, которымъ дорога честь и сила родной страны, должны обратиться къ нему, какъ единственному своему покровителю, и прежде всѣхъ долженъ обратиться къ нему король. Ливерпуль, въ письмахъ своихъ къ Касльри, твердилъ свое, что слабость французскаго правительства очевидна; что уступки, которыя оно дѣлаетъ, суть слѣдствія слабости, а не милосердія; король распустилъ армію, но какую надежду можно возложить на новую армію, составленную изъ стараго матеріала? да если бы можно было создать и совершенно новое войско, то какая опасность будетъ грозить отъ 40,000 отставныхъ офицеровъ, людей безъ средствъ къ жизни и между тѣмъ обладающихъ значительною долею талантовъ и энергіи. Строгое наказаніе заговорщиковъ, вызвавшихъ Бонапарта съ Эльбы, могло бы послужить спасительнымъ примѣромъ; но его трудно ожидать теперь, когда король принужденъ дать правительственныя мѣста членамъ якобинской партіи. При такомъ положеніи дѣлъ надобно принять иныя мѣры безопасности, и союзники сдѣлаютъ непростительную ошибку, если оставятъ Францію, не устроивши границы, достаточной для защиты сосѣднихъ государствъ. Въ Англіи господствующая мысль, что союзники имѣютъ полное право воспользоваться настоящимъ случаемъ и взять у Франціи назадъ главныя пріобрѣтенія Людовика XIV. Все равно, Франція никогда не забудетъ униженія, которому уже подверглась, и воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для возстановленія своей военной славы: слѣдовательно, союзники обязаны воспользоваться настоящимъ временемъ и предупредить вредныя послѣдствія собственныхъ успѣховъ; въ прошломъ году союзники были великодушны, и какіе оказались результаты этого великодушія? теперь надобно промыслить самимъ о себѣ. Понятно, что русскій императоръ пожелаетъ принять роль покровителя французскаго народа; но это расположеніе его императорскаго величества должно быть сдержано въ разумныхъ предѣлахъ; онъ не долженъ забывать о сосѣднихъ съ Франціею державахъ; онъ, какъ посредникъ, естественно долженъ сдерживать чрезмѣрныя и неразумныя претензіи нѣкоторыхъ изъ союзниковъ, но онъ не долженъ безопас-

ность союзниковъ приносить въ жертву претензіямъ французскаго народа. «Мы не должны забывать, — писалъ Ливерпуль лорду Касльри,—что Австрія и Пруссія во всемъ этомъ вопросѣ имѣютъ съ нами гораздо болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ Россія».

Такъ смотрѣли на дѣло англичане, находившіеся въ Англіи; нѣсколько иначе должны были смотрѣть на него англичане, находившіеся во Франціи. «Я совершенно согласенъ съ вашимъ заключеніемъ, — отвѣчалъ Касльри Ливерпулю, — что основные интересы Великобританіи въ настоящее время тождественнѣе съ интересами Австріи и Пруссіи, чѣмъ Россіи; но въ то же самое время я долженъ замѣтить, что за этими обоими дворами надобно внимательно смотрѣть, какъ они преслѣдуютъ свои частныя цѣли, чтобъ намъ не впутаться въ такую политику, съ которою Великобританія не имѣетъ ничего общаго. Ни Австрія, ни Пруссія, и ни одна изъ меньшихъ державъ не имѣютъ искренняго желанія поскорѣе окончить настоящее положеніе дѣлъ, потому что оно доставляетъ имъ возможность кормить, одѣвать и платить жалованье своему войску на счетъ Франціи, откладывая при этомъ себѣ въ карманы англійскія субсидіи. Австрійцы ввели цѣлую армію въ Провансъ, чтобъ кормить ее на счетъ этой бѣдной и вѣрной королю страны. Пруссаки кормятъ на счетъ Франціи 200,000 войска. Баварцы, чтобъ не потерять удобнаго случая покормиться на чужой счетъ, поспѣшили перевезти на телѣгахъ свое войско отъ Мюнхена на берега Луары, когда въ ихъ помощи уже не было болѣе никакой нужды, и перевозка, разумѣется, поставлена на счетъ Франціи. Теперь во Франціи союзныхъ войскъ не менѣе 900,000, содержаніе которыхъ стóитъ ежедневно странѣ 112,000 фунтовъ стерлинговъ. Безупречно въ этомъ отношеніи ведетъ себя русскій императоръ: онъ согласился со мною, что треть контрибуціи, которую возьмутъ союзники съ Франціи, должна идти на пограничныя укрѣпленія: если взять въ расчетъ отдаленный интересъ Россіи въ этомъ дѣлѣ, то это очень безкорыстно со стороны его императорскаго величества. Онъ привелъ въ движеніе свою вторую армію безъ всякихъ уговоровъ съ нами на счетъ субсидій, прежде чѣмъ получилъ малѣйшее увѣреніе въ помощи; онъ остановилъ свои войска, велѣлъ имъ возвратиться назадъ въ Россію, какъ только я представилъ ему, что въ нихъ нѣтъ болѣе нужды. Теперь онъ торопитъ насъ, чтобы мы какъ можно скорѣе оканчивали съ Франціею въ собственныхъ нашихъ интересахъ, ибо миръ освободитъ насъ отъ обязанности платить субсидіи, причемъ императоръ желаетъ отправить свои войска назадъ».

26 іюля, графъ Каподистріа, уполномоченный императора

Александра въ конференціяхъ между министрами союзныхъ государей, представилъ мемуаръ, въ которомъ заявлялось, что цѣлію союза было освобожденіе Франціи отъ Бонапарта и революціонной системы, возстановленіе для нея внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, установленныхъ Парижскимъ договоромъ, обезпеченіе для нея и для всей Европы постановленій этого договора и Вѣнскаго конгресса. Такъ какъ поддержаніе Парижскаго договора было выставлено причиною войны, то для прекращенія войны нельзя требовать его измѣненія. Притомъ, если посягнуть на цѣлость французской территоріи, то надобно будетъ все снова передѣлать, перемѣнить и вѣнскія постановленія, служащія основою европейскаго равновѣсія. Союзники, возстановившіе Людовика XVIII на тронѣ, должны, по справедливости и въ собственныхъ интересахъ, утвердить его власть, помочь ему основать нравственную силу его правительства на общемъ и національномъ интересѣ. Принудить короля къ уступкамъ, которыя будутъ въ глазахъ французовъ доказательствомъ неувѣренности союзныхъ державъ въ прочности ихъ собственнаго дѣла, —значитъ нанести смертельный ударъ реставраціи. Соглашаясь въ недостаточности однихъ нравственныхъ обезпеченій, Каподистріа предлагалъ, чтобъ союзники объявили Наполеона Бонапарта и его фамилію лишенными права когда-либо царствовать во Франціи; чтобъ они, съ согласія Людовика XVIII, приняли во Франціи военное положеніе и сохраняли его до тѣхъ поръ, пока новое правительство не утвердится во Франціи и пока союзныя государства не успѣютъ усилить свою оборонительную систему; наконецъ, взять съ Франціи контрибуцію, которая пойдетъ на покрытіе военныхъ издержекъ и на устройство новыхъ укрѣпленій, которыя союзныя государства выставятъ противъ громадной линіи французскихъ крѣпостей. Каподистріа объявилъ, что пора прервать грозное молчаніе союзниковъ относительно Франціи, что надобно войти въ прямыя, откровенныя объясненія съ народомъ, въ высшей степени гордымъ и самолюбивымъ, способнымъ еще обнаружить сильную энергію, съ народомъ, котораго нельзя доводить до отчаянія.

Мемуаръ Каподистріа встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны нѣмецкихъ дипломатовъ и генераловъ: Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, генералъ Кнезебекъ, Меттернихъ, фонъ-Гагернъ подали мемуары, въ которыхъ старались доказать необходимость измѣнить границы Франціи: Франція, говорилось въ нѣмецкихъ мемуарахъ, перешла свои естественныя границы, отнявши со временъ Людовика XIV естественныя границы у своихъ сосѣдей; чтобъ получить теперь миръ продолжительный

и прочный, надобно, чтобъ Францiя отдала своимъ сосѣдямъ ихъ оборонительную линiю, которую она у нихъ отняла, т.-е. Альзасъ и крѣпости нидерландскiя, крѣпости Мааса, Мозеля и Сарры, тогда только и Францiя получитъ свою настоящую оборонительную линiю, т.-е. Вогезскiя горы и двойную линiю крѣпостей отъ Мааса до моря. На основанiи этихъ мемуаровъ, Францiя должна была лишиться почти всей Фландрiи, сѣверной части Шампанiи и Лотарингiи, всего Альзаса и значительной части Франшъ-Конте и Бургундiи, должна была потерять не менѣе трехъ миллiоновъ народонаселенiя. Нѣмцы, разумѣется, настаивали на томъ, что союзники имѣютъ полное право отнять все это у Францiи: смѣшно было бы думать, говорили они, что послѣдняя война велась противъ одного Наполеона, что французы въ ней не участвовали. Англiйское министерство также вооружилось противъ мемуара Каподистрiи; въ замѣчанiяхъ на этотъ мемуаръ, пересланныхъ Ливерпулемъ лорду Кэсльри, говорилось: «Если бы французскiй народъ отозвался на призывъ, сдѣланный въ декларацiяхъ союзниковъ изъ Вѣны въ мартѣ и маѣ мѣсяцахъ и матерiально содѣйствовалъ низверженiю Бонапарта, то союзныя державы могли бы считать себя связанными Парижскимъ трактатомъ и не могли бы претендовать на вѣчныя уступки земель со стороны Францiи по праву завоеванiя. Но если обратить вниманiе, какъ велики были пожертвованiя союзниковъ кровiю и деньгами въ послѣднюю войну; если обратить вниманiе на то, что король Людовикъ XVIII былъ возстановленъ союзными войсками; что крѣпости французскiя сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока оставалась хотя малѣйшая надежда на помощь, и что занятiе союзными армiями страны къ сѣверу отъ Луары есть дѣйствительно занятiе вслѣдствiе завоеванiя,— то не можетъ быть сомнѣнiя, что союзники имѣютъ право на плоды завоеванiя, на прiобрѣтенiя, которыя, по ихъ мнѣнiю, необходимы для ихъ собственной безопасности». Несмотря на такой взглядъ, англiйское министерство заявляло, что союзники должны были получить себѣ обезпеченiе уменьшенiемъ наступательныхъ средствъ французскаго народа; но это уменьшенiе могло произойти или посредствомъ территорiальныхъ прiобрѣтенiй, или посредствомъ временнаго занятiя французскихъ областей союзными войсками.

Относительно права союзниковъ требовать обезпеченiя отъ Францiи, не стѣсняясь Парижскимъ договоромъ 1814 года, Англiя соглашалась съ нѣмцами; относительно же того, въ чемъ должно было заключаться это обезпеченiе, она не рѣшала вопроса, допуская возможность и того средства, какое предлагала

Россія, т.-е. временнаго занятія нѣкоторыхъ частей Франціи союзными войсками. Но англійское министерство скоро должно было принять русское предложеніе, потому что за него высказались и герцогъ Веллингтонъ и лордъ Касльри. Послѣдній писалъ Ливерпулю, что онъ не можетъ не признать справедливости мнѣнія герцога Веллингтона, который предпочитаетъ временное занятіе французскихъ областей совершенному ихъ отторженію отъ Франціи, потому что это отторженіе соединитъ всѣхъ французовъ противъ Англіи или скорѣе противъ того государства, которое возьметъ себѣ отторженныя области; по всѣмъ вѣроятностямъ король нидерландскій первый подвергнется нападенію со стороны Франціи, и потому надобно хорошенько подумать объ этомъ. Временное же занятіе, напротивъ, не представляетъ никакой опасности: извѣстно, что Людовикъ XVIII и его министры желаютъ, чтобъ иностранныя войска остались во Франціи; если дѣло уладится съ обращеніемъ вниманія на чувства и на интересы французскаго народа, то король, его правительство и роялистская партія будутъ на сторонѣ союзниковъ; король, поддержанный ими, будетъ имѣть возможность постепенно утвердить свою власть, что́ важнѣе для союзниковъ всѣхъ другихъ обезпеченій. Если онъ падетъ, то союзники будутъ свободны отъ упрека, что ускорили его паденіе, и будутъ имѣть время принять всѣ нужныя предосторожности. Если же, наоборотъ, союзники будутъ вести дѣло до крайности, то они оттолкнутъ отъ себя короля, который будетъ принужденъ или вести народъ свой на войну, или уступить престолъ болѣе смѣлому и предпріимчивому сопернику. Этотъ взглядъ основывается на убѣжденіи, что дѣло королевское во Франціи вовсе не безнадежно, если будетъ хорошо ведено, и европейскій союзъ можетъ поддержать его, если при взятіи обезпеченій не будутъ дѣйствовать враждебно къ Франціи. — 23 августа, Ливерпуль отвѣчалъ Касльри, что лондонскій кабинетъ согласенъ съ мнѣніемъ герцога Веллингтона. Франція должна была сдѣлать нѣсколько земельныхъ уступокъ, но ничтожныхъ въ сравненіи съ нѣмецкими требованіями [1]); но она должна была заплатить союзникамъ 600 милліоновъ контрибуціи, да 200 милліоновъ на постройку крѣпостей, долженствующихъ охранять сосѣднія государства отъ Франціи; наконецъ, 150,000 иностраннаго войска, содержимаго Франціею въ продолженіи семи лѣтъ, должно было

[1]) Она должна была уступить Нидерландамъ: Конде, Филиппевиль, Маріенбургъ, Живе; Германіи—Сарлуи и Ландау; Швейцаріи — фортъ Жу; Сардиніи — фортъ Эклюзъ, Шамбери и часть Савоіи, удержанную въ 1814 году.

занимать 18 крѣпостей. Но при томъ значеніи, какое имѣлъ Парижъ, самымъ тяжелымъ и оскорбительнымъ слѣдствіемъ вторичнаго занятія иностранными войсками столицы Франціи была отдача по принадлежности произведеній искусствъ, забранныхъ Наполеономъ въ разныхъ странахъ и сосредоточенныхъ въ Луврѣ. Еще 15 іюля лордъ Ливерпуль писалъ Касльри: «Принцъ-регентъ поручилъ мнѣ обратить ваше вниманіе на собраніе статуй и картинъ, которыя французы захватили въ Италіи, Германіи и Нидерландахъ. Рѣшать ли возвратить ихъ по принадлежности, или раздѣлить ихъ между союзниками, во всякомъ случаѣ союзныя войска имѣютъ относительно ихъ то же право завоеванія, какое имѣли французы, овладѣвая ими. Желательно удалить ихъ изъ Франціи съ политической точки зрѣнія, ибо, находясь въ ней, они будутъ необходимо поддерживать воспоминаніе о прежнихъ завоеваніяхъ, поддерживать воинственный духъ и тщеславіе народа». Французское правительство, соглашаясь на всѣ другія условія, не согласилось на это: картины и статуи были взяты насильно нѣмецкими и англійскими солдатами; герцогъ Веллингтонъ принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и навлекъ на себя сильную ненависть французовъ: тѣмъ еще сильнѣе стала популярность русскаго императора.

Занятіе союзными войсками французскихъ крѣпостей считалось необходимымъ для укрѣпленія правительства Бурбоновъ; но кто же могъ мѣшать этому укрѣпленію? Наполеонъ, упустивъ благопріятное время для отправленія въ Америку, отдался англичанамъ и былъ отправленъ на островъ св. Елены. Если Наполеонъ, по возвращеніи съ Эльбы, говорилъ, что Бурбоны своими ошибками возстановили его, то теперь Бурбоны, въ свою очередь, имѣли право говорить, что Наполеонъ своимъ стодневнымъ царствованіемъ оказалъ имъ большую услугу. Имъ страшна была слава знаменитаго императора, страшно было сожалѣніе о немъ въ народѣ: императоръ надолго помрачилъ свою славу при Ватерлоо. Имъ страшно было императорское войско, жившее воспоминаніями о своемъ непобѣдимомъ вождѣ: этотъ вождь явился, и подъ его предводительствомъ войско потерпѣло сильное, окончательное пораженіе. Наполеонъ истощилъ всѣ средства своей партіи, которая была такъ грозна во время первой реставраціи. Съ паденіемъ Бонапарта Бурбонамъ нечего было бояться другихъ партій: республиканская была слишкомъ слаба, орлеанская только въ зародышѣ. Отсюда, кромѣ истощенія народа, жаждущаго отдыха, мира, причиною страдательнаго положенія Франціи было отсутствіе знаменъ, около которыхъ можно было бы сосредоточиться для дѣйствія. Одно только знамя было

поднято, знамя Бурбоновъ, поднято было иностранцами, безъ вѣдома и сочувствія народнаго большинства—нѣтъ нужды! Все же это было единственное поднятое знамя, которому другихъ противопоставить было нельзя; кто хотѣлъ дѣйствовать, шелъ подъ это знамя; кто не сочувствовалъ знамени, тотъ осуждалъ себя на страдательное положеніе, не имѣя на что опереться. Бурбонская партія была такъ безсильна, что не могла собственными средствами возстановить короля; она поднялась чужими средствами, именно, когда союзники ввели Людовика XVIII въ Парижъ, но все же поднялась и могла дѣйствовать на просторѣ, безъ помѣхи со стороны другихъ партій, была *во времени* и воспользовалась своимъ временемъ. Во всякомъ обществѣ есть люди, которые хотятъ дать волю страстямъ своимъ, разнуздать ихъ, побушевать. Въ спокойное время, при правильномъ общественномъ движеніи, эти люди связаны, и если позволятъ себѣ что-нибудь, то испытываютъ очень непріятныя для себя послѣдствія; но когда происходитъ въ обществѣ неправильное революціонное движеніе, эти люди тутъ и предлагаютъ свои услуги сильнѣйшей партіи, знаменемъ которой прикрываются; партіи обыкновенно имѣютъ неосторожность принимать услуги подобныхъ людей, набирать изъ нихъ себѣ войско, и такимъ образомъ брать на себя отвѣтственность за ихъ дѣйствія, брать на себя обязанность оправдывать эти дѣйствія, какъ бы они ни были возмутительны. Такъ было и теперь во Франціи, когда бурбонская партія хотѣла воспользоваться своимъ временемъ: на югѣ, гдѣ народонаселеніе склонно къ страстной борьбѣ партій, обнаружилось движеніе противъ бонапартистовъ и вообще людей, не сочувствующихъ Бурбонамъ: ихъ сотнями запирали въ тюрьмы, не по судебному рѣшенію, а вслѣдствіе народной воли; убійства и пожары распространились по деревнямъ; въ Нимѣ, въ продолженіи трехъ дней, толпы убійцъ бѣгали по улицамъ, врываясь въ дома бонапартистовъ или тѣхъ, кому захотѣли дать это имя. Такъ начался «бѣлый терроръ юга», который обнаруживался въ разныхъ мѣстахъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Приверженцы Бурбоновъ считали необходимымъ, чтобъ нѣкоторыя лица были исключены изъ амнистіи, дарованной королемъ при его возвращеніи во Францію; англійское министерство и англійскіе журналы высказывали то же требованіе; 57 именъ внесено было въ этотъ списокъ исключенныхъ и два имени стояли впереди: Ней и Лабедуайеръ: оба были разстрѣляны. Господство бурбонской партіи, исключительно дѣйствовавшей и дѣйствовавшей на югѣ бѣлымъ терроромъ, естественно произвело то, что новая палата наполнилась роялистами;

возрастъ депутата, опредѣленный хартіею въ 40 лѣтъ, теперь былъ пониженъ до 25; возрастъ избирателя въ 30 былъ пониженъ до 21 года; число депутатовъ, вмѣсто прежняго 258, было увеличено до 402. Исключеніемъ людей, замѣшанныхъ въ перевороте 20 марта, и назначеніемъ новыхъ членовъ въ палатѣ пэровъ также перевѣсилъ роялистскій элементъ; званіе пэра объявлено наслѣдственнымъ.

Чѣмъ болѣе прежде при дворѣ боялись сопротивленія Бурбонамъ и соглашались на разныя сдѣлки и уступки для его ослабленія, тѣмъ болѣе теперь раскаявались въ этихъ уступкахъ и стыдились ихъ, когда видѣли, что сопротивленія нѣтъ, что были обмануты, напуганы ложными страхами. Человѣкъ, въ приближеніи котораго къ королю была сдѣлана самая тяжелая уступка, который обманулъ фальшивою важностію своего значенія, которымъ понапрасну напугали, — этотъ человѣкъ долженъ былъ скоро поплатиться за обманъ. Какъ скоро увидали, что бури нѣтъ, то Фуше, могущественный чародѣй, призванный заклинать бурю, превратился въ ловкаго обманщика—не больше, и судьба его была рѣшена. Относительно Фуше при дворѣ чувствовали такое же раздраженіе, какое чувствуетъ знатный баринъ, когда, по ошибкѣ, протянулъ руку простолюдину и обошелся съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Какъ только исчезъ первый страхъ и началась роялистская реакція, такъ начались нападки на Фуше: въ одной изъ роялистскихъ брошюръ, упрекали Людовика XVIII за презрѣніе, оказанное имъ французскому народу тѣмъ, что онъ сдѣлалъ своимъ министромъ Фуше, «чудовище, запятнанное всѣми преступленіями». Не будучи въ состояніи плыть противъ теченія, желая показаться усерднымъ, Фуше представляетъ длинный списокъ лицъ, которыхъ должно исключить изъ амнистіи: роялисты не довольны, что не всѣ тутъ, которыхъ надобно; побѣжденныя партіи озлоблены тѣмъ, что Фуше выдаетъ людей, которыхъ былъ самъ недавно соумышленникомъ, товарищемъ. Академикъ Арно поутру завтракалъ вмѣстѣ съ Фуше, который не сказалъ ему ничего, а вечеромъ узналъ, что осужденъ на изгнаніе; онъ бѣжитъ къ Фуше съ вопросомъ: что̀ это значитъ? Тотъ отвѣчаетъ ему: «Что же дѣлать! проливной дождь; надобно спрятаться подъ большое дерево; быть можетъ, ваше изгнаніе послужитъ нѣкогда для васъ правомъ на почести и благосклонность». Колдунъ опять принялся за предсказанія будущаго, но теперь эти предсказанія не спасутъ его. Напрасно онъ прибѣгаетъ къ своимъ обычнымъ средствамъ, напрасно пугаетъ, напрасно читаетъ въ совѣтѣ министровъ, въ присутствіи короля, мемуаръ, что поведеніе союзныхъ войскъ довело народъ до край-

наго раздраженія, вслѣдствіе котораго самыя противоположныя партіи сливаются, и готовится всеобщее возстаніе, страшная рѣзня, причемъ король снова долженъ будетъ удалиться; напрасно читаетъ другой мемуаръ, въ которомъ доказываетъ, что роялисты сильны только въ 10 департаментахъ, что въ 15 уравниваются другими партіями, а въ другихъ департаментахъ составляютъ только ничтожное меньшинство; что Франція не снесетъ отъ Бурбоновъ того, что сносила отъ Наполеона, опиравшагося на свои побѣды и на униженіе Европы; что короля любятъ и уважаютъ, но боятся его наслѣдниковъ; что равенство и свобода пустили такіе глубокіе корни, что нельзя безнаказанно до нихъ дотрогиваться. Все это напрасно; прежде вѣрили ложнымъ страхамъ, теперь не вѣрятъ и тому, что было справедливаго въ указаніяхъ Фуше. Наконецъ, палата депутатовъ, съ преобладаніемъ людей, которыхъ Фуше впервые назвалъ *крайними* (ultras), не допускала никакой возможности оставаться ему долѣе министромъ. Фуше все еще упорствовалъ, говорилъ, что палатою надобно управлять посредствомъ мятежей, но никто изъ его товарищей, министровъ, не соглашался помогать ему устроивать эти мятежи.

Одинаковая участь грозила и Талейрану: и его оставили министромъ иностранныхъ дѣлъ и даже сдѣлали предсѣдателемъ совѣта министровъ по настоянію герцога Веллингтона, изъ страха передъ сильными препятствіями, которыя встрѣтятся при вторичномъ утвержденіи Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, въ надеждѣ, что Талейранъ поможетъ преодолѣть эти препятствія, особенно въ отношеніи къ союзникамъ. Но скоро увидали, что Талейранъ, вмѣсто помощи, служитъ только препятствіемъ: между союзными государями единственнымъ доброжелателемъ Франціи, единственнымъ ея защитникомъ являлся императоръ Александръ, которому король и долженъ былъ поэтому предаться вполнѣ; но императоръ Александръ очень хорошо помнилъ поведеніе Талейрана въ Вѣнѣ, и оказывалъ къ нему совершенную холодность. Такимъ образомъ, Талейранъ становился между Франціею и Россіею, и потому его надобно было отстранить. Людовику XVIII тѣмъ легче было это сдѣлать, что ему навязали насильно Талейрана, властительныхъ манеръ котораго онъ не могъ выносить. Ультра-роялисты, съ своей стороны, преслѣдовали Талейрана, какъ человѣка, болѣе другихъ напоминавшаго революцію и имперію; ультра-роялисты преслѣдовали его наравнѣ съ Фуше, преслѣдовали какъ «отступника, чуждаго всякой религіи, всякой нравственности, всякаго стыда».

Талейранъ и Фуше были удалены. Кто же могъ замѣнить

Талейрана на трудномъ мѣстѣ министра иностранныхъ дѣлъ? Выбранъ былъ человѣкъ, совершенно ему противоположный, безупречный въ нравственномъ отношеніи, герцогъ Ришельё. Внукъ знаменитаго маршала, герцогъ покинулъ Францію въ началѣ революціи и вступилъ въ русскую службу; при императорѣ Александрѣ онъ былъ правителемъ Новороссійскаго края, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память. Императоръ очень любилъ его и уважалъ; Людовикъ XVIII, желая угодить покровителю Франціи, назначилъ-было Ришельё министромъ двора на мѣсто любимца своего Блака́, но герцогъ отклонилъ предложеніе, не желая быть товарищемъ Фуше́. Теперь, когда Фуше́ не было болѣе между министрами, императоръ и король настояли, чтобъ Ришельё принялъ мѣсто Талейрана. Назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка, имѣвшаго, можно сказать, два отечества, Францію и Россію, съ одинаковыми обязанностями къ обѣимъ, было яснымъ знако́мъ преобладающаго вліянія русскаго императора на дѣла Франціи и тѣснаго союза ея съ Россіею. Разумѣется, многимъ и многимъ это сильно не понравилось; но дѣлать было не́чего, и Кассльри, въ письмахъ къ Ливерпулю, старается успокоить министерство именно тѣмъ, что дѣлать нечего и нѣтъ еще большой бѣды отъ преобладающаго вліянія русскаго императора; онъ писалъ: «Связь герцога Ришельё съ русскимъ императоромъ и вмѣшательство Поццо во всѣ дѣла, естественно, даетъ новому правительству сильный русскій цвѣтъ, и на него уже нападаютъ за это. Но, несмотря на тонъ покровительства, употребляемый императоромъ, я не нахожу причины жаловаться на поведеніе его императорскаго величества, и онъ спокойно смотритъ на нашу работу въ Луврѣ [1]). Зависть къ преобладающему вліянію Россіи, по моему мнѣнію, не должна побуждать насъ къ ослабленію правительства герцога Ришельё. Главная наша цѣль—поддерживать на престолѣ Людовика XVIII; система умѣренности, по моему мнѣнію, есть самое лучшее къ тому средство, и я не думаю, чтобы герцогъ вдался въ крайности. У герцога много здраваго смысла, и онъ могъ бы быть отличнымъ министромъ въ честной странѣ; но публичная жизнь его ограничивается крымскимъ губернаторствомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что не знаетъ въ лицо ни одного изъ своихъ товарищей, и что не былъ во Франціи съ 1790 года; можете представить себѣ трудности, которыя онъ долженъ встрѣтить». Этотъ упрекъ Ришельё, что онъ знаетъ лучше Россію, чѣмъ Францію, былъ въ устахъ всѣхъ тѣхъ, которымъ не нравилось его новое назначеніе, начиная съ

---

[1]) Увозъ произведеній искусства.

Талейрана: «Это французъ, который лучше всего знаетъ Крымъ», сказалъ свергнутый министръ о своемъ преемникѣ, и острое слово съ наслажденіемъ повторялось противниками русскаго вліянія. Это вліяніе сильно давало себя чувствовать, и Франція увидѣла ясно, какъ выгодно ей имѣть министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка, лучше всего знающаго Крымъ: Франція удержала пять крѣпостей изъ числа тѣхъ, которыя должна была уступить по прежнему плану; сумма контрибуціи уменьшалась на сто милліоновъ; союзныя войска должны были оставаться во Франціи не семь, а пять лѣтъ.

Талейранъ и по выходѣ изъ министерства остался въ Парижѣ — ждать своего времени; знаменитый оракулъ не утратилъ своего авторитета, своихъ поклонниковъ; домъ его былъ открытъ для всѣхъ недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, для всѣхъ недовольныхъ вліяніемъ Россіи. Не то было съ Фуше́, котораго дѣятельность была всегда мелка въ сравненіи съ дѣятельностью Талейрана; ненависть ультра-роялистовъ налегла со всею силою на жертву, которую никто не рѣшался защищать. Фуше́ отправился въ почетную ссылку, министромъ къ саксонскому двору, а въ слѣдующемъ году почетная ссылка была замѣнена дѣйствительною. Понапрасну обращался Фушѐ къ Кэслри и Веллингтону; въ длинномъ письмѣ къ послѣднему онъ наговорилъ много прекрасныхъ вещей: «Развратъ и неспособность губятъ государства,—писалъ онъ; добродѣтель и талантъ возстановляютъ ихъ. Если господствуетъ партія, то обязательства частныя являются сильнѣе обязательствъ общихъ; теперь не союзные государи торжествуютъ надъ Франціею, партія торжествуетъ надъ народомъ; междоусобная война только перемѣнила мѣсто; ультрароялисты побѣдители, а всѣ остальные французы побѣжденные. Какую выгоду можно извлечь изъ господства партіи? Конецъ ея близокъ, самый терроръ ее не поддержитъ, потому что терроръ исчезаетъ при первомъ проблескѣ безопасности. Придетъ чередъ господству другой партіи. Чтó станется съ Франціею, чтó станется съ Европою, если насъ будутъ терзать очередныя и скоропреходящія торжества партій? При такомъ порядкѣ вещей, гдѣ найти націю? Нѣтъ болѣе общихъ интересовъ, всѣ пружины, всѣ связи общественнаго существованія сокрушены; сердце государства поражено; остается только тѣнь отечества. Въ дѣлахъ человѣческихъ часто приходятъ къ самымъ печальнымъ крайностямъ, увлекаясь словами, которыя ихъ освящаютъ. Не дай Богъ, чтобъ слово *легитимность* стоило намъ такъ же дорого, какъ и слово *равенство!* Зло происходитъ почти всегда подъ священными предлогами. Къ счастію, заблужденіе не безсмертно какъ истина. Я не жалуюсь

и не удивляюсь, что изгнанъ изъ Франціи тѣми, которымъ я протянулъ руку, чтобъ помочь имъ войти во Францію. Я знаю пороки сердца человѣческаго, я привыкъ къ капризамъ судьбы. Въ моемъ положеніи утѣшаюсь мыслію, что никто не можетъ измѣнить природы вещей: ложь не можетъ стать истиною. Правосудіе и голосъ вѣковъ произнесутъ: въ событіяхъ, навлекшихъ бѣдствіе отечеству своему, виноваты или нѣтъ всѣ стороны, и на которой сторонѣ самая большая вина». Фуше́ аппеллировалъ къ правосудію и голосу вѣковъ, но онъ произнесъ страшныя для себя слова: «ложь не можетъ стать истиною».

Министромъ полиціи вмѣсто Фуше́ назначенъ былъ уже извѣстный намъ Деказъ. Будучи самымъ младшимъ членомъ королевскаго парижскаго суда, Деказъ обратилъ на себя вниманіе смѣлостью, съ какою отказался подписать адресъ и присягнуть на вѣрность Наполеону послѣ 20 марта. Этотъ поступокъ не могъ быть забытъ по возвращеніи Бурбоновъ, и Деказъ былъ сдѣланъ префектомъ полиціи подъ начальствомъ Фуше́. Подозрительность, какую питали къ Фуше́, заставила выдвинуть Деказа и ввести его въ непосредственныя сношенія съ королемъ. Префектъ полиціи былъ тогда 35-ти лѣтъ; пріятная наружность, талантъ, живость ума, быстрота, ловкость, неутомимость въ исполненіи, испытанная вѣрность и въ то же время отсутствіе крайности въ направленіи обратили на него вниманіе Людовика XVIII; по удаленіи Фушѐ, Деказъ сдѣлался министромъ полиціи, и скоро увидали, что мѣсто Блака̀ при старомъ королѣ замѣщается. Деказъ становился любимцемъ.

Союзные государи оставили Парижъ; но посланники ихъ здѣсь образовали постоянную конференцію, которая собиралась каждую недѣлю, чтобъ разсуждать о состояніи страны, о мѣрахъ, какія нужно было принимать со стороны союзныхъ государей, о совѣтахъ, какіе должны были подавать ихъ посланники французскому министерству. Главную роль между дипломатами игралъ русскій посланникъ, Поццо-ди-Борго; но Александръ не вполнѣ на него полагался по страстности, порывистости его характера, и потому оставилъ въ Парижѣ Каподистріа. Англійскимъ посланникомъ былъ кавалеръ Стюартъ, братъ лорда Касльри, человѣкъ невыдававшійся впередъ своими личными достоинствами и, кромѣ того, уступавшій первое мѣсто герцогу Веллингтону, который жилъ въ Парижѣ, какъ главный начальникъ союзныхъ войскъ, оставленныхъ во Франціи. Положеніе Веллингтона было незавидное, потому что поведеніе Англіи въ послѣднее время возбудило сильную ненависть въ французахъ; особенно не могли простить Веллингтону его дѣятельнаго участія въ опустошеніи Лувра; при

дворѣ не могли простить ему того, что не нашли въ немъ ожидаемой поддержки. Видя всеобщее ожесточеніе, видя холодность при дворѣ, тогда какъ онъ привыкъ находить тамъ одни восторженные пріемы, герцогъ сердился и не старался сдерживаться въ выраженіяхъ своего гнѣва. Онъ удалился изъ роялистскаго общества, гдѣ имѣли неосторожность показать къ нему презрѣніе, и началъ посѣщать общества, отличавшіяся противоположными политическими мнѣніями; особенно часто стали видѣть его у госпожи Гамелэнъ, которая у роялистовъ пользовалась дурною репутаціею, о которой шла молва, что она сильно интриговала въ пользу Бонапарта передъ его возвращеніемъ съ Эльбы. Поццо-ди-Борго обезпокоило такое поведеніе герцога; онъ боялся, что противныя правительству партіи станутъ пользоваться его неудовольствіемъ; разговоръ съ Стюартомъ еще болѣе усилилъ его опасенія: англійскій посланникъ сталъ открыто жаловаться на короля и окружавшихъ его, объявилъ, что негодованіе Веллингтона достигло высшей степени, и прибавилъ, что если съ Бурбонами случится новое несчастіе, то народное негодованіе въ Англіи воспрепятствуетъ министерству вооружиться за нихъ. Спустя нѣсколько времени, самъ Веллингтонъ, разговаривая съ Поццо-ди-Борго въ томъ же смыслѣ, кончилъ словами: «Неужели мы должны еще обнажить шпагу и драться *за нихъ?*» Поццо, послѣ совѣщанія съ графомъ Каподистрія и герцогомъ Ришельё, предложилъ королю и графу Артуа приласкать Веллингтона. Графъ Артуа поѣхалъ къ нему, и герцогъ остался доволенъ посѣщеніемъ и разговоромъ наслѣдника престола. Спустя нѣсколько времени, герцогъ поѣхалъ къ королю и былъ обласканъ; при прощаніи, король подалъ ему руку, герцогъ нагнулся-было, чтобъ ее поцѣловать, но король сказалъ ему: «Позвольте мнѣ поступить по французскому обычаю», и поцѣловалъ его. На другой день Ришельё имѣлъ разговоръ съ Веллингтономъ и остался очень доволенъ; когда онъ намекнулъ, что заговорщики, въ своихъ движеніяхъ противъ Бурбоновъ, разсчитываютъ на его равнодушіе, то Веллингтонъ сказалъ: «Пусть попробуютъ: узнаютъ меня!» Между тѣмъ пруссаки предложили Ришельё, что, въ случаѣ новыхъ волненій, прусская нижнерейнская армія будетъ готова вступить во Францію. Но король не хотѣлъ принимать никакихъ предложеній ни отъ кого безъ вѣдома русскаго императора. По мнѣнію Поццо, французское правительство должно было гнать отъ себя мысль объ иностранной помощи или вмѣшательствѣ; если Франція, къ своему несчастію, снова принуждена будетъ просить помощи у иностранцевъ, то погибель ея будетъ неминуема; ея внутреннее спокойствіе должно поддержи-

ваться собственными средствами, и Поццо изъявлялъ полную увѣренность, что эти средства можно найти.

Средства дѣйствительно были; опасности для Бурбоновъ сильно преувеличивались. Главная опасность заключалась въ нихъ самихъ, въ слабости короля, который не умѣлъ сдержать своихъ, который далъ приверженцамъ Бурбоновъ раздѣлиться на двѣ партіи, ультра-роялистовъ и приверженцевъ конституціонной монархіи, позволилъ имъ вступить въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ, благодаря которой противныя партіи поднялись и окрѣпли. Представители иностранныхъ державъ, видя, что ультра-роялистская партія не имѣетъ глубокихъ корней во французской почвѣ, боясь новыхъ переворотовъ, какіе могли произойти отъ неблагоразумныхъ ея стремленій, внушали королю и его министерству, чтобъ они не слѣдовали увлеченіямъ графа Артуа и окружавшихъ его, соблюдали умѣренность, давали своему правленію либеральное направленіе и такимъ образомъ привлекали къ себѣ сочувствіе большинства. Но совѣтовать слабому умѣренность и либеральность, значитъ побуждать его къ послабленію и либеральничанью, точно такъ, какъ совѣтовать ему твердость—значитъ побуждать его къ жестокости и къ задерживанію живыхъ силъ народа, къ погашенію въ обществѣ свѣта, необходимаго для правильной его дѣятельности.

Осенью 1815 года, бурбонская реакція была въ полномъ ходу и отразилась на выборахъ въ новую палату депутатовъ (chambre introuvable, по выраженію Людовика XVIII); надежды ультра-роялистовъ сначала были возбуждены и тѣмъ, что министерство было очищено отъ людей, представлявшихъ новую Францію, Талейрана и Фуше; члены палаты пэровъ, Полиньякъ и Лабурдоннэ, прямо отказались присягать въ соблюденіи хартіи. Въ палатѣ депутатовъ прошли строгіе законы противъ лицъ, которыя бы вздумали устно или письменно возбуждать народъ противъ правительства, хотя бы ихъ поступки не имѣли слѣдствій и не были связаны ни съ какимъ заговоромъ; учрежденъ былъ въ каждомъ департаментѣ *превотальный* (военный) судъ; въ палатѣ слышались слова: «Время положить конецъ милосердію». Между ультра-роялистскими депутатами обозначился человѣкъ, которому суждено было играть важную роль въ исторіи реставраціи: то былъ Виллель. Обиженный природою, которая дала ему вовсе невидную наружность и непріятное произношеніе, Виллель привлекалъ вниманіе вѣрностію, практичностью своихъ замѣчаній; его административная дѣятельность началась далеко, на островѣ Бурбонѣ, гдѣ онъ укрылся отъ революціонныхъ бурь; во время имперіи онъ возвратился во Францію, купилъ землю подлѣ

Тулузы и занимался сельскимъ хозяйствомъ; при отправленіи административныхъ должностей въ провинціи онъ выказалъ тѣ же способности, какъ и на островѣ Бурбонѣ, и теперь принесъ въ палату свой здравый смыслъ, свой практическій, но часто узкій взглядъ, слѣдствіе прежней узкой сферы дѣятельности и недостатка научнаго образованія. Сочиненіе его, написанное противъ конституціоннаго правленія, опредѣляло его мѣсто и значеніе въ палатѣ.

Въ то время, когда въ палатѣ строгими мѣрами хотѣли сдержать всякое публичное выраженіе несочувствія къ бурбонскому правительству,—хотѣли также очистить администрацію отъ людей, заявлявшихъ прежде, какимъ бы то ни было образомъ, свое несочувствіе къ нему, и здѣсь не ограничились людьми, занимавшими важныя должности, но коснулись людей самыхъ мелкихъ, отыскивая въ прежнемъ ихъ поведеніи, въ увлеченіяхъ молодости во время революціи, причины къ удаленію. Всѣ эти люди, которые при сильномъ правительствѣ, умѣющемъ дать направленіе дѣятельности своихъ служителей, спокойно подчинились бы этому направленію и остались полезными работниками, — теперь, удаленные и лишенные средствъ къ жизни, явились въ первыхъ рядахъ недовольныхъ. Но этимъ очищеніемъ администраціи дѣло не ограничивалось: по поводу правительственнаго предложенія объ амнистіи, въ палатѣ былъ составленъ проектъ закона, который грозилъ смертію, тюремнымъ заключеніемъ, изгнаніемъ огромному числу лицъ (не менѣе тысячи). Страстные крики членовъ господствующей партіи въ палатѣ и въ салонахъ напоминали страстные крики революціонеровъ девяностыхъ годовъ, и теперь, какъ тогда, женщины превосходили мужчинъ. «Неужели думаютъ, говорила одна знатная дама, что мы удовольствуемся двумя головами (Нея и Лабедуайера) за 20-е марта?» Между господствующею партіею и министерствомъ произошелъ явный разрывъ, потому что министерство не раздѣляло крайнихъ стремленій партій. Противъ министерства была господствующая партія съ одной стороны, съ другой—работалъ противъ него Талейранъ, окруженный интригантами всякаго рода. Не имѣя возможности дѣйствовать въ Парижѣ, они перенесли свою сцену дѣйствія въ Лондонъ, установили политическую корреспонденцію, которую публиковали посредствомъ журналовъ. Здѣсь король и королевская фамилія подвергались постояннымъ нападкамъ; Талейранъ представлялся гонимымъ мудрецомъ, удаленіе котораго изъ министерства было причиною всей смуты; подкапывались подъ русское вліяніе, порицая зависимость королевскаго правительства отъ с.-петербургскаго двора. Герцогъ Орлеанскій,

находившійся въ Англіи, подъ рукою, ободрялъ эту тактику, и его сторонники въ Парижѣ приняли въ ней участіе; англійскій посланникъ въ Парижѣ, Стюартъ, человѣкъ ограниченный и мелочной, раздраженный тѣмъ, что не могъ играть при французскомъ дворѣ первенствующей роли, поддерживалъ интригу покровительствомъ, какое оказывалъ корреспонденціи, зная очень хорошо ея содержаніе. Подвергаясь нападеніямъ съ разныхъ сторонъ, министерство Ришельё не находило подпоры въ королѣ, слабость котораго оказывалась для всѣхъ самымъ очевиднымъ образомъ, ибо направленіе господствующаго движенія перешло къ графу Артуа, къ партіи *павильона Марсанъ*, какъ тогда выражались (потому что графъ Артуа жилъ въ части тюльерійскаго дворца, носившей это названіе). Слабость короля послужила предлогомъ новой интриги, направленной противъ министерства Ришельё. Партія павильона Марсанъ и партія Талейрана подали другъ другу руку; съ обѣихъ сторонъ пошло предложеніе возвратить бывшаго любимца Блака; на конференцію представителей иностранныхъ державъ дѣйствовали тѣмъ, что призваніе Блака есть единственное средство вывести короля изъ бездѣйственнаго положенія. Сопротивленіе Ришельё, поддержаннаго Поццо, разстроило интригу.

Такъ кончился 1815 годъ. 1 января 1816 года, депутація второй палаты обратилась къ королю съ такою краткою рѣчью: «Государь! ваши вѣрноподданные палаты депутатовъ желаютъ и приготовляютъ вамъ болѣе счастливый годъ!» На другой же день въ палатѣ начались жаркія пренія объ амнистіи. Послышались рѣчи противъ «новой филантропіи, этой революціонной выдумки, которая покрыла Европу преступленіями, кровью и слезами», послышались горькіе упреки нерѣшительному поведенію министровъ, которые хотятъ возобновить слабую политику 1814 года, рискуя навлечь на Францію тѣ же самыя бѣдствія. Главные ораторы умѣренной партіи, Роайе-Коллaръ, Пакье, де-Серръ произнесли также сильныя рѣчи въ пользу амнистіи, какъ акта политической необходимости. Большинство палаты отвергло ту обширную проскрипцію, на которую настаивали ультра-роялисты; но приняло исключеніе изъ амнистіи для людей, участвовавшихъ въ осужденіи Людовика XVIII: имъ опредѣлено изгнаніе, и король согласился съ рѣшеніемъ палаты. Въ провинціяхъ перестала литься кровь; но сцены насилія и грабежа продолжались по деревнямъ. Во многихъ мѣстахъ, протестантское богослуженіе было прервано, администраторы и суды, или по духу партіи, или по слабости, изъ страха предъ мятежными толпами, не могли обезпечить полнаго правосудія протестантамъ и людямъ, считав-

шимся бонапартистами. Большая часть людей, виновныхъ въ убійствахъ, оставались нетронутыми; тѣ изъ нихъ, которыхъ притягивали къ суду, были торжественно оправдываемы, потому что никто не смѣлъ противъ нихъ свидѣтельствовать. Въ Тарасконѣ, въ департаментѣ Устьевъ-Роны, два человѣка были отданы подъ судъ за участіе въ народныхъ волненіяхъ: мятежная толпа освободила ихъ изъ тюрьмы съ криками: «Долой бонапартистовъ! долой богачей!» и принудила судъ произнести приговоръ объ освобожденіи обвиненныхъ. Въ палатѣ, если кто-нибудь изъ депутатовъ былъ такъ смѣлъ, что указывалъ на такія явленія, то голосъ его былъ заглушаемъ. Очищенія администраціи продолжались; очищено было и учебное вѣдомство или такъ-называемый «Университетъ»: больше трети ректоровъ академій, и цѣлая толпа инспекторовъ, профессоровъ и учителей были отставлены; вакантныя каѳедры были замѣщены духовными лицами; многія высшія школы были закрыты изъ экономіи. Закрыта была и Политехническая школа, подозрительная по своему духу; но обратили вниманіе на первоначальное народное обученіе: первоначальныя школы были ввѣрены надзору комитетовъ, учрежденныхъ въ каждомъ кантонѣ подъ предсѣдательствомъ священника; верховная коммиссія народнаго просвѣщенія должна была постановить правила и указать методы преподаванія; ежегодно назначалось 50,000 франковъ на изданіе нужныхъ книгъ, на учрежденіе образцовыхъ школъ и на награды отличнымъ учителямъ; религіозныя и благотворительныя общества были допущены къ учрежденію и веденію школъ съ условіемъ, чтобъ ихъ правила и методы были одобрены коммиссіею народнаго просвѣщенія, и чтобъ школы ихъ подвергались общему установленному надзору; епископы, объѣзжая епархіи, имѣли право освѣдомляться о преподаваніи закона Божія въ школахъ; префекты, субпрефекты и мэры сохраняли свой прежній административный надзоръ. Этимъ регламентомъ и нѣкоторыми другими постановленіями, благопріятными для народнаго образованія, Франція была преимущественно обязана дѣятельности предсѣдателя верховной коммиссіи народнаго просвѣщенія, Роайе-Коллару.

Роайе-Колларъ принадлежалъ къ небольшому кружку людей, которые въ палатѣ выставляли открытое сопротивленіе «крайнимъ». Эта борьба между двумя роялистскими партіями—крайнею и умѣренною, очень важна, потому что объясняетъ многое въ положеніи Франціи. «Крайніе» стремились къ возстановленію стараго порядка вещей, какъ было до революціи; но, видя министерство противъ себя и въ то же время видя свое выгодное положеніе въ палатѣ, пользовались парламентскою формою для

достиженія своихъ цѣлей и временно стояли за эту форму, прикрывались ею; уваженіе къ конституціи было у нихъ условною фразою, но иногда они проговаривались не въ палатѣ, а въ салонахъ; такъ однажды одинъ изъ крайнихъ, Бувилль, сказалъ: «Говорятъ, что я не люблю хартіи; я на ней сижу верхомъ, но стану гнать лошадь до тѣхъ поръ, пока она издохнетъ». Монморанси сказалъ одному изъ политическихъ противниковъ: «Да, вы любите короля точно такъ же, какъ мы любимъ хартію». Въ палатѣ они стояли горой за конституцію; а умѣренные, или приверженцы конституціонной монархіи, наоборотъ, настаивали на усиленіи королевской власти, королевскаго значенія, утверждали, что французская конституція не должна быть совершенно похожа на англійскую. Во время сильныхъ преній по вопросу, должна ли палата возобновляться по частямъ, какъ постановлено было въ хартіи, или всецѣло, какъ хотѣли крайніе, Роайе-Колларъ говорилъ: «Въ Англіи иниціатива, высшая администрація и большая часть правительства находятся у палаты общинъ; у насъ правительство всецѣло находится въ рукахъ короля, который нуждается въ содѣйствіи палаты только, когда надобенъ новый законъ и для бюджета. Какъ только правительство перейдетъ къ большинству палаты, какъ скоро палата получитъ возможность низвергать министровъ короля и навязывать ему другихъ, такъ будетъ покончено не только съ хартіею, но и съ независимою королевскою властью,—у насъ будетъ республика. Если вмѣсто французской хартіи вы дадите намъ британское правленіе, то дайте намъ всѣ физическія и нравственныя условія Англіи; сдѣлайте, чтобъ англійская исторія была нашею; дайте намъ сильную аристократію, неразрывно связанную съ короною; сдѣлайте еще болѣе: вмѣстѣ съ теоріею, на которой зиждется ея политическая система, дайте намъ злоупотребленія Англіи, злоупотребленія столь могущественныя, что самая теорія находится подъ ихъ охраною. У насъ нѣтъ еще аристократіи, мы должны получить ее съ теченіемъ времени. Аристократія, созданная хартіею, есть еще только фикція; она получитъ дѣйствительное существованіе только тогда, когда будетъ вѣрнымъ выраженіемъ превосходства, дѣйствительно существующаго и всѣми признаннаго. До тѣхъ поръ не думайте, что если королевская власть будетъ ослаблена, то палата перовъ будетъ въ состояніи придти къ ней на помощь и поднять ее. Разъ униженная, королевская власть поднимется только посредствомъ революціи и бурь. Ученіе о представительствѣ страны есть предразсудокъ, и депутаты вовсе не уполномоченные народа. Палата у насъ есть власть, а не представительство; она существуетъ только благодаря хартіи, она выражаетъ только собственное

свое мнѣніе, а не мнѣніе народа. Гдѣ существуетъ народное представительство, тамъ въ немъ сосредоточены всѣ силы: передъ нимъ остаются только власти подчиненныя или враждебныя, осужденныя повиноваться или исчезнуть. Революція есть не иное что, какъ ученіе о народномъ представительствѣ, приведенное въ дѣйствіе».—«Англія не монархія,—говорилъ де-Серръ:—хартія французская не похожа на хартію британскую; въ Англіи существуютъ партіи давно образовавшіяся, тѣсно связанныя съ конституціею, слѣдовательно, не опасныя; король обязанъ избирать министровъ между ихъ вождями: присоединяя къ ихъ вліянію вліяніе двора, онъ легко получаетъ перевѣсъ и овладѣваетъ на фактѣ, хотя не прямо, инаціативою въ законодательствѣ. Во Франціи, наоборотъ, не должно быть партій, и если онѣ есть, король долженъ возвышаться надъ всѣми; королевская власть во Франціи не должна быть бездѣйственною, неподвижною, но дѣятельною; ей не слѣдуетъ скрываться подъ покрываломъ, но являться постоянно, сіять предъ глазами всѣхъ».

Въ преніяхъ о бюджетѣ «крайніе» обнаружили ясно свое намѣреніе низвергнуть министерство Ришельё. Посланники четырехъ союзныхъ державъ пришли въ сильное волненіе: если министерство будетъ свергнуто, то произойдетъ страшная смута; представителей Англіи, Австріи и Пруссіи особенно безпокоило то, что во время этой смуты нельзя будетъ получить съ Франціи денегъ, которыя она обязалась платить по послѣднему договору. Посланники пригласили въ конференцію герцога Веллингтона и упросили его написать письмо къ королю, представить печальное положеніе дѣлъ, и выразить надежду, что его величество побудитъ свой дворъ содѣйствовать интересамъ правительства. Веллингтонъ написалъ письмо: «Вашему величеству извѣстны начала, на которыхъ союзныя державы основали систему временнаго занятія части вашихъ владѣній, инструкціи, ими мнѣ данныя, и отвѣтственность, ими на меня возложенную. Хотя я смотрю на это занятіе какъ на средство для поддержанія мира, однако я могу быть принужденъ опять поставить всю Европу подъ ружье; моя обязанность предувѣдомить ваше величество, когда обстоятельства будутъ клониться къ такому кризису. Извѣстно, что фамилія вашего величества, лица, принадлежащія къ вашему двору и къ двору принцевъ, дѣйствуютъ въ палатѣ наперекоръ министрамъ. Въ настоящее время необходимость требуетъ, чтобъ ваше величество высказались съ твердостію и поддержали свое министерство всѣмъ вліяніемъ двора, который до сихъ поръ имѣлъ только вредное вліяніе на дѣло». Отославши письмо къ королю, Веллингтонъ, спустя нѣсколько времени, отправился къ графу

Артуа съ тѣми же представленіями перемѣнить вредное вліяніе на полезное: Артуа отвѣчалъ, что ни онъ, ни сыновья его не вмѣшиваются ни во что и не имѣютъ никакого вліянія на дѣла; а между тѣмъ въ павильонѣ Марсанъ было положено отправить Полиньяка къ Веллингтону, вывѣдать, какъ союзныя державы примутъ низверженіе министерства Ришельё. Веллингтонъ отвѣчалъ ему, что примутъ очень дурно.

Посланники дожидались, какое впечатлѣніе произведетъ на короля письмо Веллингтона. Впечатлѣніе было неблагопріятное: король разсердился; ему не понравилось, что его хотѣли учить. Но рѣзко высказать свой гнѣвъ было нельзя; чрезъ нѣсколько недѣль онъ сказалъ герцогу: «Дѣйствія правительства должны были вамъ показать, что на ваши совѣты обращено вниманіе». Герцогъ и тутъ опять повторилъ свои совѣты. Поццо-ди-Борго, съ своей стороны, сдѣлалъ подобныя же представленія, и ему отвѣчали также уклончиво, а графъ Артуа рѣшился сказать, что императоръ Александръ получилъ невѣрныя извѣстія о положеніи дѣлъ во Франціи, тогда какъ эти извѣстія могъ сообщить ему никто другой, какъ Поццо. Съ посланникомъ императора Александра стали обходиться съ холодною учтивостью при дворѣ; но противъ герцога Веллингтона и англичанъ вообще ожесточеніе «крайнихъ» дошло до высшей степени; уже начали поговаривать, что Бурбоны могутъ сдѣлаться популярны только посредствомъ войны.

Засѣданія палаты прекратились. Депутаты, наиболѣе потрудившіеся въ дѣлѣ реакціи, были съ торжествомъ приняты въ своихъ провинціяхъ; въ Тулузѣ въ честь Виллеля устроили тріумфальную арку, народъ отпрягъ его карету и повезъ ее на себѣ, вечеромъ городъ былъ освѣщенъ; въ театрахъ пѣли куплеты въ честь ему. Повидимому, торжество «крайнихъ» было полное: такое сочувствіе народа! Хотѣли пользоваться своимъ временемъ, упрочить торжество: 15 депутатовъ большинства, жившіе въ Парижѣ, образовали, подъ покровительствомъ графа Артуа, комитетъ, который сносился съ депутатами, жившими въ департаментахъ, передавалъ имъ, какъ нужно дѣйствовать. Неудовлетворительное состояніе здоровья Людовика XVIII, ожиданіе скорой перемѣны на престолѣ, усиливали также партію крайнихъ, въ челѣ которыхъ находился наслѣдникъ престола: честолюбцы со всѣхъ сторонъ примыкали къ партіи, за которой было скорое будущее. Но для людей, смотрѣвшихъ безпристрастно на состояніе Франціи, все болѣе и болѣе оказывалось яснымъ, что «крайніе» составляютъ незначительное меньшинство; что большинство раздражено и волнуется, волнуется безсильно, потому что нѣтъ

пока вождей и знаменъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорываются возстанія, разсчитанныя на сильное раздраженіе въ народѣ.

Видя, что во Франціи играютъ въ опасную игру, императоръ Александръ не хотѣлъ оставаться спокойнымъ зрителемъ этой игры. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, Поццо-ди-Борго, по приказанію императора, прочелъ Людовику XVIII мемуаръ, въ которомъ указывалось несоотвѣтствіе дѣйствій французскаго правительства видамъ союзныхъ державъ, какія онѣ имѣли при возстановленіи Бурбоновъ, несоотвѣтствіе поступковъ французскаго правительства совѣтамъ императора Александра. Король оправдывался, какъ могъ. И другія союзныя державы, какъ ихъ ни тяготило то, что Россія дѣлаетъ первый шагъ въ этомъ дѣлѣ, должны были признать необходимость поддерживать представленія русскаго правительства. Но однихъ представленій было мало; надобно было указать средства, какъ унять «крайнихъ». Необходимое слѣдствіе слабости — употребленіе сильныхъ, крайнихъ средствъ. Король, по слабости своей, не умѣлъ взять въ руки своихъ ярыхъ приверженцевъ, сдержать и направить ихъ дѣятельность; позволилъ брату стать въ ихъ челѣ; они надѣлали вреда своею ревностью не по разуму; король, потерявъ надъ ними всякую власть, не былъ въ состояніи ихъ остановить, и потому нужно было прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, къ распущенію палаты, которую король называлъ «безподобною» (introuvable), которая состояла изъ его ревностныхъ приверженцевъ! Безсмыслица, и безсмыслица страшно вредная по своимъ послѣдствіямъ; но другого средства нельзя было придумать. Поццо началъ настаивать на распущеніи палаты и на избраніи новой порядкомъ, опредѣленнымъ въ хартіи. Чтобъ побудить короля къ принятію этой мѣры, онъ представилъ ему, что императоръ Александръ очень желаетъ уменьшить тягость военнаго занятія французскихъ областей; но что помощь, которую императоръ можетъ оказать въ этомъ случаѣ, зависитъ совершенно отъ мудрости и твердости королевскаго правленія. Король отвѣчалъ: «Увѣрьте императора, что я останусь конституціоннымъ государемъ». Но Поццо-ди-Борго, зная, что здѣсь надежда на будущую свою твердость только прикрываетъ настоящую слабость, началъ представлять, что его величество, желая теперь пощадить себя отъ тяжелаго усилія воли, увидитъ себя принужденнымъ сдѣлать еще бо́льшее усиліе впослѣдствіи, среди смятенія и скандала преній, придворныхъ интригъ и шума парижскихъ салоновъ. Король отвѣчалъ, что министры занимаются этимъ вопросомъ въ совѣтѣ, что онъ самъ думаетъ о немъ безпрестанно и подвергнетъ его обсужденію послѣ самаго серьёзнаго

изслѣдованія. Ришельё былъ совершенно согласенъ съ Поццо, что противъ «крайнихъ» нѣтъ другого средства, кромѣ распущенія палаты. Но ни Поццо, ни Ришельё не могли бы достигнуть своей цѣли безъ помощи любимца королевскаго, министра полиціи Деказа, который мало-по-малу умѣлъ привести Людовика XVIII къ убѣжденію въ необходимости распустить палату. Онъ представлялъ ему донесенія главныхъ полицейскихъ агентовъ о состояніи страны; а въ донесеніяхъ ярко изображалось всеобщее неудовольствіе въ странѣ на «крайнихъ», ужасъ отъ ихъ рѣчей и предложеній во время засѣданій палаты. Когда король подчинился вліянію этихъ донесеній, то Деказъ поставилъ вопросъ: хочетъ ли онъ быть королемъ партіи или королемъ Франціи? Было употреблено и другое сильное средство: донесено, какъ оскорбительно отзываются «крайніе» о королѣ, какую радость изъявляютъ они каждый разъ, какъ пойдутъ слухи о плохомъ состояніи его здоровья. Надобно распустить палату,—и страшно, какъ распустить? Король колеблется, и Ришельё колеблется; Деказъ настаиваетъ: надобно уничтожить палату, которая постоянно мѣшаетъ правительству, ослабляетъ его авторитетъ, похищаетъ его власть, стремится унизить его, поднимаясь выше трона, ставя свою волю выше воли королевской, пріучая народъ къ мысли, что настоящая верховная власть находится у собранія депутатовъ, имъ избранныхъ. Надобно уничтожить палату, которая обнаружила свою несовмѣстимость со всякою мыслію о примиреніи, которая оскорбляла и раздражала армію, оскорбляла народъ во всѣхъ его чувствахъ, тревожила всѣ интересы, подрывала публичный кредитъ, и, поддерживая безпокойство и неудовольствіе въ народѣ, отнимала у правительства возможность установить спокойствіе внутреннее и пріобрѣсти независимость внѣшнюю. Бюджетъ не возможенъ съ палатою, которая ввела въ честь банкротство, которая объявила войну всякому, кто дастъ правительству деньги въ займы, которая не побоялась возвести въ принципъ, что никакой контрактъ не обязателенъ для казны, если депутатамъ угодно освободить ее отъ него. Идея о чемъ-нибудь прочномъ не можетъ укорениться въ дѣлахъ народа, когда члены большинства палаты при каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживаютъ свою ненависть къ хартіи и надежду на возстановленіе стараго порядка.

5 сентября (нов. ст.) 1816 года подписанъ былъ знаменитый ордонансъ о распущеніи *безподобной* (introuvable) палаты; подписанъ былъ тайкомъ отъ графа Артуа. Поведеніе Людовика XVIII въ этомъ случаѣ всего лучше показываетъ характеръ его. Считали неприличнымъ не увѣдомить наслѣдника престола объ

ордонансѣ прежде, чѣмъ узнаетъ о немъ публика, и въ то же время король хотѣлъ избѣжать сцены съ братомъ. Для этого онъ велѣлъ Ришельё въ двѣнадцатомъ часу ночи увѣдомить графа Артуа объ ордонансѣ, въ то время какъ самъ уже заперся въ спальнѣ, чтобъ лечь въ постель. Артуа, узнавши отъ Ришельё въ чемъ дѣло, закричалъ, что это невозможно, и что онъ сейчасъ же пойдетъ уговаривать короля перемѣнить рѣшеніе; но Ришельё, хотя съ трудомъ, удержалъ его, увѣривши, что король уже легъ и не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Видя, что дѣлать нечего, Артуа ничего не говорилъ потомъ брату; но герцогиня Ангулемская не выдержала; не выдержалъ и король, котораго ничѣмъ нельзя было такъ раздражить, какъ знаками внѣшняго неуваженія и неповиновенія. «Если бы вы не были дочерью Людовика XVI, сказалъ онъ племянницѣ, то не испытали бы крайняго снисхожденія, съ какимъ я на этотъ разъ обхожусь съ вами». Раздраженіе «крайнихъ» не знало предѣловъ; въ салонахъ С.-Жерменскаго предмѣстья гремѣли проклятія Деказу, котораго считали главнымъ виновникомъ ордонанса 5 сентября,—не щадили и короля; разсказывали, что одна знатная дама велѣла вынести бюстъ Людовика XVIII на чердакъ. Огорченію «крайнихъ» соотвѣтствовала неописанная радость въ другихъ кружкахъ: цѣловались на улицахъ, разсказывая другъ другу радостную вѣсть, и превозносили до небесъ Деказа. Толпу ликующихъ, разумѣется, увеличивали и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые недавно готовы были впрягаться въ карету Виллеля: вѣтеръ перемѣнился, сила оказалась на другой сторонѣ. Перемѣну вѣтра на хорошую погоду показывало то, что биржевой барометръ поднялся сильно.

Барометръ говорилъ правду только на завтрашній день, а въ отдаленіи собиралась буря. Распущеніе «безподобной» палаты было событіемъ, показывавшимъ лучше всего ложное положеніе правительства: самые ревностные приверженцы династіи становились самыми злыми врагами правительства, которое, поэтому, необходимо отталкивалось въ противоположную сторону. Какъ далеко могло оно пойти въ этомъ направленіи, опредѣлить было нельзя. Разумѣется, сначала хотѣли опереться на *умѣренныхъ* роялистовъ, въ которыхъ видѣли большинство; но переходъ отъ умѣренныхъ роялистовъ къ разнымъ либеральнымъ и нелиберальнымъ партіямъ былъ не замѣтенъ, потому что ихъ связывала приверженность къ интересамъ новой Франціи и вражда къ старой; переходъ былъ незамѣтенъ и потому, что въ началѣ члены разныхъ партій, чтобъ подняться на ноги, являлись умѣренными роялистами. Еслибъ правительство было сильно и имѣло за себя будущность, то и члены разныхъ партій легко бы сдѣлались

умѣренными роялистами, т.-е. искренними приверженцами правительства; но какое обезпеченіе могъ представить имъ тронъ, занимаемый слабымъ болѣзненнымъ старикомъ, котораго смерть была не далеко, а послѣ него вступить на престолъ предводитель «крайнихъ», предводитель приверженцевъ старой Франціи! Понятно, что члены партій воспользовались только ссорою правительства съ «крайними», чтобъ подняться на ноги и поднять свои знамена; понятно, что и умѣренные роялисты, не видя никакого ручательства за свое будущее въ старшей линіи Бурбоновъ, имѣли побужденіе переходить подъ эти знамена, и именно подъ ближайшее, Орлеанское. Сначала и «крайніе», и правительство, сдерживаясь страхомъ предъ враждебными династіи партіями, хотѣли дѣйствовать осторожно; но съ теченіемъ времени вражда между ними разгорѣлась до такой степени, что «крайніе» не стали разбирать средствъ, лишь бы только повредить ненавистному министерству; въ ихъ глазахъ члены враждебныхъ династіи партій были предпочтительнѣе членовъ партіи министерской: такое поведеніе «крайнихъ» заставляло и министерство все болѣе и болѣе сближаться съ либеральными людьми разныхъ оттѣнковъ, заискивать въ нихъ, дѣлать свою програму все либеральнѣе, и такимъ образомъ содѣйствовать оживленію и усиленію враговъ династіи.

Наступали выборы въ новую палату депутатовъ: кто придетъ? — вопросъ первой важности для министерства. Ришельё писалъ Деказу: «Употребите всѣ усилія, чтобъ между депутатами не было настоящихъ якобинцевъ; крайніе роялисты все лучше революціонеровъ; такъ называемые либералы, умѣренные «Ста дней»—якобинцы; намъ нужны умѣренные, но чистые, ни ultra, ни citra». Коммиссары правительства разъѣзжали по департаментамъ, чтобъ дѣлать внушенія относительно выборовъ; агенты партіи графа Артуа разъѣзжали также съ этими цѣлями; а въ то же время между обѣими сторонами происходила печатная борьба: Шатобріанъ издалъ сочиненіе «Конституціонная монархія» (La monarchie selon la Charte), гдѣ требовалъ для палаты депутатовъ всѣхъ правъ англійской палаты общинъ, требовалъ, чтобъ министерство исходило изъ большинства палаты, раздѣляло его мнѣнія; въ то же самое время требовалъ, чтобъ церковь содержалась доходами съ своей собственности, а не была на жалованьѣ у правительства, чтобъ церкви были возвращены ея судебныя привилегіи, чтобъ ей принадлежало направленіе народнаго просвѣщенія. Признавая, что надобно уважать матеріальные интересы революціи, Шатобріанъ утверждалъ, что не должно давать никакой пощады ея нравственнымъ интересамъ. Самое сильное раздраженіе высказывалось въ сочиненіи противъ Деказа,

вѣдомство котораго называлось министерствомъ, рожденнымъ въ революціонной грязи отъ сочетанія деспотизма съ анархіею. Кромѣ министерскихъ журналовъ, Шатобріану отвѣчалъ Гизо въ особомъ сочиненіи: «О представительномъ правленіи и настоящемъ состояніи Франціи». Гизо повторилъ утвержденіе умѣренныхъ роялистовъ, что нельзя вдругъ перенести англійскія учрежденія на французскую почву: для этого нужна привычка къ авторитету и возстановленіе крѣпкихъ нравственныхъ вѣрованій; Гизо отвергъ различіе, сдѣланное Шатобріаномъ между матеріальными и нравственными интересами революціи, утверждая, что хартія считалась одинаково съ обоими. Шатобріанъ требовалъ англійской конституціи; но были другія сочиненія членовъ крайней партіи, которыя подбрасывались тайкомъ: въ нихъ требовалось, чтобъ французы взяли примѣръ съ испанцевъ и уничтоженіемъ хартіи завоевали себѣ короля.

«Крайніе» были побѣждены на выборахъ: правительство получило большинство. Хотя Виллель и человѣка четыре главныхъ ораторовъ ультра-роялистской партіи и были избраны вновь, однако многихъ другихъ именъ рьяныхъ членовъ этой партіи не досчитывалось въ спискахъ, не досчитывалось много людей древнихъ фамилій, придворныхъ, провинціальныхъ дворянъ, которые составляли основу большинства въ «безподобной» палатѣ; вмѣсто нихъ, теперь явились въ новую палату купцы и чиновники. Иностранные дипломаты, желавшіе перемѣны 5 сентября и содѣйствовавшіе ей, поздравляли себя съ успѣхомъ: они съ удовольствіемъ указывали, что ревностные роялисты прежней палаты сдѣлались демагогами, называли ихъ придворными якобинцами за то, что, въ своей ярости противъ министерства, они поддерживали принципъ неограниченной свободы печати; съ удовольствіемъ указывали они на то, что люди, упрекаемые прежде въ якобинствѣ, явившись теперь въ большинствѣ, обнаруживаютъ умѣренность, уваженіе къ желаніямъ короля и къ предложеніямъ министровъ. Вслѣдствіе этого, число иностраннаго войска, находившагося во Франціи, было уменьшено на 30,000. Это облегченіе, разумѣется, было очень выгодно для министерства, ибо и здѣсь главную роль играла Россія, поддерживавшая герцога Ришельё. Съ другой стороны, французскіе изгнанники, столпившіеся преимущественно въ Нидерландахъ, обманулись въ своихъ надеждахъ относительно Россіи. Интригуя противъ Бурбоновъ, они обратились къ наслѣдному принцу нидерландскому, женившемуся на сестрѣ русскаго императора, открывая ему виды на французскую корону: «Нація не хочетъ Бурбоновъ», говорили они ему, «и потому ей остается на выборъ: или взять герцога Орлеан-

скаго, покровительствуемаго Англіею, или маленькаго Наполеона, поддерживаемаго Австріей, или ваше высочество, на сторонѣ котораго будетъ наиболѣе голосовъ, ибо Орлеанскій нелюбимъ старыми военными, которые думаютъ, что въ немъ нѣтъ мужества, что онъ слишкомъ облѣнился, а остальные французы будутъ недовольны, видя, что его поддерживаютъ англичане, ненавидимые больше всѣхъ иностранцевъ. Маленькій Наполеонъ, еслибъ имѣлъ 20 лѣтъ вмѣсто 5-ти, имѣлъ бы за себя большинство; но онъ малъ, и потому боятся долгаго регентства и вліянія Австріи. Къ вашему же высочеству всѣ партіи будутъ расположены одинаково хорошо, какъ къ иностранцу; кромѣ того, вы принесете союзъ съ Россіею, самый желанный для французовъ, ибо самый естественный для Франціи; старики военные склонны къ вамъ; тотчасъ послѣ отреченія Наполеона въ арміи уже говорили, что надобно завести сношенія съ вами; ваша религія не можетъ служить препятствіемъ, напротивъ, представляетъ ручательство для протестантовъ, угнетаемыхъ правительствомъ, да и католики будутъ рады, потому что они освободятся отъ пагубнаго вліянія своихъ поповъ». Но твердое рѣшеніе императора Александра поддерживать старшую линію Бурбоновъ отнимало у французскихъ изгнанниковъ надежду употребить наслѣднаго принца нидерландскаго орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Имъ оставалось держаться герцога Орлеанскаго; его агентомъ въ Брюсселѣ былъ одинъ англійскій лордъ, который тайно раздавалъ деньги жившимъ здѣсь въ изгнаніи французскимъ офицерамъ. Говорили, что герцогъ Орлеанскій предлагалъ жезлъ коннетабля Франціи принцу Евгенію Богарне, въ случаѣ, если ему удастся получить французскій престолъ.

Но главнымъ союзникомъ Людовика-Филиппа во Франціи былъ графъ Артуа, который своимъ поведеніемъ уничтожалъ всѣ надежды умѣренныхъ и заставлялъ ихъ по неволѣ обращать взоры къ младшей линіи Бурбоновъ. Герцогъ Веллингтонъ, по совѣту Поццо, опять рѣшился обратиться къ наслѣднику престола съ представленіями, чтобъ онъ перестала находиться въ постоянной и ожесточенной оппозиціи правительству. Артуа встрѣтилъ эти представленія съ «невозмутимою неисправимостію»; онъ отвѣчалъ герцогу, что во всемъ виноваты министры; что Ришельё честный человѣкъ, но его водятъ другіе; впрочемъ, онъ, Артуа, не прочь войти въ соглашеніе съ Ришельё. Веллингтонъ спросилъ, какія условія соглашенія? Отвѣтъ: удалить дурныхъ министровъ, перестать давать должности врагамъ законной монархіи и управлять посредствомъ честныхъ людей. Веллингтонъ возразилъ, что такимъ поведеніемъ Ришельё погу-

бить короля и свою репутацію. Артуа отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ онъ остается вѣренъ своей партіи и своей системѣ.

Веллингтонъ: «Я думалъ, что говорю съ наслѣдникомъ престола, а не съ вождемъ партіи».

Артуа: «Я прежде всего человѣкъ, и хочу дѣйствовать по чести и совѣсти».

Веллингтонъ: «Честь и обязанность предписываютъ вамъ быть въ соединеніи съ интересами и чувствами народа, которымъ вы будете управлять, а не возбуждать раздѣленія, которыя вамъ могутъ быть гибельны».

Артуа: «Я не знаю расположеній народа; большинство раздѣлитъ мои мнѣнія, если правительство захочетъ дать власть людямъ, которые имѣютъ одинакіе со мною принципы».

Веллингтонъ: «Вы принимаете меня за глупца, полагая, что я не знаю состоянія Франціи».

Артуа: «Вы, иностранцы, не знаете людей; я знаю дѣло лучше,—моя партія, конечно, самая сильная».

«Невозмутимая неисправимость» графа Артуа, основанная на сознаніи, что его партія самая сильная, неумолимая вражда «крайнихъ» къ министерству, естественно, заставляли послѣднее усиливать свою партію, все болѣе и болѣе сближаться съ такъ-называемыми либералами разныхъ оттѣнковъ. Герцогъ Ришельё сознавалъ опасность этого сближенія; онъ упирался при каждомъ новомъ шагѣ, который правительство хотѣло сдѣлать въ этомъ направленіи, но онъ не имѣлъ ни достаточной силы воли, ни достаточной силы разумѣнія, и невольно увлекался роковою силою обстоятельствъ. Несмотря на первенство Ришельё, сильнѣе его въ министерствѣ былъ Деказъ, сильнѣе по своей живости и энергіи и по своимъ отношеніямъ къ королю; но Деказъ, на котораго преимущественно, исключительно была направлена ненависть «крайнихъ», имѣлъ всѣ побужденія къ тому, чтобы удариться въ противоположную сторону; онъ дѣлалъ это и по инстинкту самосохраненія, ибо какъ человѣку, совершенно новому, ему не было примиренія ни съ чѣмъ старымъ; онъ дѣлалъ это и по самолюбію, потому что онъ считался главнымъ виновникомъ дѣла 5-го сентября, ему трудно было возвращаться назадъ, раздѣлывать собственное дѣло. Онъ провозгласилъ, что въ сближеніи съ новою Франціею правительство должно себя *популяризировать* и *національзировать*. Дѣйствительно, правительство должно было это дѣлать; но у Деказа недоставало ни личныхъ средствъ, ни средствъ положенія, чтобъ дѣлать это съ успѣхомъ. Тонъ составляетъ музыку; въ обществѣ ясно различается тонъ правительственной музыки, управляемые чуютъ инстинктивно твердость

или слабость правительства, способность или неспособность направлять движеніе; такъ, въ стремленіи Деказа популяризировать правительство сейчасъ же почуялась слабость, стараніе заискивать популярность, и сейчасъ же выросли силы, независимыя отъ правительства и начали смотрѣть на правительство, какъ на средство для достиженія своихъ цѣлей. Желая ослабить оппозицію ультра-роялистскую, подали руку либераламъ; либералы оперлись на поданную имъ руку; но вмѣсто одной ультра-роялистской оппозиціи приготовилась другая, либеральная, и слабое правительство стало между двухъ огней.

И мадамъ де-Стааль была независимая и опасная сила съ своею литературною знаменитостью, съ своимъ неизмѣримымъ самолюбіемъ и съ своимъ безцѣльнымъ либерализмомъ, служащимъ для пріятнаго препровожденія времени и для украшенія салона наравнѣ съ картинами, статуями и цвѣтами. И старый министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ былъ независимая и опасная сила: около оракула собирались поклонники и съ благоговѣніемъ внимали гнѣвнымъ выходкамъ и злымъ насмѣшкамъ мстительнаго бога, направленнымъ противъ каждаго дѣйствія правительства, противъ каждаго министерства, потому что богъ былъ согнанъ съ Олимпа и теперь занимался подведеніемъ подкоповъ подъ священную гору. Независимою и опасною силою былъ и банкиръ Лафиттъ: заискиванія и ласкательство правительства вздули и безъ того страшное тщеславіе человѣка, который не умѣлъ ни о чемъ серьёзно подумать, но умѣлъ обо всемъ красно поговорить и прослыть поэтому человѣкомъ очень способнымъ. Лафиттъ не хотѣлъ служить слабому правительству; онъ стремился быть самостоятельною силою; денежный царёкъ бросалъ деньги на-право и на-лѣво и составлялъ себѣ обширный кругъ поклонниковъ, подданныхъ изъ остатковъ бонапартистской партіи, изъ адвокатовъ, революціонныхъ писателей, изъ мелкихъ торговцевъ парижскихъ. Независимою и опасною силою былъ и Лафайетъ, perpetuum mobile революціи. И много другихъ независимыхъ и опасныхъ силъ было вызвано слабостію правительства.

Стремленіе министерства популяризировать и національзировать правительство высказалось сильно въ войсковыхъ преобразованіяхъ, совершённыхъ новымъ военнымъ министромъ, маршаломъ Гувіономъ С.-Сиромъ: люди изъ партіи крайнихъ были имъ замѣнены людьми болѣе способными, но неизвѣстными своею преданностію династіи Бурбоновъ; многіе изъ военныхъ временъ имперіи, находившіеся въ опалѣ послѣдніе два года, были приняты снова въ службу. Мѣры очень хорошія, если бы бур-

бонская династія могла привязать къ себѣ войско, могла заставить его забыть недавнее прошедшее, если бы крайніе яростными воплями противъ военнаго министра не напоминали войску, что ждетъ его въ скоромъ будущемъ. Не долго министерство могло предаваться обольщенію, что либералы будутъ поддерживать его противъ ультра-роялистовъ; противъ правой стороны (ультрароялистовъ) въ палатѣ образовалась лѣвая, которая чрезъ возобновленіе пятой части палаты становилась все сильнѣе, въ ущербъ правой сторонѣ, но не въ пользу министерства: въ нѣкоторыхъ вопросахъ и правая и лѣвая стороны соединялись противъ министерства. Борьба партій, ставшихъ теперь на ноги, отразилась въ литературѣ. Если «крайніе» печатали, что французская революція была зломъ, возведеннымъ на высшую степень своего могущества; что людей должно собирать только въ церковь да подъ ружье, потому что тутъ они не разсуждаютъ, а только слушаютъ и повинуются, — то либералы въ своихъ сочиненіяхъ оправдывали революцію, называли конвентъ по преимуществу французскимъ собраніемъ, пытались даже извинять казнь Людовика XVI. Либералы спѣшили отомстить за недавнее униженіе и гоненіе, за *бѣлый терроръ* 1815 года: не было конца ихъ разсказамъ объ этомъ времени, ихъ жалобамъ на злодѣйства реакціонеровъ. Если въ сочиненіяхъ либераловъ еще не было прямого нападенія на короля и на монархію, то крайнія демократическія стремленія высказывались ясно, дворянство и духовенство преслѣдовались съ странною ненавистью. Чтобъ противодѣйствовать нечестію дѣтей Вольтера, миссіонеры разсѣялись по провинціямъ, возбуждая религіозное чувство горячею проповѣдію и благочестивыми упражненіями; но въ своей дѣятельности они руководились часто одною ревностію не по разуму: не отличаясь образованностію, они рѣдко обращали вниманіе на свойства той среды, въ которой должны были дѣйствовать, и ихъ неловкое поведеніе служило богатымъ содержаніемъ для выходокъ и насмѣшекъ дѣтей Вольтера, которые указывали на явное возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ. Появленіе іезуитовъ особенно было вредно для дѣла религіи, потому что заставляло и людей религіозныхъ присоединяться къ такъ-называемымъ философамъ. Славолюбивая нація, особенно молодежь, съ жадностью бросилась на приманку, выставленную бонапартистами и вообще врагами бурбонской династіи, съ жадностію бросилась на разсказы о недавней военной славѣ Франціи, о временахъ столь противоположныхъ настоящему унизительному положенію отечества; однѣ пѣсни Беранже сколько надѣлали вреда Бурбонамъ! Въ водевиляхъ рѣдко не вставлялся куплетецъ въ честь

храбрымъ, потому что онъ непремѣнно возбуждалъ сильныя рукоплесканія.

Эти явленія причиняли сильное безпокойство иностраннымъ дипломатамъ. Въ маѣ 1818 года, герцогъ Веллингтонъ такъ высказался на счетъ состоянія Франціи: «Французское правительство въ послѣдніе 8 — 10 мѣсяцевъ вело себя неблагоразумно, не принимая въ разсчетъ истинныхъ интересовъ Франціи, особенно монархическихъ принциповъ, на которыхъ это государство должно быть управляемо. Желаніе популяризировать, націонализировать (какъ выражаются министры) правительство привело ихъ на ложную дорогу. Они обратили вниманіе на публичные крики, не на крики партіи самой многочисленной, самой разумной, роялистовъ (я отличаю здѣсь «крайнихъ», которые хотятъ возстановленія до-революціоннаго порядка вещей), — они обратили вниманіе на крики партіи, которая кричала всѣхъ громче, на крики либераловъ, бонапартистовъ, якобинцевъ. Избирательный законъ даетъ все вліяніе мелкимъ землевладѣльцамъ, которые во время революціи пріобрѣли національныя имущества. Имъ выгодно поддерживать принципы, которымъ они обязаны своимъ богатствомъ. Законъ о рекрутскомъ наборѣ и повышеніяхъ въ арміи есть мѣра, которую я громко порицаю, потому что онъ подрываетъ французскую монархію, отнимаетъ у короля всю власть, всякое вліяніе на войско, и дѣлаетъ изъ арміи королевской, какою она должна быть, армію національную. Общественный духъ во Франціи обнаруживаетъ пагубное вліяніе на правительство. Первая забота мудрой администраціи состоитъ въ томъ, чтобъ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, предвидѣть заранѣе все то, что можетъ его волновать, и во-время брать инниціативу, чтобъ дать ему надлежащее направленіе; но французскіе министры, будучи слишкомъ слабы для того, чтобъ стать въ челѣ общества, вздумали популяризировать себя, идя вслѣдъ за обществомъ. Они ошиблись относительно выбора. Они сочли демагоговъ органами большинства націи. Они испугались ихъ крика. Какое англійское министерство осмѣлилось бы, безъ потери общаго уваженія и власти, слушаться ярыхъ декламацій лондонскихъ демагоговъ. А такихъ-то именно людей французское правительство ласкаетъ; истинныхъ же защитниковъ трона оно отталкиваетъ и отнимаетъ у нихъ духъ. Якобинцы, бонапартисты въ такомъ поведеніи французскаго министерства почерпаютъ себѣ ободреніе и смѣлость. Они громко проповѣдуютъ свои принципы. Несчастіе Франціи состоитъ въ томъ, что аристократическій классъ, на счетъ котораго мелкіе землевладѣльцы обогатились, не имѣетъ ни богатства, ни кре-

дита для обнаруженія вліянія, необходимаго для безопасности трона. Я считаю герцога Ришельё честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но онъ слабъ. Самый сильный человѣкъ, Деказъ, тщеславенъ, легкомысленъ, неспособенъ выказать силу, необходимую въ настоящемъ положеніи правительства. По моему мнѣнію, во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, способнаго энергически вести дѣло. На всѣ мои замѣчанія у короля одинъ отвѣтъ, что необходимо популяризировать его правительство. Франціи грозятъ волненія и смуты. Она не вышла изъ состоянія революціи, и съ 1815 года она пошла назадъ въ своей реставраціи».

Но тотъ же Веллингтонъ объявилъ, что какъ ни неправиленъ ходъ правительства во Франціи, сколько элементовъ смуты ни представляетъ столкновеніе партій, однако нельзя еще опасаться серьёзнаго волненія: союзъ державъ въ состояніи сдержать всѣ партіи. Итакъ, можно ли вывести союзныя войска изъ Франціи, и въ какомъ отношеніи должны были стать къ ней союзныя державы?—вотъ вопросы, которые предстояло рѣшить на конгрессѣ, назначенномъ въ Ахенѣ осенью 1818 года.

IV.

Ахенъ.— Карлсбадъ.

Если мы внимательно вглядимся въ движенія, происходившія на памяти исторіи въ человѣческихъ обществахъ, то главную причину этихъ движеній найдемъ въ стремленіи опредѣлить отношенія личности къ обществу. Природа человѣка требуетъ жизни въ обществѣ; но, входя въ общество, человѣкъ долженъ отказаться отъ извѣстной доли своей самостоятельности и свободы въ пользу другихъ, въ пользу общества. «Отъ извѣстной доли»,—но именно отъ какой?... Вотъ вопросъ, который и рѣшается въ продолженіи всей исторіи человѣчества, ибо для успѣховъ человѣческой, т.-е. общественной жизни, личность должна сохранять извѣстную и значительную долю самостоятельности и свободы. Для охраненія своей самостоятельности и свободы, личность имѣетъ прежде всего свою внутреннюю, духовную природу, посредствомъ которой сносится съ высшимъ міромъ, гдѣ находитъ высшую повѣрку всѣмъ дѣйствіямъ и отношеніямъ; понятно, какъ вѣрованіе въ загробную жизнь, въ вѣчное существованіе каждой отдѣльной личности способствуетъ къ тому, чтобъ дать послѣдней свободное и независимое положеніе; понятно, какія средства даетъ ей это вѣрованіе въ борьбѣ съ матеріальною силою и случайностями. Кромѣ религіи, кромѣ вѣрованія въ вѣчное самостоятельное существованіе личности, послѣдняя, для своей охраны, имѣетъ еще семейство и собственность, которыя даютъ ей возможность устроивать въ обществѣ свой особый и самостоятельный міръ. Такимъ образомъ, религія, семейство и собственность составляютъ три крѣпости, посредствомъ которыхъ личность отстаиваетъ свою свободу и самостоятельность; и общество, для правильнаго установленія своихъ отношеній къ личности, не должно касаться этихъ твердынь ея; когда

же онѣ подкапываются разными способами, когда личность выманивается изъ нихъ обѣщаніемъ бóльшей свободы и независимости, которыми прикрывается стремленіе къ порабощенію личности, то происходитъ смута, могущая прекратиться только съ возстановленіемъ твердынь, охраняющихъ личность.

На поприщѣ болѣе обширномъ мы видимъ движеніе, столкновеніе народныхъ личностей. Очевидно, что благородная натура европейско-христіанскихъ народовъ влечетъ ихъ къ жизни сообща, вслѣдствіе чего международныя отношенія сильно измѣнились, особенно въ теченіи послѣднихъ вѣковъ. По единству интересовъ, по возможности наблюдать за жизнію другъ друга, не разъ являлись у народовъ общія дѣйствія, общія распоряженія; народная личность почувствовала со стороны общества народовъ посягновенія на свои права, на свободу и независимость дѣйствій. Народъ объявляетъ другому войну; но нѣсколько другихъ народовъ вмѣшивается и требуетъ прекращенія войны, выставляя общій интересъ, сохраненіе политическаго равновѣсія и т. п. Свобода народной личности явно ограничивается обществомъ народовъ, интересами этого общества. Но этого мало, что свобода ограничивается дѣйствіями извѣстной народной личности по отношенію къ другой личности; одинъ народъ вмѣшивается во внутреннія дѣла другого народа, наприм., протестантскіе государи считаютъ своимъ правомъ и обязанностью поддерживать протестантскихъ подданныхъ другихъ державъ противъ ихъ правительствъ; наконецъ, государства, на основаніи общей пользы и безопасности, на основаніи политическаго равновѣсія, начали считать себя въ правѣ, съ общаго согласія, дѣлить владѣнія извѣстнаго государства, какъ, наприм., раздѣлены были владѣнія Испаніи. Разумѣется, что, при такомъ движеніи международной европейской жизни, народная личность должна была протестовать, и необходимо поднимался вопросъ о вмѣшательствѣ и невмѣшательствѣ чужихъ державъ въ дѣла извѣстнаго государства, вопросъ—насколько народная личность должна отказаться отъ своихъ правъ въ пользу общей международной жизни, гдѣ должны быть поставлены границы вмѣшательству? Разумѣется, рѣшенія такихъ вопросовъ нельзя ожидать въ скоромъ времени. События конца XVIII и начала XIX вѣка преимущественно содѣйствовали поднятію вопроса о вмѣшательствѣ: революціонная пропаганда, войны французской республики, и, особенно, завоевательныя стремленія имперіи повели къ образованію коалицій, изъ которыхъ послѣдняя, самая обширная, побѣдивъ французскую имперію, естественно, сочла себя въ правѣ распорядиться такъ, чтобы бѣдствія, испытанныя европейскими

народами отъ Франціи, больше не повторялись. Такимъ образомъ, насилія, какія позволялъ себѣ одинъ сильный народъ противъ другихъ, повели къ тѣсному и продолжительному союзу между послѣдними. Общая опасность отъ Франціи поддерживала союзъ, вела къ общимъ мѣрамъ; представители союзныхъ державъ въ Парижѣ составляли постоянныя конференціи, совѣщались о мѣрахъ, какія нужно предложить французскому правительству для внутренняго успокоенія страны; войска союзниковъ занимали французскія крѣпости: никогда еще Европа не видала подобнаго явленія, подобнаго вмѣшательства. Но это вмѣшательство должно было окончиться; признано было нужнымъ освободить отъ него Францію, чтобъ дать бо́льшую силу ея правительству, и теперь рождался вопросъ: долженъ ли вмѣстѣ съ этимъ кончиться союзъ, уже шестой годъ соединявшій сильнѣйшія европейскія державы?

Вопросъ рѣшался различно этими державами. Еще въ 1805 г., предлагая Англіи союзъ для положенія предѣловъ усиленію военной французской имперіи, русскій императоръ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ мира заняться трактатомъ, «который ляжетъ въ основаніе взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ; здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, однако будетъ что-то похожее, если въ этомъ трактатѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала народнаго права». Не въ 1805, а въ 1815 году императору Александру удалось осуществить первую часть своего плана—избавить Европу отъ Наполеона; но онъ не забылъ и второй части плана и спѣшилъ положить начало ея осуществленію въ священномъ союзѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею, государи которыхъ соединились «узами неразрывнаго братства, обязывались оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ-бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира». Но русскій императоръ не хотѣлъ ограничиваться союзомъ между тремя державами; онъ хотѣлъ призвать къ нему всѣ европейскія державы и, такимъ образомъ, осуществить то, что́ въ 1805 было осторожно названо «чѣмъ-то похожимъ на вѣчный миръ». Со стороны короля прусскаго, безгранично преданнаго императору Александру, нельзя было ожидать сопротивленія этому плану; но и въ Пруссіи уже начала высказываться непріязнь къ Россіи: въ самомъ началѣ 1816 года въ Петербургѣ знали, что знаменитый генералъ Гнейзенау толковалъ объ опасности, которая грозитъ Пруссіи со стороны Россіи, и о необходимости во-время принять мѣры къ предотвра-

щенію этой опасности. «Прусскій кабинетъ,—писалъ Генцъ,—къ счастію убѣдился, что для него нѣтъ спасенія, кромѣ тѣснаго союза съ Австріею, союза, который дастъ этимъ двумъ государствамъ средства сообща располагать силами остальной Германіи. Эта система восторжествовала надъ системою русскаго союза, который основывался только на временныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ. Русскій союзъ не имѣетъ теперь ни одного приверженца въ Пруссіи; самъ король, хотя лично преданный императору Александру, кажется, оттолкнулся отъ русскаго союза безвозвратно». Гораздо громче толковали въ Вѣнѣ объ опасности, которая грозитъ Австріи отъ Россіи, ибо въ Вѣнѣ понимали, что пестрая австрійская монархія вся состоитъ изъ слабыхъ мѣстъ, и страхъ былъ господствующимъ чувствомъ вѣнскаго кабинета, особенно страхъ предъ Россіею по племенной связи ея съ многочисленными славянскими подданными Австріи. Несмотря на то, что императоръ Францъ былъ членомъ священнаго союза, опытные и внимательные дипломаты подмѣчали въ 1816 году, что австрійское правительство ведетъ съ Россіею подземную войну. Австрія старалась быть со всѣми правительствами въ сношеніяхъ дружественныхъ или даже очень дружественныхъ. Говорили, что князь Меттернихъ имѣлъ искусство устроить себѣ изъ дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ настоящій мужской сераль; и горе тому дипломату, который не хотѣлъ обожать вѣнскаго Далай-Ламу; въ этой совершенно *физической* странѣ, въ этомъ *царствѣ желудка*, какъ уже тогда отзывались объ Австріи, нравственныя правила и побужденія считались старомоднымъ явленіемъ, и дипломатъ, хотѣвшій поддержать свое значеніе, долженъ былъ прежде всего запастись хорошимъ поваромъ. Но хорошіе обѣды не могли заглушить опасеній насчетъ различныхъ народностей, смотрящихъ въ разныя стороны: Иллиріи былъ данъ титулъ королевства изъ страха предъ Россіею, предъ сочувствіемъ къ ней славянъ; католицизмъ явился готовымъ и надежнымъ орудіемъ для ослабленія этого сочувствія, и началось сильное движеніе противъ православія. Много было также хлопотъ и съ итальянцами, которыхъ надобно было онѣмечить. Недовольные говорили, что въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи надобно было не только жить, но и умирать по-нѣмецки, отъ нѣмецкой руки, потому что Ломбардія была наводнена медиками, высланными туда изъ нѣмецкихъ владѣній Австріи.

Опасаясь болѣе всего Россіи, видя въ ея императорѣ второго Наполеона, только подъ другими формами, вѣнскій кабинетъ подозрительно смотрѣлъ на всѣ планы Александра; въ его либеральныхъ стремленіяхъ онъ видѣлъ исканіе средствъ пріоб-

рѣсти расположеніе дѣтей революціи, людей, ей сочувствующихъ; въ его желаніи—ввести въ священный союзъ всѣ, и второстепенныя государства, вѣнскій кабинетъ видѣлъ желаніе пріобрѣсти въ этихъ мелкихъ государствахъ послушныя орудія для господства, для управленія дѣлами Европы, — желаніе, тѣмъ болѣе опасное для вѣнскаго кабинета, что эти мелкія державы были самыя податливыя на либеральныя перемѣны, посредствомъ которыхъ могло усиляться революціонное движеніе, столь страшное для рухлаго зданія австрійской имперіи. Страхъ смѣнялся въ Вѣнѣ надеждою, основанною на характерѣ Александра и другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. «Тамъ, гдѣ неограниченная власть одного человѣка рѣшаетъ все,—писалъ Генцъ,—и гдѣ, къ довершенію затрудненій, характеръ этого человѣка составляетъ загадку,—разсчеты и предположенія не имѣютъ твердаго основанія. Императоръ Александръ, несмотря на ревность и энтузіазмъ, какіе онъ всегда показывалъ въ Великому Союзу, изъ всѣхъ государей можетъ всего легче обойтись безъ него. Онъ не имѣетъ нужды ни въ чьей помощи; если существуютъ для него опасности, то онѣ, по крайней мѣрѣ, не внѣ его имперіи, тогда какъ вся Европа страшится его могущества и страшится основательно. Великій Союзъ для него только орудіе, посредствомъ котораго онъ проводитъ свое вліяніе въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, чтó составляетъ предметъ его честолюбія,—орудіе удобное и спокойное, которымъ онъ владѣетъ съ большою ловкостію; но онъ сломаетъ его въ ту же минуту, когда найдетъ возможность замѣнить его чѣмъ-нибудь болѣе непосредственнымъ и дѣйствительнымъ. Его интересъ въ сохраненія этой системы не похожъ на интересъ Австріи, Пруссіи, Англіи, интересъ необходимости или страха; для него это свободный и разсчитанный интересъ, отъ котораго онъ можетъ отказаться тотчасъ, какъ скоро другая система представитъ ему бóльшія выгоды. Русскій императоръ есть единственный государь, который въ состояніи осуществить самыя обширныя предпріятія. Онъ въ челѣ единственной въ Европѣ арміи, которою можно располагать. Ничто не устоитъ передъ первымъ ударомъ этой арміи. Никакія препятствія, останавливающія другихъ государей, для него не существуютъ, какъ, напримѣръ, конституціонныя формы, общественное мнѣніе и проч. Задуманное нынче онъ можетъ осуществить завтра. Говорятъ, что онъ непроницаемъ, и однако всѣ позволяютъ себѣ судить объ его намѣреніяхъ. Онъ чрезвычайно дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ, быть можетъ болѣе, чѣмъ собственно такъ-называемою славою. Названія умиротворителя, покровителя слабыхъ, возстановителя своей имперіи,—имѣютъ для

него болѣе прелести, чѣмъ названіе завоевателя. Религіозное чувство, въ которомъ нѣтъ никакого притворства, съ нѣкотораго времени сильно владѣетъ его душою и подчиняетъ себѣ всѣ другія чувства. Государь, въ которомъ добро и зло перемѣшаны такимъ удивительнымъ образомъ, долженъ необходимо подавать поводъ къ большимъ подозрѣніямъ, и безразсудно было бы утверждать, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Но когда я его вижу въ отношеніяхъ данныхъ и положительныхъ, то, мнѣ кажется, не будетъ безразсуднымъ предположить, что онъ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ. Онъ смотритъ на себя, какъ на основателя европейской федераціи, и хотѣлъ бы, чтобъ на него смотрѣли, какъ на ея вождя. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ не написалъ ни одного мемуара, ни одной дипломатической бумаги, гдѣ бы эта система не была представлена славою вѣка и спасеніемъ міра. Возможно ли, чтобъ послѣ того, предъ общественнымъ мнѣніемъ, которое онъ уважаетъ и боится, предъ религіею, которую онъ чтитъ, онъ бросился въ предпріятія несправедливыя для разрушенія дѣла, отъ котораго онъ ждетъ себѣ безсмертія? Если многіе думаютъ, что все это съ его стороны комедія, то я попрошу доказательствъ. Но положимъ, что въ идеяхъ и чувствахъ императора произойдетъ внезапная перемѣна: будетъ ли онъ въ состояніи осуществить свои честолюбивые планы? Россія страдаетъ общею всѣмъ европейскимъ государствомъ болѣзнію—финансовымъ разстройствомъ. Пока Австрія и Пруссія въ союзѣ, Россія не можетъ предаться одиночнымъ предпріятіямъ. Вначалѣ она не встрѣтитъ большихъ препятствій; но мало-по-малу противодѣйствіе организуется, вся Германія подвигнется на помощь Австріи и Пруссіи, и равновѣсіе въ силахъ установится, не считая содѣйствія Англіи. Россіи останется союзъ съ Франціею, союзъ возможный и самый страшный; но оба эти государства не въ состояніи причинить вредъ, пока не будетъ разорвана срединная линія, состоящая изъ государствъ, которыя желаютъ мира».

Въ виду конгресса, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о характерѣ союза между европейскими державами, Меттернихъ построилъ свою систему, которая состояла въ слѣдующемъ: «Наполеонъ поставилъ свой тронъ на революціи, не сокрушивши ея. Когда этотъ тронъ разрушился, революція снова появилась; съ знаменитой эпохи «Ста дней» начинается расширеніе революціонныхъ принциповъ, болѣе или менѣе распространенныхъ въ каждомъ государствѣ. Явится ли новый владыка, котораго призовутъ для удержанія этого зла? Нѣтъ, прежде всего возможность этой роли не находится въ характерѣ и принци-

пахъ ни одного изъ царствующихъ государей, настолько сильныхъ, чтобы принять ее на себя. Состояніе Европы требуетъ власти: при Наполеонѣ эта власть была деспотическая. Если не хотятъ, чтобъ она стала демократическою, то она должна быть сохранена и поддержана четырьмя великими державами, поставленными въ челѣ европейской системы; съ теченіемъ времени къ нимъ можно присоединить пятую державу—Францію. Пусть зависть называетъ эту систему аристократическою: слова не значатъ ничего, лишь бы достигались благія цѣли и зло было сдержано; впрочемъ, для того, чтобъ эта система продолжалась и имѣла вліяніе, которое одно можетъ сдѣлать ее полезною, необходимо согласіе въ принципахъ и доктринахъ, отреченіе отъ частныхъ видовъ и соперничествъ и согласіе относительно исполненія». Послѣдними словами Меттернихъ намекалъ на русскаго императора, котораго принципы разнились отъ принциповъ вѣнскаго кабинета. За-то послѣдній былъ согласенъ съ охранительною политикою торійскаго кабинета въ Англіи.

Конгрессъ собрался въ Ахенѣ, осенью 1818 года. Различіе въ принципахъ немедленно обнаружилось на конференціяхъ: Англія и Австрія настаивали на необходимости продолженія четверного союза (Россія, Англія, Австрія и Пруссія); Россія настаивала на союзѣ общемъ, европейскомъ, или Великомъ Союзѣ, братскомъ и христіанскомъ. Обнаружилась тѣсная связь между кабинетами лондонскимъ и вѣнскимъ; главною причиною этой связи была ревность, страхъ, возбужденный колоссальнымъ величіемъ Россіи, вмѣшательствомъ ея кабинета во всѣ европейскія отношенія. Было замѣчено съ русской стороны, что Англія и Австрія стремились, во-первыхъ, чтобъ держать Францію въ продолжительномъ несовершеннолѣтіи; во-вторыхъ, слѣдовать той же политикѣ и относительно Испаніи; въ-третьихъ, держать Нидерланды и Португалію въ зависимости отъ Англіи; въ-четвертыхъ, государства итальянскія держать въ такой же зависимости отъ Австріи; въ-пятыхъ, вооружить германскую конфедерацію для удержанія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ; въ-шестыхъ, установить прямыя сношенія между Германіею и Оттоманскою Портою, съ цѣлію дѣйствовать на Россію, не нарушая, повидимому, четверного союза; въ-седьмыхъ, вмѣшиваться въ отношенія сѣверныхъ государствъ; въ-восьмыхъ, вмѣшиваться также въ отношенія Россіи къ Персіи и Турціи. Австрійскій и англійскій уполномоченные, Меттернихъ и Касльри, съ своей стороны, внимательно слѣдили на конгрессѣ за императоромъ Александромъ. Результаты наблюденій оказались успокоительнаго свойства, и Касльри писалъ Ливерпулю: «Мнѣ кажется, русскій императоръ

думаетъ, что между Великобританіею и Австріею существуетъ тайное соглашеніе; но, несмотря на всѣ эти идеи, дѣйствующія на его нѣсколько подозрительный умъ, я убѣжденъ, что онъ намѣренъ преслѣдовать мирную политику; онъ стремится къ власти, но у него нѣтъ желанія перемѣнить союзниковъ, или дать революціонному духу въ Европѣ болѣе движенія; напротивъ, онъ расположенъ наблюдать за нимъ». Даже подозрительность Меттерниха успокоилась насчетъ властолюбивыхъ замысловъ самого императора Александра; но такъ какъ Россія и завоевательная политика—были понятія нераздѣльныя въ умѣ знаменитаго придворнаго и государственнаго канцлера, то онъ направилъ свою подозрительность на дѣйствія русскихъ агентовъ; онъ объявилъ Касльри, что личный характеръ императора представляетъ для Европы единственную гарантію противъ опасности отъ русскаго могущества. Генцъ загремѣлъ восторженными похвалами императору Александру: «Всѣ безпокойства исчезли... Императоръ Александръ изложилъ свои чувства и свои политическіе виды съ удивительною искренностію, ясностію и точностію. Узнали, что онъ не имѣлъ никогда ни малѣйшаго расположенія сближаться съ Франціею насчетъ своихъ тѣсныхъ сношеній съ союзниками, что онъ считаетъ преступленіемъ, измѣною противъ Европы одну мысль о разрушеніи четверного союза; что онъ желаетъ сохраненія мира, договоровъ, поддержанія системы, которой три года слѣдуютъ великія державы. Эти рѣчи, подкрѣпляемыя выраженіями самаго благороднаго энтузіазма къ общему благу, нравственности, религіи, чести, ко всему, что есть самаго возвышеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ, произвели впечатлѣніе самое быстрое и могущественное. Исчезли боязнь и недоумѣніе. Поздравляли себя съ тѣмъ, что не отказались отъ конгресса, который приносилъ величайшую пользу Европѣ уже тѣмъ однимъ, что повелъ къ этимъ объясненіямъ. Императоръ Александръ остался вѣренъ своимъ заявленіямъ. Его поведеніе во все время конференціи отличалось мудростію, добросовѣстностію, умѣренностію. Исторія ахенскаго конгресса сосредоточивается около его августѣйшей особы; онъ былъ его двигателемъ, направителемъ, героемъ».

Главное дѣло, для котораго собрался ахенскій конгрессъ — рѣшеніе вопроса объ отношеніи союзныхъ державъ къ Франціи, кончилось согласно желанію русскаго императора: Франція была освобождена отъ опеки четырехъ державъ и ея государственная область была очищена отъ иностранныхъ войскъ. Россія домогалась этого, какъ средства усилить нравственно королевскую власть во Франціи, усилить министерство Ришельё, сдѣлать его

популярнымъ, ибо старанію герцога, его вліянію на русскаго императора должны были приписать освобожденіе Франціи изъ-подъ опеки; съ поднятіемъ значенія Ришелье естественно усиливалась связь Франціи съ Россіею; не говоримъ уже о личномъ расположеніи императора Александра къ французскому народу, о желаніи пріобрѣсти благодарность и привязанность любимаго народа. Со стороны Англіи не могло быть противодѣйствія: вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи скрѣпляло непріятный для Англіи союзъ континентальныхъ державъ, который императоръ русскій старался все болѣе и болѣе распространить и усилить, и въ которомъ преобладаніе Россіи было ощутительно; очень было важно ослабить этотъ союзъ отстраненіемъ главной причины общаго дѣйствія; укрѣпленіе же русскаго вліянія во Франціи, при тамошнихъ отношеніяхъ и движеніяхъ, не обѣщавшихъ прочности кабинету, еще не могло считаться вѣрнымъ. Меттернихъ представлялъ на видъ равновременность очищенія Франціи отъ союзныхъ войскъ при усиленіи революціоннаго духа; но его одиночное сопротивленіе не могло помѣшать дѣлу; Пруссія держалась Россіи.

Но, кромѣ дѣла объ очищеніи Франціи отъ иностранныхъ войскъ, были еще два другіе важнѣйшіе вопроса: о продолженіи союза и общаго дѣйствія державъ и объ отношеніяхъ Франціи къ этому союзу и общему дѣйствію. Россія настаивала на укрѣпленіи и расширеніи союза и общаго дѣйствія, и на безусловномъ участіи въ нихъ Франціи; но встрѣтила противодѣйствіе со стороны Англіи, за спиною у которой стояла Австрія и дѣйствовала въ томъ же духѣ. Чтобъ дать укрѣпиться, пустить поглубже корни общему дѣйствію, общему управленію дѣлами Европы, Россія требовала, чтобъ конгрессы, съѣзды государей или министровъ ихъ происходили періодически, собирались въ извѣстное опредѣленное время, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Лордъ Касльри, пообжившійся на континентѣ, очень полюбилъ конгрессы, очень понравилось ему это участіе, и, благодаря значенію Англіи, сильное участіе въ улаживаніи европейскихъ дѣлъ, блестящая роль въ собраніи государей, на которое были обращены глаза всѣхъ. Касльри писалъ съ ахенскаго конгресса Ливерпулю: «Вообще, дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и намъ остается только поощрять чувства привязанности, которыя государи расточаютъ другъ передъ другомъ, и которыя, думаю, въ эту минуту, искренни. Я вполнѣ убѣжденъ, что привычка къ общему дѣйствію, общая слава и эти случайные съѣзды служатъ для Европы лучшими обезпеченіями въ продолжительности мира». Въ другомъ письмѣ Касльри говоритъ: «Пріятно замѣчать, какъ мало замѣ-

шательства и какъ много прочнаго добра проистекаетъ отъ этихъ собраній, которыя издали кажутся такими страшными. Конгрессъ представляется мнѣ новымъ изобрѣтеніемъ въ европейскомъ правительствѣ, уничтожающимъ паутину, которою дипломатія затемняетъ горизонтъ, представляющимъ всю систему въ настоящемъ свѣтѣ, и дающимъ совѣтамъ великихъ державъ дѣйствительность и почти простоту одного государства». Но этихъ взглядовъ на конгрессъ не раздѣляли люди, смотрѣвшіе на него *издали*. По поводу вопроса о періодическихъ конгрессахъ, Каннингъ заявилъ въ кабинетѣ мнѣніе, что система такихъ періодическихъ собраній представителей четырехъ великихъ державъ для обсужденія общихъ европейскихъ дѣлъ—новость, польза которой подлежитъ большому сомнѣнію; что она глубоко втянетъ Англію въ политику континента, тогда какъ настоящая англійская политика состоитъ въ томъ, чтобъ не вмѣшиваться въ дѣла континента, исключая случаевъ нудящей необходимости. Всѣ другія государства должны протестовать противъ такого покушенія поработить ихъ; конгрессы могутъ сдѣлаться сценами кабалъ и интригъ; въ англійскомъ народѣ возбудится опасеніе насчетъ его свободы, если англійскій дворъ согласится участвовать въ съѣздахъ съ неограниченными монархами, разсуждать, въ какой степени революціонный духъ можетъ вредить общественной безопасности и требовать вмѣшательства союза для его подавленія. Другіе члены кабинета, не соглашаясь вполнѣ съ Каннингомъ, прежде всего, однако, имѣли въ виду свои отношенія къ парламенту, прежде всего задавали себѣ вопросъ: какое впечатлѣніе произведетъ на парламентъ рѣшеніе насчетъ періодическихъ конгрессовъ? Задавали вопросъ: что, если многіе изъ членовъ парламента посмотрятъ на дѣло такъ, какъ взглянулъ на него Каннингъ? что, если оппозиція станетъ развивать въ парламентѣ тѣ же мысли, какія Каннингъ развивалъ въ кабинетѣ? изъ-за чего подвергать министерство такой опасности? Лордъ Батурстъ писалъ Кассльри: «Зачѣмъ преждевременно представлять новому, сомнительнаго характера, парламенту систему, которая, если бы дѣйствительно была хороша, должна установиться сама собою такимъ образомъ, чтобъ каждый конгрессъ обусловливалъ слѣдующій при видимой пользѣ, обнаруживающейся при каждомъ съѣздѣ; а такъ какъ всякая политическая система имѣетъ свое время, то конецъ этой системы будетъ менѣе замѣтенъ, если періодическіе конгрессы не будутъ заранѣе установлены».

Также несочувственно принята была англійскимъ кабинетомъ и мысль о включеніи Франціи въ союзъ, и также причиною отстраненія ея была выставлена отвѣтственность кабинета передъ

парламентомъ. Лордъ Ливерпуль писалъ Касльри по этому случаю: «Прежде всего здѣсь не практическій вопросъ, это болѣе споръ о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ. Мы всѣ довольны нашими существующими обязательствами. Взгляды русскаго императора не могутъ быть допущены. Мы должны сказать одно, что мы остаемся вѣрными нашимъ существующимъ трактатамъ и обязательствамъ, и что, если когда-нибудь государи или министры ихъ будутъ имѣть случай совѣщаться сообща о какихъ-нибудь дѣлахъ, имѣющихъ возникнуть изъ условій послѣдняго мира, французское правительство будетъ приглашено къ участію въ совѣщаніяхъ. Если сочтутъ полезнымъ, въ виду удержанія Франціи въ порядкѣ, назначить время, когда государи опять соберутся, то мы не видимъ препятствія къ этому; но часто бываетъ также неблагоразумно смотрѣть слишкомъ далеко въ будущее, какъ и съуживать границы нашего кругозора. Мы должны сами помнить и нашимъ союзникамъ дать почувствовать, что всѣ эти вопросы отзовутся въ британскомъ парламентѣ; что у насъ будетъ новый, сомнительнаго характера парламентъ, непривыкшій смотрѣть на вопросы внѣшней политики, какъ прежніе парламенты, находившіеся подъ давленіемъ великой опасности извнѣ. Дайте понять русскимъ, что у насъ—парламентъ и публика, передъ которыми мы отвѣтственны, и что мы не можемъ вовлечься въ виды политики, которая совершенно не соотвѣтствуетъ духу нашего правительства».

Оба вопроса были рѣшены соотвѣтственно взглядамъ лондонскаго кабинета. Въ протоколѣ конференціи 15 ноября было объявлено, что дворы, подписавшіе протоколъ: во 1) твердо рѣшились ни въ отношенія другъ къ другу, ни въ отношенія къ другимъ государствамъ, не отступать отъ принципа тѣснаго союза, принципа, господствовавшаго до сихъ поръ въ ихъ сношеніяхъ и общихъ интересахъ; союзъ этотъ сталъ крѣпче и неразрывнѣе вслѣдствіе уzъ христіанскаго братства, которыми связали себя государи; 2) союзъ этотъ, заимствующій свою дѣйствительность и прочность отъ того, что держится не на какомъ-нибудь отдѣльномъ интересѣ, не на какихъ-нибудь временныхъ, случайныхъ соображеніяхъ, имѣетъ одну цѣль—поддержаніе всеобщаго мира, основанное на религіозномъ уваженіи къ обязательствамъ, внесеннымъ въ трактаты, и ко всѣмъ правамъ, отсюда проистекающимъ; 3) Франція, присоединенная къ другимъ державамъ вслѣдствіе возстановленія монархической власти, законной и конституціонной, обязывается содѣйствовать съ этихъ поръ поддержанію и утвержденію системы, которая дала миръ Европѣ и одна можетъ обусловить его продолженіе; 4) если, для лучшаго дости-

женія означенной цѣли, державы найдутъ необходимымъ установить особыя собранія, или между самими государями, или между министрами и уполномоченными, для разсужденія сообща объ ихъ собственныхъ интересахъ, то время и мѣсто этихъ собраній будутъ заблаговременно опредѣлены посредствомъ дипломатическихъ сообщеній, и если эти собранія будутъ имѣть предметомъ дѣла, связанныя съ интересами другихъ державъ европейскихъ, то они будутъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по формальному приглашенію со стороны этихъ державъ, причемъ необходимо, чтобъ послѣднія участвовали въ нихъ или прямо, или посредствомъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, на ахенскомъ конгрессѣ было остановлено развитіе общаго управленія европейскими дѣлами посредствомъ конгрессовъ. Небывалое прежде общее дѣйствіе государей съ 1813 года естественно и необходимо вело къ общему управленію посредствомъ конгрессовъ; предстояло сдѣлать новый шагъ— узаконить это общее правленіе и его форму постановленіемъ, что конгрессы должны быть періодическими. Но сильный протестъ изъ Лондона—и предложеніе о періодическихъ конгрессахъ взято назадъ. Роль Англіи въ этомъ случаѣ замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: по самому островному положенію своему, Англія—отрѣзанный ломоть отъ континентальной Европы; ни въ какомъ случаѣ ея интересы не могутъ быть такъ тѣсно связаны съ интересами континентальныхъ державъ, какъ связаны интересы послѣднихъ между собою; отсюда у Англіи всегда своя особая политика, крайне осторожная относительно вмѣшательства, допускаемаго только въ крайнихъ случаяхъ, когда столкновенія интересовъ на континентѣ прямо грозятъ интересамъ Британіи. Съ конца XVIII вѣка, интересы континентальныхъ государствъ тѣсно связаны вслѣдствіе революціоннаго движенія, причемъ революціонное движеніе Франціи служитъ источникомъ и поддержкою революціоннаго движенія повсюду; но Англія и тутъ въ сторонѣ; формы ея политической жизни установились гораздо прежде, независимо отъ континентальныхъ движеній; и хотя демократическія движенія континента и находятъ отголоски въ Англіи, хотя эти отголоски могутъ становиться все сильнѣе и сильнѣе и очень озабочивать англійскихъ государственныхъ людей охранительнаго направленія, однако, дѣло вовсе не такъ близко касается Англіи, какъ державъ континентальныхъ. Такимъ образомъ, Англія, по своему географическому положенію и по своей исторіи, способнѣе всѣхъ другихъ странъ поддерживать принципъ невмѣшательства. Но, при поддерживаніи этого принципа, Англія выставила вопросъ чрезвычайной важности, именно

вопросъ объ отношенія конституцій различныхъ державъ къ этому общему управленію дѣлами Европы на конгрессахъ. Русскій императоръ требовалъ, чтобъ всѣ европейскія государства вошли въ великій союзъ и улаживали свои отношенія на конгрессахъ; но спрашивалось: государи неограниченные и министры ихъ, не отвѣчающіе за свои рѣшенія ни передъ кѣмъ, будутъ ли одинаково поставлены на конгрессахъ съ государями конституціонными и министрами ихъ, имѣющими извѣстныя отношенія къ своему народному представительству? Такимъ образомъ, большее развитіе извѣстныхъ народныхъ личностей, различіе въ формахъ политической жизни у разныхъ европейскихъ народовъ, становились помѣхою для утвержденія общаго управленія дѣлами Европы.

Мысль о періодическихъ конгрессахъ не была осуществлена; положено собирать конгрессы по требованію обстоятельствъ. Обстоятельства требовали конгрессовъ.

Германія, сильно развитая въ умственномъ отношеніи къ концу XVIII вѣка, была задерживаема въ развитіи политическомъ раздѣленіемъ своимъ на слишкомъ триста владѣній. Конвульсивное движеніе пробѣжало по этому странному средневѣковому тѣлу, когда послышались первые восторженные клики французской революціи. Но мечты, возбужденныя этими кликами, были жестоко обмануты: люди, провозгласившіе себя освободителями народовъ, явились за Рейномъ страшными ихъ утѣснителями; на словахъ отъ потомковъ Бренна слышалось: «свобода угнетеннымъ, война дворцамъ, миръ хижинамъ!» а на дѣлѣ выходило старинное: «горе побѣжденнымъ!» Ни одинъ европейскій народъ не испилъ такой полной чаши стыда, униженія и матеріальныхъ лишеній, какъ нѣмцы отъ революціонной и императорской Франціи. Но эта чаша выпита была на здоровье: Пруссія заявила свою жизненность, свое первенство въ Германіи необыкновенно быстрымъ возстановленіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ послѣ необыкновенно быстраго паденія; Германія приготовилась къ великимъ событіямъ 1812 и 13 годовъ, къ участію въ борьбѣ народовъ. Борьба кончилась въ 1815 году, но возбужденныя ею силы не могли вдругъ успокоиться; въ продолженіи послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ было такъ много передумано и перечувствовано въ Германіи! Возбужденіе силъ выразилось прежде всего въ широкомъ научномъ движеніи, какъ и слѣдовало ожидать, ибо и прежде, за отсутствіемъ политическаго развитія, германскій народъ развивался преимущественно въ этомъ направленіи, слѣдовательно, почва была приготовлена. Если во Франціи неудачи опытовъ революціи, неудачи въ построеніи го-

сударственнаго зданія на общихъ теоретическихъ началахъ безъ историческаго фундамента заставили обратиться къ внимательному изученію своей непосредственной старины, заставили обратиться къ изученію этихъ варварскихъ среднихъ вѣковъ, столь долго пренебрегаемыхъ, — то въ Германіи сильное возбужденіе народнаго чувства, вслѣдствіе борьбы за народную независимость, за народное значеніе, необходимо заставило обратиться къ своему, къ своей старинѣ, въ ней искать разрѣшенія важныхъ вопросовъ настоящаго для ума, въ ней искать оживленія и укрѣпленія своего народнаго чувства. Отсюда великое научное движеніе; отсюда ясное сознаніе великаго значенія исторической науки; отсюда господство историческаго метода; отсюда стремленіе къ изученію народности, изученію самому подробному, микроскопическому; отсюда признаніе односторонности стремленія XVIII вѣка, стремленія къ общечеловѣческому съ отстраненіемъ народнаго; отсюда движеніе народнаго духа, заявленіе правъ народностей всюду, гдѣ не иссякли родники народной жизни; отсюда освобожденіе европейской мысли, европейской науки отъ преобладающаго вліянія классической древности; исчезла въ этомъ отношеніи односторонность, исчезло рабство, и немедленно явились благія слѣдствія свободныхъ отношеній: изученіе классической древности не ослабѣло, напротивъ, усилилось и, получивъ должное мѣсто въ расширившемся кругу историческаго знанія, внесло новыя, неизсякаемыя средства къ пониманію полноты жизни человѣчества, ея органическаго развитія. Разумѣется, каждое человѣческое дѣло имѣетъ свою темную сторону, каждое направленіе имѣетъ крайности, увлеченія: такъ и при означенномъ великомъ движеніи XIX вѣка мы видимъ крайности и увлеченія въ романтизмѣ и въ этомъ чрезмѣрномъ прославленіи германской народности, которымъ страдаетъ западная историческая наука.

Но, возбужденныя великою борьбою, силы въ Германіи не могли найти себѣ упражненія въ одной умственной, научной дѣятельности; онѣ были возбуждены для практической дѣятельности, для рѣшенія великаго вопроса о свободѣ, самостоятельности и значеніи отечества; прусскій король, призывая подданныхъ къ оружію, обѣщалъ возстановленіе единой свободной имперіи. Дѣйствительно, во время французскаго преобладанія, нѣмцы испытали очень хорошо вредныя слѣдствія раздѣленія и безсилія своего отечества, и поняли, что самое вѣрное средство — не испытывать впередъ подобныхъ бѣдствій, состояло въ объединеніи Германіи. Патріоты ждали этого объединенія отъ вѣнскаго конгресса, который долженъ былъ начертать новую карту Европы; но конгрессъ собрался для того, чтобъ успокоить Европу послѣ ре-

волюціи и ея слѣдствій, а не возмутить Европу новою страшною революціею, какой потребовало бы объединеніе Германіи. Старая священная римско-германская имперія была разрушена окончательно; новой создать было нельзя, и вотъ создался германскій союзъ, т.-е. цѣлый рядъ самостоятельныхъ государствъ прикрыли названіемъ союза, которое служило, съ одной стороны, связью съ прошедшимъ, съ другой — приготовленіемъ къ будущему, по крайней мѣрѣ, указаніемъ на него.

Но германскимъ патріотамъ хотѣлось невозможнаго, хотѣлось вдругъ, такъ или иначе, достигнуть объединенія Германіи. И недовольные патріоты волновались. Но былъ еще другой, сильно волнующій вопросъ, вопросъ о свободныхъ учрежденіяхъ. Въ прокламаціи прусскаго короля эти учрежденія были обѣщаны, что̀ сильно обезпокоило Австрію. Когда надобно было приступить къ исполненію обѣщанія, то сочли естественнымъ и достаточнымъ обратиться къ той формѣ представительности, которая существовала искони въ германскихъ земляхъ и исчезла въ XVII вѣкѣ предъ усилившимся монархическимъ началомъ,—къ земскимъ чинамъ. При установленіи германскаго союза, въ 13-мъ параграфѣ союзнаго акта обѣщаны были земскіе чины всѣмъ государствамъ, вошедшимъ въ союзъ; но обѣщаніе сдѣлано въ общихъ выраженіяхъ, безъ изложенія принциповъ, способовъ приведенія въ исполненіе, и времени, въ которому правительства обязаны были ввести это учрежденіе. Нѣкоторыя государства южной и средней Германіи ввели у себя представительство въ формѣ земскихъ чиновъ на болѣе или менѣе либеральныхъ основахъ; но въ двухъ самыхъ сильныхъ государствахъ, Австріи и Пруссіи, оказывалось рѣшительное нерасположеніе правительствъ двигаться по новой дорогѣ. Пруссія, которая, послѣ іенскаго погрома, обнаружила такіе сильные признаки жизненности, которая, благодаря Штейну съ товарищами, такъ быстро пошла по дорогѣ преобразованій, которая, въ 1813 году, такъ высоко подняла знамя свободы и независимости Германіи, Пруссія, послѣ 1815 года, ограничилась провинціальными совѣщательными чинами безъ гласности. Король, тяжелый на всякое движеніе, на всякій выходъ изъ привычныхъ формъ, только неминучею бѣдою принужденный дать волю преобразователю, Штейну съ товарищами, — теперь, когда борьба кончилась, когда все, повидимому, вошло въ прежнюю колею, спѣшилъ удовлетворить требованіямъ своей природы и предаться спокойствію, гоня отъ себя тяжкую мысль о всякомъ новомъ движеніи, о всякой перемѣнѣ, снова отворачиваясь отъ людей движенія, которые, въ его глазахъ, были революціонерами, республиканцами. Это отчужденіе прусскаго правительства отъ

людей самыхъ популярныхъ въ Германіи по своей дѣятельности въ послѣднее время—усиливало неудовольствіе людей, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ, а толпу, жаждущую продолженія движеній и волненій, прельщало мыслію, что ея дѣло есть дѣло лучшихъ людей. Такъ какъ въ Германіи описываемаго времени научный интересъ былъ сильнѣе другихъ, такъ какъ жизнь особенно приливала къ школьнымъ университетскимъ кругамъ, то понятно, что наибольшее участіе въ волненіяхъ, по поводу недовольства настоящимъ положеніемъ страны, принимала университетская молодежь. Въ раздражающихъ явленіяхъ не было недостатка. На западѣ, во Франціи,—сильное движеніе по поводу конституціонныхъ вопросовъ; на востокѣ, русскій императоръ даетъ либеральную конституцію Польшѣ. Австрія дѣйствуетъ систематически и открыто: императоръ Францъ и канцлеръ князь Меттернихъ прямо провозглашаютъ, что революція не кончилась, что обязанность всѣхъ правительствъ дружно, всѣми средствами ей противоборствовать, охраняя существующія формы; Австрія дѣйствуетъ явно и наступательно противъ либеральнаго движенія. У прусскаго короля нѣтъ системы, онъ не любитъ движенія по природѣ своей. Вслѣдствіе этой же природы короля, прусское правительство отвернулось отъ двигателей, не благопріятствуетъ движенію, но и не дѣйствуетъ противъ него наступательно, обнаруживаетъ ту терпимость, къ которой никогда нѣтъ сочувствія отъ людей, ею пользующихся, за которую никогда не благодарятъ; а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ правительства поддерживаютъ либеральное движеніе, ища популярности.

Новое направленіе, обращеніе къ народной старинѣ, исканіе для всего исторической основы также употреблено было недовольными, согласно съ ихъ цѣлями. Въ 1817 году, въ протестантской Германіи, съ великимъ торжествомъ праздновали трехсотлѣтіе реформаціи. 18-го октября, студенты и нѣкоторые профессора собрались близъ Эйзенаха, въ историческомъ замкѣ Вартбургѣ, говорились зажигательныя рѣчи, пѣлись зажигательныя пѣсни, и дѣло кончилось тѣмъ, что, по примѣру Лютера, сжегшаго папскую буллу, сожжены были сочиненія, написанныя въ консервативномъ духѣ, направленныя противъ либеральнаго движенія. Судъ и приговоръ былъ произнесенъ надъ сочиненіями—одинъ только шагъ къ исполненію приговора и надъ сочинителями. Много ненависти скопилось надъ головою Августа Коцебу, извѣстнаго драматическаго писателя и журналиста; Коцебу былъ ревностный консерваторъ, но не это одно возбуждало противъ него ненависть: никто такъ безпощадно не осмѣивалъ

странность нѣмецкаго либеральнаго движенія, этого разброда чувствъ и ума въ новомъ дѣлѣ, къ которому было такъ мало приготовленія; ничто такъ не раздражаетъ, какъ ловкая насмѣшка, попадающая въ цѣль, и раздраженіе противъ Коцебу было страшное. Коцебу былъ въ русской службѣ, имѣлъ русскій чинъ, имѣлъ порученіе сообщать русскому правительству о всѣхъ политическихъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Германіи. Либералы догадывались, въ какомъ тонѣ Коцебу дѣлалъ свои сообщенія. «Коцебу—русскій шпіонъ, Коцебу—измѣнникъ отечества!» Вотъ судъ, произнесенный людьми, считавшими себя представителями свободной Германія, и между распаленными студентами нашелся человѣкъ, который рѣшился казнить такого страшнаго преступника, измѣнника отечеству, въ устрашеніе другихъ подобныхъ. Въ мартѣ 1819 года, въ Мангеймѣ, студентъ Зандъ закололъ Коцебу.

Извѣстное направленіе можетъ быть терпимо въ обществѣ сознательно или безсознательно, по разсчету или по слабости, но можетъ быть терпимо только до тѣхъ поръ, пока не принимаетъ наступательнаго движенія. Поступокъ Занда извѣстилъ объ опасности, о врагѣ. Принимаются средства къ оборонѣ, которая, естественно, въ подобныхъ случаяхъ переходитъ въ наступленіе. Прежнее нерадѣніе, отсутствіе разумнаго сдерживанія и направленія заставляютъ спѣшить мѣрами обороны, усиливать ихъ, и къ этому усиленію побуждаетъ еще неизвѣстность о средствахъ врага. Уже давно знали, что всѣ нѣмецкіе университеты обхвачены тайнымъ обществомъ, носящимъ названіе *Тевтонія;* говорили, что общество имѣло цѣлію превратить всю Германію въ республику единую и нераздѣльную, свергнуть государей и вмѣсто нихъ установить военную демократію. Теперь эта таинственная «Тевтонія» высказалась; чрезъ нѣсколько недѣль, послѣ убійства Коцебу, было произведено покушеніе на жизнь Ибелля, министра герцога нассаускаго; преступникомъ оказался также студентъ; сочувствіе, обнаруженное молодежью къ этимъ явленіямъ, заставляло предполагать соумышленничество, систему. Въ такихъ обстоятельствахъ особенное вниманіе заслужилъ голосъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя было упрекнуть въ нерадѣніи и недальновидности, которые предвидѣли, предсказывали, предостерегали. Въ челѣ этихъ людей былъ канцлеръ Австріи; безуміе Занда выставило въ яркомъ свѣтѣ мудрость Меттерниха и приготовило ему важную роль; при страшной тревогѣ должны были необходимо обратиться къ человѣку, который оказался мудрѣе другихъ, довѣриться его руководству. Тревога была сильная. Штейнъ, котораго прусскій король называлъ республиканцемъ,

—Штейнъ писалъ великому герцогу веймарскому, какъ его печалитъ усиленіе дурного направленія въ Германіи; онъ просилъ великаго герцога обратить особенное вниманіе на брошюру подъ заглавіемъ: *Книжка вопросовъ и отвѣтовъ* [1]), на которую Штейнъ смотрѣлъ какъ на катехизисъ нѣмецкаго якобинства, заключающій въ себѣ почти всѣ принципы бывшаго тогда въ ходу либеральнаго ученія, но приспособленные къ понятіямъ простого народа и подтверждаемые мѣстами св. писанія; въ основаніи былъ выставленъ принципъ полновластія народа; послѣ сильной выходки противъ германскихъ государей, высказывалось, что всѣ бѣды Германіи происходятъ оттого, что она не едина. Невозмутимый и сильно дорожившій своимъ спокойствіемъ, Гёте былъ также встревоженъ состояніемъ умовъ въ Германіи; по его мнѣнію, неустановленность и волненія, господствующія здѣсь, не позволяютъ разсчитывать на слѣдствія мѣръ, которыя хотятъ принять, не позволяютъ предугадывать, какія мѣры поведутъ къ добру и какія ко злу; убійство Коцебу внезапнымъ впечатлѣніемъ, какое оно произвело, и сильными мѣрами, къ какимъ должно повести, можетъ породить благопріятное для общественнаго порядка направленіе, если правительство съумѣетъ принять мѣры разумныя и согласныя съ общественнымъ настроеніемъ.

Для принятія сильныхъ мѣръ положено было министрамъ главныхъ германскихъ дворовъ собраться лѣтомъ въ Карлсбадѣ; должны были пріѣхать министры иностранныхъ дѣлъ—австрійскій, прусскій, баварскій, саксонскій, ганноверскій, виртембергскій, баденскій, мекленбургскій и нассаускій. Но прежде начатія дѣла въ Карлсбадѣ, Меттернихъ свидѣлся съ прусскимъ королемъ въ Тёплицѣ, гдѣ между двумя главными германскими государствами было улажено насчетъ мѣръ, которыя должно было предложить въ Карлсбадѣ. 7-го августа начались конференціи въ Карлсбадѣ и окончены были въ двадцать дней. Меттернихъ, съ особеннымъ искусствомъ, отличавшимъ его, изложилъ въ чемъ дѣло; указалъ на необходимость принять быстрыя и дѣйствительныя мѣры для предохраненія германской конфедераціи вообще и каждаго государства, ее составляющаго, въ особенности, отъ опасностей, которыми грозятъ революціонныя движенія и демагогическія общества. Члены союза, обязанные взаимною защитою и помощью, имѣютъ полное право принимать общія мѣры для поддержанія внутренняго спокойствія въ Германіи. Это спокойствіе можетъ быть нарушено не однимъ

---

[1]) Frage-und-Antwort. Büchlein über allerlei was in Deutschland besonders Noth thut.

матеріальнымъ движеніемъ кого-нибудь изъ членовъ союза противъ другого: оно можетъ быть нарушено и нравственнымъ дѣйствіемъ одного правительства на другое, также движеніемъ партіи, которая найдетъ терпимость и покровительство въ одномъ или многихъ государствахъ союза. Въ этомъ случаѣ, спокойствіе самой конфедераціи подвергается опасности, и государь, который будетъ терпѣть подобные безпорядки, явится виновнымъ въ измѣнѣ противъ союза. Печать въ Германіи стала исключительнымъ достояніемъ партіи, враждебной всякому общественному порядку, всякому существующему учрежденію, и столь могущественна, что могла заставить молчать всѣхъ благонамѣренныхъ писателей. Общность языка и другія многоразличныя отношенія державъ союза не позволяютъ ни одной изъ нихъ оцѣпить свои границы отъ заразы, которая началась въ другихъ государствахъ: ясно, слѣдовательно, что если одно государство, даже самое малое, откажется содѣйствовать общепринятымъ мѣрамъ для превращенія зла, то отъ него будетъ зависѣть заразить всю конфедерацію. Такой порядокъ вещей невозможенъ; конфедерація имѣетъ право принять оборонительныя мѣры противъ злоупотребленій печати и принудить всѣхъ своихъ членовъ сообразоваться съ ними; параграфъ союзнаго акта, обѣщающій Германіи общій уставъ о свободѣ печати, долженъ быть понимаемъ въ этомъ смыслѣ; для достиженія этого однообразія нужно или уничтожить цензуру и тамъ, гдѣ она существуетъ, или возстановить ее въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ее уничтожили: первое изъ этихъ средствъ неисполнимо: государства, сохранившія цензуру—самыя многочисленныя и самыя значительныя; остается достигнуть обѣщаннаго однообразія возстановленіемъ цензуры тамъ, гдѣ она уже не существуетъ, тѣмъ болѣе, что правительства, поспѣшившія уничтожить цензуру, превысили свою власть, ибо сейму принадлежитъ власть изъяснять и приводить въ исполненіе параграфы союзнаго договора. Въ союзномъ актѣ существовалъ еще параграфъ 13-й, обѣщавшій введеніе конституціи съ земскими чинами. Меттернихъ счелъ нужнымъ распространиться и насчетъ этого параграфа. По его мнѣнію, выраженіе: *конституція съ земскими чинами*—было употреблено въ противоположность выраженію: *конституція представительная*. Первая изъ этихъ правительственныхъ формъ была болѣе сродна древнимъ обычаямъ германскимъ, болѣе національна, чѣмъ другая форма, пришедшая изъ-за границы, созданная революціями. Первая форма состоитъ въ правѣ членовъ или депутатовъ существующихъ корпорацій участвовать въ законодательной дѣятельности; а въ конституціяхъ представительныхъ лица, при-

званныя къ прямому участію въ законодательствѣ и важнѣйшихъ дѣлахъ правительственныхъ, не обязаны защищать исключительно интересы извѣстныхъ сословій или корпорацій, но представляютъ цѣлый народъ. Конституція съ земскими чинами, защищая всѣ права и вольности, оставляетъ неприкосновенными существенныя прерогативы государей; но конституція представительная основана на ложномъ началѣ народнаго полновластія: она постоянно стремится—призракъ мнимой національной свободы, т.-е. общенародной воли, поставить на мѣсто общественнаго порядка и подчиненности, и химеру общаго равенства передъ закономъ—на мѣсто различія состояній и правъ, различія, установленнаго самимъ Богомъ.

Внушенія Меттерниха производили тѣмъ большее впечатлѣніе, что министры, собравшіеся въ Карлсбадѣ, не могли чувствовать себя очень спокойно и удобно. Ни одинъ изъ нихъ, не исключая и самого Меттерниха, не могъ найти въ своемъ департаментѣ или въ своей странѣ человѣка, на убѣжденія котораго можно было бы положиться, и которому можно было бы довѣрить тайны совѣщаній, такъ что сами министры должны были исполнять должность секретарей, вести протоколы и переписку со своими дворами. Революціонная партія въ Германіи, чувствуя, что ей готовится бѣда въ Карлсбадѣ, дѣйствовала устрашеніемъ: министръ герцога нассаускаго получилъ эстафету отъ редактора *Рейнскаго Листка*, который извѣщалъ, что отказывается отъ редакціи журнала и проситъ для себя охраны, чтобъ быть безопасну отъ страшныхъ угрозъ, которыя онъ слышитъ въ собственномъ семействѣ и получаетъ въ анонимныхъ письмахъ; революціонная партія грозила ему за то, что онъ аристократъ, а между тѣмъ въ Австріи его журналъ былъ запрещенъ, какъ слишкомъ либеральный. Все это помогло Меттерниху провести пять предложеній, которыми ограничивалось полновластіе отдѣльныхъ державъ союза и усиливалось значеніе сейма, ограничивалась свобода печати на пять лѣтъ, установлялся надзоръ надъ университетами, учреждалась въ Майнцѣ слѣдственная коммиссія съ цѣлію открытія демагогическихъ заговоровъ. 20 сентября, эти предложенія были переданы франкфуртскому сейму, и сеймъ утвердилъ ихъ. Въ ноябрѣ, назначены были конференціи въ Вѣнѣ для пересмотра и уясненія параграфовъ союзнаго акта. Нѣкоторыя германскія правительства были недовольны карлсбадскими и франкфуртскими рѣшеніями и спѣшили заявить на дѣлѣ свое несогласіе съ принципами, провозглашенными Меттернихомъ, но это не помѣшало реакціи. Государственные люди, сочувствовавшіе движенію, должны

были поплатиться за его крайности, за то, что не умѣли и не могли направить его, должны были отказаться отъ общественной дѣятельности и уступить мѣсто другимъ, которыхъ убѣжденія или отсутствіе убѣжденій приходились теперь ко времени. Профессора, пасторы, извѣстные привычкою подмѣшивать политику въ лекціи и проповѣди, были отставлены или отданы подъ строгій надзоръ; школы гимнастики были закрыты, потому что здѣсь былъ главный притонъ революціоннаго духа: въ приведенной выше книжкѣ «Вопросовъ и отвѣтовъ» говорилось: «Въ мирное время солдатъ не нужно; каждый съ молоду долженъ упражняться въ военномъ дѣлѣ». Отсюда—особенное значеніе, какое получили въ это время въ Германіи гимнастическія школы. Схваченъ былъ профессоръ Янъ, пользовавшійся особенною популярностью между университетскою молодежью, одинъ изъ передовыхъ людей въ патріотическомъ движеніи 1813 года; въ Берлинѣ, Боннѣ, Гессенѣ захвачены были студенты, военные, горожане, извѣстные крайностью своихъ мнѣній. Этими мѣрами прекращена была нѣмецкая фронда, движеніе школьной молодежи, разыгравшейся съ 1813 года въ политику и патріотизмъ.

Меттернихъ достигалъ своей цѣли. Нѣмецкія правительства, подъ вліяніемъ страха, прижимались другъ къ другу и готовы были слушаться опытнаго вождя, котораго мудрая предусмотрительность была оправдана событіями; благодаря вліянію Меттерниха, усилилось и вліяніе Австріи на дѣла германскаго союза. Но кромѣ этого союза существовалъ еще другой союзъ, — и что̀ скажетъ главный членъ его, императоръ русскій? Прежде, его взглядъ сильно разнился отъ взгляда австрійскаго канцлера; останется ли онъ и теперь при этомъ взглядѣ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ остановитъ реакцію, которая пошла такъ успѣшно? Этотъ вопросъ сильно безпокоилъ Меттерниха. Германскія волненія, поступокъ Занда огорчали императора Александра болѣе, чѣмъ кого-либо. Онъ надѣялся, что революціонное движеніе прекратится всеобщимъ миромъ и дарованіемъ новыхъ либеральныхъ началъ для народной жизни. Тяжело было обманываться въ этой надеждѣ, тяжело было привыкать къ мысли, что направленіе, освященное его именемъ, начинаетъ слыть несостоятельнымъ; тяжко обмануться, еще болѣе тяжко считаться обманувшимся,—и высота положенія усиливаетъ эту тяжесть. Въ іюнѣ 1819 года, русскіе министры при германскихъ дворахъ получили слѣдующее наставленіе: «Если таковы результаты ученій, преподаваемыхъ въ германскихъ университетахъ; если осмѣливаются употреблять во зло религію, благодѣтельницу человѣчества; если такова, наконецъ, цѣль, указываемая

свободѣ: то не настоитъ ли нужда задушить зло при его рожденіи? Не надлежитъ ли общими мѣрами утвердить господство принциповъ, которыхъ государи и народы не могутъ забывать безнаказанно? Во время своего пребыванія въ Веймарѣ, императоръ обратилъ вниманіе великаго герцога на эти великія и спасительныя истины. Продолжайте эти внушенія, поддерживайте вашимъ кредитомъ мѣры, которыя Австрія предложитъ въ этомъ отношеніи, сообща съ другими нашими союзниками, но не берите на себя инниціативы въ вопросѣ, который относится преимущественно къ германской конфедераціи». Эта сдержанность не могла нравиться Меттерниху. Ему нужно было, чтобъ императоръ Александръ, считавшійся главною опорою либеральнаго направленія, объявилъ торжественно народамъ Европы, что онъ отступается отъ этого направленія, одобряетъ мѣры, принимаемыя германскими правительствами подъ руководствомъ Австріи: тогда либеральное направленіе, лишенное покровительства могущественнѣйшаго изъ государей, получило бы самый тяжелый ударъ. Въ Карлсбадѣ, когда приняты были мѣры, имъ предложенныя, Меттернихъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ русскихъ дипломатовъ, выразилъ желаніе, чтобъ императоръ Александръ высказалъ публично, при первомъ удобномъ случаѣ, свое сочувствіе принятымъ мѣрамъ: «Демагоги въ Баваріи и въ Баденѣ часто употребляли во зло августѣйшее имя императора, безстыдно проповѣдуя, что конституція, дарованная имъ Польшѣ, есть самая либеральная, какую только можно придумать. Я думаю, когда нѣмцы узнаютъ изъ газетъ, что императоръ торжественно высказался о мудрости принятыхъ теперь нами мѣръ, то у революціонеровъ отнимется предлогъ употреблять его имя для поддержанія своего дѣла». Но на это предложеніе не было обращено вниманія; въ началѣ октября, императорскіе министры при германскихъ дворахъ получили новое наставленіе: 1) удерживаться отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Германіи; 2) отзываться самимъ благосклоннымъ, искреннимъ и честнымъ образомъ о тѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, которыя надѣются уладить чрезвычайными мѣрами, и не отдавать предпочтенія никакой системѣ; 3) что касается самихъ этихъ чрезвычайныхъ мѣръ и вопросовъ, съ ними связанныхъ,—то не высказывать никакого мнѣнія, пока не будутъ спрошены, и въ послѣднемъ случаѣ высказывать мнѣніе, основанное на принципахъ права, достоинства государей и благосостоянія народовъ. Истинное благосостояніе народовъ истекаетъ исключительно изъ нравственной силы правительствъ.

Нѣмецкіе министры, собравшіеся въ концѣ 1819 года въ

Вѣнѣ, были въ отчаяніи отъ этого поведенія русскаго кабинета, тѣмъ болѣе, что послѣдній высказывалъ явное неодобреніе *диктаторской власти*, какою они хотѣли облечь сеймъ. Нѣмецкіе министры приписывали это не личному взгляду императора, но взгляду его министра, Каподистрія, что видно изъ письма прусскаго канцлера Гарденберга лорду Касльри, въ декабрѣ 1819 года: «Г. Каподистрія, котораго софизмы мы всѣ знаемъ, и который надѣлалъ намъ столько хлопотъ въ Ахенѣ, взялъ себѣ въ голову, что мы хотимъ измѣнить актъ германской федераціи, гарантированный державами; что Австрія и Пруссія хотятъ посягнуть на свободу и полновластіе малыхъ или меньшихъ государствъ германскихъ; онъ боится уменьшенія русскаго вліянія и почерпаетъ свои извѣстія и свои доказательства изъ газетъ революціонной партіи французской и нидерландской, наполненныхъ ложью. Говорить неблагосклонно о мѣрахъ, принятыхъ въ Карлсбадѣ, питать этимъ неудовольствіе, которое Баварія и Виртембергъ съ самаго вѣнскаго конгресса не перестаютъ поддерживать въ видахъ своего честолюбія, давать инструкціи русскимъ министрамъ за границею въ духѣ, противномъ видамъ, которые мы раздѣляемъ съ Австріею и съ бо́льшею частію государствъ германскихъ,—видамъ, вполнѣ чистымъ и согласнымъ съ договорами и обстоятельствами,—такое поведеніе можетъ быть только вредно для общаго блага». Другіе нѣмецкіе министры толковали, что цѣль Россіи—произвести *всеобщую смуту*, и что спокойствіе Европы не можетъ быть обезпечено, пока у Россіи такая громадная армія, готовая двинуться по первому мановенію. Англійскіе дипломатическіе агенты доносили своему кабинету, что главная цѣль русскихъ министровъ при германскихъ дворахъ состоитъ въ уничтоженіи вліянія Австріи и Англіи, въ замѣнѣ этого вліянія вліяніемъ Россіи. Но нѣмецкіе министры жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ насчетъ Англіи! Лордъ Касльри ясно высказалъ взглядъ своего правительства относительно вмѣшательства по внутреннимъ вопросамъ: «Мы должны симпатизировать другъ другу въ усиліяхъ, какъ симпатизируемъ въ опасностяхъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что революціонеры всѣхъ странъ подаютъ другъ другу руки и дѣйствуютъ сообща. Ихъ успѣхи или неудачи въ одной странѣ будутъ необходимо имѣть вліяніе на ихъ движенія во всѣхъ другихъ. Эта общая опасность, безъ сомнѣнія, объединяетъ интересы всѣхъ правительствъ; *но она не должна объединять ихъ дѣйствія: дѣйствіе должно оставаться въ совершенной особности и быть національнымъ.* Намъ опасно казаться въ союзѣ, потому что это будетъ союзъ правительствъ противъ народовъ, и съ этихъ поръ паденіе пер-

выхъ будетъ неизбѣжно. Вслѣдствіе этого, наше собственное благо предписываетъ намъ оставаться совершенно нейтральными и чуждыми мѣръ, принятыхъ германскими государствами для своей безопасности, и британское правительство особенно должно удерживаться даже въ произнесеніи своего приговора насчетъ ихъ, ибо въ этомъ оно должно будетъ отдать отчетъ своему парламенту; самое спокойствіе Германіи требуетъ, чтобъ всякой споръ объ этомъ предметѣ былъ удаленъ отъ парламента, чтобъ отнять у нѣмецкой революціонной партіи это средство публичности, ибо другія средства у нея отняты франкфуртскими постановленіями. Мы, съ своей стороны, рѣшились бороться съ нашимъ домашнимъ зломъ со всею требуемою энергіею, и думаемъ, что этою борьбою дѣятельно служимъ общему дѣлу; но для успѣха здѣсь никакая чуждая опора, вліяніе или даже совѣтъ не должны находить къ намъ доступа». Тотъ же лордъ Кэсльри, въ письмѣ къ графу Ливену, приглашалъ русскій императорскій кабинетъ къ совершенному безучастію въ дѣлахъ Германіи, съ явною цѣлію, чтобы Россія не противодѣйствовала австрійскому вліянію: «Изъ мнѣній его величества императора русскаго принцъ-регентъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидалъ согласіе въ видахъ и принципахъ дворовъ лондонскаго и петербургскаго относительно дѣлъ германскихъ. Оба двора одинаково избѣгаютъ всякаго вмѣшательства въ эти дѣла — вмѣшательства, на которое можно было бы смотрѣть, какъ на нарушеніе правъ и независимости германской конфедераціи. Этотъ принципъ опредѣлилъ поведеніе с.-джемскаго кабинета, когда дворы вѣнскій и берлинскій дали ему знать о сущности мѣръ, принятыхъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ. Хотя эти сообщенія могли оправдать и даже вызвать публичное заявленіе чувствъ принца-регента, однако, его королевское высочество не счелъ приличнымъ ни въ собственныхъ нотахъ означеннымъ дворамъ, ни въ инструкціяхъ дипломатическимъ агентамъ за-границею, выразить свое мнѣніе о постановленіяхъ германскаго сейма. Принцъ-регентъ взглянулъ на нихъ, какъ на акты иностранныхъ, независимыхъ правительствъ, изданные для установленія ихъ частныхъ дѣлъ и внутренняго управленія. Этотъ принципъ невмѣшательства, руководившій принцемъ-регентомъ, не исключаетъ всякой мысли о возможности вмѣшательства; очень можетъ быть, что раздоры между государствами, составляющими германскую конфедерацію, примутъ характеръ столь опасный для ихъ собственнаго спокойствія, а, слѣдовательно, и для спокойствія Европы, что будетъ законно со стороны дружественныхъ и союзныхъ державъ (особенно, если онѣ будутъ призваны господствующимъ

мнѣніемъ въ Германіи), сдѣлать нѣсколько осторожныхъ шаговъ въ видахъ примиренія: но такихъ явленій теперь вовсе нѣтъ, и если мы обратимъ вниманіе на то, сколько разъ одного ожиданія иностраннаго вмѣшательства было достаточно для замедленія переговоровъ самыхъ важныхъ и даже для воспрепятствованія окончательному рѣшенію дѣлъ, то ваше сіятельство позволитъ мнѣ представить ему чрезвычайную важность, какую нашъ дворъ полагаетъ въ томъ, чтобъ употреблять такой языкъ, который уничтожалъ бы въ Германіи всякое подозрѣніе въ возможности подобнаго вмѣшательства».

Англія старалась болѣе всего объ устраненіи вмѣшательства, причемъ, въ описываемое время, вмѣшательство представлялось для нея всегда русскимъ вмѣшательствомъ; но Австрія, которую она поддерживала въ стремленіи играть первенствующую роль въ Германіи и поднять свое значеніе въ Европѣ, Австрія не думала ограничиваться видами англійской политики. Австрія желала вмѣшательства Россіи, но съ тѣмъ, чтобъ русскій императоръ при этомъ вмѣшательствѣ измѣнилъ свое прежнее направленіе. Меттернихъ не терялъ надежды произвести это измѣненіе даже и относительно Германіи, состояніе которой онъ описывалъ такимъ образомъ: «Наблюдая съ нѣкоторымъ вниманіемъ внутреннее состояніе Германіи, открываемъ и здѣсь, какъ въ бо̀льшей части другихъ государствъ европейскихъ, тѣ же элементы разрушенія, которые гложатъ связи общественнаго тѣла, ту же слабость верховной власти, ту же игру партій; наконецъ—ту же тупость въ массахъ. Единственная особенность, но рѣзко выдающаяся, представляемая федераціею, состоитъ въ томъ, что только въ Германіи находимъ мы монархическія правительства, которыхъ вся дѣятельность направлена на поддержаніе либерализма, которыя покровительствуютъ политическимъ сектамъ, спекулируютъ на произведенія нравственнаго обольщенія и ведутъ себя такъ, какъ будто результаты такого порочнаго поведенія не окажутъ своего гибельнаго вліянія на ихъ собственную судьбу. Эти маленькія государства чувствуютъ себя сильными вслѣдствіе покровительства, которымъ они пользуются, въ силу федеральныхъ гарантій и подъ эгидою консервативнаго начала, служащаго основаніемъ политики великаго союза. Безпокойный духъ маленькаго двора, освобожденнаго отъ важной отвѣтственности политической, заставляетъ его искать ложной популярности. Покровительствуя революціоннымъ ученіямъ, онъ воображаетъ, что играетъ въ вѣрную игру и обезпечиваетъ себѣ успѣхъ во всякомъ случаѣ: восторжествуетъ ли монархическое начало, или партія либеральная возьметъ верхъ. Первое революціонное дви-

женіе началось въ прусской монархіи. Это движеніе, которое, между 1812 и 1815 годами, сообщилось и нѣкоторымъ другимъ сосѣднимъ государствамъ, съ теченіемъ времени до такой степени ослабѣло въ Пруссіи, что это государство можно теперь считать однимъ изъ самыхъ обезпеченныхъ относительно будущихъ волненій. Великое герцогство веймарское, изъ всѣхъ малыхъ государствъ, было первое, которое послужило очагомъ самому рѣзкому радикализму. Опытъ способствовалъ его потушенію. Убійство Коцебу открыло глаза покровителямъ горячки нѣмецкаго юношества, и карлсбадскія конференціи положили конецъ важной роли, которую играла Іена. Баварія, вводя въ себѣ представительную систему, смѣшивая форму преимущественно нѣмецкую провинціальныхъ чиновъ съ порядкомъ вещей, существенно чуждымъ германской почвѣ и духу ея народовъ, причинила зло. Гибельный примѣръ, поданный Баваріею, скоро увлекъ дворы баденскій и гессенскій. Карлсбадскій съѣздъ, обнародованіе его рѣшеній во Франкфуртѣ, особенно же установленіе центральной слѣдственной коммиссіи въ Майнцѣ, нанесли рѣшительный ударъ дѣятельности сектъ, университетскимъ заговорамъ и усиліямъ либерализма вводить всюду представительную систему. Новая эра началась для Германіи съ осени 1819 года. Нравственное содѣйствіе императора всероссійскаго окончательно дастъ средства небольшому числу германскихъ дворовъ возвратиться съ ложной дороги, по которой они до сихъ поръ слѣдовали. Обязанность членовъ великаго союза—указать имъ правый путь; это указаніе станетъ легко съ того дня, когда министры союзниковъ заговорятъ однимъ языкомъ о важныхъ вопросахъ, обозначенныхъ въ настоящемъ мемуарѣ. Учрежденіе слѣдственной коммиссіи оказало существенныя услуги Германіи, устрашая, сбивая съ дороги заговорщиковъ, обрывая нити множества скрытыхъ во мракѣ проектовъ, которые, созрѣвши, могли бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія; новый уставъ университетской полиціи, уничтожая тайныя общества, въ которыя вовлечена была разгоряченная молодежь, возстановилъ порядокъ и спокойствіе, насколько можно было это сдѣлать въ такое бурное время; но нельзя сказать того же о законахъ, которые должны были обуздать злоупотребленія печати. Законъ 1819 года, возлагая на германскія правительства обязанность возстановить мудрую и умѣренную цензуру, обезпечивалъ имъ то, что̀ всего лучше могло содѣйствовать ихъ безопасности и спокойствію. Нѣкоторыя изъ германскихъ правительствъ, не испытавшія до сихъ поръ революціонныхъ потрясеній, задремали среди обманчивой безопасности. Между этими правительствами должно прежде всѣхъ поме-

27*

новать правительство саксонское. Непонятное нерадѣніе, съ которымъ это правительство, вопреки многочисленнымъ представленіямъ, получаемымъ отъ другихъ дворовъ, смотрѣло на вопіющія злоупотребленія печати, было тѣмъ болѣе вредно, что Саксонія принадлежитъ къ тѣмъ германскимъ странамъ, гдѣ больше всего пишутъ и печатаютъ, и что Лейпцигъ служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для книжной нѣмецкой торговли. Зло, причиненное саксонскимъ правительствомъ въ этомъ отношеніи, частію, какъ кажется, вслѣдствіе денежныхъ разсчетовъ, слишкомъ мелкихъ въ подобномъ вопросѣ,—это зло усилилось тѣмъ, что послужило примѣромъ и предлогомъ для мелкихъ государствъ, окружающихъ королевскую Саксонію. Другія правительства, и особенно тѣ, которыя ввели у себя конституцію, руководились, относительно печати, внушеніями страха. Эти правительства думали, что, стѣсняя слишкомъ свободу писателей, они подвергнутся крикамъ, упрекамъ, быть можетъ—протестамъ, чего они боялись гораздо больше, чѣмъ законовъ безсильнаго сейма и неудовольствія государей, соблюдающихъ эти законы. Впрочемъ, существуетъ замѣчательное различіе въ поведеніи дворовъ, находящихся въ этой категоріи. Баварскій дворъ, если не всегда владѣетъ необходимою энергіею, чтобъ дѣйствовать согласно съ своимъ убѣжденіемъ, по крайней мѣрѣ, отличается честностью и благонамѣренностію. Такъ, журналы и брошюры баварскія хотя издаются, нельзя сказать, чтобъ въ хорошемъ духѣ, сохраняютъ, однако, умѣренность, которую надобно приписать единственно личнымъ чувствамъ министра, управляющаго политикою Баваріи. Дѣйствіе цензуры благонамѣренной, хотя боязливой и часто слабой, оказывается даже на редакціи знаменитой «Аугсбургской Газеты». Преданная, вообще, либерализму, хотя и не отвергая сообщеній, дѣлаемыхъ въ противоположномъ смыслѣ, эта газета, странная смѣсь статей всякаго направленія и цвѣта, должна была, по крайней мѣрѣ, поддерживать этотъ характеръ ложнаго нейтралитета, которому обязана отчасти своею репутаціею; но репутацію эту она не заслужила ни чистотою принциповъ, ни достовѣрностію своихъ извѣстій. Идя почти одною дорогою съ баварскимъ правительствомъ, правительство баденское даетъ еще менѣе поводовъ къ жалобамъ. Но въ великомъ герцогствѣ гессенскомъ цензура существовала только по имени. Эта страна наводнена зажигательными памфлетами, и «Майнцская Газета» каждый день обличаетъ въ ничтожествѣ или злонамѣренности правительство, ее терпящее. Наконецъ, въ Германіи есть правительство, по принципу враждебное всякой мѣрѣ, клонящейся къ удержанію потока своеволія. Въ другихъ странахъ нѣмецкихъ,

неутомимые враги мира и общественнаго порядка только терпимы: въ Виртембергѣ они пользуются покровительствомъ, ихъ ласкаютъ и явно поддерживаютъ. Главнымъ арсеналомъ для нихъ служитъ газета, издающаяся въ Штутгартѣ подъ именемъ «Неккарской Газеты».

Такимъ образомъ, Меттернихъ былъ доволенъ, или, по крайней мѣрѣ, объявлялъ себя довольнымъ результатами майнцской слѣдственной коммиссіи и уставомъ университетской полиціи; не былъ доволенъ только слабостью цензуры и считалъ нужнымъ обратить на это вниманіе русскаго императора, взывая къ его нравственному содѣйствію для обращенія германскихъ дворовъ на правый путь. Слѣдовательно, въ то время, какъ Англія хлопотала, чтобъ отклонить императора Александра отъ вмѣшательства въ германскія дѣла, Меттернихъ хлопоталъ о томъ, чтобъ затянуть его въ это вмѣшательство, воспользоваться его могущественнымъ вліяніемъ для сдержанія и подавленія революціонныхъ движеній, неизбѣжныхъ спутниковъ представительныхъ учрежденій. Причины этого различія во взглядахъ лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ ясны: несмотря на всю консервативность тогдашняго торійскаго министерства Англіи, на его отвращеніе, страхъ предъ революціонными движеніями и полное оттого сочувствіе австрійской политикѣ, островное государство все же смотрѣло издали и холодно на внутреннія континентальныя движенія, слѣдствія которыхъ хотя и могли оказать свое вліяніе за проливомъ, но не скоро и не въ такой степени; глядѣть же напряженно впередъ считалось въ англійской политикѣ такъ же неразумнымъ, какъ и вовсе ничего не предусматривать; но понятно, что это отвращеніе отъ соображенія дальнихъ послѣдствій извѣстныхъ движеній, это стремленіе руководиться осязательнымъ фактомъ происходило въ англійской политикѣ отъ островной разобщенности, отъ отсутствія непосредственныхъ соприкосновеній съ континентальною жизнью, отъ происходящей отсюда узкости сферы. Если ближайшее государство увеличиваетъ свои военныя силы, то сейчасъ же забить тревогу и спѣшить усиленіемъ средствъ защиты своего острова — это по-англійски, потому что тутъ дѣло ясное; но соображать возможныя слѣдствія какихъ-нибудь внутреннихъ континентальныхъ движеній, и по этимъ соображеніямъ составлять планы, входить въ союзы, связывать себѣ руки на будущее, подвергаясь риску повредить какому-нибудь ближайшему своему интересу — на это лондонскій кабинетъ не согласится, тѣмъ болѣе, что все это нужно будетъ объяснять въ парламентѣ и выдержать бурю. Такъ и въ описываемое время англійскій кабинетъ обращалъ преимущественное

вниманіе на внѣшнее, близкое и очевидное, оставляя внутреннее, ненаходящееся въ непосредственной связи съ англійскими интересами; внѣшнее, близкое и очевидное было могущественное вліяніе Россіи; слѣдовательно, всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобъ ослаблять это вліяніе, вытѣснять его отовсюду, не давать пускать корней. Задача очень простая; ея рѣшенію чрезвычайно помогаетъ теорія невмѣшательства, хотя нѣтъ правила безъ исключенія: гдѣ интересы Англіи потребуютъ, тамъ можно и вмѣшаться. Рѣзкое различіе въ положеніи Англіи и Австріи условливало различіе взглядовъ, несмотря на симпатію ихъ кабинетовъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Австрія — держава континентальная, нераздѣльная часть европейскаго политическаго организма, подверженная непосредственному вліянію внѣшнихъ и внутреннихъ движеній; притомъ Австрія, несмотря на свои видимые крупные размѣры, была держава крайне слабая по своему внутреннему пестрому составу. Сознаніе этой слабости должно было изощрять вниманіе австрійскихъ государственныхъ людей относительно всѣхъ движеній, внѣшнихъ и внутреннихъ: движеніе, которое могло только поколебать, взволновать временно другое, болѣе сильное государство, могло разрушить Австрію. Внѣшняя опасность прекратилась, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно ослабѣла съ паденіемъ Наполеона; но немедленно явилась другая опасность, внутренняя—революціонныя движенія, которыя, если заразятъ Австрію, могутъ сглодать ея слабое тѣло скорѣе, чѣмъ всякое другое. Отсюда главная забота Меттерниха противодѣйствовать этому революціонному движенію всюду, преимущественно въ странахъ ближайшихъ. Такъ, естественно, должны были порозниться стремленія Англіи и Австріи, изъ которыхъ первая преслѣдовала преимущественно внѣшнее, вторая—внутреннее. Отсюда же и различіе отношеній ихъ къ Россіи. Австріи точно также противно было могущественное вліяніе Россіи: она имѣла еще больше причинъ, чѣмъ Англія, бояться Россіи, особенно по отношенію къ своему славянскому народонаселенію; но вопросъ внѣшней безопасности стоялъ теперь для нея на заднемъ планѣ, а для удовлетворительнаго рѣшенія внутренняго, необходимо было содѣйствіе могущественной Россіи. Господствующее стремленіе Австріи, какъ державы слабой, было стремленіе употреблять чужія силы для своихъ цѣлей, для своего поддержанія. Меттернихъ не боялся усилить вліяніе Россіи на дѣла Европы, если это вліяніе будетъ служить его цѣлямъ, если онъ успѣетъ направить его противъ революціонныхъ движеній; притомъ, сила Россіи и не будетъ опасна, когда ея правительство будетъ занято какимъ-нибудь внутреннимъ европейскимъ вопросомъ и,

противодѣйствуя революціонному движенію, явится съ строго-охранительнымъ характеромъ: Австрія будетъ безопасна и будетъ играть важную роль, какъ разумная сила, направляющая силы матеріальныя для охраненія спокойствія и общественнаго порядка; инщіатива дѣла у нея, а всякое дѣло мастера боится.

Цѣль, разумѣется, не могла быть достигнута вдругъ; она достигалась исподоволь, при содѣйствіи обстоятельствъ. Волненія нѣмецкой школьной молодежи, скоро успокоенныя, и либеральныя статьи «Неккарской Газеты» не могли имѣть важнаго вліянія на направленіе русской политики; но конституціонное дѣло идетъ дурно въ Польшѣ, не по мысли государя, давшаго конституцію; Франція сильно волнуется, скоро взволнуются Испанія, Италія...

Мы оставили Францію въ опасномъ положеніи, когда слабое правительство, не съумѣвъ сдержать своихъ естественныхъ защитниковъ, разорвало съ ними и стало опираться на либераловъ; но за либералами, которые были рады поддерживать конституціонный тронъ Бурбоновъ, стояли люди изъ другихъ лагерей—республиканцы, бонапартисты, которые сначала всѣ смѣшались въ общей оппозиціи крайнимъ роялистамъ, всѣ одинаково привѣтствовали правительство, разорвавшее съ послѣдними; всѣ казались одинаково ему преданными; но потомъ, когда поднялись и стали на ноги, опираясь на руку, протянутую имъ правительствомъ, то распустили свои знамена и стали дѣйствовать противъ правительства, которое, стремясь себя *популяризировать* и *націонализировать*, разнуздывало ихъ все болѣе и болѣе; сюда присоединялась новость конституціоннаго дѣла во Франціи и страсть французовъ къ игрѣ въ оппозицію; сюда присоединялось и то, что либеральные приверженцы Бурбоновъ ослаблялись тревогою относительно скораго будущаго, когда тронъ долженъ будетъ перейти къ принцу, явно стоявшему въ челѣ крайнихъ роялистовъ. Думали, что рѣшеніе Ахенскаго конгресса, очищеніе Франціи отъ иностранныхъ войскъ, освобожденіе ея отъ опеки союзниковъ, послужатъ средствомъ къ *популяризированію* и *націонализированію* правительства, особенно къ популяризированію герцога Ришелье, которому, послѣ императора Александра, Франція преимущественно была обязана за ахенскія рѣшенія. Но вышло иначе, и Ришелье не долго пробылъ министромъ по возвращеніи изъ Ахена. Ришелье понималъ опасность шага, какой сдѣлало правительство, разрывая съ ультра-роялистами и сближаясь съ либералами; видѣлъ и слѣдствія этого шага — усиленное движеніе въ рядахъ враговъ династіи, жаловался, протестовалъ, требовалъ, чтобъ не очень отдалялись отъ

правой стороны, не очень враждебно относились къ ней и не очень потворствовали лѣвой; но все это были слова, а не дѣло, для котораго, какъ въ высшей степени труднаго, у Ришельё не было средствъ; бо́льшими способностями къ дѣлу, бо́льшею энергіею отличался министръ полиціи Деказъ, который владѣлъ полною довѣренностью и волею короля; но мы уже видѣли, по какой дорогѣ пошелъ Деказъ. Ришельё не нравилась эта дорога, и, чувствуя разладъ между собственными взглядами и взглядами товарищей, Ришельё тяготился своимъ положеніемъ и желалъ выдти въ отставку по окончаніи того дѣла, которое считалъ своимъ призваніемъ—дѣла очищенія Франціи отъ иностраннаго войска; но императоръ Александръ уговорилъ его остаться, причемъ опирался также и на желаніе короля Людовика XVIII.

Въ Ахенѣ Ришельё еще болѣе былъ обезпокоенъ на-счетъ ложнаго пути, которымъ слѣдовало правительство, ибо государи и министры ихъ въ одинъ голосъ указывали ему на опасное положеніе Франціи. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній, Ришельё писалъ изъ Ахена въ Парижъ сильныя письма, возбуждая товарищей къ наступательному движенію противъ ультра-либераловъ: «Время либеральныхъ уступокъ прошло; мы сдѣлали ихъ довольно и все понапрасну: обратили ли мы хотя одного изъ этихъ негодяевъ? Схватимся, наконецъ, съ нашими настоящими врагами! Мы побили правое крыло, теперь соединимъ наши силы противъ лѣваго крыла, гораздо болѣе страшнаго по сильнымъ резервамъ, которые сзади его». Но Деказъ не раздѣлялъ воинственнаго настроенія главы кабинета: съ правымъ крыломъ онъ покончилъ безвозвратно, а лѣвое бить боялся, чтобъ не остаться совершенно безъ помощи. Что́ намъ пріятно и легко, то обыкновенно кажется разумнымъ и необходимымъ; такъ и Деказу—единственно разумнымъ и необходимымъ казалось популяризировать и націонализировать правительство посредствомъ сближенія съ либералами: это была его система; самолюбіе требовало ея поддержанія, и на воинственныя выходки стараго Ришельё молодой Деказъ отвѣчаетъ представленіями о необходимости дѣйствовать обдуманно, осторожно, не пугаясь, не торопясь,—совѣты, которые, смотря по человѣку, иногда обличаютъ опытность и мудрость, а иногда—безсиліе, робость, неспособность къ мѣрамъ рѣшительнымъ. По возвращеніи Ришельё изъ Ахена, глава кабинета все болѣе и болѣе расходился съ министромъ полиціи: Ришельё настаивалъ на необходимости сближенія съ правой стороной, Деказъ держался крѣпко стороны *популярной*, остальные министры дѣлились между ними. Съ такимъ раздвоеніемъ кабинетъ существовать не могъ. Безпокойство овладѣло всѣми, ибо

всѣ интересы были затронуты; биржевой барометръ то опускался, то поднимался въ самое короткое время. Ришельё, больной нервами отъ страшнаго безпокойства, лишившійся сна, подалъ въ отставку; упрашиваемый королемъ не покидать его, угрожаемый, что, въ случаѣ выхода его изъ министерства, король долженъ призвать на его мѣсто Талейрана, онъ соглашался на одномъ непремѣнномъ условіи, чтобъ Деказъ вышелъ изъ министерства. Людовикъ XVIII расплакался, но рѣшился принести эту жертву. Ришельё началъ составлять новый кабинетъ, и никакъ не могъ сладить съ этимъ дѣломъ: тутъ онъ представилъ королю невозможность для себя оставаться долѣе министромъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ, что нѣтъ никакой необходимости призывать и Талейрана. Начали искать, кого бы назначить главою кабинета, и нашли генерала Дессоля, человѣка не безъ способностей, уживчиваго, монархиста и либерала, лично извѣстнаго и пріятнаго императору Александру; послѣднее обстоятельство было очень важно, ибо знали, какъ дурно будетъ принято въ Петербургѣ извѣстіе о выходѣ герцога Ришельё изъ министерства. Дессоль принялъ предложеніе безъ всякаго затрудненія, и, съ своей стороны, предложилъ Деказу остаться въ министерствѣ; тотъ объявилъ, что никакъ на это не согласится, если король не прикажетъ; король, разумѣется, приказалъ. Деказъ сталъ членомъ новаго кабинета съ портфелемъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто полиціи: 30-го декабря 1818 года, публика узнала о новомъ кабинетѣ, въ которомъ самымъ виднымъ членомъ былъ не президентъ Дессоль, но министръ внутреннихъ дѣлъ—Деказъ.

Выходъ Ришельё, стремившагося къ сближенію съ правою стороною, и образованіе новаго министерства съ Деказомъ, стремившимся къ популяризированію и націонализированію правительства, были торжествомъ либеральной партіи. Но это торжество, это упроченіе системы, противъ которой высказались четыре главныя державы, не могло не встревожить ихъ представителей въ Парижѣ; изъ нихъ одинъ только былъ радъ перемѣнѣ — англійскій посланникъ Стюартъ, который въ выходѣ Ришельё изъ министерства видѣлъ конецъ русскому вліянію. Стюартъ не умѣлъ скрыть своего восторга и бросился къ новому министерству съ распростертыми объятіями, надѣясь получить при немъ то же значеніе, какое Поццо-ди-Борго имѣлъ во время министерства Ришельё. Русскій, австрійскій и прусскій посланники имѣли причину тревожиться: военное министерство осталось за маршаломъ Гувіономъ С.-Сиромъ, который находился подъ явнымъ вліяніемъ бонапартистовъ и демократовъ. Хранитель печати (министръ юстиціи) Десерръ, человѣкъ съ

блестящими талантами, но увлекающійся и страстный, сильно тянулся къ лѣвой сторонѣ—и вслѣдствіе недавней ожесточенной борьбы своей съ правою, и вслѣдствіе особенной дружбы своей съ учеными представителями либеральной партіи или такъназываемыми доктринёрами. Глава кабинета, маркизъ Дессоль, повидимому, такой умѣренный, уживчивый со всѣми, не имѣлъ яснаго сознанія своего положенія и положенія страны, не былъ самостоятеленъ и постоянно подчинялся вліянію людей, болѣе сильныхъ нравственными средствами; общество наполеоновскихъ генераловъ, которымъ онъ былъ всегда окруженъ, также не оставалось безъ вліянія на его образъ мыслей. Три континентальныя союзныя державы—Россія, Австрія и Пруссія, сочли нужнымъ прибѣгнуть къ вмѣшательству; предлагалось возобновить прежнія конференціи посланниковъ четырехъ союзныхъ дворовъ въ Парижѣ, какъ то было до Ахенскаго конгресса, представить французскому правительству о необходимости уволить военнаго министра С.-Сира, или, вообще, сдѣлать коллективное предложеніе французскому правительству о необходимости перемѣнить систему. Но Англія и тутъ выставила неодолимое сопротивленіе. Лордъ Касльри объявилъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, Эстергази, что государство не имѣетъ никакого права наблюдать за ходомъ внутреннихъ дѣлъ въ другомъ государствѣ; революціонеры воспользуются этимъ, чтобъ начать еще сильнѣе кричать противъ правительства и даже предпринять что-нибудь поважнѣе. Касльри высказалъ при этомъ, что даже изгнаніе Бурбоновъ онъ не считаетъ поводомъ къ вмѣшательству, и четверной союзъ противъ Франціи примѣнителенъ только къ слѣдующимъ предположеніямъ: 1) нападеніе со стороны Франціи; 2) неминуемая опасность для Европы вслѣдствіе внутренняго состоянія Франціи; 3) возвращеніе Наполеона. Англійскому посланнику въ Вѣнѣ Касльри писалъ: «Министры принца-регента видятъ ясно ошибки французскаго правительства, видятъ ясно опасности, которыя могутъ, рано или поздно, проистечь для Европы отъ внутреннихъ волненій этой страны, и отъ опасныхъ замысловъ, питаемыхъ здѣсь нѣкоторыми партіями; но англійскій кабинетъ всегда сомнѣвался и теперь сомнѣвается: можетъ ли вмѣшательство со стороны союзниковъ служить къ предотвращенію опасности? Если бы король французскій или министры его, среди запутанностей и затрудненій, съ которыми безпрестанно борятся, могли по своему произволу направлять ходъ дѣлъ, тогда лондонскій кабинетъ согласился бы съ петербургскимъ, что торжественное заявленіе серьёзныхъ тревогъ, которыми объяты союзные дворы, могло быть полезно; но намъ всегда казалось,

что препятствія, которыя во Франціи встрѣчаетъ установленіе мудраго и твердаго правительства, происходятъ отъ другихъ причинъ, а не отъ отсутствія добрыхъ намѣреній или частныхъ расположеній королевскихъ министровъ. Эти препятствія британское правительство находитъ болѣе въ продолжительныхъ слѣдствіяхъ революціи, въ настоящемъ составѣ законодательной власти, въ новости для Франціи представительной системы. Трудность, при такихъ условіяхъ, вести дѣла посредствомъ министра, посредствомъ партіи какой-нибудь, или посредствомъ слiянія партій,— эта трудность недостаточно признается и оцѣнивается; наконецъ, эти препятствія заключаются, бо̀льшею частію, въ избирательномъ и рекрутскомъ законахъ, бывшихъ слѣдствіемъ уступки желаніямъ арміи и народа; законы эти изданы, безъ сомнѣнія, съ самыми чистыми намѣреніями, но они не перестаютъ явственнымъ образомъ обезсиливать власть короля, и, къ несчастію, ихъ гораздо легче было издать, чѣмъ теперь измѣнить. Министры принца-регента убѣждены, что вмѣшательство иностранныхъ державъ только усилитъ опасности положенія». Русскому посланнику Касльри говорилъ: «Франція заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе сѣменъ демократіи, чѣмъ Англія. Послѣдніе выборы дали тому доказательство. Это расположеніе сдѣлаетъ ее жадною ко всякому предлогу мятежа; ея первыя усилія будутъ направлены къ тому, чтобъ уничтожить тронъ, который мы хотимъ защищать, и первый предлогъ къ тому—вліяніе иностранныхъ правительствъ на французское. Политическая система Европы измѣнилась сильно съ 1815 года. Введеніе конституціи въ Германіи и Бельгіи, общее либеральное стремленіе возбудили въ сосѣднихъ странахъ сильное сочувствіе къ Франціи; подданные теперь не пойдутъ за правительствами противъ нея. Правительства не водятъ болѣе народы на войну, не сказавъ имъ напередъ, за что̀ они будутъ биться. Только причина законная и очевидная можетъ теперь оправдать призывъ къ оружію».

Такимъ образомъ, и по французскимъ дѣламъ, какъ и по германскимъ, вопросъ о вмѣшательствѣ былъ рѣшенъ отрицательно. Но скоро поднимутся бури съ юга, и опять будетъ поставленъ роковой вопросъ.

V.

Троппау. — Лайбахъ.

Революціонное броженіе видимо обходило Европу; затихало движеніе въ Германіи, — начиналось на южныхъ полуостровахъ, и здѣсь шло въ извѣстномъ порядкѣ: сначала обнаружилось на Пиренейскомъ, потомъ на Апеннинскомъ, наконецъ — на Балканскомъ.

Съ 1820 года, Испанія вступаетъ въ свой революціонный періодъ, періодъ долгій и тяжелый по условіямъ государственной и общественной жизни страны, по условіямъ историческаго воспитанія, полученнаго народомъ. Въ средніе вѣка, главное явленіе исторической жизни народовъ Пиренейскаго полуострова заключалось въ борьбѣ, которую они вели съ магометанскими завоевателями, аравитянами. Борьба эта поглощала всѣ другіе интересы жизни; народъ запечатлѣлся рыцарскимъ характеромъ; онъ жилъ въ постоянномъ крестовомъ походѣ; религіозный интересъ, въ борьбѣ съ невѣрными, стоялъ на первомъ планѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ, жители Пиренейскаго полуострова составили изъ себя населеніе преимущественно съ военнымъ и духовнымъ характеромъ: это былъ народъ рыцарей, дворянъ, борцовъ за христіанство противъ невѣрныхъ, и — народъ монаховъ. Въ этомъ постоянномъ крестовомъ походѣ, увѣнчавшемся, къ концу XV вѣка, блестящимъ успѣхомъ, развились силы, требовавшія выхода. Португальцы и испанцы бросились на открытія; но дѣятельность ихъ въ новооткрытыхъ странахъ была продолженіемъ того же крестоваго похода противъ невѣрныхъ; цѣлію подвиговъ и завоеваній было распространеніе христіанства. Скоро, для испанцевъ и въ Европѣ нашлась дѣятельность по нимъ, походъ подъ религіознымъ знаменемъ, борьба съ протестантиз-

момъ. Главные герои Испаніи въ этой борьбѣ — Лойола и Филиппъ II-й. Въ 1521 году, когда на Вормскомъ сеймѣ нѣмецкій монахъ Лютеръ рѣшительно объявилъ, что не отречется отъ своихъ мнѣній относительно римской церкви, — молодой испанецъ Лойола, лечившійся отъ ранъ, полученныхъ въ войнѣ съ французами, воспламенялся житіями святыхъ, подвигами героевъ христіанства. Лойола основалъ знаменитый орденъ, въ которомъ католицизмъ получилъ превосходное войско для наступательнаго движенія, людей, отлично приготовленныхъ для нравственной ловли другихъ людей; всѣ способности іезуита были изощрены именно для захвата добычи. Но одною нравственною ловлею дѣло не ограничивалось: Испанія дала римской церкви не одного Лойолу, — она дала ей Филиппа II-го и герцога Альбу. Испанія начала блестящую роль въ Европѣ съ того времени, когда ея король Карлъ I-й сдѣлался императоромъ Карломъ V-мъ; но Карлъ V-й не былъ представителемъ испанскаго народа въ Европѣ. Знаменитый императоръ, котораго дѣятельность обхватывала всю Европу, котораго присутствіе нужно было и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Нидерландахъ, оставался иностранцемъ для Испаніи; только при концѣ жизни испанскія наклонности какъ будто пробудились во внукѣ Фердинанда и Изабеллы: онъ удалился въ Испанію и умеръ въ монастырѣ. Карлъ V не былъ цѣльнымъ испанцемъ: онъ принадлежалъ къ двумъ или тремъ національностямъ, и уже по одному этому взглядъ его былъ шире, дѣятельность свободнѣе; эта широта и свобода развились при его обширной многосторонней дѣятельности; притомъ, Карлъ воспитался въ эпоху сильнаго движенія, сильнаго неудовольствія противъ римской церкви, и этимъ объясняются отношенія его къ протестантизму, возможность интерима, возможность сдѣлокъ. Но Филиппъ II принадлежалъ уже другому времени, тому времени, когда крайности и рознь въ протестантизмѣ оттолкнули отъ него религіозныхъ людей, заставили ихъ искать болѣе твердой почвы, чрезъ что была вызвана католическая реакція: представителемъ этой реакціи и былъ Филиппъ II-й. Притомъ, по природѣ и воспитанію своему, Филиппъ былъ соотечественникъ Лойолы, былъ цѣльный испанецъ. Зная предшествовавшую исторію Испаніи, зная, какое значеніе имѣла здѣсь религія, церковь, мы поймемъ, почему Испанія должна была играть главную роль при католической реакціи, почему она выставила Лойолу и Филиппа II. И тотъ, и другой, въ разныхъ положеніяхъ, задали себѣ одну задачу: возстановить господство единой римской церкви, уничтожить ересь. Филиппъ не разъѣзжалъ по Европѣ, подобно отцу своему, не предпринималъ и по-

ходовъ въ Африку: онъ велъ неподвижную жизнь въ Испаніи; отъ этого горизонтъ его необходимо съуживался; вокругъ—однообразіе и мертвая тишина, и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ королемъ одна мысль, недопускающая ни малѣйшаго уклоненія, никакой сдѣлки. Филиппъ не чувствуетъ разнообразія, онъ не пойметъ, не признаетъ никогда правъ его. Филиппъ неподвиженъ въ своемъ кабинетѣ, но тѣмъ сильнѣе работаетъ голова человѣка съ энергическою природою; онъ хочетъ все знать, всѣмъ управлять. Борясь неуклонно, неутомимо съ ересью за единство церкви, Филиппъ продолжаетъ народную религіозную борьбу, которою знаменуется исторія Испаніи, и народъ видитъ въ немъ *своего*. Филиппъ II уничтожилъ начатки протестантизма, показавшіеся-было въ Испаніи; запылали костры и «лютеранская язва» исчезла изъ католической страны. Отличаясь особенною ревностью въ истребленіи «лютеранской язвы» и въ борьбѣ съ мусульманами въ сѣверной Африкѣ и на Средиземномъ морѣ, испанцы, понятно, не могли уживаться въ ладу съ маврами, остававшимися среди нихъ по уничтоженіи мусульманскаго государства на югѣ Испаніи. Кромѣ вражды религіозной, испанцы считали мавровъ своими заклятыми врагами, врагами домашними и тѣмъ болѣе опасными, особенно опасными въ то время, когда турецкое могущество висѣло грозною тучею надъ Европою. Испанія не могла переварить этого отдѣльнаго и враждебнаго народа среди своего народа, «народа въ народѣ», и мавры были изгнаны. Испанія покончила съ маврами у себя; въ Европѣ она являлась первенствующею державою; глаза всѣхъ католиковъ были постоянно обращены на нее, какъ на главную защитницу церкви; протестанты боялись Испаніи больше всего, и нельзя было не бояться перваго, по своей храбрости и искусству, войска въ Европѣ, которымъ постоянно предводительствовали знаменитѣйшіе полководцы. Славолюбіе рыцарскаго народа было удовлетворено; роль его обозначилась и въ томъ, что испанскія моды господствовали при дворахъ европейскихъ. Знаменитой роли соотвѣтствовало сильное литературное движеніе, самостоятельное, передовое, которымъ воспользовались народы, такъ сильно враждовавшіе съ Испаніею — англичане и французы. Сильно развивалась испанская жизнь, но развивалась односторонне. Народъ воиновъ, рыцарей, могъ бы въ древности покорить многіе народы, основать всемірную монархію; но въ новой Европѣ онъ долженъ былъ вести войны съ сильными народами, съ сильными союзами государствъ, долженъ былъ истощать свои силы въ продолжительной, далекой, славной, но безполезной для могущества страны борьбѣ, въ борьбѣ, преимущественно, за принципъ, за ка-

толицизмъ противъ ереси. И когда религіозное движеніе въ Европѣ затихло, Испанія, по необходимости, отъиграла свою роль, сошла съ исторической сцены, ибо ей нечего было больше дѣлать въ Европѣ, не за что бороться, а между тѣмъ, въ другихъ условіяхъ, которыя поддержали бы ея историческую жизнь, оказался сильный недочетъ: развитіе было одностороннее; испанцы были народъ воиновъ и монаховъ; промышленность, торговля были занятіями не національными, были въ упадкѣ; матеріальныя средства истощились въ долгой борьбѣ, истощились финансы, истощилось народонаселеніе: много его погибло въ войнахъ по разнымъ концамъ Европы, еще больше ушло въ Новый Свѣтъ; маврисхи изгнаны. Вслѣдствіе этихъ условій, испанцы явились неготовыми къ продолженію дѣятельной исторической жизни. Старое, чѣмъ такъ долго жилось, оказалось несостоятельнымъ, ненужнымъ, и потому страннымъ и смѣшнымъ, какъ все старомодное; знаменитѣйшее произведеніе испанской литературы, «Донъ-Кихотъ», представлялъ насмѣшку надъ рыцарствомъ, насмѣшку надъ основнымъ явленіемъ испанской національной жизни: стало быть, это явленіе изжилось. Старое изжилось, а новаго не было на-готовѣ, и народъ не зналъ, что дѣлать, погрузился въ продолжительный сонъ,—естественное состояніе послѣ долгой и изнурительной дѣятельности, изнурительной, потому что односторонней, ибо только разнообразіе занятій, широта сферы поддерживаютъ силы и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ народовъ; однообразіе же справедливо носитъ постоянное названіе мертвеннаго.

Война за наслѣдство испанскаго престола пробудила народный духъ, народныя силы, и съ этого времени въ Испаніи начинается движеніе, выражавшееся въ преобразовательныхъ попыткахъ, которыхъ нельзя приписывать только перемѣнѣ династіи и дѣятельности министровъ изъ иностранцевъ. Съ іезуитами поступлено было точно такъ же, какъ прежде съ маврисками: 5,000 членовъ ордена были схвачены и вывезены изъ Испаніи; вмѣсто нихъ, вызваны были нѣмецкіе колонисты-протестанты: это уже указывало общее направленіе преобразованій. Но, по извѣстному закону, всякая новизна встрѣчаетъ сопротивленіе въ старомъ. Сила этого сопротивленія зависитъ отъ того, какъ глубоко старина пустила свои корни, тронуты или не тронуты еще они въ глубинѣ народнаго духа, измѣнились ли, и въ какой степени измѣнились условія, укоренившія старый порядокъ вещей; наконецъ, преобразователи имѣютъ ли достаточно личныхъ средствъ для успѣшнаго веденія своего дѣла? Старина въ Испаніи была укоренена долгимъ застоемъ, отсутствіемъ правильнаго, постепеннаго и самостоятельнаго движенія; старина была свое, освящен-

ное; новизна была чужое, извнѣ пришедшее; борьба и борьба продолжительная, упорная была необходима, тѣмъ болѣе, что знамена были подняты, а вождей искусныхъ, опытныхъ и сильныхъ недоставало. На сѣверѣ отъ Пиренеевъ—страшная революція, смѣненная могущественною имперіею, — опасное сосѣдство для Испаніи, носившей, по-прежнему, всѣ признаки государственнаго истощенія. Въ 1808 году, гроза разразилась; но сверженіе стараго королевскаго дома и возведеніе новаго короля, по волѣ чужого деспота, пробудили силы испанскаго народа. Страна была очищена отъ незванныхъ гостей; но это движеніе, это пробужденіе народныхъ силъ не могло остаться безслѣднымъ. Повидимому, всѣ части испанскаго народонаселенія дѣйствовали дружно въ борьбѣ съ французами, имѣли одну цѣль—возстановленіе независимости и самостоятельности родной страны; несмотря на то, тутъ были два знамени: масса билась за свое, привычное—противъ новаго и чужого; а народные представители, взявши старое названіе кортесовъ, провозглашали въ Кадиксѣ, въ 1812 г., новую крайне-либеральную конституцію, составленную по чужому образцу, и своими крайностями доказывавшую незрѣлость своихъ виновниковъ и приверженцевъ. По окончаніи общаго дѣла, различіе знаменъ ясно обозначилось и возвѣстило продолженіе борьбы между старымъ и новымъ,—борьбы, начавшейся во второй половинѣ XVIII вѣка. Возвращенный изъ французскаго плѣна, король Фердинандъ VII сталъ подъ старое знамя безъ всякой сдѣлки съ новымъ, до того, что съ уничтоженіемъ новой либеральной конституціи возстановлена была старая инквизиція. Гоненіе постигло не только всѣхъ *офранцуженныхъ* (afrancesados), т.-е. приверженцевъ короля Іосифа Бонапарте, занимавшихъ при немъ какія-нибудь должности, но и вожаковъ и приверженцевъ кортесовъ, людей, получившихъ знаменитость въ войнѣ за освобожденіе, но нехотѣвшихъ возстановленія стараго порядка. Гоненія сдавили на время приверженцевъ новаго, но не уничтожили ихъ, не уничтожили духа и направленія, уже принявшагося въ Испаніи въ XVIII вѣкѣ и развившагося съ 1808 года, направленія незрѣлаго, выражавшагося порывисто и странно, скачками, какъ обыкновенно бываетъ при условіяхъ новизны и незрѣлости, но тѣмъ не менѣе, направленія принявшагося; это была уже не «лютеранская язва» XVI вѣка, для которой почва Испаніи была такъ мало приготовлена и съ которою, потому, легко было бороться. Сжатое правительственною силою и силою большинства, новое, преобразовательное направленіе притаилось на время и начало подземную работу посредствомъ тайныхъ масонскихъ обществъ, посредствомъ заговоровъ; а у правительства, кромѣ внѣш-

ней матеріальной силы, не было другого средства въ борьбѣ: неспособный король былъ окруженъ людьми неспособными; онъ безпрестанно мѣнялъ министровъ, но смѣна одной бездарности другою не поправляла дѣла, государственная машина была въ полномъ разстройствѣ, и тѣмъ давалось оправданіе людямъ, стремившимся къ преобразованіямъ. Въ 1820 году, эти люди нашли и матеріальную поддержку, возможность дѣйствовать посредствомъ войска. Мы видѣли, что въ Германіи революціонное движеніе приливало, преимущественно, къ университетамъ, потому-что, при сильномъ развитіи образованія и при отсутствіи политической дѣятельности, это было самое чувствительное мѣсто. Но на южныхъ полуостровахъ Европы, Пиренейскомъ и Апеннинскомъ, университеты далеко не могли имѣть такого значенія, какое они имѣли въ Германіи, и здѣсь революціонное движеніе, созрѣвая въ тайныхъ обществахъ, начало приливать къ вооруженной силѣ, къ войску. Къ 1820 году, въ Испаніи войско было собрано въ Кадиксѣ, откуда должно было отправиться въ Америку, для подавленія возстанія въ колоніяхъ. Отдаленность экспедиціи и мысль, что надобно будетъ сражаться съ своими, возбуждали сильное неудовольствіе въ войскѣ, которое находилось и безъ того уже въ опасномъ бездѣйствіи по недостатку денегъ и средствъ къ перевозкѣ, и все это на революціонной почвѣ Кадикса. Вдругъ узнаютъ, что командующій войскомъ генералъ Одоннелль открылъ большой заговоръ, арестовалъ много офицеровъ, обезоружилъ и удалилъ тысячи солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ, другой слухъ, что самъ Одоннелль былъ главнымъ двигателемъ заговора, что онъ отставленъ; но войско все стоитъ у Кадикса. 1-го января 1820 г., въ немъ вспыхиваетъ возстаніе; предводители — полковникъ Квирога и подполковникъ Ріего — провозглашаютъ конституцію 1812 года. Войска, высланныя правительствомъ противъ возставшихъ, дѣйствуютъ медленно, ибо предводители боятся дурного духа между солдатами. Уже другой мѣсяцъ идетъ борьба; по Европѣ распространяются противорѣчивые слухи: то мятежники доведены до крайности, то торжествуютъ. И то и другое — правда: въ то время, какъ возстаніе слабѣетъ на югѣ, оно вспыхиваетъ на сѣверѣ: въ Коруньѣ, въ Галиціи, генералъ-капитанъ свергнутъ, и учреждается юнта, которая провозглашаетъ конституцію 1812 года. Движеніе распространяется по всей Галиціи; въ Наваррѣ за революцію дѣйствуетъ знаменитый партизанскій вождь Мина, скрывавшійся до сихъ поръ во Франціи. Аррагонія, Каталонія сильно волнуются. Въ Мадридѣ ужасъ. Экстраординарный государственный совѣтъ нѣсколько дней разсуждаетъ о мѣрахъ, какія надобно принять въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но

несостоятельность правительства рѣзко обнаруживается въ ужасѣ, въ безплодныхъ совѣщаніяхъ, въ полумѣрахъ и колебаніяхъ. Главный вопросъ: кого назначить начальникомъ войска для усмиренія возстанія? Нѣтъ человѣка! Король, извѣстный своею подозрительностью, поручаетъ спасти свою власть человѣку, котораго незадолго передъ тѣмъ, какъ подозрительнаго, отрѣшили отъ начальства надъ войскомъ—Одоннелю! 3-го марта, Одоннелль выступилъ изъ Мадрида, и на другой же день перешелъ на сторону революціонеровъ и провозгласилъ конституцію. При извѣстіи, что правительство уже не можетъ разсчитывать на войско, Мадридъ начинаетъ волноваться, и, 7-го марта, король объявляетъ о немедленномъ созваніи кортесовъ, обѣщаетъ дѣлать все, что требуетъ интересъ государства и благо народовъ, представлявшихъ ему столько доказательствъ вѣрности. Но вожаки революціи не хотятъ дожидаться кортесовъ, хотятъ пользоваться благопріятною минутою, и толпы народа кричатъ передъ дворцомъ, требуютъ конституціи 1812 года. Правительство уступаетъ, и Фердинандъ VII клянется быть вѣрнымъ конституціи 1812 года. Инквизиція упраздняется, объявляется свобода печати, амнистія за всѣ политическія преступленія, и общественныя должности переходятъ въ руки либераловъ, гонимыхъ съ 1814 года.

Какъ же взглянули на этотъ переворотъ европейскіе кабинеты, уже напуганные революціонными движеніями въ Германіи и все болѣе и болѣе обезпокоиваемые насчетъ Франціи? Въ Вѣнѣ боялись уже давно, привыкли бояться, привыкли предусматривать, пророчить страшныя событія, предостерегать другихъ и принимать мѣры предосторожности, потому въ Вѣнѣ относились спокойнѣе къ революціоннымъ движеніямъ, какъ къ давно ожидаемымъ. Но въ Берлинѣ испугались недавно, и потому не могли еще придти въ себя отъ страха, били сильную тревогу, тѣмъ болѣе, что держава, за которую привыкли держаться, какъ ребенокъ держится за платье матери, Россія не входила, какъ желалось, въ виды берлинскаго кабинета относительно революціонныхъ страховъ: въ половинѣ съ графомъ Нессельроде иностранными дѣлами при императорѣ Александрѣ завѣдывалъ человѣкъ, котораго при германскихъ дворахъ величали *корифеемъ либерализма*—Каподистрія. Его вліянію приписывали то, что относительно германскихъ распоряженій императоръ Александръ говорилъ языкомъ неопредѣленнымъ, иногда темнымъ, и отвращеніе слѣдствій этой неопредѣленности приписывали только объявленію англійскаго кабинета, что не должно вмѣшиваться въ германскія дѣла, какъ внутреннія. «Каподистрія,—писалъ Генцъ,—съ своимъ обширнымъ умомъ, съ почтенными принципами, съ

любовію къ добру въ полномъ смыслѣ слова, давно уже впалъ въ гибельное заблужденіе, что двѣ противоположныя системы, борьба которыхъ виною всѣхъ несчастій времени, могутъ быть примирены въ какой-то химерической средѣ, и что поддержаніе порядка совмѣстно съ господствомъ либеральныхъ идей. Съ сердцемъ нѣжнымъ и любящимъ, этотъ министръ подверженъ слабостямъ, происходящимъ отъ продолжительныхъ страданій физическихъ. Онъ щекотливъ, подозрителенъ, склоненъ видѣть вездѣ дурную сторону, меланхолія доводитъ его до мизантропіи. Онъ не любитъ вѣнскаго кабинета, особенно не любитъ князя Меттерниха, не любитъ также Пруссіи, немного помирился съ англійскими министрами, не уважаетъ государственныхъ людей Франціи, коротко сказать: не желая зла никому, онъ во враждѣ съ цѣлымъ свѣтомъ». Стремленіе къ примиренію противоположныхъ системъ приписывалось Каподистріи!

При дворахъ, испуганныхъ испанскою революціею, прежде всего досталось Фердинанду VII-му: «Всѣ эти ужасныя событія могли быть въ Испаніи предупреждены гораздо легче, чѣмъ во всякой другой странѣ, если бы король, постоянно окруженный дурными совѣтниками, въ продолженіи шести лѣтъ не дѣлалъ ошибки за ошибкою, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ. И теперь всѣ эти ошибки увѣнчаны самою громадною: лучше бы ему было подвергнуться всевозможнымъ бѣдствіямъ, чѣмъ принять безусловно такую безумную конституцію. Въ ожиданіи выборовъ новыхъ кортесовъ, король будетъ совершенно въ рукахъ военныхъ вождей революціи. Армія потребуетъ вознагражденія за услуги, оказанныя ею отечеству, не удовлетворится тѣмъ, что̀ кортесы будутъ въ состояніи и захотятъ для нея сдѣлать. Она возстанетъ противъ кортесовъ, которые, найдя въ своей средѣ всѣ сѣмена раздоровъ, предадутъ Испанію въ жертву анархіи и военнаго деспотизма». Въ Россіи, кажется, будутъ смотрѣть удовлетворительно на дѣло; но что̀ скажетъ Англія съ своимъ принципомъ невмѣшательства? Гарденбергъ обращается къ Кэсльри: «Событія, происшедшія въ Испаніи, могутъ быть крайне опасны для спокойствія Европы. Примѣръ арміи, производящей революцію,—гибельный. Петербургскій дворъ, не зная еще окончательныхъ слѣдствій возстанія, счелъ необходимымъ согласиться сообща въ мѣрахъ, какія должны быть приняты относительно Испаніи, и пригласить къ общему совѣщанію Францію, которая тутъ вдвойнѣ заинтересована. Петербургскій дворъ предлагаетъ воспользоваться для этого парижскими конференціями, открытыми для посредничества между Испаніею и Португаліею. Я считаю эту идею чрезвычайно благоразумною. Мы

готовы согласиться на всякую полезную мѣру. Мы все надѣемся, что французскія дѣла примутъ благопріятный оборотъ, если только не подѣйствуетъ вредно примѣръ Испаніи. Людовикъ XIV говорилъ: «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ!» «Какъ было бы хорошо, еслибъ теперь эти горы стали границею непроходимою!»

Новый страхъ: разнесся слухъ, что англійское посольство въ Мадридѣ принимало участіе въ произведеніи революціи. Слухъ впослѣдствіи оказался неосновательнымъ; тѣмъ не менѣе, Англія и по поводу испанскихъ дѣлъ высказалась также рѣзко въ пользу невмѣшательства. На вызовъ со стороны французскаго двора, лордъ Касльри отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, державы должны ограничиться простымъ наблюденіемъ, и что Франція и Англія, какъ наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ, могутъ, впослѣдствіи, войти въ соглашенія, если обстоятельства заставятъ ихъ принять роль болѣе дѣятельную. При другихъ дворахъ, англійское министерство повторяло, что вмѣшательство во внутреннія дѣла чужой страны можетъ быть оправдано только прямою опасностью, которою эти внутреннія дѣла грозятъ вмѣшивающемуся государству; но такая опасность не грозитъ никому со стороны Испаніи; притомъ, самый характеръ испанскаго народа неудобенъ для вмѣшательства, которое будетъ одинаково опасно и для державы вмѣшавшейся и для короля, въ пользу котораго она вмѣшается. Англійское министерство тѣмъ болѣе должно было настаивать на невмѣшательствѣ, что извѣстіе объ испанской революціи было принято съ восторгомъ въ Англіи.

Австрія и Пруссія, видя отпоръ со стороны Англіи, успокоились; одна Россія считала нужнымъ, чтобъ Европа высказалась насчетъ событія, и этимъ дала нравственную опору умѣренно-либеральной партіи въ Испаніи противъ революціонеровъ и солдатъ. Фердинандъ VII, по обычаю, извѣстилъ всѣ дворы о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ испанскаго правительства. Приверженцамъ этой перемѣны въ Испаніи очень важно было знать мнѣніе о ней могущественнѣйшаго изъ государей Европы; они надѣялись получить опору въ одобреніи русскаго императора. Зеа Бермудесъ, испанскій посланникъ въ Петербургѣ, зналъ, что здѣсь недовольны и крайностями конституціи 1812 года, и способомъ, какъ она вытребована у короля, и потому придумалъ средство вынудить у петербургскаго двора одобреніе конституціи, показавъ ему, что иначе онъ впадетъ въ противорѣчіе. Къ королевскому письму Зеа присоединилъ ноту, въ которой изъявлялъ желаніе узнать взглядъ императора на событіе, совершившееся въ Испаніи, причемъ дѣлалъ намекъ, что въ 1812 году, при заключеніи союза между Россіею и возставшею противъ Наполеона Испаніею,

императоръ прямо одобрилъ конституцію, составленную кортесами въ Кадиксѣ, ту самую конституцію, которая теперь возстановлена въ Мадридѣ. Зеа получилъ отвѣтъ, что императоръ съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о происшедшемъ въ Мадридѣ; если даже въ этомъ происшествіи видѣть только плачевныя слѣдствія ошибокъ, которыя съ 1814 года предсказывали катастрофу на полуостровѣ, то и тогда нельзя оправдать покушенія, которое предаетъ отечество на жертву случайностямъ насильственнаго кризиса. Будущее Испаніи представляется снова въ мрачномъ видѣ; въ цѣлой Европѣ возбуждены справедливыя опасенія; но чѣмъ важнѣе обстоятельства, чѣмъ болѣе возможно то, что они будутъ гибельны для общаго спокойствія, тѣмъ менѣе права у государствъ, поручившихся за общее спокойствіе, высказывать отдѣльно и поспѣшно свое окончательное сужденіе; безъ сомнѣнія, вся Европа единогласно будетъ говорить съ испанскимъ правительствомъ языкомъ правды, языкомъ откровенной дружбы. Свергая чуждое иго, наложенное французскою революціею, Испанія пріобрѣла вѣчное право на уваженіе и благодарность всѣхъ державъ европейскихъ. Россія выразила ей эти чувства въ союзномъ договорѣ 1812 года, продолжала оказывать ей сочувствіе и послѣ всеобщаго замиренія. Императоръ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы власть королевская утвердилась и въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, съ помощью прочныхъ учрежденій, особенно прочныхъ правильностью способа ихъ установленія. Исходя отъ трона, учрежденія получаютъ характеръ охранительный; исходя изъ среды мятежа, они порождаютъ хаосъ: опытъ всѣхъ временъ это доказываетъ. Испанскому правительству принадлежитъ судить, могутъ ли учрежденія, данныя насильственнымъ, революціоннымъ образомъ, осуществить благодѣянія, которыхъ Испанія и Америка ожидали отъ мудрости короля и отъ патріотизма его совѣтниковъ. Пути, которые Испанія изберетъ для достиженія этой цѣли, средства, которыми она постарается уничтожить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ мартовскими событіями, опредѣлятъ характеръ отношеній императора къ мадридскому кабинету. — Объявляя объ этомъ сообщеніи дворамъ вѣнскому, лондонскому, берлинскому, парижскому, с.-петербургскій кабинетъ высказался противъ солдатской революціи, произведенной въ Мадридѣ, которая наврядъ можетъ держаться; кортесы могли бы еще ее умѣрить, но для этого они должны быть поддержаны нравственно великими союзными державами; представители этихъ державъ въ Парижѣ должны сообща объявить испанскому уполномоченному, что ихъ дворы съ прискорбіемъ узнали о мартовской революціи, и что на кортесахъ

лежитъ обязанность смыть это пятно съ Испаніи: устанавливая благоразумно-либеральное правленіе, они должны, въ то же время, издать новые строгіе законы противъ возстаній и бунтовъ: только въ такомъ случаѣ союзныя державы могутъ сохранить съ Испаніею дружественныя сношенія, основанныя на довѣренности. — Но лондонскій кабинетъ снова возсталъ противъ вмѣшательства; кабинетъ парижскій предложилъ другую форму нравственнаго вмѣшательства: онъ объявилъ, что вмѣшательство прямое и открытое раздражитъ испанскихъ патріотовъ, и потому предложилъ отправить къ представителямъ пяти великихъ державъ въ Мадридѣ одинакія инструкціи; когда всѣ посланники, вслѣдствіе этого, заговорятъ однимъ языкомъ съ испанскимъ правительствомъ, то это должно произвести сильное впечатлѣніе на испанцевъ и удержать ихъ отъ крайностей. Въ случаѣ, если король не будетъ болѣе находиться въ безопасности, или, если опасность будетъ угрожать сосѣднимъ державамъ, то пять посольствъ выскажутъ формальное неодобреніе такому порядку вещей, могутъ даже оставить Мадридъ, и тогда державы будутъ совѣщаться, что̀ дѣлать? Но лондонскій кабинетъ отвергъ и это средство, потому-что, если допустить подобное вмѣшательство въ чужія дѣла, то надобно допустить его и въ свои; впрочемъ, лондонскій кабинетъ допускалъ возможность вмѣшательства въ двухъ случаяхъ: 1) если Испанія нападетъ на Португалію, и лиссабонскій кабинетъ, на основаніи договора, потребуетъ помощи у Англіи; 2) если жизнь Фердинанда VII будетъ дѣйствительно въ опасности.

Въ то время, когда происходили эти сношенія по дѣламъ испанскимъ, Италія уже горѣла революціоннымъ пожаромъ. Какъ въ Испаніи, такъ и здѣсь, тайныя общества взрыли вулканическую почву; самое многочисленное и вліятельное изъ нихъ носило названіе карбонари, которые дѣлились на пять степеней: ученики, магистры, великіе магистры, просвѣтленные и высокопросвѣтленные; во главѣ ихъ находился патріархъ. Карбонари, для своихъ цѣлей, раздѣлили Италію на одиннадцать областей, въ которыхъ главные города были: Римъ, Неаполь, Козенца, Матера, Флоренція, Болонья, Генуа, Венеція, Миланъ, Туринъ и Анкона. Правленіе состояло изъ пяти сенаторовъ, находившихся въ Римѣ; въ другихъ главныхъ городахъ находился трибуналъ изъ семи трибуновъ; въ городахъ менѣе значительныхъ, находившихся въ округахъ главныхъ городовъ, трибуналы изъ пяти трибуновъ; послѣдніе сносились съ трибуналами главныхъ городовъ, а тѣ съ сенаторами. Сенаторы избирались трибунами главныхъ городовъ, послѣдніе назначались сенаторами; трибуны

менѣе значительныхъ городовъ — трибунами городовъ главныхъ. Обязанность трибуновъ была — направлять духъ низшихъ членовъ общества, которые не должны знать высшихъ властей. Цѣль общества — возстановленіе независимости Италіи. Кромѣ карбонари, были еще другія тайныя общества: *гвельфы*, имѣвшіе цѣлію итальянскую независимость и введеніе конституціоннаго образа правленія; *консисторіалы*, имѣвшіе цѣлію освобожденіе Италіи отъ нѣмцевъ и раздѣленіе ея, потомъ, на три равныя части между папою, Сардиніею и Моденою. Менѣе значительныя общества были: *общество съ знакомъ смерти*, члены котораго были обязаны истреблять всякаго, кто покусится на итальянскую корону; *реформированные иллюминаты*, хотѣвшіе соединенія Италіи подъ одну власть; *адельфы* въ Піемонтѣ, дѣйствовавшіе въ пользу принца Кариньянскаго, которому приписывались либеральныя стремленія.

Революціонное движеніе обнаружилось не тамъ, гдѣ такъ сильно было неудовольствіе на чужеземное иго, не въ итальянскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Австріи; не тамъ, гдѣ такъ сильно тяготились злоупотребленіями клерикальнаго управленія и гдѣ находился карбонарскій сенатъ, не въ Римѣ: возстаніе вспыхнуло въ Неаполѣ, гдѣ меньше всего могло быть неудовольствія на правительственный гнётъ, ибо король Фердинандъ, благодаря, какъ мы видѣли, внушеніямъ императора Александра, правилъ очень кротко, и страна процвѣтала относительно матеріальнаго благосостоянія. Явленіе понятное: трудно найти другую страну, гдѣ народъ былъ бы такъ слабъ, такъ младенчески мягокъ, какъ въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ-Сицилій. Кто не завоевывалъ этого королевства, и всякому было такъ легко завоевать его! Во время борьбы Испаніи съ Франціею, Неаполь переходилъ отъ одной державы къ другой, какъ мячъ въ рукахъ играющихъ имъ дѣтей; также легко перешелъ онъ потомъ отъ Австріи опять къ Испаніи; также легко былъ захваченъ французскою республикою, и также легко былъ отнятъ у нея; необыкновенно быстро вспыхиваетъ здѣсь революція, съ такою же быстротою и потухаетъ; народъ обнаруживаетъ полное нравственное безсиліе предъ всякою силою; слабый ребенокъ или разбитый параличомъ старикъ—съ кѣмъ его сравнить?—недоумѣваетъ историкъ.

2 іюля 1820 года, кавалерійскій офицеръ Морелли и священникъ Минихини, оба изъ общества карбонари, вышли изъ города Нолы съ эскадрономъ и отрядомъ національной гвардіи, при крикахъ: «Богъ, король и конституція!» Они направлялись къ Авеллино, главному городу провинціи, и были встрѣчены

здѣсь такими же криками; изъ Неаполя пришелъ къ нимъ цѣлый полкъ подъ начальствомъ генерала Пепе, также карбонарія, которому и передано было главное начальство. Войска, высланныя противъ Пепе правительствомъ, обнаруживали явное сочувствіе къ возставшимъ; революція распространялась по провинціямъ самымъ отдаленнымъ; даже въ Неаполѣ правительство потеряло всякую способность къ дѣйствію, и тѣмъ сильнѣе дѣйствовали карбонари. Въ ночь съ 5 на 6-е іюля, пять человѣкъ карбонари явились во дворцѣ, и отъ имени войска, гражданъ и тайныхъ обществъ, потребовали конституціи, давая королю только два часа сроку. Король согласился; но какая же будетъ конституція? Съ начала года глаза всѣхъ были обращены на Испанію, гдѣ революція торжествовала; тамъ провозгласили конституцію 1812 года; должно быть,—хорошая конституція, и въ Неаполѣ провозглашаютъ испанскую конституцію 1812 года. Говорятъ, когда стали освѣдомляться, что̀ это за конституція 1812 года, то ни одного экземпляра ея не могли найти въ Неаполѣ. «Одна изъ самыхъ странныхъ революцій!—писалъ англійскій резидентъ изъ Неаполя:—королевство въ высшей степени цвѣтущее и счастливое, находившееся подъ самымъ кроткимъ правленіемъ, вовсе не отягченное податями, падаетъ предъ шайкою инсургентовъ, которую полбатальона хорошихъ солдатъ уничтожили бы въ минуту! Такова сила дурного примѣра и сло̀ва, непонимаемаго половиною тѣхъ, которые его употребляютъ. Каждый офицеръ теперь хочетъ быть Квирогою, и слово «конституція» производитъ на всѣхъ чародѣйственное вліяніе. Мы не должны себя обманывать: дѣло не въ конституціи, а въ торжествѣ якобинства, т.-е. войны бѣдности противъ собственности; низшіе классы выучились сознавать свою силу. — Такого отеческаго и либеральнаго правленія никогда еще не было въ этой странѣ. Съ бо̀льшею строгостью и съ бо̀льшимъ недовѣріемъ можно было бы достигнуть другихъ результатовъ; но судьба хотѣла, чтобъ крайность либерализма повела здѣсь совершенно къ такому же концу, къ какому въ Испаніи повела крайность почти противоположнаго направленія. Тайныя общества и неслыханная измѣна войска, хорошо одѣтаго, получающаго хорошее жалованье, ни въ чемъ не нуждающагося, низвергли правительство, популярное въ бо̀льшей части народа, о которомъ будутъ долго и сильно жалѣть; и надобно замѣтить, что эти тайныя общества обязаны своимъ существованіемъ самому правительству, низверженію котораго они такъ много теперь содѣйствовали. Они были изобрѣтены и поощряемы, какъ машина, способная подкопать могущество французовъ, владѣвшихъ тогда страною».

Какъ бы то ни было, неаполитанская революція должна была встревожить европейскіе кабинеты гораздо сильнѣе, чѣмъ испанская. Послѣдняя объяснялась ошибками правительства и могла оказать вредное вліяніе на одну Францію; но королевство Обѣихъ - Сицилій не было отдѣлено отъ другихъ государствъ чѣмъ-нибудь въ родѣ Пиренеевъ; революціонный пожаръ могъ быстро обхватить всю Италію, благодаря карбонарии, а на сѣверѣ Италіи — австрійскія владѣнія. Сама Англія, настаивая на невмѣшательствѣ, исключала, однако, тотъ случай, когда внутреннія волненія въ одной странѣ будутъ грозить опасностью сосѣднимъ державамъ. Австрія немедленно усилила свои войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ и, въ то же время, императоръ Францъ пригласилъ русскаго императора и короля прусскаго на свиданіе въ Пестъ, для совѣщанія о мѣрахъ противъ революціи. Меттернихъ переслалъ кабинетамъ с.-петербургскому, берлинскому, лондонскому и парижскому планъ дѣйствія: австрійская армія двинется на Неаполь для потушенія революціи; пять великихъ державъ не будутъ признавать ни одного акта правительства, созданнаго революціею, не будутъ принимать отъ него никакихъ объясненій; ихъ посланники въ Вѣнѣ составятъ постоянную конференцію съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, для того, чтобъ объединить виды пяти дворовъ и употреблять одинъ языкъ. Въ другомъ мемуарѣ, адресованномъ къ дворамъ итальянскимъ, австрійскій кабинетъ, выставляя себя естественнымъ покровителемъ полуострова, объявлялъ, что приложитъ попеченіе о средствахъ возстановить на немъ порядокъ, и отстранялъ мысль, что можно предотвратить новыя волненія уступками конституціоннымъ идеямъ, причемъ ясно высказывалось намѣреніе возстановить и въ Неаполѣ старый порядокъ вещей.

Такъ хотѣла дѣйствовать Австрія въ виду ближайшей опасности, дѣйствовать твердо во имя извѣстнаго начала, не позволять себѣ никакой сдѣлки съ началомъ противоположнымъ. Но что̀ скажутъ другія державы? Разумѣется, Пруссія будетъ согласна на такой образъ дѣйствія; но конституціонныя державы, Франція и Англія, согласятся ли дѣйствовать для поддержанія стараго порядка вещей въ Италіи; а, главное, согласится ли на это русскій императоръ, сильно высказавшійся противъ революціи, но не отрекшійся отъ своего прежняго либеральнаго взгляда? Франція, основываясь на ахенскихъ рѣшеніяхъ, потребовала конгресса и пригласила другіе дворы объявить предварительно, что они уважаютъ независимость и права государствъ, но не могутъ причислить къ этимъ правамъ — право ниспровергать учрежденія страны посредствомъ возстанія войска;

что они не могутъ признать конституціи королевства Обѣихъ Сицилій законною, пока король и народъ, освобожденные отъ ига партій, свободно дадутъ себѣ законы, по ихъ мнѣнію, лучшіе, и если для этого освобожденія короля и народа необходимо употребить силу, то австрійскія войска двинутся къ Неаполю и будутъ, въ случаѣ надобности, поддержаны войсками всѣхъ союзниковъ, съ согласія государей итальянскихъ.—Если Франція требовала конгресса, то понятно, что Австрія должна была ждать такого же требованія и отъ Россіи, ибо конгрессъ былъ любимою формою русскаго государя для рѣшенія европейскихъ дѣлъ. Императоръ Александръ отклонилъ съѣздъ въ Пестѣ и потребовалъ другого мѣста свиданія, потребовалъ конгресса именно въ Троппау, безъ согласія котораго австрійская армія не могла перейти границы неаполитанскихъ владѣній; притомъ, императоръ Александръ не требовалъ полнаго возстановленія стараго порядка вещей въ Неаполѣ, какъ хотѣлось Австріи, но установленія новаго порядка на законныхъ основаніяхъ, какъ хотѣлось Франціи. Въ письмѣ къ австрійскому императору, Александръ указывалъ, что еще по поводу испанской революціи онъ предлагалъ общее совѣщаніе о мѣрахъ для сдержанія дальнѣйшихъ революціонныхъ движеній; но тогда его предложеніе не было принято, а теперь онъ видитъ съ удовольствіемъ, что державы возвращаются къ предложенному имъ средству.

Австріи очень не нравился конгрессъ: протянется время въ совѣщаніяхъ, тогда-какъ пожаръ надобно тушить какъ можно скорѣе; надобно будетъ подчиниться рѣшеніямъ конгресса, а нѣтъ надежды, чтобъ конгрессъ согласился на полное возстановленіе стараго порядка въ Неаполѣ; ясно, что Россія и Франція будутъ за-одно противъ этого. Меттернихъ отправилъ австрійскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, Лебцельтерна, въ Варшаву, гдѣ тогда находился императоръ Александръ—уговаривать послѣдняго согласиться на немедленное движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю; Лебцельтернъ представлялъ противъ конгресса, что Англія, вѣроятно, откажется въ немъ участвовать, но получилъ отвѣтъ, что, дѣлать нѣчего, можно обойтись и безъ содѣйствія Англіи въ вопросѣ чисто-континентальномъ. Англія, дѣйствительно, была противъ конгресса, и основанія этому лордъ Касльри высказалъ въ длинномъ письмѣ къ англійскому уполномоченному при вѣнскомъ дворѣ, лорду Стюарту (Stewart):

«Если бы опасность произошла отъ нарушенія нашихъ договоровъ, то чрезвычайное собраніе государей и министровъ ихъ было бы лучшимъ средствомъ для поправленія дѣла; но когда

опасность проистекаетъ отъ внутреннихъ волненій въ независимыхъ государствахъ, въ такомъ случаѣ политичность подобнаго шага подлежитъ сомнѣнію: вспомнимъ, какъ вредны были, въ началѣ войны съ революціонною Франціею, конференціи въ Пильницѣ и манифестъ герцога брауншвейгскаго; какое раздраженіе произвелъ онъ во Франціи! Впрочемъ, я надѣюсь, что русскій императоръ не выведетъ троппаускаго свиданія изъ тѣхъ благоразумныхъ границъ, которыя предложены союзникомъ его, императоромъ австрійскимъ; что министерскія конференціи здѣсь могутъ быть разсматриваемы только какъ дополненіе къ нашимъ другимъ мѣрамъ конфиденціальнаго объясненія, и что все будетъ постановлено относительно только частнаго случая, безъ общихъ провозглашеній. Разсужденія объ отвлеченныхъ принципахъ не имѣютъ никакого дѣйствія въ настоящее время. Принять предложеніе Австріи относительно плана дѣйствій противъ Неаполя—значитъ, со стороны пяти державъ, составить союзъ, враждебный существующему на фактѣ неаполитанскому правительству. Британское правительство не можетъ вступить въ такой союзъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) Союзъ заставитъ его принять на себя такія обязательства, которыхъ оно не можетъ оправдать передъ парламентомъ. 2) Союзъ можетъ каждую минуту привести британское правительство въ необходимости употребить силу: ибо ясно, что существующее на фактѣ неаполитанское правительство можетъ, по обыкновеннымъ международнымъ законамъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, положить секвестръ на британскую собственность въ Неаполѣ и закрыть свои гавани для британскихъ торговыхъ кораблей, причемъ продолжительность союза будетъ зависѣть отъ общаго рѣшенія всѣхъ державъ, его составляющихъ. 3) Союзъ противорѣчитъ нейтралитету, который британское правительство объявило посредствомъ своего посланника въ Неаполѣ въ видахъ безопасности королевской фамиліи. 4) Союзъ наложитъ на британское правительство нравственную и парламентскую отвѣтственность за всѣ его послѣдствія, отвѣтственность за дѣйствія Австріи, которая двинетъ свои войска въ неаполитанскія владѣнія,—дѣйствія, которыя британское правительство не имѣетъ возможности контролировать въ подробностяхъ, а только такой контроль могъ бы оправдать принятіе на себя подобной отвѣтственности. 5) Прежде чѣмъ Австрія получитъ право дѣйствовать противъ Неаполя, всѣ мѣры должны быть постановлены съ общаго согласія: такимъ образомъ, австрійскій главнокомандующій долженъ дѣйствовать по указанію совѣта союзныхъ министровъ, пребывающихъ въ главной квартирѣ, что̀ неудобоисполнимо и неприлично. 6) Союзъ

навѣрное не будетъ одобренъ нашимъ парламентомъ; но и въ противномъ случаѣ, каждое дѣйствіе австрійской арміи въ Неаполитанскомъ королевствѣ будетъ подлежать непосредственному вѣдѣнію и суду британскаго парламента, точно такъ, какъ если бы это было дѣйствіе британскаго войска, британскаго главнокомандующаго. — Изложивши всѣ препятствія къ союзу, я постараюсь указать на болѣе естественный ходъ дѣла. Неаполитанская революція хотя собственно не подходитъ подъ условія и предположенія Союза, однако, по своей важности, по своему нравственному вліянію на соціальную и политическую систему Европы, необходимо должна обратить на себя самое серьёзное вниманіе союзниковъ; они согласно смотрятъ на событіе, какъ заключающее въ себѣ опасность и дурной примѣръ, потому что произведено бунтующимъ войскомъ и тайнымъ обществомъ, цѣль котораго — уничтожить всѣ существующія въ Италіи правительства, и создать изъ нея единое государство. Эта опасность, однако, касается въ такой различной степени членовъ Союза, что каждый изъ нихъ, въ отношеніи къ ней, долженъ принимать совершенно различныя мѣры. Возьмемъ двѣ державы, именно Великобританію и Австрію: послѣдняя держава можетъ чувствовать, что ей никакъ нельзя медлить принятіемъ непосредственныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ опасности; Англія же понимаетъ, что опасность для нея вовсе не такова, чтобъ можно было оправдать ея вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла согласно съ ученіемъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла другой державы, ученіемъ, которое до сихъ поръ поддерживалось въ британскомъ парламентѣ. Если таково положеніе этихъ двухъ державъ, то онѣ никакъ не могутъ быть вмѣстѣ въ одномъ союзѣ, который имѣетъ цѣлію употребленіе силы и возлагаетъ общую и равную отвѣтственность. То же самое, болѣе или менѣе, прилагается и ко всѣмъ другимъ союзнымъ державамъ. Изъ этого, естественно, слѣдуетъ, что Австрія должна принять на себя исполненіе предложенной мѣры; она можетъ, по предварительному и конфиденціальному сношенію, узнать образъ мыслей своихъ союзниковъ, удостовѣриться, что она не навлечетъ на себя ихъ неодобренія; но она должна вести войну подъ своею собственною отвѣтственностью, отъ своего имени, а не отъ имени пяти державъ. И прежде, чѣмъ Австрія получитъ согласіе или одобреніе отъ союзниковъ насчетъ своихъ дѣйствій, она должна удостовѣрить союзниковъ, что предпринимаетъ войну противъ Неаполя не въ видахъ расширенія своихъ владѣній, не съ цѣлію получить въ Италіи преобладаніе, несогласное съ существующими договорами, коротко сказать, что она не имѣетъ

никакихъ корыстныхъ цѣлей, но что ея планы ограничиваются самосохраненіемъ. Князь Меттернихъ, безъ сомнѣнія, такъ и думаетъ ограничить свои виды; но, для внушенія необходимой довѣренности и огражденія себя отъ зависти другихъ державъ, онъ долженъ высказаться точнѣе, чѣмъ какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ мемуарѣ. Если это будетъ сдѣлано, то ни одна держава не сочтетъ себя въ правѣ затруднить Австрію въ ея дѣйствіяхъ, необходимыхъ для ея собственной безопасности. Мы желаемъ, чтобъ никто не мѣшалъ Австріи дѣйствовать какъ она хочетъ; но мы должны требовать и для самихъ себя такой же свободы дѣйствій. Въ интересахъ Австріи мы должны сохранять такое положеніе. Оно даетъ намъ возможность, въ парламентѣ, смотрѣть на ея мѣры и уважать ихъ какъ дѣйствія независимаго государства; а этого намъ нельзя будетъ дѣлать, если мы сами будемъ участвовать въ дѣлѣ. Австрія должна быть довольна, если назначенныя конференціи облегчатъ ей достиженіе ея цѣлей; но она не должна посредствомъ этихъ конференцій вовлекать другія державы въ совершенную общность интересовъ и отвѣтственности; результатомъ послѣдняго будетъ то, что она свяжетъ собственную свободу дѣйствія».

Когда русскій посланникъ высказалъ лорду Касльри взглядъ своего государя на итальянское дѣло, какъ на дѣло общее, которое, поэтому, нужно рѣшить сообща, объявить Европѣ общую мысль и бороться со зломъ общими силами, то Касльри отвѣчалъ: «Нельзя не благоговѣть предъ императоромъ, высказывающимъ подобные принципы, принципы консервативные, обезпечивающіе безопасность всѣхъ государствъ. Но, быть можетъ, приложеніе ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтитъ важныя возраженія. Эти возраженія могутъ быть встрѣчены со стороны всѣхъ государствъ вообще, и со стороны Англіи въ особенности. Всѣ государства могутъ возразить противъ впечатлѣнія, какое произведетъ на мнѣніе нашего вѣка коллегія государей, располагающая жребіемъ народовъ; ибо такова точка зрѣнія, съ какой смотрятъ на конгрессы недовольные всѣхъ странъ и даже масса вообще. Что же касается до Англіи въ особенности, то ея нравственное положеніе препятствуетъ ей даже принимать какое-либо участіе въ совѣтахъ, назначаемыхъ для обсужденія подобныхъ вопросовъ, и ея содѣйствіе здѣсь можетъ сдѣлаться источникомъ большого вреда, не принося ни малѣйшей пользы».

Такимъ образомъ, одинъ изъ членовъ союза, Англія отказалась отъ участія въ конгрессѣ, указывая, какъ на главное препятствіе къ этому участію, на свою парламентскую форму пра-

вленія. Она не прислала своего уполномоченнаго въ Троппау, ни лорда Касльри, ни герцога Веллингтона, котораго желалъ императоръ Александръ; въ Троппау пріѣхалъ англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, лордъ Стюартъ (Stewart), подъ тѣмъ предлогомъ, что посланникъ долженъ быть тамъ, гдѣ государь, при которомъ онъ аккредитованъ; ему запретили подписывать протоколы конгресса. Положеніе лорда Стюарта было очень затруднительно, и онъ не умѣлъ избѣжать непослѣдовательности въ своемъ поведеніи: то являлся какъ простой зритель, то какъ представитель страны, участвующей въ переговорахъ, спохватывался, и въ рѣшительныя минуты уѣзжалъ въ Вѣну подъ предлогомъ свиданія съ молодою женою. Франція, какъ держава конституціонная, сочла своею обязанностью подражать Англіи: она также не послала особаго уполномоченнаго на конгрессъ; но въ Троппау пріѣхали два французскіе дипломата: маркизъ Караманъ, посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, и графъ Ла-Ферроннэ, посланникъ при дворѣ петербургскомъ, оба на томъ же основаніи, на какомъ явился и лордъ Стюартъ.

20 октября, въ одинъ и тотъ же день, пріѣхали въ Троппау императоры русскій и австрійскій; король прусскій, по нездоровью, могъ пріѣхать не ранѣе 5 ноября, но онъ прислалъ наслѣднаго принца; съ императоромъ Францомъ пріѣхалъ князь Меттернихъ; съ императоромъ Александромъ—графы Каподистріа и Нессельроде; съ прусской стороны явились старый канцлеръ князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ.

Конгрессъ открылся 23 октября, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха. Предсѣдатель представилъ уполномоченнымъ мемуаръ, въ которомъ изложилъ виды своего двора; въ этомъ мемуарѣ развивалась мысль, что каждое правительство имѣетъ право вмѣшиваться, по поводу политическихъ измѣненій, происшедшихъ въ чужомъ государствѣ, если эти измѣненія грозятъ его интересамъ, грозятъ основамъ его существованія. Выставлены были опасности, которыми неаполитанская революція грозитъ Австріи и всей Италіи. Императоръ австрійскій собралъ силы, достаточныя для дѣйствія противъ Неаполя, и надѣется на нравственную поддержку союзниковъ. Если, по возстановленіи законной власти, нужно будетъ оставить оккупаціонную армію, то императоръ Францъ готовъ и на это; король неаполитанскій, получивши свободу, можетъ устроить свое государство какъ ему угодно, сообразжаясь, впрочемъ, съ секретною статьею договора, заключеннаго имъ съ Австріею, въ іюнѣ 1815 года: въ статьѣ говорилось, что король Фердинандъ не допуститъ въ своемъ го-

сударствѣ никакой перемѣны, которая была бы противна древнимъ монархическимъ учрежденіямъ и принципамъ, принятымъ Австріею во внутреннемъ управленіи своими итальянскими провинціями. Эта статья была тайною для дипломатовъ, и Меттернихъ объявилъ ее преждевременно. Разумѣется, онъ не могъ ждать возраженій со стороны Пруссіи, также и со стороны Англіи, которой все равно, какія правительственныя формы существуютъ на континентѣ—сходны онѣ съ ея формами, или нѣтъ, лишь бы ея ближайшіе интересы были охранены. Но другое дѣло—Франція: пропаганда—въ духѣ ея народа, которому непремѣнно надобно защищать и распространять всюду извѣстныя начала, у него господствующія. Находившійся въ Троппау, французскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, Ла-Ферроннэ, заговорилъ первый противъ австрійскаго мемуара: какъ французъ, приверженецъ конституціоннаго порядка, онъ вооружился противъ секретной статьи; какъ французъ, онъ также не могъ помириться съ мыслью, что Австрія будетъ распоряжаться въ Италіи, господствовать въ ней, утверждая всюду свои правительственныя формы, свою правительственную систему. Императоръ Францъ, увидавши его въ первый разъ въ Троппау, сказалъ ему прямо: «Неизмѣняемость моей системы составляетъ всю ея силу; я буду проводить ее до конца моей жизни». Зная эту систему, убѣдившись изъ Меттернихова мемуара, изъ знаменитой секретной статьи, какъ система рѣзко проводится, Ла-Ферроннэ началъ говорить всѣмъ собравшимся въ Троппау дипломатамъ, не исключая и самого Меттерниха, что, въ австрійскомъ мемуарѣ, съ дѣйствіями Австріи противъ неаполитанской революціи связаны такіе принципы, которые дѣлаютъ невозможнымъ содѣйствіе конституціонныхъ государствъ. Идеи сокрушаются нравственною силою, а не силою оружія. Если прибѣгнуть къ военному дѣйствію, то надобно потребовать большихъ денежныхъ пожертвованій отъ страны, въ дѣло которой хотятъ вмѣшаться, и оставить въ ней оккупаціонную армію. Это прямое неудобство. Но еще больше неудобства въ требованіи исполненія секретной статьи договора 1815 года: изъ нея видно рѣшительное намѣреніе Австріи противиться всюду, гдѣ только ей возможно, установленію свободныхъ учрежденій; это значитъ возбуждать народы къ мятежамъ, приводя ихъ въ отчаяніе. Ненависть итальянцевъ къ Австріи питаетъ болѣе всего революціонный духъ; движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю усилитъ эту ненависть и ускоритъ взрывъ революціи; очень можетъ статься, что въ сѣверной Италіи вспыхнетъ мятежъ въ то самое время, какъ австрійцы будутъ заняты на югѣ.

Легко можно понять, какъ должно было раздражить австрійскаго императора и Меттерниха указаніе на ненависть итальянцевъ къ Австріи. Меттернихъ отвѣчалъ, что во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ народное большинство не участвуетъ; что не должно принимать желанія нѣсколькихъ честолюбцевъ за выраженіе народнаго мнѣнія и потребности времени; что если будутъ имѣть неблагоразуміе уступить революціонерамъ, то послѣдніе воспользуются этими уступками для того, чтобы низвергнуть сдѣлавшихъ уступки; что революція въ Италіи имѣетъ единственнымъ основаніемъ владычество секты, партіи, арміи надъ народными массами; что должно идти уничтожить въ Неаполѣ это владычество и освободить народъ. Вслѣдствіе этого спора Ла-Ферроннэ съ Меттернихомъ въ Троппау, мнѣнія раздѣлились: Каподистріа былъ согласенъ съ Ла-Ферроннэ; Нессельроде склонялся къ Меттерниху; Пруссія была за австрійское предложеніе; Англія не высказывалась; наконецъ, Меттернихъ выигралъ тѣмъ, что Караманъ не раздѣлялъ мнѣнія Ла-Ферроннэ; эти два француза представляли двѣ разныя Франціи, по выраженію Меттерниха, и когда Ла-Ферроннэ написалъ мемуаръ, въ которомъ высказался противъ вооруженнаго вмѣшательства въ неаполитанскія дѣла, Караманъ объявилъ, что здѣсь высказано не его мнѣніе и не мнѣніе французскаго правительства, а только личное мнѣніе Ла-Ферроннэ. Опасность отъ французскаго мемуара исчезала или, по крайней мѣрѣ, очень уменьшалась для Меттерниха, и главный вопросъ заключался въ томъ, что̀ скажетъ русскій мемуаръ? Каподистріа былъ на сторонѣ Ла-Ферроннэ! Наконецъ, Каподистріа сообщилъ Меттерниху страшный мемуаръ: въ немъ говорилось, что, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься отъ принципа возстанія, снова покориться королю, истребить революціонныя общества, согласиться на установленіе такого порядка вещей, который соотвѣтствовалъ бы настоящему народному желанію, законно выраженному. Только въ случаѣ отказа, австрійская армія, дѣйствуя въ значеніи арміи европейской, должна двинуться къ Неаполю, освободить короля и народъ, которые, по взаимному соглашенію, установятъ свободныя учрежденія. Мемуаръ очень не понравился Меттерниху; но всѣ старанія его убѣдить императора Александра отказаться отъ него или измѣнить его, остались тщетными. 7-го ноября, мемуаръ былъ прочтенъ въ конференціи; Меттернихъ долженъ былъ согласиться, чтобъ прежде похода приняты были увѣщательныя мѣры, согласился не настаивать на исполненіи секретной статьи договора 1815 года; но за-то настоялъ, чтобы ко-

ролю Фердинанду дана была полная свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не обязывать его непремѣнно дать конституцію, что выходило одно и то же, ибо Меттернихъ зналъ, что король добровольно не дастъ конституціи. Наконецъ, Меттернихъ предложилъ пригласить Фердинанда на конгрессъ: «Если король пріѣдетъ, — говорилъ Меттернихъ, — то мы заставимъ его играть роль, исполненную благородства и приличія; мы сдѣлаемъ его посредникомъ между конгрессомъ и народомъ неаполитанскимъ. Если его не пустятъ, то мы засвидѣтельствуемъ, что онъ лишенъ свободы, и тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ идти освобождать его». При этомъ Меттернихъ предложилъ перемѣнить мѣсто конгресса: вмѣсто Троппау, назначить ближайшій къ Италіи Лайбахъ, чтобы не заставлять старика Фердинанда ѣхать такъ далеко на сѣверъ.

Россія и Пруссія приняли охотно предложеніе пригласить Фердинанда на конгрессъ; Ла-Ферроннэ согласился на пріѣздъ неаполитанскаго короля въ Лайбахъ, но утверждалъ, что недопущеніе Фердинанда къ отъѣзду со стороны народа нисколько не должно давать права на объявленіе войны противъ Неаполя. Каподистріа высказывался въ томъ же смыслѣ: «Я скорѣе соглашусь, — говорилъ онъ, — отрубить себѣ руки, чѣмъ подписать объявленіе несправедливой войны; а что можетъ быть несправедливѣе войны, которую начинаютъ, не истощивши прежде всѣхъ средствъ къ соглашенію». Англійскаго посланника, лорда Стюарта, не было въ это время въ Троппау; его замѣнялъ секретарь посольства Гордонъ, который, согласно съ основнымъ взглядомъ своего правительства, твердилъ одно, что не нужно конгресса, не нужно вмѣшательства цѣлой Европы въ неаполитанскія дѣла; надобно предоставить все одной Австріи, которой интересы непосредственно замѣшаны въ итальянскомъ движеніи: «Зачѣмъ конгрессъ при рѣшеніи вопроса, который касается одной Австріи? Дѣло идетъ не о принципахъ, а о фактѣ. У вѣнскаго двора былъ договоръ съ Неаполемъ; договоръ нарушенъ, гроза собралась противъ Австріи въ Италіи, и Австріи не остается ничего больше, какъ двинуть войско противъ Неаполя. Какая нужда Европѣ вмѣшиваться въ это дѣло?» До сихъ поръ, англичане боялись больше всего преобладающаго вліянія Россіи; но теперь они увидѣли еще другую опасность: ненавистная Франція оправляется, начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы, и Гордонъ открыто говоритъ въ Троппау: «Мы не можемъ сносить, чтобы Франція играла роль, пріобрѣтала опять вліяніе».

Такимъ образомъ, Англія прямо поддерживала Меттерниха;

но онъ имѣлъ возможность извлечь изъ этой поддержки пользу для себя въ другомъ смыслѣ. Англія упорно противилась вмѣшательству во внутреннія дѣла государствъ цѣлою Европою сообща, упорно противилась общему управленію европейскими дѣлами посредствомъ конгрессовъ, во-первыхъ, потому, что эта форма давала возможность высказываться преобладанію сильнѣйшаго изъ континентальныхъ государствъ—Россіи; во-вторыхъ, потому, что эта форма была неудобна для Англіи, какъ государства конституціоннаго; Франція—также государство конституціонное—волею-неволею, должна была оттягиваться на сторону Англіи; и чрезъ это пять великихъ державъ необходимо дѣлились на двѣ группы: три государства съ неограниченнымъ правленіемъ и два конституціонныхъ. Императоръ Александръ, для котораго форма конгресса была любимою формою, видя явное сопротивленіе Англіи и уклоненіе Франціи, долженъ былъ ограничиться совокупнымъ дѣйствіемъ съ Австріею и Пруссіею. Австрійскій министръ пользовался этими отношеніями и, поддѣлываясь подъ взгляды русскаго государя, твердилъ о необходимости скрѣпленія Священнаго Союза, какъ оплота противъ революціонныхъ движеній, повсюду обнаруживающихся; твердилъ, что Священный Союзъ возможенъ только между тремя неограниченными государями; что Франція, очагъ революціи, не можетъ быть членомъ союза; старался, такимъ образомъ, отдалить императора Александра отъ Франціи, подорвать прежнее расположеніе его къ ея народу.

Раздѣленіе между великими державами обозначилось въ Троппау тѣмъ, что уполномоченные только трехъ государствъ—Россіи, Пруссіи и Австріи подписали слѣдующій протоколъ 19-го ноября, въ четвертой конференціи: «Государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа, измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за порядокъ и прочность. Союзныя государства не ограничатся провозглашеніемъ этого исключенія, но обязываются, другъ предъ другомъ, не признавать перемѣнъ, совершённыхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ совершились подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, и когда союзныя державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ они употребляютъ, для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза, сначала дружескія увѣщанія, а потомъ

и принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо». Въ приложеніи этихъ общихъ постановленій къ частному случаю, именно—къ неаполитанскому вопросу, Россія, Австрія и Пруссія постановляли употребить свое вмѣшательство для возвращенія свободы королю и его народу, оставить въ странѣ оккупаціонную армію, образовать, подъ предсѣдательствомъ Австріи, конференцію для приведенія въ исполненіе означенныхъ распоряженій, а, прежде всего, три двора постановляли пригласить короля Обѣихъ-Сицилій пріѣхать въ Лайбахъ для совѣщаній съ союзными государствами. Дворы парижскій и лондонскій приглашаются объявить свое мнѣніе на-счетъ содержанія протокола и, съ своей стороны, постараться убѣдить неаполитанскаго короля пріѣхать въ Лайбахъ.

Представители Франціи и Англіи были очень удивлены протоколомъ, который имъ не показывали до 19-го ноября; имъ сообщили его прямо для пересылки къ своимъ державамъ. Лордъ Стюартъ и Ла-Ферроннэ высказались на этотъ разъ согласно противъ отдѣльныхъ совѣщаній и соглашеній между уполномоченными трехъ державъ. «Кто намъ поручится,—говорилъ лордъ Стюартъ,—что вы не займетесь вопросами и странами, совершенно чуждыми настоящему предмету, для котораго мы собрались?» — «Обратите вниманіе,—говорилъ Ла-Ферроннэ,—на неудобство положенія, въ какое вы ставите мое правительство: оно принуждено или принять, или отвергнуть актъ такой важности, и мы при этомъ не можемъ ему объяснить побужденія, которыми вы руководствовались въ приготовленіи этого акта». Меттернихъ въ отвѣтъ представлялъ необходимость спѣшить дѣломъ; лучшимъ отвѣтомъ былъ бы вопросъ: въ какомъ отношеніи представители Англіи и Франціи находятся къ конгрессу? Такіе ли они уполномоченные, какъ Меттернихъ, Каподистріа или Гарденбергъ? Соглашался ли лордъ Стюартъ подписывать протоколы и гдѣ онъ былъ, когда дѣло шло о приглашеніи неаполитанскаго короля на конгрессъ? Ла-Ферроннэ просилъ Меттерниха высказаться, какъ три двора намѣрены были поступить въ случаѣ, если королю неаполитанскому не будетъ возможности пріѣхать на конгрессъ? Меттернихъ отвѣчалъ, что если неаполитанцы воспрепятствуютъ отъѣзду короля, то надобно будетъ прибѣгнуть къ крупнымъ средствамъ; а если отказъ будетъ полученъ лично отъ короля, то въ самыхъ причинахъ отказа, выставленныхъ королемъ, будутъ искать побужденія продолжать переговоры или начать новые. Графъ Каподистріа прибавилъ: «Безъ сомнѣнія, никто изъ насъ не подумаетъ употребить военныя средства, прежде нежели исчезнетъ всякая надежда успѣть посредствомъ переговоровъ».

Было рѣшено пріостановить конференцію до полученія отъ неаполитанскаго короля отвѣта на пригласительныя письма троихъ государей: императоровъ русскаго, австрійскаго и короля прусскаго. Письма были написаны 20-го ноября.

Если лордъ Стюартъ сильно высказался противъ протокола въ Троппау, то еще сильнѣе высказался противъ него лордъ Каслри въ Лондонѣ, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ: «Неслыханное дѣло! три двора, безъ сообщенія, безъ предварительнаго соглашенія съ двумя другими дворами, которыхъ содѣйствія они искали, позволяютъ себѣ постановить окончательно водексъ международной полиціи. Это—всемірная монархія, провозглашенная и осуществленная тремя державами, тѣми самыми, которыя нѣкогда сговорились раздѣлить Польшу. Если англійскій король подпишетъ протоколъ, то этимъ самымъ подпишетъ свое отреченіе. Если государи неограниченные дѣйствуютъ такимъ образомъ, то правительства конституціонныя должны соединиться для противодѣйствія». Положеніе французскаго правительства было самое затруднительное: съ одной стороны, какъ правительство конституціонное, оно тянуло къ Англіи и раздѣляло ея взглядъ на знаменитый троппаускій протоколъ 19-го ноября; съ другой стороны, оно хорошо понимало, что изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ Франція можетъ полагаться только на русское, ибо всѣ другія ей враждебны, и потому нужно было сохранять доброе расположеніе императора Александра и не дать торжества Австріи, старавшейся поссорить его съ Франціею; наконецъ, Франціи, какъ государству континентальному, нельзя было принять уединеннаго положенія на континентѣ, не принимать участія въ общихъ дѣлахъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, хотѣли выдти изъ затрудненій среднею дорогою — удовлетворить и той и другой сторонѣ. Людовикъ XVIII написалъ письмо королю неаполитанскому съ приглашеніемъ исполнить желаніе союзныхъ государей — пріѣхать на конгрессъ; въ письмѣ говорилось, что короля Фердинанда ожидаетъ самая чистая слава, что онъ будетъ содѣйствовать утвержденію въ Европѣ основъ общественнаго порядка, предохранить свой народъ отъ грозящихъ ему бѣдъ, и обезпечить его благоденствіе сочетаніемъ власти съ свободою. Въ то же время, Караманъ и Ла-Ферроннэ объявили въ Троппау, что Франція будетъ дѣйствовать сообща съ союзными державами для умиротворенія Европы; и если, въ случаѣ войны, Англія откажется принимать участіе въ совѣщаніяхъ союзниковъ, Франція не послѣдуетъ ея примѣру и будетъ участвовать въ совѣщаніяхъ, чтобъ умѣрить бѣдствія войны. Представители Франціи настаи-

вали при этомъ, что, прежде чѣмъ рѣшиться на войну, надобно истощить всѣ средства соглашенія, и что, вмѣсто оккупаціонной арміи, надобно установить въ Неаполѣ твердое правительство, которое удовлетворяло бы всѣмъ интересамъ, т.-е. правительство конституціонное.

Императоръ Александръ былъ очень доволенъ поступкомъ Людовика XVIII и объявленіемъ его посланниковъ: «Это все, чего я желалъ и даже больше, чѣмъ сколько я надѣялся», сказалъ онъ Ла-Ферроннэ,—причемъ поздравилъ его съ рѣшеніемъ, которое освобождало Францію отъ нѣкотораго рода зависимости отъ правительства англійскаго, не хотѣвшаго объяснить союзникамъ, чего оно хочетъ. Императоръ прибавилъ, что съ помощью Франціи онъ надѣется избѣжать войны, уничтожая, въ то же время, революцію. Но это удовольствіе, которое доставило русскому государю поведеніе французскаго правительства, было непродолжительно: знаменитый протоколъ 19-го ноября былъ публикованъ; Франція должна была высказаться на его счетъ. Въ депешѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, которую Караманъ и Ла-Ферроннэ должны были сообщить конгрессу, французское правительство, хотя въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, однако довольно ясно высказало свое несочувствіе къ протоколу; въ депешѣ было сказано, что король не имѣетъ средствъ высказаться насчетъ принциповъ, къ разсужденію о которыхъ его посланники не были допущены, и которые не получили въ протоколѣ полнаго развитія; король считаетъ неизмѣннымъ правиломъ для своего поведенія—постановленія ахенскаго конгресса. Хотя эти постановленія и не налагаютъ на него положительныхъ обязанностей, однако, онъ, сообразуясь съ ними, считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать утвержденію порядка, установленнаго въ Европѣ договорами; король всегда расположенъ, въ интересахъ своихъ союзниковъ, дѣлать все то, чего не запрещаетъ рѣшительно его личное положеніе.—И этотъ отзывъ французскаго правительства о протоколѣ уже никакъ не могъ понравиться; но Караманъ, подпавшій въ Вѣнѣ вліянію Меттерниха и вполнѣ ему довѣрявшій, имѣлъ неосторожность показать австрійскому министру другую депешу, гдѣ французское правительство высказалось откровенно противъ протокола, депешу, которая вовсе не назначалась для сообщенія кому-либо изъ иностранныхъ министровъ. Меттернихъ, которому хотѣлось ссорить Россію съ Франціею, уговорилъ Карамана показать депешу и графу Каподистріа; цѣль была достигнута: императоръ Александръ высказалъ сильное неудовольствіе противъ французскаго двора, какого прежде никогда не высказывалъ. Что касается англійскаго правительства, то лордъ

Стюартъ прочелъ конгрессу мемуаръ лорда Касльри, въ которомъ повторялось то же самое, чтб уже было высказано въ приведенной выше депешѣ Касльри Стюарту: установлять систему общаго вмѣшательства неудобоисполнимо и опасно; въ случаѣ существенной, явной необходимости, каждое государство имѣетъ право вмѣшательства для защиты собственныхъ интересовъ, но этотъ случай не можетъ сдѣлаться a priori предметомъ союза между великими державами Европы; если подобнаго рода союзъ и былъ заключенъ въ 1815 году противъ Франціи, то онъ былъ основанъ на завоевательномъ характерѣ, который приняла французская революція, и этотъ примѣръ не можетъ быть приложенъ ко всѣмъ революціямъ. Поведеніе англійскаго правительства, не понравившееся въ Троппау, возбудило сильное сочувствіе во второстепенныхъ государствахъ Европы, боявшихся, чтобъ аристократическая, по выраженію Меттерниха, форма господства нѣсколькихъ сильнѣйшихъ державъ не замѣнила монархическую форму наполеоновскаго господства. Нидерландскій король сказалъ британскому посланнику при своемъ дворѣ, что всѣ второстепенныя государства, для сохраненія своей независимости, должны соединиться около Англіи, заслужившей ихъ довѣріе своею политикою. Въ Мюнхенѣ, Штутгартѣ и Карлсруэ, нѣкоторое время думали о конгрессѣ въ Вюрцбургѣ, который хотѣли противопоставить конгрессу великихъ державъ. Но въ это время въ Германіи только *думали*, и воображаемый вюрцбургскій конгрессъ нисколько не былъ опасенъ дѣйствительнымъ конгрессамъ троппаускому и лайбахскому.

5-го декабря, въ Неаполѣ, въ совѣтѣ министровъ, наслѣдникъ престола, герцогъ калабрійскій объявилъ, что король, отецъ его, получилъ отъ союзныхъ государей пригласительныя письма на конгрессъ въ Лайбахѣ. Въ совѣтѣ было рѣшено, что король долженъ принять приглашеніе. На третій день, министры извѣстили отъ имени короля *объ* этомъ рѣшеніи парламентъ, которому Фердинандъ объявлялъ, что употребитъ всѣ усилія для обезпеченія своему народу благоразумной и либеральной конституціи, и изъявлялъ желаніе, чтобъ въ его отсутствіе, до окончанія переговоровъ, парламентъ не предлагалъ никакихъ нововведеній и ограничилъ свои занятія устройствомъ арміи; герцогъ калабрійскій останется правителемъ королевства. Для обсужденія этого объявленія, парламентъ нарядилъ особую коммиссію. Между тѣмъ, карбонари сильно волновались. Боясь, въ одинаковой степени, и возстановленія прежней формы правленія, и установленія правильной конституціонной формы, при которой они также потеряли бы всякое значеніе, карбонари стали подымать

провинціи; созваны были *венты* или частныя собранія; общее собраніе объявило себя постояннымъ и отправило увѣщаніе къ членамъ парламента, чтобъ они оставались вѣрными конституціи. Вооруженныя шайки бѣгали по городу съ крикомъ: «Испанская конституція или смерть!» Во дворцѣ царствовалъ ужасъ; члены парламента были не въ меньшемъ страхѣ. 8-го декабря, передъ тѣмъ, какъ идти въ парламентъ, многіе изъ нихъ написали завѣщанія, другіе исповѣдались и пріобщились; они должны были проходить черезъ толпы карбонари, грозившихъ кинжалами тѣмъ, кто вздумалъ бы измѣнить испанской конституціи. Парламентъ постановилъ отвѣчать королю, что не можетъ согласиться на отъѣздъ его величества, если это путешествіе не будетъ имѣть цѣлію — поддержаніе настоящей конституціи. Король Фердинандъ, испуганный народнымъ волненіемъ, считалъ свою жизнь въ опасности, и желая какъ можно скорѣе убѣжать отъ этой опасности, согласился на все. 10-го декабря, онъ объявилъ, что его пребываніе въ Лайбахѣ будетъ имѣть единственною цѣлію поддержать конституцію и отклонить войну; 12-го числа, парламентъ согласился на отъѣздъ Фердинанда и объявилъ регентомъ герцога калабрійскаго; 16-го числа, король отплылъ на англійскомъ кораблѣ въ Ливорно; на платьѣ его виднѣлись карбонарскіе знаки. Но 19-го числа, когда онъ прибылъ въ Ливорно, этихъ знаковъ уже на немъ не было; въ присутствіи англійскаго посланника, онъ объявилъ, что вырвался отъ убійцъ и ѣдетъ въ Лайбахъ для того, чтобъ броситься въ объятія союзниковъ и отдать въ ихъ распоряженіе свое государство и свою собственную особу; онъ тотчасъ же отправилъ къ союзнымъ государямъ письмо, въ которомъ отрекался отъ всего сдѣланнаго имъ въ Неаполѣ *по принужденію*. Узнавъ объ этомъ поведеніи Фердинанда, Касльри писалъ Стюарту: «Еслибъ я былъ Меттернихомъ, то не согласился бы впутывать своего дѣла въ эту паутину двоедушія и неискренности, которыми изобилуетъ жизнь короля Фердинанда. Я остаюсь при мнѣніи, что Меттернихъ существенно ослабилъ свое положеніе, сдѣлавши изъ австрійскаго вопроса —европейскій. Онъ скорѣе привлекъ бы на свою сторону общественное мнѣніе (особенно у насъ), еслибъ просто настаивалъ на опасномъ характерѣ карбонарскаго правительства для каждаго итальянскаго государства, чѣмъ спустивши свой корабль въ безграничный океанъ. Но нашъ другъ Меттернихъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, предпочитаетъ сложную негоціацію смѣлому и быстрому удару».

Изъ Ливорно король Фердинандъ отправился во Флоренцію, и отсюда медленно ѣхалъ въ Лайбахъ, чтобъ дать собраться въ

этотъ городъ государямъ и министрамъ. 4-го января 1821 г. пріѣхалъ въ Лайбахъ императоръ Францъ, 7-го — императоръ Александръ; король прусскій не пріѣхалъ. Министры въ Лайбахѣ были тѣ же, что и въ Троппау; только съ французской стороны къ Караману и Ла-Ферронэ былъ присоединенъ Блака, могшій имѣть большое значеніе по своимъ отношеніямъ къ Людовику XVIII, по твердости своего характера и по обширнымъ свѣдѣніямъ, какія онъ имѣлъ объ итальянскихъ дѣлахъ. Итальянскіе государи: папа, король сардинскій, великій герцогъ тосканскій и герцогъ моденскій, прислали своихъ министровъ; герцогъ моденскій пріѣхалъ и самъ. 8-го января, пріѣхалъ въ Лайбахъ король неаполитанскій, и съ самаго начала разразился въ жалобахъ на то, что съ нимъ случилось въ Неаполѣ, прямо высказалъ желаніе, чтобъ все было возстановлено здѣсь по старому, для чего необходимо употребить силу; Фердинандъ нашелъ совѣтъ и поддержку въ князѣ Руффо, посланникѣ своемъ въ Вѣнѣ, который находился совершенно подъ вліяніемъ меттерниховскихъ идей. Каподистрія, который и въ Лайбахѣ продолжалъ съ Меттернихомъ борьбу, начатую еще въ Ахенѣ, рѣшился сказать Руффо, что его вліяніе пагубно для его отечества, что онъ больше австріецъ, чѣмъ неаполитанецъ. Но борьба съ Меттернихомъ въ Лайбахѣ была трудна: его поддерживалъ король Фердинандъ и князь Руффо; его поддерживали министры всѣхъ итальянскихъ государей; герцогъ моденскій прямо говорилъ: «Если дадутъ конституцію Неаполю, то мнѣ не останется ничего больше, какъ продать мои владѣнія съ аукціона и выѣхать изъ Италіи». Наконецъ, Меттернихъ нашелъ себѣ опору тамъ, гдѣ никакъ не надѣялся найти ея; онъ нашелъ ее въ Поццо-ди-Борго, который еще въ Троппау, куда былъ вызванъ изъ Парижа, высказался рѣзко насчетъ итальянскихъ событій, представилъ, что неаполитанцы, да и всѣ итальянцы, по своей общественной неразвитости и врожденнымъ недостаткамъ, неспособны къ либеральной формѣ правленія. Знаменитый корсиканецъ пользовался большимъ авторитетомъ; сужденіе итальянца объ Италіи производило сильное впечатлѣніе, которое увеличивалось еще тѣмъ, что Поццо былъ человѣкъ независимый, нисколько не находившійся подъ вліяніемъ австрійскаго министра, напротивъ, боровшійся съ нимъ. Когда, въ Лайбахѣ, Ла-Ферронэ, въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, выразилъ опасеніе, что справедливое негодованіе на революціи испанскую и неаполитанскую можетъ охладить императора къ конституціоннымъ учрежденіямъ, которыхъ онъ былъ до сихъ поръ ревностнымъ покровителемъ, то Александръ отвѣчалъ: «Чѣмъ я былъ, тѣмъ остаюсь теперь, и останусь на-

всегда. Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить; но можно ли вводить ихъ безъ различія у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы въ равной степени готовы къ ихъ принятію; ясное дѣло, что свобода и права, которыми можетъ пользоваться такая просвѣщенная нація, какъ ваша, нейдутъ въ отсталымъ и невѣжественнымъ народамъ обоихъ полуострововъ». Въ этихъ словахъ нельзя не признать близкой связи съ словами Поццо-ди-Борго. И теперь, когда императоръ Александръ все еще выражалъ надежду, что дѣло можетъ кончиться мирными соглашеніями, Поццо настаивалъ, чтобъ не входить въ сношенія съ бунтовщиками; онъ говорилъ: «Какъ скоро король возвратится и порядокъ будетъ возстановленъ, тогда можно будетъ видѣть, чтó сдѣлать; но, во всякомъ случаѣ, не должно учреждать въ Неаполѣ ничего такого, чтó не можетъ быть учреждено и въ Миланѣ».

16 января, конгрессъ сообщилъ князю Руффо оффиціальное свое рѣшеніе—не признавать неаполитанскую революцію и положить ей конецъ или мирными средствами, если возможно, или силою, если будетъ необходимо. По уничтоженіи новаго правительства и по возстановленіи спокойствія въ странѣ, у государей будетъ одно желаніе, чтобы король, окруживъ себя людьми самыми мудрыми и честными, изгладилъ самую память о печальной революціонной эпохѣ установленіемъ такого порядка вещей, который въ самомъ себѣ носилъ бы ручательство за свою прочность, который соотвѣтствовалъ бы истиннымъ интересамъ народа, и былъ способенъ успокоить сосѣднія государства насчетъ ихъ безопасности. 19 января, Руффо отвѣчалъ отъ имени королевскаго, что Фердинандъ, видя неизмѣнное рѣшеніе великихъ державъ, подчиняется необходимости, и, чтобъ избавить своихъ подданныхъ отъ бѣдствій войны, дастъ знать герцогу калабрійскому о состояніи дѣла. Письмо стараго короля къ сыну, одобренное конгрессомъ, заключалось въ слѣдующемъ: «Государи рѣшительно высказались противъ порядка вещей, который, по ихъ мнѣнію, нарушаетъ спокойствіе Италіи; они даже опредѣлили уничтожить его оружіемъ, если увѣщательныя средства не помогутъ. Если въ Неаполѣ откажутся отъ него добровольно, то дальнѣйшія распоряженія будутъ сдѣланы при моемъ посредничествѣ; но и въ этомъ случаѣ, дворы требуютъ ручательствъ, необходимыхъ для безопасности сосѣднихъ державъ. Не стѣсняя свободы моихъ дѣйствій, союзники, однако, указали мнѣ общую точку зрѣнія, съ какой они смотрятъ на систему, долженствующую смѣнить нынѣшній порядокъ вещей въ Неаполѣ: они желаютъ, чтобы я, окруженный самыми честными и самыми мудрыми

людьми въ королевствѣ, согласилъ постоянные интересы моего народа съ сохраненіемъ общей безопасности». Къ этому письму, которое герцогъ калабрійскій долженъ былъ опубликовать, приложено было еще письмо конфиденціальное, въ которомъ король объяснялъ, что̀ должно разумѣть подъ гарантіями, которыхъ требовали союзники: должно было разумѣть временное пребываніе въ Неаполитанскомъ королевствѣ корпуса австрійскихъ войскъ, которыя, впрочемъ, будутъ находиться подъ начальствомъ герцога калабрійскаго. Противъ этого тщетно спорили французскіе уполномоченные: король Фердинандъ и Руффо объявили, что они безъ австрійскаго войска ни подъ какимъ видомъ не возвратятся въ Неаполь.

Въ ожиданіи отвѣта изъ Неаполя на королевское письмо, австрійскія войска перешли р. По, 5 февраля, и вступили въ Папскія владѣнія, а конгрессъ занялся обсужденіемъ вопроса о будущемъ устройствѣ Неаполитанскаго королевства, что̀ подало поводъ къ сильнымъ спорамъ.

Меттернихъ хотѣлъ, чтобы король Фердинандъ сдѣлалъ въ Лайбахѣ какое-нибудь рѣшеніе, разумѣется, согласное съ видами Австріи, и оставался ему вѣренъ въ Неаполѣ. Представители Франціи требовали, чтобъ предоставить королю полную свободу рѣшать дѣла въ Неаполѣ: въ Лайбахѣ—говорили они—въ странѣ чужой, у него только одинъ совѣтникъ, князь Руффо, тогда какъ въ Неаполѣ онъ будетъ окруженъ самыми свѣдущими людьми въ цѣломъ королевствѣ. Меттернихъ выразился на этотъ счетъ очень откровенно: «Но если король, по возвращеніи въ Неаполь, приметъ вашу хартію?»—Блака̀ отвѣчалъ ему съ такою же откровенностью: «Въ этомъ случаѣ, мы будемъ поддерживать волю его сицилійскаго величества». Каподистріа, какъ обыкновенно, былъ противъ Меттерниха. Когда онъ, однажды, произнесъ слово: «конституція», Меттернихъ не вытерпѣлъ и сказалъ, что это слово не должно быть произносимо въ конгрессѣ; Австрія не потерпитъ, чтобъ въ Неаполѣ была конституція. «Но если самъ король ее дастъ?» спросилъ Каподистріа.—«Въ такомъ случаѣ,— отвѣчалъ Меттернихъ,—мы объявимъ войну королю, чтобъ заставить его отказаться отъ конституціи, ибо для насъ она всегда опасна, какъ бы ни явилась; и это рѣшеніе не одной Австріи, но всѣхъ государей италъянскихъ». Впрочемъ, Меттернихъ видѣлъ, что надобно идти на сдѣлку; онъ заявилъ Блака̀, что онъ вовсе не врагъ благоразумной свободы, понимаетъ необходимость благоразумныхъ реформъ, и жаловался, что никакъ не можетъ убѣдить Руффо въ выгодѣ серьёзнаго совѣщательнаго собранія: «Если онъ не образумится,—прибавилъ Меттернихъ,—то мы ото-

шлемъ его въ Вѣну, и обдѣлаемъ дѣло безъ него». 14-го февраля, Руффо и Меттернихъ представили конференціи два проекта, сходные въ основѣ: большой государственный совѣтъ для цѣлаго королевства; двѣ консульты: одна въ Неаполѣ изъ 20 членовъ, для твердой земли, другая—въ Палермо изъ 12 членовъ, для Сициліи, составленныя изъ самыхъ богатыхъ собственниковъ, подаютъ свои голоса по всѣмъ вопросамъ администраціи, по всѣмъ проектамъ, поступающимъ въ государственный совѣтъ, и спеціально разсматриваютъ бюджеты для обѣихъ частей монархіи; въ каждой провинціи совѣтъ, члены котораго избираются королемъ изъ знатнѣйшихъ собственниковъ; обязанность совѣта состоитъ въ разложеніи податей и въ распоряженіи другими предметами мѣстнаго интереса; для той же цѣли, муниципальные совѣты въ каждой общинѣ. По проекту Меттерниха, болѣе либеральному, каждая консульта сама избирала своего президента; провинціальные совѣты имѣли участіе въ выборѣ членовъ консульты, которые отправляли свою должность въ продолженіе трехъ лѣтъ и не могли снова быть избраны. Конференція поручила князю Руффо соединить общія черты обоихъ проектовъ въ одну редакцію, предоставляя королю, впослѣдствіи, опредѣлить подробности. 21-го февраля, представители итальянскихъ государствъ объявили, что основанія, наложенныя въ проектѣ, могутъ содѣйствовать утвержденію спокойствія въ Италіи; но сардинскій министръ прибавилъ условіе, чтобъ совѣщательный корпусъ былъ организованъ въ монархическихъ формахъ; а министръ моденскій потребовалъ — избѣгать всякаго вида соглашенія съ революціонною партіею. Уполномоченные Россіи, Австріи и Пруссіи изъявили желаніе, чтобъ проектъ оказалъ благопріятное вліяніе на страну и былъ счастливо и совершенно приведенъ въ исполненіе. Французскіе министры, отказываясь выразить свое мнѣніе, объявили, однако, что король ихъ узнàетъ съ удовольствіемъ о рѣшеніи короля неаполитанскаго — окружить себя самыми вѣрными подданными, для установленія учрежденій, которыя должны обезпечить счастіе его подданныхъ и спокойствіе Италіи. Лордъ Стюартъ говорилъ въ томъ же смыслѣ. По этому смыслу выходило, что король Фердинандъ окружитъ себя вѣрными подданными—это главное; но чтò выйдетъ вслѣдствіе такого окруженія? Ла-Ферроннэ, обратившись къ Меттерниху, спросилъ его: какъ смотрѣть на трудъ, представленный княземъ Руффо—смотрѣть ли на него, какъ на простой проектъ, который король Фердинандъ можетъ впослѣдствіи измѣнить, или это обязательство съ его стороны? Меттернихъ смутился неожиданнымъ вопросомъ и, помолчавши нѣсколько времени, отвѣчалъ, что это—обязательство.

«Значитъ, если король, возвратясь въ свои владѣнія, захотѣлъ бы измѣнить проектъ, то онъ не властенъ этого сдѣлать?» спросилъ опять Ла-Ферроннэ. «Конечно, — отвѣчалъ Меттернихъ: — итальянскія государства не могутъ смотрѣть иначе на дѣло, не могутъ потерпѣть учрежденій, несовмѣстимыхъ съ ихъ спокойствіемъ».—«Благодарю васъ, князь, — сказалъ Ла-Ферроннэ, — мнѣ это только и нужно было знать».

Двѣ противоположныя системы олицетворялись въ это время въ двухъ дѣятеляхъ—Меттернихѣ и Каподистріа; конгрессъ представлялся боемъ между этими соперниками; могущественный русскій государь стоялъ между бойцами, и на чью сторону онъ склонится, та и получитъ торжество. Держится русскій императоръ либеральнаго направленія — значитъ вліяніе Каподистріа сильно; уклоняется отъ этого направленія — значитъ вліяніе Меттерниха усилилось, русскій императоръ находится въ его рукахъ. Такъ смотрѣли современники; такъ повторяется въ сочиненіяхъ, описывающихъ эпоху конгрессовъ. Но мы не считаемъ согласнымъ съ историческою осторожностью и точностью представлять дѣло именно такимъ образомъ; мы не можемъ приписать Меттерниху такого сильнаго вліянія на императора Александра, на перемѣну его образа мыслей, не можемъ допустить и рѣзкости этой перемѣны. Не Меттернихъ, но революціонныя движенія, обхватывавшія всю Европу, должны были производить сильное впечатлѣніе на императора Александра; эти движенія не могли заставить его перемѣнить своего прежняго взгляда, но должны были, какъ обыкновенно бываетъ при столкновеніи извѣстнаго взгляда съ дѣйствительностью, повести къ извѣстнымъ ограниченіямъ, опредѣленіямъ, какъ напримѣръ: либеральныя учрежденія не должны быть добываемы революціоннымъ путемъ; не всѣ народы въ равной степени способны пользоваться одними и тѣми же учрежденіями, при введеніи которыхъ, слѣдовательно, надобно наблюдать постепенность. Эти опредѣленія, особенно второе, должны были очень нравиться, ибо успокоивали: основное направленіе оставалось нетронутымъ, только развивалось въ подробностяхъ, въ приложеніи, согласно съ событіями. Но Меттернихъ не могъ пріобрѣтать вліянія предложеніемъ такихъ успокоительныхъ опредѣленій, ибо къ нимъ можно было придти, отправляясь отъ принциповъ, противоположныхъ принципамъ австрійскаго министра. Поццо-ди-Борго могъ утверждать, что итальянцы не способны къ либеральнымъ учрежденіямъ, и производить своими словами сильное впечатлѣніе, ибо отправлялся отъ мысли, что другіе народы, болѣе зрѣлые, способны къ либеральнымъ учрежденіямъ, и императоръ Александръ, основываясь на словахъ Поццо, могъ гово-

рить французскому посланнику: «Чтó полезно вамъ, просвѣщеннымъ французамъ, то вредно отсталымъ, невѣжественнымъ итальянцамъ». Но Меттернихъ не могъ отправляться отъ мысли, отъ которой отправлялся Поццо: его взглядъ, его система были слишкомъ хорошо извѣстны; подчиняться вліянію Меттерниха могли только люди, или не имѣвшіе собственныхъ взглядовъ и убѣжденій, или издавна согласные съ направленіемъ австрійскаго канцлера и находившіе въ его системѣ и дѣятельности лучшее и полнѣйшее выраженіе своихъ убѣжденій, или, наконецъ, люди, изъ страха передъ революціоннымъ движеніемъ, круто повернувшіе въ противоположную сторону. Но императоръ Александръ не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ людей; онъ не могъ разорвать съ своимъ прошедшимъ; онъ могъ, въ силу обстоятельствъ, изъ словъ Поццо вывести извѣстное ограниченіе или опредѣленіе для своего взгляда, ибо этотъ взглядъ былъ у него одинаковъ съ Поццо, но не могъ подчиниться вліянію Меттерниха, котораго основной взглядъ былъ совершенно иной, и который, съ вѣнскаго конгресса, не пользовался расположеніемъ русскаго императора. Вся сила, все значеніе Меттерниха основывались на благопріятныхъ для него, для его системы обстоятельствахъ, которыми онъ умѣлъ пользоваться; то, чтó должно было преимущественно приписать силѣ обстоятельствъ, приписали личной нравственной силѣ Меттерниха, тѣмъ болѣе, что онъ употреблялъ всѣ усилія овладѣть вниманіемъ и волею русскаго государя; но успѣхъ австрійскаго канцлера на конгрессѣ не былъ полонъ уже и потому, что онъ долженъ былъ входить въ сдѣлку съ прямо противоположнымъ направленіемъ, какъ то видно изъ его проекта, несравненно болѣе либеральнаго, чѣмъ проектъ, составленный Руффо.

7-го февраля, пріѣхалъ въ Неаполь курьеръ съ письмомъ отъ короля Фердинанда къ герцогу калабрійскому: старый король писалъ, что государи приняли неизмѣнное рѣшеніе не признавать порядка вещей, созданнаго въ Неаполѣ революціею и, въ случаѣ необходимости, сокрушить его силою оружія, слѣдовательно, неотлагательная покорность есть единственное средство предохранить королевство отъ бѣдствій войны. Затѣмъ, Фердинандъ давалъ знать сыну, что государи и въ этомъ случаѣ требуютъ нѣкоторыхъ гарантій; чтó же касается до будущаго, то указывалъ на основанія, находившіяся въ проектѣ Меттерниха-Руффо. 9-го числа, русскій, австрійскій и прусскій посланники объявили регенту, что австрійская армія получила приказъ выступить въ походъ; что она или займетъ королевство дружественнымъ образомъ, или проникнетъ въ него силою; что если австрійскія войска будутъ

отражены, то русскія выступятъ вслѣдъ за ними; что союзныя державы полагаются на благоразуміе самого герцога, который съумѣлъ привесть націю въ желаемому порядку вещей. Герцогъ отвѣчалъ, что если бы даже онъ имѣлъ въ рукахъ необходимую силу, то и тогда не употребилъ бы этой силы противъ націи, отъ которой никогда не отдѣлится. 13-го числа, лайбахскія рѣшенія были объявлены парламенту; 15-го—парламентъ объявилъ ихъ несовмѣстными съ достоинствомъ, честью и независимостью неаполитанскаго народа. Герцогъ калабрійскій отвѣчалъ отцу, что онъ не можетъ смотрѣть на его письмо, какъ на свободное выраженіе его воли, и что онъ рѣшился раздѣлить опасности и судьбу націи, и пожертвовать своею жизнью и жизнью своего семейства для защиты правъ, независимости и чести родной страны.

Посланники русскій, австрійскій и прусскій выѣхали изъ Неаполя; повѣренные въ дѣлахъ англійскій и французскій остались. Нерѣшительныя дѣйствія Франціи, ея колебанія между политикою континентальныхъ великихъ державъ и политикою Англіи, возбуждали неудовольствіе императора Александра, который прямо высказалъ Ла-Ферроннэ, къ чему повело такое поведеніе французскаго правительства. «Я не менѣе вашего огорченъ въ глубинѣ сердца, что неаполитанскій вопросъ не разрѣшился примирительнымъ образомъ, но для этого было необходимо, чтобъ верховное рѣшеніе принадлежало Россіи и Франціи; Австрія и Пруссія всегда хотѣли войны; такъ какъ Австрія въ этомъ дѣлѣ, естественно, призвана къ главной роли, то я не могъ отдѣлиться отъ нея иначе, какъ разрушивши великій союзъ, что̀ повело бы къ переворотамъ въ Италіи, быть можетъ и въ Германіи, и я счелъ своею обязанностью скорѣе пожертвовать своимъ личнымъ взглядамъ, чѣмъ допустить до подобныхъ явленій. Притомъ, это вѣрный способъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представляемому тайными обществами, которыя подрываютъ основанія общественнаго порядка». 26-го февраля, лайбахскій конгрессъ оффиціально закрылся, причемъ положено было собраться на новый конгрессъ во Флоренціи, въ сентябрѣ будущаго 1822 года. Неаполитанскій король долженъ былъ отправиться во Флоренцію и тамъ дожидаться, чѣмъ кончатся дѣла въ его королевствѣ. Фердинанда должны были сопровождать дипломатическіе агенты со стороны великихъ державъ. Австрійскій агентъ получилъ отъ своего двора инструкцію не позволять удаляться отъ основаній, изложенныхъ въ проектѣ Меттерниха-Руффо. Со стороны Россіи отправлялся Поццо-ди-Борго, котораго инструкція предоставляла ему только право совѣта, причемъ онъ долженъ былъ обращать

вниманіе на мнѣнія короля и націи. Меттернихъ понапрасну старался заставить зачеркнуть послѣднее слово. Прусскій уполномоченный Бернсторфъ сказалъ по этому случаю: «Мы было-думали, что императоръ обяжетъ короля Фердинанда употребить нѣсколько примѣровъ строгости». — «Значитъ, вы ошибаетесь относительно намѣреній императора,—отвѣчалъ Каподистріа:—совѣтъ его величества королю Фердинанду можетъ состоять только въ томъ, чтобъ оказывать наибольшую умѣренность».

Несмотря на оффиціальное закрытіе конгресса, оба императора и министры разныхъ дворовъ оставались въ Лайбахѣ, дожидаясь успокоительныхъ извѣстій изъ Неаполя; но пришли тревожныя вѣсти изъ сѣверной Италіи: въ Піемонтѣ вспыхнула революція.

Давно уже политическая жизнь, изсякшая въ другихъ частяхъ Италіи, сохранялась только въ Піемонтѣ, въ значеніи котораго для раздробленной и безсильной Италіи нельзя не замѣтить сходства съ значеніемъ Пруссіи для раздробленной и безсильной Германіи. Находясь постоянно между двухъ огней, между двумя великими державами—Франціею и Австріею, стремившимися утвердить свое вліяніе и владычество въ Италіи, слабые владѣльцы Піемонта, герцоги савойскіе, умѣли держаться ловкою и далеко небезупречною политикою, сходною съ политикою великаго курфюрста бранденбургскаго въ борьбѣ между Швеціею и Польшею. Мѣнять, по обстоятельствамъ, союзъ съ одною соперничествующею державою на союзъ съ другою, выговаривая себѣ разныя вознагражденія за эти союзы—служило основаніемъ піемонтской политики. Какъ бранденбургскіе курфюрсты добились, наконецъ, королевскаго титула по освобожденія изъ польскаго вассальства Пруссіи, чѣмъ, по словамъ Фридриха II, заброшено было въ гогенцоллернскій домъ сѣмя честолюбія, которое рано или поздно должно было дать плодъ: такъ и герцоги савойскіе добились королевскаго титула по островамъ, сначала Сициліи, потомъ Сардиніи. И здѣсь этотъ титулъ былъ, какъ видно, сѣменемъ честолюбія. Сардинскіе короли начали также хлопотать объ усиленіи себя, объ округленіи своихъ владѣній въ Италіи, причемъ не спускали глазъ съ Миланской области: «Сынъ!» говаривалъ король Карлъ-Эммануилъ своему наслѣднику: «Миланская область—это артишокъ, который надобно кушать листикъ за листикомъ». Еще въ 1733 году, между парижскимъ и туринскимъ дворами былъ заключенъ договоръ, по которому австрійцы должны были быть изгнаны изъ Италіи; Миланъ присоединяется къ Піемонту и составляетъ Ломбардское королевство; Мантуа также присоединяется къ Піемонту, за-то Савойя уступается Франціи. Бурныя движенія революціонной Франціи смыли съ карты континентальной Европы Сардинское коро-

левство; послѣ паденія Наполеона, королевство было возстановлено съ придаткомъ Генуи; но правительство и народъ возстановленнаго королевства вынесли изъ эпохи испытанія непримиримую ненависть къ Австріи, которая своимъ поведеніемъ, во время очищенія Италіи Суворовымъ, доказала всю свою враждебность къ Піемонту, а теперь, съ 1814 года, Австрія пользовалась въ Италіи самымъ могущественнымъ вліяніемъ. Знаменитый савоярь, Жозефъ де-Местръ писалъ въ 1804 году: «Пока живъ, не перестану повторять, что Австрія есть естественный и вѣчный врагъ короля (сардинскаго). Чего хочетъ король?—утвержденія своей власти въ сѣверной Италіи. Чего боится Австрія? — этого самаго утвержденія. Итакъ...» Это: «итакъ» очень хорошо понимали въ Піемонтѣ. Теперь Австрія распоряжается въ Италіи, хочетъ ввести свои войска въ Неаполь, уничтожить тамъ новый порядокъ вещей, а этотъ порядокъ имѣетъ въ Піемонтѣ многочисленныхъ приверженцевъ; адвокаты, купцы, литераторы, студенты недовольны возстановленіемъ привилегій, вспоминаютъ съ сожалѣніемъ о равенствѣ, которое было у нихъ во время французскаго владычества; карбонаризмъ пустилъ корни и въ Піемонтѣ; сосѣдство волнующейся Франціи, революція испанская, неаполитанская оказывали сильное вліяніе. Гостиная французскаго посланника, герцога Дальберга, была мѣстомъ свиданія недовольныхъ, которые изъ словъ посланника имѣли право заключить, что, въ случаѣ возстанія, они будутъ поддержаны Франціею. 11-го января, произошла въ Туринѣ студенческая вспышка; солдаты усмирили студентовъ, но этимъ дѣло не кончилось, потому-что обширный заговоръ зрѣлъ въ войскѣ и даже въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ хотѣли французской хартіи. Молодой принцъ каринъянскій, глава младшей линіи королевскаго дома и ближайшій наслѣдникъ престола послѣ герцога генуезскаго, брата королевскаго, не имѣвшаго, также какъ и король, сыновей, не былъ чуждъ замысламъ заговорщиковъ; мы видѣли, что существовало особое тайное общество «адельфовъ», дѣйствовавшее въ пользу либеральнаго герцога каринъянскаго. 10-го марта, часть алессандрійскаго гарнизона съ нѣсколькими сотнями *патріотовъ* или, такъ-называемыхъ, *итальянскихъ федератовъ*, провозгласили конституцію, овладѣли крѣпостью и учредили временную юнту; въ тотъ же день, революція вспыхнула въ Пиньероли, и на другой день—въ самомъ Туринѣ; здѣсь революціонеры овладѣли крѣпостью при крикахъ: «Да здравствуетъ король! да здравствуетъ испанская конституція! война австрійцамъ!» Скоро эти крики раздались по всему городу. Король Викторъ-Эммануилъ, видя, съ одной стороны, невозможность сладить съ революціею, а съ

другой, не желая уступить ей, отрекся отъ престола, и такъ какъ братъ его, герцогъ генуезскій, находился въ это время у зятя своего, герцога моденскаго, то регентомъ въ Туринѣ провозглашенъ былъ принцъ кариньянскій, который принужденъ былъ уступить требованіямъ народа и провозгласить испанскую конституцію. Сильное волненіе обнаружилось и въ Ломбардіи, гдѣ также дѣйствовали карбонари.

Извѣстія о событіяхъ въ Алессандріи и Туринѣ произвели въ Лайбахѣ такое же громовое впечатлѣніе, какое, въ 1815 г., было произведено въ Вѣнѣ извѣстіемъ о высадкѣ Наполеона на берега Франціи; смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ ужасѣ. Боялись, что подобныя же явленія обнаружатся и въ другихъ частяхъ полуострова, что народныя массы, поддержанныя войсками Неаполя и Сардиніи, подавятъ ненавистную итальянцамъ австрійскую армію; опасались, что движеніе отзовется во Франціи, въ Германіи, въ Польшѣ. Страхъ овладѣлъ Меттернихомъ, который вовсе не отличался твердостью духа въ опасностяхъ. Но какъ въ 1815 году въ Вѣнѣ, такъ и теперь въ Лайбахѣ, императоръ Александръ положилъ конецъ этому всеобщему ужасу; онъ сказалъ императору Францу: «Мои войска въ распоряженіи вашего величества, если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя». Австрійскій императоръ принялъ это предложеніе съ благодарностью, и стотысячная русская армія получила приказъ вступить въ Галицію; прежде истеченія двухъ мѣсяцевъ, она должна была явиться въ Италіи.

Сто тысячъ русскаго войска! Да кромѣ этихъ ста тысячъ, русскій императоръ приказалъ готовить еще двѣ другія арміи! Значитъ, опять судьба Европы въ рукахъ русскаго государя, и, разъ уничтоживши революціонныя движенія своимъ войскомъ, императоръ Александръ можетъ распорядиться въ Италіи не такъ, какъ бы хотѣлось Австріи: Поццо-ди-Борго получилъ же инструкцію принимать въ соображеніе мнѣніе короля и націи! Меттерниху стало страшно; но когда австрійскому министру становилось страшно предъ Россіею, то онъ могъ быть увѣренъ, что найдетъ полное сочувствіе въ Англіи. Сочувствіе выразилось въ томъ, что Меттернихъ и Гордонъ, оба ненавидѣвшіе Францію, рѣшились обратиться къ этой державѣ, чтобъ ея силами уравновѣсить силы Россіи. Императоръ Францъ выразилъ Ла-Ферроннэ желаніе, чтобъ Франція взялась потушить піемонтскую революцію для отнятія у Россіи предлога двигать свои войска. «Мы не можемъ — говорилъ императоръ — дѣйствовать противъ Піемонта, какъ дѣйствуемъ противъ Неаполя: австрійцы и піемонтцы ненавидятъ другъ друга, насъ заподозрятъ въ ко-

ристныхъ видахъ». Ла-Ферроннэ отвѣчалъ, что какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Туринѣ французское правительство не позволитъ себѣ вооруженнаго вмѣшательства и, сильно порицая возмущеніе піемонтской арміи, ограничится дѣйствіемъ чисто нравственнымъ. Дѣлать нечего, надобно было ждать страшной русской помощи. Но движеніе русскихъ войскъ наводило страхъ не на одну Австрію и Англію; безпокойство овладѣло всею Европою: сомнѣвались, чтобъ такая огромная армія была нужна для потушенія піемонтской революціи; подозрѣвали, нѣтъ ли соглашенія между неограниченными монархами уничтожить всюду либеральныя учрежденія и потушить самый очагъ пожара — во Франціи. Ла-Ферроннэ, отправляясь во Францію, счелъ своею обязанностью высказаться откровенно предъ императоромъ Александромъ насчетъ этихъ опасеній. Императоръ сталъ торопить его, чтобъ поскорѣе ѣхалъ во Францію и старался тамъ, съ одной стороны, уничтожить ложныя опасенія, съ другой — внушить своему кабинету болѣе твердую политику. На прощаньи и императоръ Францъ старался разувѣрить Ла-Ферроннэ насчетъ враждебныхъ намѣреній противъ французской конституціи: «Признаюсь—говорилъ Францъ—что я не люблю всѣ эти новыя конституціи; но мнѣ никогда не приходило въ голову касаться существующихъ учрежденій. И потомъ, относительно Франціи, большая разница: эта страна такъ просвѣщенна!» Императоръ Александръ сказалъ ему, что скорѣе пожертвуетъ половиною своей арміи, чѣмъ допуститъ какое-нибудь государство посягнуть на территорію или на учрежденія Франціи: «Столкновеніе—сказалъ онъ—можетъ произойти только отъ васъ. Мои войска пойдутъ медленно, и если въ Піемонтѣ все уладится, то они получатъ приказъ тотчасъ же остановиться».

Случилось послѣднее. Неаполитанцы остались вѣрны своей исторіи, вѣрны преданію не биться съ чужими войсками, которымъ, зачѣмъ бы то ни было, вздумается войти въ ихъ владѣнія. Сначала, впрочемъ, можно было подумать, что неаполитанскій характеръ измѣнился: 7 марта, карбонарскій генералъ Пепе напалъ на австрійцевъ при Ріэти; но, убивъ у непріятеля человѣкъ 60, неаполитанцы сочли это совершенно достаточнымъ, и обратились въ бѣгство. Другая неаполитанская армія, стоявшая при Гарильяно подъ начальствомъ генерала Карасковы, услыхавъ о пораженіи Пепе, начала исчезать: волонтеры и старые солдаты толпами покидали знамена; не бѣжала одна гвардія королевская, но та стояла за короля Фердинанда, какимъ онъ былъ до революціи. Герцогъ калабрійскій, пріѣхавшій-было принять начальство надъ войскомъ, счелъ за лучшее какъ мо-

жие скорѣе возвратиться въ Неаполь. Австрійскій генералъ Фримонъ, какъ видно, плохо знавшій прежнюю неаполитанскую исторію, растерялся при видѣ такого страннаго явленія; сначала подумалъ-было, что ему готовятъ западню, но скоро успокоился: дорога была совершенно чиста, никакой западни, никакого сопротивленія. 12 марта, собрался парламентъ и вотировалъ адресъ королю Фердинанду: извиняясь въ томъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, парламентъ думалъ, что дѣйствовалъ согласно съ королевскимъ желаніемъ. Парламентъ умолялъ Фердинанда явиться среди народа и высказать откровенно свои намѣренія, объявить какъ можно скорѣе улучшенія, какія онъ признаетъ нужными; но чтобы иностранцы, *ультрамонтаны*, не становились между народомъ и его главою. Король отвѣчалъ напоминаніемъ о своемъ письмѣ изъ Лайбаха: тамъ сказано все, что нужно знать его подданнымъ о его будущихъ намѣреніяхъ. 24 марта, австрійцы вступили въ Неаполь при кликахъ народа: «да здравствуетъ король!»

Піемонтская революція также скоро прекратилась; но при этомъ нельзя останавливаться на одномъ видимомъ сходствѣ явленій. Въ Піемонтѣ только половина войска была за революцію; въ остальномъ народонаселеніи—меньше половины; между людьми, желавшими перемѣны, образовались двѣ партіи—умѣренная и крайняя. Умѣренная партія, сильная въ Туринѣ, имѣла вождя въ принцѣ кариньянскомъ, и хотѣла конституціи съ прекращеніемъ революціоннаго движенія; крайняя партія, господствовавшая въ Алессандріи, хотѣла соединенія всей Италіи въ одно государство, требовала немедленнаго объявленія войны Австріи и нападенія на Ломбардію, для отвлеченія австрійскихъ силъ отъ Неаполя. Крайняя партія брала явный перевѣсъ; тогда принцъ кариньянскій, принужденный каждый день соглашаться на мѣры, которыхъ не одобрялъ, тайно ночью (съ 21-го на 22-е марта) выѣхалъ изъ Турина въ Новарру, гдѣ сосредоточивалось вѣрное прежнему порядку войско, и объявилъ, что отказывается отъ должности регента; многіе изъ умѣренныхъ либераловъ послѣдовали его примѣру и отказались отъ своихъ должностей. Такимъ образомъ, направленіе движенія сосредоточилось въ крайней партіи, слабой отпаденіемъ умѣренныхъ и не пользовавшейся сочувствіемъ большинства. Для низложенія этой крайней партіи не стоило двигать ста тысячъ войска, и императоръ Александръ выразилъ желаніе, чтобъ Піемонтъ былъ успокоенъ увѣщательными средствами. Русскій посланникъ въ Туринѣ, графъ Мочениго предложилъ революціонному правительству свое посредничество; французскій посланникъ присталъ къ нему. Графъ Мо-

ченнаго требовалъ, чтобъ революціонное правительство оказало безусловную покорность новому королю и, въ такомъ случаѣ, не только австрійцы не вступятъ въ Піемонтъ, но будетъ дана полная амнистія и сдѣланы будутъ улучшенія, административныя реформы. Туринская юнта согласилась бы на это охотно; но алессандрійская объявила, что не откажется отъ испанской конституціи, и революціонная армія приняла наступательное движеніе противъ роялистской, сосредоточенной, какъ мы видѣли, въ Новаррѣ, подъ начальствомъ графа Латура. Но въ самомъ началѣ битвы, австрійскій корпусъ явился на помощь роялистамъ; продержавшись нѣсколько часовъ противъ сильнѣйшаго вдвое непріятеля, конституціонисты должны были отступить, и отступленіе скоро превратилось въ бѣгство. Революція была сломлена; члены временного правительства, ночью, бѣжали изъ Турина, и на другой день графъ Латуръ, приближавшійся къ столицѣ, встрѣтилъ депутацію, которая просила его вступить въ городъ только съ сардинскими войсками. Латуръ согласился, и 10-го апрѣля занялъ Туринъ; герцогъ генуезскій принялъ корону подъ именемъ Карла-Феликса.

Италія была успокоена, и Меттернихъ торжествовалъ, пѣлъ побѣдную пѣснь, перемѣшанную съ пророчествами о новыхъ опасностяхъ, съ жалобами на слабость правительствъ: «Результаты мѣръ, принятыхъ монархами въ Лайбахѣ, осязательны для всѣхъ, положительны, несомнѣнны. Мы имѣли счастіе аттаковать машину, на сооруженіе которой наши противники употребили много иждивенія, разсчитывая на непремѣнное ея дѣйствіе, но ни одно желаніе ихъ не исполнилось, ни одно намѣреніе ихъ не осуществилось. Лагерь противниковъ въ полномъ разгромѣ, и хотите доказательствъ этого разгрома, — вы ихъ найдете въ усиленіи радикализма; либеральные цвѣта почти всюду поблѣднѣли, роли обозначились яснѣе, желанія высказались положительнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ число противниковъ уменьшается. Правительства всѣ безъ исключенія отдаютъ справедливость намѣреніямъ и поведенію твердому, благородному и великодушному великихъ монарховъ. Съ 1814 года, я не видалъ единодушія, такъ рѣзко выразившагося. Люди благонамѣренные довольны и позволяютъ себѣ это говорить. Идеалисты стыдятся того, что они передъ тѣмъ проповѣдывали, и люди чистые между ними довольны; между ними господствуетъ раздраженіе противъ малодушія итальянскихъ реформаторовъ. Послѣдовательные революціонеры, т.-е. радикалы, признаютъ себя побитыми, ибо они осмѣливаются провозглашать, что одно проигранное сраженіе часто не рѣшаетъ еще судьбу войны. Они правы; одушевляемые

этою надеждою, они находятъ средства изгладить память о своемъ пораженіи и вознаградить свои потери новыми побѣдами. Я желалъ бы, чтобъ мнѣ доказали съ другой стороны, что слабость правительствъ менѣе опасна, чѣмъ какъ мнѣ кажется. Извѣстія изъ Неаполя и Піемонта сообщаютъ много данныхъ насчетъ неспособности обоихъ дворовъ. Мы идемъ по условленной дорогѣ; какъ скоро узнаемъ о ложномъ шагѣ, такъ сейчасъ же высказываемся противъ него, и мы, надѣюсь, кончимъ тѣмъ, что вытащимъ корабль, безпрестанно готовый потонуть. Представители дворовъ стоятъ прямо и твердо, ибо дѣйствуютъ согласно—громадное благодѣяніе и естественное послѣдствіе совершеннаго согласія между монархами. Мы сильно хлопочемъ около римскаго двора, чтобъ вывести его изъ неподвижности; есть нѣкоторая надежда, что успѣемъ. Немного бодрости и смысла у итальянскихъ правительствъ—и Италія будетъ поставлена внѣ всякой опасности въ настоящую минуту. Во Франціи правительство могло бы сдѣлать много, еслибъ было такъ сильно, какъ должно было бы быть. Великій революціонный очагъ постоянно тамъ въ наибольшей дѣятельности, и средства потушить его—найти чрезвычайно трудно, потому-что главные его агенты служатъ сами въ полиціи. Я сдѣлалъ, въ этомъ отношеніи, значительныя открытія. Послѣднія пренія въ палатѣ депутатовъ отличаются большою горячностью; мнѣ это нравится, ибо чѣмъ болѣе ожесточенія, тѣмъ болѣе спадаетъ масокъ. Англійское правительство отдаетъ справедливость поведенію монарховъ. Послѣ битвъ, которыя оно дало противъ Троппау, борьба, кажется, не находитъ новой пищи въ актахъ лайбахскихъ. Британскіе агенты за границею сбиты съ дороги, ибо они никогда не могли хорошо уяснить себѣ сущности вопроса. Шведскій король Карлъ-Іоаннъ становится автоматомъ; кажется, онъ любитъ радикаловъ только на другихъ полуостровахъ. Испанія, эта бездна нечестія, стремится къ неминуемой погибели, ибо неестественно, чтобъ принципы, которые тамъ проповѣдуются, не погубили государства. *Эти принципы оттуда не выйдутъ*. Португалія идетъ по той же дорогѣ, и будетъ имѣть ту же участь».

Результаты дѣятельности тайныхъ обществъ, итальянскія революціи были уничтожены; но не уничтожены были тайныя общества, распространившіяся по всей Европѣ и повсюду имѣвшія одинакія цѣли. Меттернихъ начерталъ ихъ исторію и придумалъ планъ дѣйствія противъ нихъ со стороны правительствъ. Въ исторіи указаны были три главныя эпохи, съ которыхъ идетъ чрезвычайное распространеніе тайныхъ обществъ въ послѣднее время. «Французская революція, при началѣ своемъ, остановила

ихъ работу: когда арена была открыта для всѣхъ заблужденій человѣческаго разума и для всякаго рода честолюбій, что могли выиграть адепты въ таинственныхъ сборищахъ? Они всѣ бросились на поприще, которое, льстя мечтамъ ихъ воображенія, открывало имъ возможность блистательно устроить свою судьбу. Такимъ образомъ, революціонныя правительства во Франціи набирались изъ членовъ тайныхъ обществъ, и масонскія ложи опустѣли. Но во время имперіи, когда Бонапартъ поочистилъ администрацію, тайныя общества начали возстановляться. Паденіе Наполеона освободило міръ отъ громадной тяжести, но такъ какъ эта тяжесть лежала одинаково на хорошемъ и на дурномъ, хорошее и дурное одновременно почувствовали себя освобожденными отъ нея, и скоро революціонный духъ пріобрѣтаетъ новыя силы. Организація тайныхъ обществъ во Франціи, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, не восходитъ далѣе 1820 года. Съ 1821 года, прямыя сношенія устанавливаются между революціонерами нѣмецкими и французскими, и въ челѣ первыхъ находятся нѣмецкіе бонапартисты. Самыя значительныя теперь мѣстности Германіи, относительно сосредоточенія революціонныхъ средствъ нѣмецкихъ и французскихъ, суть королевство Виртембергское, городъ Франкфуртъ и нѣкоторые города швейцарскіе. Люди, играющіе въ этихъ мѣстностяхъ главныя роли, суть братья Мургардъ, нѣкоторые франкфуртскіе литераторы и редакторы «Неккарской Газеты». Эта газета подчинена прямому вліянію главнаго комитета въ Парижѣ, и ея главный редакторъ, докторъ Линднеръ, служилъ долгое время дѣятельнымъ агентомъ Бонапарта въ Германіи. До 1820 г., французскіе радикалы имѣли образцомъ свою собственную революцію; но многія попытки поднять массы должны были доказать этимъ людямъ, что подобныя предпріятія теперь уже не представляютъ такой возможности успѣха, какъ въ 1789 году, и вотъ, ихъ вниманіе обратилось на новое средство, употребленное съ успѣхомъ въ Испаніи; и когда то же самое средство въ три дня ниспровергло законное правительство въ Неаполѣ, то французскіе революціонеры должны были усвоить его, какъ самое дѣйствительное и скорое. Изъ всѣхъ тайныхъ обществъ, самое практическое — это карбонизмъ. Рожденный среди народа мало цивилизованнаго, но страстнаго, карбонизмъ носитъ отпечатокъ характера этого народа; отличаясь впечатлительностью, южный итальянецъ какъ легко воспринимаетъ, такъ же легко и приводитъ въ исполненіе. Цѣль, ясно высказанная въ высшихъ степеняхъ общества; средства къ достиженію цѣли простыя и свободныя отъ метафизическихъ бредней масонства; крѣпкое правленіе въ рукахъ у вождей; извѣстное

число степеней для классификаціи членовъ; кинжалъ для наказанія непослушныхъ, нескромныхъ или враговъ — таковъ карбонизмъ, самая совершенная изъ политическихъ сектъ по своей практической организаціи.

«Но какія же средства могутъ правительства противопоставить этому злу? Есть два средства. Во-первыхъ,—объединеніе интересовъ самосохраненія. Во-вторыхъ,—установленіе центра свиданій. Революціонеры враждебны всѣмъ государствамъ, монархіямъ чистымъ, монархіямъ конституціоннымъ, республикамъ: всѣмъ грозитъ одинакая опасность отъ *уравнителей* (нивелёровъ). Никогда еще не было такого единства между великими тѣлами политическими, какое существуетъ въ два послѣдніе года между Россіею, Австріею и Пруссіею. Заботливо отдѣляя интересъ охраненія отъ интересовъ обыкновенной политики, и подчиняя общему интересу всѣ интересы частные, три монарха нашли настоящее средство поддержать свой святой союзъ и совершить благое дѣло громадной важности. Франція теперь дорого платитъ за мечты, которымъ предавались ея послѣднія правительства; настоящее министерство, кажется, слѣдуетъ по дорогѣ, сближающей его съ принципомъ союза. Англія, по вопросу насъ занимающему, должна всегда стоять одиноко, ибо никогда ея политика не можетъ совершенно отождествиться съ политикою державъ континентальныхъ. При этомъ тождествѣ политики, существующемъ между тремя сѣверными государствами, существенно важно присоединить къ нимъ и правительство французское. Этого легче достигнуть путемъ фактическимъ, чѣмъ разсужденіями о необходимости этого тождества; а фактическій путь долженъ состоять въ образованіи центра взаимныхъ сообщеній. Такимъ образомъ, пусть императоръ россійскій и король прусскій назначатъ отъ себя по довѣренному лицу въ Вѣну; императоръ австрійскій назначитъ такое же лицо съ своей стороны. Эти три довѣренныя лица составятъ секретный комитетъ, который составитъ центральный пунктъ, куда будутъ стекаться извѣстія. Каждое правительство, съ этою цѣлью, приметъ мѣры для указанія комитету слѣдовъ всѣхъ заговоровъ, которые оно откроетъ. Центральная слѣдственная коммиссія, учрежденная въ Майнцѣ, будетъ продолжать свою дѣятельность, согласно съ единодушнымъ почти желаніемъ всѣхъ членовъ германской конфедераціи. Работы этой коммиссіи будутъ сообщаемы центральному комитету. Австрійское правительство занято теперь составленіемъ коммиссіи итальянской, похожей, по цѣли, на майнцскую, но существенно различной по формамъ: та будетъ составлена изъ членовъ, назначенныхъ всѣми правительствами полуострова. Открытія, сдѣланныя итальянскою

коммиссіею, будутъ представляемы также центральному комитету. Будетъ полезно обратиться и къ французскому правительству, чтобъ оно назначило отъ себя довѣренное лицо, для принятія участія въ этихъ занятіяхъ».

Изобрѣтательность австрійскаго канцлера развивалась въ борьбѣ съ революціонными движеніями. До сихъ поръ эти движенія выражались въ извѣстныхъ, одинакихъ повсюду, формахъ, и противъ нихъ могли быть употребляемы извѣстныя, одинакія повсюду, средства; противъ революціонныхъ движеній — правительства могли высказать правила охранительной политики, какъ, напримѣръ, правило, что извѣстныя учрежденія не должны быть добываемы революціоннымъ путемъ, что не всѣ народы одинаково способны къ принятію тѣхъ или другихъ учрежденій, и т. п. Но въ то самое время, какъ вниманіе правительствъ было обращено на революціонныя движенія на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, на Балканскомъ полуостровѣ обнаружилось явленіе, повидимому, сходное, и австрійскій канцлеръ старается именно заставить смотрѣть на него, какъ на обыкновенное революціонное движеніе; но старанія его остаются тщетными, несмотря на благопріятныя обстоятельства, на сильную поддержку со стороны Англіи: Меттернихъ не можетъ приложить своихъ взглядовъ, своихъ мѣръ — къ греческому возстанію.

VI.

Греческое возстаніе.

Обозрѣвъ исторію отношеній между европейскими государствами въ первыя шесть лѣтъ послѣ окончательнаго разрушенія первой французской имперіи, мы не могли не замѣтить въ ней слѣдующихъ самыхъ видныхъ явленій: революціонное движеніе, повидимому, прекращенное въ 1814—1815 году разнаго рода реставраціями и сдѣлками стараго съ новымъ, снова начинается и обходитъ всю Европу. Во Франціи поднимаются разныя партіи и начинаютъ борьбу съ возстановленными Бурбонами; но среди подробностей этой борьбы нельзя не усмотрѣть главной причины движенія, главной причины неудовольствія: воинственному, самолюбивому, привыкшему къ игемоніи въ Европѣ народу было не по себѣ, не могъ онъ ужиться съ правительствомъ, которое, въ его глазахъ, не было способно исполнять свою главную обязанность—давать народу славу и величіе; вопросы внутренніе, вопросъ конституціонный не былъ на первомъ планѣ: они были только предлогомъ къ движенію, начало же и цѣль движенія были другія. «Славы, игемоніи!» — вотъ крики французскаго народа правительству, которое, если хочетъ удержаться, должно, по возможности, удовлетворять этимъ требованіямъ, какъ въ старину властители Рима должны были удовлетворять народнымъ крикамъ: «Зрѣлищъ и хлѣба!» Въ Германіи также обнаружилось революціонное движеніе и прилило къ самому чувствительному здѣсь мѣсту, къ университетамъ; но среди либеральныхъ плановъ и мечтаній, у стариковъ и молодыхъ можно замѣтить также одну главную цѣль, одну главную потребность — единство Германіи. Въ революціонныхъ судорогахъ Италіи была явственна та же цѣль, но еще съ бо́льшимъ освященіемъ: съ

стремленіемъ къ единству страны соединялось стремленіе къ освобожденію отъ чужого ига. Въ Испаніи революціонное движеніе присоединялось, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, къ преобразовательному движенію, которое началось для страны еще въ XVIII вѣкѣ, и нельзя было не замѣтить, что эти движенія мѣшали другъ другу, а раздѣлить ихъ или примирить не было ни силы, ни разумѣнія. Всѣ эти движенія застали европейскія правительства въ союзѣ, происшедшемъ вслѣдствіе общаго дѣйствія противъ Наполеона. Между союзниками сначала господствовали различные взгляды: императоръ русскій отличался либеральнымъ направленіемъ, т.-е. онъ думалъ, что революціи должны быть прекращены уступками новому на-счетъ стараго, уступками правительствъ извѣстнымъ законнымъ требованіямъ народовъ. Революціонныя движенія, начавшіяся въ разныхъ углахъ Европы, повели къ ограниченію, къ опредѣленію этого взгляда: перемѣны въ правительственныхъ формахъ должны исходить отъ самихъ правительствъ, а не должны вымогаться народами у правительствъ путемъ возмущеній; во-вторыхъ, не всѣ народы одинаково созрѣли для либеральныхъ правительственныхъ формъ.

Либеральному взгляду русскаго императора противополагался взглядъ австрійскаго министра, князя Меттерниха, нежелавшаго никакихъ сдѣлокъ съ революціею. Революціонныя движенія Франціи, Германіи и южныхъ полуострововъ дали Меттерниху большую выгоду: либеральный взглядъ опредѣлялся, ограничивался, и въ этомъ ограниченіи уже заключалось важное обезпеченіе противъ революціонныхъ движеній; Меттернихъ съ уступками шелъ на-встрѣчу уступкамъ со стороны либеральнаго направленія (разумѣется, не безъ надежды, что благопріятныя обстоятельства освободятъ его отъ обязанности дѣлать эти уступки), лишь бы только скрѣпить союзъ между государями, заставить ихъ сообща дѣйствовать противъ революціонныхъ движеній. Но союзъ правительствъ противъ революціонныхъ движеній былъ уже не тотъ, какой образовался противъ французской имперіи: Англія, провозгласивъ начало невмѣшательства, вышла изъ союза; съ другой стороны, Франція должна была играть междоумочную, нерѣшительную роль: какъ державѣ конституціонной, ей было неловко примкнуть прямо къ тройному союзу неограниченныхъ государей, направленному противъ движеній, происходившихъ съ цѣлью получить либеральныя правительственныя формы; съ другой стороны, какъ держава континентальная, Франція не могла, подобно Англіи, уединиться, не принимать дѣятельнаго участія въ общихъ дѣлахъ Европы; наконецъ, зная свою слабость и вражду къ Франціи другихъ державъ, французское правительство видѣло

единственнаго союзника и защитника въ императорѣ Александрѣ, и потому должно было заботиться о поддержаніи его пріязни, чтò могло быть достигнуто только сближеніемъ съ русскою политикою: это сближеніе было тѣмъ легче для Франціи, что направленіе русскаго императора могло служить среднимъ звеномъ между политикою Франціи, условленною ея правительственными формами, и политикою союза неограниченныхъ государей. Императоръ Александръ, съ своей стороны, желалъ присоединенія Франціи къ общему дѣйствію—и по сознанію важнаго значенія этой державы, и по особенному расположенію къ французскому народу, и по той помощи, какую Франція должна была оказывать ему при общихъ дѣйствіяхъ, становясь всегда на сторонѣ болѣе либеральныхъ мѣръ, въ противоположность стремленіямъ Австріи и теперь сильно сочувствующей ей Пруссіи.

Такъ образовались отношенія между важнѣйшими державами Европы въ 1821 году, когда пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи. Это неожиданное событіе если въ первую минуту не поражало такимъ ужасомъ, какъ уходъ Наполеона съ Эльбы во Францію или вспышка піемонтской революціи, то, по зрѣломъ обсужденіи, представляло страшныя затрудненія. Только-что согласились считать непозволительнымъ возстанія подданныхъ противъ правительствъ, согласились поддерживать въ такихъ случаяхъ правительства, и вдругъ обнаруживается возстаніе, которое должно составить исключеніе изъ принятаго правила, а извѣстно, какъ ослабляется правило, изъ котораго немедленно же должно допустить исключеніе. Была пора, когда интересъ религіозный господствовалъ, когда европейское человѣчество сознавало свое значеніе, свое единство въ христіанствѣ, и борьбу съ иновѣрцами считало своею самою священною обязанностью; эта пора высказалась лучше всего въ Крестовыхъ походахъ, самомъ блистательномъ подвигѣ героическаго періода европейской исторіи; какъ героическій періодъ древней Греціи ознаменовался движеніемъ на востокъ, въ Колхиду, подъ Трою, такъ и героическій періодъ христіанской Европы—движеніемъ на востокъ въ бòльшихъ размѣрахъ и подъ религіознымъ знаменемъ. Послѣ господства религіознаго интереса, которое кончилось реформою, розныю и злою усобицею въ западномъ христіанствѣ, наступаетъ пора, когда господствуютъ чисто-политическіе интересы: здѣсь видимъ стремленіе извѣстныхъ государствъ усилиться на счетъ другихъ, распространить, округлить свою область и получить первенствующее вліяніе; съ другой стороны, видимъ стремленіе сдержать подобное движеніе; въ этой борьбѣ вмѣстѣ съ пугаломъ всемірной монархіи выставлено было знамя политическаго рав-

новѣсія. Подъ этимъ знаменемъ отношенія христіанскихъ государствъ Европы къ государству мусульманскому, занявшему Балканскій полуостровъ, должны были, разумѣется, измѣниться: христіанскіе государи сочли возможнымъ вступить въ сношеніе, въ союзъ съ врагомъ Креста Христова, поднимать его противъ государствъ христіанскихъ; потомъ сочли необходимымъ поддерживать его существованіе для охраненія политическаго равновѣсія. На то, что въ Европейской Турціи христіанское большинство народонаселенія находилось подъ варварскимъ гнетомъ мусульманскаго меньшинства, не обращали вниманія. Кромѣ общаго направленія эпохи, этому способствовало еще то, что государства протестантскія — Англія, Голландія — невнимательно относились къ страданіямъ турецкихъ христіанъ по обычной протестантской холодности къ религіознымъ вопросамъ и по торгашескимъ взглядамъ; державы же католическія питали, кромѣ того, враждебное чувство къ христіанамъ восточнаго исповѣданія, и послѣдніе объявляли, что имъ выгоднѣе оставаться подъ властью турокъ, не посягающихъ на ихъ вѣру, чѣмъ перейти подъ власть западныхъ христіанъ, которыхъ первымъ дѣломъ будетъ религіозное преслѣдованіе, насильное обращеніе къ папѣ. Западныя державы обращали вниманіе на турецкихъ христіанъ только по отношенію къ Россіи: когда надобилось поднимать Россію противъ турокъ, то царямъ указывали на ихъ священную обязанность — освободить единовѣрныхъ братій отъ варварскаго ига; когда же Россія въ XVIII вѣкѣ получила возможность мало-по-малу исполнять эту священную обязанность, то связь турецкихъ христіанъ съ Россіею, по единовѣрію и единоплеменности, явилась пугаломъ для западныхъ державъ, явилась какъ лучшее средство для Россіи разрушить турецкое владычество и вмѣстѣ разрушить политическое равновѣсіе Европы. Когда Россія громомъ «преславной викторіи» извѣстила Европу о своемъ вступленіи въ общую жизнь ея народовъ, то на Западѣ, привыкшемъ руководиться преданіями Рима, сейчасъ же представили себѣ, что подлѣ западной римской имперіи должна вскорѣ явиться восточная, и восточнымъ императоромъ, «цесаремъ оріентальнымъ», долженъ быть царь русскій; и хотя Петръ Великій порѣшилъ со всѣми этими ветхостями, принялъ титулъ императора, но императора русскаго, а не римскаго восточнаго, хотя Фридрихъ II, ближе другихъ знавшій Россію, прославлялъ Петра за мысль не расширять русскіе предѣлы, а сократить ихъ, сосредоточивъ малочисленное по пространству народонаселеніе во внутреннихъ губерніяхъ:—однако на западѣ постоянно подозрѣвали Россію въ намѣреніи овладѣть европейскими областями Турціи,

пользуясь сочувствіемъ единовѣрнаго и единоплеменнаго народонаселенія, и выдумывали завѣщаніе Петра Великаго. Это подозрѣніе было перенесено изъ восемнадцатаго вѣка въ девятнадцатый, и продолжало служить основаніемъ политическаго взгляда на восточный вопросъ. Но съ конца XVIII вѣка, политическое направленіе, господствовавшее послѣ религіознаго, не могло проводиться во всей чистотѣ; вслѣдствіе революціонныхъ движеній, оно должно было считаться съ извѣстными требованіями народовъ и съ общимъ сочувствіемъ къ этимъ требованіямъ; отсюда взглядъ на восточный вопросъ долженъ былъ измѣниться: съ одной стороны, правительствамъ было важно, изъ страха предъ Россіею, поддержать турецкую имперію, чтобы, вслѣдствіе ея паденія, не усилить Россіи новыми подданными или новыми естественными союзниками; но, съ другой стороны, правительства должны были считаться съ сочувствіемъ своихъ подданныхъ къ требованіямъ христіанскаго народонаселенія турецкихъ областей, къ освобожденію народовъ, высшихъ по христіанской основѣ своей цивилизаціи, изъ-подъ ига варварскаго правительства. Такимъ образомъ, греческое возстаніе повело въ Европѣ къ новой, сильной борьбѣ между двумя направленіями, старымъ, чисто-политическимъ, и новымъ, которое назовемъ либеральнымъ.

Мы видѣли, что въ 1821 году на политическомъ горизонтѣ Европы на первомъ планѣ обозначались два лица: русскій императоръ Александръ и австрійскій канцлеръ Меттернихъ, выдвинувшійся, благодаря революціоннымъ движеніямъ, какъ представитель охранительной политики, и торжествовавшій уступки, сдѣланныя въ пользу охранительнаго начала русскимъ императоромъ. Оба эти лица поставлены были греческимъ возстаніемъ въ самое затруднительное положеніе. Только-что было провозглашено, что возстаніе подданныхъ противъ правительствъ непозволительно, что союзъ правительствъ долженъ вмѣшиваться въ такихъ случаяхъ и уничтожать революціонное движеніе. Императоръ Александръ спасалъ свое либеральное направленіе въ томъ смыслѣ, что стремился въ Священномъ Союзѣ создать общее европейское правительство, которому должно было принадлежать право устранять столкновенія между частными правительствами и ихъ подданными, утверждая всюду начала религіи, нравственности и правосудія, вслѣдствіе чего вооруженное возстаніе подданныхъ являлось самоуправствомъ и не могло быть терпимо по отношенію къ союзу; но это стремленіе русскаго императора не было достаточно уяснено и признано. Греки возстали противъ своего правительства, точно такъ, какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ, и если союзъ объ-

явилъ себя противъ возставшихъ, на сторонѣ правительствъ, то и теперь долженъ былъ объявить себя противъ грековъ на сторонѣ султана; по крайней мѣрѣ, для избѣжанія крайняго противорѣчія, не долженъ былъ заступаться за бунтовщиковъ. Но, съ другой стороны, возстали христіане для сверженія ига мусульманскихъ поработителей. Отказаться отъ сочувствія этому явленію для Россіи, для русскаго царя—значило вступить въ вопіющее противорѣчіе съ собственною исторіею: Россія также находилась подъ игомъ мусульманскихъ варваровъ, освободилась отъ него съ оружіемъ въ рукахъ, и освобожденіе это прославлялось наукою и религіею, какъ великое дѣло народа и великое благодѣяніе Божіе. Но противорѣчіе не ограничивалось одною древнею русскою исторіею. Продолжая, и послѣ освобожденія своего, борьбу съ мусульманскими варварами, Россія находилась въ постоянно-тѣсной связи съ оставшимися въ порабощеніи у нихъ христіанами, съ этими греками, съ которыми русскіе исповѣдывали одну *греческую* вѣру; греки видѣли въ русскихъ царяхъ своихъ естественныхъ защитниковъ и будущихъ освободителей; царскую казну они считали своею, потому-что никогда имъ не было отказа въ ихъ просьбахъ; но одною денежною помощью дѣло не ограничивалось. Мысль объ освобожденіи, которая никогда не покидала турецкихъ христіанъ, была у нихъ неразрывно соединена съ мыслью о Россіи, которая своею исторіею, своимъ политическимъ ростомъ воспитывала ихъ для свободы. Какъ только начались у Россіи непосредственныя войны съ Турціею, онѣ были немыслимы безъ возстанія турецкихъ христіанъ на помощь *своимъ*. Постепенное усиленіе русскаго вліянія въ Константинополѣ имѣло слѣдствіемъ постепенное облегченіе участи турецкихъ христіанъ, которые, благодаря русскому покровительству, имѣя точку опоры, все болѣе и болѣе расправляли свои силы, все болѣе и болѣе воспитывались для свободы; мысль Екатерины II-й о необходимости постепеннаго образованія изъ разлагавшейся Турціи независимыхъ христіанскихъ владѣній,—одна эта мысль сколько способствовала успѣхамъ этого воспитанія! Екатерининская мысль не умерла вмѣстѣ съ Великою императрицею: сознательно или безсознательно, она осуществлялась постепенно, чему доказательствомъ служила судьба Дунайскихъ княжествъ и Сербіи. Теперь, когда между греками явилась мысль, что приспѣло время освобожденія, могли ли они подумать, что Россія будетъ равнодушна и даже враждебна ихъ дѣлу, станетъ въ противорѣчіе со всею своею древнею и новою исторіею? Когда Россія вступала въ войну съ Турціею, то самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ для нея было обращаться въ

турецкимъ христіанамъ, и эти считали своею обязанностью отзываться на ея призывъ; а теперь, когда греки вступятъ въ борьбу съ турками и обратятся къ Россіи, то неужели это не будетъ сочтено самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ, и Россія откажетъ въ помощи? И когда же? Когда Россія на верху могущества, когда ея императоръ безспорно занимаетъ первое мѣсто между европейскими государями, и когда этотъ императоръ поставилъ себѣ цѣлію—утвержденіе всюду началъ религіи, нравственности и правосудія? Стать въ вопіющее противорѣчіе съ своимъ народомъ, съ его исторіею! Но этого мало: въ борьбѣ грека съ туркомъ какой порядочный человѣкъ въ образованной Европѣ станетъ на сторонѣ турка противъ грека? Чтобы, по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ и интересамъ, дать себѣ право сочувствовать турку, для этого нужно придумать какой длинный рядъ политическихъ и всякихъ хитросплетеній? — Но, съ другой стороны, помогать подданнымъ въ ихъ возстаніи противъ правительства—значитъ стать въ противорѣчіе съ только-что объявленными рѣшеніями Союза, и, кромѣ того, возбудить подозрѣніе въ честолюбивыхъ замыслахъ, подозрѣніе въ томъ, что греки подняли возстаніе не безъ соглашенія съ русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что грекъ Каподистріа, отъявленный покровитель либеральныхъ движеній, человѣкъ близкій къ русскому императору. Если дать усилиться этому подозрѣнію, то Союзъ рушится; нужно будетъ начать борьбу съ прежними союзниками; а кто воспользуется этою борьбою? Революціонеры!

Не одобрить возстанія, остаться равнодушнымъ къ борьбѣ: но если турки станутъ тушить возстаніе варварскими средствами,—если Порта, сознавая очень ясно тѣсную связь между христіанскими подданными и Россіею, станетъ враждебно относиться и къ послѣдней? Тутъ выказалась вся тяжесть блистательнаго положенія главы европейскаго Союза, положенія, необходимо соединеннаго съ ущербомъ въ свободѣ дѣйствій императора всероссійскаго. Благодаря этому положенію, надобно было избрать такой путь: не принимать участія въ борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ; въ случаѣ же варварскаго поведенія и враждебности турокъ къ Россіи—требовать отъ европейскихъ державъ, чтобъ онѣ образумили Порту и не поставили Россію въ необходимость взяться за оружіе.

Затруднительное положеніе Меттерниха условливалось затруднительнымъ положеніемъ императора Александра, потому-что австрійскій канцлеръ долженъ былъ трепетать при мысли, что глава охранительнаго Союза имѣетъ могущественныя побужденія измѣнить провозглашеннымъ началамъ Союза. Меттерниху, разу-

мѣется, нужно было выставить съ неблаговидной стороны эту непослѣдовательность; но такъ-какъ у сторонниковъ греческаго возстанія былъ сильный аргументъ, что это возстаніе не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями въ остальной Европѣ, и потому во враждебныхъ отношеніяхъ къ испанской и итальянской революціи и въ сочувственныхъ, въ то же время, отношеніяхъ къ греческому возстанію не будетъ непослѣдовательности, то Меттерниху нужно было настаивать, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями и произведено по общему революціонному плану, чтобъ повредить Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ.

Много было сказано о причинахъ греческаго возстанія, сказано съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы въ предшествовавшихъ строкахъ уже коснулись этого предмета. Причины возстанія грековъ лежатъ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя вскрылись немедленно же послѣ паденія восточной или греческой имперіи, послѣ взятія Константинополя турками. Какія явленія видимъ мы на Балканскомъ полуостровѣ послѣ знаменитаго 1453 года? Покорители—турки въ маломъ числѣ, сравнительно съ покоренными христіанами, поддерживающіе себя только матеріальною силою, благодаря разрозненности покоренныхъ племенъ, турки малочисленны и неспособны къ развитію; кромѣ того, не могутъ получить матеріальной поддержки отъ своихъ, отъ народовъ единовѣрныхъ и живущихъ съ ними подъ однѣми формами быта, ибо магометанскій востокъ, въ лицѣ ихъ, сдѣлалъ послѣднее наступательное движеніе; онъ выбросилъ турокъ на европейскій берегъ и оставилъ ихъ тамъ безъ поддержки; куда туркамъ обратиться на востокъ съ требованіемъ помощи? Къ слабой и враждебной по расколу Персіи? Малочисленные покорители могли бы получить силу и питаніе, слившись съ покоренными; но это для нихъ невозможно по религіи, по основамъ ихъ народной жизни. Подлѣ этихъ безпомощныхъ матеріально и нравственно покорителей—покоренные, имѣющіе средства постоянно рости, усиливаться и получать поддержку извнѣ. Эти покоренные, по христіанской основѣ своей цивилизаціи, способны сами къ дальнѣйшему развитію; съ первой минуты покоренія для нихъ уже начинается процессъ возстановленія силъ, приготовленіе къ освобожденію. Въ своей религіи, въ церкви они находятъ объединяющее начало, которое безпрестанно напоминаетъ имъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ покорителями, что они выше послѣднихъ, что они временно могутъ быть только подъ варварскимъ игомъ, но рано или поздно освободятся; они живутъ будущимъ и работаютъ для него, у нихъ великая цѣль, которая

бодритъ ихъ и даетъ имъ ростъ; они идутъ впередъ, тогда-какъ турки неподвижны; при своемъ движенiи, ростѣ, христiане пользуются всякимъ благопрiятнымъ обстоятельствомъ, чтобъ подниматься выше и выше, прiобрѣтать матерiальныя средства, занимать правительственныя должности. Но, кромѣ собственныхъ силъ, христiанскiе подданные Порты имѣли громадную выгоду въ томъ, что опирались на Европу, на цѣлое христiанство, составляя нераздѣльную ихъ часть, естественно и необходимо тянули къ нимъ, получали отъ нихъ питанiе, поддержку. Мы видѣли, какъ они это питанiе и поддержку находили въ единовѣрной Россiи, съ которою, въ извѣстномъ отношенiи, жили одною жизнью, росли ея ростомъ. Новая жизнь, новое сильнѣйшее умственное движенiе начинается у нихъ въ то же время, въ какое оно начинается и въ Россiи, именно съ XVIII вѣка; распространяются школы, переводятся книги, богачи не жалѣютъ ничего для распространенiя просвѣщенiя между своими. Такъ дожили они до XIX вѣка, постоянно идя впередъ, постоянно приготовляясь къ перемѣнѣ своей участи, ибо чѣмъ дальше они шли, тѣмъ шире становилась бездна, отдѣлявшая ихъ отъ турокъ, тѣмъ тягостнѣе становилось варварское иго. Но въ то время, какъ греки шли все дальше и дальше, турецкая правительственная машина, остановившись, подвергалась все болѣе и болѣе естественному слѣдствiю остановки, гнiенiю, разложенiю; между пашами начали являться люди, стремившiеся къ самостоятельности. Въ султанѣ Махмудѣ II-мъ судьба какъ-бы нарочно дала Турцiя человѣка, который для борьбы съ враждебными обстоятельствами способенъ былъ употребить всѣ средства, какими можетъ располагать восточный владыка, не дрожавшiй ни передъ какимъ изъ этихъ средствъ; но дѣятельность Махмуда всего лучше показала несостоятельность этихъ азiатскихъ средствъ, когда надобно спасать азiатское гнiющее общество, которое находится въ осадномъ положенiи, обхваченное европейскимъ движенiемъ. Съ 1815 года греки стали принимать особенное участiе въ этомъ движенiи: въ западной Европѣ, съ одной стороны, исчезла прежняя католическая узкость взгляда на восточныхъ христiанъ, съ другой—могущественно было либеральное направленiе; грекамъ сильно сочувствовали не столько какъ христiанамъ, но болѣе какъ потомкамъ Мильтiадовъ, Эпаминондовъ, Сократовъ, и еще болѣе, какъ народу, находящемуся подъ варварскимъ игомъ и стремящемуся освободиться отъ него. Между Грецiею и западною Европою обнаружилась тѣсная связь, скрѣпляемая взаимными посѣщенiями: если молодые греки являлись въ западныхъ университетахъ и здѣсь получали сильное возбужденiе къ освобожденiю своего

славнаго отечества, то, съ другой стороны, европейскіе путешественники стали толпами посѣщать Грецію и тѣмъ поднимали ея значеніе въ глазахъ народа, возбуждая надежды на сочувствіе и помощь; Европа видимо принимала Грецію во владѣніе. Такъ въ высшемъ слоѣ греческаго народонаселенія выработалось сознаніе необходимости освобожденія и вмѣстѣ сознаніе того, что условія для него благопріятны. Тайное общество, такъ-называемая *гетерія*, основанное Николаемъ Скуфасомъ въ Одессѣ съ цѣлію «дать торжество кресту надъ луною», сильно распространилось между греками. Подготовка была сдѣлана; но для успѣха возстанія понадобились матеріалы особаго рода, которые также были готовы. Такими матеріалами служила масса христіанскаго народонаселенія, которая въ своемъ религіозномъ одушевленіи, въ своей ненависти къ врагамъ креста должна была поддержать борьбу; борьба между двумя національностями, одною, долго порабощенною, но сознававшею свои жизненныя силы, свои права на независимое существованіе, и другою—поработившею, но которой грозила потеря господства, борьба между двумя національностями, поставленными въ такія отношенія, да еще при ненависти религіозной, разумѣется, должна была съ самаго начала принять характеръ самый ожесточенный, истребительный, не допускать соглашеній и сдѣлокъ; такая борьба могла кончиться только истребленіемъ одной національности другою, и потому, чтобъ не довести ея до такого исхода, необходимо было разнять борющихся, отдѣлить ихъ совершенно другъ отъ друга. Но масса христіанскаго народонаселенія Греціи, несмотря на все ея сочувствіе къ борьбѣ, не могла вести ее непосредственно: для этого нужна была вооруженная сила. Такую силу въ Греціи представляли *арматолы*, мѣстная милиція, охранявшая порядокъ и спокойствіе, сохранившаяся отъ времени паденія византійской имперіи по договорамъ нѣкоторыхъ областей (горныхъ) съ турецкимъ правительствомъ, и особенно *клефты*, имѣвшіе одинакое происхожденіе и характеръ съ нашими старинными козаками. Люди отважные, богатые физическою силою и ловкостью, неспособные къ мирной работѣ при тяжкихъ рабскихъ отношеніяхъ къ туркамъ, удалялись въ горы, какъ наша удалая голутьба стремилась въ степь, чтобъ тамъ гулять, вести свободную жизнь на счетъ чужихъ и своихъ. Когда вспыхнула борьба съ турками, клефты явились на первомъ планѣ, дали войско. Таковы были побужденія и средства къ возстанію. Но при этомъ не надобно забывать и большихъ препятствій къ успѣху борьбы. Первое и главное препятствіе заключалось въ разровненности силъ и національныхъ интересовъ христіанскаго народонаселенія турецкой

имперіи; это народонаселеніе, по національностямъ, дѣлилось на три главныя группы: греческую, славянскую и румынскую. Благодаря вліянію Россіи, ея поддержкѣ, постепенное выдѣленіе изъ разлагавшейся Турціи болѣе или менѣе независимыхъ отъ нея во внутреннемъ управленіи владѣній началось съ сѣвера по близости къ русской границѣ. Самые энергическіе и храбрые изъ турецкихъ славянъ, сербы, уже находились подъ управленіемъ князя изъ своего народа, имѣли уже свой опредѣленный кругъ отношеній, интересовъ, причемъ ихъ дѣйствія зависѣли отъ личныхъ взглядовъ правителя, обязаннаго прежде всего заботиться о своемъ, о своихъ, обязаннаго осторожно и зорко смотрѣть во всѣ стороны, преимущественно на сѣверъ. Румынскія княжества, составлявшія отдѣльное цѣлое по своей національности, давно уже привыкли жить въ страдательномъ ожиданіи улучшенія своей участи, своей независимости и свободы не отъ какихъ-либо внутреннихъ движеній, но отъ военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ могущественнаго народа, у котораго возникла мысль о дакійскомъ королевствѣ; притомъ неправильныя отношенія высшаго класса, бояръ, къ остальному народонаселенію въ Дунайскихъ княжествахъ и вражда къ грекамъ, которые являлись здѣсь съ своими господарями изъ фанаріотовъ (знатныхъ константинопольскихъ грековъ) съ цѣлію высасывать деньги изъ страны, не могли побудить народонаселеніе Дунайскихъ княжествъ принять дѣятельное участіе въ греческомъ возстаніи. Такимъ образомъ, греки должны были бороться одни; но и между ними самими не было единства; природныя условія, которыя въ древности раздробили Грецію на множество мелкихъ отдѣльныхъ владѣній, дѣйствовали и теперь, заставляя отдѣльныя области ея бороться въ одиночку; арматолы и клефты не могли образовать единаго войска, сколько-нибудь дисциплинированнаго, способнаго повиноваться единому вождю; да и такого вождя, человѣка способнаго подняться надъ всѣми и дать единство движеніямъ—не было. При подобныхъ препятствіяхъ, несмотря на все одушевленіе, храбрость и выдержливость грековъ, дѣло ихъ грозило кончиться неуспѣхомъ, еслибъ они не имѣли поддержки въ Европѣ, и преимущественно—въ Россіи.

Понятно, что глаза всѣхъ людей, желавшихъ освобожденія Греціи, всѣхъ членовъ гетеріи были обращены на грека, который занималъ важное мѣсто между тогдашними европейскими дѣятелями, который стоялъ подлѣ Меттерниха въ значеніи главнаго его соперника, на графа Каподистрія; если помощь Европы, и особенно Россіи была необходима для грековъ, то никто скорѣе Каподистріа не могъ склонить русскаго императора къ по-

данію этой помощи. Но никто лучше Каподистріа не понималъ, что время, избираемое гетеристами для начала дѣйствія, неблагопріятно, и потому онъ находился въ самомъ неловкомъ положеніи относительно гетеристовъ, которые приступали къ нему съ представленіями, что пора начинать, и что они не пропустятъ этой поры; ему оставалось одно: отклонить отъ себя участіе въ дѣлѣ; но онъ не могъ поставить себя во враждебное къ нему отношеніе, не могъ открыть о немъ, не могъ не желать ему успѣха; съ этимъ желаніемъ могло соединяться и другое, чтобы греческое восстаніе, будучи иного рода, чѣмъ революція, испанская или итальянская революція, спутало установившіеся взгляды и отношенія и нанесло ударъ врагу—Меттерниху. Какъ бы то ни было, Каподистріа оставался въ сторонѣ, и гетеристы обратились къ другому греку, находившемуся въ русской службѣ. Храбрый генералъ-маіоръ, потерявшій руку подъ Кульмомъ, князь Александръ Ипсиланти, живой, сочувствующій всему хорошему и возбуждавшій къ себѣ сочувствіе, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые считаются достойными власти до тѣхъ поръ, пока не получатъ эту власть въ свои руки. Гетеристы не могли не остановить своего выбора на Ипсиланти, какъ на человѣкѣ, болѣе другихъ способномъ начать дѣло и съ успѣхомъ вести его; Ипсиланти не могъ не увлечься мыслью—быть главнымъ вождемъ греческаго восстанія. Ипсиланти, сынъ того валахскаго господаря, Константина Ипсиланти, который сильнѣе другихъ принималъ къ сердцу знаменитый проектъ образованія Дакійскаго царства,—и, потерявъ свое господарство въ 1806 г., долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Россію. Александръ Ипсиланти, способный, по природѣ своей, къ увлеченіямъ, принимавшій во вниманіе одно общее направленіе, не разсуждая частностей, особенныхъ условій, которыя ускоряютъ или задерживаютъ явленіе, рано или поздно необходимое, неспособный останавливаться на вопросѣ: пора или рано? когда сильно желается, чтобы была пора,—Александръ Ипсиланти, увѣренный въ томъ, что Россія, по своимъ общимъ необходимымъ условіямъ, должна немедленно же подать помощь возставшимъ грекамъ, увѣрялъ въ этомъ другихъ уже однимъ положеніемъ своимъ: генералъ русской службы, другъ Каподистріа, могъ ли онъ рѣшиться на дѣйствіе безъ самыхъ вѣрныхъ обнадеживаній со стороны Россіи? Было увлеченіе; могъ быть и разсчетъ поднять грековъ и вообще турецкихъ христіанъ именемъ Россіи, а Россію заставить помогать возстанію именемъ грековъ и христіанъ.

Нельзя много упрекать Ипсиланти за то, что мѣстомъ начальнаго дѣйствія онъ выбралъ Дунайскія княжества: прежде

всего они были близки къ Россіи; во-вторыхъ, они имѣли извѣстную степень самостоятельности; въ-третьихъ, что было всего важнѣе, Турція по трактатамъ не могла въ нихъ дѣйствовать свободно, безъ согласія Россіи, которая, такимъ образомъ, волею-неволею втягивалась въ дѣло, причемъ не могла дѣйствовать противъ своихъ; въ Греціи такихъ благопріятныхъ условій не было: здѣсь турки могли дѣйствовать свободно, не спрашиваясь ни у кого, и могли скорѣе задавить возстаніе. Чтобы возстаніе въ Греціи могло быть успѣшно, нужно было отвлечь отъ нея вниманіе и силы турокъ на сѣверъ, туда, гдѣ они должны будутъ необходимо столкнуться съ Россіею.

Въ мартѣ 1821 года, въ Лайбахѣ императоръ Александръ получилъ письмо изъ Яссъ отъ Ипсиланти съ увѣдомленіемъ о возстаніи: «Благородныя движенія народовъ исходятъ отъ Бога—писалъ Ипсиланти—и безъ сомнѣнія по Божію вдохновенію поднимаются теперь греки свергнуть съ себя четырехвѣковое иго. Долгъ въ отношеніи къ отечеству и послѣдняя воля родительская побуждаютъ меня посвятить себя этому дѣлу. Болѣе 200 адрессовъ, подписанныхъ болѣе чѣмъ 600,000 именъ лучшихъ людей Греціи, призвали меня стать въ челѣ возстанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди грековъ образовалось тайное общество, имѣющее единственною цѣлію—освобожденіе Греціи; оно выросло быстро и его вѣтви распространяются повсюду, гдѣ только есть греки. Божественное Провидѣніе, покровительствующее всегда правому дѣлу, удостоило бросить взглядъ состраданія на мое несчастное отечество и ослѣпить глаза его тирановъ. Они остались въ совершенномъ бездѣйствіи, несмотря на частыя предостереженія англичанъ и духъ независимости, сильно обнаруживавшійся между греками. Государь! Неужели вы предоставите грековъ ихъ собственной участи, когда однимъ словомъ можете освободить ихъ отъ самаго чудовищнаго тиранства и спасти ихъ отъ ужасовъ долгой и страшной борьбы? Все говоритъ намъ, что Васъ, Государь, избрало Провидѣніе, чтобы положить конецъ нашимъ вѣковымъ страданіямъ. Не презрите мольбы 10,000,000 христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностью нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, Государь, спасите религію отъ ея гонителей, возвратите намъ наши храмы, наши алтари, откуда божественный свѣтъ Евангелія просвѣтилъ великій народъ, Вами управляемый!» Впечатлѣніе, произведенное на императора этимъ письмомъ, и результаты его должны были отразить на себѣ условія, въ какихъ Александръ находился въ Лайбахѣ. Императоръ, по характеру своему, прежде всего былъ пораженъ благородствомъ чувствъ Ипсиланти: у Рос-

сіи и Турціи шли переговоры о возвращеніи Ипсиланти имѣнія, конфискованнаго Портою; дѣло шло о нѣсколькихъ милліонахъ, и молодой человѣкъ, не думая объ этихъ милліонахъ, повинуясь только внушеніямъ долга, становится въ челѣ возстанія противъ турокъ. «Я всегда говорилъ, что этотъ достойный молодой человѣкъ питаетъ благородныя чувства», сказалъ императоръ, прочтя письмо. Но послѣ оцѣнки человѣка человѣкомъ, должна была слѣдовать оцѣнка дѣла государемъ, главою европейскаго союза государей въ 1821 году. Неловкое указаніе на *тайное общество* способно было уничтожить все доброе впечатлѣніе трогательнаго письма. Императоръ Александръ только-что высказалъ свою программу, и въ данномъ случаѣ не хотѣлъ отступить отъ нея: народы должны пріобрѣтать извѣстныя степени свободы не революціоннымъ путемъ, но путемъ мирнымъ, путемъ общаго соглашенія правительствъ, причемъ степень свободы должна соотвѣтствовать степени ихъ развитія. Отвѣтъ Ипсиланти, заключавшійся въ письмѣ Каподистріа, былъ составленъ по этой программѣ. «Получивъ ваше письмо, императоръ испыталъ тѣмъ болѣе скорбное чувство, что всегда цѣнилъ благородство чувствъ, которое вы обнаруживали, находясь въ его службѣ. Императоръ былъ далекъ отъ опасенія, что вы позволите увлечь себя духу времени, который побуждаетъ людей въ забвеніи своихъ главныхъ обязанностей искать блага, достигаемаго только точнымъ исполненіемъ обязанностей религіи и нравственности. Безъ сомнѣнія, человѣку врождено желаніе улучшенія своей участи; безъ сомнѣнія, многія обстоятельства заставляютъ грековъ желать не всегда оставаться чуждыми своимъ собственнымъ дѣламъ; но развѣ они могутъ надѣяться достигнуть этой высокой цѣли путемъ возмущенія и войны междоусобной? Развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнѣніе императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое покровительство договорами, заключенными между Россіею и Портою. Теперь эти мирныя выгоды не признаны, законные пути оставлены, и вы соединили свое имя съ событіями, которыхъ его императорское величество никакъ не одобряетъ. Какъ вы смѣли обѣщать жителемъ княжества поддержку великаго государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ; на васъ, всею своею тяжестью, ляжетъ отвѣтственность за предпріятіе, которое могли присовѣтовать только безумныя страсти. Никакой помощи, ни прямой ни косвенной, не получите вы отъ императора, ибо мы повторяемъ, что недостойно его подкапы-

вать основанія Турецкой имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества. Если вы намъ укажете средства прекратить смуту безъ малѣйшаго нарушенія договоровъ, существующихъ между Россіею и Портою, то императоръ не откажется предложить турецкому правительству принять мудрыя мѣры для возстановленія спокойствія въ Валахіи и Молдавіи. Во всякомъ другомъ случаѣ Россія останется только зрительницею событій, и войска императора не тронутся. Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію». Чтобъ отклонить всякое подозрѣніе въ участіи со стороны Россіи, императоръ послалъ приказаніе русскому главнокомандующему въ Бессарабіи, князю Витгенштейну, соблюдать строгій нейтралитетъ, и уволилъ Ипсиланти изъ русской службы.

Строгое соотвѣтствіе этихъ рѣшеній уже прежде высказанной программѣ не даетъ намъ права утверждать, что они состоялись подъ вліяніемъ новыхъ внушеній Меттерниха, хотя австрійскій канцлеръ, разумѣется, долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы удержать русскаго императора при его программѣ. Меттернихъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свой взглядъ на греческое возстаніе: «Монархи, соединившіеся для поддержки принципа *охраненія всего законно существующаго*, не могутъ нисколько колебаться въ прямомъ приложеніи этого принципа къ плачевнымъ событіямъ, совершившимся недавно въ Оттоманской имперіи. Приложеніе принципа требуется съ наибольшею силою къ этимъ важнымъ событіямъ, ибо несомнѣнно, *что греческое возстаніе (какъ бы оно ни связывалось съ общимъ движеніемъ умовъ въ Европѣ, какъ бы ни приготавливалось въ стремленіи чисто національномъ, какъ бы, наконецъ, ни естественно было возстаніе народа, страдающаго подъ самымъ страшнымъ гнетомъ), — греческое возстаніе есть непосредственное слѣдствіе плана, заранѣе составленнаго и прямо направленнаго противъ самаго страшнаго для революціонеровъ могущества, противъ союза двоихъ монарховъ съ цѣлію охраны и возстановленія* [1]. Событіе не одиночно; оно находится въ связи съ общимъ планомъ. Оно имѣетъ не преходящее только значеніе; его слѣдствія будутъ долго давать себя чувствовать. Настоящіе виновники его задумали его не въ интересѣ греческаго народа; они не могутъ скрыть отъ себя того нравственнаго паденія, до какого доведенъ этотъ народъ вѣками. Событія задуманы съ цѣлію поссорить Россію съ Австріею; они служатъ средствомъ не дать потухнуть

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

огню, поддержать либеральный пожаръ; средствомъ поставить въ затруднительное положеніе самаго могущественнаго монарха греческаго исповѣданія и всѣхъ его единовѣрцевъ, взволновать русскій народъ въ смыслѣ противоположномъ движенію, какое его государь даетъ своей политикѣ; заставить русскаго государя отвернуться отъ запада и сосредоточить свое вниманіе на востокѣ. Падетъ ли или освободится народъ, въ пользу котораго, повидимому, произведено движеніе,—до этого нѣтъ дѣла людямъ, назначившимъ день взрыва. Демагоги имѣютъ въ виду только свои собственныя выгоды, и никакое пожертвованіе не кажется слишкомъ велико человѣку, который не значитъ ничего и хочетъ быть чѣмъ-нибудь! Все, чтò можно постановить въ принципѣ, ограничивается тѣмъ, что ваше императорское величество удостоили сказать мнѣ сами. Должно приложить къ турецкимъ дѣламъ, точно такъ же какъ и ко всѣмъ дѣламъ, могущимъ занимать насъ теперь и въ ближайшемъ будущемъ, консервативное начало. Это начало неразрывно со святостью договоровъ. Съ точки зрѣнія политической нѣтъ нужды, кто управляетъ, турки или греки, лишь бы только не господствовала революція и неминуемое ея слѣдствіе—*пропаганда*».

Меттернихъ выставлялъ революцію, пропаганду и, наконецъ, разумѣется, былъ доволенъ, что этими общими пугалами могъ прикрыть другой страхъ, собственно австрійскій. Мы уже видѣли, какъ давно Австрія сохраненіе цѣлости турецкой имперіи считала необходимымъ для собственнаго существованія, а Меттернихъ, какъ человѣкъ системы, возвелъ это сохраненіе въ принципъ. 5-го февраля 1814 года, передъ рѣшеніемъ великаго западнаго вопроса, Генцъ писалъ: «Поддержка равновѣсія между государствами будетъ постоянно основнымъ принципомъ, компасомъ и полярною звѣздою австрійскаго правительства. Никогда не могло быть въ планахъ этого двора промѣнять одну опасность на другую и уничтожить преобладаніе Франціи для того, чтобъ приготовить преобладаніе Россіи. Князь Меттернихъ смотритъ теперь и болѣе чѣмъ когда-либо на существованіе Оттоманской порты, какъ на необходимость въ общемъ равновѣсіи Европы. Его твердо принятое намѣреніе — дѣйствовать постоянно въ смыслѣ этого принципа. Его предложенія, планы, дѣйствія будутъ неизмѣнно направлены къ этой цѣли. Онъ будетъ защищать интересы Порты, какъ самые прямые и самые драгоцѣнные интересы самой Австріи. Онъ никогда не потерпитъ, чтобъ Россія хотя сколько-нибудь прикоснулась къ нимъ, и какъ ни сильно его желаніе поддержать миръ въ Европѣ, онъ не побоится борьбы съ Россіею, если кто-нибудь злоумышленно внушитъ этому государству

подобный проектъ. Въ эту минуту все заставляетъ думать, что Россія очень далеко отъ него; но ей постараются дать знать очень опредѣленно, на все будущее время, о видахъ вѣнскаго кабинета, дадутъ понять, что никакой другой интересъ не отклонитъ самаго серьёзнаго вниманія вѣнскаго кабинета отъ благосостоянія Порты и сохраненія цѣлости ея владѣній».

Въ то же время въ Вѣнѣ были убѣждены, что есть еще страна, которая смотритъ одинаково на дѣло—эта страна Англія. Генцъ въ 1816 году шлетъ совѣтъ, чтобъ въ Константинополѣ вошли съ Австріею и Англіею въ самую тѣсную связь, относились къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, совѣтовались съ ними обо всемъ и слѣдовали ихъ совѣтамъ. Главный совѣтъ—чтобъ Порта избѣгала всячески столкновенія съ Россіею, ибо императоръ Александръ самъ не начнетъ войны. Опасность столкновенія существуетъ: въ бухарестскомъ договорѣ очень неопредѣленно выражена статья объ азіатскихъ границахъ; въ Вѣнѣ совѣтуютъ Портѣ не спорить противъ русскаго толкованія статьи: «Турецкая имперія,—пишетъ Генцъ,—можетъ существовать вѣка, не имѣя границею рѣки Фазиса; но она готовитъ себѣ гибель неизбѣжную, не спѣша окончаніемъ своихъ споровъ съ Россіею».

Рѣшимость императора Александра—отстраниться отъ всякаго участія въ дѣлѣ Ипсиланти, не надолго успокоила австрійскаго канцлера. Возстаніе, потухнувшее въ Дунайскихъ княжествахъ по недостатку матеріала и благопріятныхъ условій, по отсутствію русской помощи, возстаніе вспыхнуло въ Греціи, и турки позволили себѣ страшныя неистовства противъ христіанъ, не разбирая праваго и виноватаго, причемъ правительство султана не только позволяло эти неистовства, но еще и подстрекало къ нимъ своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе этого, враждебное столкновеніе Турціи съ Россіею было неминуемо, тѣмъ болѣе, что турки, привыкшіе въ продолженіи вѣковъ признавать необходимую и страшную для себя связь христіанскаго народонаселенія своихъ областей съ Россіею, привыкшіе слышать постоянныя внушенія отъ европейскихъ кабинетовъ на счетъ опасности этой связи, не могли не отнестись подозрительно и враждебно къ Россіи, заслышавъ о возстаніи въ Дунайскихъ княжествахъ и Греціи; они понимали по-своему *Священный Союзъ:* они видѣли въ немъ явныя стремленія христіанскихъ государей къ уничтоженію магометанства, а главою Союза былъ русскій императоръ; турки имѣли тѣмъ болѣе права придавать такое значеніе Союзу, что и прежде союзы христіанскихъ государствъ противъ нихъ носили названіе *священныхъ.* Бухарестскій миръ, заключенный, по обстоятельствамъ, слишкомъ поспѣшно, давалъ поводъ къ спорамъ объ

опредѣленія границъ; споры тянулись до сихъ поръ, ничего не было рѣшено, а между тѣмъ русское правительство возбудило сильное раздраженіе въ Диванѣ тѣмъ, что не позволяло туркамъ производить чрезъ Россію торговлю рабами, которыхъ освобождали въ Θеодосіи. Туркамъ тѣмъ легче было вѣрить въ участіе Россіи въ греческомъ восстаніи, что въ христіанской Европѣ такъ легко этому вѣрили. Турки знали, какъ русское вліяніе распространено повсюду въ ихъ областяхъ, и знали связь Россіи съ греками, съ греческимъ духовенствомъ, знали также, что всѣ русскіе консулы изъ грековъ, что русская морская торговля на Черномъ морѣ и въ Левантѣ производится посредствомъ грековъ —гидріютовъ, спеціотовъ, ипсаріотовъ. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, баронъ Строгановъ, былъ извѣстенъ какъ другъ грековъ; при немъ находился Катакази, родственникъ Ипсиланти, братъ бессарабскаго губернатора, у котораго въ Кишиневѣ Ипсиланти приготовилъ походъ свой въ Молдавію. Драгоманъ Порты, Мурузи, былъ совершенно преданъ Строганову. Спустя нѣсколько дней послѣ назначенія валахскимъ господаремъ князя Каллимахи, на мѣсто умершаго Александра Суццо, въ Константинополѣ получено было первое извѣстіе о восстаніи въ Малой Валахіи. Рейсъ-эффенди сдѣлалъ русскому посланнику оффиціальное сообщеніе, въ которомъ говорилось, что хотя каймакамы новаго господаря, которые должны немедленно отправиться, получили приказаніе употребить всѣ средства для поддержанія порядка въ провинціи и для обезпеченія спокойствія жителей, съ помощью тамошняго гарнизона, чтобъ не было нужды вводить въ княжества мусульманскія войска,—однако Порта проситъ посланника написать съ своей стороны къ генеральному консулу русскому въ Бухарестѣ, чтобъ тотъ способствовалъ каймакамамъ въ этомъ дѣлѣ. Баронъ Строгановъ не поколебался ни минуты удовлетворить требованіямъ Порты. Вечеромъ 22-го февраля (6-го марта), онъ получилъ изъ Бухареста донесеніе генеральнаго консула Пини, что возстаніе усиливается. Строгановъ сейчасъ же сообщаетъ Портѣ полученныя имъ депеши и предлагаетъ публиковать въ Валахіи прокламацію, чтобы именемъ покровительствующей державы вывести умы жителей изъ заблужденія, и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказать неодобреніе людямъ, заведшимъ смуту въ княжествахъ, одинаково виновнымъ и противъ Россіи и противъ Порты. Рейсъ-эффенди обѣщалъ отвѣчать на это, — и не отвѣчалъ. 24-го февраля, рейсъ-эффенди сообщилъ Строганову оффиціальную ноту, что Порта дала приказаніе комендантамъ дунайскихъ крѣпостей держать свои войска на-готовѣ къ походу при первомъ требованіи валахскихъ каймакамовъ.

Посланникъ отвѣчалъ, что эта мѣра сама по себѣ не соотвѣтствуетъ въ принципѣ существующимъ договорамъ и, даже какъ исключеніе, можетъ быть допущена только по предварительному согласію русскаго консула, причемъ призывъ турецкихъ войскъ долженъ быть сдѣланъ мѣстными властями. Между тѣмъ Пини прислалъ новыя вѣсти о движеніяхъ Ипсиланти. Строгановъ сообщаетъ Портѣ и консульскія донесенія, и письмо самого Ипсиланти, и письмо господаря молдавскаго, и 9-го марта публикуетъ декларацію купцамъ и подданнымъ русскимъ противъ внушеній инсургентовъ; но въ тотъ же день турки берутъ подъ арестъ архіепископа эфесскаго, потомъ многихъ знатныхъ грековъ. 12-го марта, посланникъ имѣлъ свиданіе съ рейсъ-эффенди, которому сообщилъ депеши изъ Лайбаха относительно валахскихъ смутъ. Депеши показывали ясно охранительные принципы Россіи; турокъ очень доволенъ: «увѣренія, которыми онъ отвѣчалъ на эти сообщенія именемъ Порты, носили очень замѣтный характеръ теплаго чувства и искренности». Но 17-го марта посланникъ узналъ, что четверо знатныхъ грековъ казнены, и на другой день, 18-го, вышелъ султанскій манифестъ, имѣвшій цѣлью возбудить фанатизмъ турокъ. 20-го марта происходило обезоруженіе всѣхъ грековъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ султана, при содѣйствіи константинопольскаго патріарха; 25-го марта схвачены архіепископы терапійскій и никомидійскій; митрополиты адріанопольскій, салоникскій и тарновскій отданы подъ надзоръ. 29-го марта, янычары, которымъ назначенъ походъ въ Валахію, начинаютъ буйствовать противъ христіанъ. 1-го апрѣля Строгановъ имѣлъ свиданіе съ рейсъ-эффенди по поводу новыхъ депешъ изъ Лайбаха: здѣсь онъ увидалъ, что Порта рѣшилась свирѣпствовать противъ христіанъ. 4-го апрѣля посланникъ разослалъ циркуляръ русскимъ консуламъ въ Левантѣ, что императоръ не одобряетъ предпріятія Ипсиланти, и сообщилъ копію Портѣ, но въ тотъ же самый день пришло извѣстіе о возстаніи морейскихъ грековъ; за это немедленно поплатились греки константинопольскіе; драгоманъ Порты, князь Константинъ Мурузи былъ схваченъ въ своемъ бюро и обезглавленъ вмѣстѣ съ многими другими греками; а 5-го числа янычары разграбили греческія деревни по Босфору. Самую важную жертву турки приберегали къ 10-му апрѣля, къ свѣтлому празднику христіанъ: въ первый день пасхи, у патріаршей церкви, былъ повѣшенъ цареградскій патріархъ Григорій вмѣстѣ съ тремя митрополитами; жиды таскали за ноги тѣло патріарха по улицамъ съ страшными ругательствами и бросили въ море. Русскій посланникъ протестовалъ, но буйства черни продолжались безнаказанно; нанесено

было оскорбленіе русскимъ судамъ, убиты русскіе матросы. На новые протесты Строганова Порта отвѣчала пустыми извиненіями: преступленіе янычаръ оправдывалось радостью и сильною ревностію солдатъ, идущихъ на войну противъ мятежниковъ. Тогда посланникъ объявилъ, что онъ испроситъ у императора вооруженное судно, которое будетъ стоять при входѣ изъ канала въ Черное море и защищать русскихъ. 19-го апрѣля новыя казни: обезглавлено семеро грековъ, между ними два брата русскаго драгомана князя Ханджери и племянникъ ихъ; кромѣ того, греческій епископъ. 22-го числа толпа школьниковъ и черни опустошила патріаршую церковь и церковь синайскаго епископа вмѣстѣ съ пятью другими церквами. Строгановъ подалъ новую ноту, на которую рейсъ-эффенди объявилъ, что, во-первыхъ, турецкія войска войдутъ въ Молдавію и Валахію, несмотря на покорность тамошнихъ бояръ. Во-вторыхъ, греки, спасшіеся въ Россіи, должны быть выданы. Въ-третьихъ, паши будутъ управлять княжествами до назначенія господарей; а господари назначатся только тогда, когда бѣглые греки будутъ выданы Россіею, наказаны, и спокойствіе возстановится въ княжествахъ. Строгановъ, съ своей стороны, потребовалъ: 1) Немедленнаго отправленія господарей въ княжества вмѣстѣ съ войскомъ. 2) Приказа войскамъ дѣйствовать только противъ вооруженныхъ инсургентовъ, а не противъ безоружныхъ жителей. 1-го мая рейсъ-эффенди объявилъ, что всякій корабль съ хлѣбомъ, идущій изъ Чернаго моря, долженъ отдавать свой грузъ въ правительственные магазины. Строгановъ протестовалъ энергическою нотою, а между тѣмъ буйство черни продолжалось, потому что само правительство подстрекало ее, объявивъ, чтобъ мусульмане удвоивали бдительность и дѣятельность. 17-го мая Порта отвергла приведенныя выше предложенія русскаго посланника относительно Дунайскихъ княжествъ и настаивала на своихъ мѣрахъ; Строгановъ не согласился. 21-го мая пришелъ первый русскій пакетботъ: рейсъ-эффенди далъ знать посланнику, чтобъ пакетботъ вышелъ немедленно изъ Босфора, иначе капитанъ-паша употребитъ силу; наконецъ, Порта запретила перевозить вещи посланника изъ Перы въ лѣтнее пребываніе, въ Буюкдере. Тогда Строгановъ объявилъ, что императорская миссія не можетъ продолжать сношенія съ Портою, а пакетботъ не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы депеши.

«Мой языкъ и особенно мои услуги, оказанныя въ началѣ возстанія, казалось, тронули турокъ,—доносилъ Строгановъ.—Нѣкоторое время турки думали, что я буду содѣйствовать ихъ кровавой и мстительной системѣ дѣйствія относительно грековъ. Но

скоро потомъ Порта, убѣждаясь, что Россія *не смѣетъ* объявить ей войну, подумала, что мы тайкомъ поджигаемъ возмущеніе. Она въ этомъ смыслѣ истолковала помощь, которую я оказалъ несчастнымъ, и убѣжище, которое они нашли въ русскихъ владѣніяхъ. Она съ неудовольствіемъ видѣла мои усилія предотвратить опустошеніе княжествъ и убійства въ столицѣ; она съ трудомъ принимала мои представленія объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ христіанской религіи. Заявленія Россіи остановили, по возможности, общее восстаніе. Но это благодѣяніе было оплачено удвоенными жестокостями и преступленіями. Средства защиты у грековъ этимъ ослаблены, тогда-какъ реакція стала кровожаднѣе прежняго. Кровь христіанская льется повсюду и невинный лишается жизни въ видахъ отомщенія нѣкоторымъ виновнымъ. Покровительственное вмѣшательство въ дѣла княжествъ, признанное за Россіею трактатами, допущено, правда, по формѣ, но совершенно отстранено на дѣлѣ. Я здѣсь игрушка коварной медленности Порты, меня занимаютъ пустыми переговорами, тогда какъ войска оттоманскія дѣйствуютъ и предаются неистовствамъ. Съ презрѣніемъ отвергаютъ предложенія справедливыя и гораздо болѣе полезныя утѣснителямъ, чѣмъ утѣсненнымъ, ибо если бы они были приняты, то не доставили бы достаточнаго ручательства для великодушныхъ видовъ императора. Услуги, оказанныя императорскимъ посольствомъ, забыты. Каждое событіе ведетъ къ новому оскорбленію, и мои старанія удалить все то, что можетъ оскорбить интересы турокъ, не производятъ на нихъ никакого дѣйствія. Права русскихъ подданныхъ, интересы торговли явно нарушены. Нашъ флагъ подвергся оскорбленію, матросы убиты или ранены, и это оправдывается радостью и жаромъ войскъ мусульманскихъ! Мѣры произвольныя, нарушающія наши привилегіи, приняты, а мы не удостоены совѣщаніемъ объ нихъ. Проходъ чрезъ Дарданеллы запрещенъ нашимъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ. Велѣно осматривать корабли вопреки смыслу договоровъ».

Изъ донесеній Строганова видно, что онъ считалъ войну необходимою, и думалъ, что медленность со стороны Россіи ведетъ только къ бо́льшему кровопролитію. Въ отвѣтъ на свои донесенія онъ получилъ слѣдующую депешу: «Мы не можемъ скрыть отъ себя, что ходъ событій и особенно ошибки, которыя Порта дѣлаетъ одну за другою, съ самою пагубною поспѣшностью, предвѣщаютъ Турціи близкую и неизбѣжную катастрофу. Вмѣсто того, чтобъ затушить революціонный духъ, Порта его распространяетъ; вмѣсто того, чтобъ погубить окончательно дѣло революціи, она старается его облагородить; наконецъ, вмѣсто того,

чтобъ доказать греческому народу, что заводчики смуты его обольщаютъ и вводятъ въ заблужденіе, она всѣми мѣрами доказываетъ ему, что ему больше ничего не остается, кромѣ отчаянія или смерти. Она вооружается не для собственной защиты и безопасности: она нападаетъ на христіанство. Она сама подаетъ знакъ къ безпорядку, призывая на помощь ярость слѣпого фанатизма; сама уничтожаетъ для себя возможность существовать вмѣстѣ съ христіанскими правительствами, какъ будто греческіе революціонеры засѣдаютъ въ ея совѣтахъ и ведутъ ее къ погибели. Если крайности, которымъ предаются турки, продолжатся, если въ ихъ владѣніяхъ наша святая религія будетъ каждый день предметомъ новыхъ оскорбленій, если они будутъ стремиться къ истребленію греческаго народа, то, понятно, что Россія, равно какъ и всякая другая европейская держава, не останется спокойною зрительницею такого нечестія и такихъ жестокостей. Мы не смѣшиваемъ заводчиковъ смуты и ихъ приверженцевъ съ людьми, которыхъ турецкое правительство, въ своей безпокойной свирѣпости, преслѣдуетъ съ такимъ варварскимъ ожесточеніемъ; мы не будемъ оспаривать у Порты права поставить первыхъ въ невозможность исполнить ихъ планы; но Порта должна признать справедливымъ и необходимымъ успокоить вторыхъ. Здѣсь вся трудность. Но Россія, сильная сознаніемъ добра, которое она сдѣлала грекамъ, и желаніемъ доставить имъ спокойное пользованіе уступками, необходимыми для ихъ гражданскаго существованія и для ихъ счастія, Россія будетъ искренно трудиться для полученія этого полезнаго результата, если только турецкое министерство дастъ ей къ тому средства. Если же турецкое правительство будетъ продолжать свою систему разрушенія и нечестія, то вы должны оставить Константинополь со всѣми чиновниками и людьми, принадлежащими къ посольству».

Понятно, что эти событія и вѣроятнѣйшій исходъ ихъ сильно безпокоили австрійское правительство, которое должно было стараться всѣми силами не допускать до войны между Россіею и Турціею: война съ Россіею отвлечетъ турецкія силы, поддержитъ возстаніе, необходимо поведетъ къ связи между Россіею и греками, тогда-какъ сохраненіе дружественныхъ отношеній между Россіею и Турціею отниметъ у возставшихъ всякую надежду, заставитъ ихъ положить оружіе, и надолго уничтожитъ русское вліяніе на востокѣ, ибо Россія оставитъ безъ помощи своихъ единовѣрцевъ. Узнавши о константинопольскихъ кровавыхъ сценахъ, о казни патріарха, Меттернихъ написалъ для австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, графа Лютцова, инструкцію, въ которой говорилось: «Вся Европа исповѣдуетъ христіанство,

имперія русская принадлежитъ къ греческой церкви; движеніе не замедлитъ сообщиться христіанамъ, и правительства, самыя пріязненныя султану, легко могутъ быть вовлечены въ такія дѣйствія, которыя, по своимъ результатамъ, будутъ гораздо опаснѣе для Порты, чѣмъ для государствъ христіанскихъ, взятыхъ вмѣстѣ». Въ то же время Меттернихъ написалъ графу Нессельроде: «Императоръ приказалъ мнѣ составить инструкцію для своего интернунція, которую я спѣшу сообщить вамъ. Вы убѣдитесь, что правота чувствъ моего августѣйшаго государя нисколько не потерпитъ отъ разности исповѣданій въ религіи истины и мира; казнь верховнаго пастыря греческой церкви возбудила въ императорѣ такое же чувство негодованія, какъ если бы это преступленіе было совершено надъ верховнымъ пастыремъ церкви римской». По поводу этого письма, графу Головкину, русскому посланнику въ Вѣнѣ, поручено было представить австрійскому министерству, что турецкое правительство объявило войну религіи, которую исповѣдуетъ Россія, и предаетъ истребленію цѣлый народъ, въ которомъ императоръ принимаетъ постоянное и искреннее участіе по единству вѣроисповѣданія и по договорамъ. Императоръ требуетъ одного, чтобъ Порта отказалась отъ системы, разрушающей ея собственное владычество, и приняла другую систему, которая позволила бы ей существовать вмѣстѣ съ другими европейскими государствами. Императоръ приглашаетъ всѣхъ своихъ союзниковъ соединить всѣ свои усилія, и дать почувствовать турецкому министерству необходимость такой перемѣны. Но каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ турецкой стороны, императоръ никогда не отступитъ отъ пути, имъ себѣ начертаннаго; его всегдашнее желаніе — поддерживать во всей неприкосновенности союзъ, столь счастливо установленный и наблюдаемый европейскими державами, слѣдовательно не иначе, какъ *по соглашенію* со всѣми союзниками императоръ желаетъ видѣть возстановленіе порядка на Востокѣ, чтобъ обезпечить для Европы и съ этой стороны консервативную систему. Императоръ не думаетъ, чтобъ христіанская Европа могла согласиться на истребленіе цѣлаго христіанскаго народа, да и — оставя въ сторонѣ религію — одно человѣколюбіе не можетъ допустить до такого печальнаго снисхожденія. Чѣмъ болѣе императоръ, по согласію со всѣми союзниками, не одобряетъ предпріятія зачинщиковъ греческой революціи; чѣмъ прискорбнѣе для него мысль, что это событіе, быть можетъ, связывается съ ненавистными происками заводчиковъ смуты въ другомъ государствѣ, — тѣмъ важнѣе, по его мнѣнію, не дать людямъ преступнымъ опаснаго торжества, или предоставивъ въ ихъ пользу послѣдствія революціи, если она полу-

чить успѣхъ, или позволивъ туркамъ истребить цѣлый народъ. Къ этимъ общимъ разсужденіямъ присоединяются частныя относительно Россіи, ея положенія, вѣры, ею исповѣдуемой, и договоровъ, заключенныхъ ею съ Оттоманскою имперіею; но Россія никогда не будетъ дѣйствовать въ своихъ исключительныхъ видахъ и безъ соглашенія съ другими государствами. Россія требуетъ отъ этихъ державъ, чтобъ онѣ прямо сообщили ей свои намѣренія, свои желанія, средства, по ихъ мнѣнію, наилучшія для счастья Востока, если турецкое правительство, не принявъ болѣе благоразумныхъ и умѣренныхъ мѣръ, вызоветъ событія, предупрежденіе которыхъ для ней самой всего выгоднѣе: русское войско, готовое отразить всякое нападеніе съ ея стороны, будетъ готово тогда осуществить планъ, который союзные дворы начертятъ по общему соглашенію для отвращенія несчастій, которыми турецкія смуты могутъ грозить другимъ государствамъ европейскимъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, русское войско пойдетъ не для распространенія границъ имперіи, не для доставленія ей перевѣса, котораго она не желаетъ, но для возстановленія мира, для утвержденія европейскаго равновѣсія, для доставленія странамъ, изъ которыхъ слагается европейская Турція, благодѣяній политическаго существованія—счастливаго и для другихъ неопаснаго.

Смыслъ этихъ внушеній былъ очень ясенъ. Турецкое правительство, по своему характеру, не можетъ уладиться съ своими христіанскими подданными такимъ способомъ, какой можетъ быть терпимъ христіанскою Европою вообще и Россіею въ особенности; слѣдовательно, необходимо уладить дѣло вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, по общему ихъ соглашенію; Порта не согласится допустить это вмѣшательство, надобно принудить ее къ тому силою—и русское войско будетъ готово привести въ исполненіе приговоръ новаго конгресса, причемъ русскій императоръ обязывается не думать о своихъ частныхъ выгодахъ. Такимъ образомъ, Союзъ будетъ поддержанъ, и система, принятая Союзомъ, не будетъ нарушена; походъ въ Турцію будетъ предпринятъ также противъ революціонеровъ, ибо если возставшіе греки восторжествуютъ, то это будетъ торжество революціи; если же восторжествуютъ турки, то извѣстно, какъ они воспользуются своимъ торжествомъ, и это опозоритъ Союзъ, опозоритъ правительства передъ народами. Императоръ Александръ писалъ къ императору Францу: «Я не буду разбирать причинъ греческаго возстанія, но имѣю основаніе думать, что революціонеры произвели революцію на Востокѣ съ цѣлію разобщить союзныя державы. Я думаю также, что Союзъ, который побѣдилъ ихъ

въ Неаполѣ и Туринѣ, предохраняя отъ заразы остальную Италію, побѣдить ихъ въ Левантѣ, сопротивленіемъ этому новому испытанію и свидѣтельствуя предъ цѣлымъ свѣтомъ несокрушимость связей мира и дружбы, существующихъ между европейскими державами».

Европейскія державы сочли опаснымъ для себя принять русскія предложенія, къ счастію для грековъ, разумѣется, потому что въ 1821 году конгрессъ, собравшійся по восточнымъ дѣламъ, не могъ бы постановить для грековъ такихъ выгодныхъ условій, какія были постановлены въ тридцатыхъ годахъ. Не могли освободиться отъ страха предъ могуществомъ Россіи, предложенія которой поэтому казались дарами Данаевъ, и потеряли самое удобное время для рѣшенія восточнаго вопроса наиболѣе сообразно съ своими желаніями. Для Англіи и Австріи была противна мысль о вмѣшательствѣ, и о вмѣшательствѣ подъ русскимъ знаменемъ. Впустить русское войско въ турецкія владѣнія! Русскій императоръ, правда, обязывается, что его войско будетъ только приводить въ исполненіе общія рѣшенія державъ; но успѣхи этого войска (и какъ далеко будутъ простираться эти успѣхи?) развѣ останутся безъ вліянія на будущія общія распоряженія? Турки будутъ противиться и, благодаря этому сопротивленію, русское войско займетъ Константинополь; что тогда постановитъ конгрессъ для счастія жителей Балканскаго полуострова, конгрессъ, на которомъ будетъ предсѣдательствовать владыка Византіи? Во всякомъ случаѣ, какъ бы въ Петербургѣ ни золотили пилюлю, какъ бы ни представляли, что походъ будетъ направленъ противъ революціи, допустить этотъ походъ—значитъ допустить противорѣчіе принятой системѣ: въ Италію войско ходило противъ возмутившихся подданныхъ для возстановленія законнаго правительства, а въ Турцію войско пойдетъ противъ правительства, чтобъ заставить его не очень строго поступать съ возмутившимися подданными. Быть можетъ, это все равно для людей, желающихъ установленія общаго европейскаго правительства, обязаннаго умѣрять движенія и сверху и снизу, водворяя всюду правила человѣколюбія, религіи и нравственности, исполняя законныя требованія всѣхъ; но австрійскій канцлеръ и англійскіе министры вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ людей, для нихъ это не все равно.

Какъ же быть? Надобно стараться протянуть время и не допустить до войны между Россіею и Турціею. Средство къ тому можно найти въ самой сложности вопроса, въ темнотѣ, отсюда проистекающей. Вопросъ представляетъ двѣ стороны: обще-европейскую и частную русскую; надобно сначала, для уясненія во-

проса, раздѣлить эти двѣ стороны, заняться прежде требованіями Россіи, которая считаетъ себя оскорбленною, ищетъ удовлетворенія, надобно уяснить, опредѣлить точнѣе эти требованія. Они основываются на трактатахъ: надобно опредѣлить съ точностью смыслъ трактатовъ, такъ ли толкуются извѣстныя статьи; можно начать длинные переговоры по этому случаю, а между тѣмъ султанъ покончитъ съ греками, тогда можно будетъ уговорить его быть поснисходительнѣе, а Россію оставить въ сторонѣ, занять ее чѣмъ-нибудь на Западѣ.

Въ Вѣнѣ было положено дѣйствовать осторожно, не раздражать русскаго императора, сдерживать султана. Лютцовъ, получивши инструкціи въ этомъ смыслѣ, началъ дѣйствовать ревностно, ревностнѣе, чѣмъ даже сколько желало его правительство, потому что былъ грекофилъ и вполнѣ сочувствовалъ русскому посланнику. Иначе поступалъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Странгфордъ, который съ островитянскою безцеремонностью выражалъ свое сочувствіе къ Турціи и несочувствіе къ Россіи. Графъ Головкинъ долженъ былъ заявить австрійскому министерству, что въ печальномъ положеніи барона Строганова въ Константинополѣ единственнымъ утѣшеніемъ были ему почти ежедневные знаки участія, оказываемые ему австрійскимъ интернунціемъ; министры шведскій и датскій слѣдують благородному примѣру графа Лютцова; но англійскій посланникъ не раздѣляетъ великодушныхъ чувствъ своихъ товарищей. Вмѣсто того, чтобъ поддерживать барона Строганова въ печальной обязанности уяснять турецкому правительству его собственные интересы, лордъ Странгфордъ, наоборотъ, одобряетъ Порту въ ея странныхъ расположеніяхъ. Его постоянно холодное и не очень приличное обхожденіе съ барономъ Строгановымъ, возростающая день ото дня пріязнь къ Дивану могли только усилить въ турецкомъ правительствѣ опасныя надежды, что его ложныя и жестокія мѣры найдутъ одобреніе и поддержку въ британскомъ кабинетѣ.

Дѣйствительно, между Диваномъ и представителемъ Англіи была большая дружба. Порта съ надеждою и сочувствіемъ обращалась къ Англіи, какъ къ державѣ, не участвующей въ Священномъ Союзѣ, котораго турки такъ боялись. Всевозможныя, даже неслыханныя почести были расточаемы лорду Странгфорду и его женѣ; предложенъ былъ и подарокъ—собраніе медалей, конфискованныхъ у казненнаго Ханджери, и благородный лордъ принялъ его. За то Странгфордъ призналъ за турецкимъ правительствомъ право забирать хлѣбъ съ иностранныхъ судовъ въ свои магазины, противъ чего протестовалъ Строгановъ; разумѣется, при этомъ англійскій посланникъ опредѣлилъ цѣну, безобидную

для своихъ купцовъ. Турецкіе министры съ восторгомъ выставляли разницу въ поведеніи Россіи и Англіи: русскій консулъ въ Патрасѣ явился главнымъ виновникомъ возстанія, англійскій консулъ тамъ же первый предостерегъ Порту; Россія принимаетъ къ себѣ измѣнниковъ, іоническая республика отсылаетъ ихъ назадъ; англійскій флагъ въ Архипелагѣ будетъ защищать турецкіе корабли противъ греческихъ разбойничьихъ судовъ, русскій флагъ развѣвается на этихъ судахъ; они плаваютъ съ русскими паспортами, и русскій консулъ въ Хіосѣ, убѣжавши въ Ипсару, вооружилъ тамъ корабли, которые потомъ соединились съ кораблями Гидры и Спецій; лордъ Странгфордъ, въ своей рѣчи, увѣрялъ султана, что Англія никогда не допуститъ, чтобъ кто-нибудь напалъ на турецкія владѣнія; Строгановъ, вопреки договорамъ, отказывается возвратить азіатскія крѣпости [1]) и хочетъ отнять у Порты право управлять провинціями, ей принадлежащими, и наказывать возмутившихся подданныхъ.

Позволяя или предписывая своему посланнику такое поведеніе въ Константинополѣ, англійскій кабинетъ старался убѣдить русское правительство, что оно должно терпѣть все, чтб бы ни происходило въ Турціи. 16-го іюля онъ сообщилъ въ Петербургъ, что Англія оплакиваетъ крайности, какія позволили себѣ турки, свирѣпствуя противъ грековъ; порицаетъ поведеніе Порты относительно барона Строганова и даетъ своему посланнику приказаніе употребить всѣ средства для обращенія турецкаго правительства къ болѣе умѣреннымъ принципамъ и къ мѣрамъ, въ которыхъ русскій императоръ могъ бы найти доказательство уваженія къ особѣ его представителя. Въ случаѣ, если Порта позволитъ себѣ какое-нибудь насиліе противъ барона Строганова или кого-либо изъ его товарищей, лордъ Странгфордъ немедленно оставитъ Константинополь и объявитъ турецкому правительству, что англійскій король не можетъ держать своего посольства въ странѣ, гдѣ международное право и характеръ представителей иностранныхъ государствъ болѣе не уважаются. Если фанатизмъ и упорство турокъ сдѣлаютъ безполезными всѣ усилія лорда Странгфорда, Англія желаетъ, чтобъ Россія продолжала свою систему долготерпѣнія, дабы дать туркамъ время успокоиться, покинуть свои заблужденія, перестать питать недовѣрчивость. Англія ласкаетъ себя надеждою, что Россія продолжитъ свою систему долготерпѣнія: во-первыхъ, потому что смуты турецкія нисколько не нарушаютъ внутренняго спокойствія Россіи; во-вто-

[1]) Т.-е. не хотѣлъ истолковать бухарестскаго договора объ азіатскихъ границахъ въ пользу Турціи.

рыхъ, потому, что вооруженное вмѣшательство нарушитъ миръ между Россіею и Портою не только для настоящаго времени, но и на будущее и, быть можетъ, будетъ имѣть печальныя послѣдствія для Европы; въ-третьихъ, потому, что разрывъ Россіи съ Портою будетъ торжествомъ для враговъ порядка, ибо эти преступные люди были виновниками греческой революціи и возбудили ее для того, чтобъ занять Россію и воспрепятствовать ей слѣдить за ихъ пагубными заговорами и уничтожить ихъ въ другихъ государствахъ европейскихъ.—Графу Каподистріа поручено было написать замѣчанія на эти странныя сообщенія. Относительно первой причины, почему Россія должна была спокойно смотрѣть на турецкія событія, онъ замѣтилъ: турецкія смуты сильно вредятъ самымъ существеннымъ интересамъ южныхъ областей Россіи. Торговля черноморская остановилась. Княжества Валахія и Молдавія пользуются особеннымъ покровительствомъ Россіи, и, несмотря на то, турки опустошаютъ ихъ, истребляютъ жителей. Относительно второй причины: если вооруженное вмѣшательство должно раздражать турокъ и увѣковѣчить вражду между двумя имперіями, то какія средства предлагатся для того, чтобы успокоить Порту и возстановить между нею и Россіею дружественныя отношенія? Умѣренность одной стороны—это безнаказанность другой. Съ марта мѣсяца какое вышло слѣдствіе нашей умѣренности? Турки не откажутся добровольно отъ системы, которую преслѣдуютъ, и нельзя ихъ принудить къ тому одними угрозами. Англія болѣе всякаго другого государства должна быть убѣждена въ этой истинѣ. Въ 1807 году, адмиралъ Дуквартъ грозилъ бомбардировать сераль и Константинополь, если Порта не порветъ союза своего съ Бонапартомъ. Порта осталась непоколебима. Халибъ-эффенди, уполномоченный оттоманскій, объяснилъ это явленіе одному изъ русскихъ уполномоченныхъ во время бухарестскихъ переговоровъ: «Порта знала хорошо, что Англія не хотѣла ни овладѣть сама Константинополемъ, ни отдать его Россіи, и потому она знала, что ни сераль, ни столица не подвергаются никакой опасности». Турки такимъ же образомъ будутъ смотрѣть и теперь на угрозы разрыва. Относительно третьей причины: бездѣйствіемъ всего лучше помогать революціонерамъ. Пока въ Турціи будетъ происходить рѣзня, вниманіе Россіи будетъ приковано здѣсь. Самое лучшее средство разрушить замыслы революціонеровъ—это какъ можно скорѣе покончить греческую революцію.

И въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ сильно желали покончить какъ можно скорѣе греческую революцію, но желали, чтобы она была покончена турками безо всякаго вмѣшательства, тогда-какъ въ

Россія считали турокъ неспособными покончить революцію и требовали вмѣшательства. Въ отвѣтъ на требованіе русскаго правительства — перемѣнить систему дѣйствія, Порта отвѣчала, что эта система естественна и необходима; по объясненіямъ турецкаго правительства, «греческій народъ былъ осыпанъ благодѣяніями Порты, и за эти благодѣянія отплатилъ гнусною неблагодарностью, внявъ дьявольскимъ внушеніямъ. Порта, дѣйствуя по началамъ справедливости, ее характеризующимъ, и высокаго милосердія, которое постоянно испытываютъ ея подданные, вначалѣ употребила только средства кротости и убѣжденія относительно измѣнниковъ; она заставила патріарха проклясть заблудшихъ членовъ греческой націи. Однако открылось, что этотъ самый патріархъ, глава націи, былъ главою возмущенія, ибо жители всѣхъ мѣстъ, куда были посланы грамоты съ проклятіями, вмѣсто того, чтобы покориться—первые возстали. Жители области Калавраты въ Мореѣ, родины патріарха, возставъ первые, осмѣлились перебить попавшихся въ ихъ руки мусульманъ и надѣлали множество жестокостей всякаго рода: *отсюда ясно*, что патріархъ былъ главнымъ виновникомъ возмущенія, и было доказано перехваченными письмами и документами нѣкоторыхъ вѣрныхъ подданныхъ, что жители Мореи, и особенно Калавраты, не могли бы начать возмущенія, еслибъ не были въ согласіи и не были поддержаны патріархомъ. Каждое правительство имѣетъ право брать и наказывать безъ милосердія подобныхъ злодѣевъ для поддержанія добраго порядка и блага націи, и такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть вопроса о различіи религіи, исповѣданія, званія или характера, то высокая Порта, убѣдившись въ виновности патріарха и его приближенныхъ, свергла его съ патріаршества, назначила другого на его мѣсто, и старый патріархъ, ставшій простымъ священникомъ, понесъ заслуженное наказаніе. Исторія оттоманской имперіи представляетъ много примѣровъ наказанія патріарховъ по статутамъ имперіи, и хотя Порта не имѣетъ нужды прибѣгать къ статутамъ государствъ иностранныхъ, однако при случаѣ можно привести, что во время царя Петра I русскій патріархъ былъ наказанъ смертію за совершённое преступленіе, и потомъ патріархатъ былъ совершенно уничтоженъ. Удивительно, что такой образованный и ученый министръ, какъ баронъ Строгановъ, могъ не знать этого факта! По соглашенію съ русскимъ дворомъ, Порта отправила войско въ Дунайскія княжества, и успѣла истребить большое количество бунтовщиковъ; но всѣмъ извѣстно, что княжества еще не совершенно очищены отъ нихъ, слѣдовательно, войска должны оставаться. Порта, согласно съ договоромъ, требовала

выдачи бывшаго господаря Михаила Сутцо и многихъ другихъ бѣглецовъ, нашедшихъ убѣжище въ Россіи. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ русскій посланникъ упомянулъ, что его дворъ принялъ бѣглецовъ подъ свое покровительство изъ великодушія. Высокая Порта не можетъ не замѣтить, что договоры, установляющіе взаимныя отношенія правительствъ — одно, а личное великодушіе — другое. Между правительствами, связанными посредствомъ договоровъ, нѣтъ большаго великодушія, какъ исполненіе этихъ самыхъ договоровъ. Выдача этихъ бѣглецовъ особенно важна для Порты въ настоящую минуту; въ ней заключается самое вѣрное средство къ возстановленію порядка и спокойствія въ княжествахъ, ибо страхъ, что бѣглецы могли найти убѣжище въ Россіи, особенно питалъ подозрѣніе между побѣдоноснымъ народомъ магометанскимъ. Высокая Порта сама не можетъ избавиться отъ справедливаго недовѣрія, пока эти бѣглецы находятъ покровительство. Но когда бѣглецы будутъ выданы на основаніи договоровъ, тогда будущіе господари будутъ имѣть поразительный примѣръ передъ глазами, Порта получитъ довѣріе и поспѣшитъ назначить и отправить господаря».

Въ концѣ іюля, баронъ Строгановъ уѣхалъ изъ Константинополя. Въ Вѣнѣ нашли поведеніе Строганова сначала неразсудительнымъ, потомъ страстнымъ, наконецъ, вѣроломнымъ и невыносимымъ. Въ Вѣнѣ сочли нужнымъ, чтобъ самъ императоръ Францъ въ письмѣ къ императору Александру выразилъ порицаніе барону Строганову за его поспѣшный отъѣздъ, и торжественнымъ тономъ представилъ печальное состояніе Европы, подкапываемой революціею, которая ожидаетъ новой помощи — отъ войны Россіи съ Турціею: «Если общество обязано, быть можетъ, своимъ сохраненіемъ нашему союзу, то надежда, что оно можетъ выдержать самый сильный кризисъ, можетъ основываться только на этомъ же союзѣ. Настоящій кризисъ превосходитъ всѣ предшествовавшіе, потому-что міръ въ послѣдніе годы сдѣлалъ огромные шаги къ своей гибели, и потому-что настоящій кризисъ грозитъ подкопать самыя могущественныя основы и единственное средство спасенія для Европы отъ нашествія самой неистовой демагогіи. Все теперь поставлено на линію громаднѣйшихъ рисковъ. Ваше величество и я, мы, съ перваго раза, угадали планъ дезорганизующей партіи, мы до сихъ поръ счастливо съ нею боролись; наша обязанность — не заблудиться на дорогѣ, которую мы проходимъ вмѣстѣ, и доказать этой партіи, что ея разсчеты никогда не сдѣлаются нашими и что сознаніе нашихъ обязанностей съумѣетъ всегда преодолѣть ея хитрости

и ея смѣлость. Я не могу выразить ту скорбь, которая объяла меня при извѣстіи объ отъѣздѣ посланника вашего величества изъ Константинополя». Высказывая порицанія русскому посланнику за его неразсчетливость, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, императоръ Францъ продолжаетъ: «Знаю, что отъѣздъ русскаго министра не есть еще война между вашимъ величествомъ и Портою; но Европа этого не знаетъ, и зло, съ которымъ мы должны бороться, болѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Турціи. Выводъ, который сдѣлаетъ публика изъ событій, который революціонеры внушатъ жертвамъ своего обмана — этотъ выводъ будетъ состоять въ томъ, что между союзными дворами нѣтъ уже болѣе солидарности. Я знаю личное положеніе вашего величества при нынѣшнихъ жестокихъ обстоятельствахъ; потребна вся сила вашей души, чтобы эти обстоятельства не повели къ великимъ несчастіямъ. Каждый день доставляетъ мнѣ доказательства обширности и силы зла, произведшаго катастрофу, которая насъ теперь занимаетъ, каждый день обнаруживаетъ пружины, приводимыя въ движеніе для поддержанія пожара, и силу, направляющую всецѣло машину. Вѣрьте, Государь, моимъ словамъ; я поставленъ такъ, что часто могу предчувствовать истины, прикрытыя обманчивою наружностью. Достаточно наблюдать за людьми, которые теперь съ необыкновеннымъ жаромъ защищаютъ самозванные христіанскіе интересы. Въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, это тѣ самые люди, которые не вѣрятъ въ Бога, не уважаютъ ни Его заповѣдей, ни законовъ человѣческихъ. Не думайте, Государь, что я не раздѣляю вашихъ желаній и вашихъ заботъ о благѣ христіанскаго угнетеннаго народа; но мы сдѣлаемъ зло, если противопоставимъ одну религію другой, и если, удалясь съ политической почвы, мы поставимъ себя на почву борьбы, которая имѣетъ мало границъ и которой результаты трудно предвидѣть».

Итакъ, не должно сходить съ политической почвы. Но это чрезвычайно трудно въ восточномъ вопросѣ; трудно даже для князя Меттерниха, который, въ своихъ инструкціяхъ графу Лютцову, принужденъ былъ сойти съ политической почвы и смотрѣть русскимъ взглядомъ: «Порта, — писалъ австрійскій канцлеръ, — имѣетъ несомнѣнное право требовать выдачи грековъ, бѣжавшихъ въ Россію: но, въ то же время, мы видимъ невозможность исполнить эту статью договора, невозможность, заключающуюся въ общемъ положеніи дѣлъ европейскихъ и въ особенномъ положеніи русскаго императора. Султанъ не можетъ отказаться отъ корана и русскій императоръ не можетъ предать своихъ единовѣрцевъ мечу оттоманскому. Все сдѣлано, чтобъ бунтъ пре-

вратить въ религіозную войну, и цѣль, къ несчастію, достигнута; такимъ образомъ, дѣло пойдетъ болѣе о бунтовщикахъ, но объ единовѣрцахъ, и не русскій императоръ установилъ это различіе! Пусть султанъ пойметъ, что теперь государствамъ легче ввести въ Турцію милліонъ солдатъ, чѣмъ удержаться на линіи, соотвѣтствующей ихъ договорамъ и, признаемся откровенно, соотвѣтствующей интересу всѣхъ сторонъ. Если Дивану извѣстно настоящее расположеніе умовъ въ Европѣ, то онъ не усомнится, что страсть къ приключеніямъ двинетъ на азіатскія поля цѣлые народы, снабженные всѣми средствами къ войнѣ, привыкшіе къ дисциплинѣ, неизвѣстной въ средніе вѣка, и которымъ тѣсно въ предѣлахъ государствъ европейскихъ. Итакъ, оттоманское правительство имѣетъ неоспоримое право настаивать на выдачѣ своихъ бунтовщиковъ, убѣжавшихъ въ Россію; но этому праву мы противополагаемъ наше чувство невозможности, въ какой находится императоръ Александръ выполнить свой договоръ».

Князь Меттернихъ требовалъ отъ султана и Дивана, чтобъ они вникнули въ состояніе умовъ въ Европѣ и сошли съ политической почвы въ интересѣ Россіи и Европы, тогда-какъ султанъ, естественно и необходимо, давно уже сошелъ съ политической почвы, только въ собственномъ интересѣ, въ интересѣ и духѣ своей религіи. «Султанъ не можетъ отказаться отъ корана, и русскій императоръ не можетъ выдать своихъ единовѣрцевъ» — этими словами высказывалась вся сущность восточнаго вопроса, вся невозможность рѣшить его тѣми средствами, которыя хотѣлъ употребить австрійскій канцлеръ, а именно, напугать Диванъ, заставить его отказаться отъ требованія выдачи бѣжавшихъ грековъ, быть податливѣе къ требованіямъ Россіи относительно частныхъ русскихъ интересовъ, и обходить главный вопросъ.

Россія продолжала предлагать другія средства; она говорила Австріи и Англіи: «Вы сами убѣждены, что теперь турецкое правительство, «*въ безвыходномъ хаосѣ своихъ непослѣдовательностей*», не имѣетъ никакихъ средствъ быстраго и вѣрнаго спасенія, и еще менѣе оно можетъ найти эти средства, «*когда будетъ истощено собственными конвульсіями*» [1]). Въ Молдавіи и Валахіи почти всѣ начальственныя лица и огромное большинство жителей остались вѣрны султану, и однако мусульманскія войска опустошили страну. Въ виду южныхъ областей Россіи турки совершаютъ свои неистовства, подробности которыхъ воз-

---

1) Подчеркнутыя строки заимствованы изъ письма Кэсльри къ императору Александру.

мущають человѣческое чувство. Развѣ такое поведеніе можетъ внушать надежду, что турецкое правительство возвратится къ принципамъ умѣренности? Оно произведетъ то, что греки не повѣрятъ никакимъ обѣщаніямъ султана и откажутся навсегда подчиниться его власти. Опытъ показываетъ, что и въ странахъ цивилизованныхъ революція есть продолжительное бѣдствіе, отъ котораго могутъ излечить только медленное дѣйствіе времени и мудрость просвѣщеннаго правительства. Чего же надобно ожидать отъ восточной революціи и отъ турецкаго правительства, которому будетъ предоставлено лечить отъ нея? Наконецъ, если борьба продолжится, здравая политика можетъ ли позволить видѣть равнодушно — здѣсь разрушеніе и мщеніе, тамъ постоянную анархію? Русскій императоръ будетъ простирать свое долготерпѣніе до крайней возможности; но всему есть предѣлы: обязанности религіозныя и политическія, заботы о благосостояніи самыхъ прекрасныхъ областей Россіи, интересы торговли, честь флага полагаютъ предѣлы его терпѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что одновременное дѣйствіе державъ, согласное съ принципами великаго Союза, возвратитъ Востоку спокойствіе и счастіе. Нѣтъ сомнѣнія, также, что успѣхъ ихъ общаго дѣйствія укрѣпитъ еще болѣе европейскую систему. Никто болѣе русскаго императора не желаетъ мира; но онъ желаетъ такого мира, какого долженъ желать, мира, который позволилъ бы ему исполнить всѣ его обязанности относительно своихъ единовѣрцевъ, мира, какой былъ до марта мѣсяца».

Австрія и Англія не хотѣли понять, что для Россіи главное былъ греческій вопросъ. Меттернихъ и Кэсльри свидѣлись осенью въ Ганноверѣ, и порѣшили, что греческое возстаніе гораздо болѣе европейское, чѣмъ турецкое дѣло, гораздо болѣе дѣло революціонной партіи въ образованныхъ странахъ Европы, чѣмъ результатъ желанія грековъ свергнуть турецкое иго. Порѣшили, что если революціонная партія желаетъ изгнанія турокъ изъ Европы, то надобно желать противоположнаго, т.-е. сохраненія турецкой имперіи въ Европѣ. Ибо что́ поставить на мѣсто Турціи? и какими средствами дѣйствовать тутъ? Всякое крупное измѣненіе на политическомъ полѣ они признали вреднымъ: рѣшили, что прежде всего надобно возстановить дипломатическія сношенія между Россіею и Портою. «Можно ли думать о мирѣ,— отвѣчало имъ русское министерство,—когда въ Молдавіи и Валахіи турецкія войска увеличиваются, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, укрѣпляются, вмѣсто того, чтобъ очищать княжества? Военная и мусульманская администрація продолжаетъ увеличивать здѣсь число бѣдствій. Турецкіе солдаты безпрестанно про-

изводятъ новые безпорядки. Священники еще разъ были истреблены и монастыри превращены въ пепелъ. Даже сцена неистовствъ и рѣзни расширяется. Островъ Кипръ, который никогда не принималъ участія въ возстаніи, залитъ христіанскою кровью; жители доведены до такого отчаянія, что многіе изъ нихъ отказались отъ христіанства. Какую возможность имѣетъ турецкое правительство удовлетворить нашимъ требованіямъ, видно изъ собственныхъ вашихъ утвержденій, что турецкое правительство слабо, что янычары наводятъ на него ужасъ, что Порта очень часто не бываетъ въ состояніи прекратить безпорядки и заставить себя слушаться. Старайтесь всѣми силами, чтобы турецкое правительство исполнило немедленно наши предварительныя требованія; но мы желаемъ не однодневнаго мира, а мира прочнаго. Повторяемъ, что когда ничто не будетъ въ состояніи открыть глаза Дивану, насчетъ собственныхъ его интересовъ, и тогда императоръ, принужденный прибѣгнуть къ оружію, употребитъ это оружіе не для расширенія русскихъ предѣловъ, не для усиленія своего политическаго вліянія, а только для того, чтобы выполнить свои обязанности къ своему народу съ одной стороны, къ своимъ единовѣрцамъ—съ другой: отъ выполненія этихъ обязанностей онъ никогда не откажется. Императоръ будетъ сражаться не за исключительные интересы Россіи, но за интересы всѣхъ, и среди своей арміи онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ бы былъ окруженъ представителями Австріи, Франціи, Великобританіи и Пруссіи.

Но Австрія и Англія, продолжая обходить греческій вопросъ, старались всѣми силами заключить миръ между Россіею и Турціею, хотя бы *однодневный:* и въ одинъ день извѣстіе объ этомъ мирѣ отниметъ руки у грековъ и заставитъ ихъ покориться Портѣ. Турецкое правительство уже объявило, что не будетъ требовать выдачи бѣжавшихъ въ Россію грековъ, но упорствовало въ очищеніи княжествъ и въ назначеніи для нихъ господарей. Лордъ Странгфордъ, для прекращенія этого упорства, прибѣгнулъ-было къ подкупу: англійское правительство предоставило въ его распоряженіе на этотъ случай 50,000 фунтовъ стерлинговъ; но попытка не удалась. Окончательный разрывъ Порты съ Россіею пугалъ дипломатовъ еще въ другомъ отношеніи; лордъ Странгфордъ писалъ Касльри въ концѣ 1821 года:

«Мои товарищи и я, зная обстоятельства страны и духъ, развитый ими въ народѣ, испытываемъ жестокое безпокойство, чтобы война не навлекла на греческій народъ жесточайшія бѣдствія, хотя для своего оправданія и для своей цѣли и будетъ имѣть интересы человѣчества. Ярость турокъ не сдержится мыслью

о вѣрномъ возмездіи, и несчастный народъ, въ пользу котораго война будетъ объявлена, пострадаетъ до послѣдняго человѣка. Дней десять тому назадъ янычарскому отряду было дано приказаніе готовиться къ походу; начальники его отвѣчали, что готовы къ выступленію, но двинутся не прежде, какъ всѣ греки въ Константинополѣ будутъ умерщвлены или изгнаны въ Азію».

Лордъ Странгфордъ, по внушеніямъ изъ Вѣны, призналъ, что англійскіе интересы не требуютъ, при столкновеніи Россіи съ Турціею, непремѣнно, самымъ грубымъ образомъ, по душевному желанію, становиться сейчасъ же на сторону Турціи; Меттерниху удалось убѣдить его, что въ англійскихъ интересахъ — играть примирительную роль, убѣждать турокъ къ уступчивости относительно Россіи. По свидѣтельству Генца, Меттернихъ нашелъ въ Странгфордѣ превосходное для себя орудіе; что англійскій посланникъ въ Константинополѣ дѣйствовалъ по внушеніямъ изъ Вѣны, это признавалъ и самъ Странгфордъ. Но лучше всѣхъ свидѣтельствъ Генца, письма и разговоры Странгфорда показываютъ, что онъ перемѣнилъ прежнее поведеніе и дѣйствовалъ въ примирительномъ, меттерниховскомъ духѣ.

Въ началѣ 1822 года, въ Константинополѣ, между лордомъ Странгфордомъ и рейсъ-эффенди шли любопытные переговоры:

Рейсъ-эффенди: Мы увѣрены въ вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ; все, что вы ни скажете, не будетъ истолковано нами въ дурномъ смыслѣ. Вы нашъ другъ, и мы вамъ вѣримъ.

Л. Странгфордъ: Дай Богъ, чтобъ было такъ. Вопросъ, который насъ занимаетъ, поставленъ въ самые узкіе предѣлы. Очистите княжества, возстановите тамъ прежнее управленіе, излѣчите зло, которое произведено въ несчастныхъ областяхъ вашими войсками, незнающими дисциплины; назначьте господарей (если не изъ грековъ, то изъ тамошнихъ бояръ), и такимъ образомъ докажите намъ, что вы не противны системѣ общаго замиренія, столь счастливо установленной въ Европѣ. *Сдѣлайте это*, и всѣ европейскія государства будутъ вашими друзьями, всѣ будутъ помогать вамъ уладиться съ Россіею. *Откажитесь* это сдѣлать, или, что также плачевно, *медлите* этимъ, и черезъ мѣсяцъ вы увидите у себя громадную армію, какой еще никогда не выставляла Россія. Вы увидите русскій флотъ въ Архипелагѣ, готовый помогать вашимъ врагамъ; наконецъ, вы потеряете дружбу всѣхъ державъ европейскихъ, которыя своими стараніями отклоняли войну до сихъ поръ. Пришло время, когда вы должны отвѣчать: *да или нѣтъ*. Какой же изъ этихъ отвѣтовъ я долженъ отъ васъ услышать?

Рейсъ-эф.: Но съ какой стати у насъ будетъ война? Мы требуемъ только немного времени для улаженія нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Русскій императоръ справедливъ, онъ не можетъ почитать наши требованія несправедливыми. Онъ не желаетъ войны, но есть люди подлѣ него, которые ея желаютъ.

Л. Странг.: Не давайте вводить себя въ заблужденіе мыслью, что европейскія правительства завидуютъ другъ другу, и что они станутъ опасаться Россіи, когда она будетъ въ войнѣ съ вами. Напротивъ, они знаютъ, что Россія заступается за ихъ дѣло, защищая святость договоровъ.

Рейсъ-эф.: Но отчего вы не хотите дать намъ немного времени? Зачѣмъ принуждать насъ сейчасъ же очищать княжества? Мы васъ увѣряемъ, что сдѣлаемъ это, какъ скоро греческій мятежъ будетъ достаточно укрощенъ и мы будемъ въ состояніи очистить княжества безъ опасности для себя.

Л. Странг.: Укрощеніе мятежа зависитъ существенно отъ мира съ Россіею, а послѣдній не можетъ состояться безъ очищенія княжествъ. Выполните ваши договоры съ Россіею, и главная надежда мятежниковъ исчезнетъ. Во время войны у васъ съ Россіею, ваши настоящіе враги сдѣлаются друзьями, быть можетъ союзниками Россіи, которой тогда уже нельзя будетъ ихъ оставить. Греки получатъ время образовать что-нибудь похожее на правильное правительство, и когда вы будете принуждены заключить миръ, то должны будете признать это правительство. Если бы какая-нибудь изъ дружественныхъ державъ предложила вамъ двѣнадцать линейныхъ кораблей и 30 или 40,000 войска противъ мятежниковъ, то вы сочли бы себя очень счастливыми и были бы очень признательны: мы вамъ предлагаемъ, для укрощенія мятежа, средство равно дѣйствительное, да еще гораздо выгоднѣе, потому-что не будетъ стоить Портѣ ни гроша, ни капли крови мусульманской. Объявите по всей имперіи возобновленіе вашихъ дружественныхъ сношеній съ Россіею, и вы увидите, что греки будутъ просить у васъ помилованія, ибо они смотрятъ на русскую войну и на сильное отвлеченіе, какое она произведетъ въ ихъ пользу, какъ на послѣднее средство спасенія.

Рейсъ-эф.: Но зачѣмъ Россія требуетъ немедленнаго очищенія княжествъ? Какая выгода ей отъ этого немедленнаго очищенія?

Л. Странг.: Выгода та, что она освободится отъ униженія въ глазахъ цѣлой Европы, отъ униженія оставаться спокойною зрительницею вопіющаго нарушенія своихъ договоровъ; выгода— успокоить собственныхъ подданныхъ, недовольныхъ тѣмъ, что правительство не защищаетъ ихъ единовѣрцевъ; наконецъ, вы-

года—освободиться отъ этого несноснаго междоумочнаго состоянія, которое не есть ни миръ, ни война.

Рейсъ-эф.: Но мы также должны уважать національную волю. Если бы мы захотѣли вывести свои войска изъ княжествъ, то народъ скажетъ: «Вы теряете изъ виду очагъ возмущенія, оно возгорится тамъ опять»; и если мы назначимъ господарей изъ грековъ, то каждый мусульманинъ завопитъ: «Вы ободряете и награждаете измѣнниковъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ наказывать».

Л. Странг.: Константинопольская чернь не знаетъ, сколько у васъ войска въ княжествахъ, — 500 человѣкъ, или 50,000; и скажите пожалуйста, какъ свѣдаетъ константинопольская чернь о вашихъ нотахъ къ намъ и вашихъ обязательствахъ, напримѣръ, если вы обяжетесь, что въ опредѣленное время въ княжествахъ не будетъ ни одного турецкаго солдата и господари будутъ назначены? Но я вамъ скажу, что̀ чернь можетъ узнать, и что̀ она пойметъ очень хорошо, это именно, должна ли она будетъ или нѣтъ умирать съ голоду — вопросъ, который долго не останется нерѣшеннымъ, если война возгорится. Точно также народъ пойметъ свое настоящее положеніе, когда узнаетъ, что въ одно прекрасное утро англійское посольство и англійскіе консулы выѣдутъ изъ Константинополя. Тотъ, кто возьметъ на себя распространять эту новость, гораздо скорѣе произведетъ мятежъ, чѣмъ тотъ, кто станетъ толковать о внутреннемъ устройствѣ двухъ отдаленныхъ провинцій, которыхъ имя даже неизвѣстно половинѣ константинопольскаго народонаселенія.

Рейсъ-эф.: Въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ замѣтно неудовольствіе; люди неблагонамѣренные ждутъ только предлога, чтобъ приступить къ дѣйствію, и они получатъ предлогъ, когда узнаютъ, что господари назначены изъ грековъ, изъ того народа, который положилъ уничтожить исламизмъ и имя мусульманское. Мы не можемъ вывести свои войска и послать ихъ опять въ случаѣ новаго мятежа въ княжествахъ. Это было бы слишкомъ жестоко относительно жителей, ибо тогда войска, въ слѣпой ярости, опустошили бы въ конецъ княжества.

Л. Странг.: Такъ вы опустошаете княжества *теперь*, чтобъ не опустошать ихъ *потомъ*; я не понимаю такого особаго рода милосердія къ жителямъ.

Рейсъ-эф.: Это неправда, мы не опустошаемъ княжествъ, наши войска ведутъ себя хорошо.

Л. Странг.: Я могу вамъ доказать противное. Я видѣлъ оффиціальныя сообщенія. Но, чтобъ возвратиться къ нашему предмету, позвольте напомнить вамъ, что вы обѣщали очистить

княжества въ короткое время: не угодно ли точно опредѣлить это время, напримѣръ: въ мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго дня?

Рейсъ-эф.: Мы не можемъ опредѣлить времени: можетъ быть меньше чѣмъ въ мѣсяцъ, можетъ быть меньше, чѣмъ въ недѣлю. Только мы одни можемъ судить о нашемъ внутреннемъ положеніи и рѣшать, *когда* оно намъ позволитъ исполнить требуемое вами. Будьте увѣрены, что мы его исполнимъ скоро. Мы не хотимъ войны; мы не сдѣлаемъ ничего, чтобъ ее вызвать. Мы выполнимъ наши договоры буквально—но имѣйте къ намъ довѣріе и позвольте намъ управлять своимъ народомъ по своему.

Турки никакъ не могли понять того, что́ такъ хорошо понимали въ Вѣнѣ и Лондонѣ, что миръ Порты съ Россіею убьетъ греческое восстаніе. Но какъ же въ Вѣнѣ и Лондонѣ могли надѣяться, что въ Петербургѣ позволятъ русскимъ миромъ убить греческое дѣло? Если въ Вѣнѣ и Лондонѣ били на то, чтобъ отдѣлить русскій миръ отъ греческаго замиренія, то могли ли на это согласиться въ Петербургѣ? Въ Вѣнѣ и Лондонѣ ласкали себя надеждою, что это раздѣленіе можетъ произойти вслѣдствіе предполагаемаго раздѣленія между русскимъ императоромъ и его кабинетомъ. Меттернихъ писалъ Лютцову: «Императоръ Александръ вполнѣ убѣжденъ, что война будетъ бичомъ для него и для Европы... Онъ не желаетъ ничего больше, какъ быть выведеннымъ изъ ложнаго положенія, въ какое вовлеченъ своимъ кабинетомъ. Дѣйствія послѣдняго разсчитаны на сопротивленіе Дивана всѣмъ русскимъ требованіямъ; если Диванъ будетъ противиться немедленному очищенію княжествъ, то это будетъ торжествомъ для кабинета. Я вамъ представляю здѣсь вопросъ во всей его простотѣ. Я понимаю, что Порта находитъ нѣкоторое затрудненіе при переводѣ нашихъ бумагъ; но эти бумаги предназначаются не для одной Порты, а для другихъ дворовъ, которые ихъ понимаютъ. Наши разсужденія — для Петербурга, наши простыя требованія—для Константинополя. Если бы мы могли составлять наши бумаги отдѣльно для обоихъ мѣстъ, то дѣло было бы легче. Въ такомъ случаѣ наша послѣдняя нота Дивану заключалась бы въ слѣдующемъ: «Ваше дѣло правое передъ Богомъ и передъ людьми. Интриги, которыя всѣ сходятся въ русскомъ кабинетѣ, приготовили, начали и поддерживаютъ возстаніе вашихъ подданныхъ. Однако вы должны были вести себя иначе, чѣмъ какъ вы вели себя; вы должны были намъ вѣрить и отдѣлить намѣреніе русскаго монарха отъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ его министровъ. Все это, впрочемъ, дѣло прошлое. Займемся настоящимъ. Хотите войны, такъ ведите ее.

Не хотите войны, такъ не играйте игры вашихъ противниковъ. Чѣмъ больше вы будете уступать ихъ требованіямъ, тѣмъ меньше вы сдѣлаете имъ удовольствія. Вы можете согласиться на все, чего отъ васъ требуютъ, потому-что требованія справедливы; они не были бы справедливы, еслибъ люди, желающіе смуты, не разсчитывали на то, что вы ихъ отвергнете, и тогда они оснуютъ разрывъ съ вами на видимой умѣренности съ своей стороны. Слѣдуйте нашимъ совѣтамъ, потому-что они подаются въ вашемъ интересѣ, а не въ интересѣ партіи, которая разсчитываетъ на ваши ошибки гораздо болѣе, чѣмъ на справедливость своего дѣла».

Графъ Головкинъ былъ человѣкомъ кабинета въ глазахъ Меттерниха, человѣкомъ, не имѣвшимъ достаточно довѣрія къ Австріи, позволявшимъ себѣ не соглашаться съ «дипломатическимъ геніемъ» относительно восточнаго вопроса. Меттернихъ старался показать ему, что въ этомъ вопросѣ двѣ части, т.-е. возстановленіе силы договоровъ, что̀ предоставляется Россіи, и замиреніе грековъ, что̀ можетъ быть предметомъ коллективнаго дѣйствія. Головкинъ замѣтилъ на это, что, предоставляя первую часть одной Россіи, союзники лишаютъ ее средствъ помочь имъ во второй, ибо, въ такомъ случаѣ, должно произойти одно изъ двухъ: или война, или совершенный застой въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ. Въ обоихъ случаяхъ замиреніе грековъ становится невозможнымъ для союзниковъ; для достиженія этого замиренія единственное средство — присоединиться къ Россіи и заставить Порту возстановить силу договоровъ, ибо только въ такомъ случаѣ Россія можетъ въ свою очередь присоединиться къ коллективному дѣйствію въ пользу грековъ. Канцлеръ настаивалъ на невозможности смѣшенія обѣихъ частей вопроса; признался, что провести демаркаціонную линію между ними чрезвычайно трудно, но, при *взаимномъ довѣріи*, трудности проблеммы могутъ быть отстранены во всеобщему удовольствію. Къ несчастію, замѣтилъ Меттернихъ, этой взаимности нѣтъ; Австрія питаетъ болѣе довѣрія къ Россіи, чѣмъ Россія къ Австріи. Головкинъ такъ отзывался о ходѣ дѣлъ по восточному вопросу: «Если прослѣдить всѣ бумаги, полученныя нами отъ двухъ кабинетовъ, лондонскаго и вѣнскаго, по поводу дѣлъ турецкихъ, то непремѣнно придемъ къ заключенію, что всѣ онѣ содержатъ въ себѣ только слѣдующія немногія слова: «Вы правы, а турки виноваты, если вы будете сохранять миръ; если же возгорится война, то вы будете виноваты, а турки правы, что̀ бы вы ни дѣлали для избѣжанія войны». *Интересы* частной политики исключительно замѣнили *обязанности* политики общей».

Въ началѣ 1822 года, въ Вѣну пріѣхалъ на помощь Головкину для веденія труднаго дѣла по восточному вопросу другой уполномоченный русскаго императора, сенаторъ Татищевъ, который получилъ такой рескриптъ отъ своего государя: «Я не хочу войны. Я это доказалъ. Я это доказываю еще вашимъ отправленіемъ и приказаніями, данными моимъ представителямъ у дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго. Но предотвратить войну можно только, обратившись къ туркамъ отъ имени Европы и говоря съ ними языкомъ, ея достойнымъ. Дѣло нейдетъ о томъ, чтобъ сдѣлать изъ Турціи державу европейскую: дѣло идетъ о томъ, чтобъ заставить ее снова занять мѣсто, которое она занимала въ политической системѣ въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Надобно спасти ее силою. Попытки, постоянно возобновляемыя и всегда безполезныя, поведутъ къ тому, что Союзъ потеряетъ всякое уваженіе. Порта сдѣлается неисправимою, и, конечно, не такую сосѣдку хотятъ завѣщать союзные дворы Россіи для упроченія системы, на которой основывается спокойствіе Европы».

Впечатлѣніе, произведенное Татищевымъ въ Вѣнѣ, было таково, что онъ пріѣхалъ не только безо всякаго опредѣленнаго плана, но безо всякой ясной идеи о средствахъ прекратить настоящую запутанность въ дѣлахъ; подобно тѣмъ, которые его прислали, онъ единственно разсчитывалъ на дружественное расположеніе вѣнскаго двора и на дипломатическій геній князя Меттерниха; не зная, что должно дѣлать для избѣжанія войны съ честью и особенно для успокоенія императора, онъ питалъ неопредѣленную надежду, что сыщетъ въ Вѣнѣ средство къ рѣшенію этой проблеммы. Впослѣдствіи Меттернихъ хвалилъ Татищева за то, что онъ дѣйствовалъ согласно съ желаніями вѣнскаго кабинета; если его объясненія и представляли оттѣнки, то они происходили отъ затруднительнаго положенія посланника, у котораго были двѣ инструкціи, не только различныя, но даже противоположныя (инструкція императора и инструкція кабинета!). Съ своей стороны, Татищевъ убѣдился, что австрійскій канцлеръ желаетъ предложить систему обмана, которую онъ принялъ относительно Россіи, и что онъ откажется отъ нея только тогда, когда увидитъ, что Россія его поняла и рѣшилась не даваться болѣе въ обманъ. Тогда онъ уступитъ Россіи все, въ чемъ не посмѣетъ отказать. Татищевъ приступилъ къ греческому вопросу. «Я думаю,—сказалъ онъ Меттерниху,—что греки скорѣе дадутъ себя истребить до одного человѣка, чѣмъ согласятся идти въ прежнее рабство; съ другой стороны, силы султана недостаточны для ихъ порабощенія: какъ же союзники могутъ

смотрѣть равнодушно на продолженіе подобной борьбы?» Меттернихъ замѣтилъ, что союзники должны согласиться насчетъ будущей участи грековъ. Татищевъ разсказалъ ему, что въ Петербургѣ думаютъ устроить эту участь высвобожденіемъ грековъ изъ непосредственныхъ отношеній къ турецкому правительству. Меттернихъ отвѣчалъ, что невозможно получить отъ Дивана такія важныя уступки подъ формою политическою, но, быть можетъ, можно доставить грекамъ тѣ же выгоды мѣрами законодательными. Татищевъ объявилъ, что Россія согласится поручить веденіе новыхъ переговоровъ Австріи, если будетъ опредѣлено, какое положеніе приметъ Австрія относительно Порты, когда послѣдняя не согласится на предложенныя ей условія. «Чего же вы отъ насъ хотите?»—спросилъ Меттернихъ. — «Чтобъ вы порвали съ нею сношенія», отвѣчалъ Татищевъ.—«Какъ, отозвать интернунція?» — «Безъ сомнѣнія». — «Такъ вы хотите бросить Порту совершенно въ объятія Англіи, англійскій посланникъ тамъ останется, и султанъ будетъ видѣть въ немъ единственную опору!»—«Мы не завидуемъ довѣрію, какое Порта оказываетъ Англіи и, во всякомъ случаѣ, мы примемъ послѣдствія на свой счетъ. Но отъ васъ мы потребуемъ этого доказательства согласія, царствующаго между нашими двумя монархами».—«Но лучше, чтобъ всѣ согласились; надобно узнать мнѣніе англійскаго кабинета».—«Условимся вдвоемъ и потомъ вмѣстѣ будемъ работать въ Лондонѣ, чтобъ и тамъ принято было наше рѣшеніе».—«Это значитъ все потерять, Союзъ разрушится».—«Отчего же?»—«Увидятъ, что мы болѣе связаны съ вами, чѣмъ съ другими».—«По моему мнѣнію, ничто не можетъ дать такой прочности Союзу, какъ искреннее единеніе между двумя императорскими дворами».—«Безъ сомнѣнія, но не должно этого выказывать; впрочемъ, мы еще поговоримъ обо всемъ этомъ».

Изъ Константинополя пришли дурныя вѣсти. Диванъ, видя, съ одной стороны, настойчивость Англіи и Австріи, чтобъ Порта удовлетворила русскимъ требованіямъ, съ другой, видя раздраженіе между мусульманами противъ христіанъ, не хотѣлъ взять дѣла на свою отвѣтственность, и созвалъ совѣтъ изъ главныхъ сановниковъ государственныхъ, членовъ администраціи, янычарскихъ депутатовъ и ремесленныхъ старостъ въ Константинополѣ; число призванныхъ было болѣе двухъ-сотъ. На другой день послѣ совѣщанія началось волненіе въ Константинополѣ, которое правительство утишило безъ труда; но интернунцій получилъ извѣщеніе, что Порта отлагаетъ на неопредѣленное время выводъ войскъ своихъ изъ княжествъ, что она не нарушила ни въ чемъ договоровъ, и требуетъ, чтобы Россія очистила азіатскія про-

винціи, занимаемыя ею съ Бухарестскаго мира, и выдала бѣжавшихъ грековъ. Меттернихъ, именемъ императора Франца, объявилъ Головкину и Татищеву, что нота турецкаго правительства не можетъ быть принята, что интернунцію послано приказаніе возвратить ее Портѣ съ краткимъ заключеніемъ, что неприлично было поручать вѣнскому кабинету подобную передачу союзному кабинету русскому. Меттернихъ объявилъ, что императоръ Францъ не только признаетъ за императоромъ Александромъ право принять всѣ мѣры, какія онъ сочтетъ нужными, относительно Порты, но и не поколеблется присоединиться къ инициативѣ, какую императоръ Александръ приметъ въ этомъ случаѣ, и поддерживать ее всѣми зависящими отъ него средствами; что сообщенія, составленныя въ этомъ смыслѣ, будутъ отправлены ко всѣмъ союзнымъ дворамъ для соглашенія о томъ, какое положеніе принять относительно Порты, причемъ вѣнскій кабинетъ подастъ мнѣніе объ отозваніи изъ Константинополя посольствъ и объ оставленіи тамъ только агентовъ для покровительства торговлѣ. Но при этомъ Меттернихъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ журнала австрійской миссіи въ Константинополѣ, въ которыхъ указаны интриги грековъ въ столицѣ, чтобъ заставлять Порту поступать вопреки ея интересамъ, также указаны интриги революціоннаго комитета въ Одессѣ. Цѣль всѣхъ этихъ интригъ— заставить Порту думать, что настойчивыя требованія Англіи и Австріи клонятся только къ тому, чтобъ напугать ее и склонить къ уступкамъ.

Въ этомъ заявленіи Меттерниха русскимъ министрамъ выразился весь страхъ, нагнанный на него извѣстіями изъ Константинополя: Турція отвергла рѣшительно требованія Россіи, значитъ послѣдней ничего болѣе не остается, какъ двинуть свои войска: какое торжество для бунтовщиковъ-грековъ, для воинственнаго русскаго кабинета, для Каподострія, какое пораженіе и опасность для Австріи! Единственный выходъ для послѣдней — не дать Россіи дѣйствовать одной. Потомъ страхъ началъ проходить, явилась надежда. Императоръ Александръ не хочетъ войны—это ясно, войны хочетъ только кабинетъ. Императоръ Александръ, по своей любимой мысли, не хочетъ дѣйствовать одинъ; слѣдовательно можно протянуть время въ переговорахъ съ союзниками, а между тѣмъ можно заставить и турокъ перемѣнить свое рѣшеніе: ихъ нота оффиціальнымъ образомъ не передана въ Петербургъ, оффиціально петербургскій кабинетъ не знаетъ объ оскорбительномъ отвѣтѣ Порты. 12-го апрѣля, былъ составленъ протоколъ конференціи между Татищевымъ, Головкинымъ и Меттернихомъ: «Русскіе уполномоченные объявили, что е. в. императоръ, питая

искреннее желаніе доказать союзнымъ монархамъ, какъ онъ дорожитъ сохраненіемъ мира съ Оттоманскою Портою, ограничилъ такимъ образомъ условія, на которыхъ дружественныя сношенія между Россіею и Турціею могутъ быть поддержаны: императоръ удовольствуется заявленіемъ, сдѣланнымъ прямо его министерству Портою, что она признаетъ право Россіи, на основаніи договоровъ, требовать неприкосновенности греческой религіи, возобновленія разрушенныхъ церквей и, по отношенію къ возставшимъ грекамъ, справедливаго различенія между невинными и виновными. Предварительно, Порта очищаетъ совершенно и немедленно княжества Молдавію и Валахію; временно поручаетъ управленіе этихъ странъ диванамъ подъ предсѣдательствомъ греческихъ каймакамовъ, избранныхъ Портою по правиламъ, установленнымъ для назначенія господарей; высылаетъ уполномоченныхъ для соглашенія съ русскими уполномоченными о мѣрахъ, которыя она, соединенно съ Россіею, приметъ для доставленія мирнаго и счастливаго существованія своимъ христіанскимъ областямъ, договорами поставленнымъ подъ покровительство Россіи и плачевными событіями увлекающимся въ бездну революціи. Если Порта не согласится исполнить этихъ требованій, императоръ австрійскій объявитъ ей, что онъ не будетъ помогать ей ни прямо, ни посредственно, и признаетъ справедливымъ дѣло Россіи. Для доказательства заводчикамъ смутъ европейскихъ, что союзъ между державами крѣпче прежняго, императоръ австрійскій отзоветъ изъ Константинополя своего интернунція и порветъ всѣ сношенія съ Портою, по-крайней-мѣрѣ ограничится оставленіемъ въ Турціи дипломатическихъ агентовъ для торговли. Относительно грековъ общія мѣры должны состоять въ слѣдующемъ: прекращается война въ возставшихъ областяхъ; Портѣ обезпечивается спокойное обладаніе ими; постановляется, что мирные жители возставшихъ областей и тѣ, которые положатъ оружіе, будутъ пользоваться религіозною свободою, ихъ имущество, личность и жизнь будутъ находиться подъ постояннымъ и дѣйствительнымъ обезпеченіемъ. Князь Меттернихъ, воздавъ хвалу чистотѣ намѣреній императора всероссійскаго и умѣренности предложеній, сдѣланныхъ его уполномоченными, объявилъ, что императоръ, его государь, не можетъ совѣтовать своему августѣйшему другу и союзнику никакой перемѣны въ своемъ ультиматумѣ, признаетъ, что оттоманское правительство не сможетъ замирить возставшія греческія провинціи безъ содѣйствія Россіи, что это замиреніе не будетъ прочно, если участь грековъ не будетъ рѣшена на основаніяхъ, предложенныхъ русскими уполномоченными, и если ихъ отношенія къ турецкому правительству не будутъ поставлены

подъ могущественную гарантію великаго Союза. Несмотря на то, такъ какъ предложеніе русскаго вмѣшательства не основывается ни на какомъ предшествующемъ договорѣ, и Порта можетъ отвергнуть его, а союзники не будутъ въ состояніи его поддержать, то необходимо основать переговоры на другомъ принципѣ. Для достиженія этой цѣли императоръ австрійскій готовъ совѣщаться съ союзниками относительно основанія и способа негоціаціи. Но, желая дать своему августѣйшему другу и союзнику самое сильное доказательство своего безграничнаго довѣрія къ его правосудію, умѣренности и мудрости, императоръ австрійскій объявляетъ, что за однимъ русскимъ императоромъ остается право рѣшить: настоящее положеніе его имперіи относительно Порты можетъ ли быть продолжено, или необходимо прибѣгнуть къ оружію; въ послѣднемъ случаѣ, императоръ австрійскій не только не окажетъ Портѣ никакой помощи, ни прямой, ни посредственной, но признаетъ обязательнымъ для себя и для своихъ союзниковъ отозваніе изъ Константинополя ихъ представителей, и будетъ съ новою силою настаивать у кабинетовъ на принятія этой мѣры. Русскіе министры, принявъ объявленіе господина канцлера относительно отозванія миссій, предоставили себѣ повергнуть на рѣшеніе императора, своего государя, предложенія насчетъ греческихъ возставшихъ провинцій».

Меттернихъ отказался подписать этотъ протоколъ, настаивая на томъ, что Россія, по договорамъ, не имѣетъ права покровительства надъ христіанскими областями Турціи, которыя теперь возстали противъ власти султана. Вмѣсто подписанія протокола, канцлеръ прислалъ ноту, сущность которой состояла въ слѣдующемъ: «Столкновеніе между Россіею и Турціею должно рѣшиться или путемъ переговоровъ, или оружіемъ. Въ первомъ случаѣ, необходимо соглашеніе съ союзниками относительно основанія и способа, какъ начать переговоры съ Портою; въ плачевномъ случаѣ разрыва императоръ не поколеблется отозвать изъ Константинополя своего представителя и прекратить дипломатическія сношенія съ Портою, но онъ убѣжденъ, что такое рѣшеніе должно быть общее для всѣхъ союзниковъ, для чего уже и сдѣланы надлежащія сообщенія кабинетамъ французскому, великобританскому и прусскому». Одновременно съ этою нотою Меттернихъ составилъ слѣдующій меморандумъ, который Татищевъ долженъ былъ взять съ собою въ Петербургъ для представленія императору Александру: «Е. в. императоръ русскій заявилъ неизмѣнное рѣшеніе въ своихъ дѣйствіяхъ по восточному вопросу— не нарушать политической системы, которая теперь служитъ основаніемъ спокойствія Европы и сохраненія общественнаго порядка.

Это рѣшеніе обязываетъ кабинеты соединить всѣ свои силы для такого рѣшенія вопроса, которое соотвѣтствовало бы и справедливымъ желаніямъ его величества и охранило бы Европу отъ опасностей, какія могутъ произойти для нея изъ восточныхъ безпорядковъ. Передъ нами двоякаго рода вопросы: юридическій, касающійся исполненія договоровъ, и вопросъ общаго интереса. Исполненіе договоровъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія: уваженіе къ договорамъ есть основа народнаго права въ Европѣ. Вопросы общаго интереса должны имѣть свой источникъ въ желаніяхъ, одобренныхъ предъ трибуналомъ благоразумной политики и человѣколюбія. Они должны соединять интересы тѣхъ, къ которымъ обращены требованія, съ интересами тѣхъ, въ пользу которыхъ дѣлаются уступки. Такъ-какъ дѣло нейдетъ объ ограниченіи верховной власти султана, то желанія кабинетовъ не выйдутъ изъ круга законовъ и управленія. Австрія, наравнѣ съ другими державами, не признаетъ права вмѣшательства во внутреннія дѣла государства, если перемѣны, въ немъ происходящія, не угрожаютъ непосредственно безопасности сосѣднихъ державъ. Но въ настоящемъ положеніи турецкой имперіи существуютъ отношенія, которыя заставляютъ державы искать способовъ успокоить Турцію не посредствомъ утишенія смуты, купленнаго потоками крови, но посредствомъ прочнаго мира, безъ котораго нѣтъ обезпеченія для существованія турецкой имперіи и для спокойствія Европы. Эта необходимость есть единственное основаніе права и единственное средство относительно Порты. Чтобъ работать на этомъ основаніи, прежде всего необходимо, чтобъ Порта объявила дѣйствительную амнистію, и необходимо, чтобъ инсургенты подчинились ей. Что касается княжествъ, то достаточно ихъ очищенія, возстановленія прежняго порядка и сохраненія правъ, выговоренныхъ трактатами. Морея и острова имѣютъ многообразное управленіе; разумныя, съ верховною властью Порты удобосоединимыя желанія христіанскаго народонаселенія этихъ странъ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ условіяхъ: свободное исповѣданіе религіи; юридическія опредѣленія для безопасности личной и собственности; правильное судопроизводство. Такъ-какъ Диванъ готовъ выполнить трактаты, и споръ идетъ только о времени и способѣ исполненія, то надобно требовать отъ Дивана немедленнаго очищенія княжествъ и возстановленія въ нихъ прежняго порядка; надобно настоять, чтобъ Порта въ извѣстный срокъ дала амнистію, и увѣрить ее, что союзники готовы всѣми силами понуждать инсургентовъ къ ея принятію; надобно требовать назначенія уполномоченныхъ, которые съ уполномоченными Россіи и союзныхъ

державъ должны совѣщаться о средствахъ доставить турецкой имперіи скорый и продолжительный миръ».

Императоръ Александръ, желая прежде всего скораго разрѣшенія восточнаго вопроса по той связи, въ какой онъ представлялся ему съ общимъ положеніемъ Европы, принялъ австрійскій меморандумъ въ основаніе этого рѣшенія, и Татищевъ возвратился въ Вѣну, чтобъ здѣсь, вмѣстѣ съ представителями другихъ четырехъ великихъ державъ, участвовать въ конференціяхъ, которыя должны были подготовить дѣло для конгресса, назначеннаго осенью 1822 года въ Веронѣ.

Таково было рѣшеніе восточнаго вопроса, выработавшееся въ австрійскихъ или англо-австрійскихъ рукахъ въ первый годъ греческаго возстанія. Повидимому, австрійскій канцлеръ торжествовалъ: дѣло было въ его рукахъ, воинственная, грекофильская партія въ Россіи была поражена, Каподистріа призналъ нужнымъ выйти въ отставку. Несмотря, однако, на эту наружность явленій, «дипломатическій геній» потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ о томъ, чтобъ не допустить до войны между Россіею и Турціею, будучи увѣренъ, что извѣстіе о возстановленіи между ними дружественныхъ сношеній отниметъ руки у возставшихъ грековъ и заставитъ ихъ безусловно покориться султану. Но, удерживая Россію отъ войны, Меттернихъ этимъ самымъ придавалъ духъ Портѣ, которая считала неопаснымъ для себя упорствовать въ неисполненіи русскихъ требованій, считала настаиванія англійскаго посланника и австрійскаго интернунція только пустыми угрозами; греки, одушевляемые надеждою, что не нынче, такъ завтра война возгорится, продолжали борьбу, и дѣло пришло къ тому, что, для избѣжанія войны, вопросъ былъ переданъ на общее рѣшеніе великихъ державъ, причемъ надобно было опредѣлить и уступки возставшимъ грекамъ; какъ бы ни были умѣренны эти уступки, но Австрія признала необходимость ихъ сдѣлать; скрѣпя сердце, съ оговорками, ничего невыражающими, признала необходимость вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, и не съ тѣмъ, чтобъ поддержать султана противъ бунтующихъ грековъ, но чтобъ заставить его сдѣлать уступки мятежнымъ подданнымъ. Но это еще только первая неудача «дипломатическаго генія» въ его борьбѣ —противъ исторіи.

Второго пораженія для австрійскаго канцлера нельзя было ожидать на новомъ конгрессѣ, который собирался при обстоятельствахъ, чрезвычайно благопріятныхъ для системы вѣнскаго кабинета. Тайныя общества продолжали дѣйствовать. Испанская революція доходила до крайностей, напоминавшихъ исходъ фран-

цузской революціи. 1 января 1822 года, Меттернихъ писалъ императору Александру: «Для Испаніи наступилъ кризисъ. Судьба, ожидающая эту страну, поставлена внѣ всякихъ разсчетовъ. 1793-й годъ былъ для Франціи естественнымъ, необходимымъ и полезнымъ результатомъ 1789 года. 1822-й годъ будетъ для Испаніи результатомъ 1720 года. Примѣръ Франціи забытъ въ Европѣ и такимъ образомъ потерянъ для нея. Провидѣніе, въ своихъ тайныхъ намѣреніяхъ, поставило предъ очами людей второй примѣръ. Оно напоминаетъ людямъ простой и вѣрный фактъ, что одно и то же зло должно всегда вести къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Философы, идеологи и доктринеры снова провели цѣлые годы въ доказываніи невѣрности этого принципа: Вѣчный разумъ будетъ сильнѣе ихъ софизмовъ, и факты заговорятъ громче ихъ тезисовъ».

Изъ Англіи, отъ Кэсльри тѣ же внушенія: «Первое, что заслуживаетъ полнаго вниманія императора,—это широкое и усиливающееся распространеніе революціоннаго движенія по американскому и европейскому континенту. Послѣднія событія въ Мексикѣ, Перу, Каракасѣ, Бразиліи, рѣшили, что обѣ Америки увеличатъ каталогъ государствъ, управляемыхъ на основаніи республиканскомъ или демократическомъ. Тотъ же духъ быстро распространяется и по Европѣ: Испанія и Португалія испытываютъ тѣ же волненія. Франція носится между противоположными видами и интересами, серьёзно и, быть можетъ, равно опасными для ея внутренняго спокойствія. Италія, хотя на время и вырвана изъ когтей революціонеровъ, однако сдерживается только австрійскими оккупаціонными войсками. Тотъ же духъ глубоко проникъ въ Грецію. Восстаніе въ европейской Турціи, въ своей организаціи, цѣляхъ, дѣйствіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, ничѣмъ не отличается отъ движеній въ Испаніи, Португаліи и Италіи, кромѣ прибавочныхъ затрудненій, происходящихъ отъ связи восстанія съ безобразною системою турецкаго управленія, ненавистью къ которому возстаніе прикрываетъ свое настоящее стремленіе, возбуждаетъ интересъ и такимъ образомъ достигаетъ своей цѣли. Императоръ долженъ видѣть, что начало революціоннаго потока—въ Греціи, и оттуда распространяется по его южнымъ областямъ, въ неразрывной связи съ потокомъ, стремящимся изъ-за Атлантическаго океана, и я не сомнѣваюсь, что е. и. в. будетъ основывать свои дѣйствія на этомъ принципѣ, а не на мѣстныхъ видахъ политики. Принципъ, на которомъ должно дѣйствовать британское правительство, есть принципъ невмѣшательства, доведенный до послѣдней крайности, но я увѣренъ, что если бы то, что происходитъ теперь въ Греціи, преимущественно

въ Мореѣ, подъ вліяніемъ иностранныхъ искателей приключеній, оказалось въ какой-нибудь другой сосѣдней съ Россіею странѣ, то императоръ сталъ бы дѣйствовать какъ въ Лайбахѣ, и никакой споръ съ турками не удержалъ бы его выставить сопротивленіе общему и болѣе опасному врагу. Русская армія не можетъ двинуться въ Турцію противъ революціонеровъ, какъ австрійская армія въ Неаполитанское королевство, не столкнувшись враждебно и съ турками и съ греками. Но если императоръ не можетъ уничтожить зла собственными средствами, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ мѣшать оттоманскому правительству въ истребленіи мятежа, который грозитъ и общему спокойствію, и его собственной власти. Сравнивая обѣ борющіяся стороны, мы видимъ, что Турція не представляетъ революціонной опасности; греческое дѣло глубоко проникнуто ею, и не можетъ, по крайней мѣрѣ теперь, быть отдѣлено отъ нея. Русскій императоръ долженъ отстать отъ греческаго дѣла, какъ существенно революціоннаго. Онъ долженъ скорѣе благопріятствовать, чѣмъ отвлекать оттоманское правительство отъ его уничтоженія, долженъ смотрѣть на свое столкновеніе съ Портою, какъ на дѣло второстепенное, пока мятежъ не будетъ укрощенъ».

Внушенія изъ Австріи и Англіи могли быть заподозрѣны. Но были внушенія и изъ любимой страны. Бергассъ, одинъ изъ видныхъ членовъ роялистской партіи во Франціи, сблизившійся съ императоромъ Александромъ по единству религіознаго взгляда, писалъ ему:

«Швейцарія, которую волнуютъ, болѣе чѣмъ когда-либо, искусные и неутомимые революціонеры, требуетъ теперь особеннаго вниманія государей. Недавно здѣсь произошло соединеніе многихъ масонскихъ ложъ самаго дурного рода, гдѣ догматъ народнаго господства, разрушающій всякую нравственность, всякое правительство и всякую религію, составляетъ первый членъ исповѣданія вѣры адептовъ. Въ Испаніи, какъ небезъизвѣстно в. в-ству, солдатское возстаніе вспыхнуло, благодаря французскимъ революціонерамъ и значительной суммѣ денегъ, отправленной одною изъ нашихъ славныхъ масонскихъ ложъ. На предстоящемъ конгрессѣ не только должно заняться истребленіемъ адской секты, грозящей цивилизованному міру, но и ученія этой секты, ибо секта не истребится, если не докажется торжественно ложность ея ученія. Чего хочетъ нечестивая секта, которую пора, наконецъ, уничтожить? Она хочетъ, чтобъ на конгрессѣ, возвѣщенномъ съ такою торжественностью, и отъ котораго зависитъ судьба общественнаго порядка, государи, сдержанные преувеличенными препятствіями и на самомъ

дѣлѣ ничтожными, если сравнить ихъ съ высокою обязанностію, возложенною на нихъ Божествомъ, — чтобъ государи запутались въ сѣтяхъ ложнаго благоразумія и представили изумленному міру зрѣлище своей нерѣшительности, тогда-какъ люди съ помыслами возвышенными ждутъ отъ нихъ блестящаго заявленія могущества. Чтó читается въ журналахъ защитниковъ королевской власти? Что дѣло Фердинанда есть дѣло всѣхъ государей; что дѣло испанское есть дѣло всѣхъ народовъ, желающихъ сохранить у себя религію и нравственность; что есть высшее международное право, право обезпечивать себя отъ нравственной заразы, которая уже произвела въ Европѣ такія опустошенія. Почему либеральные журналы такъ пламенно желаютъ, чтобъ намъ загражденъ былъ путь въ Испанію? Потому, что они хорошо видятъ, что возстановленіе порядка въ этой монархіи нанесетъ ихъ партіи неизбѣжный ударъ; тогда-какъ защитники королевской власти понимаютъ, что уничтожить въ Испаніи либеральную партію значитъ приготовить ея будущее уничтоженіе и во Франціи, и ускорить минуту, когда общественный порядокъ найдетъ свои вѣчныя основанія».

При такихъ внушеніяхъ собрался Веронскій конгрессъ.

VII.

Послѣдній конгрессъ.—Конецъ эпохи.

Опаснымъ состояніемъ всѣхъ трехъ южныхъ полуостровов Европы должны были заняться государи, положившіе съѣхаться на конгрессъ въ Верону; но испанская революція составляла главную ихъ заботу. Итальянская революція была прекращена австрійскими войсками; испанская могла быть прекращена только французскими, и императоръ Александръ уже давно указывалъ Франціи на эту обязанность ея. Но согласится ли и сможетъ ли Франція сдѣлать то въ Испаніи, что̀ сдѣлала Австрія въ Италіи? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ внутренняго состоянія Франціи, отъ положенія и силы ея правительства.

Мы оставили Францію послѣ Ахенскаго конгресса, когда правительство Людовика XVIII, въ борьбѣ съ ультра-роялистами, оперлось на либераловъ, но тѣмъ самымъ подняло и враждебныя себѣ партіи, дало имъ возможность открытаго дѣйствія. Положеніе умѣренныхъ либераловъ, приверженцевъ конституціонной монархіи Бурбоновъ, было самое затруднительное: они должны были защищать конституцію противъ ультра-роялистовъ, и защищать династію противъ враждебныхъ ей партій, популяризировать и національзировать ее, представлять необходимою для конституціонной свободы такую династію, которой глава былъ умирающій старикъ, а наслѣдникъ—глава приверженцевъ старой Франціи, глава ультра-роялистовъ! Естественно, приверженцы конституціи дѣлились, и тѣмъ обезсиливали себя: одни изъ нихъ, видя опасность отъ поднятія анти-династическихъ партій, выбирали изъ двухъ золъ, по ихъ мнѣнію, меньшее, требовали сближенія съ ультра-роялистами, уступки имъ, не опредѣляя, какъ далеко должно идти сближеніе, уступчивость, боясь этого опре-

дѣленія, предчувствуя, что оно укажетъ имъ опасность или тщету ихъ стремленій; другіе изъ двухъ золъ также выбирали, по ихъ мнѣнію и отношеніямъ, меньшее, требовали сближенія съ людьми революціи и имперіи, уступчивости имъ, опять не опредѣляя, какъ далеко должны идти сближеніе и уступчивость, боясь этого опредѣленія. Такъ, вслѣдствіе этого различія во взглядахъ и отношеніяхъ, порознились два министра Людовика XVIII, Ришельё и Деказъ, и первый долженъ былъ оставить министерство. Министерство Дессоля, самымъ виднымъ членомъ котораго былъ Деказъ, указывало на торжество второго направленія между приверженцами конституціи, торжество, которое условливалось и личнымъ неограниченнымъ вліяніемъ Деказа на короля.

Разумѣется, люди, стоявшіе между двухъ огней, измѣняли свои взгляды, свое положеніе, смотря по степени давленія, какое испытывали они отъ той или другой стороны. Деказъ, разорвавшій съ ультра-роялистами и сближавшійся потому съ ультра-либералами, долженъ былъ разорвать и съ послѣдними, когда увидалъ крайность ихъ требованій и стремленій; такимъ образомъ либеральное министерство потеряло свою популярность и между либералами, не уменьшивши нисколько ненависти къ себѣ ультра-роялистовъ. Наступили выборы въ палату 1819 года. Ультра-роялисты, зная, что не получатъ большинства, не хотѣли дать большинства умѣреннымъ либераламъ, которые должны были поддерживать министерство, но придумали дать большинство революціонерамъ, чтобы этимъ средствомъ свергнуть ненавистное министерство и произвести реакцію. Газета: «Бѣлое Знамя», органъ ультра-роялистовъ, выражалась такимъ образомъ: «Министерство—самый опасный врагъ роялистовъ, такъ его нужно бить прежде всего и постоянно; выборъ якобинскихъ кандидатовъ менѣе гибеленъ, чѣмъ выборъ министерскихъ, потому что первый ускоритъ спасительный кризисъ». Они достигли своей цѣли, и люди, боявшіеся революціи и изъ страха передъ нею прятавшіеся подъ «Бѣлое Знамя», были страшно напуганы избраніемъ ультра-либеральныхъ кандидатовъ, особенно аббата Грегуара, который во время революціи, будучи членомъ конвента, одинъ изъ первыхъ требовалъ провозглашенія республики и суда надъ Людовикомъ XVI, и потомъ, будучи въ отсутствіи во время приговора, письменно заявлялъ, что одобряетъ осужденіе короля на смерть. Демократическая партія была въ восторгѣ отъ этого выбора; не скрывали своего злорадства и ультра-роялисты, указывая на исполненіе своего пророчества, что «Кровавая дочь конвента» (ультра-либеральная палата) явится, какъ необходимое

слѣдствіе 5-го сентября, утверждали, что волненія и безпорядки, обнаружившіеся въ это время и въ другихъ странахъ Европы, были слѣдствіемъ системы, которой держалось французское министерство. Виновникъ 5-го сентября, Деказъ, испугался торжества ультра-либеральной партіи, и началъ внушать своимъ товарищамъ о необходимости передѣлать дѣло 5-го сентября, измѣнить избирательный законъ. Но три министра—Дессоль, Гувіонъ де-Сенъ-Сиръ и баронъ Люи не согласились на перемѣну политики и вышли изъ министерства; Деказъ обратился къ Ришелье съ просьбою составить новое министерство; но тотъ отказался, выставляя недостаточность своихъ средствъ вести правительственное дѣло въ такое бурное время. Тогда Деказъ самъ сдѣлался президентомъ совѣта новаго министерства, сохраняя свой прежній портфель внутреннихъ дѣлъ; Пакье взялъ министерство иностранныхъ дѣлъ; Руа—финансовъ, генералъ Латуръ-Мобуръ—военное; Де-Серръ, рѣшительно разорвавшій съ ультра-либералами, остался хранителемъ печати (министромъ юстиціи).

Деказъ и Де-Серръ задали себѣ трудную задачу: отстать отъ ультра-либераловъ, противодѣйствовать ихъ стремленіямъ, не сближаясь съ ультра-роялистами; отъ нападеній лѣвой стороны въ палатѣ они не находили защиты въ правой, которая въ началѣ 1820 года дождалась, наконецъ, желанной реакціи, вызванной поступкомъ одного безумца. 1 (13) февраля, во время масляницы, второй сынъ графа Артуа, герцогъ Беррійскій, былъ пораженъ у дверей театра сѣдельнымъ подмастерьемъ Лувелемъ, который наслушался толковъ, что Бурбоны — виновники всѣхъ бѣдствій Франціи. Герцогъ умеръ на другой день, оставивъ пятимѣсячную дочь и беременную жену. Большинство парижскаго народонаселенія было ошеломлено этимъ событіемъ; революціонная партія, по отзывамъ очевидцевъ, обнаруживала варварское удовольствіе; въ палатѣ началась усиленная борьба партій. «Палата должна обратить вниманіе на источникъ зла, говорилось справа: надобно уничтожить всѣ козни фанатизма, который ведетъ къ такимъ гибельнымъ результатамъ; остановить позорныя и гибельныя движенія, которыми начинаются революціи, можно только сковавши снова революціонный духъ, вооружившись противъ безразсудныхъ писателей, дерзкихъ вслѣдствіе безнаказанности». Справа требовалось, чтобъ въ адресѣ, который должно было подать королю по поводу печальнаго событія, было сильно выражено желаніе палаты энергически содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, которыя будутъ приняты для истребленія гибельныхъ ученій, подкапывающихъ троны и всѣ авторитеты и грозящихъ цивилизаціи поднятіемъ новыхъ революцій.—«Въ адресѣ, говорилось слѣва,

должна идти рѣчь только о слезахъ, проливаемыхъ надъ принцемъ, о которомъ сожалѣютъ всѣ французы, о которомъ особенно сожалѣютъ друзья свободы, ибо они знаютъ, что гнуснымъ преступленіемъ воспользуются для того, чтобы уничтожить свободу и права, признанныя мудростію монарха».

Даже въ палатѣ одинъ изъ депутатовъ рѣшился выставить Деказа, какъ соучастника въ преступленіи Лувеля. Здѣсь чувство приличія удержало отъ выраженія сочувствія этой выходкѣ; но не удерживались въ гостиныхъ, гдѣ ожесточеніе противъ Деказа не знало предѣловъ; особенно отличались женщины. Громко высказывалось сожалѣніе, что уголовные законы стали слишкомъ мягки, что не употребляется болѣе пытка, которая заставила бы преступника выдать своихъ сообщниковъ. Съ 3 (15) числа ультра-роялистскіе журналы вдругъ, по данному знаку, повели аттаку противъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ преступленіи Лувеля они указывали слѣдствіе гибельныхъ ученій, которыя высказывались подъ покровительствомъ правительства; провозглашали, что нельзя въ челѣ правительства оставлять министровъ, которыхъ нравственное участіе въ преступленіи Лувеля неоспоримо; Деказъ выставлялся человѣкомъ, который воспиталъ, ласкалъ и спустилъ съ цѣпи революціоннаго тигра. Мы видѣли, что Деказъ еще до убіенія герцога Беррійскаго началъ удаляться отъ ультра-либераловъ и, напуганный результатами послѣднихъ выборовъ, сталъ думать о необходимости измѣненія избирательнаго закона; теперь, дѣйствительно встревоженный опаснымъ общественнымъ настроеніемъ, признакомъ котораго служило преступленіе Лувеля, и желая избавиться отъ ультра-роялистскихъ нареканій, онъ приготовилъ проекты двухъ законовъ—объ ограниченіи личной свободы и объ ограниченіи свободы печати. Тогда ультра-роялисты соединились съ ультра-либералами, чтобъ не дать министерству провести эти законы и поразить его безсиліемъ; съ другой стороны, и умѣренные либералы объявили Деказу, что они готовы поддерживать его два проекта только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ измѣненія избирательнаго закона. За исключеніемъ англійскаго посланника, дипломатическій корпусъ былъ также враждебенъ Деказу, въ которомъ представители иностранныхъ дворовъ видѣли безразсуднаго либерала, подвергнувшаго Францію, а чрезъ нее и всю Европу, большимъ опасностямъ. Наконецъ, герцогиня Беррійская, удалившаяся въ С.-Клу, говорила, что не переѣдетъ въ Тюльери, если будетъ обязана встрѣчаться тамъ съ Деказомъ, и прямо объявила королю, что никогда не пуститъ къ себѣ на глаза министра внутреннихъ дѣлъ. Деказъ представилъ королю необходимость для себя выйти изъ министерства и уда-

валъ на герцога Ришельё, какъ на единственнаго человѣка, способнаго быть главою министерства при тогдашнихъ обстоятельствахъ: отвращеніе Ришельё отъ ультра-либераловъ и желаніе сблизиться съ ультра-роялистами были извѣстны, и все же Ришельё не былъ ультра-роялистъ. Но королю было очень тяжело рѣшиться на перемѣну министерства: во-первыхъ, ему должно было разстаться съ любимцемъ; оскорбленія, которымъ подвергался любимецъ, онъ считалъ своими собственными оскорбленіями; во-вторыхъ, любимца выживала ультра-роялистская партія, противная Людовику XVIII,—партія, имѣвшая во главѣ наслѣдника графа Артуа; уступить этой партіи, пожертвовать ей любимцемъ, было крайне тяжело; наконецъ, король предвидѣлъ (и для этого не нужно было имѣть очень большой проницательности), что ультра-роялисты не удовольствуются этою уступкою, не успокоятся на министерствѣ Ришельё; при ихъ стремленіи овладѣть всѣмъ, это министерство будетъ только переходное къ чистому ультра-роялистскому министерству: «Волки требуютъ у пастуха одного, чтобъ онъ пожертвовалъ имъ собакою», отвѣчалъ король Деказу, когда тотъ доказывалъ ему необходимость уступить ультра-роялистамъ и перемѣнить министерство Деказа на министерство Ришельё. Пастухъ видѣлъ всю опасность для себя въ исполненіи требованія волковъ, но не имѣлъ силы отказать имъ. Ультра-роялистскіе журналы удвоиваютъ ярость своихъ нападеній на колеблющагося министра, называютъ его «Бонапартомъ передней», человѣкомъ, котораго политика устрашаетъ царей и народы, министромъ, всемогущимъ противъ вѣрности, безсильнымъ противъ измѣны и убійства. Уже идутъ слухи, что нѣкоторые изъ отчаянныхъ ультра-роялистовъ рѣшились убить Деказа: графу Артуа внушаютъ необходимость обратиться къ королю съ настоятельными требованіями удалить Деказа. Вечеромъ 6 (18) февраля, графъ Артуа и герцогиня Ангулемская бросаются на колѣни предъ Людовикомъ XVIII и умоляютъ уступить требованію обстоятельствъ, указываютъ на опасность, которая грозитъ любимцу, если онъ будетъ оставаться министромъ. Вечеромъ 20-го числа, король подписываетъ приказъ, назначающій герцога Ришельё президентомъ совѣта министровъ; Деказъ увольняется по нездоровью, возводится въ герцоги и назначается посланникомъ въ Англію; король былъ въ отчаяніи. «Все теперь для меня кончено», сказалъ онъ испанскому посланнику.

Законы объ ограниченіи личной свободы и свободы печати прошли въ палатахъ, нѣкоторые журналы должны были прекратиться; новый избирательный законъ усилилъ вліяніе избирателей, платящихъ высшія подати. Правительственная реакція была въ

ходу; ультра-роялисты видимо торжествовали; министерство все болѣе и болѣе сближалось съ ними. Но ясно было и то, что дѣла находились далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ были они десять лѣтъ тому назадъ, послѣ Ста-дней. Революціонная партія была теперь на ногахъ; сдерживающія дѣйствія правительства только раздражали ее и содѣйствовали развитію ея средствъ. Споры въ палатѣ о новыхъ законахъ подавали поводъ къ сильнымъ волненіямъ въ Парижѣ и провинціяхъ. Законъ далъ министерству право заключать опасныя для государства лица безъ суда и слѣдствія; сейчасъ же составилось общество съ цѣлію покровительствовать лицамъ, захваченнымъ правительствомъ, и заботиться объ ихъ семействахъ. Общество было закрыто правительствомъ: на его мѣсто явился тайный распорядительный комитетъ, во главѣ котораго сталъ Лафайетъ. Герцогиня Беррійская разрѣшилась отъ бремени сыномъ (герцогомъ Бордоскимъ); ультра-роялисты были въ восторгѣ; но тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовали люди, которые утвержденіе старшей Бурбонской линіи на французскомъ престолѣ считали несовмѣстнымъ съ утвержденіемъ конституціоннаго порядка во Франціи; къ нимъ примыкали люди, которые хотѣли и другого, но сходились въ одномъ стремленіи, освободиться отъ старой Франціи съ ея старшими Бурбонами и ультра-роялистами. Это стремленіе естественно выдвигало герцога Орлеанскаго: приверженцы конституціи видѣли въ немъ ближайшаго и способнѣйшаго кандидата на тронъ по удаленіи старшей Бурбонской линіи; республиканцы и бонапартисты готовы были употребить его своимъ орудіемъ для произведенія революціи и для сокрушенія принципа легитимности, соглашались принять его царствованіе какъ переходное къ желанному ими порядку вещей. Если ультра-либералы старались выдвинуть герцога Орлеанскаго, говорили о немъ, какъ о главѣ государства, способномъ примирить всѣ революціонные интересы; то герцогъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ средства, совмѣстныя съ его положеніемъ, чтобъ заискивать расположеніе представителей новой Франціи; онъ оказывалъ явное предпочтеніе лицамъ, которыя были извѣстны своимъ нерасположеніемъ къ королю и его фамиліи; старшій сынъ его посѣщалъ публичную школу наравнѣ съ дѣтьми частныхъ людей. Такое поведеніе раздражало короля и членовъ старшей линіи и вмѣстѣ съ вопросами этикета удаляло все болѣе и болѣе отъ нихъ герцога. Онъ постоянно требовалъ титула королевскаго высочества и постоянно получалъ отказъ; онъ требовалъ себѣ подушки во время публичныхъ церемоній, и ему отвѣчали, что старые обычаи не допускаютъ этого. Когда крестили дочь герцога Беррійскаго и присутство-

вавшіе должны были подписать актъ, то король самъ запретилъ кардиналу Перигору подать перо герцогу Орлеанскому, велѣлъ это сдѣлать простому священнику; герцогъ не присутствовалъ на фамильномъ обѣдѣ, не присутствовалъ и на придворномъ спектаклѣ, потому что не получилъ приглашенія въ королевскую ложу. Нѣкоторые думали, что французская революція должна была кончиться такъ же, какъ англійская: какъ въ Англіи утвердился конституціонный порядокъ съ изгнаніемъ мужской линіи Стюартовъ и съ возведеніемъ на престолъ женской линіи, такъ, думали, и во Франціи новый порядокъ утвердится съ изгнаніемъ старшей линіи Бурбоновъ и съ возведеніемъ на престолъ младшей, Орлеанской. Но внимательные наблюдатели замѣчали, что «герцогъ Орлеанскій менѣе всего способенъ покончить революцію: не имѣя личнаго мужества, великодушія и таланта править и заставлять людей уважать свое правительство, герцогъ не въ состояніи распоряжаться партіями, но партіи будутъ имъ распоряжаться, увлекать его. Похищеніе имъ престола будетъ торжествомъ демагогіи, и, слѣдовательно, началомъ новыхъ революцій. Отъ природы герцогъ не получилъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, а воспитаніе въ посредственности его нравственной природы прибавило еще ложное и мелочное направленіе. Онъ стремится овладѣть престоломъ и въ то же время отличается скупостію и робостію; онъ заискиваетъ у недовольныхъ военныхъ; но военные никогда не увидятъ его въ челѣ войскъ. Бонапартовскіе военные обращаются къ принцу Евгенію, который то ихъ выслушиваетъ, то клянется, что не промѣняетъ ни на что своего спокойнаго и счастливаго существованія, не хочетъ добиваться ничего путемъ преступленій и опасностей. Сестра его, мадамъ Лё (королева Гортензія), не одобряетъ этихъ колебаній и всѣми силами поддерживаетъ интриги и надежды революціонеровъ. Герцогъ Орлеанскій проповѣдуетъ крайній либерализмъ и хочетъ быть королемъ милостію демократовъ и идеологовъ революціи. Его преждевременное возвышеніе будетъ началомъ смуты, которую онъ не будетъ въ силахъ прекратить и остановить движеніе, ибо онъ не будетъ его творцомъ, а только рабскимъ орудіемъ. Герцогъ день ото дня все болѣе и болѣе погружается въ *вульгаризмъ* своими рѣчами и манерами».

Посторонніе наблюдатели отыскивали источникъ зла не во внѣшней только борьбѣ партій. «Революціонное воспитаніе уничтожило границы добра и зла. Почти всѣ должностныя лица видятъ въ самыхъ радикальныхъ перемѣнахъ только вліяніе, какое эти перемѣны будутъ имѣть на ихъ личное существованіе. Когда существуетъ такое направленіе, первымъ правиломъ жизни ста-

новится—не повредить себѣ, т.-е. не исполнять своихъ обязанностей какъ должно. Эта всеобщая шаткость ослабляетъ власть и даетъ заводчикамъ смуты важное преимущество. Множество причинъ увлекаетъ Францію къ демократіи, и, быть можетъ, самая главная изъ нихъ заключается въ необычайномъ самолюбіи, которое считаетъ скромность слабостію и уваженіе къ чужимъ достоинствамъ—униженіемъ. Какъ только раздастся голосъ, возбуждающій недовѣріе къ авторитетамъ самымъ естественнымъ въ общественномъ порядкѣ, тысячи другихъ голосовъ отзываются на него съ сочувствіемъ. Самую слабую сторону правительства составляютъ второстепенные чиновники. Значительное число ихъ ведется отъ временъ республики, прошло директорію и имперію. Деказъ прибавилъ сюда своихъ шпіоновъ и своихъ темныхъ креатуръ, и изъ этого вышла такая амальгама, которая больше всего способствуетъ извращенію идей въ среднемъ классѣ народа. Направленіе народнаго просвѣщенія такъ опасно и такъ ошибочно, какъ только можно себѣ представить, въ школахъ проповѣдуется нечестіе и возмущеніе, онѣ стали аренами безбородыхъ гладіаторовъ».

Когда вскрывались такія причины нравственныхъ безпорядковъ, съ которыми нельзя было бороться одними внѣшними средствами, престарѣлый король, уже отказавшійся отъ движенія, не сходившій съ своихъ креселъ все лѣто 1820 года, жилъ однимъ воспоминаніемъ о своемъ удалившемся любимцѣ, Деказѣ. Безпрестанно говорилъ онъ о немъ, о его семействѣ, о его дѣлахъ и о всѣхъ мелочахъ, его касавшихся. Однажды Людовикъ XVIII-й распространился о Деказѣ въ присутствіи Ришельё; тотъ не умѣлъ скрыть своего удивленія и нетерпѣнія; король, замѣтивъ это, сказалъ: «Я понимаю, что это должно васъ удивлять; но еслибъ вы могли знать, что я чувствую въ моемъ сердцѣ къ этому человѣку, то вы первый оправдали бы выраженія моей нѣжности къ нему».

Если Францію считали очагомъ революціи, то теперь этотъ очагъ получалъ топливо отъ революцій въ сосѣднихъ странахъ, Испаніи и Италіи. Лѣтомъ 1820 года и во Франціи составленъ былъ планъ обширнаго военнаго возстанія, съ цѣлію низверженія старшей Бурбонской линіи; но заговоръ не удался и далъ новое торжество ультра-роялистамъ, новое оправданіе борьбы, которую вели они съ революціею. Революціонныя движенія въ разныхъ странахъ Европы, съ оказавшимся вліяніемъ ихъ на Францію, заставляли многихъ людей и не сочувствовавшихъ стремленіямъ ультра-роялистовъ, становиться однако на ихъ сторону для избѣжанія большаго зла—революціи. Министерство

явно держалось правой стороны, на выборахъ 1820 года поддерживало ея кандидатовъ и дало ей здѣсь блистательную побѣду, такъ что нѣкоторые ультра-роялистскіе журналы уже стали предсказывать въ близкомъ будущемъ уничтоженіе пагубныхъ учрежденій, которыя Франція, въ припадкѣ безумія, заимствовала отъ Англіи. Людовикъ XVIII-й, не пропускавшій случая поострить, говорилъ: «Вотъ мы теперь въ положеніи того всадника, который, не будучи въ состояніи сѣсть на лошадь, такъ усердно началъ молиться св. Георгію, что тотъ далъ ему больше силъ, чѣмъ сколько нужно было, и всадникъ перескочилъ черезъ сѣдло». Для бóльшаго сближенія правительства съ побѣдоносною стороною, двое самыхъ видныхъ членовъ ультра-роялистской партіи, Виллель и Корбьеръ, вошли въ кабинетъ министрами безъ портфелей. Министерство искало опоры у сильной ультра-роялистской партіи; но скоро пришла повѣрка, и оказалось, что эта сила была только видимая, оказалась и главная причина слабости приверженцевъ старой Франціи—отсутствіе нравственно сильныхъ людей. Когда, въ 1821 году, пьемонтская революція отозвалась немедленно же во Франціи, когда вспыхнуло волненіе въ Греноблѣ, Ліонѣ, когда во всѣхъ городахъ толковали объ отреченіи короля, о регентствѣ герцога Орлеанскаго, о принятіи конституціи 1791 года и трехцвѣтной кокарды; когда ультра-либеральная партія предавалась шумной радости,—ужасъ напалъ на ультрароялистовъ, никто не думалъ о сопротивленіи, и тѣ, которые громче другихъ кричали въ палатѣ противъ революціи, когда, повидимому, настало время дѣйствовать противъ нея, оказались самыми робкими. Они осаждали биржу, чтобъ продать тамъ свои бумаги за какую угодно низкую цѣну, говорили, что все пропало. Въ подобныя минуты ищутъ обыкновенно сильнаго человѣка; графъ Артуа не нашелъ ни одного между своими,—и сталъ совѣтовать брату возвратить Деказа!

Эта мѣра оказалась ненужною вслѣдствіе быстраго превращенія итальянскихъ революцій, которое отняло руки у французскихъ революціонеровъ и снова подняло ихъ противниковъ; ультра-роялисты стали громко говорить, что стóитъ только захотѣть — и французскіе революціонеры исчезнутъ точно такъ же, какъ итальянскіе; стали обвинять министерство въ трусости, даже въ измѣнѣ. Господствующая партія не довольствовалась уступками, какія ей дѣлало министерство; она хотѣла, чтобъ министерство совершенно принадлежало ей, отказалось совершенно отъ всякой самостоятельности въ отношеніи къ ней; господствующая партія видѣла, что если министерство дѣлаетъ ей уступки, то дѣлаетъ это неохотно, принуждаемое обстоятельствами, и потому не могла

положиться на него, упрекала его въ недостаткѣ прямоты, въ желаніи ходить извилистыми путями. Виллель и Корбьеръ, которые вошли въ кабинетъ какъ представители ультра-роялистовъ, въ знаменіе сближенія правительства съ послѣдними, не считали своею обязанностію посредничать между партіей, къ которой принадлежали, и кабинетомъ, въ который вошли, склоняя ихъ къ уступкамъ взаимнымъ; имъ гораздо пріятнѣе и легче было играть въ кабинетѣ роль представителей господствующей партіи, наблюдать за ея интересами, заставляя своихъ товарищей по кабинету подчиняться этимъ интересамъ. Отношенія Виллеля и Корбьера къ министерству всего лучше уясняются слѣдующими двумя случаями. Двое изъ министровъ въ совѣтѣ предложили открыть Гренобльскую юридическую школу, закрытую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу революціонныхъ движеній въ Гренoблѣ. Корбьеръ, какъ предсѣдатель совѣта народнаго просвѣщенія, сильно возсталъ противъ этого, говоря, что надобно показать твердость и этимъ успокоить роялистовъ. Школа осталась закрытою. Въ другомъ засѣданіи совѣта министровъ Корбьеръ вдругъ объявилъ, что надобно перемѣнить нѣсколькихъ префектовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, спросилъ: за что ихъ перемѣнять? — «Я не знаю за ними никакой вины, отвѣчалъ Корбьеръ: я даже ихъ вовсе не знаю; но между нами есть люди, которые нуждаются, и пора сдѣлать что-нибудь для роялистовъ». Тутъ Ришельё сказалъ, что никогда не согласится отставить чиновника безъ вины; въ случаѣ же виновности—радъ будетъ замѣнить дурныхъ префектовъ означенными роялистами. Ультра-роялисты пришли въ сильное негодованіе, узнавши, что требованіе Корбьера было отвергнуто. Послѣ этого Виллель и Корбьеръ объявили Ришельё, что если правительству угодно въ своихъ интересахъ пользоваться ихъ вліяніемъ на ихъ политическихъ друзей, то пусть сдѣлаетъ ихъ настоящими министрами, съ портфелями. Ришельё уступилъ требованію, предложилъ Виллелю министерство морское, отъ котораго старый министръ отказывался, а для Корбьера образовалъ новое министерство народнаго просвѣщенія. Но Виллель требовалъ для себя министерства внутреннихъ дѣлъ, министръ котораго, Симсонъ, былъ особенно непріятенъ ультра-роялистамъ; потомъ Виллель согласился принять министерство морское, но потребовалъ, чтобъ военное отдано было одному изъ ультра-роялистовъ. Ришельё соглашался на это въ случаѣ, если настоящій военный министръ (Латуръ-Мобуръ) подастъ въ отставку; но Виллель и Корбьеръ требовали, чтобъ эти перемѣны въ министерствѣ послѣдовали немедленно же. Ришельё не согласился; Виллель и Корбьеръ вышли изъ ка-

бинета. А между тѣмъ, какъ роялисты ссорились такимъ образомъ между собою, двое молодыхъ людей (Dugied и Joubert) распространили во Франціи итальянскій карбонаризмъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Почва была приготовлена, и число членовъ общества быстро увеличивалось; между ними были пріобрѣтшіе впослѣдствіи извѣстность: Августинъ Тьерри, Пьеръ Леру и другіе. Безъ Лафайета, разумѣется, дѣло обойтись не могло, и онъ записался въ карбонари, сталъ президентомъ высокой венты, за нимъ пошли и его друзья: Дюпонъ-де-Лёръ, Манюель, Кёхлинъ, богатый фабрикантъ мюльгаузенскій, Могэнъ, Мерилу. Въ три мѣсяца въ одномъ Парижѣ уже было 50 вентъ, весь Альзасъ скоро былъ покрытъ ими. На встрѣчу карбонари шло другое тайное общество—«рыцарей Свободы». Карбонари искали себѣ сочленовъ въ образованныхъ классахъ, но «рыцари Свободы» обратили вниманіе на работниковъ и старыхъ солдатъ, разсѣянныхъ по деревнямъ. Въ 1821 году оба общества слились въ одно.

Для противодѣйствія этимъ революціоннымъ машинамъ съ противоположной стороны была выставлена также огромная стѣнобитная машина, знаменитая «конгрегація». Въ послѣднее время имперіи, во время плѣна папы Пія VII, во Франціи составилось тайное общество съ цѣлію облегченія сношеній ревностныхъ католиковъ съ папою. Послѣ реставраціи, главы общества—Монморанси (Матвѣй), Полиньякъ, Ривьеръ и Руже, начали употреблять общество какъ средство для поддержанія католицизма и ультра-роялизма, и главою общества сталъ графъ Артуа. Скоро послѣ этого политическаго общества стали образовываться общества религіозныя, тоже съ нимъ связанныя: собственно такъ-называемая *Конгрегація*, составленная изъ лицъ значительныхъ, Общество св. Николая—изъ мелкихъ промышленниковъ и рабочихъ, Общество Добрыхъ Дѣлъ, занимавшееся тюрьмами и школами; іезуиты, по единству цѣлей, присоединились къ конгрегаціи, такъ что іезуитъ и конгреганистъ сдѣлались синонимами; съ другой стороны, подъ именемъ конгрегаціи начали разумѣть и политическое и религіозное общество вмѣстѣ. Какъ скоро въ противоположномъ лагерѣ увидали, что религія употребляется какъ средство для возвращенія народа къ старой Франціи, то стали вооружаться противъ религіи, стали въ большомъ количествѣ издавать анти-религіозныя сочиненія философовъ XVIII вѣка. Чтобъ противодѣйствовать этой пропагандѣ, конгрегація основала нѣсколько обществъ — Общество хорошихъ книгъ, Общество доброй школы, Общество для защиты католической религіи и т. п., для чтенія публичныхъ лекцій и изданія книгъ, соотвѣтствующихъ своимъ

содержаніемъ цѣлямъ конгрегаціи; старыя сочиненія, латинскія и французскія, исправлялись въ изданіяхъ Общества хорошихъ книгъ соотвѣтственно тѣмъ же цѣлямъ. Въ департаменты посылались миссіонеры съ цѣлію возбуждать религіозное чувство проповѣдями и разными церемоніями; въ Реймсѣ, напримѣръ, устроено было 14 тріумфальныхъ воротъ, въ которыя шли миссіонеры съ военною музыкою, въ сопровожденіи духовенства, національной гвардіи и огромной толпы народа, которая кричала: «Да здравствуетъ крестъ! да здравствуетъ религія! да здравствуютъ Бурбоны!» шли къ искусственно устроенной горѣ (Голгоѳѣ), на которой и водрузили огромный крестъ. Ультра-роялистскіе журналы объявляли о многочисленныхъ обращеніяхъ, совершаемыхъ миссіонерами; но люди безпристрастные и далеко не сочувствующіе революціоннымъ стремленіямъ замѣчали вредъ, наносимый религіи миссіонерами. Главная бѣда конгрегаціи состояла въ томъ, что между ея членами не было людей съ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ авторитетомъ, которые могли бы вести святое дѣло достойнымъ его образомъ; конгрегація не понимала, что христіанство можетъ быть возстановлено и поддержано тѣми же средствами, какими было распространено; а распространено оно было не процессіями съ военною музыкою. Противники конгрегаціи говорили въ палатѣ устами Бенжамэнъ-Констана: «Кто не знаетъ, что религія есть благодѣяніе! кто не знаетъ, что человѣкъ счастливъ, когда вѣритъ. Передайте религію человѣческому сердцу, которое не перестанетъ никогда имѣть въ ней надобность; пусть ея служители, не прибѣгая къ опорѣ свѣтской власти, заставляютъ уважать ее, внушая уваженіе къ себѣ; пусть они будутъ сами религіозны, кротки, пусть будутъ отличаться терпимостію, пусть остаются въ своей сферѣ, дѣлаютъ добро у себя; пусть не возбуждаютъ угасшія ненависти, не воскрешаютъ исчезнувшія суевѣрія; пусть не ведутъ они жизни бродяжнической и неправильной, не бѣгаютъ по селамъ, не обманываютъ легковѣрныхъ, не пугаютъ слабыхъ и не вносятъ раздоръ въ семейства, скандалъ въ хижины, невѣжество въ школы, смуты въ города: тогда религія укрѣпится и безъ помощи уголовныхъ законовъ». Бенжамэнъ-Констану мы и не повѣрили бы; но есть другіе свидѣтели болѣе безпристрастные: Поццо-ди-Борго, напримѣръ, никакъ нельзя заподозрить въ ультра-либерализмѣ; но онъ впослѣдствіи, въ 1826 году, говорилъ о королѣ Карлѣ X-мъ, главѣ конгрегаціи: «Если бы король не считалъ преобладанія духовенства и іезуитовъ необходимымъ для сохраненія своей династіи, то народъ былъ бы болѣе религіозенъ и болѣе преданъ его особѣ и его фамиліи». Тотъ же государственный человѣкъ

указывалъ въ 1828 году главную причину неуспѣха охранительныхъ стремленій правительства во Франціи: «Эта монархія богата всѣми дарами Провидѣнія, кромѣ людей, которые или были бы способны, или при способности получили бы возможность хорошо управлять ею».

Герцогъ Ришельё, несмотря на всю свою благонамѣренность, не былъ способенъ управлять Франціею, держаться между ультра-роялистами и ультра-либералами; не находя поддержки въ большинствѣ палаты, онъ потерялъ поддержку и въ королѣ. Людовикъ XVIII не могъ долго жить одними воспоминаніями о Деказѣ; ему нужно было человѣка, который былъ бы при немъ, ухаживалъ за нимъ нравственно; такой человѣкъ нашелся. Графиня Каила, ведя процессъ со своимъ мужемъ и зная, что король предубѣжденъ противъ нея, домогалась свиданія съ нимъ, чтобъ уничтожить въ немъ это предубѣжденіе. Она была введена въ королевскій кабинетъ, и успѣла внушить Людовику XVIII сильную привязанность. Старый король не довольствовался тѣмъ, что принималъ ее три раза въ недѣлю, сталъ переписываться съ нею каждый день. Ультра-роялисты спѣшили употребить графиню Каила орудіемъ для своихъ цѣлей: если она умѣла уничтожить въ королѣ предубѣжденіе противъ себя, то теперь должна была уничтожить въ немъ предубѣжденіе противъ ультра-роялистовъ, или, какъ они выражались, «отнять у Людовика XVIII его собственныя идеи, передѣлать его мозгъ, его память, его сердце, всѣ его способности и страсти». Графиня повела дѣло съ большимъ успѣхомъ, и графъ Артуа велѣлъ благодарить ее, причемъ просилъ не безпокоиться слухами, которые могутъ распространять противъ нея глупость и злоба, и спокойно пользоваться благороднымъ употребленіемъ, какое она дѣлала изъ привязанности и довѣрія къ себѣ короля. Графъ Артуа, видя, что власть идетъ къ нему въ руки, перемѣнилъ тонъ съ Ришельё; онъ потребовалъ отъ него отставки ста-пятидесяти генераловъ, чтобъ отдать ихъ мѣста ультра-роялистамъ. Герцогъ не согласился, и Артуа сказалъ ему: «Ясно, что не хотятъ ничего сдѣлать противъ дурныхъ людей, ничего въ пользу хорошихъ». Несмотря на это, Ришельё не боялся ничего со стороны Артуа, потому что предъ вступленіемъ Ришельё въ министерство, тотъ далъ ему честное слово поддерживать его. Ришельё былъ слишкомъ слабъ, чтобъ сдерживать принцевъ и вельможъ желѣзною рукою, какъ знаменитый предокъ его, кардиналъ, и въ то же время слишкомъ честенъ, чтобъ заискивать въ сильныхъ людяхъ, отказывалъ имъ въ выгодныхъ мѣстахъ, титулахъ, и чрезъ это пріобрѣталъ въ нихъ для себя враговъ. Рѣшено было покончить

съ главою министерства, который не хотѣлъ ничего дѣлать для «порядочныхъ» людей; яростныя нападенія на министерство съ правой стороны палаты достигли высшей степени, причемъ послѣдовало соединеніе правой стороны съ лѣвою, и проведенъ былъ адресъ королю, враждебный министерству. Талейранъ, съ нетерпѣніемъ слѣдившій за борьбою и ждавшій своего времени, не упускалъ случая бросать камни въ ненавистнаго Ришельё: «Чего ждать,—говорилъ онъ,—отъ министра, который, чтобъ рѣшиться на что-нибудь, обязанъ ждать курьера изъ Петербурга». Ришельё не дожидался курьера изъ Петербурга, чтобъ рѣшительно объясниться съ графомъ Артуа, напомнить ему честное слово его на счетъ поддержки: «Ахъ, любезный герцогъ!—отвѣчалъ Артуа,—вы приняли мои слова слишкомъ буквально, и потомъ, обстоятельства тогда были такія трудныя!» Ришельё посмотрѣлъ на него пристально, обернулся и вышелъ, не говоря ни слова, только сильно хлопнувши дверью. Онъ отправился послѣ этого къ самому близкому къ себѣ изъ товарищей по министерству, Пакье (министру иностранныхъ дѣлъ), и тамъ, бросившись въ кресло, сказалъ плачевнымъ голосомъ: «Онъ измѣняетъ своему слову, своему дворянскому слову!» Когда онъ потомъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ Артуа королю, тотъ отвѣчалъ: «Чего-жъ хотѣть: онъ составлялъ заговоры противъ Людовика XVI, составлялъ заговоры противъ меня, будетъ составлять заговоры противъ самого себя».

Министерство Ришельё кончилось; его мѣсто заняло министерство ультра-роялистское, въ которомъ главную роль игралъ Виллель, министръ финансовъ, хотя собственно президента не было назначено. Но это торжество приверженцевъ старой Франціи совершалось, по мнѣнію Поццо-ди-Борго, въ присутствіи враговъ сильныхъ и ожесточенныхъ, въ странѣ, уравненной демократіею и деспотизмомъ власти, въ странѣ, хотя представляющей множество политическихъ оттѣнковъ, но представляющей въ то же время громадную и страшную массу людей, которыхъ интересы и мнѣнія діаметрально противоположны людямъ и мнѣніямъ, стремившимся къ исключительному господству. Принимая такое положеніе дѣлъ отвлеченно, надобно ожидать неизбѣжнаго и скораго разложенія; но агонія можетъ быть продолжительна. Франція привыкла къ повиновенію, вслѣдствіе силы и блеска наполеоновскаго царствованія. Если возвышеніе и паденіе Наполеона завѣщали странѣ большіе запасы смутъ, то его могущество создало охранительныя средства, создало администрацію, при которой народъ на всемъ пространствѣ монархіи находится подъ наблюденіемъ огромнаго числа агентовъ, точно солдаты въ казармѣ.

Министерство располагаетъ по произволу судьбою этихъ самыхъ агентовъ, можетъ платить имъ исправно и можетъ прогнать ихъ безотвѣтственно, въ его рукахъ около милліарда денегъ для ежегодной раздачи; этимъ золотымъ дождемъ оно возбуждаетъ однихъ, льститъ надеждамъ другихъ, держитъ ихъ въ возбужденномъ состояніи, утомляетъ, не приводя въ отчаяніе. Кажется, новое министерство понимаетъ эту тактику лучше прежняго, и такъ какъ оно поддерживается въ одно время королемъ и наслѣдникомъ, чего не бывало со времени реставраціи, то оно можетъ просуществовать долго.

Конецъ 1821 и начало 1822 года ознаменовались карбонарскими заговорами. Заговоры не удавались. Но, по мнѣнію Поццо, ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что число недовольныхъ ограничивается людьми, которые осмѣлились выставить себя передъ правительствомъ: быть можетъ, большинство французскаго народонаселенія втайнѣ желало успѣха заговорщикамъ. Это печальное расположеніе умовъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свое начало въ революціи; но революціонныя вліянія чрезвычайно усилились съ тѣхъ поръ, какъ правительство приняло характеръ партіи, и партіи далеко не популярной.

Въ такомъ положеніи находились дѣла во Франціи предъ открытіемъ послѣдняго конгресса. Въ октябрѣ 1822 года, въ Верону съѣхались: императоръ австрійскій съ Меттернихомъ и Генцемъ, съ княземъ Эстергази, графомъ Зичи и барономъ Лебцельтерномъ (посланниками въ Лондонѣ, Берлинѣ и Петербургѣ); императоръ русскій съ Нессельроде, Ливеномъ и Поццо-ди-Борго; король прусскій съ двумя принцами, Вильгельмомъ и Карломъ, съ графомъ Бернсторфомъ и барономъ Гумбольдтомъ; представителемъ Англіи явился герцогъ Веллингтонъ; Франція прислала министра иностранныхъ дѣлъ Монморанси и Шатобріана, посланника въ Лондонѣ (который смѣнилъ здѣсь Деказа). Ультрароялистское французское министерство, разумѣется, должно было больше всего и прежде всего желать прекращенія революціи въ Испаніи возстановленіемъ королевской власти; но это могло произойти не иначе, какъ посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства другихъ державъ и, прежде всего, Франціи, по ея географическому положенію. Относительно этого вооруженнаго вмѣшательства члены кабинета дѣлились: Виллель, по своему характеру и всей прежней дѣятельности, былъ представителемъ той робкой, разсчетливой, можно сказать *мѣщанской*, противной духу французскаго народа политикѣ, которая послѣ господствовала въ царствованіе Людовика-Филиппа и была одною изъ главныхъ причинъ паденія Орлеанской династіи. Виллель боялся и неуспѣха

французскихъ войскъ въ Испаніи, и дурного расположенія этихъ войскъ, и нерасположенія въ остальныхъ частяхъ французскаго народонаселенія къ подобной войнѣ, и траты денегъ. Но другіе члены кабинета, члены ультра-роялистской партіи вообще, и члены конгрегаціи особенно, были за войну, смотрѣли на дѣло болѣе по-французски, чѣмъ Виллель. Шатобріанъ очень хорошо изложилъ этотъ французскій взглядъ: «Виллель не замѣчалъ, говорилъ онъ, что легитимность умирала по недостатку побѣдъ послѣ торжествъ Наполеона, и особенно послѣ опозорившихъ ее дипломатическихъ сдѣлокъ. Идея свободы въ головѣ французовъ, которые никогда не поймутъ хорошо этой свободы, не замѣнитъ никогда идеи славы, ихъ естественной идеи. Почему вѣкъ Людовика XV упалъ такъ низко во мнѣніи современниковъ? Почему онъ породилъ эти философскія системы, погубившія королевскую власть? Потому что, кромѣ битвы при Фонтенуа и нѣсколькихъ подвиговъ въ Квебекѣ, Франція находилась въ постоянномъ униженіи. Если робость Людовика XV пала на голову Людовика XVI, то чего нельзя было опасаться для Людовика XVIII или для Карла X-го послѣ униженій, которымъ подверглась Франція по вѣнскимъ договорамъ. Эта мысль давила насъ, какъ кошемаръ, въ продолженіи первыхъ восьми лѣтъ реставраціи, и мы вздохнули только послѣ успѣховъ войны Испанской». Подъ давленіемъ такого же кошемара находился, вмѣстѣ съ Шатобріаномъ, и Монморанси, и потому они оба въ Веронѣ уклонились отъ осторожной политики Виллеля, въ инструкціяхъ котораго говорилось: «Франція, будучи единственною державою, которая должна дѣйствовать вооруженною силою въ Испаніи, одна имѣетъ право опредѣлить, когда должна наступить необходимость дѣйствовать. Французскіе уполномоченные не должны соглашаться на то, чтобъ конгрессъ предписалъ Франціи, какъ она должна вести себя относительно Испаніи». Монморанси предложилъ конгрессу вопросы: 1) Въ случаѣ, если Франція принуждена будетъ порвать дипломатическія сношенія съ Испаніею, союзныя державы сдѣлаютъ ли то же самое? 2) Если война возгорится между Франціею и Испаніею, въ какой формѣ союзники дадутъ первой нравственную опору, которая должна сообщить ея дѣйствіямъ силу союза и внушить спасительный страхъ революціонерамъ всѣхъ странъ? 3) Если окажется необходимымъ дѣятельное вмѣшательство союзниковъ, то какую матеріальную помощь намѣрены они оказать Франціи?—Пруссія и Австрія отвѣчали, что они согласны отозвать своихъ министровъ изъ Мадрида и доставить Франціи всякую нравственную опору; что же касается матеріальной помощи, то король прусскій объявилъ, что

онъ готовъ подать ее, сколько позволитъ его положеніе и заботы о внутреннемъ состояніи Пруссіи; австрійскій же императоръ объявилъ, что необходимо будетъ новое общее совѣщаніе союзныхъ дворовъ для опредѣленія количества, качества и направленія матеріальной помощи. Одинъ русскій императоръ объявилъ, что онъ подастъ Франціи и нравственную и матеріальную помощь, въ какой она будетъ нуждаться, безъ всякихъ ограниченій и условій. Наоборотъ, герцогъ Веллингтонъ вооружился противъ всякаго вмѣшательства постороннихъ державъ во внутреннія дѣла Испаніи, объявилъ, что рѣшенія Россіи, Австріи и Пруссіи противны цѣли, желаемой союзниками; опытъ показалъ, что вооруженное вмѣшательство чужихъ державъ всегда ослабляетъ и подвергаетъ опасности сторону, въ интересахъ которой оно происходитъ, и всего болѣе этого надобно бояться въ Испаніи. Мы видѣли, что и въ итальянскихъ дѣлахъ Англія провозглашала принципъ невмѣшательства; но тамъ она соглашалась, чтобъ одна Австрія потушила революцію на полуостровѣ, потому что ей выгодно было охранять Австрію, нужную ей противъ Россіи и Франціи; теперь же вооруженное вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла было совершенно противно интересамъ Англіи, и она не хочетъ допустить никакого ограниченія принципа. Испанская революція должна была обезпечить отдѣленіе и независимость американскихъ колоній, что́ было именно нужно Англіи, и потому она не хотѣла скораго превращенія революціи.

17-го ноября, на конгрессѣ было рѣшено отправить отъ союзныхъ дворовъ къ испанскому правительству ноты съ требованіемъ перемѣны политической системы; въ противномъ случаѣ французское войско должно вступить въ Испанію. Веллингтонъ не подписалъ протокола. Во французскомъ кабинетѣ поведеніе Монморанси въ Веронѣ не было одобрено; Монморанси вслѣдствіе этого счелъ невозможнымъ для себя долѣе оставаться въ министерствѣ, но Шатобріанъ счелъ возможнымъ для себя занять его мѣсто. Англія употребляла всевозможныя усилія, угрозы, интриги, чтобъ отвратить Францію отъ вмѣшательства. Каннингъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами въ Англіи по смерти Кэсльри, та́къ объяснялъ поведеніе Англіи предъ континентальными дипломатами: «Вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе опасности, чѣмъ самая революція, если ее предоставить естественному ходу; мы боимся, что столкновеніе Франціи съ Испаніею не спасетъ послѣднюю, но ввергнетъ обѣ державы въ одну бездну. Революціонное пламя не потушится на полуостровѣ, но искры посыплются на Францію, а

когда здѣсь сдѣлается пожаръ, то онъ будетъ всеобщимъ». Ему возражали, что революціонное пламя не потухнетъ въ Испаніи, если его не станутъ тушить со стороны; союзные государи имѣютъ въ виду спокойствіе не одной Франціи, но безопасность всѣхъ троновъ европейскихъ; они признали, что пришло время поразить революцію анаѳемою въ глазахъ всѣхъ народовъ. Каннингъ отвѣчалъ: «Правда, что англійское правительство не имѣетъ столько причинъ бояться революціоннаго духа, сколько ихъ имѣютъ другія правительства, и потому оно далеко отъ того, чтобы оспаривать у нихъ право принимать мѣры для своей безопасности; впрочемъ, между Англіею и Испаніею существуетъ компликація особенныхъ интересовъ, которая не даетъ британскому кабинету такой свободы дѣйствія, какая возможна для другихъ кабинетовъ. Уже 8 лѣтъ мы требуемъ у Испаніи вознагражденія за убытки, понесенные нашею торговлею, но вмѣсто удовлетворенія терпимъ новые убытки. Чтобъ доставить себѣ управу, мы отправили эскадру въ западную Индію». Но объясненіе, разумѣется, не могло никого удовлетворить. Гораздо откровеннѣе высказался глава кабинета, лордъ Ливерпуль: «Во всѣхъ вопросахъ, касающихся существованія Испаніи, Португаліи или Нидерландовъ, Англія считаетъ своей обязанностью выступить на первый планъ. Она не можетъ допустить дѣйствія французскаго правительства, особенно когда оно громко объявляетъ намѣреніе возстановить въ Испаніи фамильное вліяніе, которому Англія противоборствовала всѣми силами болѣе вѣка». Англія старалась помѣшать вооруженному вмѣшательству Франціи въ испанскія дѣла; Поццо-ди-Борго требовалъ, именемъ своего государя, чтобы французское министерство шло прямою, открытою дорогою, какою обыкновенно шли союзники его христіаннѣйшаго величества во всѣхъ дѣлахъ общаго интереса. Поццо долженъ былъ внушить, что со степенью прямоты, съ какою тюльерійскій кабинетъ будетъ поступать съ союзниками, будетъ соразмѣрена помощь, какую союзники подадутъ Франціи какъ противъ испанскихъ революціонеровъ, такъ и противъ самой Англіи, если, по несчастью, это будетъ нужно. Виллель, желая избѣжать войны, началъ склонять испанское правительство къ уступкамъ требованію союзниковъ; но дружественные совѣты французскаго кабинета были отвергнуты точно такъ же, какъ и грозныя требованія Россіи, Австріи и Пруссіи. Весною 1823 года, французская армія, подъ начальствомъ герцога ангулемскаго, вступила въ Испанію, и революція была уничтожена въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ, какъ тогда выражались. Причиною успѣха было то, что низшіе слои народные не выставляли сопротивленія, будучи противъ революціи, оскорб-

лявшей ихъ религіозное чувство, а войска не могли держаться противъ французовъ также по недостатку горячаго сочувствія къ новому порядку вещей, кромѣ того, вслѣдствіе недостатка дисциплины и вслѣдствіе плохого вооруженія. Но когда, послѣ прекращенія революціоннаго движенія въ Испаніи, обнаружилась реакція, то императоръ Александръ, согласно своей системѣ, отправилъ въ Мадридъ Поццо-ди-Борго остановить своими внушеніями реакцію: образованіе новаго, лучшаго министерства было слѣдствіемъ поѣздки Поццо.

Покончили съ революціями итальянскою и испанскою; но съ греческимъ возстаніемъ покончить было трудно. Императоръ Александръ говорилъ въ Веронѣ Шатобріану: «Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; существуетъ только одна политика общая, которая должна быть принята и народами и государями для общаго счастья. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе—возстаніе Греціи; религіозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Пелопоннеса мнѣ показались признаки революціонные, и я удержался. Чего только не дѣлали, чтобъ разорвать союзъ? Старались внушить мнѣ предубѣжденія, уязвить мое самолюбіе, меня открыто оскорбляли. Очень дурно меня знали, если думали, что мои принципы проистекали изъ тщеславія, могли уступить желанію мщенія. Нѣтъ, я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Должно позволить государямъ заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ. На какую приманку я могу пойти? Нуждаюсь ли я въ увеличеніи моей имперіи? Провидѣніе дало въ мое распоряженіе 800,000 солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, но чтобъ я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію, чтобъ далъ господство этимъ началамъ порядка, на которыхъ зиждется общество человѣческое».

Подъ вліяніемъ этихъ же мыслей была написана русская декларація, которую Татищевъ прочелъ въ конференціи уполномоченныхъ 9-го ноября: «Порта старается выставить петербургскій кабинетъ и его агентовъ участниками въ греческомъ возстаніи; но какъ же она не хочетъ обращать вниманія на ясныя доказательства, что это несчастное возстаніе есть дѣло сектъ, навлекшихъ то же бѣдствіе на Испанію, Португалію, Италію, и готовыхъ возбудить волненіе всюду, гдѣ появится хотя малая надежда на успѣхъ. Диванъ можетъ ли забыть, что его императорское величество приказалъ двинуться своимъ войскамъ про-

тивъ революціонеровъ неаполитанскихъ и пьемонтскихъ, когда волненія въ княжествахъ дали ему знать, что революціонеры перенесли свою дѣятельность на Востокъ. Развѣ министры оттоманскіе забыли русскую декларацію относительно этихъ волненій и ихъ виновниковъ? Развѣ они не знаютъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ это время барономъ Строгановымъ, и о благодарности, выраженной за нихъ Портою. Развѣ они не знаютъ, что съ этихъ поръ императоръ не переставалъ относиться враждебно къ революціонному дѣлу, что онъ пламенно желаетъ возстановленія спокойствія въ Греціи, что онъ продолжалъ содѣйствовать тому, вмѣстѣ со своими союзниками, и что многіе изъ русскихъ агентовъ получили отъ турецкихъ чиновниковъ признательность за ихъ поведеніе въ началѣ той революціи, которая теперь выставляется какъ слѣдствіе ихъ происковъ. Если будутъ приведены неоспоримыя доказательства, что хотя одинъ изъ русскихъ агентовъ позволилъ себѣ быть слѣпымъ орудіемъ сектаторовъ и ослушаться повелѣній императора, то виновный подвергнется должному наказанію. Русскій уполномоченный имѣетъ приказаніе настаивать на этомъ пунктѣ, ибо существенно важно, чтобы Порта знала полную истину. Также важно, чтобъ она знала условія, на которыхъ могутъ быть возстановлены ея дипломатическія сношенія съ Россіею: 1) Умиреніе Греціи,—или Порта должна согласиться на переговоры между уполномоченными русскими, союзными и оттоманскими относительно гарантій, какія должны получить греки, возвращаясь подъ власть султана; или надобно, чтобъ *цѣлый рядъ фактовъ* доказалъ, что Порта уважаетъ религію, поставленную договорами подъ покровительство Россіи, и что она старается возстановить внутреннее спокойствіе въ Греціи такимъ образомъ, чтобъ Россія могла получить надежду на прочный миръ, могла бы быть довольна участью своихъ единовѣрцевъ, видя, что они получили вѣрные залоги счастья и безопасности. 2) Относительно Валахіи и Молдавіи, Порта должна непосредственно объявить Россіи о совершенномъ очищеніи княжествъ отъ турецкихъ войскъ и о назначеніи господарей. Послѣ этого объявленія, русскіе агенты возвратятся въ княжества для исполненія обязанностей, опредѣленныхъ договорами, и для удостовѣренія въ томъ,—мѣры, принятыя Портою и новыми господарями, соотвѣтствуютъ ли статьямъ договоровъ. 3) Торговля и мореплаваніе,—Порта отмѣнитъ всѣ мѣры, принятыя противъ торговли и свободнаго плаванія по Черному морю. Въ этомъ отношеніи она должна выбрать одно изъ двухъ: или допускать корабли испанскіе, португальскіе, сицилійскіе и другіе, — или уважать флагъ, которымъ эти корабли прикрывались прежде.

Этотъ обычай освященъ долговременною практикою, и Порта нарушила его теперь въ первый разъ».

Уполномоченные другихъ державъ признали умѣренность этихъ требованій и обѣщали всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ Порта удовлетворила имъ. Вѣнскій кабинетъ былъ очень доволенъ рѣшеніемъ восточнаго дѣла въ Веронѣ, и надѣялся, что оно скоро кончится, Россія помирится съ Турціею, греки, лишившись надежды на войну между этими державами, должны будутъ удовольствоваться тѣмъ, что выговорятъ въ ихъ пользу христіанскія государства, причемъ значеніе Россіи сильно упадетъ на Востокѣ. Но скоро послѣдовало жестокое разочарованіе. Турки, узнавъ о расположеніи государей, собиравшихся въ Веронѣ, узнавъ, что депутатъ греческаго народа не былъ допущенъ на конгрессъ, — турки не хотѣли удовлетворять русскимъ требованіямъ, а между тѣмъ политикѣ австрійскаго канцлера готовился неожиданный и страшный ударъ. До сихъ поръ въ греческомъ дѣлѣ Англія шла рука-объ-руку съ Австріею по единству интересовъ, требовавшихъ, чтобъ Россія была отстранена отъ вмѣшательства, и дѣло было покончено турецкимъ правительствомъ; отсюда Касльри, точно также какъ и Меттернихъ, старался представить русскому императору греческое дѣло съ его революціонной стороны. Но въ 1822 году англійское правительство должно было замѣтить, что средства такой политики истощаются, что греки держатся противъ турокъ, и сочувствіе къ нимъ усиливается, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Съ другой стороны, Россія достигаетъ своей цѣли: вслѣдствіе революціонныхъ движеній, союзъ между континентальными государями крѣпнетъ, и русскій императоръ—глава этого союза; Англія проиграла свое дѣло, принципъ вмѣшательства восторжествовалъ; Англія съ своимъ принципомъ невмѣшательства исключена изъ участія въ континентальныхъ дѣлахъ, — она одинока, поражена безсиліемъ. Какъ же ей выйти изъ такого тяжкаго, унизительнаго положенія? Средство одно: идти наперекоръ политикѣ союза; союзъ консервативенъ, его главная задача—тушить революціонные пожары во всѣхъ углахъ; англійская политика, слѣдовательно, должна стать либеральною, поддерживать народныя движенія, и прежде всего поддерживать грековъ, тѣмъ болѣе, что они обманулись въ своихъ надеждахъ на Россію, и потому легко у нихъ замѣнить русское вліяніе англійскимъ. Крутые повороты политики въ вопросахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, смотря по обстоятельствамъ,—дѣло обычное и легкое на островѣ: глава государства не заручается ни чѣмъ; если средства одного направленія истощаются, другое беретъ верхъ, то смѣняются лица въ

кабинетѣ, и политика безцеремонно беретъ противоположное направленіе. Касльри лишилъ себя жизни, его мѣсто занялъ Каннингъ, и въ апрѣлѣ 1823 года лордъ Странгфордъ получаетъ отъ новаго министра внушенія, изъ которыхъ видитъ, что долженъ перемѣнить свой образъ дѣйствій. Внушенія начинались тѣмъ, что, благодаря умѣренности русскаго кабинета, несогласія между Россіею и Портою должны скоро прекратиться окончательно. Россія покидаетъ свое передовое мѣсто; Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что человѣчество этого требуетъ. «Къ положенію этого христіанскаго народа (грековъ), который въ продолженіи вѣковъ стоналъ подъ игомъ варварства, Англія не можетъ быть равнодушна. Королю угодно, чтобъ великобританскій посланникъ сдѣлалъ Портѣ представленіе въ пользу грековъ, какъ христіанъ, требовалъ у Порты исполненія обѣщаній, данныхъ ею министрамъ союзныхъ державъ, и пригрозилъ, что если эти требованія не будутъ исполнены, то дружественныя отношенія между Турціею и Англіею продолжаться не могутъ».

Увѣренность въ помощи Англіи дала грекамъ новыя силы. Еще въ концѣ 1821 года многіе вожди изъ Мореи и западной Греціи обращались къ Англіи съ просьбою принять Грецію въ свое покровительство, на условіяхъ Іоническихъ острововъ. Теперь это предложеніе было возобновлено. Англійскіе агенты распространили въ Греціи слухи, что союзные государи высказали въ Веронѣ свое нежеланіе вмѣшиваться въ греческія дѣла и приравняли грековъ къ неаполитанскимъ и пьемонтскимъ революціонерамъ, что одинъ герцогъ Веллингтонъ имѣлъ инструкціи, благопріятныя грекамъ. Какъ прежде, такъ и теперь, Англія не хотѣла допускать до войны между Россіею и Турціею, ибо въ торжествѣ первой не могло быть сомнѣнія. Англія хотѣла отдѣлить русское дѣло отъ греческаго, уладить первое, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать на главномъ планѣ—во второмъ. Для этого лордъ Странгфордъ угрозами заставлялъ Порту уступить русскимъ требованіямъ; онъ говорилъ рейсъ-эффенди: «Война между Россіей и Портою должна вести къ нарушенію европейскаго равновѣсія; Порта должна будетъ уступить многія области Россіи; для возстановленія равновѣсія Англія должна будетъ стараться объ увеличеніи своей силы и своихъ владѣній, ей не у кого взять кромѣ Порты, которая сама виновата своимъ вреднымъ упрямствомъ». Устрашенная Порта согласилась уступить русскимъ требованіямъ, кромѣ относящихся къ грекамъ: объ этихъ послѣднихъ требованіяхъ Странгфордъ молчалъ. Но въ Петербургѣ не молчали. Вслѣдствіе готовности Порты выполнить

русскія требованія, въ январѣ 1824 года пріѣхалъ въ Константинополь русскій дипломатическій агентъ Минчаки и былъ принятъ съ честію; но онъ тотчасъ же объявилъ, что не имѣетъ полномочія касаться политическихъ вопросовъ, кругъ дѣйствій его долженъ ограничиться одними торговыми отношеніями. Присылку настоящаго министра въ Константинополь петербургскій кабинетъ ставилъ въ зависимость отъ исполненія всѣхъ требованій по греческому дѣлу. Въ мемуарѣ своемъ объ умиротвореніи Греціи (9-го января 1824 года) русскій кабинетъ спрашивалъ: «Если во время прибытія императорскаго министра въ Константинополь не будетъ еще никакого соглашенія на счетъ греческихъ дѣлъ, то не будетъ ли онъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе? Онъ будетъ свидѣтелемъ борьбы между турками и греками, и борьба эта можетъ имѣть одинъ изъ двухъ результатовъ: или греки и въ этомъ году удержатъ пріобрѣтенную ими независимость, или будутъ низложены силою оружія. Въ первомъ случаѣ турки могутъ приписать свою неудачу тайнымъ проискамъ и сношеніямъ императорскаго министра, какъ было при баронѣ Строгановѣ, который и принужденъ былъ оставить Константинополь. Во второмъ случаѣ, русскіе посланники и министры союзныхъ дворовъ могутъ ли оставаться неподвижными и нѣмыми свидѣтелями безпорядковъ, которые всегда сопровождаютъ побѣды оттоманскихъ войскъ и которые еще болѣе увеличатъ жажду мщенія? И способна ли будетъ Порта въ минуту побѣды выслушивать представленія самыя основательныя? И однако будетъ ли возможно не дѣлать ей никакихъ представленій? По веронскимъ протоколамъ, греческія дѣла касаются всѣхъ членовъ союза; и было постановлено, что всѣ члены союза коллективно будутъ принимать участіе въ ихъ рѣшеніи; слѣдовательно, ихъ министры вмѣстѣ съ русскимъ министромъ будутъ находиться въ одинаковомъ положеніи: отказываясь дѣйствовать, они не будутъ исполнять своихъ обязанностей; дѣйствуя, они должны будутъ бояться, что ихъ требованія будутъ отвергнуты, и это поведетъ къ нарушенію добрыхъ отношеній ихъ къ Портѣ. Россія не можетъ равнодушно видѣть продолженія порядка вещей, который парализуетъ ея торговлю и вредитъ самымъ дорогимъ ея интересамъ. Другія союзныя государства, конечно, не имѣютъ такихъ важныхъ побужденій, но будетъ ли и съ ихъ стороны политично и великодушно не положить конца бѣдствіямъ Греціи и Турціи? Союзники считаютъ священною обязанностію содѣйствовать сохраненію общаго мира; но этого мира не будетъ, пока идетъ борьба у Порты съ Мореею и островами Архипелажскими, пока здѣсь господ-

ствуетъ революція и анархія. Не будетъ мира матеріально, потому что далеко еще до окончанія борьбы; не будетъ мира и нравственнаго, потому что борьба эта порождаетъ въ Европѣ во всѣхъ умахъ безпокойство, которое грозитъ опасностію. Союзные дворы однимъ своимъ единодушіемъ придавили препятствія, безъ того неодолимыя, свергли съ престола похитителя и разрушительнаго генія завоеваній, удержали бичъ военныхъ революцій, возстановили общественный порядокъ на его древнихъ основаніяхъ: такъ неужели теперь они откажутся отъ одного изъ естественныхъ слѣдствій своей системы и не увѣнчаютъ своихъ успѣховъ, которыми стяжали себѣ признательность настоящаго и будущаго? Люди благонамѣренные поражены будутъ такою перемѣною и должны будутъ упрекать союзниковъ въ недостаткѣ постоянства и мужества. Съ другой стороны, революціонеры, изгнанные изъ государствъ, гдѣ они съумѣли соединить слабость съ измѣною, перенесутъ всю свою гибельную дѣятельность въ Грецію, дадутъ здѣсь торжество своимъ разрушительнымъ ученіямъ и, быть можетъ, успѣютъ ввести въ заблужденіе народы, обвиняя Союзъ въ стремленіи отдать Грецію подъ власть анархическую и варварскую и поставить на одну линію магометанство и религію христіанскую. Излишне исчислять всѣ вредныя послѣдствія такихъ заблужденій. Они отнимутъ духъ у друзей добра и наполнятъ радостію сердца заводчиковъ смуты, которые разсчитываютъ на бѣдствія человѣчества. Союзу необходимо, слѣдовательно, уяснить свои истинныя намѣренія, показать, что всюду онъ успѣлъ установить миръ; для этого онъ долженъ спѣшить приведеніемъ къ счастливому концу переговоровъ, иначе часть Европы будетъ страдать отъ продолжительнаго кровопролитія, и нельзя будетъ установить прочныхъ отношеній между Россіею и Портою. Желая содѣйствовать счастливому исходу дѣла, русскій кабинетъ укажетъ средства для этого, по его мнѣнію, самыя вѣрныя, причемъ ограничится одними общими взглядами. Очевидно, что турки не согласятся никогда признать политическую независимость Греціи подъ какими бы то ни было формами. Не менѣе очевидно, что греки, съ своей стороны, не согласятся никогда войти, относительно Порты, въ положеніе бывшее до войны. Надобно найти, слѣдовательно, среднее положеніе, именно установить въ континентальной Греціи княжества, подобныя Дунайскимъ. Такихъ княжествъ будетъ три, по географическому положенію Греціи: въ составъ перваго войдутъ Ѳессалія, Беотія, Аттика, или Греція восточная; въ составъ втораго — прежній Венеціанскій берегъ, Эпиръ, Акарнанія, или Греція западная; третье княжество бу-

детъ состоять изъ Мореи или южной Греціи, къ которой можно присоединить островъ Кандію. Что касается до острововъ Архипелага, то имъ можно дать муниципальное управленіе. Порта сохранитъ верховную власть надъ страною; она не будетъ посылать туда ни пашей, ни губернаторовъ, но будетъ получать ежегодную дань, однимъ словомъ, отношенія будутъ тѣ же самыя, въ какихъ Порта находится къ Валахіи и Молдавіи. Представителемъ греческихъ княжествъ и острововъ въ Константинополѣ будетъ тамошній патріархъ, который будетъ пользоваться покровительствомъ международнаго права».

Новая причина сильнаго безпокойства въ Вѣнѣ: Россія прямо высказываетъ, какъ, по ея мнѣнію, всего лучше должны опредѣлиться отношенія между Греціею и Турціею; но здѣсь высказывается основная мысль русскаго кабинета: онъ не хочетъ независимой Греціи, но княжествъ, которыхъ представителемъ будетъ константинопольскій патріархъ, которыя, слѣдовательно, подпадутъ русскому вліянію. Какъ тутъ быть? другія державы не могутъ не принять въ основѣ петербургскаго предложенія. Единственное средство — замедлить дѣло. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ предлагаетъ отложить его до конца кампаніи 1824 года. Турки навѣрно потерпятъ неудачу, и потому должны будутъ согласиться на предложеніе державъ, сдѣланное въ смыслѣ русскаго плана. Но петербургскій кабинетъ не хочетъ медлить, требуя, чтобы тотчасъ же было приступлено къ дѣлу. Въ іюнѣ начались въ Петербургѣ конференціи по греческимъ дѣламъ. Дѣло трудное, и на этой трудности Меттернихъ основывалъ свои разсчеты. «Вопросъ о вмѣшательствѣ,— писалъ онъ интернунцію,— принадлежитъ къ вопросамъ неразрѣшимымъ. Хорошо, еслибъ можно было его избѣжать; но если нельзя, то надобно распорядиться такъ, чтобы доказательства неразрѣшимости вопроса были очевидны. Въ этомъ состоитъ вся моя тайна. Турки не хотятъ, греки также не хотятъ: этого съ меня довольно, чтобы идти дальше». Турки дѣйствительно не хотѣли; когда они узнали изъ газетъ о содержаніи русскаго мемуара 9 января, то рейсъ-эффенди сильно противъ него высказался: «Въ какомъ договорѣ написано, что европейскіе государи имѣютъ право распоряжаться въ Турціи, когда христіанскимъ подданнымъ Порты угодно будетъ возмутиться? Чѣмъ можетъ быть оправдана такая претензія? Тѣмъ, что наше оружіе не принудило бунтовщиковъ къ покорности? но кто въ этомъ виноватъ? Кромѣ явныхъ враговъ, грековъ, мы должны бороться еще съ тайными, которые намъ подносятъ только дружественныя слова, а бунтовщикамъ даютъ оружіе, деньги, совѣты и помощь всякаго рода. Мы не тре-

буемъ ничего, кромѣ уваженія къ нашей независимости; мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла и рѣшились не позволять, чтобы другіе вмѣшивались въ наши». Когда и въ Греціи узнали о русскомъ планѣ 9 января, то газета временного правительства, «Гидрейскія Вѣдомости», высказалась противъ него; греки требовали у Каннинга, чтобы Англія помогла имъ точно такъ же, какъ помогла испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ. Каннингъ былъ въ затруднительномъ положеніи; поспѣшность Россіи сбивала его; ему нужно было подумать, какъ бы выиграть ходъ передъ Россіею. Онъ замедлилъ посылкою въ Петербургъ обѣщаннаго уполномоченнаго по греческимъ дѣламъ, племянника своего лорда Стратфорда Каннинга, и этотъ уполномоченный долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ—черезъ Вѣну! А въ Вѣнѣ между тѣмъ хлопотали о томъ, какъ бы усилить несогласіе между Россіею и Англіею, посылали въ Петербургъ внушенія, что Каннингъ руководствуется представленіями революціоннаго греческаго правительства; такія же внушенія посылались изъ Вѣны и въ Константинополь.

Каннингъ не руководился представленіями греческаго правительства. Онъ это ясно показалъ въ своемъ отвѣтѣ ему (1 декабря 1824 г.): Каннингъ писалъ, что въ Греціи напрасно такъ вооружаются противъ русскаго проекта 9 января; если нужно посредничество державъ для прекращенія борьбы, то посредничество немыслимо безъ сдѣлки, въ которой бы, съ одной стороны, была ограничена верховная власть Порты, а съ другой—независимость грековъ; если же обѣ стороны отвергаютъ всякую сдѣлку, то нечего думать о посредничествѣ. Греки требуютъ у британскаго правительства помощи, сравнивая свои права на эту помощь съ правами американскихъ испанскихъ колоній, отдѣлившихся отъ метрополіи: но въ борьбѣ между Испаніею и ея колоніями Великобританія держалась строгаго нейтралитета; такой же нейтралитетъ соблюденъ Англіею и въ войнѣ, опустошающей Грецію. Временное правительство Греціи можетъ разсчитывать на неизмѣнное продолженіе этого нейтралитета. Оно можетъ быть увѣрено, что Великобританія не приметъ участія ни въ какой попыткѣ заставить грековъ помириться на условіяхъ, противныхъ ихъ желаніямъ, и если греки рано или поздно сочтутъ нужнымъ для себя просить посредничества Англіи, послѣдняя предложитъ его Портѣ и употребитъ всѣ усилія, чтобъ сдѣлать его дѣйствительнымъ, вмѣстѣ съ другими державами, которыхъ содѣйствіе облегчитъ дѣло и дастъ ему прочность.

Въ Вѣнѣ были увѣрены, что Каннингъ не думаетъ о независимости Греціи, хочетъ принять русскій планъ, но не съ тѣмъ,

чтобы отдавать Грецію русскому вліянію, а чтобъ подѣлиться на Балканскомъ полуостровѣ вліяніемъ съ Россіею: какъ Россія оторвала отъ Турціи—Сербію и Дунайскія княжества, такъ Англія хотѣла оторвать Грецію и утвердить здѣсь свое вліяніе, подобное русскому вліянію въ Сербіи, Молдавіи и Валахіи. Въ Греціи очень обрадовались отвѣту Каннинга, хотя въ дѣйствительности радоваться было нечему; схватились преимущественно за ту часть его письма, гдѣ онъ обѣщалъ, что Англія не соединится съ другими державами, чтобы заставить грековъ помириться съ Портою на невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, заключили изъ этого, что нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ, что Англія заступится за грековъ и передъ союзниками точно такъ же, какъ передъ Портою, что, однимъ словомъ, надобно ждать спасенія отъ одной Англіи! Но нѣкоторые попытались присоединить къ Англіи и Австрію, заставить послѣднюю предпочесть независимость Греціи русскому плану. Генцъ получилъ письмо отъ Александра Маврокордато, главы англійской партіи въ Греціи: «Если Порта,—писалъ Маврокордато,—находитъ до извѣстной степени поддержку въ кабинетахъ европейскихъ, если существованіе Порты желательно для нихъ, то, конечно, они имѣютъ при этомъ одну цѣль — сохранить оплотъ противъ будущаго усиленія Россіи. Факты доказали, что Порта неспособна служить этой цѣли. Представляется однако возможность, чтобъ она служила ей въ будущемъ. Отдѣленіе собственной Греціи не ослабитъ Турцію, но усилитъ ее, сдѣлаетъ ее способною противиться честолюбивымъ замысламъ Россіи. Обязанная держать значительные гарнизоны въ крѣпостяхъ греческихъ, Турція теряетъ часть своихъ средствъ, которыя могла бы употребить противъ своихъ непріятелей; турецкое народонаселеніе, разсѣянное въ греческихъ областяхъ, не можетъ содѣйствовать всеобщему вооруженію, какое султанъ обыкновенно назначаетъ въ самое опасное время. Въ случаѣ отдѣленія Греціи, всѣ эти силы будутъ подъ руками у султана. Греки самые злые враги турокъ и имѣютъ причину враждовать къ нимъ; но какъ скоро независимость Греціи будетъ признана и границы опредѣлены, греки обязаны будутъ поддерживать существованіе Турціи, не имѣя причины бояться ея, и, наоборотъ, имѣя важныя причины опасаться Россіи. Естественные враги турокъ, греки превратятся въ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ ихъ, когда Россія вздумаетъ выгнать турокъ изъ Европы».

Генцъ отвѣчалъ, что Маврокордато исключительно занимается вопросомъ объ интересѣ, но есть высшій вопросъ — о принципахъ. Борьба между турками и греками не есть тяжба, которую

европейскія державы призваны судить, ибо одна изъ тяжущихся сторонъ постоянно отстраняетъ ихъ вмѣшательство. Признать независимость грековъ — это значитъ, со стороны европейскихъ державъ, произнести, безъ аппелляціи, приговоръ въ дѣлѣ, имъ чуждомъ. По какому праву державы поступятъ такимъ образомъ? Въ ихъ кодексѣ, кодексѣ трактатовъ, нѣтъ оружія для борьбы съ правами имперіи Оттоманской. — Несмотря на то, въ Вѣнѣ приняли къ свѣдѣнію вопросъ о выгодахъ признанія независимости Греціи, чтобы въ крайности выставить его противъ Россіи.

Между тѣмъ въ Англіи, перемѣнивъ политику относительно греческаго вопроса, затѣявъ новое дѣло, не знали, какъ вести его, и рѣшились, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, ничего не дѣлать, ждать и смотрѣть, что̀ другіе будутъ дѣлать, и всего лучше, если можно, помѣшать и другимъ что̀-нибудь сдѣлать. 1824-й годъ проходилъ, а племянникъ Каннинга, Стратфордъ Каннингъ, не являлся въ Петербургъ съ полномочіями. 21 декабря, Стратфордъ Каннингъ пріѣхалъ въ Вѣну и объявилъ, что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ, даже и нѣмымъ, петербургскихъ конференцій, и что онъ ѣдетъ въ Петербургъ только за тѣмъ, чтобы предложить отсрочить конференцію до того времени, когда греки или турки, или тѣ и другіе, вмѣстѣ, усталые, истощенные, обратятся къ европейскимъ державамъ съ просьбою о посредничествѣ; при этомъ Стратфордъ Каннингъ приглашалъ Меттерниха дѣйствовать за-одно противъ Россіи. Но Меттернихъ не поддался этимъ внушеніямъ: Англія отказывается отъ участія въ рѣшеніи греческаго вопроса, но Россія не откажется и тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствовать; ка́къ Англія тутъ будетъ ей мѣшать, — неизвѣстно. Генцъ, конечно, выражалъ мысль своего патрона, когда писалъ: «Турецкая имперія должна бояться государствъ *одиночныхъ*, а вовсе не государствъ *соединенныхъ;* ибо никогда не будетъ *двухъ*, которыя соединятся на ея погибель, тогда какъ ихъ раздѣленіе можетъ дать тому или другому интересы, противоположные интересамъ Порты. По этому принципу, который долженъ быть начертанъ золотыми буквами надъ дверями Дивана, опасность заключается въ отдѣленіи Англіи; средства спасенія сосредоточены въ союзѣ державъ континентальныхъ. Нѣтъ нужды, что между членами этого союза находится исконный врагъ Турціи; надобно имѣть въ виду не Россію, какъ таковую, но Россію, составляющую нераздѣльную часть союза, которому она больше предана, чѣмъ какому-нибудь изъ своихъ частныхъ интересовъ». Такимъ образомъ, въ Вѣнѣ никакъ ни хотѣли оставить Россію одну, и Меттернихъ отвѣчалъ Стратфорду Каннингу, что Австрія будетъ довольна,

если Россія откажется отъ петербургскихъ конференцій; но приметъ въ нихъ участіе, какъ скоро Россія, несмотря на отпаденіе Англіи, пожелаетъ ихъ. Въ Петербургѣ, узнавъ о предложеніяхъ племянника въ Вѣнѣ, высказали свое удивленіе насчетъ поведенія дяди, который прежде заявлялъ совершенно другое, и покончили тѣмъ, что объявили прекращеніе сношеній между Россіею и Англіею по поводу дѣлъ турецкихъ и греческихъ. Въ Вѣнѣ совершенно вѣрно оцѣнили безпринципное, руководящееся случайностями и ближайшими выгодами поведеніе Каннинга, въ которомъ олицетворилась національная англійская политика, тогда какъ предшествовавшая политика Касльри, вслѣдствіе продолжительнаго общаго дѣйствія со всею Европою, много теряла изъ этого островного, особнаго характера англійской политики. Генцъ писалъ: «Что касается англійскаго правительства, то не думаю, чтобъ оно приняло какое-нибудь рѣшеніе относительно дѣлъ турецкаго и греческаго. Каннингъ не хотѣлъ вдаваться въ обсужденіе этихъ дѣлъ, что могло бы поставить его въ разладъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны или увлечь въ поступки, могущіе стѣснить полную свободу его движеній въ различныхъ фазахъ, какія представятъ событія. Вотъ секретъ его протеста противъ конференцій. Онъ не выскажется зря по такому сложному вопросу. Онъ хочетъ выиграть время, наблюдая за оборотомъ, какой приметъ вопросъ; а между тѣмъ онъ будетъ избѣгать и открытой ссоры съ Портою и не выскажется прямо противъ греческихъ претензій».

При такомъ поведеніи Англіи тѣмъ желательнѣе было для Россіи сближеніе съ Франціею. Здѣсь, въ сентябрѣ 1824 года, умеръ король Людовикъ XVIII-й, и ему наслѣдовалъ братъ, графъ Артуа, подъ именемъ Карла X-го. На представленія Поццо-ди-Борго, что Франція въ восточномъ вопросѣ должна дѣйствовать діаметрально противоположно Англіи, т.-е. не уклоняться отъ рѣшенія дѣлъ сообща, но тѣсно примкнуть къ Союзу, новый король отвѣчалъ, что и до вступленія своего на престолъ, и теперь, онъ видѣлъ и видитъ спасеніе Франціи и Европы вообще въ принципахъ Союза и въ поддержкѣ его; что онъ сожалѣетъ объ удаленіи Англіи, ибо ея равнодушіе или противодѣйствіе умножатъ трудности и осложнятъ положеніе; но эта непріятность должна только усилить континентальный союзъ. Не обманывая себя на счетъ препятствій, которыя будутъ встрѣчены союзниками и со стороны турокъ, и со стороны грековъ, надобно, по требованію общаго интереса, испытать всѣ средства, чтобъ мудрыя и великодушныя предложенія русскаго императора были приняты. Графъ Ла-Ферроннэ немедленно отправится въ Петербургъ съ инструкці-

ями, уполномоченный участвовать въ конференціяхъ и другихъ дѣйствіяхъ, какія сочтутся нужными для достиженія спасительной цѣли. Король прибавилъ, что онъ знаетъ все добро, какое императоръ Александръ сдѣлалъ міру въ прошедшемъ, и что его довѣренность къ нему, относительно будущаго, безгранична; что, съ своей стороны, онъ будетъ содѣйствовать этому добру, управляя Франціею, по возможности, правосудно и благоразумно, и оставаясь въ неразрывной связи съ политическою федераціею, которая составляетъ источникъ нашей силы и ручательство за общую безопасность.

Итакъ, несмотря на удаленіе Англіи, въ 1825 году въ Петербургѣ будутъ конференціи по греческимъ дѣламъ. Вѣнскій дворъ уполномочилъ своего посланника, графа Лебцельтерна, участвовать въ нихъ, причемъ ему было предписано: если не согласятся на совершенное покореніе грековъ султану съ нѣкоторыми уступками въ пользу улучшенія гражданскаго быта покорившихся, то соглашаться только на совершенную независимость грековъ. Лебцельтернъ незамедлилъ пустить предложеніе о независимости. Когда въ конференціяхъ пошла рѣчь о томъ, что, въ случаѣ отказа со стороны Порты допустить вмѣшательство союзныхъ дворовъ, надобно употребить противъ нея принудительныя средства, или начать прямо непріятельскія дѣйствія, или занять нѣкоторыя турецкія провинціи, Лебцельтернъ объявилъ, что его дворъ не согласится на это, и гораздо лучше признать независимость Греціи, что послужитъ, вмѣсто оружія, принудительнымъ средствомъ и внушитъ спасительный страхъ Дивану. Странность этого предложенія была очевидна: Россія требовала у союзныхъ дворовъ, чтобъ они, вмѣстѣ съ нею, употребили свое посредничество для немедленнаго прекращенія борьбы между турками и греками, тѣмъ болѣе, что греки, какъ было видно, не смѣли надѣяться на успѣхъ, а вѣнскій дворъ, для избѣжанія принудительныхъ средствъ, предлагаетъ признать независимость Греціи, что̀ одно, безъ поданія помощи грекамъ, нисколько не могло содѣйствовать прекращенію кровопролитія: это объявленіе могло быть непріятно, оскорбительно для Порты — и только, она боялась больше всего вмѣшательства, объявленіе же независимости одно, при нейтралитетѣ европейскихъ державъ, было неопасно туркамъ, они свободно продолжали бы истребительную войну и покорили бы народъ, провозглашенный независимымъ. Съ русской стороны предложеніе Лебцельтерна было отвергнуто; но вѣнскій дворъ считалъ себя при этомъ въ большомъ выигрышѣ; по его мнѣнію, Россія, отвергнувъ австрійское предложеніе, обнаружила себя предъ союзниками, показавъ, что она никогда не имѣла въ виду освобож-

денія Греція, но, требуя вмѣшательства, преслѣдовала свои честолюбивые виды. При такихъ условіяхъ, когда Англія отказалась отъ участія въ конференціяхъ, Австрія приняла въ нихъ участіе съ явною цѣлію мѣшать дѣлу, когда двѣ другія державы, участвовавшія въ конференціяхъ, Франція и особенно Пруссія, боялись рѣшительныхъ мѣръ, могшихъ вести къ войнѣ,—при такихъ условіяхъ понятно, что конференціи 1825 года могли имѣть самый незначительный результатъ. Было опредѣлено, что представители союзныхъ дворовъ въ Константинополѣ попытаются убѣдить Порту въ необходимости допустить принципъ вмѣшательства великихъ континентальныхъ государствъ для прекращенія смуты на Востокѣ, сдѣлаютъ съ этою цѣлію устныя и конфиденціальныя представленія рейсъ-эффенди, докажутъ ему необходимость и выгоды этого вмѣшательства.

Попытка уполномоченныхъ, какъ легко было предвидѣть, не удалась. Еще прежде полученія извѣстія объ этой неудачѣ петербургскій кабинетъ обратился къ вѣнскому, парижскому и берлинскому кабинетамъ съ вопросомъ, что они намѣрены дѣлать въ случаѣ, если Порта отвергнетъ вмѣшательство? Кабинеты отвѣчали, что они будутъ не согласны на употребленіе какого-нибудь принудительнаго средства. Союзники отказывались дѣйствовать; а между тѣмъ въ Греціи потеряли надежду продолжать съ успѣхомъ борьбу одними собственными средствами, и въ іюлѣ мѣсяцѣ составленъ былъ актъ, которымъ греческій народъ предавалъ неограниченному покровительству Великобританіи свою національную независимость и свое политическое существованіе. Съ другой стороны, Порта остановилась въ удовлетвореніи русскимъ требованіямъ: въ Дунайскихъ княжествахъ существовали особые полицейскіе отряды (бешли) для защиты жителей отъ турокъ и для высылки послѣднихъ за Дунай; эти отряды находились въ полной зависимости отъ господарей, безъ позволенія которыхъ офицеры ихъ (башбешли) не могли сноситься съ турецкими пашами. Но теперь изъ бешли Порта образовала особое войско, совершенно независимое отъ господарей, и тогда какъ до 1821 года содержаніе бешли стоило Валахіи ежегодно 125,000 піастровъ, теперь стоило 880,000. Въ сентябрѣ, Минчаки получилъ изъ Петербурга бумагу, въ которой ясно выражалось, какъ теперь императорское правительство относилось къ *союзникамъ:* «Упорство Порты по вопросу о бешли, говорилось въ этой бумагѣ, возбудило въ высшей степени справедливое негодованіе императора и открыло ему глаза относительно той роли, какую играютъ въ Константинополѣ посланники австрійскій, французскій и прусскій. Съ этихъ поръ императору не-

угодно въ восточномъ вопросѣ обращать вниманіе на союзниковъ, онъ будетъ здѣсь идти путемъ, который соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи и его достоинству». Въ Вѣнѣ, гдѣ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за восточнымъ вопросомъ, почувствовали, что Россія не хочетъ долѣе оставаться на колеблющейся почвѣ, на какой стояла она до сихъ поръ. Меттернихъ сильно тревожился; ему давали знать, что императоръ Александръ въ высшей степени недоволенъ и наклоненъ къ перемѣнѣ политики; австрійскаго канцлера сильно тревожило то, что императоръ отправился на югъ, гдѣ работали гетеристы, отправился въ сопровожденіи генерала Дибича и другихъ желающихъ войны людей; главнокомандующій южною арміею, графъ Витгенштейнъ, незадолго передъ тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ и оттуда опять поѣхалъ къ арміи. Меттернихъ писалъ интернунцію: «Императоръ Александръ хочетъ выдти изъ своего, конечно, ложнаго положенія. Предоставленный самому себѣ, онъ можетъ принять рѣшеніе, которое можетъ быть опять невѣрнымъ средствомъ, но если Портѣ нанесенъ ударъ, то все равно, какъ онъ нанесенъ. Если Диванъ не совсѣмъ ослѣпъ, то долженъ насъ понять. Неужели для Порты существованіе башбешли такъ же важно, какъ и существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ? Если Порта такъ ослѣплена, что оба вопроса для нея равносильны, то мы принуждены будемъ поставить себя на болѣе благодарную почву и не будемъ хлопотать за державу, которая сама не въ состояніи стоять прямо».

Порта послушалась и объявила, что башбешли будутъ выведены изъ княжествъ и все будетъ по старому. Когда австрійскій посланникъ сообщилъ объ этомъ графу Нессельроде, то получилъ отвѣтъ: «Настоящій узелъ затрудненій находится не въ побочныхъ столкновеніяхъ, а въ несчастномъ греческомъ вопросѣ, вопросѣ основномъ. Союзники не хотятъ принять русскихъ предложеній, а между тѣмъ не указываютъ *другихъ* средствъ, способныхъ вести къ умиротворенію, съ которымъ, по убѣжденію императора Александра, тѣсно связана его честь, его слава. Гдѣ найти эти *другія средства* кромѣ употребленія силы?»

Россія хочетъ употребить силу противъ Турціи; до этого допускать нельзя; но какъ же не допустить? Австріи одной нельзя воевать противъ Россіи за Турцію; надобно пріобрѣсть союзниковъ, и Меттернихъ ѣдетъ въ Парижъ подъ предлогомъ опасной болѣзни жившей тамъ жены; во Франціи надобно прежде всего повредить вліянію Россіи, вліянію Поццо-ди-Борго, и Меттернихъ говоритъ Виллелю: «Давно я не былъ въ Парижѣ, естественно, что я нашелъ много перемѣны; но всего больше меня

поразило то, что Поццо-ди-Борго теперь не больше какъ русскій посолъ». Виллель началъ говорить о восточномъ вопросѣ; Меттернихъ притворился спокойнымъ и равнодушнымъ. Виллель, для указанія важности вопроса, привелъ слова императора Александра Ла-Ферроннэ: «Помогите мнѣ уладить это греческое дѣло; знайте, что я одинъ, въ цѣлой моей имперіи, хочу мира для обращенія всѣхъ моихъ силъ противъ революціонеровъ южной и западной Европы; но я могу умереть, и вы останетесь тогда въ страшной опасности». Меттернихъ отвѣчалъ: «Эта опасность меня не пугаетъ, я берусь предохранить отъ нея Европу». Виллель не зналъ, что Меттернихъ въ 1812 году точно также брался спасти Европу—посредничествомъ Австріи въ мирныхъ переговорахъ и установленіемъ равновѣсія между Россіею и Франціею посредствомъ сохраненія Наполеона.

Меттернихъ не нашелъ во Франціи того, чего хотѣлъ; и чтобъ напугать Россію ея одиночествомъ, поколебать ея надежду на Францію, какъ на ея естественную тогда союзницу, Меттернихъ распустилъ всюду слухи, что чрезвычайно доволенъ своимъ пребываніемъ во Франціи, и нашелъ въ Виллелѣ виды и намѣренія, совершенно сходные съ своими. По этимъ слухамъ начали уже толковать, что Меттернихъ заключилъ въ Парижѣ секретный договоръ съ французскимъ правительствомъ.—Изъ Парижа Меттернихъ хотѣлъ пробраться въ Лондонъ; но Каннингъ поручилъ лорду Гренвилю, англійскому посланнику въ Парижѣ, внушить австрійскому канцлеру, чтобъ онъ не ѣздилъ въ Лондонъ; ему, Каннингу, извѣстно, какъ онъ, Меттернихъ, вредилъ ему у короля; пусть не надѣется имѣть съ королемъ тайныхъ разговоровъ: по англійскимъ обычаямъ, онъ, Каннингъ, долженъ присутствовать при всѣхъ объясненіяхъ иностранныхъ министровъ съ королемъ. Меттернихъ ненавидѣлъ Каннинга за то, что послѣдній нанесъ страшный ударъ его системѣ, отлучивъ Англію отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріею въ пользу Турціи противъ грековъ. Каннингъ платилъ ему тою же монетою; онъ писалъ Гренвилю: «Вы должны прежде всего знать, что̀ я думаю о Меттернихѣ: это величайшій мошенникъ и наглѣйшій лжецъ на всемъ континентѣ и, быть можетъ, въ цѣломъ цивилизованномъ мірѣ». Императоръ Александръ говорилъ Ла-Ферроннэ: «Каннингъ и Меттернихъ не могутъ терпѣть другъ друга, это личная вражда; но вы хорошо знаете дѣла, знаете, что безъ большихъ неудобствъ Каннингъ можетъ говорить дурно о Меттернихѣ, а Меттернихъ о Каннингѣ, это дальше не пойдетъ. Но мы съ вами обязаны соблюдать большую умѣренность».

Перемѣна русской политики въ восточномъ вопросѣ произ-

вела такую же тревогу и въ Лондонѣ, какъ въ Вѣнѣ. Каннингъ объявилъ Меттерниху, что оставитъ безъ отвѣта просьбу грековъ о принятіи ихъ въ англійское подданство; объявлялъ всѣмъ, что Великобританія держится строгаго нейтралитета, и между тѣмъ всѣ знали, что преимущественно изъ Англіи идутъ средства для поддержанія греческаго возстанія; но въ Греціи—Франція начинаетъ соперничать съ Англіею, французскіе агенты хлопочутъ, чтобъ греки образовали особое королевство подъ властію одного изъ французскихъ принцевъ (орлеанскаго дома); можно было дожидаться и ничего не дѣлать, пока Россія вела съ своими союзниками безплодные переговоры въ Петербургѣ, но теперь нельзя долѣе оставаться въ бездѣйствіи: Россія увидала безплодность переговоровъ, безплодность союзнаго дѣйствія, и хочетъ дѣйствовать одна, и дѣйствовать рѣшительно; дѣло идетъ о войнѣ между Россіею и Турціею, значитъ дѣло идетъ о существованіи Турціи въ Европѣ, о Константинополѣ. Каннингъ послалъ лорда Странгфорда въ Петербургъ, а племянника своего Стратфорда Каннинга въ Константинополь. Вслѣдствіе этого, осенью 1825 года дѣло пошло живѣе въ Петербургѣ. Въ ноябрѣ, французскій посланникъ, графъ Ла-Ферроннэ первый выступилъ съ предложеніемъ объявить Портѣ отъ имени пяти державъ, что онѣ считаютъ войну между турками и греками конченною, вслѣдствіе чего требуютъ отъ Порты, чтобъ она объявила, какія выгоды и ручательства намѣрена она дать своимъ греческимъ подданнымъ, а державы обязываются заставить грековъ принять предложенія Порты. Новый порядокъ вещей, который имѣетъ произойти изъ этого соглашенія, пребудетъ подъ покровительствомъ пяти державъ. Странгфордъ объявилъ съ своей стороны, что средства, употребленныя до сихъ поръ для прекращенія печальнаго состоянія дѣлъ на Востокѣ, оказались недѣйствительными; нужно употребить другія посильнѣе, но не такія однако, которыя бы могли вывести за линію нейтралитета и исключить надежду на сохраненіе мира между Россіею и Турціею. Для этого Россія должна оставить въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и отправить въ Константинополь министра, который дѣйствовалъ бы совершенно согласно съ министрами другихъ державъ. Всѣ они должны внушить Портѣ, чтобъ она послушалась представленій пяти державъ въ греческомъ дѣлѣ, и не обманывала себя надеждою, что между нами господствуетъ несогласіе. Если предложенія пяти державъ, сдѣланныя такимъ путемъ, будутъ приняты Портою, союзники употребятъ свое вліяніе, чтобъ они могли быть приняты греками, не прибѣгая, ни въ отношеніи къ грекамъ, ни въ отношеніи къ туркамъ, къ принудительнымъ мѣрамъ. Если Порта

отвергнетъ предложенія, русскій министръ оставитъ Константинополь, и министры другихъ четырехъ державъ объявятъ, что они предоставляютъ Порту ея участи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ Европѣ узнали о кончинѣ главнаго дѣятеля эпохи, императора Александра I.

Время Александра I-го дѣлится на двѣ половины 1814 годомъ: въ первой на первомъ планѣ—борьба съ Наполеономъ; во второй—установленіе внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній у европейскихъ народовъ посредствомъ общихъ совѣтовъ между ихъ правительствами, или конгрессовъ. Но это различіе, вызванное перемѣною въ характерѣ событій, нисколько не нарушаетъ цѣльности духовной природы Александра I-го и ея проявленій. Въ первыхъ дѣйствіяхъ и словахъ молодого государя уже можно было замѣтить основы той политики, которой онъ оставался вѣренъ до конца и которая дала ему его историческое значеніе. Эти основы заключались въ свободѣ и широтѣ взгляда, его многосторонности, которыя даютъ способность признавать право на бытіе за многоразличными явленіями, интересами и отношеніями и чрезъ это даютъ силу стремиться къ ихъ соглашенію. Эти основы, даръ природы, рано получили развитіе вслѣдствіе благопріятныхъ условій: молодой человѣкъ на высотѣ своего положенія воспитывался подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ движеній, вызывавшихъ своими крайностями движенія противоположныя, которыя также доходили до крайностей и давали этимъ оправданіе первымъ явленіямъ. Эти крайности направленій, быстро смѣнявшихъ другъ друга, одинаково не пришлись ни по уму, ни по сердцу Александра, и закрѣпили въ немъ убѣжденіе, что, удерживая направленія отъ крайностей, можно заставить ихъ существовать другъ подлѣ друга, не сталкиваясь и не сталкивая народы въ кровавыя борьбы, внутреннія и внѣшнія.

Задача, принятая на себя Александромъ, была самая трудная, самая неблагодарная изъ задачъ. Неистощимы похвалы, расточаемыя безпристрастію, широтѣ, многосторонности взгляда; но жестоко ошибется тотъ, кто въ своихъ дѣйствіяхъ будетъ имѣть въ виду эти похвалы. Человѣкъ, отвергающій односторонности, крайности направленій, становится чуждъ и враждебенъ людямъ, которые стремятся во что бы то ни стало дать торжество своему направленію, безо всякихъ сдѣлокъ, требуемыхъ естественнымъ ходомъ жизни, развитія, безъ мира и даже безъ перемирія; они хотятъ имѣть друзей для удачной борьбы съ врагами, и не лю-

бать посредниковъ. И вотъ, для однихъ Александръ является опаснымъ либераломъ, возмутителемъ народовъ, ибо считаетъ необходимымъ признать законными извѣстныя формы, выработанныя тѣмъ или другимъ народомъ на пути своего историческаго развитія. Александръ является опаснымъ либераломъ за то, что первымъ условіемъ успѣха въ борьбѣ съ революціею поставлялъ избѣганіе реакцій, избѣганіе того поведенія со стороны правительствъ, которое вызываетъ революцію. Для другихъ Александръ являлся главою союза, направленнаго противъ свободы народовъ, потому что не считалъ согласнымъ съ интересами народовъ и ихъ свободы благопріятствовать подземной дѣятельности тайныхъ обществъ и солдатскимъ революціямъ. Ни одно изъ направленій, боровшихся за господство послѣ паденія Наполеона, не было довольно Александромъ, каждое высказывало свое неодобреніе его дѣятельности, и эти отзывы перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ, легли въ основу обсужденіямъ характера одного изъ самыхъ знаменитыхъ историческихъ дѣятелей. Умѣренный, снисходительный отзывъ заключался въ томъ, что характеръ Александра представлялъ загадку,—отзывъ легкій; не хочу дать себѣ трудъ изучить, объяснить явленіе—и объявляю его загадочнымъ. Если убѣжденія меттерниховскія, убѣжденія французской конгрегаціи не заключали въ себѣ ничего загадочнаго; если такою же ясностью отличались убѣжденія карбонарскія и другія, болѣе или менѣе къ нимъ подходящія, то также ясно было убѣжденіе Александра, что ни тѣ, ни другія не представляютъ ручательства за благосостояніе народной жизни, за ея правильное и спокойное развитіе. Что всякое одностороннее направленіе доступнѣе для толпы, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы направленіе неодностороннее было загадочнымъ. Другіе не останавливались на приведенномъ отзывѣ. Положеніе между крайностями, положеніе срединное, примиряющее, для толпы, для людей, неодаренныхъ тонкою наблюдательностію, всегда, или, по крайней мѣрѣ, очень часто, является чѣмъ-то двойственнымъ: человѣкъ, для соглашенія, постоянно обращается и къ той и другой сторонѣ, говоритъ языкомъ ей доступнымъ, выражаетъ свое сочувствіе къ извѣстной долѣ ея интересовъ и убѣжденій, но въ заключеніе требуетъ уступки явленію, началу непріятному, враждебному. Человѣкъ, сочувствующій соглашенію, понимаетъ всю естественность, необходимость и правду такого поведенія; но человѣкъ, отвергающій соглашеніе, какъ невыгодное для себя, раздражается, и у него готовы слова для заклейменія примирительнаго поведенія: двоедушіе, лукавство: «онъ только притворяется мнѣ сочувствующимъ, ибо въ то же время выражаетъ свое сочувствіе другому; онъ нынче

говоритъ и дѣлаетъ одно, завтра—другое, на него полагаться нельзя: измѣнчивый характеръ»; самый снисходительный отзывъ выразится тутъ словами: слабость, колебаніе.

Отзывы партій, крайнихъ направленій закрѣпляются въ книгахъ, написанныхъ людьми партій и повторяются въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ безъ изслѣдованія правды. Нѣкоторые очень хорошо понимали въ чемъ дѣло, понимали, что въ характерѣ Александра не было ничего загадочнаго; для нихъ было ясно его направленіе, направленіе примирительное; они не видали никакой слабости, колебанія, подчиненія то тому, то другому чуждому вліянію; но, преслѣдуя сами крайнее направленіе, полагая въ немъ спасеніе если не для всѣхъ, то для себя, они враждебно относились къ примирителю, мѣшавшему успѣху ихъ направленія, недобросовѣстно твердили о слабости характера Александра, его увлеченіи, и желая показать, что могущественный императоръ на ихъ сторонѣ, придумали нелѣпость, что его направленію противодѣйствуютъ его же министры. Но эти люди не умѣли выдерживать, проговаривались: прямо указывали, что у Александра есть своя система, свое направленіе, которому онъ неуклонно слѣдуетъ; а, по ихъ мнѣнію, это направленіе не поведетъ ни къ чему, примиреніе началъ, равновѣсіе между ними—дѣло несбыточное, мечта; направленіе Александра есть направленіе романическое. Когда пришло извѣстіе о кончинѣ Александра, то Меттернихъ писалъ: «Исторія Россіи должна начаться тамъ, гдѣ окончился романъ». Но черезъ 22 года,—въ ту роковую минуту, когда Меттернихъ, при видѣ разрушенія построеннаго имъ на пескѣ зданія, принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны, представился ли ему величественный, привѣтливый и скорбный образъ государя съ романическимъ направленіемъ? признался ли «дипломатическій геній», что въ «романѣ» было гораздо больше прочной дѣйствительности, чѣмъ въ *реальномъ* направленіи вѣнскихъ мудрецовъ?

Прошло сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго историческаго дѣятеля, слишкомъ полвѣка послѣ его кончины, и пора отозваться объ его дѣятельности исторически, научно. Всякій историческій дѣятель, въ извѣстной степени, есть произведеніе своего вѣка, и значеніе его дѣятельности опредѣляется тѣмъ, какъ онъ содѣйствовалъ рѣшенію задачъ своего времени относительно своего народа и относительно другихъ народовъ, въ обществѣ которыхъ его народъ живетъ, ибо эти двѣ стороны неразрывно связаны. Мы видѣли, что духовный организмъ Александра I-го сложился подъ вліяніемъ страшной политической бури, страшной борьбы между старымъ и новымъ, между разрушеніемъ и охраненіемъ.

Обязанный, по своему положенію, принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, Александръ, по свойствамъ своей личной природы, воспитанія и положенія, явился на поприще съ требованіями соглашенія, примиренія, и здѣсь высказался дѣятель времени, ибо время требовало покоя, отдохновенія послѣ борьбы, возможности разобраться въ развалинахъ и матеріалахъ, нагроможденныхъ сильнымъ движеніемъ. Спокойное, равноправное соглашеніе правительствъ касательно установленія внѣшнихъ отношеній между народами, спокойное и свободное, независимое установленіе внутреннихъ отношеній въ каждомъ народѣ—вотъ основаніе системы молодого русскаго государя. Но предъ нимъ предсталъ Наполеонъ, и прежде всего нужно было вступить въ страшную борьбу съ геніемъ войны, съ геніемъ революціи, стремившимся, посредствомъ насилія, перемѣнить видъ Европы. Александръ принялъ борьбу, которая представила небывалое въ исторіи явленіе. Съ одной стороны необыкновенный военный геній и необыкновенныя боевыя средства, необыкновенное приготовленіе къ бою; съ другой—сознаніе, полученное жестокимъ опытомъ, что ничего этого нѣтъ въ равной степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе принять борьбу и вести ее до конца, не отступая ни передъ какими жертвами, рѣшеніе, показывавшее силу нравственныхъ средствъ, давшую торжество въ этой, повидимому, столь неравной борьбѣ. Въ исторію человѣчества было вписано небывалое, по своему величію, явленіе. Военный геній дорогъ для народовъ, когда онъ служитъ ихъ защитѣ, утвержденію необходимаго для нихъ значенія, мѣста среди другихъ народовъ; но военный геній, поставившій себѣ задачею, постояннымъ упражненіемъ порабощеніе другихъ народовъ, есть явленіе, вовсе неидущее къ новой европейской исторіи, есть явленіе изъ міра древняго, языческаго, и соперникъ этого военнаго генія, уничтожившій его темную дѣятельность, не пощадившій для этого никакихъ усилій и жертвъ, ведшій неутомимо войну не для войны, не для покоренія, а для освобожденія народовъ, есть дѣятель по преимуществу новой европейской исторіи, дѣятель исторіи христіанской.

Россія имѣетъ полное право гордиться такою дѣятельностію своего государя и видѣть въ ней дѣятельность свою, народную. Вошедши въ общую жизнь европейскихъ народовъ съ большою силою, съ большимъ значеніемъ, Россія, по поводу важнѣйшихъ событій этой жизни, должна была высказаться, выразить характеръ своихъ стремленій. Народъ, чуждый завоевательныхъ стремленій по природѣ и по отсутствію побужденій искать чужого хлѣба, страна, по своей чрезвычайной обширности, довлѣющая

сама себѣ,—не могли явиться съ завоевательными стремленіями, они высказались въ защитѣ народовъ отъ насилій сильнаго. Этотъ характеръ Россія выразился въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ Семилѣтней войнѣ; въ XIX-мъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ борьбѣ Александра съ Наполеономъ. Народное слово было сказано, задача народной дѣятельности уяснена.

Послѣ сверженія Наполеона, Александръ приступилъ къ исполненію своей задачи, которую сознавалъ въ началѣ царствованія, о которой заявлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Мы видѣли, какъ трудна была эта задача, задача примиренія и соглашенія противоположныхъ направленій и безпрестанно сталкивающихся многоразличныхъ интересовъ. Александръ и здѣсь, въ борьбѣ съ препятствіями, обнаружилъ ту же твердость и выдержливость, какія показалъ и въ борьбѣ съ Наполеономъ; онъ явился неутомимымъ политическимъ бойцомъ, героемъ конгрессовъ, какъ Наполеонъ былъ героемъ битвъ. Европа послѣ революціонныхъ бурь и военныхъ погромовъ требовала прежде всего мира, спокойнаго улаженія, хотя на первое время, всего перевернутаго, переломаннаго во время этихъ бурь и погромовъ. Отсутствіе возможности общихъ мирныхъ совѣщаній и отсутствіе на этихъ совѣщаніяхъ могущественнаго авторитета, примиряющаго и соглашающаго интересы, охраняющаго все, что нуждалось въ защитѣ, въ подпорѣ для существованія и развитія,—отсутствіе такихъ совѣщаній и такого авторитета на нихъ повело бы къ страшной смутѣ, къ кровавымъ поминкамъ по революціи и Наполеонѣ, къ господству силы и насилія. Отъ этого Европа была спасена неутомимою дѣятельностію Александра, Агамемнона среди царей, пастыря народовъ: названія эти сохранятся за нимъ въ исторіи, въ исторіи эпохи, знаменитой самою сильною совокупною дѣятельностію народовъ.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЭПОХА КОАЛИЦІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

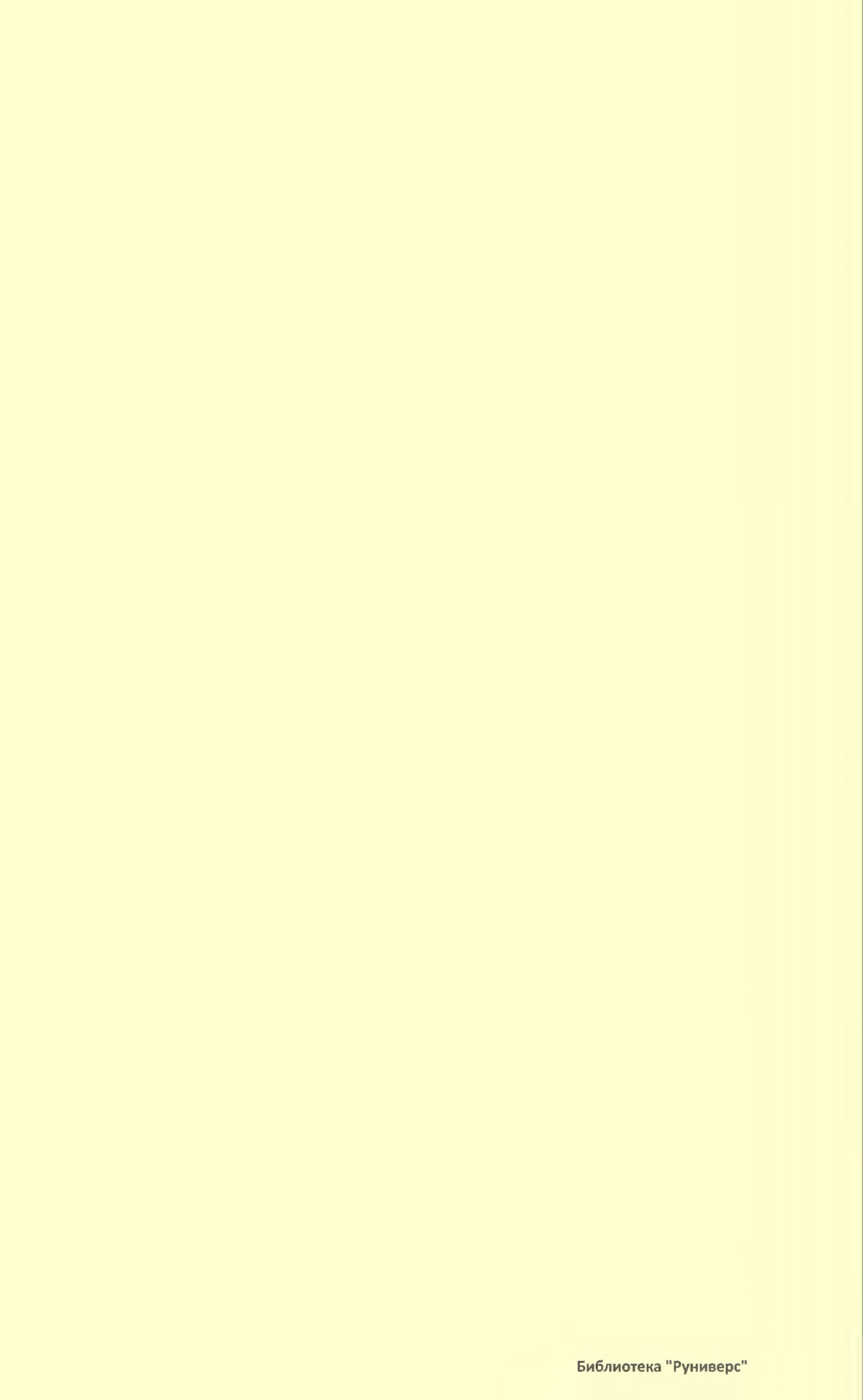
ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 2 лин., 7.

ОПЕЧАТКИ

СТРАН.	СТРОКА.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
5	9	междуличное	междоумочное
—	38	по интересамъ	интересамъ
36	37	рѣчь	роль
40	19	Наполеона	Наполеону
41	34	къ коалиціи	коалиціи
46	43	или другому	и другому
79	32	политикѣ	политики
84	32	между нами	между ними
118	2	мѣста заняли ихъ люди	мѣста ихъ заняли люди
112	34	которымъ	которому
171	31	Онъ возстановитъ	Она возстановитъ
216	37	Гардбенбергу	Гарденбергу
—	38	ъержава	держава
254	11	Петерволдау	Петервалдау




Библиотека "Руниверс"

